

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

ЮРИЙ МУХИН

КРАСНАЯ АРМИЯ

ПАРАД ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)
М 92

Мухин Ю.И.

М 92 Красная армия. Парад побед и поражений / Ю.И. Мухин. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 — 480 с. — (Тайны военной истории).

ISBN 978-5-906861-88-7

В своей книге выдающийся мыслитель современной России исследует различные проблемы истории Рабоче-Крестьянской Красной Армии — как общие, вроде применявшейся военной доктрины, так и частные.

Кто провоцировал столкновение СССР с Финляндией в 1939 году и кто в действительности был организатором операций РККА в Великой Отечественной войне? Как родилась концепция «блицкрига» и каковы подлинные причины наших неудач в первые месяцы боевых действий? Что игнорируют историки, сравнивающие боеспособность РККА и царской армии, и что советская цензура убрала из воспоминаний маршала Рокоссовского?

Большое внимание в книге уделено также разоблачению мифов геббельсовской пропаганды о невероятных «успехах» гитлеровских лётчиков и танкистов, а также подробному рассмотрению лжи о взятии в плен Якова Иосифовича Джугашвили — сына Верховного Главнокомандующего Вооружённых сил СССР И. В. Сталина.

**УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)**

ISBN 978-5-906861-88-7

© Мухин Ю.И., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

22 июня. Кто виноват?

Историю необходимо изучать, для того чтобы не повторять сегодня тогдашних ошибок своих предков, поэтому нам важно понять, что же тогда происходило?

Есть пропаганда военная и предвоенная. В это время все побоку, и есть только одно: мы русские, мы всегда побеждаем, и с нами Бог!

Но есть и военная история, и в ней нужно вскрыть все ошибки и выяснить все достоинства, чтобы в следующей войне максимально использовать достоинства и не повторять ошибки. (Вообще-то, если это использовать, то враг и не сунется.)

Можно объяснить обстоятельствами непреодолимой силы и Крымскую войну, и Японскую, и всю историю царизма, а общее тогдашнее мнение и немцев, и англичан о России, как о колоссе на глиняных ногах, считать русофобскими наветами. А зачем? Бездельным русским Ванькам будет на душе приятно, но деятельные русские будут введены в заблуждение, и ошибки не будут исправлены. Это очень надо?

В Первую мировую войну царская Россия тоже воевала с немцами, в той войне тоже были и примеры русской доблести, и примеры русской стойкости. Также были убитые, раненые, пленные. И вы понимаете, что чем более мужественен и более предан Родине человек, тем больше вероятности, что в бою его убьют, но в плен он не сдастся. А чем больше человек трус, тем больше вероятности, что он сдастся в плен, даже если еще мог сражаться. Давайте сравним эти две войны.

Для характеристики боевой стойкости армии есть показатель — количество пленных в расчете на кровавые потери, то есть количество пленных, соотнесенное к числу убитых и раненых. По русской армии образца 1914 года из расчета минимального количества 2,4 млн пленных этот показатель таков: на 10 убитых и раненых в плен сдавалось 1,9 офицера и 4,4 солдата. На 10 убитых генералов в плен сдавался 21 генерал.

Во ВМВ неизмеримо более сильным немцам, для того чтобы взять в плен одного советского офицера, нужно было убить или ранить 40 других офицеров. Для пленения одного солдата — около 34 солдат. На 10 убитых и пропавших без вести ге-

нералов 3,2 сдавшихся в плен, или надо было убить 3 советских генералов, чтобы один сдался в плен.

Чтобы в плен сдался или пропал без вести один советский офицер, нужно было убить 14 офицеров, чтобы сдался или пропал без вести один советский солдат, нужно было убить 10 солдат. Генералы и тут всю статистику портят, но и у них результат все же лучше, чем при царе.

Следовательно, при коммунисте Сталине боевая стойкость генералов была в 6,5 раз выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат выше в 17 раз! Не на проценты, а в разы!

Вот и оцените, что значит царская Россия и что значит Сталинская. 22 июня 1941 года на СССР напала практически вся вшивая Европа во главе с Германией, тем не менее можно ли было их разгромить у границ СССР? Да, можно было.

Виновато ли руководство СССР в поражениях начала войны? Безусловно, на то оно и руководство, чтобы быть виноватым в поражениях. Но руководство СССР состояло из руководства всем могуществом СССР — это Сталин. И было руководство вооруженными силами СССР, руководство фронтами, армиями, дивизиями, полками, батальонами, ротами, взводами и отделениями. Какого руководства и в чем вина — вот в чем вопрос!

Да, руководство может потерпеть поражение ввиду превосходящих сил противника, но ведь СССР победил в той войне, уже понеся огромные потери людей и оружия, значит, вопрос борьбы с противником в начале войны, когда еще не было этих потерь, не был не решаемым.

Ну и руководство может обусловить поражение, когда во главе его стоит предатель-подлец или дурак.

Но Советский Союз победил в войне, причем начал побеждать, когда Сталин взял на себя командование фронтами в условиях, когда СССР потерял уже 70 миллионов населения из 190, следовательно, Сталин не был ни предателем, ни дураком.

Кроме того, и в 1941, и в 1942 годах не все руководство, отвечающее за потери, вело себя одинаково — одни дивизии и армии отчаянно сражались, другие сдавались в плен.

Почему советский Западный фронт немцы разгромили тремя последовательными окружениями в самом начале боевых действий, с успехом исполняя свой план «Барбаросса», а на Северо-Западном фронте у них этот план сорвался, а у Юго-Западного фронта немцы ни одной советской дивизии не смогли окружить до середины сентября?

Вот, скажем, Северо-Западный фронт, первые три месяца войны. Защитники Лиепай удивили немцев своим упорством и мужеством, 237-я стрелковая дивизия полковника Тишинского разгромила более сильную дивизию СС «Мертвая голова», а многочисленные войска Красной армии, имевшие задачи оборону Даугавпилса, разбежались чуть ли не при одном виде немцев. Почему? Почему в 1941 году маршал Тимошенко разгромил 1-ю танковую армию немцев под Ростовом, а будущий маршал Жуков не смог окружить немцев под Ельней, почему войска Тимошенко окружили и уничтожили 34-й пехотный корпус под Ельцом, а Жуков в Московской битве дал немцам окружить и уничтожить 33-ю советскую армию? Почему?

Читаю книгу «Немецкий плен и советское освобождение» (Paris, 1987 год), в которой два бывших советских военнопленных сержанта, сбежавших после Победы в американскую зону оккупации Германии и оставшихся за рубежом, поливают помоями советскую власть, из-за которой якобы они и попали в плен. Оба яростно доказывают, что в том, что они сдались в плен, армия не виновата, а виноват только Сталин. Но, описывая обстоятельства сдачи в плен, оба, забыв про Сталина, вспоминают одно и то же. Ф. Черон, служивший в Белоруссии, пишет, что в день начала войны его полк в 4 часа утра подняли по тревоге и отвели в ближайший лес, чтобы спасти от авиационного удара немцев. И это была последняя команда полку, поскольку *«командного состава не было видно. До сих пор не представляю, что с ними случилось, куда делись старшие командиры полка. Словно их метлой смело. Красноармейцы бродили бесцельно и не знали, что делать. Разные слухи поползли, были преувеличенные, искаженные и часто неверные. Никто этих слухов не опровергал. Все принималось за чистую монету.*

...Создавшийся хаос в нашей части перешел в неорганизованное бегство. Не нашлось ни одного командира, чтоб установить какой-нибудь порядок. Получалось так, что они убежали, оставив на произвол судьбы своих красноармейцев».

В толпах этих абсолютно дезорганизованных солдат Черон и сдался в плен на третий день войны. А сержант И. Лугин сдался в плен в 1942 году во время окружения под Харьковом. Но и он пишет то же самое: *«В окружении исчезли командиры особенно высоких рангов. Этим отчасти объясняется, что наши части не сопротивлялись. Только уже в последний день перед пленом появился какой-то храбрый капитан и начал сколачивать группу прорыва. Собрал он около двух сотен бойцов».* Но прорыв не удался, капитан исчез, и Лугин сдался немцам, зачищавшим местность.

Об этом же пытались писать и советские солдаты, но цензура ЦК КПСС была начеку. У маршала Рокоссовского из воспоминаний были убраны обширнейшие куски текста, не соответствовавшие «линии партии». В частности, маршал в этих кусках вспоминал о таких проявлениях лета 1941 года:

«Анакануне в районе той же Клеваны мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия. В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому "окруженцу", велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово "полковник" он выдал из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло».

Судя по всему, немцы достаточно презрительно относились к советским генералам и офицерам, сдававшимся в плен, и не видели своих особых заслуг в пленении этого трусливого сброда. Пауль Карелл описывает историю одного, да и то попутно. Это командир 4-й танковой дивизии генерал-майор Потатурчев. Его дивизию немцы обошли, она практически не участвовала в боях, не считая бомбежек немецкой авиации, тем не менее она как соединение в несколько дней развалилась, а Потатурчев с несколькими офицерами, переодевшись в гражданское, бросил своих солдат и сбежал, сдавшись немцам в плен под Минском.

В ходе той войны на советско-германском фронте немецкие армии трижды попали в окружение советских войск: под Демянском около 100 тысяч немцев попали в окружение в январе 1942 года и больше года (до февраля 1943 года) сражались в окружении или полуокружении, пока не вырвались из мешка; в ноябре 1942 года 6-я немецкая армия попала в окружение под Сталинградом и больше двух месяцев сражалась как единое целое; под Корсунь-Шевченковским в янва-

ре 1944 года были окружены около 90 тысяч немцев, которые три недели сражались как единое целое, а затем пошли на прорыв и частично прорвались.

Немцы окружали советские войска, по моему счету, восемь раз: под Минском, под Смоленском, под Уманью, под Киевом, под Вязьмой в 1941 году; 33-ю армию в ходе Ржевско-Вяземской операции, войска Южного и Юго-Западного фронтов под Харьковом и 2-ю ударную под Ленинградом в 1942 году.

И только 33-я армия генерала Ефремова, отказавшегося бросить своих солдат, сражалась в окружении почти полгода, и 2-я ударная — три недели. Во всех остальных случаях, как только немцы окружали наши войска, кадровое офицерство практически немедленно прекращало управление ими, бросало солдат и сдавалось в плен либо пыталось удраить из окружения самостоятельно — без войск.

И вот когда начинаешь разбираться с подробностями этих боев, невольно приходишь к единственному выводу: да, в целом, командование Красной армии было на порядок лучше, чем командование царской. Но вина за те тяжелейшие потери, которые Советский Союз понес в первые годы войны, целиком обусловлена низким морально-профессиональным уровнем значительной части кадрового командования Красной армии.

Вина же политического руководства СССР — Сталина в том, что он не уничтожил в Красной армии гнусный дух царской армии и не организовал обучение и воспитание командования Красной армии так, чтобы оно имело целью защиту Родины во время войны, а не паразитирование на шее народа в мирное время.

СТРАТЕГ И ЗАВИСТНИК

Я занялся давно лежащими в моей библиотеке сборниками документов Великой Отечественной войны из серии «Русский архив», выпущенных Институтом военной истории Министерства обороны РФ в издательстве «Терра». В данном случае просмотрел четыре книги двенадцатого тома «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы». Кроме того, так уж получилось, но параллельно просмотрел в Интернете текст книги Дмитрия Шеина «Танковая гвардия в бою», которая тоже, по сути, является подборкой документов, но только не обо всей войне, а о боевом пути 3-й гвардейской танковой армии.

Несмотря на то что и названием сборника — «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы», и его объемом анонсируется публикация как бы всех документов, вышедших из Генштаба в годы войны, у меня в этом нет никакой уверенности. В предисловии не сказано, все ли документы публикуются, не сказано, по какому принципу отбирались документы для публикации (номера им дали сами публикаторы): о каких событиях составители сборника поместили в него документы, а о каких событиях — не поместили. В результате сборник получился странным, и у меня даже подспудно возник вопрос: а читал ли его еще кто-то, кроме меня? Дело в том, что не менее (на беглый взгляд) 90% опубликованных документов касаются перевозки войск из тыла на фронт, между фронтами и обратно в тыл. И эта масса распоряжений Генштаба о перевозке приводит к впечатлению, что войну выиграли исключительно железнодорожники (перемещения войск на большие расстояния походным порядком, были очень редкими). Причем чем дольше шла война, тем больше в сборнике именно таких документов о перевозках.

Понятно, что в обязанностях Генштаба был расчет технической возможности задуманных операций, а для их проведения требовалось сосредоточить войска, а для этого их нужно было перевезти, и все эти документы сборника — это «маневр Генштаба войсками». Все это понятно, но зачем помещать в сборник документы, по сути являющиеся типовыми, к примеру, вот такими:

«25 июня 1941 г.

Выполните перевозки:

1. Управления 7 ск, эшелоны № 10541–10571, погрузка — в Днепропетровске. Отправление: 26.6 — семь поездов, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут Знаменка — Фастов.

2. 196 сд, эшелоны № 10581–10613, погрузка — в Днепропетровске. Отправление: 29.6 — один поезд, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут тот же.

3. 20 сд, эшелоны № 10621–10653, погрузка — в Павлограде. Отправление 28.6 — два поезда, далее с темпом 12 эшелонов в сутки, маршрут ст. Нижнеднепровск — Знаменка — Фастов.

4. 147 сд, эшелоны № 10661–10693, погрузка — в Кривом Роге. Отправление 29.6 с темпом 12 эшелонов в сутки. Маршрут Долинская — Знаменка — Фастов.

Задание на погрузку дать начальнику передвижения войск Сталинской ж. д.»

Вот что этот документ, может дать историку? Что из него можно взять сегодня? Это, по сути, мусорная информация. А ведь именно таких распоряжений подавляющее большинство в тех почти 3,5 тысячах документов Генштаба, которые Институт военной истории опубликовал. Если бы документ о перевозке был дан всего один и с указанием, что он дан всего лишь для примера, то весь сборник сократился бы раз в 10 и стал бы доступным для чтения, а так...

Ладно. Если остальные документы, отправленные из Генштаба в ту войну, и не все опубликованы в сборнике, то вряд ли были изъяты такие документы, как планы боевых операций и их корректировка по ходу проведения. Так вот, подобных боевых распоряжений войскам в сборнике нет вообще! Если быть уж предельно точным, то раза три встречалось перенаправление Генштабом участвующих в операциях небольших соединений на иные цели. Ни Жуков в роли начальника Генштаба, ни сменивший его маршал Шапошников, ни Василевский, ни наиболее уважаемый Сталиным генерал Антонов во время войны как-то не стремились брать на себя ответственность за отдавание войскам боевых распоряжений.

Однако отсутствие боевых указаний, исходящих в войска из Генштаба, говорит только о том, что разработка планов боевых операций и руководство войсками если и велись в Генштабе, то не имели никакого значения без одобрения их Сталиным и без взятия им на себя ответственности за их исход. Если судить по опубликованным документам Генштаба, и

боевые приказы даже не очень значительных боев шли только от Сталина. Да, собственно говоря, и подавляющая часть всех остальных распоряжений Генштаба начиналось стандартно: «Верховный Главнокомандующий приказал...».

Естественно, напрашивается вывод: раз так, то только на Сталине лежит ответственность за поражения в начале той войны. Но тогда только ему принадлежит и слава победы!

Мне могут сказать, что были же наши славные маршалы победы, которые и разработали планы всех победных операций Красной армии. А Сталин к этим победам только примазался. Ведь, скажем, Г. К. Жуков в своем эссе «Коротко о Сталине», написанном незадолго до смерти самого Жукова, именно так и писал:

«Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией».

Как видите, по Жукову, Сталин был непричастен к разработке победных операций, на самом деле они проводились по блестящим планам Жукова и именно Жуков был их «организатором». И Жуков, как видите, до конца жизни не мог Сталину простить примазывания к его, Жукова, славе.

Но, что интересно — из упомянутой книги Дмитрия Шеина «Танковая гвардия в бою» можно узнать и некоторые подробности того, как Жуков разрабатывал операции, и насколько Сталин был к ним «непричастен». И у Шеина интересно еще и то, что три описанных Шеиным случая жуковских полководческих инициатив приведены автором не для того, чтобы раскритиковать Жукова, а случайно — только потому, что эти жуковские планы напрямую связаны с историей 3-й танковой армии, о которой Шеин и пишет. Нет сомнений, что за войну планов Жукова (плодов его ума) поступало к Сталину гораздо больше, но давайте посмотрим на судьбу тех жуковских замыслов, которые привел Шеин. Итак...

23 февраля 1944 года представитель Ставки маршал Г. К. Жуков и командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин представили Верховному Главнокомандующему план операции на Проскуровско-Черновицком направлении. Сталин идею провести эту операцию одобрил, но внес важное уточнение: обе танковые армии и гвардия должны ударить вместе, а не с разных направлений, как предлагал Жуков:

«1. Обе танковые армии — 3-ю гвардейскую Рыбалко и 4-ю Баданова — использовать с фронта главной группировки 60-й армии с задачей овладения районом Проскурова.

2. 1-ю гвардейскую армию усилить танками и самоходными орудиями за счет имеющихся во фронте танковых бригад и самоходных полков.

3. Наступление начать 3–5 марта.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов».

А 10 марта 1944 года маршал Жуков представил Верховному Главнокомандующему план наступательной операции фронта на Черновицком и Львовском направлениях:

«Докладываю:

1. По выполнении ближайшей задачи фронта, т. е. по овладении Тарнополем, Проскуровом, считаю возможным после пяти-, шестидневного перерыва продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр и тем самым отрезать южной группе войск немцев пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр.

2. Главный удар силами 1-й и 4-й танковых армий, 1-й гвардейской и 60-й армий (23 стрелковых дивизий), усиленных артиллерией и при поддержке всей авиации фронта, нанести из района Тарнополь, Волочиск, Проскуров в общем направлении на Чертков, Камене́ц-Подольск.

Вспомогательный удар силами 18-й и 38-й армий (19 стрелковых дивизий) нанести с рубежа Проскуров, р. Южный Буг до Райгорода в общем направлении на Новую Ушицу, Могилев-Подольский...

Наступление фронт может начать 20 марта. До 20.03 необходимо подтянуть артиллерию, произвести перегруппировку и подвезти горючее и боеприпасы.

Прошу утвердить план и начало операции».

Сталина этот план не удовлетворил, и в ответной директиве № 220052 от 11 марта Верховный Главнокомандующий указал:

«На ваши соображения, представленные ишфром 10.03.1944 за № 7210/ш, Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Изменить направление наступления 18-й и 38-й армий, подняв их к северо-западу и нацелив на Каменец-Подольский в соответствии с новой левой разгранлинией фронта, установленной директивой Ставки № 220051.

2. Не ограничиваться выходом левого крыла фронта на Днестр, а форсировать его с ходу, развивая удар на Черновцы с целью занятия этого пункта и выхода на нашу государственную границу.

3. После овладения рубежом Берестечко, Броды, Городище, Бучач продолжать наступление с целью овладеть районом Львов, Перемышль и выйти правым крылом фронта на р. Западный Буг, т. е. на нашу государственную границу, для чего перегруппировку произвести таким образом, чтобы усилить правое крыло фронта.

4. В ускоренном порядке доукомплектовать 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко с целью произвести перегруппировку сил, с тем чтобы возобновить общее наступление не позднее 20–21.03.1944.

5. 11-й танковый корпус остается в резерве Ставки и будет укомплектован во вторую очередь.

Ставка Верховного Главнокомандования

*И. Сталин
А. Антонов».*

И наконец, план наступательной операции на Западной Украине в направлении Вислы Г. К. Жуков представил Верховному Главнокомандующему 23 июля:

«В связи с выходом армий Киевского (кодовая фамилия маршала Конева) на р. Сан и форсированием ее частью сил докладываю наше решение по дальнейшему наступлению подвижных войск Киевского.

1. Армия Катюкова движется западнее р. Сан в район Домбровица, Сандомир, где и захватывает переправы на р. Висла. В дальнейшем Катюков захватывает район Кельце.

2. Армия Рыбалко действует левее Катюкова и выходит к Висле в районе устья р. Вислока, где и переправляется. После переправы через Вислу действует левее Катюкова, обходя Краков с севера.

3. Армию Лелюшенко после захвата Львова двигать в район Перемышль, Самбор с целью отрезания путей отхода таниславско-дрогобычской группировки противника.

4. Корпус Баранова после переправы через р. Сан в районе Радымно бросить в район Кросно с целью обеспечения фланга фронта и отрезания путей отхода перемышльской группировке противника.

Корпус Константинова выбрасывается на правый фланг фронта в район Красника для взаимодействия с люблинской группой 1-го Белорусского фронта.

5. Остальные армии действуют по плану.

6. Если с вашей стороны не будет возражений, принятое решение по использованию подвижных войск 1-го Украинского фронта будем проводить в жизнь.

Жаров
(кодовая фамилия маршала Жукова)».

Однако Сталин этот план вообще не принял. В директиве № 220152, которой Сталин ответил на следующий день, говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает ваш план использования танковых армий и кавкорпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок.

Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор, для чего:

1. 1-ю танковую армию Катюкова и 1-й гвардейский кавкорпус Баранова использовать для овладения районом Ярослав, Перемышль с целью отрезать основные пути львовской группировке противника на запад.

2. 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко и 4-ю танковую армию Лелюшенко использовать для разгрома львовской группировки противника и овладения городом Львов во взаимодействии с 60-й армией Курочкина. Имейте в виду, что, не овладев Львовом, как важным железнодорожным узлом, мы не можем развить серьезное наступление дальше на запад, в сторону Кракова.

3. 6-й гвардейский кавкорпус Соколова использовать для удара по тылам красноставской группировки противника в

общем направлении на Томашув, Красник и для разгрома ее во взаимодействии с 3-й гвардейской армией Гордова и левым крылом 1-го Белорусского фронта.

4. Наступление на запад в ближайшее время ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу этой реки.

5. Об отданных распоряжениях донести и к 26.07.1944 представить план дальнейшей наступательной операции фронта после овладения Львовом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин»

Сначала обратите внимание на скорость, с которой Сталин отвечал — на следующий день!

Итак, благодаря Д. Шеину, у нас получилась случайная выборка из трех оперативных замыслов Жукова. И только один из них был одобрен Сталиным, да и то «со скрипом», а два плана Жукова Сталин отверг и заменил на свои. Поэтому как-то особенно бессовестно звучит обвинение Жукова в том, что Сталин, дескать, отодвигал в тень «организаторов» таких побед, как Жуков. На самом деле, как видим, именно Сталин, по сути, и являлся их реальным организатором. И то, что Сталин «держал руку на пульсе» им же и задуманных операций (Жуков по глупости и на это жалуется), обзванивая командующих фронтами и армиями, доходя до командиров корпусов, скорее всего, и обуславливает то, почему из собственно Генштаба практически ничего не выходило в плане текущего руководства боевыми операциями Красной армии. Руководство ими полностью лежало на Сталине, и именно Сталин давал войскам все необходимые указания, причем давал очень быстро — «оперативно».

ШТРИШОК К ПОРТРЕТУ СТАЛИНА

Хочу написать даже не то что об историческом моменте, а всего лишь о намеке на один момент нашей истории, до сих пор остающийся незамеченным.

Начиная с Гражданской войны в СССР учреждались награды «за бой и за труд». Сталин не мог отказываться от награждения ими, поскольку это было бы пренебрежением к государственным наградам, хотя сам Сталин орденов никогда не носил, делая исключение лишь для звезды Героя Социалистического Труда, которая с момента присвоения ему этого звания в 1939 году время от времени появляется на его груди. Всего до войны у него было три ордена — Орден Ленина и два Красного Знамени.

В ходе войны он начал командовать всеми фронтовыми операциями и принял еще пять наград — один орден Ленина, два ордена Победы, один Красного Знамени и орден Суворова 1 степени (что касается еще одного ордена Ленина, то скажу о нем отдельно). То есть Сталин, как и все маршалы СССР, принимал полагавшиеся ему награды, поскольку и обязан был их принять, и, скорее всего, соглашался с тем, что он их заслужил.

Маршал Тимошенко, который полтора года накануне войны был наркомом (министром) обороны, прекрасно воевал во время войны и был награжден шестью орденами — одним орденом Ленина, одним орденом Победы, тремя орденами Суворова 1-й степени и одним Красного Знамени. То есть был награжден даже большим количеством орденов, нежели Сталин.

Маршал Ворошилов с 1925 года до начала 1940 года был наркомом обороны. Во время войны был награжден тремя орденами — одним орденом Ленина, одним орденом Суворова 1-й степени и одним Красного Знамени.

Звание Героя Советского Союза начали присваивать военачальникам с момента учреждения этой награды. Жуков, к примеру, имел это звание за Халхин-Гол, маршалы Кулик и Тимошенко — за финскую войну, а генерал Штерн за руководство войсками в Испании — за исполнение интернационального долга. То есть присвоение звания Героя Советского Союза высшему командному составу Красной армии было уже устоявшейся практикой. Соответственно, и во время Великой

Отечественной войны присвоение старшим военачальникам этого звания было продолжено, но уже в резко возросшем количестве. Некоторым это звание было присвоено дважды (маршалы Рокоссовский, Жуков), а по окончании войны и по ее итогам звание Героя Советского Союза вообще присваивалось чохом, и в списки награжденных генералов попали и такие, которых, по совести, полагалось бы расстрелять.

Однако маршалам Тимошенко и Ворошилову это звание не было присвоено ни в ходе войны, ни по ее итогам. Получается, что Сталин, утверждая списки представленных к присвоению звания Героя Советского Союза, этих полководцев просто вычеркивал, хотя на протяжении всей войны соглашался с награждением их полководческими орденами. К примеру, Сталин трижды представил Тимошенко к награждению высшим полководческим орденом Суворова 1 степени (у Жукова их всего два, у Сталина один), представил Тимошенко и к награждению уникальным орденом Победы, то есть считал, что Тимошенко эти ордена заслужил. Но героем его не считал! Почему??

Еще момент. Ни один комиссар (потом «член военного совета») не стал Героем Советского Союза. Хотя таких политработников, как Хрущев, Брежнев и особенно Мехлис, невозможно обвинить в трусости. Комиссар Поппель, 800 км по тылам немцев выведивший с боями остатки своего корпуса, писал, что такое указание в отношении комиссаров было получено с начала войны.

Так почему в понимании Сталина довоенные наркомы и вообще все комиссары не герои?

Думаю, что дело вот в чем.

К 22 июня 1941 года Красная армия имела от советского народа все для разгрома немцев — прекрасный человеческий материал (даже Жуков считал главным фактором победы молодого советского солдата), вполне современные оружие и технику, и, главное, все это в количествах, превосходивших оружие и технику немцев. Красная армия имела достаточно боеприпасов, горючего и снаряжения. Но потерпела в 1941 году позорные поражения, отдала немцам огромные территории СССР и почти 40% населения. Мучил ли Сталина вопрос «почему?»? Думаю, что мучил от начала войны и всю оставшуюся жизнь. И думаю, что причину этих поражений он увидел в той мерзости, которую проявил в войне кадровый командный состав Красной армии, увидел массовую подлость, предательство, трусость, неумение воевать и презрение к жизни солдат. Всю эту гнусность кадровый командный состав Красной ар-

мии сохранял и сохранил в неприкосновенности от царского офицерства, и на начало войны эта царско-офицерская мерзость в Красной армии осталась неискорененной.

А за качество кадрового командного состава армии отвечали министры обороны и комиссары.

Но почему Сталин об этом ни разу не упомянул ни словом? Потому что ни о чем подобном нельзя было говорить вслух во время войны и сразу после нее. Начни говорить об этой генеральско-офицерской подлости или даже расстреливать за нее во время войны — и доверие к командному составу рухнет, соответственно, армии не станет, но и с победой над немцами и японцами военная угроза для СССР постоянно сохранялась ввиду превосходства США в атомном оружии.

Ну а как же сам Сталин? Он же вождь, разве его вины в таком составе командования Красной армии нет? Да, он был вождь, да, на нем ответственность лежала за все. И, если я правильно понимаю, Сталин эту свою вину понимал и принимал.

Когда сразу после окончания войны с немцами все командующие фронтами подписали коллективное ходатайство в Президиум Верховного Совета присвоить их главнокомандующему звание Героя Советского Союза, то Верховный Совет СССР эту просьбу удовлетворил — присвоил Сталину это звание с вручением Золотой Звезды и ордена Ленина. Но Сталин категорически отказался принимать знаки этих наград, и впервые они появились только на подушечках возле его гроба. (Потом уже художники на его портретах стали подрисовывать и звезду, и еще один орден Ленина, но при жизни Сталин их не то, что не носил, а и не получал). Не считал себя Сталин Героем Советского Союза.

Вот такой штришок к портрету Сталина.

МОЛНИЕНОСНАЯ ВОЙНА

Молниеносная война. Как это?

Все историки до настоящего времени, объясняя, что такое молниеносная война, ограничиваются банальностями, ничего не объясняющими, к примеру, уверяя, что все дело в том, что у Германии было много танков и самолетов. То есть что молниеносная война — это «война моторов».

Начало такому объяснению положил, пожалуй, британский генерал, теоретик механизации войск и историк Джон Фуллер: *«Кампания показала (1940 года против Франции. — Ю.М.), что перед лицом атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или из поспешно возведенных полевых укреплений, какие неоднократно останавливали наступающего в Первую мировую войну, оказалась наихудшим видом обороны; когда танковые силы противника прорывали оборонительную полосу, защитники не могли сосредоточить свои войска для контратаки...*

Далее, германо-польская война показала, что части прикрытия, в задачу которых входит наблюдать за противником и задерживать его, а не ввязываться в решительную схватку, должны обладать очень большой подвижностью, чтобы быть в состоянии быстро наступать и отступать». Короче, если у тебя в армии много моторов, то и войну ты проведешь молниеносно. Но ведь в 1940 году и у англо-французских союзников танков и самолетов было столько же, а в 1941 году у СССР этого добра было в разы больше. И что толку?

К. Клаузевиц, подробнее о котором ниже, писал: *«Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно».* Честно говоря, я тоже так думал, но, читая современных историков и аналитиков, прихожу к мысли, что либо Клаузевиц сильно польстил современникам, либо в XIX веке людей со здравым умом было существенно больше, чем сегодня.

К примеру, скопировал я длинную статью Алексея Исаева (популярного молодого российского историка) «Инструмент «блицкрига». Интригу первого абзаца осилил легко: *«Внуши-*

тельные успехи танковых войск Германии в период «блицкригов» 1939–1942 годов уже много лет остаются одной из загадок Второй мировой войны. Целые государства рассыпались, словно карточные домики, под ударами танковых клиньев». Далее начал читать, вернее, продираться сквозь:

«...Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 Pz.I, 1092 Pz.II, 143 Pz.35(t), 238 Pz.38(t), 381 Pz.III, 290 Pz.IV и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танков. Французская армия имела 1207 легких танков R-35, 695 легких танков H-35 и H-39, примерно по 200 танкеток AMC-35 и AMR-35, 90 легких FCM-36, 210 средних D1 и D2, 243 средних Сома S-35, 314 тяжелых В1 различных модификаций... Перед французской кампанией рота средних танков по штату от 21 февраля 1940 г. состояла из восьми танков Pz.IV, [364] шести Pz.II и одного командирского танка на шасси Pz.I. Штат KStN.11751 от 1 февраля 1941 года (1 KStN. (Kriegsstärkenachweisung) — штаты военного времени (нем.)) предусматривал в составе роты средних танков 14 танков Pz.IV и 5 Pz.II. Фактически во всех танковых дивизиях к началу «Барбароссы» отсутствовал 3-й взвод в роте, и она насчитывала 10 Pz.IV... Это позволяло перемещать взвод на пяти легких грузовиках Kfz.70 (Krüpp [377] “Protze” L2H143, Steyer 1500A, Horch-108, Horch-801, Mercedes-Benz L1500A)... 14-я танковая дивизия состояла из трех танковых батальонов, которые на 20 июня 1942 года насчитывали: 14 танков Pz.II, 41 танк Pz.III с 50-мм короткоствольным орудием, 19 [380] танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 20 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм «окурком», 4 танка Pz.IV с 75-мм длинноствольным орудием и 4 командирских танка. 16-я танковая дивизия в начале второго сражения за Ростов 1 июля 1941 года насчитывала 13 танков Pz.II, 39 танков Pz.III с 50-мм короткоствольным орудием, 18 танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 15 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм орудием, 12 танков Pz.IV с 43-калиберным 75-мм орудием и 3 командирских танка. На тот же день 1 июля 1942 года 22-я танковая дивизия (тогда еще двухбатальонная) насчитывала 28 танков Pz.II, 114 танков Pz.38(t), 12 танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 11 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм орудием и 11 танков Pz.IV с 43-калиберным 75-мм орудием».

М-да... Что поделать — умным быть не запретишь!

Поэтому плюнул на текст и сразу перешел к выводам, которые Исаев сделал об «инструменте блицкрига». По его просвещенному этими Pz.38(t) и Pz.IV мнению, «инструмент блицкрига» таков:

«В 1934–1940 годах в Германии была создана весьма совершенная организационная структура танковых войск, позволявшая динамично проводить операции огромного масштаба и значимости. Моторизованные (танковые) корпуса Вермахта, одним из которых командовал Э. фон Макензен, стали опорой “блицкрига”. Поэтому в поисках причин успехов Германии в начальном периоде войны нужно обратить свой взгляд именно на них, а не на мифические и реальные недостатки собственной армии. В руках у противника был своего рода “меч-кладенец”, симметричного ответа которому не удавалось найти довольно долго. Эквивалентом немецких танковых корпусов в СССР стали танковые армии, первое успешное выступление которых относится к периоду Сталинградской битвы. К осени 1943 года организационная структура танковых армий была окончательно сбалансирована, и они стали инструментом успешных наступательных операций Красной армии 1943–1944 годов». Это все.

По Исаеву, получается, что в войне молниеносно победит тот, кто:

- создаст танковые корпуса по аналогии с немецкими танковыми дивизиями;
- будет шесть лет вести войну;
- торжественно подпишет полную и безоговорочную капитуляцию.

Как хотите, но мне показалось, что этого маловато будет для понимания того, как и чем вести молниеносную войну. Ведь если немцы даже с СССР и даже «молниеносно» воевали (по самому же Исаеву) полтора года до Сталинградской битвы, так и не сумев добиться победы, и в результате вместе со своими танковыми дивизиями войну проиграли, то ведь очевидно, что молниеносность первых этапов Второй мировой войны определили не танковые дивизии и не немцы, а те страны, с которыми немцы молниеносно воевали. Определило то, что Исаев считает несущественным.

Вот поэтому я и взялся за эту работу. Ведь я в полном смысле этого слова не историк, я политик. Политик, изучающий историю не ради гонораров или праздного любопытства, а для того, чтобы сегодня использовать находки предшественников и не повторить их ошибки. И если я не разберусь с этим вопросом, то кто, кроме меня?

Растерянность политиков

У молниеносной войны есть феномен, который до сих пор обойден вниманием даже тех исследователей, которые начали заниматься ее молниеносностью сразу же после окончания

Второй мировой войны — по свежим следам. Скажем, помянутый британский военный аналитик Д. Фуллер ни слова не написал об этом феномене в своей книге «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор», вышедшей из печати еще в 1948 году.

Этот феномен — полная неожиданность подобного рода войны для всех ее участников и свидетелей.

Поясню эту мысль на примере ядерной войны. Ядерной войны в мире еще не было, но ведь, случись ядерная война, ее начало, да, может быть внезапным, но сама по себе она не будет неожиданной: о ней знают с момента создания ядерного оружия и ее ждут, а само понятие такой войны и термин для нее уже готовы.

А вот термин «молниеносная война» (blitzkrieg, «блицкриг») возник только после победы нацистской Германии над Польшей в 1939 году и возник потому, что (с учетом общих сил вступивших в войну государств и численности их вооруженных сил) кратковременность этой войны была действительно феноменальной. Ранним утром 1 сентября 1939 года немецкий бронепоезд сделал первый выстрел в этой войне, а уже 17 сентября 1939 года правительство Польши и командование ее вооруженных сил сбежали из страны, так сказать, не попрощавшись ни с народом, ни с вооруженными силами. А ведь вооруженные силы Польши считались в Европе одними из самых сильных!

Причем, что в данном случае особенно интересно, сама эта молниеносность (быстрота) войны с Польшей оказалась неожиданной и для главных действующих лиц этой войны.

Пожалуй, наименее глупо выглядит правительство СССР, уже хотя бы потому, что Советскому Союзу отводилась роль нейтральной страны, и РККА незачем было готовиться к войне с Польшей. Однако Гитлер, боясь предстоящей войны, все же хотел втянуть СССР в конфликт с Польшей на своей стороне, и еще 29 августа Германия пригласила СССР тоже ввести войска в Польшу в сферу влияния СССР. Но правительство СССР отказалось, и отказалось на том основании, что Германия с Польшей еще могут заключить перемирие. То есть самым худшим сценарием развития событий для Польши СССР считал заключение ею сепаратного перемирия с Германией, а судя по тому, как он помогал Польше перед войной и в ее начале, Советский Союз был уверен, что Польша с союзниками Англией и Францией окажутся победителями.

И лишь когда немцы проинформировали СССР, что румыны уже ждут у себя удирающих правительство и генералитет

Польши, когда стало ясно, что Польского государства уже нет, когда стало ясно, что немцам просто не с кем заключать перемирие, в Советском Союзе началось организационное движение. Только 9 сентября СССР спешно объявил мобилизацию и начал создавать два фронта для похода в Польшу. Для мобилизации СССР надо было 15 дней, то есть приказы на боевые действия создаваемым в спешном порядке фронтам должны были быть даны где-то к 24 сентября. А на самом деле советские соединения, не успев полностью отмобилизоваться, уже 17 сентября вынуждены были входить на территорию бывшей Польши для защиты западных украинцев и белорусов от оккупации их немцами — практически через неделю после начала мобилизации!

То есть у правительства СССР и мысли не было, что война может протекать так быстро и закончиться полным уничтожением Польши как государства, иначе СССР, чтобы успеть провести мобилизацию, объявил бы ее еще в августе.

Совершенно глупо выглядят союзники Польши.

Англия, объявив Германии войну 3 сентября, вообще не имела армии, способной высадиться на континенте, поскольку полагала, что успеет отмобилизовать необходимые силы за время, пока агрессию немцев будут сдерживать поляки и французы.

Согласно франко- и англо-польскому договорам Франция обязывалась в случае германской агрессии против Польши немедленно провести ряд наступательных операций с ограниченными целями против немецкого Западного фронта, и лишь после 15-го дня мобилизации, отмобилизовав армию, французы должны были организовать широкое наступление на Германию основными силами.

Англия и Франция объявили мобилизацию 1 сентября, а 3-го вступили в войну, и уже 5 сентября Франция, исполняя договоренность с Польшей, действительно провела частную наступательную операцию. Но представитель французской армии при польском Генштабе уже 10 сентября доложил в Париж, что в польской армии царит полнейший хаос, главное польское командование практически не имеет связи войсками, практически не имеет никакой информации о продвижении немцев и положении собственных войск и что польская армия, собственно, уже разгромлена.

Правящие круги Англии и Франции (особенно Англии) так презрительно отказавшиеся от помощи СССР в войне с немцами, потому что верили в военную мощь Польши, оказались в положении идиотов. Идиотов, не способных оценить об-

становку даже в такой переполненной «профессионалами» и «аналитиками» сфере, как война.

Со своей распиаренной гениальностью точно так же — глупо — выглядит и самый застенчивый участник Второй мировой войны — международное еврейство — сионисты. Решая свою внешнюю задачу — создание метрополии (государства Израиль), — международное еврейство хотя и тайно, но опрометчиво выступило на стороне Гитлера и, лишь когда выяснилось безусловное поражение Германии в войне, переметнулось на сторону победителей. Создание метрополии международного еврейства отодвинулось на 1948 год и произошло с помощью победителей во Второй мировой.

Но, что особенно поразительно, совершенно глупо выглядят герои и авторы молниеносной войны — немцы.

Немцы боялись войны и не были уверены не то что в ее молниеносном характере, а и вообще в собственной победе. Они высоко ценили свою армию и ее основу — пехоту, — но из-за скорости формирования своих вооруженных сил не были уверены в их боевом духе уже в силу того, что война с Польшей была первой, а армия Германии еще не приобрела ни профессионального опыта, ни моральной уверенности. По мобилизации была сформирована 51 немецкая дивизия, в которых кадрового состава было по 5%. И в принципе, в этой оценке своей армии немцы не ошибались — их армия и показала свою слабость. Уже после победы над Польшей немецкий генерал фон Бок докладывал в Генштабе сухопутных войск свои впечатления от немецких войск: *«Той пехоты, которая была в 1914 году, мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы. Все базируется на командном составе, а отсюда — потери в офицерах. Пулеметы на переднем крае молчат, так как пулеметчики боятся себя обнаружить»*.

Главкомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич также не был доволен войсками и спустя полтора месяца после победы над Польшей. 5 ноября он в присутствии Гитлера высказал свое суждение о них:

«1. Пехота показала себя в польской войне безразличной и лишенной боевого наступательного духа; ей не хватало именно боевой подготовки и владения наступательной тактикой, также и ввиду недостаточного умения младших командиров.

2. Дисциплина, к сожалению, очень упала: в настоящее время царит такая же ситуация, как в 1917 г.; это проявилось в алкогольных эксцессах и в распущенном поведении при пере-

бросках по железным дорогам, на вокзалах и т. п. У него имеются донесения об этом, в том числе и военных комендантов железнодорожных станций, а также ряд судебных дел с приговорами за тяжкие дисциплинарные проступки. Армия нуждается в интенсивном воспитательно-боевом обучении, прежде чем она сможет быть двинута против отдохнувшего и хорошо подготовленного противника на Западе».

И Гитлер, разумеется, слабость своей армии знал, поэтому, собрав боссов партии, министров и депутатов рейхстага за три дня до войны, 28 августа 1939 года, Гитлер сообщил, что минимальные требования от Польши: *«Даницинг, решения вопроса о коридоре»* — то есть минимум, позволяющий начинающей войну Германии сохранить лицо в случае ее окончания вничью. А максимальные требования — *«в зависимости от складывающейся обстановки»*, то есть от того, каковы будут успехи в боях. Но он закончил: *«Война очень тяжелая, возможно безнадежная. Но пока я жив, о капитуляции не будет и речи»*. Сами понимаете, начинать войну с мыслями о капитуляции непросто, тут о ее молниеносности уже не думают.

Поэтому когда 7 сентября поляки предложили немцам перемирие (а их армия уже всюду удирала от немцев на всех фронтах), то обрадованные немцы сформировали свои требования, которые начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записал в дневнике: *«Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой — Польше; промышленный район — нам; Краков — Польше; северная окраина Бескидов — нам; области (Западной) Украины — самостоятельны»*. Как видите, в этих требованиях и мысли не было о ликвидации Польши как государства, и хотя немцы уже заняли Краков, но, как видите, собирались даже его вернуть полякам.

Но это прошляпили политики, а что генералы?

Растерянность генералов

Немецкого фельдмаршала Э. Манштейна иностранные историки считают самым блестящим стратегом рейха и самым опасным противником союзников, мало этого, даже его ревнивые к военной славе коллеги отдают ему должное. Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) В. Кейтель в мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме незадолго до казни, писал: *«Я сам трижды советовал Гитлеру заменить меня фон Манштей-*

нам». Немецкий теоретик и практик танковых войск Г. Гудериан дает Манштейну такую оценку: *«Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями — наш самый лучший оперативный ум»*. После войны Манштейн написал мемуары «Утерянные победы», абсолютно лживые в части, касающейся его собственного авантюризма, но, отдам ему должное, по степени осмысления боевых действий, целей и задач войск Манштейн действительно заслуживает внимания.

Но вот посмотрите на попытку Манштейна осмыслить, что такое эта самая молниеносная война:

«Польская кампания в то время получила название “молниеносной войны”. Действительно, эта кампания по скорости ее проведения и результатам являлась единственной в своем роде, пока впоследствии наступление немцев на западе не явилось подобным же достижением, но в еще больших масштабах.

Чтобы, однако, правильно оценить события, надо учесть сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей.

Действительно, эта кампания должна была быть выиграна немцами, если учесть гораздо более благоприятную для них обстановку перед началом военных действий, а также их превосходство при наличии двух предпосылок:

— во-первых, если бы немецкое командование пошло на большой риск на западе, чтобы располагать необходимым превосходством сил на востоке;

— во-вторых, если бы западные державы не воспользовались этими рискованными действиями, чтобы своевременно прийти на помощь полякам.

Не подлежит сомнению, что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было бы учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрачивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что нельзя было удержать. Оно должно было бы, наоборот, с самого начала кампании сосредоточивать свои силы на решающих участках, систематически преследовать цель выиграть время, повернуть немцев в настоящую пучину войны на два фронта. Храбрость, с которой польские войска сражались до последнего момента, создала бы польскому командованию возможность продержаться до того момента, пока союзники, выйдя на Рейн, не застави-

ли бы командование германской армии раньше времени прервать польскую кампанию. Таким образом, как уже однажды выразился граф Шлиффен, побежденные и на этот раз внесли свою лепту в дело победы, одержанной противником.

С другой стороны, необходимо, однако, признать, что быструю и решительную победу, одержанную в польской кампании, следует все же приписать не только влиянию благоприятной оперативной обстановки, но и достигнутому благодаря большому риску превосходству на стороне немцев, лучшему управлению войсками и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важную роль в достижении высоких темпов проведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений и поддержка авиации, обладавшей подавляющим превосходством. Но решающим фактором, вероятно, наряду с неоднократно испытанной храбростью немецкого солдата и его готовностью к самопожертвованию, был наступательный порыв, который овладел немецким командованием и войсками. Насколько очевидно, что техническое оснащение армии в значительной степени объясняется энергией Гитлера, настолько же ясно, что одно превосходство в вооружении ни в коей мере не могло обеспечить такой быстрой и решительной победы.

Самым важным, однако, было то, что тот маленький рейхсвер, на который многие в свое время смотрели сверху вниз, сумел спасти после поражения во время первой мировой войны и оживить великие немецкие традиции в области обучения и вождения войск. Новая немецкая армия — детище этого рейхсвера — была, очевидно, единственной армией, сумевшей преодолеть вырождение войны в позиционную войну или, как выразился генерал Фуллер в отношении боевых действий в последний период Второй мировой войны, в “торговлю железом”. Германской армии удалось с помощью новых средств борьбы снова овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии — вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, — вот в чем состоял секрет успеха. А это наследство опять-таки сохранил и передал дальше рейхсвер. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Командование сухопутных сил еще могло действовать без чужого вмешательства. Командующие еще имели в своих руках всю полноту власти. Войска еще могли проводить операции чисто военного характера, и поэтому они еще носили благородный характер».

Во-первых, как следует из начала цитаты, Манштейн и даже через много лет после войны не рискует сделать вывод о том, что немцы, начиная ее, хотя бы мечтали провести ее молниеносно (сам термин появился уже после войны). И даже много лет спустя после войны Манштейн путается в догадках, что вызвало эту молниеносность? Манштейн представил «инструментов блицкрига» и больше, чем сумел наковырять в носу А. Исаев, и они другие:

1. Отсутствие второго фронта.
2. Бездарность польских генералов.
3. Гений Гитлера в оснащении войск новой техникой (танки и самолеты).
4. Мужество немецких солдат.
5. Мастерство немецких генералов.
6. Самостоятельность немецкого командного состава в деле управления войсками.

Отдадим должное — Манштейн специально оговаривает, что само по себе превосходство в силах и технике не могло привести к такому результату войны. Да и остальные перечисленные Манштейном факторы победы, безусловно, имеют место быть, но сами по себе они уж очень сомнительны в случае объяснения ими молниеносности войны.

Отсутствие реального второго фронта никак не помогло немцам в войне с СССР, бездарность советских генералов — тоже, в мужестве немецких солдат накануне польской кампании обоснованно сомневались, как вы видели выше, достаточно компетентные немецкие генералы и даже считали его ниже, чем накануне Первой мировой войны. Мастерству немецких генералов и их самостоятельности нужно отдать должное, и я это сделаю, но ведь их мастерство и их самостоятельность сам Манштейн возводит к армии кайзера, однако кайзеровская армия проиграла Первую мировую войну, не смотря на эти качества.

Этот набор факторов никак не объясняет и последующие молниеносные кампании Германии, скажем победу Германии над Францией за 39 дней боев. Никакими вторыми фронтами, превосходством оружия и техники (которых на самом деле не было) или искусством немецких генералов не объяснить, почему Франция в Первую мировую воевала 4 года и, потеряв убитыми миллион солдат, победила и почему она в 1940 году, потеряв всего 100 тысяч солдат, сдалась.

Из этих размышлений Манштейна следует, что и он даже через много лет после войны по-настоящему не понял, что же произошло, в чем были причины молниеносности немецких

побед в войнах (кампаниях) начала Второй мировой войны? И в объяснении Манштейн дает стандартный набор причин, который годится для любой войны, в том числе и позиционной, но никак не объясняет причин молниеносности войны.

Как видим, молниеносность войны упала на немецких генералов как снег на голову, и дать ей объяснения они просто не могут. И не только немецкие генералы.

С начала Второй мировой войны и до 22 июня 1941 года у немцев все войны были молниеносными, и, казалось бы, в тот момент у военных профессионалов не должно уже было быть проблем предсказать итог любой новой войны, начатой немцами. Но британский разведчик и историк Лен Дейтон свидетельствует: *«Как только стало известно о начале операции “Барбаросса”, практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпал такими же неточными прогнозами: фельдмаршал сэра Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.*

Прорицатели могли смело запечатывать конверты со своими предсказаниями скорой победы вермахта: Польша была завоевана за 27 дней, Дания — за 24 часа, Норвегия — за 23 дня, Голландия — за 5, Бельгия — за 18, Франция — за 39, Югославия — за 12, Греция — за 21 день и Крит за 11. С другой стороны, Красной армии потребовалось больше трех месяцев, чтобы разгромить финнов. Разве этих цифр было недостаточно для того, чтобы подсчитать, что Гитлер будет в Москве задолго до Рождества?»

Не лучше выглядит и Гитлер, вот свидетельствует министр вооружений нацистской Германии Альберт Шпеер (время подслушанного им разговора — июнь 1940 года): *«Гитлер прогуливался перед своим домом по усыпанной гравием дорожке с Йодлем и Кейтелем, когда адъютант доложил ему, что я хотел бы попрощаться. Меня велели позвать, и, приблизившись к этой группе, я услышал, как Гитлер в продолжение разговора произнес: “Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра”. В отличном настроении Гитлер попрощался со мной, передал сердечные приветия моей жене и посулил в самом непродолжительном*

времени приступить к обсуждению со мной новых планов и макетов».

Германия не только не победила Советский Союз к рождению 1941 года, но и, потеряв семь из каждых своих восьми дивизий на Восточном фронте, вынуждена была сдаться на милость СССР.

Как видите, никто из британских, американских и немецких генералов и аналитиков не увидел полного отсутствия факторов молниеносности в предстоящей войне Германии и СССР! Так чего стоят в вопросе того, что такое молниеносная война, разъяснения генералов и военных специалистов? Есть легкомысленная поговорка, что даже с самой красивой женщины нельзя снять больше, чем с нее можно снять, и в нашем случае даже с самого выдающегося генерала нельзя получить объяснений больше, чем он может дать.

Забегая вперед, отмечу: отсюда следует, что молниеносность войны — это не уровень генералов, их уровень — это победа в сражении, а победа в войне — это вопрос более высокого уровня. Что, в общем, понятно и относится к любой войне — и молниеносной, и затяжной. Разумеется, принципы побед в сражениях, разработанные немецкими генералами, — это очень важно, и это будет рассмотрено, но еще раз подчеркну: сражения сражениями, а война войной. Англичане говорят, что могут проиграть все сражения войны, кроме последнего, вот и немцы во Второй мировой выиграли все сражения, кроме последнего, но вина в этом лежит не на немецких солдатах и генералах — они были так же хороши и даже лучше, чем тогда, когда они выигрывали сражения.

Подытожив, следует сделать вывод, что вот эта плохо скрытая растерянность политиков и генералов при виде молниеносности начала Второй мировой говорит о том, что в дело войны вмешалась сила, которая ими совершенно не была учтена. И, добавлю, на сегодня не учитывается по меньшей мере массами тех, кто интересуется войнами.

Ответственность народа за все и всех

Было время, когда территории всех стран заселяли люди, не имеющие никакого отношения к войне и армиям. Но этих людей периодически грабили, уводили в рабство и даже иногда убивали. Чтобы этого избежать, люди платили дань (налог) королю, царю, князю или еще какому бандиту, которые на эту дань нанимали профессиональных воинов и защищали тех, кто им платил дань — своих подданных. При этом время от времени, из алчности или чтобы не забыть ремесло, эти мо-

нархи сами пытались ограбить тех, кто им дань не платил, — подданных иных монархов. Но даже если своему монарху и не сиделось на месте и он шел войной на соседа, то его народ в этом не был виноват (хотя за это расплачивался).

И до второй половины XIX века было именно такое разделение труда — был народ — нонкомбатанты, — которому в принципе было все равно, кому платить дань, и были профессионалы войны — монархи, генералы, офицеры и солдаты, — комбатанты, которые и воевали. Война была вне народа, народ, правда, ее оплачивал, порою своим разорением, но ни на подготовку и дух армии своего монарха, ни на объявление войны, ни на протекание военных действий никакого влияния народ не оказывал.

Для того времени выработались принципы побед в таких войнах, а для каждого периода развития техники и технологии (развития средств ведения войны) вырабатывались оперативное мастерство и тактика.

Тем не менее, и как ни странно, но и сегодня масса исследователей смотрит на войну так, как будто мир еще состоит из монархов со своими дружинами и из их подданных, не имеющих отношения к войне. Но ведь это уже давно не так.

Со второй половины XIX века во всех основных государствах мира в той или иной степени была введена всеобщая воинская повинность, сделавшая народ и армию одним целым. Одновременно настолько возросла сложность оружия, его количество и стоимость, что и в экономическом смысле народ и армия объединились, поскольку армия без непрерывного снабжения из тыла немедленно становилась небоеспособной. Таким образом, тыл с его как бы мирным населением тоже стал воюющей стороной, тоже стал комбатантом и, само собой, объектом военных действий — объектом уничтожения.

Но и это не все. С начала прошлого века практически исчезли суверенные монархии, формально власть перешла неким людям, которые в той или иной степени избираются всем народом. Таким образом, вина за агрессию и последствия войны тоже фактически легла на весь народ, поскольку он избрал этих людей. Заметим, что на сегодня наиболее устрашающее оружие — ядерное — как раз и предназначено в своей массе всему народу, поскольку эффективность применения его против собственно вооруженных сил противника весьма сомнительна.

Таким образом, сегодня в народе, точнее в его государстве, объединились все аспекты силы, присущие архаической армии: и правовые, и моральные, и технические. С начала XX ве-

ка, особенно в мировых войнах, все эти аспекты поднялись на ступень. Теперь не армии выигрывают войны, а государства, теперь важна моральная стойкость не только войск, но и всего народа, теперь важно мастерство не только офицеров, но и всех руководителей в государстве, включая мастерство какого-нибудь руководителя сельскохозяйственного предприятия или маленького городка. И теперь важны не только талант и искусство генералов, но в первую очередь талант и искусство руководителей государства.

В реальном сражении талант и искусство командиров дивизий становятся бесполезными, если всей армией командует дурак или предатель, точно так же и в современной войне бесполезны таланты генералов, если во главе государства дураки или предатели. Разумеется, поднимается и слава — теперь войны выигрывают не генералы, а главы правительств, генералам остается выиграть сражения (если дело доходит до сражений), отсюда, кстати, и некомпетентность генералов в вопросах победы во всей войне: привычные им мерки недостаточны для исследования ими этого вопроса.

Переходит ли война в стадию военного противоборства или нет, но все сражения этой войны или все ее перипетии (как правило, комплекс мер политического и пропагандистского давления на противника) удобно представлять одним сражением или одним действием. Удобно для того, чтобы использовать для анализа этой войны принципы победы в войне, выработанные в эпоху архаичных войн, — использовать те войны в качестве аналогии, в качестве модели для настоящих войн.

Положение исследователя принципов молниеносной войны усложняется органической подлостью существующих форм демократии, дающих возможность истинным руководителям государств оставаться в тени и предоставлять формальной власти — президентам, премьер-министрам и депутатам — принимать на себя всю славу или позор последствий их правления.

На ранних этапах развития демократии во власть еще могли попасть лица, мало зависящие от денежных мешков и владельцев СМИ и искренне защищающие интересы своего народа, — лица, которых в той или иной мере можно считать самостоятельными. Но даже такие руководители государств очень часто преследовали не только интересы своего народа, как они эти интересы видели, но и интересы этих остающихся за кулисами сил. Делали это либо потому, что считали интересы этих сил совпадающими с интересами своего на-

рода, либо потому, что считали эти силы союзными народу, либо просто не видели возможности сопротивления этим силам. Я так уверенно об этом пишу, потому что выбор мотивов даже в случае самостоятельного руководителя не очень велик. Мотивы же того, почему формальные руководители государства служат не народу, а тому, кто протолкнул их к формальной власти, еще проще — «долг платежом красен», «кто платит за ужин, тот и девушку танцует».

Теперь надо перейти к целям войны.

Начало войны

Война, как противоборство вооруженных сил, «архаическая война» — дело старое, и никакие совершенствования оружия и тактики боя не меняют принципов победы, а их еще в XIX веке довольно дотошно, хотя и с обычным для немца академизмом, описал Карл фон Клаузевиц (1780–1831) в своем объемном труде «О войне». Вообще-то раньше (когда народ больше читал и меньше смотрел) щегольнуть цитатой из Клаузевица было хорошим тоном для любого высокопоставленного военного или пишущего о войне, и надо сказать, что доля справедливости по отношению к Клаузевицу здесь есть: в вопросах осмысления архаической войны с ним трудно поставить рядом еще кого-нибудь. Но, возможно из-за объемности его труда (да еще и не законченного им и изданного его женой уже после смерти автора), мало кто, по моим наблюдениям, пытается вникнуть в принципиальные положения о войне, скажем, в текст первой главы «Природа войны» (все очень торопятся прочесть «конкретные» советы, как войну выиграть).

Так вот, Клаузевиц ввел в обиход политиков выражение: *«Война есть не что иное, как продолжение политики с привлечением иных средств»*. Выражение очень модное до сих пор, хотя, по моему мнению, абсолютно не понимаемое. Не вдаваясь в подробности того, что такое политика вообще, суммируем определение так: в данном случае политика — это комплекс действий, которыми некий монарх или избранное народом правительство хотят достичь неких целей по отношению к другому государству. Разумеется, первоначально они хотят достичь этих целей невоенными средствами, и только тогда, когда у них это не получается, начинают войну — продолжают свою политику.

Это выражение сомнительно уже для эпохи архаичных войн, а сегодня оно вообще вводит в заблуждение, поскольку началом войны считает начало собственно боевых действий вооруженных сил. А как же политика? Нет, начало боевых

действий — это не начало войны (не начало политики), а всего лишь начало вооруженного противостояния, которое само по себе имеет целью не цели войны, а обезвреживание вооруженных сил противника. А цели войны должна достигнуть сама война (сама политика), посему и началом войны следует считать момент, когда какое-либо государство сформирует претензии к другому государству и начнет политику по достижению этих своих целей. Во времена Клаузевица с теми средствами связи и средств массовой информации этой особенностью не было видно, но сейчас как это не заметить?

А ведь это очень важно. Если не принимать меры обороны немедленно с началом враждебной политики, то можно неоправимо опоздать либо понести огромные потери тогда, когда война перейдет в стадию противоборства вооруженных сил. Особо жестоко страдают те, кто вместо начала обороны продолжает считать агрессора своим другом, хотя агрессор редко способен скрыть свою сущность. Разумеется, сила государства имеет огромное значение (об этом позже), но время начала обороны также имеет огромное значение. Возьмите примеры современной истории. Что дало Югославии, Ираку, Афганистану или Ливии то, что эти страны рассматривали своего будущего агрессора в качестве светоча цивилизации и друга? Между тем Куба и Корейская народная демократическая республика никогда не стеснялись называть агрессивных уродов агрессорами. Эти страны, несмотря на свою физическую слабость, постоянно готовы встретить агрессора вооруженной рукой, посему сохраняют свой суверенитет и ограждают себя от ограбления до сих пор. Как бы агрессоры и ни щелкали зубами.

Цели войны

Что касается истинных целей войны, то они всегда экономические, а разделяются в зависимости от роли, назначенной данному государству: государство начинает войну либо с целью ограбить жертву, либо с целью прекратить или предотвратить ограбление.

Правда, слово «ограбление» уже не описывает ситуацию, поскольку его значение явно связывается с откровенным отъемом имущества под угрозой применения силы. Между тем арсенал отъема имущества настолько пополнился новыми средствами, что даже Гитлер по окончании войны не собирался пользоваться грабежом оккупированных территорий СССР в чистом виде, а сегодня даже агрессоры чистый грабеж объявляют преступлением. Сегодня грабеж уже надежно замаски-

рован различными «экономическими формами», начиная от предоставления кредитов и инвестиций, заканчивая «добровольной» передачей предприятий от своих «неэффективных» руководителей «эффективным» руководителям агрессора.

Или вот такой внешне как бы никак не связанный с грабежом аспект, как внедрение в независимое государство своей валюты. Смысл денег — то, для чего они предназначаются, — обмен товаров. Но деньги и сами по себе являются товаром, причем необычайно выгодным для того, кто их эмитирует (печатает). Дело в том, что банки, торгуя деньгами (давая их в кредит), берут только часть стоимости этого товара в виде процентов, скажем 10%. Но тот, кто печатает деньги, давая их в кредит, берет кроме процентов и всю стоимость денег в виде других реальных товаров. Производство 100-долларовой купюры стоит всего 3 цента, давая ее в кредит для обеспечения мирового товарооборота, США сразу же имеют 3 300 000% прибыли только от запуска в обращение самой купюры, а затем 30 000% в год от оборота этой купюры в качестве заемных средств даже при минимальных процентных ставках за кредит.

Поэтому США, обеспечивающие мировой рынок деньгами, как никто, заинтересованы в мировой торговле и отсутствии монополии на внешнюю торговлю у кого-либо, поскольку страны с монополией на внешнюю торговлю ведут на мировом рынке товарообмен либо при помощи своих денег, либо вообще без них и поэтому в долларах не нуждаются.

Без этого трудно понять, к примеру, почему после терактов 11 сентября США назначили в «ось зла» Ирак, Кубу и КНДР. Ведь эти страны никогда и никаких терактов против США не совершали. Но зато это страны с монополией на внешнюю торговлю и их правительства мешают продавать на рынках своих стран самый выгодный товар из США — доллары.

А ведь благодаря этому своему товару в США практически сворачивается производство реальных товаров: машин, техники, приборов, тканей и т. д. Металлургия США дошла до такого низкого уровня, что даже такое ценнейшее для нее сырье, как металлолом от разборки развалин небоскребов, был продан в Китай. США сегодня — это даже не столько мировой банкир, сколько мировой паразит.

Как видите, эмиссия денег — это очень выгодный бизнес, поэтому ни один хозяин (экономист) никогда не отдаст его в чужие руки, то есть никогда не впустит в свою страну чужие деньги для осуществления с их помощью оборота своих товаров. И кстати, это достаточный повод к войне той страны, которая грабит окружающих своей валютой.

Таким образом, понятия «рабство» и «колониальная зависимость» для целей войны, вроде и точные по существу, но годятся только для пропаганды. И хотя нынешние рабы по-прежнему алчут только хлеба и зрелищ, но и они уже далеко не те, что в Древнем Риме, а современные колонии, соответственно, далеко не те, что колониальная Индия.

Поэтому, чтобы не входить в споры по определениям целей войны, опишу их как можно более обще: агрессор имеет целью изменить существующий порядок вещей в стране-жертве. Такое определение цели включает в себя все возможные варианты любых целей.

Сила государства

Вряд ли кто-то будет сильно возражать, если применительно к войне я общую силу государства разложу на три составляющие силы — силу ее армии, силу экономики (хозяйства государства) и моральную силу народа. Хочу обратить ваше внимание на то, что я дал силы в порядке нарастания их значения. Сила армии — на последнем месте, силы экономики — на втором.

Все же оружие есть оружие, при современном развитии оружия и боевой техники уже невозможно обойтись палкой или камнем, а это оружие дает экономика. Хорошо, если есть союзники, которые что-то из оружия поставят, а если их нет? Тогда свое народное хозяйство должно стать спасителем армии и страны. Правда, сила народного хозяйства как таковая не зависит от войны — сильная экономика и в мирное время сильна. Часть ее производит оружие, боевую технику, боеприпасы и в мирное время, а во время войны это производство возрастает за счет сокращения мирной продукции. Скажем так, экономическая сила государства важна при любом виде войны и напрямую с молниеносностью войны не связана. Поэтому я не стану эту силу рассматривать.

И наконец, огромное, ничем не заменяемое и никак не импортируемое значение имеет моральная сила народа, поэтому я и ставлю ее на первое место. Собственно, на моральной силе народа базируются первые, явно «военные» силы.

Возьмите Вьетнамскую войну, в которой США признали свое поражение, хотя их военные и экономические силы и эти же силы Вьетнама были просто несопоставимы, какой бы ни была помощь оружием из СССР. И в данном случае дело не в слабости моральных сил США с их антивоенным движением, я уверен, что это движение тайно стимулировалось правительством США, для того чтобы иметь хоть какой-то повод закончить войну. Ведь за 20 лет до этого война с неизмеримо

более сильными Японией и Германией не вызвала в США антивоенного маразма. Да, разумеется, во Второй мировой войне США выглядели жертвой агрессии, поскольку это на США напала Япония и это Германия объявила войну США. Но ведь и во Вьетнамской войне формально не США были активной стороной войны, а Северный Вьетнам, а США формально всего лишь помогали жертве — Южному Вьетнаму. Тем не менее в 40-х годах не было многотысячных демонстраций с речовками «Рузвельт, Рузвельт, гей-гей, сколько ты убил детей?!», хотя авиация США в Гамбурге и Дрездене, Хиросиме и Нагасаки убила немецких и японских детей немеряно.

Остается признать, что причиной поражения США во Вьетнамской войне были моральные силы вьетнамцев, которые в явном виде проявились в отсутствии во Вьетнаме предателей в количестве, достаточном для подчинения Вьетнама воле США (сами по себе предатели были, но их было относительно мало). Ведь как подчинить себе народ без предателей из этого народа? Не будет же оккупант всю жизнь сидеть в укрепленных лагерях на территории этой страны, боясь из них высунуть нос? США оставалось либо физически уничтожить всех вьетнамцев и заселить территорию американцами или какими-нибудь лояльными неграми, либо признать поражение и уйти. Первый путь был невозможен, оставался второй, им США и воспользовались.

Сейчас в мире такие государственные деятели, которые сами не понимают, что происходит, а со времен Второй мировой войны воспоминания о ней написал только один действовавший тогда глава государства — Уинстон Черчилль. Вопрос моральных сил — вопрос очень деликатный, даже настоящие политики о нем стараются не говорить, чтобы не обидеть свой народ и не навредить себе этим на будущих выборах — не подорвать этим свою популярность. Тем не менее Черчилль вскользь вынужден задеть и его, когда ему надо хоть чем-то объяснить молниеносность разворачивающихся событий Второй мировой войны.

Молниеносным этапом Второй мировой следует считать ее период с 1 сентября 1939 года по, пожалуй, конец 1941 года на Востоке и конец 1942 года на Западе. В этот период немцы захватили Норвегию, лишь на несколько часов опередив англичан и французов, то есть фактически отбив ее у них. Причем силы англо-французов были превосходящими — под Нарвиком, к примеру, в четыре раза. Черчиллю это поражение нужно было как-то объяснить. В его цитатах выделяю значащие для данной темы моменты:

«Нас, которые имели превосходство на море и могли выса-
диться в любом месте на незащищенном побережье, превзо-
шел противник, преодолевавший по суше большие расстоя-
ния, невзирая ни на какие препятствия. В этой норвежской
схватке наши превосходные войска — шотландская и ир-
ландская гвардия — были **разбиты гитлеровской молоде-
жью благодаря ее энергии, инициативе** и военной подго-
товке.

Повинуясь долгу, мы, не щадя сил, старались закрепиться
в Норвегии.

Мы считали, что судьба очень жестоко обоилась с нами.
Теперь мы видим, что дело было вовсе не в этом. А пока нам
оставалось утешаться лишь рядом успешных эвакуаций. Не-
удача в Тронхейме! Тупик в Нарвике! Таковы были в первую не-
делю мая единственные результаты, которые могли видеть
английский народ, наши союзники и весь нейтральный — дру-
жественный и враждебный — мир.

«Нападением Гитлера на Норвегию закончились “сумер-
ки войны”. Она разгорелась ослепительным пламенем такого
страшного военного взрыва, какого еще не знало человече-
ство. Я охарактеризовал **состояние транса**, в котором пребы-
вали восемь месяцев Франция и Англия, когда весь мир недоуме-
вал. Эта фаза оказалась **самой вредной** для союзников. **Мо-
ральное состояние Франции, ее солдат и народа стало
теперь, в мае, определенно хуже**, чем в начале войны.

«Невозмутимый, искренний, но косный характер прави-
тельства не мог вызвать тех энергичных усилий ни в прави-
тельственных кругах, ни на военных заводах, которые были
жизненной необходимостью. Нужен был удар катастрофы и
приближение опасности, чтобы **дремлющие силы англий-
ского народа пробудились**».

Как видите, Черчилль в данном случае не стал «пудрить
мозги» читателям «войной моторов» или пресловутыми «тан-
ковыми клиньями» таковых дивизий совершенной организа-
ции, которых, правда, в Норвегии просто не было.

Итак, займемся рассмотрением сил государства, в данном
случае моральных и военных.

Моральная сила и деморализация противника

Если армией считать весь народ, все государство (а именно
так и надо считать), то тогда с точки зрения принципов побе-
ды архаические войны (одними армиями) можно считать мо-
делями современных войн. И вот к чему в этом плане пришел
уже упомянутый мною К. Клаузевиц.

Он писал, что для победы в войне совершенно недостаточно иметь материальный перевес (хотя он очень важен). Если бы дело было в нем, то войн никогда бы не было, поскольку враждующие стороны могли бы подсчитать, сколько у кого людей, пушек и снарядов, и объявить победителя, так сказать, по очкам. Но войны идут вне зависимости от материальной силы сторон, и это объясняется тем, что на победу сильнейшее влияние оказывают еще два фактора — моральная стойкость и случай. Правда, второй фактор без первого не существует, поскольку, для того чтобы рискнуть и воспользоваться случаем, нужно быть морально стойким — смелым и храбрым.

Клаузевиц совершенно точно определил, что у собственно войны всего одно средство победы — бой, но из-за морального фактора на те принципы, которыми достигается военная победа, нужно смотреть шире, и цель боя может быть достигнута без боя, к примеру самой угрозой нанести морально не стойкому противнику поражение (выделено Клаузевицем):

«Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведавшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

*Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, то есть не заключало в себе **внутреннего противоречия** с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать **возможность** такого хода войны».*

Моральные силы противника — это такая же сила, как и его материальная сила, и уже во времена архаичных войн нужно было быть не государственным деятелем, а дебилом или предателем, чтобы не принимать мер к уничтожению моральной силы противника и сохранению своей. И вот почему.

«Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, — мы это настойчиво подчеркиваем, — нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы

ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текущим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил являются его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избывая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем большие ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны», — пишет Клаузевиц.

Как видите, уже к середине XIX века логический анализ и примеры показывали, что достижение победы путем уничтожения не материальной, а моральной силы противника гораздо выгоднее и гораздо безопаснее, нежели достижение ее единственным имеющимся у войны средством — боем. Деморализация противника — вот ключ к успеху!

(Я понимаю, что у читателей при выводе об уничтожении государства без войны сразу же приходит на ум СССР. И правильно приходит: это классический пример победы в войне. Болтовня о «демократических преобразованиях» в СССР — это болтовня «в пользу бедных». Умом. Был враг — НАТО, этот враг теперь хвастается своей победой, а на территории бывшего СССР установлены выгодные этому врагу порядки, кстати, те порядки, которые и хотел установить на территории СССР Гитлер, пытавшийся это сделать в ходе Второй мировой войны.)

И несмотря на эту очевидность главенствования моральных сил, и по сей день, описывая войны и видя, что в ходе этих войн вооруженные силы противников практически не участвовали, аналитики жуют и жуют вопрос только соотношения материальных сил. Вспомните освещение побед США в последних войнах всеми комментаторами — и проамериканскими, и антиамериканскими. Как только на такого аналитика наведут объектив телекамеры или пообещают место на страницах печатных СМИ, он немедленно начинает выдавать «важные» подробности, якобы «определившие» победу США.

А именно: численность войск и союзников, численность и качество оружия, и т. д. и т. п. — все то, что, возможно, и определило бы победу войск США, если бы они действительно воевали силами армии, авиации и флота. Но ведь, одержав военные победы над Сербией, Афганистаном и Ираком, США не воевали! Некую боевую активность проявляла авиация, да и то если была гарантия проведения боевого вылета без боя, то есть в условиях подавленной ПВО противника. Не воевали, но военные победы одержали! Что именно уничтожили США у своих жертв в этих войнах, чтобы одержать победу в войне? Методом исключения остаются моральные силы.

И вот тут возникают два вопроса: чем уничтожили и было ли что уничтожать? Начнем с первого.

Гитлер как ученик англосаксов

А. Гитлер, глава Германии тех времен, убийственную роль подрыва моральных сил народа пропагандой испытал на собственной шкуре, когда был солдатом Первой мировой войны. А после войны, в 1924 году, он говорил, что не только ему, но и тем, кто пытался понять суть происходящего, только во время Второй мировой войны стало понятно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. Причем в качестве примера Гитлер брал не немецкую пропаганду, которую ругал за глупость, а пропаганду противников Германии — Великобритании и США.

Гитлер сделал пропаганду мощнейшим родом войск. К сожалению, его труды в СССР были под запретом, под запретом они и сегодня, и поэтому неудивительно, что и историки, чем больше времени проходит после войны, тем меньше акцентируют внимание на пропаганде и тем больше страниц посвящают технике, оружию и т. д. А в ходе Второй мировой войны и сразу после нее мощность этого рода войск Германии настолько была в глаза, что рассмотрению немецкой пропаганды место уделяли все: от публициста Андре Моруа до помянутого английского военного теоретика Д. Фуллера.

Фуллер о важности пропаганды пишет уже в первой главе:

«К несчастью для Британии и Франции, Германия в 1933 году подпала под влияние человека с весьма определенными политикой и планами человека, соединявшего в себе качества реалиста, идеалиста и провидца, который для одних был просто Гитлером, а для других самим богом.

“Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году, — кричал Гитлер. — Разве все наши усилия не направлены к тому, чтобы избежать этого? Люди в большинстве своем совсем лишены воображения... Они сле-

ты к новому, к незнакомым вещам. Даже мысль генералов бесплодна. Они барахтаются в паутине технических знаний. Созидающий гений всегда выше круга специалистов».

Еще в 1926 г., когда Гитлер только писал второй том «Mein Kampf», он полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне «моторизация» будет «преобладать и сыграет решающую роль». Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и в стратегию сокрушения. Он считал войну орудием политики, а так как его политическая цель заключалась в захвате Lebensraum (жизненного пространства) для немцев, то Гитлер соответствующим образом разрабатывал тактические планы. Целью Гитлера было в кратчайший срок при минимальном ущербе для материальных ценностей сломить волю противника к борьбе. Его тактика основывалась на использовании пропагандистского наступления и последующего молниеносного удара. Гитлер пересмотрел теорию Дуэ с точки зрения последовательности действий: нужно подорвать моральное состояние мирного населения противника до, а не после начала военных действий, не физически, а интеллектуально. Гитлер говорил: «Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?.. Есть более глубокая стратегия — война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его (противника) военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями».

Из приводимой ниже цитаты из книги Раушинга видна суть теории Гитлера: «Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты в позиционной войне в будущем займет революционная пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии. Население вражеской страны должно быть деморализовано, готово капитулировать, ввергнуто в состояние пассивности, прежде чем зайдет речь о военных действиях.

Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника — вот наше оружие...

Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную связь с людьми, которые сформируют новое правительство, устраняющее меня»».

Как видите, Гитлер действовал так, как и предлагал Клаузевиц: он сначала добивался паники у противника, и, подчеркну, добивался ее еще в МИРНОЕ время, а уж потом наносил удар.

Но Фуллер считает, что Гитлер базировал свои идеи на доктрине абсолютной войны Клаузевица, а я в этом сильно сомневаюсь. Сомневаюсь, что собрался бы выиграть за 8 недель войну с СССР тот, кто понял в первой главе книги Клаузевица раздел 8: *«Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени»*. А в этом разделе, в частности, Клаузевиц предупреждает стратегов: *«В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил»*. А Гитлер собирался войну с СССР выиграть быстро, игнорируя то, что СССР приведет в действие те силы, которые не смог задействовать с начала войны.

Правда, дело не только в том, что Гитлер невнимательно читал Клаузевица, но об этом в свое время.

Способы уничтожения моральных сил противника

Тем не менее, как видите, немцы прекрасно понимали, что противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя, в связи с чем сделали пропаганду главным родом войск. А поскольку ложь и коварство для обмана противника естественны в любой войне, то коварство и ложь для немцев были естественны и в военной пропаганде, хотя в данном случае это не столь важно, поскольку, повторю, естественно.

Что имеется в виду под моральными силами и деморализацией?

Принятое определение морали — добровольно принятые в обществе традиции, нормы поведения, защищающие представления общества о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле. Конкретных норм поведения может быть много, и они для разных обществ могут быть разными, но если общество существует, то в нем в основе морали обязательно лежит долг перед обществом — обязанность защищать

его. В основе долга лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу — это, по сути, долг потомкам. В основе долга лежат требования морали быть честным и совестливым. Интересно, что у древних персов главным качеством воина была не сила или храбрость, а честность. Честность не даст отказаться от долга, а при отказе от долга сила и храбрость воина становятся бесполезными.

Это мораль взрослых людей, детям она не присуща, и ее у них нужно воспитывать, а у животных если и есть зачатки морали, то основаны они на инстинктах, а не на интеллектуальном осознании необходимости морали. Соответственно, в сильном обществе считается злом подлость и трусость, бессовестность и уклонение от исполнения долга.

Но, подчеркну, долг — это ДОБРОВОЛЬНО принятая норма поведения, как и все нормы морали. Соответственно, человек может и отказаться от долга. Вот этот отказ от исполнения долга и есть ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ противника.

Со времен архаичных войн способы деморализации противника известны, просты и понятны:

- внушить жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору. Поскольку этот способ воздействует на инстинкт самосохранения человека, то он действенен во все времена, причем чем более инфантильны люди, чем менее они охвачены человеческой моралью, чем больше они дети и животные, тем способ более действенен;

- разделить общество на части, и эти части если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным — это известнейший принцип «разделяй и властвуй!»;

- склонить к отказу от исполнения долга перед обществом посулом материальных благ — игрой на алчности.

Гитлер, как видите, открыто стремился опереться на пятую колонну в странах, намеченных в жертвы агрессии (думаю, что Гитлер был горд собой и был уверен, что превзошел в этом вопросе и Клаузевица, и своих учителей — англосаксов). Однако в действиях Гитлера по уничтожению моральных сил будущей жертвы не видно ничего, что можно было бы считать оригинальным, все его действия в этом плане или известны, или очевидны. Единственно, он открыто заявил, что начинать борьбу за деморализацию будущего противника нужно задолго до войны, и это действительно так.

Пятая колонна

Немного о пятой колонне. Я уже не раз писал, что раньше молодые и даже хорошо образованные люди не знали, что означает французское слово «минет», но зато все знали, что означают слова «пятая колонна». Сегодня все наоборот: мне не раз приходилось сталкиваться с достаточно образованными людьми, для которых слова «пятая колонна» — пустой звук. Этому термину дала жизнь гражданская война в Испании в 1936–1939 годах. В середине 30-х годов в Испании обычным парламентским путем победили левые партии и начали ряд социальных преобразований, в частности аграрную реформу. Капиталистическому (самоназвание — «свободному») миру это крайне не понравилось, и этот мир подбил на мятеж испанскую армию. Мятеж начался в Испанском Марокко, затем мятежные войска высадились собственно в Испании и двинулись на Мадрид четырьмя колоннами. В это время сторонники мятежников в республиканском правительстве Испании и в его войсках подняли восстание против республики в поддержку мятежников. Командовавший мятежной армией генерал Франко назвал этих предателей республики своей пятой колонной. С тех пор этот термин прочно вошел в обиход для названия предателей внутри какой-либо страны или организации. Это не значит, что такого явления, как предательство и поддержка врага, до испанских событий не было. Оно было всегда, просто Франко дал этому явлению принятый миром термин. (Правда, иногда пятую колонну называют «квислингами» по имени предателя норвежского народа, сторонника нацистов Квислинга, но испанское имя все же более употребительно.)

Разумеется, Гитлер использовал для пятой колонны этнических немцев, живущих в других странах, в этом, надо сказать, абсолютно не было ничего нового: немцы использовали этнических немцев России еще в Первую мировую войну.

А затем Гитлером в государстве-жертве использовались все, кто был недоволен существующей организацией общества, — тоже ничего нового. Если исключить из числа пятой колонны идейных революционеров, для которых неприемлем грабеж собственного народа, который они собираются осчастливить, то в ней останется ленивая и глупая часть населения. Та часть общества, у которой не хватает ни ума, ни работоспособности, чтобы достичь в обществе того материального положения, которое эта часть алчет. Та часть общества, которая достаточно подла, чтобы пренебречь интересами всего об-

щества и попытаться достичь желаемого при оккупантах. Эта часть может действовать как самостоятельно, так и в составе различных революционных течений, поскольку открыто показать свою подлость и служить оккупантам только ради денег непросто.

Пятой колонной вполне могут быть национальные и меньшинство, и большинство, алчущие денег и славы под соусом национального освобождения или освобождения от обузы «кормить чучмеков». И могут быть идейные сторонники политических режимов агрессора, которые алчут тех же денег и власти, но под политическим соусом. В Испании как раз из таких и состояла та часть предателей республики, которая дала название самому термину «пятая колонна», такими же были сторонники нацистов в Великобритании, Голландии или Норвегии.

Обычно, вред от пятой колонны видят в силовом предательском воздействии внутри страны в пользу агрессора — в «ударе ножом в спину», и во времена Второй мировой войны чаще всего именно так и было. Вот, скажем, в Норвегии был деятель, майор норвежской армии Видкун Квислинг, с 1931 по 1933 год он был даже министром обороны. Но в том же 1933 году при помощи немецких нацистов Квислинг основал партию «Национальное единение», в которую со временем вступило около 50 тысяч человек. Когда в день начала немецкого нападения на Норвегию норвежское правительство эвакуировалось из Осло, Квислинг организовал мятеж и по радио объявил о государственном перевороте и создании правительства под своим руководством. Соответственно, он призвал норвежцев подчиниться немцам и прекратить сопротивление. Это дезорганизовало Норвегию и ее армию и помогло немцам в конце концов захватить Норвегию без больших потерь.

Деморализующее влияние пятой колонны

Но удар в спину — это далеко не все и, возможно, не самое главное. Страшен в пятой колонне пример отказа от исполнения долга перед обществом. Подчеркну, не ее собственный отказ от долга перед Родиной — это само собой разумеется, а то, что она является примером подражания для других.

Вот такой, на первый взгляд, не имеющий отношения к делу подход к пятой колонне.

Корреспондент РИА «Новые регионы» 6 декабря 2007 года передал из Тель-Авива сообщение под заголовком «Премьер Израиля поблагодарил советских евреев за развал СССР», в котором, в частности, говорится: *«Выступая в среду вечером на торжественной церемонии, посвященной 40-летию начала*

борьбы проживавших на территории СССР евреев за право выезда в Израиль, премьер-министр этой страны Эхуд Ольмерт заявил, что победа, одержанная ими в этой борьбе, стала одной из причин распада Советского Союза». А экс-министр Натан Щаранский заявил: «...Победа, одержанная советскими евреями в борьбе за право на выезд, «существенно подтолкнула Советский Союз к распаду и тем самым изменила мировой порядок»». Как видите, руководители Израиля хвастаются, что 40 лет назад выезд евреев из СССР привел к уничтожению общества СССР. Но как и чем этот простой выезд евреев из страны связан с уничтожением СССР?

Вообще-то, нет уверенности, что эти руководители Израиля действительно понимали, что именно они сказали, и совершенно понятно, что они не читали Гитлера. Иначе остереглись бы заявлять подобное. Ведь Гитлер за 90 лет до этого праздника определил евреев как фермент дезорганизации, распада любого общества, а конкретно Гитлер писал о дезорганизации евреями как раз СССР — о том, что они являются ферментом его распада. И надо ли было этим деятелям Израиля подтверждать правоту Гитлера?

Правда, есть евреи и евреи. Есть граждане данной страны еврейского происхождения, которые, соответственно, чувствуют свой долг перед Родиной и исполняют его подчас лучше, нежели коренные граждане. И есть лица, которые в любой стране остаются только евреями, образуя как бы отдельную политическую организацию. Вторые как раз и выезжали, что само по себе было бы благом для СССР, если бы сам их отказ от долга обществу, в котором они выросли, которое их защищало и обучало, сопровождался хотя бы презрением этого общества. Но этого не было, эти лица оставались как бы нормальными людьми, хотя не скрывали, что подавляющая их масса едет не за пресловутой свободой, а «за длинной колбасой», и даже не в Израиль, а в США. Мало этого, вместо того, чтобы провести публичное «аутодафе» предателям СССР, сам этот факт замалчивали, а мелкими придирками из этих в массе своей бессовестных людей делали «узников совести».

Повторю, мораль — это нормы поведения, принимаемые человеком на себя добровольно и в случае, если и окружающие руководствуются этими же нормами. Если же окружающие не руководствуются моралью, то моральный человек выглядит в собственных глазах каким-то дурачком, который ограничивает себя в том, в чем другие себя не ограничивают. И безнаказанный отказ кого-то по соседству от соблюдения моральных норм — это зараза, которая быстро распространя-

ется и на окружающих. Почему в любой армии мира самым жестоким способом расправляются с дезертирами. Напомню, что офицеров всех армий исстари вооружали пистолетами — короткоствольным и маломощным оружием, малопригодным для боя с противником на обычных расстояниях огневого воздействия, причем большинство офицеров батальона в бою шли за боевым строем батальона, имея задачей пристрелить из пистолетов любого, кто попытается из строя выйти по причине отказа от исполнения долга.

В этом же случае отказ подобных евреев от гражданства на глазах у советской интеллигенции (две трети выезжающих евреев имели высшее образование) и отсутствие их осуждения асфальтовым катком прокатывались по такому хрупкому чувству, как долг. Я помню в перестройку разговор с седоволосым казаком-аксакалом. Надо сказать, что у казахов, как и других азиатских народов, аксакалы (старики) пользуются исключительным уважением и авторитетом, но пользуются потому, что свято исполняют свой долг — живут не для себя, а для потомков и думают только об их благополучии. А тут этот аксакал цинично высказывался за то, чтобы передать недра Казахстана иностранцам и лично получить за это хорошие деньги. «Но ведь эти недра принадлежат и нашим потомкам!» — возмущался я. Это не действовало, в ответ этот аксакал талдычил про Саудовскую Аравию, которая свои недра продает и «хорошо живет».

Разумеется, в таком повороте мозгов, при котором даже старики, носители традиций, отказываются от заботы о будущих поколениях, виноваты не только евреи и не столько евреи, к примеру, отказ руководителей СССР от исполнения долга имел гораздо большее значение, однако понимали ли Ольмерт и Щаранский, о чем они говорили, или нет, но по сути ими сказанного они были правы.

И пятая колонна в первую очередь страшна этим: если ее члены имеют доступ к общению с большим количеством сограждан, то их идеи отказа от исполнения долга перед обществом разлагают народ данной страны — деморализуют его перед лицом иностранной угрозы.

И еще следует обратить внимание на то, почему уничтожать моральную силу противника выгодно заблаговременно, когда с противником еще мирные отношения. Ведь если бы евреи попробовали уезжать во время войны, то их бы расстреливали как дезертиров, а в мирное время на это никто не решился бы, поскольку в мирное время всевозможные пятые колонны имеют вид мирных диссидентов.

Волонтеры «пятой колонны»

Следует остановиться и на волонтерах пятой колонны — лицах, недовольных своим материальным или властным положением. Спросим себя: а кто им доволен в любом обществе в любых странах? Однако обычные люди, недовольные своим материальным положением, решают эту проблему за счет прилежного труда, рационализации, изобретательства, освоения искусства управления людьми и хозяйством. Им для повышения своего материального благосостояния не требуется разрушать общество, в котором они живут и которое их защищает, тем более не требуется это делать с помощью иностранной агрессии. Следовательно, на риск разрушения общества пойдут только те, кто по жизни улучшить свое положение обычным, честным путем не способен — только глупые и ленивые. Но и такие люди в любом обществе не в диковинку, однако просто глупые и ленивые видят свои способности и довольствуются тем, что имеют. Следовательно, для отказа от долга и для предательства общества лени и тупости как таковых мало, нужны еще и несоразмерные способностям амбиции — нужны претензии на иной статус в обществе без оснований его занимать. Откуда берутся такие амбиции?

Я вспоминаю одну из своих командировок в ЮАР в конце 80-х, когда там шли процессы по ликвидации сегрегации. Поскольку я ездил по заводам, то эта сегрегация была видна на глаз: все рабочие были черные, все руководители, инженеры и конторские служащие — белые. Основное число тех белых, с кем приходилось говорить на эту тему, в принципе видели необходимость этих процессов, но не представляли, как они будут жить с черными. Я же, со своей стороны плохо представляя, что именно происходит, полез с советом, казавшимся мне естественным, — принять меры к быстрому повышению образовательного уровня чернокожего населения. Собеседник грустно пожал плечами и сообщил, что на территории ЮАР работают несколько университетов для чернокожего населения Африки, но эти заведения практически не готовят специалистов: негры, получившие дипломы, в своей массе становятся революционерами — людьми, стремящимися удовлетворить свои амбиции путем разрушения имеющихся обществ.

Надо сказать, что до этого разговора я гордился полученным образованием, гордился тем ВУЗом, в котором я его получил, гордился тем, что в СССР людей с высшим образованием было больше, чем где-либо в мире, и что каждый четвертый ученый мира — это советский ученый. Взгляд на образование как рассадник паразитов общества мне был внове.

Правда, я уже столкнулся с бросающейся в глаза ненормальностью. Днепропетровский металлургический институт (ДМетИ), который я окончил, готовил кадры по специальности «электрометаллургия» для примерно двух десятков соответствующих заводов и производств СССР. Такие же кадры готовили еще четыре ВУЗа, включая Московский институт стали и сплавов (МИСиС). Таким образом, только технологов готовилось более ста человек в год. Но уже из моей группы в 23 человека выпуска 1972 года вообще по специальности работало всего 5. На моем заводе в Казахстане — крупнейшем в своей отрасли — я был единственным выпускником-технологом своего института, а за всю историю завода на нем никогда не работал (даже временно) выпускник МИСиСа никакой специальности. В середине 80-х я ездил в родной институт для разговора с пятикурсниками с целью убедить их приезжать на наш завод работать — не приехал ни один. А мой старый преподаватель, видевший мои пропагандистские труды, с грустью предрек, что из этих студентов не то что ни один не приедет на наш завод, но и ни один не будет работать по специальности. У нас на заводе было около 600 должностей, требующих высшего образования, в цехах на должностях цеховых инженеров работало около 100 человек без высшего образования. Одновременно около 300 человек работало на рабочих должностях: в конторе мест для них не было, а в цехах они работать не хотели — не могли и боялись ответственности. Тогда для кого и для чего готовились эти «специалисты» с «верхним» образованием? И где гарантия, что они осознают ничемность своего образования и у них исчезли амбиции?

Потом прочел в книге француза Г. Лебона «Психология народов и масс», впервые изданной в России в 1898 году, критику латинской системы образования, ныне властвующей во всем мире (выделено мною. — Ю.М.):

*«...Главная опасность этой воспитательной системы, вполне справедливо именуемой **латинской системой**, заключается в том, что она опирается на то основное психологическое заблуждение, будто заучиванием наизусть учебников развивается ум. Исходя из такого убеждения, заставляют учить как можно больше, и от начальной школы до получения ученой степени молодой человек только и делает, что заучивает книги, причем ни его способность к рассуждению, ни его инициатива нисколько не упражняются. Все учение заключается для него в том, чтобы отвечать наизусть и слушаться».*

Перву Лебона вопросом: а насколько это тяжело — заучить то, что преподают в ВУЗе? Вот выводы современных

психиатров, изучающих умственные отклонения людей и выделяющих группу «конституционно глупых» — глупых от природы:

«Подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память) не только в средней, но даже и в высшей школе: когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять их знания к действительности, проявлять известную инициативу, они оказываются совершенно бесплодными».

Как видите, для глупцов от природы (или от лени) нет проблем в заучивании слов в учебном заведении с последующим воспроизведением их на экзамене, нет у них проблем и в обществе, особенно в обществе себе подобных. Психиатры фиксируют:

«Они умеют себя “держат” в обществе, говорить о погоде, говорить шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности (отсюда выражение “Salon bludsinn” — салонное слабоумие)».

Они хорошо справляются с жизнью лишь в определенных, узких, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия.

С другой стороны, сюда относятся и элементарно простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла, иногда даже без больших недоразумений работающие в торговле, даже в администрации.

Одной из отличительных черт конституционально-ограниченных является их большая внушаемость, их постоянная готовность подчиняться голосу большинства, “общественному мнению”».

Становятся понятными подконтрольные правительствам «институты изучения общественного мнения» и навязчивое сообщение ими «мнения избирателей» о «рейтинге кандидатов» накануне выборов.

«К конституционно-глупым надо отнести также и тех своеобразных субъектов, которые отличаются большим самомнением и которые с высокопарным торжественным видом изрекают общие мысли или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец — правда, в шаржированном, карикатурном виде — изречения Козьмы Пруткова).

Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь о всем свое суждение, ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве ис-

тин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований.

Нелишнее подчеркнуть, что по отношению ко многим видам конституционной глупости подтверждается изречение знаменитого немецкого психиатра, что они могут, умеют больше, чем знают... в результате чего в грубо элементарной жизни они часто оказываются даже более приспособленными, чем так называемые умные люди».

Но верну слово Лебону, продолжающему сообщать о дефектах латинской системы образования:

«...Если бы такое воспитание было только бесполезно, то можно было бы ограничиться сожалением о несчастных детях, которым предпочитают преподавать генеалогию сыновей Клотария, или историю борьбы Невстрии и Австразии, или зоологические классификации, вместо того чтобы обучить их в первоначальной школе чему-нибудь полезному. Но такая система воспитания представляет собой гораздо более серьезную опасность: **она внушает тому, кто ее получил, отвращение к условиям своего общественного положения**, так что крестьянин уже не желает более оставаться крестьянином и самый последний из буржуа не видит для своего сына другой карьеры, кроме той, которую представляют **должности, оплачиваемые государством**.

Государство, производящее всех этих дипломированных господ, может использовать из них лишь очень небольшое число, оставляя всех прочих без всякого дела, и таким образом оно питает одних, а в других создает себе врагов. Огромная масса дипломированных осаждают в настоящее время все официальные посты, и на каждую, даже самую скромную официальную должность кандидаты считаются тысячами, между тем как какому-нибудь негоцианту, например, очень трудно найти агента, который мог бы быть его представителем в колониях. В одном только департаменте Сены насчитывается 20 000 учителей и учительниц без всяких занятий, которые, презирая ремесла и полевые работы, обращаются к государству за средствами к жизни. **Так как число избранных ограничено, то неизбежно возрастает число недовольных**, и эти последние готовы принять участие во всякого рода возмущениях, каковы бы ни были их цели и каковы бы ни были их вожди. Приобретение таких познаний, которые затем не могут быть приложены к делу, служит верным средством к тому, чтобы возбудить в человеке недовольство.

*Это явление свойственно не только латинским странам; мы можем наблюдать то же самое в Китае — стране, также управляемой солидной иерархией мандаринов, где звание мандарина, так же как у нас, достигается путем конкурса, причем все испытание заключается в безошибочном цитировании наизусть толстых руководств. **Армия ученых, не имеющих никаких занятий, считается в настоящее время в Китае истинным национальным бедствием.** То же самое стало наблюдаться и в Индии, после того как англичане открыли там школы не для воспитания, как это делается в Англии, а для того только, чтобы обучать туземцев. Вследствие этого в Индии и образовался специальный класс ученых, бабу, которые, не получая занятий, становятся непримиримыми врагами английского владычества. У всех бабу — имеющих занятия или нет — **первым результатом полученного ими образования было понижение уровня нравственности.** Этот факт, о котором я много говорил... констатируется всеми авторами, посещавшими Индию».*

При формировании пятой колонны имеется в виду активность агрессора, имеется в виду, что это агрессор сформирует пятую колонну в стране-жертве, однако, как вы видите, несчастная жертва сама может из своих «бабу» сформировать свою пятую колонну всего лишь глупостью своей системы образования, жертва сама может подготовить себе собственную гибель.

Завышение оценки моральных сил жертвы агрессии

Мораль — это традиции общества иметь определенные нормы поведения. Но традиции изменяются вместе с условиями жизни, мало этого, в разных сословиях или племенах они могут быть разными. Кроме того, если такие нормы поведения, как честность или совестьливость в массе общества, иностранец еще так-сяк сможет оценить в мирное время, то чувство долга в мирное время оценить невозможно, поскольку в мирное время долг не востребуется, посему все имеют возможность заявлять, что готовы исполнить долг и даже клятву дать. И как оценить, как эти люди поведут себя тогда, когда долг потребует отдать, — при угрозе войны и в условиях войны? Ошибки в оценке степени деморализации общества могут быть велики, причем как в плюс, так и в минус.

Мы видим, что все заинтересованные правительства грубейшим образом ошиблись в оценке моральных сил Поль-

ши. Надо думать, что в основу неправильной оценки лег формальный подсчет вооруженных сил Польши и тот факт, что в 1920 году Польша выиграла войну у только зарождавшегося тогда и раздираемого Гражданской войной будущего СССР. Эту победу поляков определила глупость и трусость командовавшего Западным фронтом РККА М. Тухачевского, а отнесли ее в заслугу Пилсудскому и польской шляхте. Интересно, что сам Пилсудский, надо отдать ему должное, назвал свою победу «комедией ошибок», хотя он действительно, как настоящий великий полководец, приложил все силы, чтобы эта польская победа состоялась. Но она никак не изменила гнусную сущность польской шляхты, которая хороша только для внезапного мятежа и которая быстро удирает за границу, как только возникает угроза собственной жизни. Никто как-то не оценил, что у польской шляхты нет традиции исполнять свой воинский долг перед Польшей с риском для жизни.

Можно представить, какой неожиданностью для немцев была деморализация польской армии, ведь до весны 1939 года немцы и поляки были фактическими союзниками — еще в 1938 году они вместе напали на Чехословакию и заставили ее капитулировать, причем Польше досталась Тешинская область Чехословакии. Немцы даже наметок военных планов против Польши до весны 1939 года не имели, не вели они и никакой подрывной работы против Польши. Когда стало понятно, что с Польшей придется воевать, немцы наверняка начали работу по формированию в Польше пятой колонны, пытаясь возбудить для этого западноукраинских националистов, но ничего не успели сделать, и эти националисты никак в последовавшей германо-польской войне себя не проявили.

Да, успехи поляков в войне 1920 года внесли капитальную ошибку в оценку шляхты. Слова же самого маршала Пилсудского о том, что это он заставил поляков победить (*«Я победил вопреки полякам... Победы одерживались с помощью моего кнута»*), и его характеристику полякам как идиотам Сталин и Гитлер, видимо, считали простым хвастовством и последствиями старческого маразма и тяжелой болезни Пилсудского. Между тем свою книгу «1920 год» Пилсудский написал еще в 1924 году, когда не был ни стариком, ни диктатором Польши, а события войны 1920 года еще у всех были свежи в памяти. А в этой книге он характеризовал польскую элиту как *«мудрствующее бессилие и умничающую трусость»*. Когда Пилсудский метался со своего Южного фронта, где пытался остановить Буденного, на Северный фронт, где пытался остановить удирающие толпы польской армии, эта элита за его спиной

послала к Советскому правительству делегацию, как он пишет, «с мальбой о мире». Он и тех, кто был правителем Польши в 1939-м и в последующих годах, уже в 1924 году описывает как откровенных трусов. Пилсудский пишет, что затратил огромные силы в войне 1920 года, планируя операцию в расчете на заверения генерала Сикорского, что тот удержит Брест 10 дней, но Сикорский удрал из Бреста уже на следующий день после того, как дал обещание. Маршалу в 1939 году, а в 1920 году еще генералу Рыдз-Смиглы Пилсудский дал приказ нанести *«удар по главным силам Буденного около Житомира»*. Однако трусливый Рыдз-Смиглы *«отвел свои войска в северо-западном направлении... как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного»*.

Сталину и Гитлеру для оценки предстоящего поведения Польши надо было брать иные исторические аналогии. Сталину надо было вспомнить Польшу Станислава Лещинского, когда основной боевой тактикой польской армии было бряцание оружием и обещание разорвать противника в клочья с последующим драпом с поля боя после первого же выстрела этого противника. А Гитлеру надо было вспомнить, что эту излюбленную тактику поляки применяли и против Фридриха Вильгельма — отца любимого Гитлером короля Фридриха II. Герцог бранденбургский Фридрих Вильгельм совместно со шведским королем Карлом X пришел под Варшаву в июле 1656 года, чтобы отстоять свое суверенное право на Восточную Пруссию. Их встретила вчетверо превосходящая по силам польско-литовская армия Яна Казимира. Шведы и бранденбуржцы разогнали поляков, лишив их артиллерии. По этому поводу польский писатель Генрик Сенкевич в романе «Потоп» пишет: *«На Варшавском мосту, который рухнул, были утрачены только пушки, но дух армии был переправлен через Вислу»*. Само собой. Как же это можно — польская армия, да без духа? Наверное, когда 30 июля бранденбуржцы со шведами входили в Варшаву, они от этого духа сильно морщились.

При этом Лещинский, заваривший всю эту кашу в XVIII веке, когда дошло дело до личного участия в бою, бросил Польшу, бросил свою шляхту, бросил 2000 присланного Францией войска и удрал за границу. Ян Казимир, который вызвал войну со Швецией и Бранденбургом в XVII веке тем, что потребовал себе шведскую корону, когда дошло дело до личного участия в отстаивании этих претензий, бросил Польшу на разграбление шведам и удрал за границу. Какие были основания считать, что польская элита образца 1939 года поступит как-то по-иному?

Сталин и Гитлер ошиблись, равняя поляков по себе. Каким бы ни был Гитлер, но у него и мысли не было бросить немцев и удрать из Берлина в апреле 1945 года. А когда немцы в октябре 1941 года вплотную подошли к Москве, то в запасную столицу Куйбышев были эвакуированы посольства, наркоматы, институты, но Сталин и не подумал уезжать из Москвы. Командование оборонявшего Москву Западного фронта тогда запросило у Сталина разрешение отвести штаб фронта на восток за Москву, в Арзамас, а командный пункт фронта отвести в саму Москву — в здание Белорусского вокзала. По свидетельству маршала Голованова, Сталин предупредил командование Западного фронта, что если оно вздумает еще отступать, то Сталин его расстреляет и в командование фронтом вступит сам. Немцы уже бомбили Кремль, в охранявшем Кремль полку были убитые и раненые, но Сталин Кремль не покидал.

Занижение оценки моральных сил жертвы агрессии

Оценка Польши была грубейшей ошибкой всех правительств, которая привела к неоправданной переоценке моральных сил этого государства. Но мы видели, что и в оценке моральных сил СССР правительства всех государств кардинально ошиблись, но теперь уже в обратную сторону — очень сильно недооценили моральные силы СССР.

Посмотрите по итоговым числам Второй мировой войны. Известные своей храбростью (по кинофильмам) отчаянные поляки на третий день боев начали удирать от немцев во все стороны и страны, потеряв за три недели войны примерно, одного убитого солдата на 400 человек населения. Бывшие храбрые французы при таких же потерях сдались. Немцы, храбрые, умелые, азартные солдаты, безусловно преданные Германии, потеряли в ту войну за будущее государство для своих детей около 7 миллионов населения, или каждого десятого. И сдались! Советские люди, разбившие 7 из каждых восьми немецких дивизий, потеряли за будущее государство для своих детей каждого седьмого (!) гражданина.

Но не сдались и отстояли свое государство! Почему?

Причем то, что в данном случае явно недооценивались именно моральные силы, а не военные, хорошо видно на примере Советско-финляндской войны.

Когда я сообщаю читателям, что в 1939 году Финляндия желала и хотела войны с СССР с целью захвата у Советского Союза территорий и даже первый выстрел сделала Финляндия, то читатели возмущаются: как это возможно?! Сегодня это дейст-

вительно уму непостижимо: как могла Финляндия со своими 3,5 миллионами населения иметь планы по захвату территории СССР с его 170 млн?!

Тем не менее работа комиссии российско-финских историков в финских архивах приводит именно к такому выводу. Ни о каком отстаивании свободы и суверенитета «бедненькой Финляндии» в правительственных и военных кругах Финляндии и речи не шло. Из оперативных планов финской армии, сохранившихся в Военном архиве Финляндии, следует, что *«предполагалось сразу после нападения СССР перейти в наступление и занять ряд территорий, прежде всего в Советской Карелии... командование финляндской армии окончательно отказалось от этих планов лишь через неделю после начала “зимней войны”, поскольку группировка Красной армии на этом направлении оказалась неожиданно мощной»*. Финляндия собиралась установить новую границу с СССР по *«Неве, южному берегу Ладожского озера, Свири, Онежскому озеру и далее к Белому морю и Ледовитому океану (с включением Кольского полуострова)»*. Вот так!

В войне 1939–1940 годов Финляндия отказалась от этих планов только через неделю после начала войны, когда реально попробовала наступать и у нее это плохо получилось. По этим планам укрепления «линии Маннергейма» отражали удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Граница новой Финляндии должна была быть отодвинута и проходить, как вы прочли выше, по линии Невы — южный берег Ладожского — восточный берег Онежского озер — Белое море.

Разгром финской армии в 1940 году финнов ничуть не успокоил, эти планы оставались в действии и тогда, когда Финляндия примкнула к нацистской Германии в ее агрессии против СССР в 1941 году. Тогда правительство СССР начало энергично пробовать мирно вывести Финляндию из войны. По просьбе СССР посредниками стали Англия и США. Советский Союз предлагал вернуть Финляндии занятые в зимней войне 1939–1940 года территории и еще пойти на территориальные уступки. Англо-американцы настаивали, сами угрожая Финляндии войной. Но финны не уступали, и в ответной ноте США 11 ноября 1941 года Финляндия заявила: *«Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы действительно необходимо для Финляндии и в интересах действительности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы толь-*

ко ее силы были для этого достаточны». Об этом интересующиеся могут сами прочесть в подборке документов журнала «Родина». Документы тем более убедительны, что весь журнал издается администрацией президента России и выдержан в сугубо антисоветском духе.

Надо понять, что со стороны Финляндии цели войны выглядели очень соблазнительными и с экономической, и с военной точек зрения: площадь Финляндии увеличивалась вдвое, а сухопутная граница с СССР сокращалась более чем вдвое. Граница проходила бы сплошь по глубоким рекам и мореподобным озерам. Надо сказать, что цель войны, поставленная перед собою финнами, если бы она была достижима, не вызывает сомнений в своей формальной разумности.

Даже если бы не было финских документов по этому поводу, то об этих сугубо агрессивных планах можно было бы догадаться. Посмотрите на карту тех времен. Финны укрепили «линией Маннергейма» маленький кусочек (около 100 км) границы с СССР на Карельском перешейке — именно в том месте, где по планам и должна была проходить их постоянная граница. А тысяча километров остальной границы СССР? Ее финны почему не укрепляли? Ведь если бы СССР хотел захватить Финляндию в ходе войны 1939–1940 годов, то Красная армия прошла бы туда с востока, из Карелии. «Линия Маннергейма» просто бессмысленна, если Финляндия действительно собиралась обороняться, а не наступать. Но, в свою очередь, при наступательных планах Финляндии строительство оборонительных линий на границе с Карелией становилось бессмысленным — зачем на это тратить деньги, если Карелия отойдет к Финляндии и укрепления надо будет построить, вернее, достроить к «линии Маннергейма» на новой границе! На границе, которую предстояло завоевать в 1939 году!

Соблазн соблазном, но ведь финны не полные же идиоты — как они могли на это решиться: с 3,5 миллионами выступить против 170?

Разумеется, правительственные и военные круги Финляндии надеялись на то, что к ним примкнут великие державы и тоже объявят войну СССР, благо Англия и Франция бездействовали в войне с Германией, а СССР заключил договор о дружбе с ней. И, судя по событиям, какие-то устные обещания финны от великих держав получили. Но главное не в этом. Дело в нас — мы почти всегда допускаем ошибку: мы на события тех дней смотрим сегодняшними глазами. Сегодня мы знаем, чем был СССР, мы знаем, что он почти один на один выдержал натиск всей Европы и победил. Но кто это знал тогда — в 1939 году?

Давайте вернемся в то время и посмотрим на Россию глазами тех людей. К началу Второй мировой Россия более 100 лет неспособна была выиграть ни одной войны. Десант англичан и французов под Севастополь в 1854 году принудил Россию сдаться. Балканская война, формально выигранная, была проведена столь слабо и бездарно, что ее старались не рассматривать даже при обучении русских офицеров. Проиграна была война Японии, маленькой стране. В 1914 году русская армия почти вдвое превосходила армию австро-немецкую и ничего не способна была сделать! В 1920 году только оперившаяся Польша отхватывает у СССР огромный кусок территории. Да что Польша! В 1918 году белофинны со зверской беспощадностью громят советскую власть в Финляндии. И если в ходе боев с обеих сторон числится всего 4,5 тысячи убитых, то после боев белофинны расстреливают 8000 пленных и 12 000 умирают с голода в их концлагерях. Были безжалостно убиты на территории Финляндии все русские большевики. А Советская Россия в помощь им даже пальцем не способна была пошевелить. Ведь гитлеровское определение СССР как «колосса на глиняных ногах» не из вакуума взялось.

И добавьте к этому советских диссидентов. Ведь вся разведка как Финляндии, так и всех стран либо прямо велась через них, либо велась с их помощью, и наверняка штабами всех стран не принималась во внимание заинтересованность диссидентов в соответствующем искажении действительности. К примеру, финская тайная полиция докладывала правительству накануне войны, что в СССР 75% населения «ненавидят режим». А ведь это означало, что нужно только войти в СССР — и население само уничтожит большевиков, встретит «армию-освободительницу» хлебом-солью и уж в любом случае воевать за большевиков не будет. Генштаб Финляндии, базируясь на анализе предательских действий советского маршала Блюхера в боях с японцами на озере Хасане летом 1938 года, докладывал, что Красная армия не способна не только наступать, но и обороняться. Учитывая такую слабость противника, грех было не воспользоваться ею, посему финское правительство и не сомневалось, что один на один Финляндия способна вести войну с СССР не менее шести месяцев и победить. И оно, повторю, было уверено, что за такой огромный срок сумеет привлечь на свою сторону какую-либо из великих держав в союзники.

Как вы поняли из приведенной выше цитаты из Дейтона, в оценке моральных сил СССР финское правительство выглядит не более глупо, чем правительства Англии или США и

тем более чем Гитлер. В 1941 году Гитлер бодро атакует СССР, а уже 12 апреля 1942 года, чтобы объяснить провал блицкрига, выдает идиотскую тираду: *«Вся война с Финляндией в 1940 году — равно как и вступление русских в Польшу с устаревшими танками и вооружением и одетыми не по форме солдатами — это не что иное, как грандиозная кампания по дезинформации, поскольку Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой»*. По Гитлеру, получается, что Сталин специально прикидывался слабым, чтобы не перепугать Гитлера перед нападением на СССР. То есть в 1941 году и Гитлер грубейшим образом и для Германии фатально ошибся в оценке моральных сил СССР.

* * *

Поскольку рассматривается вопрос молниеносной войны, то есть мы смотрим на проблему со стороны агрессора, то можно сделать вывод, что уничтожение моральных сил противника путем деморализации его народа (и армии) — наиболее экономичный и наименее рискованный способ победы в войне. Это же и наиболее надежный путь (если придется) провести «горячую» фазу войны молниеносно. Способы деморализации можно свести к трем принципиальным:

— внушить народу-жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору;

— «разделяй и властвуй!» — разделить общество на части, а эти части если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным — то, что и требуется;

— склонить влиятельную часть общества к отказу от исполнения долга перед обществом посулом материальных благ или власти в завоеванном государстве — играть на алчности, глупости, трусости и подлости отдельных страт и личностей.

Разумеется, все это надо делать заблаговременно, поскольку подрыв моральных сил — это процесс не быстрый и надо максимально использовать мирный период с его открытостью и возможностью относительно легально вести вербовку и пропаганду.

Замечу, не принято относить к пятой колонне генерально-офицерский состав армии — его считают просто предателями, что, в общем-то, так и есть. Однако надо понимать, что если генерально-офицерский состав армии в мирное время формируется не из людей высоких моральных качеств, а

из людей, которые идут в армию всего лишь для того, чтобы иметь высокий статус и хорошее материальное положение, то эти люди на самом деле и не умеют воевать и сами знают это. То есть они заведомо запуганы собственным непрофессионализмом, собственным неумением воевать. Посему при угрозе войны и возрастающем риске гибели вообще и в частности от собственного непрофессионализма эти люди также могут стать аналогом пятой колонны. Стать сознательно еще до войны или по чистой трусости уже с началом войны.

Облегчает создание пятой колонны наличие в стране-жертве большого количества «бабу» — глупцов, сумевших получить образование, а вместе с ним и амбиции, несоразмерные способностям.

Военная теория молниеносной войны

Однако немцы во Второй мировой войне не только громили государства-жертвы всеми имевшимися в распоряжении Третьего рейха силами, не только пятыми колоннами, но и немецкая армия выигрывала у противников сражение за сражением. Немецкая армия действительно была чрезвычайно сильна, причем не только с моральной точки зрения, но и по всем чисто военным аспектам. Невозможно оспорить тот факт, что военный гений и талант немецких генералов внес в молниеносную войну свой вклад по максимуму.

С первого взгляда рассмотрение военной силы немцев как бы упрощается тем, что редкий историк связывает молниеносность войны еще с чем-нибудь, кроме собственно военных действий, то есть вопрос, казалось бы, донельзя изучен вдоль и поперек. В результате и энциклопедии подают молниеносную войну как чисто военное мероприятие. Скажем, русский вариант Википедии дает о ней такую краткую справку: **«Блицкриг** (нем. *Blitzkrieg*, от *Blitz* — «молния» и *Krieg* — «война») — теория ведения скоротечной войны, согласно которой победа достигается в сроки, исчисляемые днями, неделями или месяцами до того, как противник сумеет мобилизовать и развернуть свои основные военные силы. Создана в начале XX века Альфредом фон Шлиффеном. Суть современной стратегии блицкрига заключается в автономных действиях крупных танковых соединений (танковых групп) при активной поддержке авиации. Танковые подразделения прорываются в тылы противника на большую глубину, не вступая в бой за сильно укрепленные позиции. Целью прорыва является захват центров управления и нарушение линий снабжения противника. Основные силы противника, оказавшиеся без управления и снабжения, быстро теряют боеспособность».

Хотя это и не имеет значения, но «теория» Шлиффена имела вид не теории молниеносной войны, а была всего лишь конкретным планом войны с Францией, молниеносность которого благополучно провалилась при попытке реализовать этот план на практике. Правда, в статье о Шлиффене Википедия пишет: *«При подготовке Второй мировой войны Гитлер, уверенный (на основании срыва Великобританией и Францией Московских переговоров 1939 г., на которых так и не было подписано соглашение о союзе против агрессии гитлеровской Германии) в полном исключении опасности войны на два фронта, решил воспользоваться разработками Шлиффена, и основные положения плана (марш через Бельгию) были оставлены в силе»*. Опять не то, поскольку на самом деле, как пишет Кейтель, идея нового плана разгрома Франции с самого начала была оригинальным планом Гитлера, а не Шлиффена.

Еще в октябре 1939 года, когда рассматривался самый первый вариант плана войны во Франции, разработанный немецким Генштабом, то, по утверждению Кейтеля, произошло следующее: *«Несколько дней спустя — это было, верно, в середине октября — генерала Гальдера вызвали к фюреру для доклада оперативного плана “Запад”. Присутствовали Йодль и я. Хотя Гитлер и перебивал докладчика различными репликами, но в заключение сказал: от высказывания своей позиции он воздержится до тех пор, пока Гальдер не вручит ему карту с планом операции. Когда Гальдер удалился, Гитлер заявил нам примерно следующее: ведь это же старый план Шлиффена с сильным правым крылом на Атлантическом побережье; такие операции дважды безнаказанно не проходят! Я же придерживаюсь совсем иного взгляда и в ближайшие дни скажу вам (Йодлю и мне) об этом, а потом сам поговорю с ОКХ»*.

Из-за нехватки времени не хочу здесь рассматривать вытекавшие отсюда оперативные вопросы, а ограничусь констатацией: именно лично Гитлер требовал прорыва танковых групп через Седан к побережью Атлантики у Абвилля, с тем чтобы охватить с тыла и отрезать пробивающуюся сюда, как можно было предвидеть, франко-английскую моторизованную армию».

Немецкий Генштаб против этого плана Гитлера встал на дыбы, но Гитлер настоял на своем: *«Мы выиграем эту войну, даже если она стократно противоречит доктрине Генштаба»*. И немцы выиграли войну против Франции и ее союзника Великобритании молниеносно. Но это к слову не о молниеносной войне, а об ее историках.

Главная же идея молниеносной войны по Википедии — прорыв фронта и *«захват центров управления и нарушение*

линий снабжения противника». А кому и когда это было неизвестно и когда и кто не пытался это сделать? К примеру, до начала XVIII века воюющие армии не отходили от баз снабжения далее, чем позволял это сделать запас сухарей в ранце, и все оперативное искусство генералов и состояло в том, чтобы перерезать противнику пути снабжения. А в XX веке это стало диковинкой?

Английский вариант Википедии, написанный англоговорящими историками, добавляет к русскому варианту не много: *«Метод ведения войны, согласно которому атакующая сторона концентрирует на острие удара бронетанковые и моторизованные или механизированные пехотные соединения и при сильной поддержке авиации прорывается в тыл противника с помощью серии глубоких продвижений; оказавшись в тылу противника, сбивает его части с подготовленных позиций, используя скорость и внезапность, с последующим окружением. Путем камбинированного использования различных родов войск в маневренной войне, блицкриг ставит целью вывести противника из устойчивого боевого состояния, затрудняя эффективный ответ противника на постоянно меняющуюся конфигурацию фронта, и победить путем нанесения решающего поражения»*. Как видите, сюда добавлено окружение, но это не метод выиграть войну — это метод выиграть сражение, и потом — кто и когда об этом не знал? Еще в III веке до нашей эры Ганнибал окружил под Каннами и уничтожил римскую армию. А в XX веке окружение противника стало военной находкой?

Единственная оригинальная идея Шлиффена — это то, что быстрота войны является ее главным методом — главным «инструментом». Главным потому, что при быстрой войне враг не успевает подготовить адекватный ответ ни в политическом, ни в организационном, ни в тактическом отношениях. И вот эта идея — быстрота, действительно использовавшаяся Гитлером, — остается незамеченной аналитиками и историками в пользу нескончаемых размышлений о превосходстве в воздухе и танковых клиньях.

Между тем эта древность, известность и понятность всех способов боев и операций молниеносной войны привела к тому, что ряд немецких генералов (скажем, Ф. Гальдер, К. Штудент) и после окончания Второй мировой прямо утверждали, что у немецкого командования НИКОГДА НЕ БЫЛО ни концепции, ни теории молниеносной войны. С военной точки зрения такой войны нет, а немецкие генералы просто *«использовали нужные части в нужном месте и в нужное время»*,

как они это делали при любом развитии событий на фронте — хоть молниеносном, хоть позиционном.

Для дальнейшего рассмотрения принципиальных положений военного искусства, сначала рассмотрим общие принципы военной победы над противником на поле боя, но для себя отметим, что в конфликте мало-мальски равных по силе стран единственная осмысленная попытка провести войну быстро за счет только военного искусства (немцами в августе 1914 года) увенчалась провалом.

Факторы тактического преимущества

Военное дело включает в себя:

- стратегию — способы выиграть войну;
- оперативное искусство — способы победить в операции по уничтожению крупных сил противника или по захвату вражеских областей;
- и тактику — способы победить противостоящего противника боем.

Стратегия — это профессиональное дело руководителей государств, а генералы хотя и мнят себя стратегами по старинке, но не могут ими быть уже потому, что им не принадлежит руководство ни моральными, ни экономическими силами государства.

Генералам остаются тактика и оперативное искусство. Начнем с тактики и с эпохи архаических войн, поскольку время меняло оружие и способы его применения, но не меняло принципы победы в бою (тактику самого боя), посему и аналогии тут уместны.

Мы пропустим период, когда бои велись только врукопашную, и возьмем для модели период, когда на поле боя стал властвовать ружейный и артиллерийский огонь. Но с самого начала нужно упомянуть о том, что с развитием огнестрельного оружия незаметно, но неуклонно стало терять боевой смысл такое понятие, как атака. Имеется в виду ускоренное движение своих войск, подбадривающих себя боевыми кличами, на войска противника. Когда уничтожение солдат противника велось только за счет мускульной силы (копьем или мечом), атака добавляла этой силе энергию движения атакующих и смущала противника.

Но когда уничтожать противника стали пуля и снаряд, причем скорострельность оружия непрерывно возрастала, а строй солдат все время разрежался, превращаясь в цепь, даже такое холодное оружие, как винтовочный штык, потеряло значение и, по сути, стало архаикой еще в конце XIX века.

А немецкий фельдмаршал А. Шлиффен в начале прошлого века в своей работе «Современная война» подборкой фактов уже ставил крест на холодном оружии:

«Винтовки и орудия легки и удобны для манипулирования, они просто заряжаются, быстро стреляют, обладают большой дальностью, надежно поражают цель, господствуют над большим пространством. Новый порох, не давая видимого издали дыма, не позволяет обнаружить ни артиллериста, ни орудия. Пули минимального диаметра и веса позволяют производить подвоз больших количеств боевых припасов и дают возможность использовать скорострельность винтовок. Представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто. Едва успела одна пуля покинуть ствол винтовки, как за ней следует другая. Если только рука стрелка уверена, а глаз меток, то ему удастся поразить самую отдаленную цель. Движущая сила так велика, что поражается почти все пространство между дулом винтовки и целью.

...Никакая войсковая часть в сомкнутом строю, никакой отдельный и во весь рост стоящий человек не может устоять под дождем пуль. Уже при Марс-ля-Туре, где применялось оружие, с нашей точки зрения несовершенное и теперь уже устаревшее, один прусский полк, шедший в атаку сомкнутым строем, потерял в течение менее чем получаса 68% своего состава. Три года назад японская бригада Намбу оплатила свою смелость в гораздо более краткий срок потерями в 90% своего состава. В Южной Африке расположенный в укрытии одиночный стрелок легко выводил из строя 14 атаковавших его бойцов».

Какой уж тут штык! Но об этом позже и специально.

А я начну с важнейшего момента, еще в XVII веке удачно сформулированном французским маршалом дэ Эстамп дела Ферте: «Бог всегда на стороне больших батальонов».

Вот давайте гармонию этой мысли проверим алгеброй, вернее арифметикой.

Предположим, у нас 100 солдат-роботов с одной и другой стороны, они стоят строем друг против друга (как реально и было в тех войнах) и стреляют друг в друга, делая один выстрел в минуту (скорострельность ружей два века назад). Предположим также, что вероятность попадания с обеих сторон одинакова и равна 10%. Посмотрим теперь, каковы будут потери сторон после 4 минут боя — после 5 залпов? (Одна пуля уже была в стволе.) После 1-го залпа в строю каждой сто-

роны останется по 90 солдат, после 2-го — по 81, после 3-го — по 73, после 4-го — по 66, после 5-го — меньше 60. То есть потери будут около 41 солдата.

А теперь представим, что одна из сторон имеет не 100, а 200 солдат. Тогда после 1-го залпа у этой стороны в строю останется 190 солдат, а у противника — 80. После 2-го — 182 и 61, после 3-го — 176 и 43, после 4-го — 172 и 26, после 5-го — 169 и 9. Потери «большого батальона» — 31 солдат, «малого» — 91 солдат. Не только слабые потеряли более чем в два раза больше, но и сильные потеряли существенно меньше, чем в случае сражения равными силами.

При этом не имеет никакого принципиального значения, как именно вы организовали на поле боя свой «большой батальон». Могли, как в модели, подвести больше солдат к боевым порядкам противника. А могли отсечь часть его войск и расправиться сначала с нею, или напасть на слабо вооруженных, или могли сманеврировать так, чтобы не все солдаты противника во время боя могли действовать оружием. Принцип «большого батальона» — принцип резкого увеличения потерь противника и сокращения своих потерь — останется.

А теперь представим, что наших солдат-роботов по-прежнему одинаковое количество, но один противник стреляет в два раза чаще, то есть в 4 минуты делает не 5 выстрелов, а 9. Не буду перегружать текст числами, но через 5 минут боя у быстро стреляющих в строю останется 67 солдат, а у медленно стреляющих — 26. Опять не только медленные потеряли больше, но и скорострельные потеряли меньше.

А теперь представим при тех же условиях по 100 солдат-роботов в строю и стреляющих с одинаковой скорострельностью, но одна команда стреляет в 2 раза точнее, то есть с каждым залпом в ней попадает не один из десяти солдат, а один из пяти. Опять не буду перегружать текст числами, но через 5 залпов у метко стреляющих в строю останется 69 солдат, а у посредственно стреляющих — 17. Опять не только промахивающиеся потеряли больше, но и меткие потеряли меньше.

Не будем загружать себя расчетами ввиду их очевидности, но такой же эффект будет иметь защита одной стороны от огня другой. В древние времена это была индивидуальная защита (щиты, латы, кирасы) или коллективная защита — крепости и их полевые аналоги. С середины XIX века — с увеличением мощности поражающих снарядов — в практику вошла защита себя землей, вошло окапывание обороняющихся. Уже в ходе Гражданской войны в США (1861–1865) выяснилось, что войска, находящиеся в окопах, несут потерь в три раза меньше,

чем атакующие их войска. С Первой мировой появился еще один вид защиты — броня танков и боевых машин.

Но это не все виды защиты. Защитой может быть и возможность открывать огонь по противнику с расстояния, с которого он не может тебя поразить. Скажем, поражение русских войск в Крымской войне во многом определило то, что англо-французская пехота была вооружена более дальнобойными нарезными ружьями. В результате она наносила русским войскам урон с расстояния, на которое русские гладкоствольные ружья просто не добивали.

Защитой может быть незаметность для противника. Тут важна и маскировка, и нахождение за складками местности, за деревьями и т. д. — все, что делает тебя менее заметным по сравнению с твоим открытым стоянием на чистом месте во весь рост. Защитой может быть и быстрота передвижения в зоне воздействия огня противника, ведь противнику для подготовки выстрела и тем более такого огня, как артиллерийский, требуется время, кроме этого, для полета пули и снаряда тоже требуется время. При собственной быстроте маневра в зоне досягаемости оружия противника его снаряды будут падать уже на пустое место. Наконец, можно добиться, чтобы противник или вообще не стрелял, или стрелял не прицельно, что тоже является собственной защитой. Для этого противника можно ослепить, к примеру дымом, а можно вести по нему настолько плотный огонь, что он не сможет не только прицельно стрелять, но и головы поднять.

Забегая вперед, отмечу, что такие виды защиты, как броня боевой техники или бронежилеты, — это, конечно, следствие ответственной работы правительства и возможностей экономики государства. Но вот все остальные способы доступны любому офицеру и генералу, и если войска гибнут из-за того, что командиры не использовали на поле боя имеющиеся средства защиты — местность, маневр, маскировку, — то это вина генералов и офицеров, вина их неграмотности и безответственности.

Оба первых фактора тактики — количество войск и скорострельность — можно объединить в один — мощность огня.

Меткость огня надо осовременить и добавить эффективность снарядов у цели. В XIX веке артиллерийская граната полупудового единорога, весившая более 8 кг, при разрыве давала до 15 осколков, а в XX осколочно-фугасный снаряд 76-мм орудия, весивший 6,2 кг, давал 600–800 убойных осколков. Это надо учесть и ввести меткость в суммирующий фактор — эффективность огня.

Теперь пару слов об оперативном искусстве. Это понятие возникло сравнительно недавно и не всеми признается. Дело в том, что это только в настоящее время тактикой считается только искусство выиграть бой, но в старом, исконном значении этого слова — это искусство использовать местность для победы. То есть использовать ее для придания дополнительной силы своим войскам, или, иными словами, для придания дополнительной поражающей силы имеющемуся у твоих войск оружию. Кредо Наполеона: *«Военное искусство — это умение быть сильнее противника в нужном месте и в нужное время»*.

Но во времена Наполеона это нужное место располагалось на (от силы) паре сотен квадратных километров, а маневрировавшие войска редко превышали сотню тысяч человек, причем практически все необходимое для боя и жизни было при них. (Кстати, когда Наполеон вошел в Россию и трудности нахождения «нужного места» возросли на порядок, он уже не сумел быть сильнее в «нужное время» и потерпел поражение практически без решающих боев со стороны русской армии.) Сейчас же масштабы сражений увеличились многократно, потребности войск в сообщении с тылом на порядки возросли, соответственно, действительно имеет смысл эту часть тактики (использование местности в крупных операциях) выделить в отдельное искусство. Но принципы и тактического, и оперативного искусства остаются одинаковыми — *«это умение быть сильнее противника в нужном месте и в нужное время»*.

К этому следует добавить, что и раньше слабой частью любой армии были те, кто находятся за боевыми линиями — в тылу. Это тыловые и специализированные войска. Они если и вооружены, то не комплексно и не в состоянии равноценно противостоять боевым войскам противника, но без этих тыловых и специализированных войск и свои боевые войска много (долго) не навоюют. Поэтому само собой разумеющимся является маневр прорыва боевых линий противника и выход ему в тыл с желательным окружением части его войск — тут и легкая добыча, и слабое сопротивление, и обессиливание боевых частей противника отсечением им путей снабжения и пополнения. Это настолько понятно не теоретическому болтуну, а настоящему военному, что немецкие генералы на вопрос о молниеносности войны при помощи их «танковых клиньев», как вы видите, чешут в затылке и сообщают, что не было у них никаких ни собственно военных концепций, ни собственно военных теорий молниеносности. Просто они *«использовали нужные части в нужном месте и в нужное время»*.

Итак, факторы **тактического преимущества** — факторы **нанесения противнику максимальных потерь:**

- 1. Больше, чем у противника, мощностъ огня.**
- 2. Больше, чем у противника, эффективностъ огня.**
- 3. Лучше, чем у противника, защищенностъ от его огня.**

Что в данном случае очень важно. Перечислены принципы, ведущие к победе в боях, повторю, ПРИНЦИПЫ. То, чему должны соответствовать все остальные составляющие боя. Если какая-то деталь тактики или оружия, если какой-то метод боя этим принципам не соответствуют, то они в лучшем случае лишние, если не просто вредны.

Как видите, ничего нового или заумного в этих принципах просто нет, почему Клаузевиц и писал, что военное дело доступно любому здравому уму. Но воевать трудно, поскольку вопрос, как этих преимуществ достичь и будут ли они достигнуты, зависит от генералов. И при рассмотрении военных сил государства все в конечном итоге и сведется к генералам. И, разумеется, к главам государств. В первую очередь к тем главам, идеи которых были внедрены в организацию и вооружение армии еще до войны, как это было в случае с А. Гитлером. Да, разумеется, когда война начинается, то главы государств по своему положению стратегов обязаны заниматься армией на всю им посильную глубину встающих перед армией проблем, но если генералы накуролесили до войны, то тут и главам государств можно посочувствовать.

Однако при рассмотрении военных сил государства о генералах разговор будет отдельно. И постоянно. Сейчас же просто пара примеров для затравки, чтобы убрать неясности в вопросе, что значит понимать принципы тактики.

Был в немецкой истории прусский король Фридрих II (1712–1786), весьма воинственный полководец. После двух мировых войн, в которых Россия и СССР воевали с немцами, об этом короле не принято вспоминать, тем более хорошо, но современные ему русские генералы, такие как П. Румянцев или А. Суворов (кстати, сражавшиеся с его войсками), ставили себе его примером. (Как-то в ресторане разговорился с немцем и вспомнил об этом короле. Немец очень удивился, во-первых, тому, что я слышал о «старом Фрице», во-вторых, тому, что этот король терпел поражения от русских войск. В немецкой истории он остался непобедимым.)

Перед военным делом у Фридриха II действительно много заслуг. Он, к примеру, ввел в тактику «косую атаку» — удар по флангу, что при тогдашнем линейном построении войск было весьма эффективно. Он не сторонился рукопашной схватки —

его «черные гусары» в сабельной атаке обязаны были мчаться на противника в таком плотном строю, что живые лошади удерживали убитых и несли их на врага вместе со всадниками. Однако именно Фридрих II ввел усовершенствованные ружья для прусской пехоты.

Ружье тех времен заряжалось с дула, замок был кремневый. Чтобы зарядить ружье, нужно было открыть полку, в которую выходило запальное отверстие, откусить конец бумажного патрона, отсыпать из патрона немного пороха на полку, а поскольку полка относительно маленькая, то при этой операции нужна была особая тщательность, то есть потеря времени. Затем закрыть полку, всыпать остатки пороха в дуло, послать за порохом остаток бумаги патрона с пулей, вынуть шомпол, прибить пулю шомполом, вставить шомпол на место, взвести курок и начать целиться. Все это занимало около минуты и, казалось бы, убыстрить процесс заряжания невозможно. Но при Фридрихе II ружья прусской пехоты усовершенствовались тем, что изнутри ствола запальное отверстие рассверливалось на конус и частицы падающего в ствол пороха, отскакивая от дна ствола, залетали через этот конус на полку. В результате сокращалась самая медленная операция — открывать полку и сыпать на нее порох, теперь солдат откусывал конец патрона и сразу сыпал весь порох в дуло. Думаю, что это совершенствование имело недостатки, возможно частые осечки, поскольку ни о чем подобном в других армиях я не слышал. Но в данном случае важно стремление короля увеличить скорострельность своей пехоты — увеличить мощность ее огня. Можно ли после этого упрекнуть «старого Фрица» в том, что он не понимал, что именно делает тактику твоих войск сильной?

А во второй половине XIX и начале XX века в русской армии служил генерал М. Драгомиров. С 1878 по 1889 год он был начальником Академии генерального штаба, то есть учил офицеров русской армии воевать и даже написал для них «Учебник тактики». И этот учитель военного дела высшего русского офицерства был известен как ярый противник скорострельного оружия, даже приему на вооружение простой магазинной винтовки сопротивлялся. А в 1887 году при испытании пулемета генерал Драгомиров выдал сентенцию о скорострельности оружия: *«Излишняя быстрота стрельбы вовсе не нужна для того, чтобы расстреливать вдогонку человека, которого достаточно подстрелить один раз»*. Можно ли ввести в заслугу Драгомирову, что он понимал, что делает тактику сильной?

Вот и вопрос — да, военное дело доступно здравому уму, но доступно ли оно уму абсолютно всех генералов?

И если говорить не просто о тактике — о нанесении противнику максимальных потерь, — а о победе в бою, то никуда не деться и от главного принципа победы, на который все же снова придется отвлекаться.

Главный фактор боя

Итак, та противоборствующая сторона будет иметь тактическое преимущество, у которой командование организует на поле боя более мощный огонь, лучшую его эффективность и лучшую собственную защиту от огня противника. Это преимущество приведет к тому, что противник начнет нести большие потери, чем ваши войска, в конце концов противник не выдержит и либо сдастся, либо побежит, но тогда его надо преследовать, а именно при преследовании противник и понесет максимальные потери, которые его окончательно обессилят. Но означают ли большие потери противника победу в бою?

Разумеется, нет. Как и в случае войны государств, на первом месте стоит моральная сила войск, и победу может одержать и та сторона, которая понесла большие потери, но оказалась морально сильнее. Чтобы не быть голословным, следует подтвердить тезис примерами, но примеров этому в истории настолько много, что трудно подобрать подходящие. Разумеется, нам более интересны примеры отечественной истории, а поскольку я только что упомянул о короле Пруссии и герцоге Бранденбургском Фридрихе II, то в качестве первого примера приведу битву у немецкой деревни Цорндорф, произошедшую более 250 лет назад. Дам ее описание из книги Ф. Ф. Нестерова «Связь времен», книги несколько сусальной и однобокой, но написанной ярко и на важную тему преемственности поколений:

«В августе 1758 года русская армия под командованием англичанина Фермора разбила свой лагерь рядом с деревней Цорндорф. Вся артиллерия была расположена на той его стороне, что выходила на реку Митцель и откуда ждали пруссаков. Русские батареи, заблаговременно сооруженные на высоком и обрывистом берегу, надежно господствовали над поймой.

Но Фридрих и не помышлял о том, чтобы форсировать реку под огнем русских. Совершив обходной маневр и не встретив на своем пути даже русских дозоров, он спокойно развернул свою армию в боевой порядок в совершенно незащищенном тылу русского лагеря и приказал своей артиллерии и пехоте открыть беглый огонь. «Ни одно ядро не пропадет у нас даром!» — весело воскликнул он.

Русский главнокомандующий Фермор после первых же прусских залпов понял, что все пропало; дал шпоры своему боевому коню и галопом покинул поле боя, бросив на ходу, что отправляется за помощью к корпусу Румянцева. Но не так думали солдаты и офицеры. Вместо того чтобы бросать оружие, размахивать белыми платками или прыгать с обрыва, они впрягаются в орудия, разворачивают их, перевозят на новые импровизированные огневые позиции. Эти варвары, как потом объясняли происшедшее свидетели-иностранцы, не знали различия между фронтом и тылом, не понимали, что их положение безвыходно, и считали фронтом просто-напросто то место, откуда атакует неприятель. Построившиеся было полки, едва придя в движение, напирают друг на друга, смешиваются, превращаются в бесформенную и сжатую человеческую массу, где действительно ни одно прусское ядро не пропадает даром. В одном из концов лагеря солдаты натываются на маркизантский склад, разбивают бочки с водкой и в несколько минут становятся пьяными тысячами. Фридрих, наблюдающий эту сцену сквозь подзорную трубу, бросает тогда на русский лагерь своих “черных гусар”, чтобы довершить истребление противника.

Король был уверен в полной победе — впрочем, чем дальше, тем менее. “Фермор сдается... он сдался... впрочем, я еще не уверен в этом”, — посылал он депеши своему брату, герцогу Брауншвейгскому. К счастью для русских, в эти критические часы их командующий был слишком далеко, чтобы вести переговоры о капитуляции. Между тем сумятица в лагере вопреки ожиданиям Фридриха совсем не привела к панике. Никто там не думал о бегстве или о сдаче. Отборная прусская кавалерия была встречена плотным огнем, ружейным и пушечным. Атака следовала за атакой, но все они разбивались как волны об утес. “Сами пруссаки говорят, что им представилось такое зрелище, какого они еще не видывали, — рассказывает участник битвы при Цорндорфе, русский офицер Болотов. — Они видели везде россиян малыми и большими кучками и толпами, стоящих по расстрелянии всех патронов своих, как каменных, и обороняющихся до последней капли крови, и что им легче было их убивать, нежели обращать в бегство. Многие, будучи простреленными насквозь, не переставали держаться на ногах и до тех пор драться, куда могли их держать на себе ноги; иные, потеряв руку и ногу, лежали уже на земле, а не переставали еще другою здоровою рукою обороняться и вредить своим неприятелям...”. Французский дворянин на прусской службе де Катт в записках “Мои разгово-

ры с Фридрихом” свидетельствует о том же: “Русские легли рядами; но когда их рубили саблями, они целовали ствол ружья и не выпускали его из рук”. Сам Фридрих позднее вспоминал этот день: “Они (русские) неповоротливы, но они держатся стойко, тогда как мои негодяи на левом фланге бросили меня, побежав...”.

...Русская же армия при Цорндорфе как раз совершила это “невозможное”, ибо сражалась в условиях немыслимых, не предусмотренных никакими уставами. Брошенная на произвол судьбы командующим, она все же под губительным огнем противника пытается перестроиться, что ей не удается сделать до генеральной атаки прусской кавалерии. Обычные узлы дисциплины с нее в этот критический момент спадают, как спали бы, наверное, и с любой другой армии, но это не приводит к ее распаду, как это случилось со шведами при Полтаве и случится с пруссаками при Кунерсдорфе. Несмотря на то что механизм субординации оказался парализованным и приводные ремни, идущие от верховного командования к рядовому солдату, безнадежно спутались, армия осталась армией. Офицеры в смятении выпускают из-под контроля своих солдат, но отдают распоряжения первым попавшимся, и те выполняют их. Солдаты повинуются приказам незнакомых им офицеров не потому, что боятся дисциплинарных взысканий: теперь они ничего не боятся. А потому, что чувствуют к ним доверие, нуждаются в руководстве, в организации среди хаоса, для того чтобы лучше исполнить свой долг. Но вот противник отброшен (русские потеряли убитыми и ранеными 18 тысяч, пруссаки — 10 тысяч), и каждый спешит к знамени своего полка (Википедия дает иные сведения: потери русских войск убитыми 16 тысяч и 87 орудий, прусских войск — 11 тысяч и 26 орудий. — Ю.М.). Производится вечерняя перекличка, случится панихида — и вновь перед глазами Фридриха возникает стройная грозная боевая сила, непоколебимо стоящая на прежнем месте, как будто не было его, Фридриха, искусного маневра, не было сокрушительных залпов всей его артиллерии, не было стремительного удара его конницы и размеренно-методического натиска его пехоты. Он застал русских врасплох, он нанес им огромный урон, он сосредоточил свои силы так и ввел их в действие с такой последовательностью, которая всегда вела к победе над любым из его неприятелей. Но победы не было. Когда русские вышли из своего лагеря и направились на соединение с корпусом Румянцева, пруссаки уклонились от нового столкновения и уступили дорогу...».

Как я понял из разговора с помянутым немцем, Фридрих II записал себе и битву при Цорндорфе в «победу по очкам», что, впрочем, не спасло его от взятия русскими войсками Берлина и разорения берлинских укреплений и военной промышленности. И последовавшего разжалования «старого Фрица» из королей Пруссии в простые герцоги Бранденбургские, поскольку русские войска в ходе Семилетней войны отняли у Фридриха II собственно Пруссию и присоединили ее к России. (Через несколько лет русский император Петр III из любви к Фридриху подарил ему Пруссию обратно, чтобы по сумме подобных деяний быть свергнутым русской гвардией и скоропостижно помереть.)

И казалось бы, нужно ли после Цорндорфа удивляться, что СССР, потерпев в 1941–1942 годах от немцев целую серию разгромных поражений своей армии, в конце концов выиграл войну и снова взял Берлин, чтобы в нем заставить немцев подписать капитуляцию.

Казалось бы, уместны слова Суворова: «Мы — русские, какой восторг!». К сожалению, этот восторг сильно портят другие факты истории — те, которые и приводят иностранцев к мысли, что Россия — это колосс на глиняных ногах.

Вот, к примеру, из старины глубокой — из времен Ивана Грозного — доносит ливонский летописец Рюссов: *«Русские в крепости являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские — работающий народ: русский в случае надобности неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но смертным грехом сдать крепость»*. Казалось бы — такая высокая оценка русской моральной силы, уж крепости-то русские не сдают! К сожалению, сдают, да еще и как!

Всего пять месяцев в 1904 году стотысячная (с резервами до 200 тысяч) японская армия осаждала русскую крепость и

базу российского Тихоокеанского флота Порт-Артур. Гарнизон крепости — 50 тысяч человек, 650 орудий, полсотни пулеметов, запасов на год. Вопреки прямому приказу командования комендант крепости генерал-адъютант Стессель крепость японцам сдал, и это при том, что защитники, потеряв при штурмах до 15 тысяч человек убитыми и ранеными, уже нанесли японцам потери в 110 тысяч человек. Существует мнение, что Стессель действовал не только вопреки приказу, но и вопреки офицерам крепости, однако эта версия опровергается: не сумел бы он сдать крепость, если бы остальные офицеры были против.

А вот русская Новогеоргиевская крепость, которая считалась одной из самых сильных в Европе, — 45 километров укреплений, почти 100-тысячный гарнизон при более чем тысяче орудий. Ею гордились в России и считали неприступной, а крепость в 1915 году продержалась... десять дней. Командующий гарнизоном генерал Бобырь ускакал к немцам и уже от них распорядился капитулировать. 23 генерала и 2100 человек офицера сдались без возражений. В целостности сдали немцам и 1096 стволов тяжелых и крепостных орудий — львиную долю тяжелого вооружения всей русской армии, — а также 108 полевых пушек. Немцы этой русской артиллерией вооружили свой Эльзасо-Лотарингский фронт против тогдашних союзников России.

Конечно, можно сказать, что во всех приведенных случаях «рыба гнила с головы» — с генералов. Но ведь и в битве при Цорндорфе командующий предал и сбежал, а войска продолжали драться. Так что чисто военные методы победы в бою — это очень много, но моральная сила войск стоит все же на первом месте. Нет этой силы — и бесполезны и самые современные крепости и самое мощное оружие, то есть бесполезны и превосходящая мощность своего огня, и лучшая защищенность от огня противника.

Но вернемся к вопросу, который меня больше всего волнует: почему СССР понес такие тяжелые потери в Великой Отечественной и как их избежать в будущей войне? Вернемся к чисто военным методам победы в бою и чем в той войне эти методы у немцев отличались от аналогичных методов у Красной армии.

Победа в бою

Что это?

Вопрос, казалось бы, донельзя понятный, тем не менее в этом вопросе надо подняться до вершины, поскольку именно это тот водораздел, который отличал немецкую армию во

Второй мировой войне практически ото всех армий мира. Цель боя понятна — победа, а вот в чем цель победы? Обычно это исход боя, когда противник уничтожен и занята местность, которую он раньше занимал, если речь идет о наступательном бое, или, наоборот, противнику не дали уничтожить свои войска и занять местность, которую он стремился занять, если речь идет об обороне. В эпоху архаичных войн, в случае спорности этого вопроса, вообще принято было считать, что, за кем осталось поле боя, тот и победил.

Итак, у победы два параметра — уничтожение врага и местность. Что из них главное? Трудно сказать вообще и на все случаи конкретных боев, и вот эта трудность является незамечаемым камнем преткновения для многих, кто занимается военным делом или исследует его. Оба параметра главные или все же какой-то параметр имеет преимущество? Это аналогично браку между мужчиной и женщиной (при существующем в мире идиотизме я уже вынужден уточнять, что имею в виду брак именно между мужчиной и женщиной). В их женитьбе тоже два параметра — удовольствие от секса и дети. Что главное? Оба главные? Но мы же знаем, что это когда-то брак без детей был трагедией и законной причиной развода, а сегодня такой брак чуть ли не признак большого ума и культуры супругов. Хотя если посмотреть на эти параметры, то зачем вообще жениться для секса? Для него нужно от силы отдельное помещение, а все эти брачные обязательства супругов совершенно ни к чему. И может, я и старомодец, но брак без детей — это не брак, как и победа без уничтожения противника — это не победа, хотя я понимаю, что не все разделяют мое мнение.

Я не сказал ничего нового — эта мысль стара, поскольку естественна, — прекрасный инженер и артиллерист своего времени французский маршал Вобан, построивший 33 крепости и осаждавший 53 вражеских, 400 лет назад выразил эту мысль так: *«Преступно и ошибочно делать задачей войны овладение каким-то объектом, пока не разбита армия врага»*. Мысль эта проста и понятна, но не входит в плоть и кровь военного сословия многих стран, и тем более в основу тактики боя. Мне могут возразить, что бой есть бой и занимается после боя местность или нет, это второй вопрос. Отнюдь, на самом деле для тактики это первый вопрос.

В чем видят генералы главную цель победы — в уничтожении врага с последующим занятием местности, как видели эту цель немецкие генералы, или в занятии местности с как бы само собой разумеющимся уничтожением на ней врага, как видели цель боя советские генералы? Если только в уничтожении врага, то будет одна тактика, полностью соответствующая

щая главным факторам тактики, а если в занятии местности, то другая, имеющая вопиюще лишний, но становящийся главным элемент.

Повторюсь, это тонкость, которую трудно заметить при формальном подходе к исследованию вопроса. В уставах и боевых документах любых армий эти две задачи присутствуют — и в немецких может упоминаться объект или местность (рубеж), которые надо захватить или удержать, и в советских, кроме местности или рубежа, может упоминаться уничтожение противника. Здесь разница на уровне мировоззрения генералов и военных теоретиков, и эту разницу не найти, если не понимать, что именно ты ищешь.

Есть два основных вида боя — наступление и оборона (встречный бой опустим). И если для генерала главным в наступлении является занятие местности — выход на рубеж, если он в этом видит цель победы, то генерал будет использовать тактику и оружие для того, чтобы занять эту местность и выйти на заданный рубеж живой силой своих войск. Посему для него **ОБЯЗАТЕЛЬНА АТАКА ЖИВОЙ СИЛОЙ** на войска противника, чтобы выйти своими войсками на рубеж, ограничивающий занимаемую местность, поскольку без живой силы выйти на рубеж нельзя. Можно, конечно, обстрелять этот рубеж из всех видов оружия, но что толку, если он не будет занят живой силой? И такому генералу для такой победы нужна подавляющая масса живой силы своих войск — в полном смысле слова «большие батальоны».

Но если для генерала в наступлении занятие местности не главное, а главным является уничтожение врага, то для него атака **ЖИВОЙ СИЛОЙ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНА** даже в наступлении — враг уничтожается мощностью и эффективностью огня. Такому генералу не нужны большие массы живой силы, ему нужна мощность и эффективность огня.

Первый генерал посылает для контакта с противником солдат, второй — пули и снаряды.

Оговорюсь, ситуация может быть такой, что и второй генерал (в данном случае — немецкий) прикажет какой-то своей части взять или удержать местность, но он это будет делать с целью эффективного уничтожения врага всеми остальными вверенными ему силами, а не для отчета о победе путем захвата местности. И у русского (советского) генерала в приказе будет упоминаться уничтожение противника, но для него это всего лишь способ занять или удержать местность.

С середины XIX века занятие местности или поля боя уже можно было бы считать ошибкой русских и советских гене-

ралов, можно было бы считать атавизмом старины глубокой, оставшимся с тех времен, когда победу отдавали тому, за кем оставалось поле боя. Можно было бы, если бы не внятно видимый генеральский интерес в именно таком подходе к оценке победы в бою.

Начнем с того, что для русского генерала резко упрощается работа по подготовке войск: всего-то надо их учить бежать на врага в расчете на то, что кто-то из них все же до врага добежит. Надо солдат учить бить прикладом и колоть штыком — учить занимать местность, занятую врагом. Это становится главным.

Вот смотрите. Сохранился проект приказа от сентября 1939 года наркома обороны Ворошилова по итогам боев на Халхин-Голе. Судя по пометам на окончательном варианте, приказ долго переделывался и правился лучшими умами военной науки СССР, тем не менее Ворошилов его почему-то не подписал. И уже в первом пункте собственно приказа в этом проекте: *«В ПЕХОТЕ. 1. Самостоятельные действия бойца и младшего командира в условиях ближнего боя. ...Постоянным настойчивым обучением и тренировкой в искусстве владения штыком воспитать у бойцов и всего личного состава порыв и стремление во что бы то ни стало завершить бой уничтожением врага в умелой рукопашной схватке»*. Нет, в этом приказе есть и про огонь, и, как видите, и про уничтожение врага, но советские военные теоретики никак не видели победу в бою без штыка.

А немецким генералам было сложнее: им надо было учить солдат и офицеров скрытно приближаться к выгодной позиции для открытия огня, учить уметь подбирать такие позиции, учить метко стрелять, учить быстро сосредотачивать на противнике огонь всего имеющегося оружия, учить уметь переносить этот огонь на вновь обнаруженного противника, учить уметь заходить к противнику в тыл и бить его с наименее защищенных сторон, учить уходить из-под огня противника и многому другому.

А как в реальном бою?

И во время реального боя работа русского (советского) генерала резко упрощалась: ему надо всего-то было подписать приказ на атаку (начальник штаба подготовит). Войска пошли в атаку, а что ему делать? Не бежать же вместе с ними! Сидит такой генерал на командном пункте, пялится в карту и ждет, когда ему донесут, что войска заняли первую траншею. Тогда дает приказ резервам атаковать вторую траншею. Или ему сообщает, что своя артиллерия огонь противника не подавила и

посланные в атаку войска лежат перед первой траншеей противника, ночью отползут и тогда подсчитают, сколько из них осталось в живых. Ну если так, то тогда генералу надо послать в повторную атаку на первую траншею и оставшиеся резервы. Вот и вся работа, и главное, ничего особо и знать не надо.

Начну подтверждать этот вывод несколько издалека. Один из моих двоюродных дедов, старший лейтенант, в 1937 году служил командиром батальона связи стрелковой дивизии, у него в батальоне командиром взвода конной разведки служил старшина, отличившийся, но не отмеченный ранее ветеран Гражданской войны. А в 1937 году, в юбилей революции, награждали участников Гражданской войны и этого старшину наградили орденом Красного Знамени, мало этого, еще и присвоили ему звание «капитан». Поскольку для капитана-кавалериста должности в дивизии не было, то его направили в Харьков, в штаб округа, для получения новой должности. Здесь ему предложили должность командира кавалерийского дивизиона в кавалерийском полку. Эта должность соответствовала должности командира батальона в пехоте, то есть занимать ее мог подполковник и получить ее капитану уже было почетно и перспективно. Но новоиспеченный капитан отказался командовать дивизионом и потребовал себе должность командира кавалерийского корпуса, то есть генерал-лейтенантскую должность! Правда, потребовал, пояснив, что он неграмотен, а командир дивизиона должен командовать самостоятельно, посему старшина на этой должности командовать не сумеет. А в корпусе есть штаб, штаб приказ напишет, а бывший старшина распишется. Вот и вся работа. С такой работой неграмотный бывший старшина, безусловно, справится. Этот рассказ бывшего старшины вполне мог быть и байкой, но вот вполне серьезный рассказ из мемуаров Г. К. Жукова.

Начало рассказа таково: *«Мы с Шапошниковым, — позвонил Жукову Сталин, — считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву»*. То есть Сталин ставил командующему Западным фронтом Жукову задачу УНИЧТОЖИТЬ ПРОТИВНИКА. Но Жуков ему отвечает:

«— Какими же силами мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны». Как видите, Жуков отвечает, что у него нет сил УДЕРЖАТЬ МЕСТНОСТЬ. Сталин поясняет:

«— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

— Этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

— Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

— Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась, с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта».

Но Сталин настоял на исполнении своего замысла, а вот далее Жуков пишет:

«Часа через два штаб фронта дал приказ командующим 16-й и 49-й армиями и командирам соединений о проведении контрударов, о чем мы и доложили в Ставку. Однако эти контрудары, где главным образом действовала конница, не дали тех положительных результатов, которых ожидал Верховный. Враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел». Все, никаких иных своих телодвижений по командованию этой провалившейся операцией вверенного ему фронта Жуков не вспомнил.

Так почему помянутый выше старшина, так самокритично оценивший свою неспособность командовать дивизионом, не мог бы командовать Западным фронтом? Расписывать он умел, правая рука у него не отсохла, так что приказ, сочиненный начальником штаба Жукова генерал-лейтенантом В. Д. Соколовским, старшина мог бы подписать без проблем. Конечно, может, у этого старшины потом бы хватило совести не обвинять в провале этой операции Генштаб и Сталина, но со всем тем, что описал Жуков, старшина бы справился. Кстати, дед встретил его после войны уже майором, и старшина, помимо приведенного рассказа, сообщил, что всю войну провел в Монголии, принимая от Монголии лошадей, в которых бывший старшина-кавалерист, безусловно, разбирался. И, на мой взгляд, если бы Жуков служил у этого бывшего старшины помощником, то, возможно, это и не улучшило бы качество конского состава, получаемого из Монголии, но интеллектуальный уровень командования Красной армии повысился бы безусловно.

Но продолжим.

Местность есть местность — она никуда за время исполнения приказа, данного генералом, не девается. А вот противник может за это время подтянуть резервы или, наоборот, отойти, или тебе ударить во фланг — противник непрерывно изменчив, и за ним надо постоянно следить, и менять свой приказ, и давать дополнительные распоряжения согласно изменяющейся обстановке. И поэтому немецкому генералу было сложнее: ему нужно было непрерывно наблюдать за боем, все время перенаправлять войска, переносить огонь, искать слабые места в обороне противника, вызывать в помощь иные рода войск — непрерывно думать и решать, как нанести противнику максимальные потери. Ему надо было знать боевые свойства и способности каждого своего подразделения, свойства и способности каждого вида оружия, каждого рода войск, знать, где и как каждое оружие и род войск будут особенно эффективны, уметь организовать защиту вверенных ему войск от огня противника. Согласитесь, руководить уничтожением противника огнем гораздо сложнее, чем просто послать войска в атаку.

Зато насчет отчетов о победах и испрашивания наград русскому генералу было гораздо проще. К примеру, взял деревню — уже герой! И не надо отчитываться, сколько же ты уничтожил солдат противника в расчете на тех своих солдат, которых положил под этой деревней. Главное — победил! А у нас народ такой, простой — ему главное победа, он за ценой не постоит! Или противник сам покинул город, а наш генерал ввел в него войска. В результате — салют в Москве, благодарность Верховного Главнокомандующего, орден на грудь — герой, город взял!

А немецкому что толку от взятия такого города: противника-то он не уничтожил! Согласитесь, войти в оставленный противником город и уничтожить противника — это разные вещи. Это разные победы.

Советская атака

Почему я акцентирую внимание на том, что вижу генеральский интерес в объявлении победой занятия местности? Потому что советский генералитет еще до войны прекрасно знал, что у немцев тактика иная и имеет целью исключительно уничтожение врага ОГНЕМ, а не атакой с рукопашным боем. Знал, тем не менее никаких мер к совершенствованию тактики РККА не принимал, и тактику Красной армии советский генералитет строил и строил только на занятии местности и, как следствие такого подхода к бою, на штыковой атаке живой силой. Вот такой пример.

В декабре 1940 года прошло Совещание высшего руководящего состава РККА, доклад о тактике боя стрелковой дивизии в наступлении и обороне делал генерал-инспектор пехоты (шеф пехоты Красной армии, ответственный за разработку ее тактики) генерал-лейтенант А. К. Смирнов. (С началом войны командовал 18-й армией, при попытке прорваться из окружения погиб в октябре 1941 года.)

«Докладывая о наступательном бое стрелковой дивизии, я беру только один вопрос — прорыв, так как это считается и по нашим, и по иностранным уставам наиболее трудной частью наступательного боя. Генерал армии Жуков в своем докладе указал нормы плотности насыщения ударной дивизии артиллерийскими и танковыми средствами. У меня нет никаких расхождений от этих норм». А вот теперь обратите внимание не на числа, а на принцип расчета количества норм артиллерии и времени ее работы по этим нормам: «Боевой устав артиллерии 1937 г., исходя из огневой производительности одного артиллерийского дивизиона на участке 5 гектар, примерно определяет так: что противник, занимающий оборону на фронте 2 км (по фронту и в глубину), если сосчитать все его средства — противотанковые, пулеметные, живую силу, занимающие 70–80 гектар, — потребует на 35 гектар 7–8 дивизионов на один километр фронта при часовой [артиллерийской] подготовке; для подавления [его] артиллерии и резервов [потребуется] не менее 20 орудий на 1 км фронта». Вы видите, как ясно ставится задача артиллерии советскими генералами: не уничтожение противника, а артиллерийская обработка гектаров той местности, которую предстоит занять пехоте. Вы скажете, что ведь после такой артиллерийской подготовки противник на этих гектарах будет уничтожен. Как вы увидите ниже, по представлениям советских генералов, кстати трезво смотрящих на такую артподготовку, будет уничтожено 30% огневых средств противника, остальные 70% встретят атаку пехоты своим огнем.

Разумеется, ни о каком уничтожении противника как цели тактики советской пехоты в докладе и речи не было — только захват местности атакой: *«Оценивая важность тех или других объектов, батальон ставит ротам задачу прямым направлением ворваться в оборонительную полосу, не обращая внимания [на то], что у него там осталось в тылу, что у него осталось на фланге. Первому батальону на таком широком фронте ставится задача — ворваться и овладеть какими-то пунктами в обороне». При такой тактике какое-либо творческое участие в бою командира полка — маневр с целью*

создания превосходства в мощности огня на слабозащищенном участке или маневр увода своих войск от огня противника — начисто исключалось: *«В такой насыщенной огнем глущине, как эта, маневр батальоном, ротой исключен. Здесь маневр может осуществляться только взводами и отделениями. Командир полка в зависимости от обстановки может только усиливать тот или другой участок батальонами. Основное назначение батальонов — ворваться»*. То есть уже у командира полка задача была упрощена до минимума — послать батальоны в атаку и ждать. Если атака неудачна и батальон не ворвался на местность, то послать в атаку оставшиеся батальоны.

Однако на Совещании предшествовавшие Смирнову докладчики и выступающие критиковали, в частности, и уставную тактику советской пехоты. В частности, за то, что из стрелковой дивизии в 17 тысяч человек послать в атаку можно только 640 бойцов, в результате плотность атакующих пехотных цепей очень мала. Смирнов опроверг эту критику: *«Я написал: фронт наступления взвода до 150 м. Надо сказать, что к этому выводу мы пришли общими силами на занятиях, которыми руководил Маршал Советского Союза т. Буденный. И что получается? Как только мы ставили бойцов на фронте [с интервалами] 2, 3, 5 метров и заставляли их подняться в атаку, то исчезали всякие разговоры о том, что при атаке нет плотности, нет пехоты. Пехота, поднявшись на фронте 150 м, имея интервалы до трех метров, представляет из себя внушительную силу»*.

И вот об этих интервалах в три метра между атакующими пехотинцами заговорил выступивший в прениях по докладу Смирнова генерал-майор С. С. Бирюзов, на тот момент командир 132-й стрелковой дивизии. Он обрисовал проблему с совершенно иной стороны: *«О боевом порядке наступления. Наша штатная дивизия имеет 81 стрелковый взвод. При организации боевого порядка в наступлении получается, что мы рвем главную полосу обороны в лучшем случае 24 стрелковыми взводами, а все остальные примерно 67 взводов эшелонированы в глубине. Создается наращенный удар. Это хорошо, но давайте посмотрим огневые средства. Станковые пулеметы не стреляют, и мы себя обманываем, когда говорим, что наши пулеметы стреляют. Роты при наступлении обычно идут примкнутыми флангами, и станковые пулеметы стрелять не могут: ни в интервалы между ротами, ни в интервалы между взводами. Все закрыто пехотой и свободного пространства для ведения пулеметного огня нет»*.

Станковые пулеметы не стреляют, и огневая сила удара получается только в лице 24 стрелковых взводов. К нашему сожалению, мы не научились еще стрелять через голову, поэтому я и утверждаю, что огневая сила выражается только в 24 стрелковых взводах. И это, мне кажется, требует некоторой перестройки боевого порядка».

То есть по довоенному боевому уставу РККА, защищаемому Смирновым, плотность атакующей советской пехоты должна была быть такова, что даже такие огневые средства стрелкового полка, как станковые пулеметы, не в состоянии были вести огонь по тому противнику, которого атаковали пехотинцы! А артиллерия в момент атаки молчала, чтобы не задеть своих! Посему вести по противнику огонь имели возможность только сами атакующие пехотинцы из винтовок на ходу. И что же предлагал один из будущих начальников Генштаба Советской Армии?

«Рота наступает 2 эшелонами, и второй эшелон движется на расстоянии 250 м в глубине за первой линией взводов и огня дать не может, в то же время сам находится под действительным оружейным и пулеметным огнем (противника. — Ю.М.). Поэтому роте наступать в 2 эшелонах нецелесообразно. Эту роту нужно заставить наступать в одном эшелоне, чтобы третьи взводы могли принять участие в огневом бое в период наступления. Это несколько увеличивает огневую силу, и тогда будет не 24 взвода, а уже 32 взвода, и огневая мощь нарастает», — соблазнял Бирюзов начальство своим предложением.

То есть Бирюзов предложил еще больше уплотнить атакующие цепи солдатами, чтобы увеличить в них количество стреляющих на ходу винтовок. А пулеметы? А пулеметы по-прежнему оставлял в бездействии.

И это несмотря на то, что перед выступлением Бирюзова выступивший генерал-майор П. Г. Егоров (в августе 1941 года без вести пропавший начальник штаба 28-й армии) напомнил: *«У немцев неслучайно записано в Полевом уставе: “Наступление — это есть продвижение огня вперед”».*

Оцените сначала советских генералов, ведь они, оказывается, и до войны знали, что немцы изменили и усовершенствовали тактику боя! Но все равно держались за свою — за штыковую!

Оцените немецких генералов: не атака, не продвижение пехоты или танков вперед, — а ПРОДВИЖЕНИЕ ОГНЯ! Не люди, а огонь у немцев атаковал!

Немецкая атака

Так что, немцы своей пехотой не атаковали? Атаковали, да только под атакой у них имелся в виду не бег с винтовками наперевес с целью добежать и заколоть противника штыком, а нечто другое (о чем чуть позже), а такие атаки, как планировали генералы РККА, у них остались в истории Первой мировой войны.

Для начала предлагаю просто вспомнить все документальные фильмы и фотографии Второй мировой. Советские «документальные» фильмы и фото, думаю, в 95% случаев снимались в тылу на учениях, но это в данном случае не имеет значения. Как выглядит наступление советских войск? Едут танки в атаку, а за ними цепями или толпой бежит советская пехота на стреляющего по ней противника. Или эта пехота бежит на противника в атаку самостоятельно. Но сейчас очень много фотографий и кинокадров немецкой кинохроники, так вот, есть ли в ней подобные кадры наступления немецких войск? Начисто отсутствуют!

Интересно, но даже взгляд на пехотинца показывал разницу в тактике. В России и в СССР пехотинец всегда носил название «рядовой» — тот, кто идет в атаку в ряду других своих товарищей. То есть то, что он в строю, с позиции российских и советских генералов, и есть в нем самое главное и ценное. А у немцев это был «шютце» — стрелок. То есть, с позиции немецкой армии, самое ценное в пехотинце было то, что он стреляет. Немцы учили своих пехотинцев очень многому, но только не учили штыковому бою: умеющим стрелять это было без необходимости.

Немного об этом. У нас теоретики военного дела из суворовского лозунга «Пуля — дура, штык — молодец!» сделали фетиш, превратив этим и Суворова в кретина. Во-первых, во времена Суворова штык еще был реальным оружием, во-вторых, и Суворов настойчиво требовал от солдат учиться стрелять, даже уговаривал, уверяя, что свинец дешев и солдат в мирное время не принесет больших расходов на учебные стрельбы. Кроме этого, Суворов учил солдат точно стрелять и предупреждал, что хотя он и рассчитывает на бой по 100 патронов на солдата, но будет пороть того, кто эти патроны все расстреляет, поскольку такое количество патронов в реальном бою расстреливается только при неприцельной стрельбе.

Да, конечно, это неплохо, если солдат умеет действовать и штыком, но при скорострельности оружия XX века кто же его подпустит на расстояние удара штыком?

И у меня продолжает оставаться уверенность, что дело было, собственно, не в штыке, а в том, что штык был как бы смыслом и оправданием тактики атак живой силой на оборону противника. Тактике, резко упрощающей службу офицеров и генералов, тактике, не требующей от них обширных знаний и сводящей их работу к примитивным командам на уровне XVIII века.

Но вернемся к тому, что именно немцы считали атакой и наступлением.

Разведуправление 16-й немецкой армии в сентябре 1941 года перевело статью «Особенности наступательных действий немецкой пехоты в маневренной войне» из тома 1 «Запад» советского справочника о Вооруженных Силах приграничных государств. Книга была захвачена в полосе немецкого 39-го армейского корпуса. Давайте эту статью прочтем, опустив идеологическое вступление:

«Опыт войны, которую Германия ведет в Европе и Африке, позволяет сделать некоторые выводы об особенностях наступательной тактики, в целом близкие к истине. До сих пор немецко-фашистские войска имели дело с противником, который не мог им противостоять.

Боевые действия с польскими, французскими, а особенно с югославскими и греческими войсками, привели к падению в Вермахте боевой дисциплины, невниманию к элементарным требованиям к маскировке и самоокапыванию. Самоуверенность же, как следствие “побед”, имеет следствие невнимательность к происходящему на поле боя.

Факты свидетельствуют, что “победы” Вермахта достигнуты отнюдь не упорством пехоты при преодолении зоны заграждений или при прорыве укрепленных позиций того ли иного противника. Эти “победы” достигнуты в основном за счет преждевременного покидания укреплений защитниками вследствие массированного (в сравнении с отдельно взятыми польской, французской, югославской или греческой армией) применения артиллерии и авиации».

Отметим, что издевательским окавычиванием слова «победы» советские военные теоретики, написавшие эту статью, массированное действие немецкой артиллерии и авиации по противнику — главный принцип победы в бою — занесли в слабость немецкой пехоты, массированный огонь по противнику — в недостаток тактики!

«Немецкая пехота редко переходит в штыковые атаки. Во многих случаях она стремится избежать действий такого рода. В случае сильного сопротивления противника, немецкая пехота, как правило, избегает атаковать такие позиции. В каждом таком случае командир любого немецкого подразделения или части (взвод, рота, батальон или полк) ищет решение в маневре. Нащупывание флангов и их обход являются обычной тактикой немецких командиров.

Позиция, которая стойко защищается, подвергается артиллерийскому обстрелу, бомбардировке и, в соответствии с обстановкой, ложным танковым атакам. В это же время пехота (подразделения и части), оставив минимальные силы для сковывания противника, основными силами и средствами усиления совершают маневр, имеющий целью удар во фланг противника».

Отметим описанную сложность работы немецкого офицера. Вместо того чтобы с криком «За Рейх, за Фюрера!» послать солдат в штыковую атаку, офицеру надо изучить местность и разведанные, самому уметь помянуть и направление атаки, и боевое построение вверенных ему войск, в случае если противник оказывает более сильное сопротивление, чем предполагалось. Немецкому офицеру нужно организовать связь со всеми родами войск, знать, как и когда их нужно применить, уметь выдать целеуказание для артиллерии и авиации, уметь маневрировать своими подразделениями на поле боя.

«Опыт показывает, что такая немецкая тактика будет применяться и в будущем.

При тщательном наблюдении за полем боя такой маневр будет обнаружен и использован против немцев.

Если мы прочитаем вводную статью ПУ-36, то увидим, что она говорит: обходящий или окружающий противник сам подвергается опасности быть окруженным. Поэтому нужно стремиться противопоставить маневру противника свой контрманевр. Оставив на фронте взвода, роты или батальона такое количество огневых средств, которое минимально необходимо, главные силы атакуют во фланг обходящего противника.

Это действенный метод в борьбе с таким противником, как немецко-фашистские войска», — советский теоретик не упустил случай сказать умную банальность, особенно дико смотрящуюся на фоне трагедии Красной армии в начале войны.

«Особенно следует упомянуть быстрый маневр в наступлении моторизованной артиллерии как отдельных орудий, так и целых батарей. Бой, который ведут немцы, отличается грохотом, создаваемым огнем артиллерии, пулеметов, воем самолетов. Огненные струи огнеметов, клубы черного дыма создают впечатление все сметающей на своем пути атаки.

Несомненно, все это направлено на подрыв боевого духа противника. Мораль, воля к сопротивлению должны быть подавлены. Трусы и паникеры морально раздавлены.

Эта видимость явного превосходства создается в первую очередь огнем артиллерии (противотанковые пушки и зенитки), а также танками».

Почему «видимость»? Когда на тебя летят снаряды всех видов оружия, имевшегося у немцев, когда на тебя едут танки, которыми ты не можешь своим оружием нанести никакого ущерба, это что — «видимость»?

«При занятии пехотой исходных позиций моторизованная артиллерия ведет огонь из орудий всех калибров по всем объектам на переднем крае. Поддержка пехоты осуществляется совместно с танками, зачастую огнем прямой наводкой, без организации надежной связи и корректировки, которая организуется только в случае расширения масштабов боя.

Путем массированного применения орудий всех калибров, включая 150-мм пушки, немцы стремятся уверить противника в численном превосходстве наступающих сил и подошедшей артиллерии.

Стой быстрое сосредоточение артиллерии, характерное для встречных сражений, немцы стараются использовать при наступлении в каждом случае.

Другой особенностью наступательных боев является применение короткой артиллерийской подготовки, в период которой пехота стремится сблизиться с противником. В ходе войны с Польшей, Францией, Югославией и Грецией такой метод повсеместно использовался при атаке полевых укреплённых позиций, а в исключительных случаях — при наступлении на долговременные укрепленные рубежи.

В качестве примера приведем типовую атаку немецкой роты.

Стрелковая рота занимает исходные позиции от 800 до 900 метров, в зависимости от условий местности, после

чего получает направление атаки (иногда — полосу наступления). Обычный боевой порядок: два взвода в первой линии, один взвод в резерве. В таком боевом порядке рота, сочетая огонь и маневр, двигается со скоростью 600–800 метров в час в район сосредоточения».

Итак, немецкая пехота выдвигалась к рубежу (с которого советская пехота обычно поднимается в штыковую атаку), маневрируя от укрытия к укрытию и уже на этой дистанции ведя по противнику огонь из собственного тяжелого оружия. Но поскольку собственный огонь немцев должен был быть точным, то требовалось и время на обнаружение цели, установки оружия (пулемета, миномета, пехотных или противотанковых орудий), пристрелки и уничтожения целей. В результате, как видите, выдвигание к рубежу собственно атаки шло со скоростью всего 600–800 метров в час (пехота в походной колонне ходит с темпом 110 шагов в минуту, то есть около 5 километров в час). Немцы, как видите, не спешили получить от обороняющегося противника пулю, они сначала делали все, чтобы его самого уничтожить издалека.

«С началом атаки (батальона, полка) артиллерия в течение 15 минут обстреливает передний край противника».

Заметим, не час, как в погектарных расчетах советских генералов, а всего 15 минут.

«Рота, как правило, усиливается пулеметным взводом, а также взводом пехотных орудий (минометов). Последние применяются от начала атаки до штурма, при необходимости меняя позиции. Здесь речь не идет о прорыве долговременных укреплений, так как немцы в этих случаях создают штурмовые группы, состоящие из инженерных, пехотных и артиллерийских подразделений. Артиллерийская подготовка в данном случае проводится по особому плану. После 15-минутной артиллерийской подготовки огонь переносится на фланги прорыва и на тыловые объекты. Одновременно передний край бомбардируется авиацией и подвергается обстрелу пехотными орудиями и минометами».

От обороняющегося противника, по идее, уже не должно ничего остаться. И только после этого пехота начинает то, что у немцев называется штурмом.

«Атака продолжается перекатами по 15–20 метров». То есть и тут немцы не бежали на окопы врага, выставив вперед штыки, а передвигались в направлении противника от укрытия к укрытию, вернее от одной позиции для ведения огня к следующей. И с этих позиций винтовками и ручными пуле-

ментами непрерывно вели по противнику прицельный огонь, не давая тому высунуться из окопа для стрельбы по наступающим. И приближались так к позициям противника, до тех пор пока дистанция не сокращалась до броска ручной гранаты, которыми и добивали противника в его укрытии, если противник не сдавался.

«Если исходные позиции достигнуты, то рота открывает огонь по переднему краю противника из всех наличных огневых средств. В этот момент, как правило, применяются огнеметы и ручные гранаты. Орудия ПТО получают особые задачи, а именно обстрел смотровых щелей и амбразур укреплений, а также выявленных огневых позиций. Задача орудий сопровождения и истребителей — подавить пулеметные гнезда и минометы».

Вот чем была атака по-немецки.

Положение требовало от авторов советского Справочника дать и рекомендации, что же делать Красной армии в войне с немцами? Нет, авторы не предлагали перенять у немцев их тактику. Они пишут:

«Прежде чем рота перейдет в атаку, для обороняющихся наступает решающий момент. К этому моменту нужно тщательно готовиться, нужно обрушить на противника всю мощь огневой системы. Маневр огневыми средствами, использование кочующих орудий и кинжальных пулеметов (таких пулеметов, которые неожиданно открывают огонь в упор), могут переломить ситуацию в пользу обороняющихся.

Опыт показывает, что немецкая пехота под огнем пулеметов и минометов залегает и ждет поддержки артиллерии сопровождения. Этот благоприятный момент нужно использовать. После массированного применения огнеметов, минометов и ручных гранат следует перейти в неожиданную иттыковую атаку во фланг атакующему противнику силами отделения, взвода или роты, атакуя отдельные группы противника, особенно в момент, когда артиллерия не обстреливает передний край. Это позволит уменьшить собственные потери.

Часто случается, что короткая иттыковая атака, проведенная решительно, перерастает во всеобщее контрнатупление».

Пока немцы находятся на открытом пространстве, приближаясь к обороняющимся подразделениям противника, они очень уязвимы для огня всех видов артиллерии. Общий разговор о мощи «системы огня» есть, но когда доходит до уточнения, что же это за «система огня», то уточняется, что это огонь кочующих (отдельных и постоянно меняющих позиции) ору-

дий и неизвестно как выдвинутых в упор к приближающимся немцам пулеметах. Нет требований разработать систему заградительного и сосредоточенного огня артиллерии, нет даже требований просто обработать артиллерией гектары. Где совет вызвать по атакующим и находящимся на открытом пространстве немцам огонь полковой, дивизионной и корпусной артиллерии? Ведь она была! Но нет, как видите, такой совет для советских генералов был запредельным по своей военной сложности, и любимая штыковая атака хотя бы отделением — вот их ответ! Не огонь, а штык — вот главное, что отразит немецкую атаку!

Несколько замечаний по немецкой тактике. Если в нее вдуматься, то у немцев исчезла разница между наступлением и обороной — в обоих случаях это было уничтожение противника огнем. Единственно, в обороне сам противник к тебе приближается, и огонь немцев продвигается из глубины расположения войск противника к позициям своих войск, а в наступлении немцам нужно было самим приближаться к позициям противника, и по мере его отступления огонь продвигался в глубину его расположения.

Мы видим, что по обороняющемуся противнику огонь ведет одновременно все виды оружия пехотной дивизии немцев — даже зенитные пушки. И есть у противника танки или нет, но противотанковая артиллерия находится тут же — в цепях наступающих стрелков — и вместе с ними ведет огонь по противнику. То есть тактика немцев полностью соответствовала принципам победной тактики — массированный эффективный огонь при максимально возможной защищенности пехотинца от огня противника.

Я не рассматривал встречный бой — ситуацию, когда колонны противников неожиданно натываются друг на друга. Тут преимущество получает тот, кто сумеет первым развернуться из колонны в боевую линию. Тогда он первым начнет бить по противнику не только головной частью своей колонны, но всеми своими силами. Таким образом, если речь идет о роте, наткнувшейся на противника, то команда командира роты во встречном бою: «Первый взвод — в цепь! Второй — направо, третий — налево!». Разумеется, это и команда немецкого командира роты, но вторая. Первая команда: «Пулеметы и тяжелое оружие — вперед!». Немцы и в этом случае считали, что прежде всего нужно организовать массированный огонь по противнику!

У русских и советских генералов для штыка всегда было психологическое обоснование. Они уверяли, что солдат, внут-

ренне подготовившийся убить противника штыком, становится храбрым. Такая вот теория штыка. Но тут ведь есть такой аспект.

Кем видели себя советский и немецкий мужчины, призванные в армию? Немец видел себя охотником на очень опасного зверя, которого он будет добывать точным выстрелом либо из засады (в обороне), либо приблизившись к нему скрадыванием (в наступлении). Да, разумеется, зверь и сам может тебя убить — *a la guerre comme a la guerre* — на войне, как на войне. Но что делает охотник, чтобы уменьшить риск охоты? Совершенствует мастерство. Следовательно, если немецкий призывник добросовестно изучит военное дело — научится метко стрелять, маскироваться, будет четко исполнять приказы офицеров, — то риск его гибели в бою снижается, причем солдат сам видит, что его жизнь зависит от него самого — от его мастерства. У немецкого солдата появляется стимул к изучению военного дела во всех его тонкостях и стимул к дисциплине.

А кем видел себя в пехоте советский мужчина? Советский мужчина видел себя приговоренным к расстрелу из неподавленного артиллерией вражеского пулемета в момент, когда он с винтовкой наперевес будет к нему бежать, чтобы заколоть пулеметчика штыком. Ну, положим, будет советский солдат изучать военное дело, скажем, учиться метко стрелять, но как это ему в эдакой атаке пригодится? Учи не учи, а бежать придется во весь рост, и каждый шаг в таком беге может стать последним. Как это придает храбрости? Обращением к авось — любимому богу русских: «Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой!»?

И в этой разнице взглядов тоже была основа моральной силы немецких войск. Ведь и англичане учили пехоту действовать штыком и ходить в штыковые атаки, но никакой моральной силы этот штык английскому солдату не придал — в начальный период Второй мировой войны даже перед меньшими силами немцев англичане устоять не могли.

И наши и немецкие генералы под разработанную ими тактику заказывали оружие и организовывали боевые подразделения, части и соединения. Давайте рассмотрим разницу в этом вооружении и организации.

Немцы: все в бой!

Для уничтожения противника в бою немцам нужны были те, кто уничтожает, и чем больше в бою было таких, тем массирование был огонь и тем быстрее достигалась победа в бою. Исходя из этого принципа, понятно, что немцы не только

привлекали к бою все рода войск, но и сразу же бросали в бой все имеющиеся у них силы.

К примеру, на 22 июня 1941 года во 2-й танковой группе Гудериана из 12 дивизий и одного полка в первом эшелоне было 11 дивизий, 10-я танковая дивизия и полк «Великая Германия» — в резерве.

На 1 августа 1941 года при наступлении на Рославль из 10 имевшихся у Гудериана дивизий 9 наступали в первом эшелоне и 78-я пехотная — во втором.

На 18 ноября 1941 года при наступлении на Тулу из 12,5 дивизий Гудериана в первом эшелоне наступало 11,5 дивизий, а 25-я мотопехотная, которая в это время ликвидировала в тылу у немцев окруженную группировку наших войск, считалась у него в резерве.

Для немцев построение наших войск эшелонами (о чем чуть позже) было настолько диким, что они почти все в воспоминаниях отмечали эту особенность блестящей советской военной теории — вводить войска в бой по частям, давая противнику возможность перебить их по отдельности.

Повторю, немецкие генералы исповедовали совершенно другой принцип — быстрого массированного удара. Не только вся пехота, а вообще все рода войск должны участвовать в бою. Если бой идет, то никто не должен отсиживаться, даже если по его боевой профессии вроде и нет сейчас работы. Скажем, саперный взвод пехотного батальона создавался, только если не было боя, а в бою его солдаты были в стрелковых цепях, вернее, это стрелков дополнительно обучали саперному делу. У командира пехотной роты по штату было четыре курьера (связных). Поскольку они не все сразу бегают с приказаниями, то, чтобы не сидели во время боя без дела, им дали снайперскую винтовку.

Наши саперы были истребителями танков по нужде. А у немцев истребление танков было одной из боевых задач полковых саперов, саперы были обязательны в группах истребителей танков — затягивали на шнурах противотанковые мины под гусеницы движущегося танка, ослепляли танк дымовыми гранатами и шашками, подрывали поврежденный танк, если экипаж не сдавался. А дивизионный саперный батальон немцев, за исключением минометов, был вооружен точно так же, как и пехотные батальоны, кроме этого, он имел 9 огнеметов, так как обязан был штурмовать долговременные укрепления противника.

Еще пример. Предположим, идет бой, а у противника нет танков. Получается, что противотанковой артиллерии нечего

делать. Нет, это не по-немецки. У Гудериана в воспоминаниях есть момент, когда он в бою в поисках своих частей подъехал к деревне, занятой нашими войсками, а деревню атаковала всего лишь «одна 37-мм противотанковая пушка». Это сразу не понять: как артиллеристы без пехоты могли атаковать? Но дело в том, что во всех противотанковых подразделениях немецкой пехотной дивизии были и стрелки. К каждой пушке придавались по 3 стрелка с ручным пулеметом. Вместе с 6 вооруженными винтовками артиллеристами они составляли что-то вроде пехотного отделения, усиленного пушкой. Поэтому артиллеристы наряду со стрелками и оборонялись, и атаковали, а когда у противника появлялись танки, то они занимались своими прямыми обязанностями.

По штатной численности в начале войны наш полк даже превосходил немецкий, но когда начинался бой, то в немецких полку и дивизии оружием действовало одновременно гораздо больше бойцов, чем в наших, даже если бы наша тактика и не предусматривала эшелонирования.

Теперь об эшелонировании войск Красной армии в наступлении, но начну вообще с принципов организации боя, властвовавших в Красной армии, и с авторов этих принципов.

Таран войсковых масс им. Тухачевского

Организатором Красной армии считается профессиональный революционер-марксист Л. Троцкий, он был наркомом (министром) большевистского правительства по военным и морским делам в момент организации Красной армии и Гражданской войны, он же привлек на службу большевикам огромное количество царских генералов и офицеров. Оставив без обсуждения политические взгляды, военные таланты и организационные способности Троцкого, отдам должное его способностям к тому, что сегодня называется «пиаром», причем как себя, так и своих сторонников, которые его за это особенно ценили. Достаточно сказать, что когда в 1927 году на общепартийном референдуме рядовые большевики выбирали между ЦК и находившимся к ЦК в оппозиции Троцким, самое большое число его сторонников оказалось в армии, особенно в штабах и учебных заведениях — в среде военных теоретиков.

До момента, пока Троцкий не начал терпеть очевидное политическое поражение, его сподвижником был чрезвычайно амбициозный молодой бывший царский офицер М. Тухачевский, которого Троцкий за преданность во время Гражданской войны очень быстро сделал командующим фронтом. На

этой должности Тухачевский показал весь свой полководческий маразм в войне с Польшей в 1920 году, после разгромного поражения в которой фронта под командованием Тухачевского за Польшей остались обширные области с белорусским и украинским населением. Однако пиар сделал свое дело — Тухачевского даже после этого его поражения многочисленные троцкисты в Красной армии рекламировали как величайшего стратега, полководца и военного таланта. И делали это даже после того, как самого Троцкого выслали за границу, а Тухачевский от Троцкого вовремя отрезся.

Поэтому собственно военные взгляды Тухачевского представляют определенный интерес, тем более что он в 1935 году стал одним из пяти первых маршалов СССР и очень плодовитым в плане военных трудов и теорий. Несмотря на то что в 1937 году Тухачевский был за предательство осужден к расстрелу военным трибуналом, состоявшим из остальных маршалов и ряда генералов, в своих мемуарах Г. Жуков говорит о военном гении Тухачевского в превосходной степени, а уже упомянутый маршал Бирюзов даже написал предисловие к двухтомнику военных трудов Тухачевского, вышедшему из печати во времена Хрущева: *«Перу Тухачевского принадлежит более 120 работ по вопросам стратегии, оперативного искусства, тактики, воспитания и обучения войск... он высказал ряд весьма важных теоретических положений»*.

Давайте оценим эти важные теоретические положения Тухачевского, так поразившие Жукова с Бирюзовым, да и не только их.

В 1923 году Тухачевский прочел лекции на тему советско-польской войны в академии РККА и издал эти лекции в том же году отдельной брошюрой под названием «Поход на Вислу». Брошюра своим наглым враньем вызвала возмущение среди участников советско-польской войны в СССР и, разумеется, большой интерес в Польше. Польские издатели попросили польского маршала Ю. Пилсудского прокомментировать эту работу Тухачевского, и Пилсудский в 1924 году написал свой развернутый комментарий, который назвал просто «1920 год». И хотя Пилсудский и написал в ответ на лекции Тухачевского по объему в 4 раза большую работу, произдевавшись над военным гением Тухачевского «не по-детски», но Пилсудский извиняется перед читателями, что не способен разобрать всю «фальшь» Тухачевского, так как тогда книга возрастет до неприемлемых объемов: *«Когда читаешь этот роман, который происходит в воображении 2-на Тухачевского, — поясняет Пилсудский, — ...бросаешь книгу с известным*

неприятным чувством. Зачем столько кривлянья в большой исторической работе войны?».

Что тут нужно понять. Было в истории три великих полководца: Наполеон, Фридрих II и Тухачевский. Наполеон изобрел атаку в колоннах, Фридрих II изобрел косую атаку, пришло время и Тухачевскому удивить военный и научный мир. И он изобрел «таранный удар пехотными массами».

Тухачевский поясняет слушателям военной академии, что это такое:

«Польские войска кордонно растягивались по всей занимаемой ими линии более или менее равномерно. Каждая дивизия их старалась выделить резерв, и армии, в свою очередь, делали то же самое. Таким образом, равномерно расположенные войска по фронту более или менее равномерно эшелонировались и в глубину. Эта кажущаяся устойчивость польского расположения несла в самом существе своем и опасное положение, а именно то, что никакими усилиями польское командование не могло бы сосредоточить на любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью польской армии и после этого последовательно встречало бы контратаки резервов.

Эти ошибки польского расположения были нами учтены, и при организации наступления расчеты строились на том, чтобы сильным ударом превосходящих наших войск сразу же уничтожилась бы передовая польская линия. Для того чтобы получить наибольший успех в наикратчайшее время, начальникам дивизий было предложено вводить свои войска в дело сразу, не оставляя никаких резервов. Наши войсковые массы давили и в полном смысле слова упрядняли в районе удара части передовой польской линии. После этого последовательные контрудары резервов уже становились не страшны, и резервы последовательно подвергались участи своей передовой линии».

Давайте осознаем эту новинку. В прорыве фронта нет ничего нового, без этого не обойтись. Но дальше вместо банальных окружений Тухачевский предлагал двигать войска массой. Противник же должен был бросать под эту таранную массу свои слабые резервы, а масса бы их давила. И так бы давила, давила, давила, пока не была бы захвачена вся территория, в данном случае Польши, и наступила бы победа. При этом, как видите, не имело смысла особенно выбирать операционное

направление и краткий путь к цели. Чем более длинным путем будет двигаться таранная масса, тем больше противник бросит под нее слабых резервов и тем большие потери понесет. Какая тонкая мысль! Какой гениальный замысел!

Но и на солнце бывают пятна, и в этом изобретении Тухачевского было одно маленькое, но непереносимое условие — нужно было где-то отыскать такого противника, который бы согласился бросать слабые резервы под таранную массу им. Тухачевского, а не окружить ее, перерезав пути снабжения. Сам польских кровей, Тухачевский решил, что таким противником как раз и являются поляки.

При подготовке первого наступления Западного фронта РККА под командованием Тухачевского на польские войска в мае 1920 года Главнокомандующий Красной армией, бывший царский полковник С. Каменев, предлагал Тухачевскому нанести по полякам сильный удар с целью окружения их войск совместно с Юго-Западным фронтом. И в принципе, такой таранный удар Тухачевский мог нанести вдоль северного края Припятских болот, как и предлагал Главком. Но тогда, надо думать, было бы непонятно, чей гениальный замысел привел к победе — Главкома или Тухачевского? Да и в случае окружения поляков, было бы непонятно, за счет чего их победили — за счет окружения или за счет таранной пехотной массы? И 14 мая 1920 года Тухачевский наносит свой таранный удар в самом северном углу своего фронта — как можно дальше от места, предложенного Главкомом.

«15-я армия (командарм Корк, наштабм Кук), — пишет Тухачевский, — как таран, обрушилась на слабые части Литовско-Белорусской дивизии, занимавшей примерно течение реки Улла. Части этой дивизии были разгромлены и рассеяны в первый же день» и т. д. и т. п. Все было хорошо. Есть основания даже поучить красных командиров, и Тухачевский не упускает эту возможность: *«Поэтому, если основная таранная группировка стоит на правильном направлении, правильно обеспечена на фланге и на второстепенных направлениях, то всякий переход противника в наступление является для этих масс не неприятностью, а желанной заветной мечтой. У наступающего победителя всякое активное проявление со стороны противника может вызвать только радость, ибо оно дает ему наконец возможность достигнуть главные поколебленные силы врага и нанести окончательный сокрушительный удар»*.

Надо сказать, что в это время 1-я Конная Буденного только шла к Юго-Западному фронту и у Пилсудского имелась воз-

можность помочь земляку в осуществлении «заветной мечты» и доставить ему желанную «радость». Пилсудский снял со своего Южного фронта две дивизии и перебросил их на Северный фронт, и 2 июня, как сетует Тухачевский, *«решиительный удар поляков на поставском направлении решил участь операции. Части 15-й армии были здесь прорваны, и вся армия была вынуждена к поспешному отступлению»*. Красной армии эксперимент Тухачевского обошелся дорого. Когда поляки, тоже не сумев своими слабыми силами окружить таран пехотных масс, перестали за ним гнаться и таран подсчитал, во что ему обошлось эдакое наступление, то оказалось, к примеру, что в 18-й стрелковой дивизии 4-й армии из 5 тысяч штыков осталось 2 тысячи, а в 53-й дивизии таранной армии Корка и Кука из 3157 штыков осталось 1500.

Таран в мозгах генералов

Оставим в стороне идиотизм этой военной находки Тухачевского, вычленим только идею боевых порядков — «массы» и «таран». То есть войск должно быть очень много, что понятно, ведь головные войска тарана должны погибнуть. А выстроены войска должны быть в затылок друг другу — эшелонами, иначе это будет не таран. С немецкой точки зрения это полный идиотизм, ведь войска последующих эшелонов не могут вести в этом бою огонь — не могут уничтожать противника. Но с точки зрения захвата рубежей живой силой в этом есть логика: последующие эшелоны могут и добраться до победных рубежей.

И вот этот таран пехотных масс вошел в боевые уставы Красной армии по меньшей мере до Советско-финляндской войны. На упомянутом Совещании высшего командного состава РККА в декабре 1940 года, как я уже писал, уставы подверглись критике теми, кто попытался применить их положения в той войне.

Командовавший в Советско-финляндской войне 7-й армией генерал армии К. А. Мерецков докладывал на этом Совещании: *«Наш опыт войны на Карело-финском фронте говорит о том, что нам немедленно надо пересмотреть основы вождения войск в бою и операции. Опыт боев на Карело-финском театре показал, что наши уставы, дающие основные направления по вождению войск, не отвечают требованиям современной войны. В них много ошибочных утверждений, которые вводят в заблуждение командный состав. На войне не руководствовались основными положениями наших уставов, потому что они не отвечали требованиям войны»*.

Главный порок наших боевых порядков заключается в том, что две трети наших войск находится или в сковывающих группах, или разорваны.

...При наступлении, когда наша дивизия готовится к активным действиям в составе корпуса, ведущего бой на главном направлении, идут в атаку 16 взводов, причем из них только 8 ударных, а 8 имеют задачу сковывающей группы. Следовательно, в ударной группе имеется только 320 бойцов, не считая минометчиков. Если допустить, что и ударная, и сковывающая группы идут одновременно в атаку, то атакующих будет 640 бойцов. Надо признать, что для 17-тысячной дивизии такое количество атакующих бойцов слишком мало.

По нашим уставам, часть подразделений, расположенных в глубине, предназначены для развития удара. Они распределяются так: вторые эшелоны стрелковых рот имеют 320 бойцов, вторые эшелоны стрелковых батальонов — 516 бойцов, вторые эшелоны стрелковых полков — 762 бойца и вторые эшелоны стрелковых дивизий — 1140 бойцов. В итоге получается, что в атаку на передний край выходят 640 бойцов и для развития успеха в тылу находятся 2740 бойцов...

...На войне на Карельском перешейке вначале командующие 7-й и 13-й армиями издавали свои инструкции, а когда появился командующий фронтом, он дал свои указания, как более правильно на основе опыта и прошлой войны, и текущей войны построить боевые порядки, для того чтобы повести их в атаку.

По нашим предварительным выводам, отмена по существу установленных нашими уставами боевых порядков во время атаки линии Маннергейма сразу же дала большие успехи и меньшие потери».

На этом же Совещании выступил с большим теоретическим докладом «Характер современной наступательной операции» генерал армии Г. Жуков, в котором предложил организовывать наступление следующим образом.

В первом эшелоне ударной армии непосредственно прорывает оборону «ударная группа: состоит обычно из трех, реже — двух стрелковых корпусов, усиленных артиллерией, танками, инженерными и химическими средствами и средствами ПВО. Корпус может наступать одним и двумя эшелонами». То есть в первом эшелоне, по мнению Жукова, реально должно быть от 6 до 9 дивизий.

Далее — «вспомогательная группа обычно состоит из одного корпуса» — 3 дивизии.

Далее — «в армии может быть две или одна сковывающие группы», — надо полагать, что это еще 3 дивизии.

Далее — «резерв в составе 2-3 дивизий».

Далее — «подвижная группа» с «двумя механизированными, одним-двумя кавалерийскими корпусами» — до 12 дивизий.

Таким образом, Жуков учил, что полководец из имевшихся у него в распоряжении 30 дивизий удар должен наносить силою от 6 до 9 дивизий, а остальные в это время должны находиться во втором и остальных эшелонах. Опыта недавней финской войны для него как бы не существовало.

Выше я дал реальные прорывы советского фронта 2-й танковой группой (армией) Гудериана, в которых по советским войскам били практически сразу все имевшиеся у Гудериана дивизии, а Жуков, как видите, планирует прорыв меньше, чем третью сил. Кроме этого, Жукову требуется несравнимо большая масса войск — почти втрое больше дивизий, чем реально было у Гудериана, прорывавшего фронт того же Жукова и уходившего на сотни километров в тылы советских войск.

И это требование массовости, требование от советского народа предоставить им массу солдат и техники, шло ото всех теоретиков военного дела СССР. Генералами в «штыковую атаку» посылались не только пехота, но и танки, «трезво» осознавая, что при такой их тактике большое количество танков сгорит, не доехав до противника. Посему нашим генералам требовалось и много-много танков.

В книге Т. Кузнецова «Тактика танковых войск» (М.: Воениздат НКО СССР, 1940) дается такой расчет их потребности:

«При фронтальном наступлении каждый общевойсковой командир в своих расчетах по распределению танков должен исходить из необходимости насыщения ими в первую очередь стрелковых батальонов первого эшелона ударной группы. При этом следует руководствоваться среднеориентировочной нормой усиления пехоты танками — одна рота легких танков на стрелковый батальон, наступающий на фронте 400–600 м в первом эшелоне ударной группы. При увеличении фронта наступления стрелкового батальона до 1000 м соответственно возрастет и потребное количество танков.

Указанная норма усиления пехоты танками исходит из следующего ориентировочного расчета: стрелковый батальон, наступающий на фронте 400–600 м, в ближайшей глубине встретит около одной обороняющейся роты противника, располагающей 21 огневой точкой (9 ручных пуле-

метов, 2 своих и 4 приданных станковых пулемета, 2 миномета и 4 противотанковых орудия). Эти огневые средства, надо полагать, будут нормально эшелонированы по всей глубине ротного оборонительного района, т. е. в первом эшелоне будут находиться 8 ручных пулеметов (два пехотных взвода), 2 станковых пулемета (кинжальные) и 2 противотанковых орудия, всего 8 пулеметов и 2 противотанковых орудия; во втором эшелоне — 9 пулеметов и 2 противотанковых орудия.

Считая, что в процессе артиллерийской подготовки будет уничтожено в первом эшелоне 30% огневых точек и что для уничтожения одного пулемета потребуется один танк, а одной противотанковой пушки — пять танков, устанавливаем: для уничтожения огневых средств первого эшелона противника потребуются $(5 + 10) = 15$ легких танков, т. е. одна рота. В процессе уничтожения 1 танковой ротой огневых средств первого эшелона противника часть огневых средств второго эшелона будет подавлена огнем вала артиллерии наступающего, а уцелевшие будут уничтожены последующей атакой танков».

Сначала оцените нормативную эффективность артиллерийской подготовки перед атакой — 30%, и автор этого методического труда принял в своем расчете, что ни одна противотанковая пушка не пострадает. И вот на эту неподавленную оборону танки пойдут в атаку... Каковы будут их потери? И вы видите, что автор опять-таки «трезво» закладывает в расчет 5 танков для уничтожения одной противотанковой пушки противника, закладывает, что 4 танка будут в этой атаке подбиты одной пушкой противника. Вот отсюда требование гениального Тухачевского и остальных советских полководцев иметь «массы» — бабы обязаны им нарожать много новых солдат, а советская экономика — построить много-много танков.

А вот глава ВВС РККА П. Рычагов на Совещании докладывает: *«Из опыта современных прошедших и идущих войн авиационная плотность достигается до 25 самолетов на один километр фронта».*

Из опыта каких войн он это рассчитал?! Дело в том, что уже перед его докладом выступающие обсуждали, что немцы в мае 1940 года ударили по французам на фронте 1000 км силами авиации в 2,5 тыс. самолетов, то есть плотность немецкой авиации была в 10 раз меньшей, чем берет за основу Рычагов. Далее.

«Необходимо сделать вывод, что в современной войне на главном, решающем направлении (примерно по фронту 100—

150 км. — Ю.М.) в составе фронта будет действовать не менее 15–16 дивизий, то есть 3500–4000 самолетов».

С Рычаговым не согласился, в частности, прославившийся громкими поражениями в последовавшей войне Ф. Кузнецов, генерал-лейтенант, на тот момент командующий войсками Северо-Кавказского военного округа: *«Я считаю, что эта цифра должна быть значительно больше»*. С Кузнецовым солидаризировался Г. Жуков, который считал, что если *«общая ширина участков главного удара в предпринимаемой операции должна быть не менее 100–150 км»*, то для обеспечения операции потребуется *«30–35 авиационных дивизий»*, то есть до 8000 самолетов.

А вот мысль из выступления Е. Птухина, генерал-лейтенанта, командующего ВВС Киевского особого военного округа: *«Для того чтобы уничтожить материальную часть на аэродромах (противника. — Ю.М.), а мы считаем, в среднем на аэродроме будет стоять 25–30 самолетов, нужно подумать о мощном ударе на этот аэродром. Значит, группа должна быть не менее 100–150 самолетов»*.

Правда, это как-то не координировалось с тем, что немцы с 10 мая 1940 года в течение трех дней проводили налет на 100 французских аэродромов на глубину до 400 км *«мелкими группами без прикрытия истребителей»* (Я. Смушкевич) и *«было выведено из строя около 1000 самолетов»* (М. Попов, генерал-лейтенант, командующий 1 Краснознаменной армией Дальневосточного фронта).

Давайте сравним цифры Совещания с теми, которые через полгода показала война с немцами. Немцы завоевали господство в воздухе и наступали на РККА на фронте более чем в 3000 км. Исходя из «скромных цифр» П. Рычагова — 25 самолетов на 1 км фронта, — с которыми не согласны ни Кузнецов, ни Жуков, — немцы должны были бы иметь 75 000 самолетов. Но на 22 июня 1941 года они против 9917 наших самолетов в западных округах сосредоточили всего 2604 самолета (в три раза меньше, чем Жукову требовалось всего лишь для проведения фронтовой операции на фронте в 400 км). И завоевали господство в воздухе вплоть до 1943 года!

Очень щедро наши генералы относятся и к живой силе. В своем докладе Г. Жуков подсчитал, что для наступательной операции на фронте 400–450 км с главным ударом на фронте 100–150 км ему требуется *«стрелковых дивизий порядка 85–100, 4–5 механизированных корпуса, 2–3 кавалерийских корпуса»*. Это свыше 1,9 млн человек даже без артиллерийских, инженерных, транспортных, тыловых и прочих соединений

и частей армейского и фронтового подчинения. Сравним: 22 июня 1941 года в сухопутные силы Германии на Восточном фронте протяженностью свыше 3000 км входило всего 85 пехотных дивизий, а все эти силы составляли 3,3 млн человек. Но немцы наступали до осени 1942 года — до Кавказа! В ходе войны никогда ни один фронт ни в одной операции не имел плотности войск, запрошенной Жуковым.

Еще. Из доклада Жукова следует, что ударная армия должна сосредоточить на *«участке главного удара шириною 25–30 км... около 200 000 людей, 1500–2000 орудий, массу танков»*. То есть 7 человек на погонный метр фронта. С такой плотностью, надо сказать, и затоптать противника не сложно, но с такой тактикой и с такими взглядами на свою роль и службу, у наших генералов это не получилось. Немудрено, что и после войны материалы этого Совещания оставались секретными — слишком много вопросов они вызывают к нашим генералам.

Кризис военного искусства

Дальнейшее рассмотрение темы нужно предварить замечанием, что военное искусство невозможно без маневра войсками. Собственно, маневр с целью создания ситуации, когда у тебя по отношению к противнику будет «большой батальон», это и есть то, что называется военным искусством.

И Первая Мировая война началась, казалось бы, как обычно. Полководцы начали энергично маневрировать войсками, стремясь завести их в слабые тылы противника, стремясь навалиться на его отдельные соединения мощными силами и уничтожить их. Однако не прошло и полугода, как армии всех стран зарылись в землю и какое-либо маневрирование войсками полностью прекратилось. Почему?

Тут вот в чем дело. Для победы надо атаковать противника, атаковать хотя бы для того, чтобы занять местность, на которой он находится. В атаке свои войска должны какое-то время бежать, ехать или скакать через пространство, которое противник простреливает. Но скорострельность оружия настолько возросла, что за те несколько минут, которые атакующие находились в полный рост на открытой местности, обороняющиеся, как бы мало их ни было, успевали нанести атакующим такой урон, что цель атаки уже никак не оправдывала потери в ходе ее.

7 августа 1914 года 21-й прусский драгунский полк перестраивался из походной колонны в боевой порядок, чтобы атаковать позиции 42 полка французской армии. Командир 6-й батареи этого полка французов, капитан Ломбаль, вове-

мя обнаружив немцев на удалении 5000 метров от позиций батареи, приказал открыть огонь из 75-мм орудий шрапнельными снарядами, и его 4 орудия сделали всего по 4 выстрела каждое. В результате немецкий драгунский полк потерял убитыми около 700 человек и примерно столько же лошадей и перестал существовать как боевая единица.

Противоборствующие стороны сели в окопы. Артиллерия кардинально вопрос не решала уже хотя бы потому, что ее наращивали все противоборствующие стороны. Сутками десятки и сотни батарей перепахивали позиции противника, а когда они замолкали, то из глубоких окопов («лисыих нор») вылезали несколько уцелевших пулеметчиков и косили наступающие цепи. Пока шла борьба с этими пулеметчиками, обороняющиеся подтягивали свежие силы и артиллерию, и все начиналось сначала.

Полностью потерял значение маневр. Как бы генерал ни водил войска, как бы ни подводил свои превосходящие силы к малочисленному противнику, но в конце концов надо было его атаковать, а тот, удобно установив пулеметы, выкашивал всех наступающих.

Инженеры победили генералов. Развитие военной техники поставило крест на военном искусстве. Маршал Пилсудский пишет об этом так (выделено мной. — Ю.М.):

*«Я помню, как маршал Петен, указывая мне на окровавленные холмы под Верденом, говорил, что почти миллионы людей лежат на этих изрытых гранатами полях сражений! Миллион до того бесследно погибших людей, что ныне кости обоих противников лежат перемешанными между собою и их не отличат ближайшие родственники! Настолько огромны гекатамбы **во имя возрождения движения**, которое пало побежденным в мрачных окопах!*

Хорошо помню те времена. Находясь в глухих пущах во-лынского Полесья, я тоже работал над окопами. Вековые сосны падали под топорам, для того чтобы проложить дороги там, где до того времени ходили только лоси. Тянулись телеграфные и телефонные провода в местностях, куда некогда заглядывали только волки и тетерева. В покрытых проволокой полях перед окопами воистину можно было заблудиться даже при ясном солнышке. Я строил убежища — и подземные, из громадных древесных бревен, и надземные, из таких же бетонных чурбанов, — чтобы в глухих пущах могли поселиться люди. Строились узкоколейки там, где до того времени плохонькая лошаденка, лениво передвигавшаяся по болотистым дорогам, удовлетворяла людские надобности. По железным

дорогам и узкоколейкам катились к нам не только продовольственные припасы для выросшего среди руины нового военного города, не только массы строительного материала, который ежедневно расходовался с криком «Еще! И еще!», но катились также и эшелоны живого военного материала — людей. Куда? Из одного окопа в другой, из одного военного города в другой — такое же случайно образовавшееся скопище солдат.

Был я в окопах; помню свой тщетный смех, когда в один прекрасный день на Стоходе только одна моя рота, производившая набег, была поддержана в своем движении двадцатью с лишним батареями разных калибров, разного вида орудий, развивавших пекло огня.

Я думал поэтому в те времена, что война не только вырождается, но она вообще должна исчезнуть навсегда. **Когда погиб главный элемент победы — движение,** — военная работа сделалась каким-то бессмысленным, диким методом убийства людей. Я не мог себе представить, чтобы человечество в состоянии было предпринять еще раз подобную попытку, чтобы оно еще раз захотело ломать и коверкать жизнь целых стран для питания окопов, а стратегия и военное искусство, закрывши от стыда глаза, выводили бы только цифру убитых, цифру уничтоженных существ для определения победы на основе этого кошмарного подсчета. Радовался я тогда в окопах. Значит, война исчезнет! Наконец-то покончит сам с собой этот кошмар, тяготевавший над столькими людскими поколениями! Он вырождается настолько, что искусство, не украшая природы войны, одним только своим видом отвратительного машинного истребления людей оттолкнет от себя даже самых горячих своих приверженцев. Война исчезнет вместе со всеми ее последствиями! Это — так думал я — принесет облегчение и моей родине — жертве войны! Но вместе с тем и жаль было мне этого небесного искусства, которым человечество на протяжении тысячелетий отмечало свое движение вперед. Военное искусство, породившее столько великих людей, в которых непонятная сила вложила такую чародейскую мощь, что своим творчеством — победой — они порождали новые исторические творения, способные жить целые века. Найдут ли человечество другие методы ускорения своего исторического творчества? Вот вопросы, которыми я, как командир бригады, заброшенной в окопы, задавался, строя свои выводы о будущем».

Этот текст Пилсудского довольно напыщен, тем не менее он недвусмысленно показывает состояние генералов Первой мировой. Война перестала в них нуждаться, им невозможно

было реализовать свой творческий потенциал, они стали не нужны своим странам. Теперь побеждала не та страна, у которой самые лучшие генералы, а та, у которой большие людские ресурсы — большая возможность перемолоть их в бессмысленных атаках и контратаках. Война превратилась, как выразился генерал Фуллер, в *«торговлю железом»*.

Сформулируем проблему: война потеряла движение и превратилась в позиционную, потому что атакующий в последнем рывке терял больше, чем достигал в результате этой атаки. Но у этой проблемы было и очевидное решение: нужно было найти способ, при использовании которого противник не мог бы наносить потерь твоим атакующим войскам, — нужно было защитить атакующих.

«Профессионалы», генералы Первой мировой, найти подходящий способ не смогли, его нашел политик — Уинстон Черчилль. Мало того, ту технику, которую нашел Черчилль для решения проблемы, генералы категорически отвергли, не желая и разговаривать с ее конструкторами.

Известен автомобиль и гусеничный трактор, — рассуждали генералы. — Автомобиль может ездить быстро и медленно, а трактор — только медленно. Известен автомобиль, укрытый броней и с пулеметами — бронеавтомобиль. Ну зачем нужен еще и медленно движущийся гусеничный трактор с броней и пулеметами — танк?

И изобретатель танка ходил из одной генеральской приемной в другую, пока не попал к Черчиллю. Тот сразу понял, зачем войскам нужен танк. Ведь поле боя изрыто траншеями и воронками, никакой автомобиль по нему не проедет, а танк проедет! Да, Черчилль решил эту задачу войны, но... Но только в тактическом плане. То есть с помощью танков роты, батальоны и полки добивались тактических успехов — продвижения вперед на 5–10 км, но там, где их уже не прикрывал огонь своей артиллерии, стояла артиллерия противника, и она мигом кончала и с танками, и с дальнейшим продвижением пехоты. Как применить танк для решения оперативных задач, генералы Первой мировой войны так и не смогли придумать.

Что касается английских и французских генералов (наши тоже оказались не лучше), то замечу, что французы так и не смогли решить эту оперативную задачу до поражения Франции в войне с немцами в 1940 году, а до английских генералов решение этой оперативной задачи стало доходить только в 1942 году.

А немцы поняли, что танк не только защищает своей броней стрелков, сидящих в нем, не только давит пулеметы, давая

возможность своей пехоте приблизиться к противнику на бросок гранаты. Танк может также быстро переехать от места, к которому противник подтянул резервы, и поэтому он там сейчас силен и наносит тебе большие потери, к месту, где противник слаб. И прорвать его фронт в этом слабом месте! Далее пойти вперед, а в сделанный им прорыв ворвется уже без потерь пехота, начиная выстраивать фронт окружения противника.

То есть, по немецким оперативным идеям, прорывали фронт и уничтожали противника танковые дивизии, а за ними занимали местность пехотные дивизии, которым порой приходилось, как жаловался Манштейн, идти по 80 км в сутки, чтобы догнать танкистов. При этом если противник пытался прорвать фронт окружения, то немецкая пехота уже не теряла людей в атаках, а уничтожала атакующего противника на своих оборонительных позициях. Танк уменьшал саму потребность пехоты в атаках, но главное, танковые войска возрождали искусство маневра, без которого, повторю, вообще нет военного искусства.

Мираж танковых корпусов

Как вы уже увидели выше, есть генералы и историки, которые считают, что Тухачевский был такой великий полководец, такой большой стратег, что даже немцы у него учились своему блицкригу. И те, кто говорят о величии и гениальности Тухачевского как полководца, кто стонет об его отсутствии на фронтах Великой Отечественной войны, в качестве примера его исключительного дара военного предвидения обязательно приводят, что он, дескать, ратовал за создание в Красной армии танковых корпусов. Эти люди либо совершенно не способны понять, что это за магическое словосочетание «танковый корпус», либо не хотят понять, какие именно танковые корпуса реально создавал этот стратег.

О маневре танковых дивизий я написал выше, но ведь как немцы видели наземный бой, когда эта дивизия приблизится к выбранному в ходе маневра участку вражеского фронта?

Обороняющегося противника обстреливает и подавляет тяжелая гаубичная артиллерия и бомбят пикирующие бомбардировщики, уничтожая у того оборонительные сооружения и артиллерию. Когда артиллерия противника подавлена, к его окопам направляются танки, которые расстреливают отдельные уцелевшие пулеметные точки, минометы, сопротивляющуюся пехоту противника. А вслед за танками на позицию противника бросается и своя пехота, по которой уже практически некому стрелять. Если у противника уцелеют отдельные

пушки, то немцы выдвинут к ним свои хорошо бронированные штурмовые орудия и танки и расстреляют уцелевших. То есть бой виделся этапами: средства, могущие поразить танки, уничтожает артиллерия и авиация; средства, могущие поразить пехоту, уничтожают танки; пехота добывает остатки противника и занимает местность.

«Основой успешного наступления танков является подавление системы огня противника. Это должно быть обеспечено путем гибкого управления огнем самих танков и правильного распределения приданных подразделений других родов войск. Танки должны немедленно использовать результаты собственного огня, огня артиллерии и ударов авиации. Наступление нужно проводить на широком фронте и на большую глубину», — писал теоретик и практик танковых войск Г. Гудериан. *«Во время боя офицер связи от авиации должен был постоянно информировать авиационный штаб об изменениях боевой обстановки и наводить самолеты на цель. Задача атакующих танков состояла в том, чтобы немедленно использовать результаты атаки с воздуха, пока противник не возобновил сопротивления».*

Немецкие танки для борьбы с танками противника до 1942 года вообще НЕ ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ. Танки противника должна была в обороне уничтожить пехота и артиллерия своими противотанковыми средствами, а в наступлении — артиллерия и авиация.

«Против танков, не препятствовавших продвижению, предпринимались только особые меры по обеспечению безопасности, например организация прикрытия противотанковыми средствами или подготовка артиллерийского огня. Сама танковая часть НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ не должна была отклоняться от выполнения своей задачи», — продолжает Гудериан.

И это хорошо видно даже не по тому, что в начале войны в танковых войсках вермахта преобладали легкие танки, а по тому, что средние танки и штурмовые орудия имели маломощные пушки, предназначенные для стрельбы осколочно-фугасными снарядами.

Немецкий генерал Ф. Меллентин, который подполковником был у фельдмаршала Роммеля начальником оперативного отдела штаба, в своей книге «Танковые войска Германии во Второй мировой войне» описывает бои немецких танковых дивизий с английской армией в Египте, где англичане всегда превосходили итало-немцев как в численности войск, оружия и танков, так и в формальном качестве танков — толщине брони, калибре орудий и т. д.

Тактика боев была такой. Немцы атакуют англичан. Те выдвигают навстречу немцам танки. Немцы немедленно отводят свои танки, не вступая с ними в бой, вызывают авиацию и подтягивают противотанковую артиллерию, которая расстреливает танки англичан. Немецкие танки снова наваливаются на пехоту. Но у английской пехоты тоже есть противотанковая артиллерия. Немцы снова отводят свои танки, снова вызывают авиацию и артиллерию, но на этот раз гаубичную. Орудия противотанковой артиллерии англичан уничтожаются, и на английские позиции, теперь уже безопасно, двигаются немецкие танки, уничтожают очаги сопротивления пехоты, а сразу за танками врывается немецкая пехота и сгоняет пленных в колонны.

Сам Меллентин об этом писал так (выделено мною. — Ю.М.):

«Чем же тогда следует объяснить блестящие успехи Африканского корпуса? По моему мнению, наши победы определялись тремя факторами: качественным превосходством наших противотанковых орудий, систематическим применением принципа взаимодействия родов войск и — последним по счету, но не по важности — нашими тактическими методами. В то время как англичане ограничивали роль своих 3,7-дюймовых зенитных пушек (очень мощных орудий) борьбой с авиацией, мы применяли свои 88-мм пушки для стрельбы как по танкам, так и по самолетам. В ноябре 1941 года у нас было только тридцать пять 88-мм пушек, но, двигаясь вместе с нашими танками, эти орудия наносили огромные потери английским танкам. Кроме того, наши 50-мм противотанковые пушки с большой начальной скоростью снаряда значительно превосходили английские двухфунтовые пушки, и батареи этих орудий всегда сопровождали наши танки в бою. Наша полевая артиллерия также была обучена взаимодействию с танками. Короче говоря, НЕМЕЦКАЯ ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ была в высшей степени гибким СОЕДИНЕНИЕМ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК, всегда — и в наступлении, и в обороне — ОПИРАВШИМСЯ НА АРТИЛЛЕРИЮ. Англичане, напротив, считали противотанковые пушки оборонительным средством и не сумели в должной мере использовать свою мощную полевую артиллерию, которую следовало бы обучать уничтожению наших противотанковых орудий.

Наша тактика танковых боев была развита в предвоенные годы генералом Гудерианом, принципы которого были восприняты и творчески применены в условиях пустыни Раммелем. Их ценность полностью подтвердилась во вре-

мя крупнейшего сражения, начавшегося 18 ноября 1941 года. (Хотя мы в общем уступали противнику в количестве танков, нашему командованию, как правило, удавалось сосредоточить большее количество танков и орудий в решающем месте.)».

И раз мы разговорились о теоретиках, то давайте еще дадим Меллентину высказаться и по этому вопросу:

«Эта теория Гудериана послужила основой для создания немецких танковых армий. Находятся люди, которые глумятся над военной теорией и с презрением отзываются о “кабинетных стратегах”, однако история последних двадцати лет показала жизненную необходимость ясного мышления и дальновидного планирования. Само собой разумеется, что теоретик должен быть тесно связан с реальной действительностью (блестящим примером этого является Гудериан), но без предварительной теоретической разработки всякое практическое начинание в конечном счете потерпит неудачу. Английские специалисты, правда, понимали, что танкам предстоит сыграть большую роль в войнах будущего — это предвещали сражения под Камбре и Амьеном, — но они недостаточно подчеркивали НЕОБХОДИМОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК В РАМКАХ ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ. В результате Англия отстала от Германии в развитии танковой тактики примерно на десять лет. Фельдмаршал лорд Уилсон Ливийский, описывая свою работу по боевой подготовке бронетанковой дивизии в Египте в 1939–1940 годах, говорит: “В ходе боевой подготовки бронетанковой дивизии я неустанно подчеркивал необходимость тесного взаимодействия всех родов войск в бою. Нужно было выступить против пагубной теории, получившей за последнее время широкое хождение и поддерживавшейся некоторыми штатскими авторами, согласно которой танковые части способны добиться победы без помощи других родов войск... Несостоятельность как этого, так и других подобных взглядов наших “ученых мужей” предвоенного периода прежде всего показали немцы”. Вопреки предупреждениям Лиддел Гарта о необходимости взаимодействия танков и артиллерии английские теории танковой войны тяготели к “чисто танковой” концепции, которая, как указывает фельдмаршал Уилсон, нанесла немалый ущерб английской армии. И только в конце 1942 года англичане начали практиковать в своих бронетанковых дивизиях тесное взаимодействие между танками и артиллерией».

К таким «штатским авторам» следует отнести и Тухачевского с его надутым троцкистами военным авторитетом, и военных теоретиков СССР. Ведь как ни сильны танки, но они ничто, если действуют без остальных родов войск. В своем «Воспоминании солдата» Гудериан пояснял (выделено мною. — Ю.М.):

*«В 1929 году я пришел к убеждению, что танки, действуя самостоятельно или совместно с пехотой, никогда не сумеют добиться решающей роли. Изучение военной истории, маневры, проводившиеся в Англии, и наш собственный опыт с макетами укрепили мое мнение в том, что **танки только тогда сумеют проявить свою полную мощь**, когда **другие рода войск**, на чью поддержку им неизбежно приходится опираться, **будут иметь одинаковую с ними скорость и проходимость**. В соединении, состоящем из всех родов войск, танки должны играть главенствующую роль, а остальные рода войск действовать в их интересах. Поэтому необходимо не вводить танки в состав пехотных дивизий, а создавать танковые дивизии, которые включали бы все рода войск, обеспечивающие эффективность действий танков».*

Поэтому уже к началу Второй мировой войны в танковых дивизиях вермахта при общей их численности примерно в 12 тыс. человек соотношение танковых и пехотных частей было 1:1 — одна танковая бригада (324 танка и 36 броневедомостей) и одна стрелковая. А в тех корпусах, что создавал Тухачевский в 1932 году, на 2 механизированные бригады (500 танков и 200 броневедомостей) приходилась всего одна стрелковая. Разумеется, в немецкой дивизии был еще и артиллерийский полк. (Всего в немецкой дивизии было 140 орудий и минометов). Однако к 1941 году немцев не удовлетворило и это. В их танковой дивизии число танков сократилось до одного полка (при возросшей мощи самих танков их стало 147–209), но численность пехоты увеличилась до двух полков, и общая численность танковой, подчеркну — танковой, дивизии выросла до 16 тыс. человек при 192 орудиях и минометах.

Мысль Гудериана, что пехота должна «немедленно» использовать эффект танковой атаки, была не пустым звуком. Уже по штатам 1939 года пехота, артиллерия, разведчики, саперы, связисты и все тыловые службы немецкой танковой дивизии передвигались вслед за танками на: 421 бронетранспортере, 561 вездеходе и легковом автомобиле, 1289 мотоциклах и на 1402 грузовых и специальных автомобилях. Если считать

и бронетехнику, то один водитель в танковой дивизии прихотился на 2 человек.

Причем это были не «автомашины, прибывшие из народного хозяйства», как в Красной армии, это в подавляющем большинстве была техника, специально построенная для армии — бронетранспортеры, вездеходы, тягачи. Включая грузовики-длинномеры для перевозки легких танков.

А наши танковые бригады даже в конце войны, ворвавшись в тылы немцев, продвигались только до первого рубежа их обороны и потерь нескольких машин, после чего останавливались и ждали, когда им в лучшем случае на грузовиках подвезут их «мотострелков» и артиллерию. И всю войну для наших танковых войск самым дорогим трофеем был немецкий бронетранспортер. Дважды Герой Советского Союза В. С. Архипов, в войну командир танковой бригады, вспоминает о боях за Киев 1943 года: *«Бой был коротким, и спустя полчаса мы уже подсчитывали трофеи. Взяли около 200 пленных и три десятка исправных бронетранспортеров. Это были машины с сильным вооружением — 40-мм пушкой, двумя лобовыми пулеметами (один из них крупного калибра) и зенитным, тоже крупнокалиберным, пулеметом. Немецкие бронетранспортеры с закрашенными, разумеется, крестами служили нам до конца войны».*

Танки, кроме пехоты, обязательно должна сопровождать артиллерия (лучше всего — самоходная). Немцы такую артиллерию начали выпускать и насыщать ею войска еще до войны. Если средних и тяжелых танков Т-IV, Т-V («Пантера») и Т-VI («Тигр») Германия произвела за все годы около 17 тысяч, то самоходно-артиллерийских установок — более 23 тысяч. СССР такие установки начал производить в 1943 году, бронетранспортеры — только после войны.

Какова была маневренность танковых корпусов «имени Тухачевского», давайте рассмотрим на примере 9-го механизированного корпуса (по штату 1031 танк, 35 тыс. человек), которым на начало войны командовал К. К. Рокоссовский. Согласно плану, с началом войны он должен был из района Новоград-Волынского передвинуться в район Луцка на расстояние около 200 км. Вот как это было:

«День 22 июня выдался очень солнечным, жарким, и основная масса войск корпуса, по сути дела пехота, должна была, кроме личного снаряжения, нести на себе ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы к ним. Тем не менее в этот день пехотные полки танковых дивизий прошли 50 километров, но в конце этого марша

солдаты валились с ног от усталости, и командир корпуса приказал в следующие дни ограничиться 30–35-километровыми переходами.

„Следует сказать, что 24-25 июня бой вели передовые части дивизий, так как основные силы все еще были на подходе».

Итак, за 4 дня «танковые» дивизии корпуса без боев, летом, по дорогам все еще не прошли и 200 км. А в 1929 году, во время конфликта на КВЖД, кавалерийская бригада К. К. Рокоссовского по таежному зимнему бездорожью, выйдя в путь 11 ноября, к утру 16 ноября прошла 400 км.

Вот и оцените, что означали собой те фикции, которые Тухачевский именовал «танковыми» корпусами, с точки зрения их подвижности — с точки зрения того, для чего они и создаются.

А упомянутый мною Ф. Меллентин, по итогам разгрома немцами англо-французов в 1940 году, записал: *«Пожалуй, следует подчеркнуть, что хотя мы и придавали главное значение танковым войскам, однако в то же время мы отдавали себе отчет в том, что танки не могут действовать без непосредственной поддержки моторизованной пехоты и артиллерии. Танковые дивизии должны быть гармоничным соединением всех родов войск, как это было у нас, — таков был урок этой войны, который англичане не сумели усвоить вплоть до 1942 года».*

Теперь собственно о танках Тухачевского.

Танки в бою

Если посмотреть на те танки, что заказывали для своих танковых корпусов Тухачевский и советские генералы, то поражает их боевая бессмысленность: такое впечатление, что наши полководцы никогда не представляли себя ни в танке, ни в бою, и самое большое, на что способна их военная фантазия, — это учения и парады. Дело не в техническом несовершенстве танков — это дело наживное. (Не было опыта у конструкторов, не освоились смежники, что же тут поделывать?). А дело в самом боевом смысле этих танков — для какого боевого применения они их заказывали?

Спросите себя, как Тухачевский и советские генералы видели танковый бой? Похоже, никак!

Возьмем их детище — тяжелый танк Т-35. Весил 54 т, имел 5 башен, 3 пушки, 4 пулемета, 11 человек экипажа. Был украшением всех парадов. Но не мог взобраться на горку крутизной более 15 градусов, а на испытательном полигоне — вылезти

из лужи. Уже тогда никто не мог ответить на вопрос, как этим танком управлять в бою? Ведь его командир обязан был крутить головой во все стороны, указывая цель всем своим 5 башням, корректируя огонь 3 орудий, при этом стреляя из своего самого верхнего пулемета и заряжая 76,2 мм пушку.

Но даже не это главное. Тухачевский предназначал Т-35 для прорыва обороны, то есть вражеских рубежей, оснащенных артиллерией. Но дело в том, что самая маленькая пушка, которая могла встретиться на этих рубежах танку Т-35, причем с Первой мировой войны, не могла иметь калибр менее 37 мм. А такая пушечка на расстоянии 500 м пробивала минимум 35 мм брони. У танка Т-35 лишь один передний наклонный лист брони корпуса имел толщину 50 мм, вся остальная броня этой махины не превышала 30 мм. На какую оборону его можно было пускать с такой броней?

Был построен 61 такой танк, в западных округах немцев встретили 48 этих машин. Известна судьба всех: 7 нашли почетную смерть в бою; 3 были в ремонте; остальные сломались на марше и были брошены экипажами.

Примерно таким же был и другой танк для прорыва обороны — средний танк Т-28 с тремя башнями. Только у этого самая толстая броня была 30 мм. Их было построено более 500 единиц, но судьба их точно такая, как и всех танков Тухачевского, которым можно дать единое собственное имя «Смерть танкиста».

Но тяжелых и средних танков имени Тухачевского хотя бы было относительно немного. Иначе обстоит дело с легкими танками. В 1931 году был принят на вооружение и поставлен на производство английский танк «Виккерс», забракованный английской армией. Лобовую броню он имел 13 мм, весил первоначально 8 т и с двигателем в 90 л. с. мог развить скорость до 30 км/час. Его модернизировали, в результате чего он стал весить более 10 т, а лобовая броня на башне выросла до 25 мм, на корпусе — до 16 мм. Изготовили этих танков (под названием Т-26) к 1939 году около 11 тыс. единиц. Зачем Тухачевскому потребовалось такое количество малоподвижных и почти небронированных машин, что они должны были делать в его танковых корпусах, мне непонятно.

Еще менее понятно, зачем, уже имея легкий танк, закупать еще один, теперь уже у американского изобретателя-одиночки Д. Кристи. Этот изобретатель первым предложил иметь катки на всю высоту гусеницы танка. Это разумное предложение было внедрено во многих странах. Но мы купили в 1931 году его танк не за это, а за то, что он одновременно был и скоро-

стным автомобилем. Сняв гусеницы, образцы этого танка могли развить на американских автострадах скорость до 122 км/час. Надо сказать, что, несмотря на эти соблазнительные цифры, ни одна страна, кроме СССР с Польшей, эту глупость не закупала и не производила. Почему?

В идее такой танк имел кажущееся преимущество в следующем. Танки — очень нежные машины. У них очень мал моторесурс, их тяжело нагруженные механизмы быстро выходят из строя. Скажем, танки того времени уже через 50 часов работы требовали ремонта. Когда упоминавшийся тяжелый танк Т-35 в ходе испытательного пробега заставили пройти 2000 км, то при этом сменили три двигателя. Это касается танков как таковых и во всем мире. Танк — это машина не для поездок, а для боя. Поэтому вне боя ее стараются беречь. То есть если требуется перевезти танки на большое расстояние, то их везут по железной дороге.

Возник у Тухачевского соблазн: если танк поставить на колеса, то он будет быстро ехать, механизмы меньше изнашиваться. Следовательно, его можно будет перегонять самоходом, а не на поезде. (Чем не нравился Тухачевскому поезд или автотрейлер, сейчас уже не у кого спросить). Но дело в том, что и по автостраде очень быстро может ехать только один танк, а в реальной жизни по реальным дорогам колонна танков (а они движутся колоннами) больше 20–25 км/час не развивает даже сегодня. Так что колеса на танке изначально нужны, как зайцу стоп-сигнал.

Дикость этого проекта еще и в том, что наша танковая промышленность только становилась на ноги, специалисты только приобретали опыт, и давать им в производство такую бессмысленно сложную машину было просто преступно. Ведь в этом танке помимо собственно танковых механизмов есть еще и автомобильные. Начать танкостроение с такого танка — это значит обречь танковые войска на постоянные поломки техники, на снижение нормативов времени для обучения экипажей практическому вождению.

Но, главное, это был конструкторский тупик. Никакое увеличение мощности двигателя этого танка никак не увеличивало его бронезащиту, он не становился совершеннее. Этих танков, названных БТ (быстроходные танки), разных серий было изготовлено почти 8 тыс. единиц. Последняя, самая современная модификация его, названная БТ-7М (700 машин), выпускалась в 1939–1940 годах. Давайте сравним ее с немецким легким танком чешского производства 38(t). Этот танк сконструирован чехами в 1938 году для своей армии, но производили они

его для немцев до 1942 года. Танк надежен и без затей. Так вот, наш легкий танк БТ-7М был почти на 50% тяжелее этого немецкого легкого танка и двигатель имел в 4 раза мощнее, но броню... в 2,5 раза тоньше! (Один лобовой лист в 22 мм, остальная броня 15–10 мм). При этом 38(t) с лобовой броней в 25 мм, доведенной впоследствии до 50 мм, имел вполне приемлемую для танка скорость. А ведь в 4 раза более мощный двигатель — это и во много раз большая стоимость всех механизмов, их вес, сложность, расход ГСМ. И все во имя чего? Во имя цифры «86 км/час на колесах»? Которая изначально никому не была нужна и никогда в реальной войне не потребовалась?

А теперь представим, что эти легкие танки атакуют передний край.

На немецком переднем крае наш БТ-7М встретит немецкая (уже тогда маломощная) легкая 37-мм пушечка. Но эта пушка, как я уже писал, пробивает с 500 м броню в 35 мм. Следовательно, немецким артиллеристам оставалось только увидеть этот танк... и с ним покончено. У немцев были также тяжелые противотанковые 20-мм ружья, которые на дальности в 300 м пробивали броню в 40 мм. А еще у них были легкие, калибра обычной винтовки, противотанковые ружья, которые на дальности в 300 м пробивали броню 20 мм. Крыша у БТ-7М была толщиной в 6 мм, саблей ее, конечно, не возьмешь, но сверху его мог расстрелять обыкновенным пулеметом любой самолет.

А немецкий 38(t) на нашем переднем крае мог встретить самое мощное советское, собственно противотанковое средство — нашу 45-мм пушку. Она с 500 м пробивала 42 мм брони. Да, но у части танков 38(t) уже была лобовая броня 50 мм! Этому легкому танку не надо было даже ждать в подмогу средние танки или штурмовые орудия — он и сам мог справиться с такой пушкой. Недаром, по грустной статистике, на один подбитый немецкий танк приходилось 4 наших уничтоженных 45-мм пушки, и только 57-мм пушка довела это соотношение до 1:1.

Добавлю, что по заказу Тухачевского промышленность с 1933 года еще произвела и около 4 тыс. единиц плавающих танков, вооруженных пулеметами и с броней в 6–8 мм.

Напоминаю, что немцы и не собирались своими танками воевать с нашими, но тем не менее, исключая пулеметный Т-1, практически любой из их танков на 22 июня 1941 года мог справиться с этой нашей армадой металлолома, задуманной Тухачевским. С воздуха простым пулеметом ее могло расстрелять все, что летало. *«На Востоке же, наоборот, опасным противником русских танков стал немецкий самолет-истре-*

битель. Серьезные успехи, достигнутые немецкой истребительной авиацией, общеизвестны» (Гудериан).

В танковых дивизиях напавших 22 июня 1941 года на СССР войск Германии было 3582 танка и штурмовых орудия. (На самом деле у нападавших на СССР немцев было еще и несколько тысяч трофейных французских и английских танков, но сейчас речь не о количестве.) Из указанной численности танков танковых дивизий 1404 это средние танки Т-III и Т-IV и 1698 легких танков всех типов. О том, как именно эти танки применялись в боях, Гудериан рассказывал: *«Наши тяжелые танки использовались главным образом для поддержки пехоты или танков в крупных наступательных боях. Для выполнения всех других задач применялись только средние и легкие танки, причем последние привлекались прежде всего для выполнения разведывательных задач и для охранения».*

Зачем Тухачевскому и остальным генералам для «охранения и разведывательных задач» требовались десятки тысяч легких танков?

Не было заинтересованных генералов

Да, автор этого маразма тактики применения танков и выбора их конструкции — маршал Тухачевский, но причина маразма и остальных бросающихся в глаза недостатков советских танковых войск — в пренебрежении мнением рядовых танкистов со стороны всех маршалов и конструкторов не только во времена, но и после Тухачевского.

К примеру, ни в одном из наших танков, даже в совершенных тогда Т-34 и КВ, не было собственно командира танка. Формально должность эта была, но командир сам обязан был стрелять из пушки в легких и средних танках, а в тяжелых — заряжать пушку и стрелять из верхнего, самого удобного пулемета. Из-за этого командиры танков не успевали исполнять свои обязанности — наблюдать за полем боя, указывать цель, направление движения, корректировать стрельбу.

Когда немцы начали знакомиться с нашими танками, доставшимися им в трофеях, их это поражало. Поражало это дикое непонимание основ танкового боя. Когда они в захваченной Чехословакии рассмотрели уже готовые танки 38(t) и увидели, что там только три человека экипажа, то они вернули танки чехам и заставили их переделать машины, сделав на них командирскую башенку и командирское место.

В начале войны немецкие танкисты неожиданно для себя встретились с нашими тяжелыми танками КВ, и те вынуждали их принимать бой. Командир 41-го танкового корпуса немцев генерал Райнгардт так описал свое впечатление:

«Примерно сотня наших танков, из которых около трети были Т-IV (средний немецкий танк с пушкой 75 мм и лобовой броней в 60 мм — Ю. М.), заняли исходные позиции для нанесения контрудара. Часть наших сил должна была наступать по фронту, но большинство танков должны были обойти противника и ударить с флангов. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно. Русские же, напротив, вели результативный огонь. После долгого боя нам пришлось отступить, чтобы избежать полного разгрома. Эшелонированные по фронту и в глубину русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь. В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Пока командир артиллеристов предупреждал о приближении танков противника, орудие открыло огонь, но опять-таки безрезультатно.

Один из советских танков приблизился к гаубице на 100 метров. Артиллеристы открыли по нему огонь прямой наводкой и добились попадания — все равно, что молния ударила. Танк остановился. «Мы подбили его», — облегченно вздохнули артиллеристы. «Да, мы его подбили», — сказал командир гаубицы. Вдруг кто-то из расчета орудия истошно завопил: «Он опять поехал!». Действительно, танк ожил и начал приближаться к орудью. Еще минута, и блестящие металлом гусеницы танка, словно игрушку, впечатали гаубицу в землю. Расправившись с орудием, танк продолжил путь как ни в чем не бывало».

Снаряд этой гаубицы был хотя и фугасным, а не бронебойным, но весил 43,5 кг. От такого снаряда любой немецкий танк (а также тогдашние французские и английские) просто разлетелся бы на части. Казалось бы, все хорошо, и наши даже немногочисленные КВ могли уже в начале войны выбить всю немецкую бронетехнику. Но... Танкист из немецкого 1-го танкового полка так вспоминает бой 24 июня 1941 года у г. Дубиссы:

«КВ-1 и КВ-2, с которыми мы столкнулись впервые, представляли собой нечто необыкновенное. Мы открыли огонь с дистанции 800 метров, но безрезультатно. Мы сближались все ближе и ближе, с противником нас разделяли какие-то 50–100 метров. Начавшаяся огневая дуэль складывалась явно не в нашу пользу. Наши бронебойные снаряды ricochetировали от брони советских танков. Советские танки прошли

сквозь наши порядки и направились по направлению к пехоте и тыловым службам. Тогда мы развернулись и открыли огонь вслед советским танкам броневойными снарядами особого назначения (PzGr 40) с необычайно короткой дистанции — всего 30–60 метров. Только теперь нам удалось подбить несколько машин противника».

Смотрите, наши танки проехали в десятках метров мимо немецких и не заметили их, не расстреляли. Почему? Ведь в КВ было 5 человек экипажа! Было-то было, да что толку?

Механик-водитель смотрел в единственный триплекс, видя перед собой несколько метров дороги. Рядом с ним пулеметчик смотрел в прицел шаровой установки размером с замочную скважину только около 200 мм длиной. Наводчик смотрел в прицел пушки, у которого угол обзора всего 7 градусов, радист вообще смотровых приборов не имел, а командир обязан был на полу танка вытаскивать из укладки снаряды и прятать в нее стреляные гильзы. Кому же было за полем боя смотреть? У командира КВ даже люка не было, чтобы выглянуть и оглядеться.

Рассмотрим только один элемент работы командира танка — корректировка огня пушки. Пушку в цель наводят с помощью оптического прицела. Если в него глянуть, то в центре видна прицельная марка (угол вершиной вверх), иногда говорят — «перекрестье прицела». И сетка делений в тысячных, то есть 1/1000 круга. Виден в прицел очень небольшой кусочек местности. Возьмите лист бумаги, сверните его в трубку и посмотрите в нее. Столько видно и в прицел. Наведите трубку на какой-то предмет и подпрыгните так, чтобы этот предмет оставался в видимости в трубке. У вас не получится, он пропадет из поля видимости, и вам потребуется время, чтобы вновь навести трубку на этот предмет. То же происходит и при выстреле пушки, когда танк вздрагивает.

Первый выстрел делают, подводя в прицеле прицельную марку в центр цели. Но обычно и прицел несколько сбивается: и температура воздуха влияет, и ветер, и масса других факторов. В результате снаряд первого выстрела ляжет где-то рядом с целью. Очень важно заметить где! Потому что следующий выстрел нужно делать с учетом промаха, с учетом отклонения снаряда от цели — с корректировкой.

Но, повторяю, танк при выстреле вздрагивает, цель выскакивает из поля зрения прицела, и если снаряд броневой (со слабым взрывом или вообще без взрыва), а расстояние до цели относительно небольшое (снаряд летит секунду или ме-

нее), то наводчик не способен увидеть, куда снаряд упал, и не способен скорректировать огонь.

Это делает командир, он и корректирует огонь, скажем: «Фигура вправо, выше полфигуры». И следующий снаряд ляжет в цель.

Вот конкретный бой той войны, рассказанный ветераном — механиком-водителем БТ-7. В начале войны их танк вел бой даже не с танком, а с немецкой танкеткой — слабо-бронированной машиной, вооруженной обычным пулеметом. Немецкий пулеметчик ничего бэтэшке сделать не мог, его пули отскакивали от лобовой и бортовой брони. Но и командир-наводчик нашего танка ничего не мог сделать танкетке — он стрелял из пушки, но не видел, куда попадают снаряды, и поэтому не мог скорректировать себе огонь — не мог попасть. Тогда он навел пушку на танкетку, открыл люк, под его защитой высунулся из башни и выстрелил из пушки, чтобы наконец понять, куда попадают его снаряды. В это время немецкий пулеметчик дал очередь по люку, пули пробили 6-мм броню, командир был убит, механик вывел танк из боя — стрелять стало некому. Бэтэшку победила боевая машина, которая и доброго слова-то не стоит.

Видели ли до войны советские генералы этот недостаток советских танков? А как его не увидеть?

Еще 6 ноября 1940 года маршал С. Тимошенко обратился к Председателю Комитета обороны при Правительстве СССР К. Ворошилову:

«Проведенные опытные учения танковых и механизированных войск показали, что вопросы управления танковыми подразделениями крайне затруднены.

Результаты длительных пробегов и испытаний танков, а также изучение передовых образцов иностранной танковой техники показывают, что в Тактико-технические требования по нашим танкам необходимо внести соответствующие дополнения.

Танковому командиру, начиная от отдельного танка и выше, необходимо дать возможность полного и постоянного наблюдения за полем боя, за обстановкой и за подчиненными ему танками, освободив его окончательно от обязанности артиллериста или заряжающего.

В настоящее время смотровые приборы и средства обозрения для командира ограничены и вызывают крайнюю необходимость увеличения круговой видимости и обзорности для каждого отдельного танка.

Одновременно необходимо значительно понизить усилия на приводах управления танком при вождении.

В целях повышения боевых качеств танков необходимо внести следующие дополнения в ТТТ.

1) Установить на башнях танков специальные командирские смотровые башенки с круговым обзором.

2) Пересмотреть численный состав экипажей.

3) Уточнить вооружение и боекомплект.

4) Для внешней связи потребовать установки радиостанции КРСТБ, меньшие по габаритам, чем 71-ТК, и проще в настройке.

5) Для внутренней связи потребовать применение ларингофонов взамен громоздких микрофонов.

6) Смотровые приборы механика-водителя и радиста заменить на более совершенные. Водителю, кроме того, установить оптический смотровой прибор.

7) Потребовать гарантийный срок работы танка не менее 600 часов до капитального ремонта.

8) Подвеску танка Т-34 переделать на индивидуальную торсионную.

9) В первой половине 1941 г. заводы должны разработать и подготовить к серийному выпуску планетарную трансмиссию для танков Т-34 и КВ. Это позволит увеличить среднюю скорость танков и облегчить управление.

Представляю проект постановления КО.

Прошу утвердить.

Маршал Советского Союза С Тимошенко».

В таких громоздких системах управления, как Правительство и министерства (наркоматы) оборонной промышленности (в которых даже принятое Правительством решение потом проходит десятки инстанций и обрабатывается сотнями исполнителей), для быстрого решения вопроса мало подписать письмо у маршала Тимошенко. Нужно было, чтобы заинтересованные в вопросе лица, в данном случае генералы Автобронетанкового управления РККА, постоянно теребили исполнителей, иначе исполнители займутся иными вопросами. Как говорил когда-то мой директор: нужно «приделать письму ноги». Заинтересованных лиц среди генералов не оказалось, в результате командира танка освободили от обязанностей наводчика только в 1942 году, а командирскую башенку начали устанавливать на танки в 1943.

Положение с танками Красной армии в предвоенное десятилетие напоминает вредительство. Тут одни вопросы.

Танк гремит, из него мало что видно — как можно управлять им без радиостанции? *«Управление танковыми войсками невозможно без радио»*, — писал Гудериан — это и тогда было очевидно.

Уже к концу 20-х противотанковое оружие пробивало без труда 20–30 мм брони. По этой причине все страны отказывались от легких танков и наращивали броню. Зачем нужно было СССР 23 тысячи легких танков, пригодных только для разведки? Зачем нужны были скоростные танки, если к ним не строились никакие скоростные машины обеспечения?

А ведь уже в 1934 году были созданы образцы самоходно-артиллерийских установок с 76-мм пушкой, с 122-мм гаубицей и со 152-мм мортирой. На базе танка Т-26 был в 1935 году сконструирован и бронетранспортер ТР-4. Но все было отвергнуто — только легкие танки и многобашенные мастодонты!

Тухачевский требовал от конструкторов создать орудие, которое было бы одновременно и противотанковым, и зенитным, и как бы гаубицей. Он всерьез намеревался заменить всю артиллерию безоткатными пушками, напрягал страну в колоссальном усилии военного строительства (он ведь требовал 50 тыс. танков для своих «танковых» корпусов), но все его творчество не дало стране ничего. Немцы строили не танки, а танковые корпуса, а мы — дорогостоящие трофеи для них.

Смотрите. Если бы мы танки Т-26 и плавающие танки строили не с темпом 15 тыс. к 1939 году, а всего 7 тыс., то на сэкономленных площадях, металле и двигателях смогли бы построить более 8 тыс. самоходно-артиллерийских орудий, тягачей, вездеходов, ремонтных машин. При этом даже по формальному числу танков в 7 тыс. мы бы превосходили всех своих соседей, вместе взятых.

Самым дешевым танком у немцев был танк 38(t), он стоил 50 000 марок. А бронетранспортер Sd Kfz 251, который кроме двух человек экипажа брал и 10 человек десанта, или установку 320 мм реактивных снарядов, или миномет и 66 мин, или на нем была установлена 75 мм пушка, или много еще чего другого, стоил всего 22 500 марок, то есть дешевле более чем вдвое. Поэтому если бы мы вместо танков БТ (очень дорогих) строили бронетранспортеры, то на высвобожденных мощностях промышленности смогли бы построить их минимум 20 тыс. единиц.

Вот в этом случае мы действительно имели бы 50 танковых (или механизированных) дивизий, способных оказать равноценное и даже более сильное сопротивление немецким войскам.

Уместно вспомнить слова Сталина, который высказался в беседе с авиаконструктором А. Н. Яковлевым в адрес специалистов, которые в области боевой техники *«завели страну в болото»*. Он предложил ему быть откровенным, говорить прямо, после чего с тоской произнес: *«Мы не знаем, кому верить»*.

Теперь об остальном вооружении.

Рядовые и стрелки

Как вы поняли, немецкие генералы исключительное внимание уделяли мощности и эффективности оружия немецких пехотинцев, и вопросам защищенности солдат на поле боя. И когда читаешь, скажем, об экипировке немецкого пехотинца, то поражает, насколько еще в мирное время немецкие генералы продумывали каждую, казалось бы, мелочь индивидуального и группового оснащения солдат.

К примеру, у нас до конца войны на касках солдат не было ни чехлов, ни сеток для маскировки, и каски отсвечивали, демаскируя бойцов на поле боя. А у немецких пехотинцев не то что чехлы или резиновые пояски на касках — по всей их полевой униформе были нашиты петельки для крепления веток и травы. Немцы первые ввели камуфляж и разгрузочные жилеты. В походе немецкий пехотинец нес ранец, а в бою менял его на легкий штурмовой комплект — плащ и котелок с НЗ. Кто хоть однажды в жаркий день пил воду из горлышка нашей солдатской алюминиевой фляги в брезентовом чехле, тот помнит отвратительный, отдающий алюминием вкус перегретой жидкости. У немцев фляги были в войлочных чехлах со стаканчиком, войлок предохранял воду от перегрева. И так во всем — вроде мелочи, но когда они собраны воедино, то возникает совершенно новое качество, которое заставляет с уважением относиться к тем, кто продумывал и создавал армию противников наших отцов и дедов.

Повторю, немцы не учили солдат штыковому бою, не учили ходить в штыковые атаки, как, впрочем, не особо учили и маршировать. Я прочел множество воспоминаний немецких солдат и офицеров о периодах их обучения: марш-броскам на 50 километров — учили, по деревьям лазить — учили, а об обучении ходить парадным шагом ветераны молчат. К немецкой винтовке полагался ножевидный штык, который обычно носился в ножнах, и увидеть на фото той войны немецкого солдата в боевой обстановке с примкнутым к винтовке штыком чрезвычайно трудно. Кавалерию немцы перед войной расформировали практически всю, кавалерийские дивизионы кавалерийских полков были приданы пехотным дивизиям в

качестве разведывательных. Но и в этих дивизионах немецкие кавалеристы не имели холодного оружия — сабель или пик. Это были все те же «шютце» — стрелки, но передвигающиеся на лошадях.

Основное оружие немецкого пехотинца — обычная магазинная, неавтоматическая винтовка Маузера образца 1898 года, поскольку только такая винтовка дает наивысшую точность стрельбы на предельных расстояниях реального боя (400–500 м). Наши рядовые пехотинцы были вооружены похожей винтовкой Мосина образца 1891 года, несколько модернизированной в 1930 году. Тактико-технические характеристики обеих винтовок — калибр, вес, дальность стрельбы и т. д. — почти одинаковы.

Но вот разлет пуль от точки прицеливания — кучность стрельбы — у этих винтовок разный. Даже в снайперском исполнении (с тщательно обработанным каналом ствола) валовыми патронами винтовка Мосина на расстоянии 500 м может уложить 10 пуль в круг диаметром 50 см. А «маузер» на том же расстоянии 60 пуль укладывает в эллипс 44 Ч 28 см. То есть если один и тот же снайпер на расстоянии в 500 метров прицелится точно в центр груди противника, то из немецкой винтовки он попадет безусловно, а из нашей может и промазать, так как независимо от его мастерства пули нашей винтовки отклонятся от точки прицеливания на 25 см, а пули немецкой — всего на 14 см. То есть при прицельной стрельбе на большие дальности немецкая винтовка существенно превосходит нашу.

Между прочим, снайперы ухудшение кучности стрельбы из винтовки Мосина объясняют тем, что у нее тугой спуск (стрелку трудно определить момент выстрела) и прямая шейка приклада (у немцев «пистолетный» приклад). Кроме этого, у винтовки Мосина излишне утяжелен ствол (более толстый). Как сказано чуть выше, в 1930 году винтовка Мосина модернизировалась, но все указанные особенности, ухудшающие точность стрельбы, легко устранимые и даже удешевляющие производство, советскими генералами в ней были оставлены. Почему? Потому что по советской тактической идее винтовкой Мосина нужно драться в штыковом бою. При ударе прикладом о каску противника прямой приклад не сколется, а «пистолетный» может расколоться, тугой спуск застрахует винтовку от самопроизвольного выстрела при ударе прикладом, а толстый ствол, соответственно, не изогнется при ударе штыком.

В результате, как видите, немецкая винтовка превосходит нашу как средство точной стрельбы, а наша превосходит немецкую как пика и боевая дубина.

У тех немецких пехотинцев на поле боя, для кого непосредственное уничтожение противника не являлось основным делом, скажем у командиров отделений, взводов и рот, на вооружении были автоматы (пистолет-пулеметы). Наши войска тоже были вооружены автоматами ППШ. И тут следует сказать, что, по отзывам пехотинцев той войны, стрелять из ППШ на расстояние более 50 метров — это только пугать противника, так как на таком расстоянии попасть по противнику из ППШ очень трудно из-за малой кучности огня. А кучность огня автоматического оружия тем хуже, чем больше темп стрельбы. Но темп стрельбы тоже положительная характеристика, поскольку стрельба с большим темпом дает плотность огня, что хорошо, разумеется, только тогда, когда все пули очереди из автоматического оружия так или иначе попадают в район цели. То есть автомат ППШ со своим темпом 1000 выстрелов в минуту очень эффективен тогда, когда из него надо стрелять с близкого расстояния.

А вот немецкий автомат МП-38, модернизированный в МП-40, имел скорострельность всего 350 выстрелов в минуту, и этим низким темпом обеспечивалась высокая точность попадания из него при стрельбе с рук на больших (для пистолет-пулеметов) расстояниях. Таким образом, и этот вид оружия соответствует тактическим представлениям генералов: у нас автомат эффективен в ближнем бою, у немцев — и при ведении огня с больших расстояний.

В пулеметах темп стрельбы на кучность влияет не очень сильно, поскольку огонь из пулеметов ведется с сошек или со станков. У нас и станковый пулемет Максима, и ручной пулемет Дегтярева имели темп стрельбы 600 выстрелов в минуту. А вот у немецкого единого пулемета (используемого и на сошках, и на станке): от 800 у МГ-34 до 1200–1500 выстрелов в минуту у модернизированного варианта пулемета МГ-42. То есть мощность огня немецких пулеметов вдвое превосходила мощность советских.

В немецком пехотном отделении не было собственно пулеметчика: владеть пулеметом обязан каждый пехотинец. Но вручался пулемет — очень мощное оружие — самому лучшему стрелку в отделении. При постановке на станок на пулемет ставился оптический прицел, с которым дальность стрельбы доходила до 2000 м. Наши пулеметы тоже могли забросить пулю на это расстояние, но кого ты невооруженным глазом на такой дальности увидишь и как по нему прицелишься? Бинокли, кстати, в немецкой армии имели очень многие, он полагался уже командиру немецкого пехотного отделения. Ведь чтобы

выстрелить точно по противнику, его сначала надо было обнаружить, а биноклем это сделать значительно проще.

С какой стороны ни взглянешь на экипировку и вооружение пехотинцев, и в глаза бросается их соответствие тактическим взглядам. Ну зачем, в самом деле, советскому пехотинцу маскировочный камуфляж, если ему все равно бежать на противника во весь рост? Ну зачем ему точно стреляющее оружие, если хоть в наступлении, хоть в обороне бой должен быть закончен атакой или контратакой с непременным штыковым ударом?

Артиллерия

Оружие, которым советские войска встретили немцев в 1941 году, разрабатывалось конструкторами по заказу советских генералов и ставилось на производство в 30-е годы, то есть в этот период, когда заместителем наркома обороны по вооружению Красной армии, а на начало 1937 года и первым заместителем был помянутый маршал М. Тухачевский. Разумеется, не только он один несет ответственность за вооружение Красной армии, тем не менее его ответственность больше, чем у других. Однако отечественные историки делают из Тухачевского невинного военного гения, пострадавшего из-за самодурства Сталина, а приемника Тухачевского на посту заместителя наркома по вооружению маршала Г. Кулика считают неграмотным в военном деле глупцом. На самом деле все с точностью до наоборот, хотя Г. Кулик по своим человеческим качествам и не был идеалом.

У наших военных историков как-то вошло в привычку считать, что наша артиллерия во время войны была лучше немецкой. По крайней мере, в отличие от самолетов и танков, формальные цифры в таблицах технических данных конкретных орудий и систем выглядят благополучно, и количество орудийных стволов в стрелковых дивизиях предвоенных времен смотрится внушительно. Но вот по воспоминаниям немцев, причем не только генералов, а и воевавших на полях битв офицеров-фронтовиков, артиллерия вермахта, особенно в начале войны, значительно превосходила нашу. Из приведенных выше цитат, к примеру, следует, что нашей артиллерии перед прорывом обороны требовался час, чтобы «обработать гектары», а немцам 15 минут работы их артиллерии хватало, чтобы пехота начинала атаку. И это не только потому, что немцы имели лучшую артиллерийскую разведку и связь, о чем отдельно. Сила немецкой артиллерии была и во вдумчивом подходе немецких генералов к вопросам эффективности снарядов у цели — к вопросам эффективности огня.

Вот смотрите, В. Грабин, конструктор артиллерии, создал 76-мм пушку, предназначенную для вооружения артиллерийских полков стрелковых дивизий — «дивизионную». Оба маршала, отвечавших перед войной за вооружение РККА, — Тухачевский и Кулик — были ею недовольны, причем с диаметрально противоположных позиций.

Тухачевский требовал, чтобы дивизионная пушка была универсальной (он перед этим прочитал, что США собираются вооружать свои дивизии универсальными пушками), то есть кроме стрельбы по пехоте и укреплениям противника могла бы пробивать броню танков и сбивать самолеты. Для исполнения двух последних назначений пушка должна была иметь высокую скорость снаряда — быть большой удельной (в расчете на калибр) мощности.

А Кулик был недоволен именно большой мощностью дивизионной пушки, а это дает повод различным литераторам выдать Кулика за ретрограда, хотя сам Грабин никогда не высказывал сомнений в профессионализме Кулика. С Тухачевским все ясно — чисто формальный подход: раз у американцев такая пушка, то и нам надо! Но почему Кулик хотел снизить скорость снаряда дивизионной пушки, почему хотел снизить ее мощность?

Дело в том, что сам снаряд как таковой противника уничтожает редко: им трудно попасть непосредственно в человека, пулемет или пушку противника, в подавляющем большинстве случаев цель уничтожают осколки снаряда или сила ударной волны от взрыва. И по отношению к этим факторам не только сама пушка, но и сам снаряд вторичен. И дело не только в Тухачевском или Кулике — дело в образе мыслей генералов: если у генералов целью победы в бою является уничтожение противника, то их интересуют не собственно пушки, не их стрельба и даже не снаряды, а сколько убойных осколков образуется от стрельбы в районе цели и насколько сильна ударная волна от взрыва.

Так, к примеру, Гудериан в своей книге «Танки — вперед!» к вопросу убойных качеств снаряда обращается неоднократно, скажем, обращает внимание, что в мокрую погоду снаряды глубоко входят в мягкую землю, осколки застревают в грязи и поражающая сила снарядов меньше, чем в сухую погоду. А когда земля скована льдом, то наоборот — осколки рикошетируют и убойные свойства снарядов возрастают и т. д. Когда в мае 1940 года немцы окружили англо-французские войска под Дюнкерком, то Гальдер, к примеру, записал в своем дневнике: *«По противнику трудно вести артиллерийский огонь,*

так как в песчаных дюнах наши снаряды не рикошетируют и не оказывают осколочного действия. (Фюрер предлагает использовать дистанционные трубки снарядов зенитной артиллерии)». Читаю у немецкого танкиста объяснения, что, стреляя по противотанковой пушке, нужно целиться не прямо в пушку, а ставить взрыватель снаряда на осколочное действие и целиться в куст или крону дерева рядом с пушкой, поскольку при взрыве снаряда именно такое его положение обеспечит наиболее эффективное поражение расчета пушки осколками.

А вот что пишет маршал И. С. Конев в мемуарах «Сорок пятый», изданных в 1970 году: *«Стремясь уменьшить потери от фаустпатронов, мы в ходе боев ввели простое, но очень эффективное средство — создали вокруг танков так называемую экранировку: навешивали поверх брони листы жести или листового железа. Фаустпатроны, попадая в танк, сначала пробивали это первое незначительное препятствие, но за этим препятствием была пустота, и патрон, натываясь на броню танка и уже потеряв свою реактивную силу, чаще всего рикошетирует, не нанося ущерба»*. Мне даже не хочется комментировать эту убогую цитату, из которой следует, что послевоенный Главнокомандующий Сухопутными Войсками СССР и в 1970 году не имел ни малейшего представления о том, как действуют кумулятивные снаряды, используемые подчиненными ему войсками. Но вернемся к теме.

Во-первых, все понимают, что поражающая сила артиллерийских снарядов возрастает с их весом, который, как правило, зависит от калибра (внутреннего диаметра ствола) орудия. Чем больше вес, тем больше мощность взрывной волны, больше осколков, больше их энергия и они дальше летят.

Скажем, снаряд 76-мм пушки весит около 6 кг, а 152 мм — 48 кг. Но сказать, что второй эффективней первого просто в 8 раз, нельзя. Это уже другое качество. К примеру, в бетонный ДОТ может попасть 20 снарядов 76-мм пушки общим весом 120 кг и не причинить ДОТу ни малейшего вреда. А один снаряд 152-мм пушки его уничтожит. Не всегда экономично по небольшим целям стрелять снарядом крупного калибра, но такие снаряды всегда эффективнее более мелких.

Во-вторых, есть вещи, которые, кроме артиллеристов, мало кто знает и учитывает. Это эффективность осколочного снаряда в зависимости от того, как он соприкасается с землей у цели — как он расположен по отношению к земле в момент взрыва. Если снаряд в этот момент находится параллельно земле (лежит на земле), то поражающих противника осколков он даст очень мало. Основная их часть уйдет в землю и в воз-

дух, осколков, летящих над землей и поражающих врага, почти не будет. (Именно поэтому немецких танкистов, у которых была уже очень мощное танковое орудие, и учили стрелять не прямо в стреляющую по ним противотанковую пушку, а в куст возле этой пушки.)

Наиболее эффективен снаряд, падающий сверху, который в момент взрыва как бы стоит на своем остром конце. Вот у такого снаряда подавляющая масса осколков будет убойной, и артиллерия, стреляющая такими снарядами по живой силе противника, всегда будет эффективнее такой же по калибру артиллерии, но стреляющей снарядами, летящими вдоль земли. Но, для того чтобы снаряд упал на землю почти сверху, нужно, чтобы и пушка выстрелила вверх.

Вот теперь возьмем дивизионную пушку Грабина ЗИС-3. Если она поднимет ствол с максимальным возвышением в 370, то ее снаряд улетит на 13 км и там упадет близко к вертикали, то есть даст много убойных осколков. Это хорошо, но если цель — группа солдат противника — замечена не в 13, а всего в 3 км от фронта, что чаще всего и бывало, то что делать? Либо стрелять по цели так, что снаряды будут плашмя падать на землю и давать мало осколков, либо отвозить пушку в свой тыл за 10 км от линии фронта и стрелять оттуда. По отношению к ЗИС-3 другого не придумаешь.

А вот если уменьшить мощность дивизионной пушки — укоротить ствол, уменьшить вес пороха в заряде, — то это приведет к уменьшению скорости снаряда и к увеличению крутизны траектории его полета даже при стрельбе на небольшое расстояние. Да, пушка уже не сможет стрелять так далеко, однако станет более эффективной при стрельбе по живой силе противника. И дело не только в этом.

Земля плоская только на штабных картах стратегов. В жизни она практически везде волнистая, имеет высоты, гребни, впадины, балки и т. д. Если перед фронтом есть впадина или высота и противник там накапливается (на обратном скате), то пушкой большой удельной мощности вы его достать не сможете. Снаряд, вылетающий из ствола с большой скоростью, долго летит по прямой. И он будет взрываться либо на переднем скате высоты, либо далеко перелетать. И противник будет в безопасности. А вот пушкой малой удельной мощности вы его легко достанете и на обратном скате за счет крутизны траектории полета снаряда.

Если взять нашу 76-мм пушку ЗИС-3, немецкую легкую полевую 105-мм гаубицу и поставить их рядом, то окажется, что дальность стрельбы у них примерно одинакова (13,2 и 12,3

км), то есть они могут обстрелять вокруг себя примерно одинаковую площадь. Но у немецкой гаубицы (орудия, специально предназначенного для стрельбы по крутой траектории) на этой площади не будет ни одной точки, куда бы она не смогла послать свой снаряд весом 14,8 кг (почему — несколько позже), и этот снаряд будет давать при разрыве максимальное количество убийных осколков. А у пушки ЗИС-3 окажется множество «мертвых» зон (за лесом, домами, на обратных скатах, в балках и т. д.), куда она свой снаряд весом 6,2 кг послать просто не сможет.

Пушки с высокой начальной скоростью снаряда незаменимы при стрельбе по открытым, быстро перемещающимся целям (танки, самолеты и т. д.) и при стрельбе на очень большие расстояния. Но в дивизиях по танкам и самолетам стреляет специализированная артиллерия — противотанковая и зенитная. А по дальним целям дивизионная артиллерия просто не стреляет — для этого есть корпусная артиллерия и артиллерия резерва главного командования (РГК).

И еще. Чем больше мощность пушки, тем она должна быть тяжелее и, следовательно, ее труднее перемещать с места на место, а значит, и доставить туда, откуда она быстро и эффективно может поразить противника. Заслуга Грабина в том, что он дивизионную 76-мм пушку ЗИС-3 со скоростью снаряда 680 м/сек сумел сделать весом всего 1180 кг. (Дивизионная трехдюймовка 1902 года весила 1350 кг при такой же скорости снаряда и дальности стрельбы, а 76-мм полковая пушка, имевшая скорость снаряда 387 м/сек и дальность стрельбы менее 7 км, весила 900 кг.)

Но немецкое пехотное 75-мм орудие, стрелявшее почти таким же по весу снарядом, как ЗИС-3 и советское полковое орудие, имело вес всего 400 кг, то есть было мобильнее даже нашей полковой пушки. А немецкое тяжелое пехотное орудие калибра 150 мм хотя и имело вес 1750 кг, но зато стреляло снарядом весом 38 кг. Оба этих немецких орудия имели приемлемую дальность стрельбы 3,5 и 4,7 км. Эта дальность позволяла обстрелять любые видимые с переднего края цели. Этими орудиями у немцев была вооружена полковая артиллерия.

Следует сказать о ней более подробно. Возможно, полковая артиллерия и не так важна сама по себе, но по ней хорошо видна основная артиллерийская идея немцев. Немцы, как и мы, артиллерийские системы с относительно малой скоростью снаряда и крутой траекторией полета называли гаубицами. Системы, стреляющие снарядом с большой скоростью по настильной траектории, — пушками. Но вот свою полковую

артиллерию они называли своеобразно — «пехотными орудиями», поскольку их 75-мм и 150-мм полковые артсистемы обладали свойствами и пушек, и гаубиц, и минометов.

Немного отвлекусь для читателя, не сталкивавшегося с этим вопросом. То, что заряжается в винтовку, автомат, пистолет, называется «патроном». То, что заряжается в пушку, «выстрелом». Выстрел состоит из собственно снаряда, летящего в цель, и порохового заряда, находящегося в гильзе выстрела. Если снаряд и гильза с зарядом жестко соединены и заряжаются в пушку вместе, как одно целое, то такой выстрел называется «унитарным» (единым). Если в зарядную камеру орудия снаряд и гильза с зарядом подаются отдельно, то этот выстрел называется «раздельного заряжания».

Унитарный выстрел хорош тем, что позволяет заряжать пушку очень быстро и позволяет легко автоматизировать процесс заряжания. Поэтому к такому выстрелу стремятся. Но когда калибр орудия возрастает до 100 мм, а вес выстрела за 32 кг, то его очень тяжело и заряжать, и подносить к орудию. Волей-неволей выстрел приходится делать раздельным, хотя немцы, к примеру, на своих 128-мм зенитных пушках применяли унитарные выстрелы весом и 43,5 кг. Но существует что-то вроде правила, по которому до калибра 100 мм все выстрелы унитарные, а после 100 мм — раздельные. Поэтому как бы не удивляет, что немецкая 105-мм гаубица имела раздельное заряжание.

Но и 75-мм пехотное орудие немцев имело раздельное заряжание, хотя вес выстрела к нему был менее 10 кг. То есть немцы заведомо уменьшали скорострельность этого орудия и увеличивали возню орудийных расчетов с заряжанием. Почему?

При раздельном заряжании можно изменить вес пороха заряда непосредственно перед выстрелом. Для этого из гильзы извлекают или в нее добавляют навески пороха, которые называют «картузами». В зависимости от веса пороха снаряд летит с меньшей или большей скоростью, дальше или ближе. 75-мм пехотное орудие немцев при заряде одного картуза пороха посылало снаряд со скоростью 92 м/сек на 800 м, а с пятью картузами — со скоростью 210 м/сек на дальность 3475 м. 150-мм пехотное орудие с одним картузом пороха стреляло со скоростью снаряда 122 м/сек на 1475 м, а с шестью картузами — со скоростью 240 м/сек на 4650 м.

Чем меньше скорость снаряда, тем выше нужно поднять ствол орудия, чтобы снаряд долетел до цели, но тем круче он упадет на цель. Гаубицы и эти пехотные орудия немцев путем подбора навески пороха и высоты подъема ствола имели воз-

возможность послать снаряд сверху вниз на голову противника, на каком бы расстоянии противник от орудия ни находился. Другими словами, стрелять так, что снаряд будет всегда давать максимальное количество убойных осколков при разрыве и залетать в любые закрытые или защищенные участки местности.

Так что Кулик в общем-то понимал, чего он хочет, когда требовал от Грабина снизить мощность дивизионной пушки — Кулик хотел, чтобы ее снаряды у цели были более эффективны.

Кстати, некоторые историки не только Кулика, но и немцев считают дурачками за то, что первоначально на немецких танках Т-III, Т-IV и на штурмовом орудии стояли маломощные короткоствольные пушки. Но первоначально немецкие танки не предназначались для борьбы с нашими танками, а когда это потребовалось и пушки заменили на более мощные, Гудериан сетовал о снижении их эффективности при стрельбе по основным целям танков — по вражеским пехоте и артиллерии на поле боя.

И в дивизионных артполках, и в пехотных полках немецких дивизий пушек не было вообще, за исключением пушек ПТО и зенитных. В немецкой дивизии артиллерийских стволов было даже меньшее количество, чем в довоенной советской дивизии, но полевая артиллерия немцев была представлена исключительно гаубицами — орудиями, стреляющими по крутой траектории. Подавляющее число дивизий вермахта перед нападением на СССР имели артиллерийские полки в составе 3 артиллерийских дивизионов по 3 батареи легких полевых гаубиц калибра 105 мм и тяжелый дивизион из 3 батарей тяжелых полевых гаубиц калибра 150 мм.

А наши стрелковые войска, получив от генералов 76-мм дивизионные и полковые пушки, оставляли стрелковые полки без эффективного полкового орудия для борьбы с живой силой и огневыми средствами пехоты противника и ослабляли эффективность дивизионной артиллерии.

Вот из этого и складывалось преимущество немецкой артиллерии в начале войны над нашей артиллерией: в 3–7 раз более тяжелые снаряды, которые падали по крутой траектории на головы наших отцов в любом укрытии. И конечно, разведка, корректировка и связь.

Разумеется, вопрос даже с этой 76-мм пушкой Грабина гораздо сложнее, чем он описан. В начале войны, когда наши генералы и кадровое офицерство бросили немцам у границ огромное количество советской артиллерии и оставили немцам 1 миллион тонн боеприпасов (из накопленных до войны 2,3 миллиона

тонн), было уже не до жиру. Артиллерии в войсках осталось очень мало, нужно было хоть что-то. А пушка Грабина была очень технологичной, ее можно было быстро изготовить в большом количестве, производство снарядов к этой пушке также было освоено.

Но ведь заказывали эту пушку до войны! Еще можно было бы понять, если бы для дивизионной артиллерии генералы заказали гаубицу 76-мм калибра или гаубицу-пушку, оговорив им отдельное зарядание. Но просто дальнобойную пушку малого калибра унитарного зарядания?

Как хотите, но, по моему мнению, это безусловно подтверждает, что советских генералов и теоретиков очень мало волновала эффективность артиллерийского огня.

Выбор авиации

Вы обратили внимание, что немцы в наступлении активно использовали авиацию для подавления бомбардировками обороны противника, в том числе и на переднем крае его обороны. Но тут такой нюанс: чем с большей высоты самолет сбрасывает бомбы, тем меньше точность бомбометания. И чтобы поразить бомбой относительно небольшую цель — траншею, орудие или даже батарею орудий, командный пункт или группу пехоты, — самолетам нужно или летать низко, подвергаясь обстрелу даже стрелкового оружия пехоты, или пикировать. И для этого нужны специальные самолеты — самолеты поля боя: бомбардировщики, достаточно защищенные от огня стрелкового оружия, и пикирующие бомбардировщики, достаточно прочные, чтобы выдержать нагрузки на планер при перегрузках, возникающих при выходе из пикирования. И обязательно нужны самолеты-разведчики и корректировщики артиллерийского огня. Причем такие, которые бы не просто было сбить огнем зенитной артиллерии наземных войск и истребителями, прикрывающими эти войска. Но это техника, а нужно еще и обучить летчиков умению штурмовать, пикировать, маневрировать в зоне зенитного огня и распознавать небольшие цели на земле. Немцы, как видите, с этими задачами справились, а многочисленная советская авиация в начале войны практически не оказывала наземным войскам никакой помощи, даже помощи в защите от бомбежек немецкой авиации.

Эффективность советской авиации — это очень большая тема, поэтому я коснусь только предвоенного состава советской авиации.

В период между мировыми войнами итальянский генерал Джулио Дуэ выдвинул идею, что победу в будущей миро-

вой войне определяют только военно-воздушные силы. Та страна, которая сумеет уничтожить авиацию противника и разбомбить его города, будет победительницей. Города — это очень большая цель. И когда летчик с большой высоты целится в Кремлевский дворец, но попадает в ГУМ — это тоже неплохо. Когда город бомбят 1200 самолетов сразу, как бомбили американцы во Второй мировой войне, то кто-нибудь попадет и во дворец.

Отсюда вытекало, что необязательно иметь бомбардировщики, которые могли бы уничтожить с одного захода небольшую цель (танк, паровоз, автомашину, мост). Достаточно иметь много больших бомбардировщиков, бомбящих только с горизонтального полета и большой высоты. Короче, самолетов нужно много, но фронтовая авиация (авиация поля боя) не нужна.

Отличие тогдашней Германии от СССР было в том, что Геринг, наряду с тяжелыми бомбардировщиками, заказал немецким конструкторам и промышленности и пикирующий бомбардировщик Ю-87 (на котором немецкий летчик Рудель отчитался в уничтожении 600 наших паровозов) и трижды проклятую нашими войсками «раму» — немецкий разведчик и корректировщик артиллерийского огня Фокке-Вульф-189. Кроме этого, даже немецкий тяжелый бомбардировщик Ю-88 мог и штурмовать, и пикировать, и даже быть тяжелым истребителем. Дуэ — он, конечно, Дуэ, но и в своей голове надо же что-то иметь!

Тухачевский следовал доктрине Дуэ тупо до тошноты. В то время, когда он занимался вооружением Красной армии, самолеты поля боя не то что не заказывались, а и те, что имелись, планомерно сокращались. С 1934 по 1939 годы наша тяжелобомбардировочная авиация (которая в годы войны не имела никаких сколько-нибудь значительных достижений) выросла удельно в составе ВВС Красной армии с 10,6% до 20,6%, легкособомбардировочная, разведывательная и штурмовая авиация снизилась с 50,2% до 26%, истребительная увеличилась с 12,3% до 30%.

И бросились мы конструировать самолеты поля боя уже без Тухачевского только в 1938–1940 годах, в результате летчики просто не успевали обучаться на них летать. Так, к примеру, по воспоминаниям ветерана, когда они в 1941 году пересели на пикирующий бомбардировщик Пе-2, то война заставила командование бросить их в бой, даже не дав обучиться тому, для чего этот самолет и предназначен, — пикированию. Учиться им пришлось в боях.

А теперь о самом тяжелом техническом недостатке Красной армии — о радиосвязи.

Думаю, ни одна из вышеперечисленных технических причин не вызвала столь катастрофических последствий, какие вызвало отсутствие в Красной армии радиосвязи. Формально радиостанции существовали, правда их было мало и качество радиосвязи было неважным, но, главное, довоенные генералы, мягко скажем, не видели в радиосвязи необходимости.

Вот Тухачевский заказывал огромное количество танков, он организовывал танковые корпуса (соединения, на вооружении которых находился 1031 танк!). Но ведь без радиосвязи были бесполезны и танки, и их соединения.

Тут надо было образно представить танковую роту в реальной атаке. Вот, скажем, атакует наш передний край немецкая танковая рота. Все 10–15 танков ее связаны рациями. Танки приближаются к нашему переднему краю, и тут по ним открывает огонь необнаруженный ранее немецкими разведчиками наш противотанковый артиллерийский дивизион. Командир роты по рации немедленно дает команду роте отойти, одновременно по рации сообщает об этом в штаб. Штаб посылает приказом по радио к месту боя артиллерийских наблюдателей, и те по радио вызывают и корректируют огонь гаубичных батарей по позициям дивизиона. Одновременно штаб связывается по рации со станциями наведения люфтваффе. Те по рации вызывают на позиции дивизиона пикирующие бомбардировщики. Дивизион подавлен, танковая рота вновь атакует и прорывает оборону без потерь.

А наша танковая рота? Командир на исходной позиции вылезает из башенного люка и машет флажками: «Делай как я». Рация только у него. Он идет в атаку впереди всех, его танки натываются на противотанковую оборону, как и в вышеописанном примере. Остановить танки роты без радиосвязи нет возможности, они вынуждены, исполняя приказ, идти на расстрел. Чтобы остановить роту, командир, если он еще не убит, вынужден снова вылезти из танка и махать флажками, и это на виду пехоты противника, ее снайперов и пулеметчиков и с учетом того, что командиры танков его роты заняты наведением орудий.

Несколько слов для не связанных с армией читателей. В армии один в поле не воин. Сила ее подразделений, частей, соединений и объединений в том, что на противника наваливаются все сразу. Для этого надо, чтобы сведения об обстановке непрерывно поступали командиру, а его приказы — боевым единицам армии. Все это обеспечивает связь. Нет связи — нет

подразделений, частей, соединений и объединений. Есть отдельные солдаты, отдельные танки, отдельные орудия. Их много, но их будет бить по частям даже очень слабый, но объединенный связью враг.

Если вы присмотритесь к мемуарам тех, кто начинал войну, то обратите внимание на их сообщения, что к 22 июня немцы забросили к нам в тыл неимоверное количество диверсантов, главной задачей которых было обрезать провода и убивать посыльных. Все! Без телефонной связи никаких армий, корпусов, дивизий и полков у нас в западных округах не стало. Вместо них образовались несколько тысяч рот и батальонов, которые действовали без единых планов и приказов. А штабные радиостанции армий, корпусов и дивизий были смонтированы в автобусах — легко распознаваемой цели для немецкой авиации. Через несколько дней не осталось и этих радиостанций.

Чтобы реально представить, что значит «иметь радиосвязь», давайте сравним насыщенность рациями наших войск и немецких.

Командующий Западным фронтом генерал армии Д. Павлов объединял своим штабом 3-ю, 4-ю, 10-ю и 13-ю армии. Всего 50 дивизий всех видов, или в пересчете на подразделения, равнозначные батальону, — примерно 1300 батальонов, или более 400 батальонов, дивизионов и эскадрилий в расчете на одну общевойсковую армию. Так вот, к середине дня 22 июня командующий 3-й армией донес, что из имеющихся у него трех радиостанций две уже разбиты, а третья повреждена. Павлов из Минска запросил три радиостанции из Москвы. Ему пообещали прислать самолетом, но не прислали. Фактически с этого дня все усилия штаба Западного фронта сводились не к планированию обороны, а к тому, чтобы узнать, где находятся войска и что делают. Никакой устойчивой связи с ними не было. Фронт развалился на отдельно действующие части.

А немецкий мотопехотный батальон помимо ультракоротковолновой радиостанции на каждом бронетранспортере с радиусом приема-передачи 3 км имел на таких же бронетранспортерах еще и радиостанции для связи с командованием. Этих бронетранспортеров с рациями, защищенных броней, как наши танки, и неотличимых от других типов машин, в штате немецкого мотопехотного батальона по расписанию на 1.02.1941 полагалось 12 единиц! Вот и сравните: в нашей общевойсковой армии, объединяющей около 400 таких подразделений, как немецкий батальон, было всего 3 ра-

диостанции на незащищенных автобусах, а у немцев по 12 на БТРах в каждом батальоне, не считая ультракоротковолновой радиции на каждой единице боевой техники.

У немцев даже командиры артиллерийских взводов имели свой БТР с радицией, а в нашей армии и в 1945 году командиры танковых бригад возили командиров дивизионов приданных им артиллерийских полков с уже появившимися радициями снаружи, на броне своих командирских танков. Так какой нам был толк при такой связи от 10 тысяч танков в западных округах на начало войны? Какой толк был от 50 тысяч танков, которые Тухачевский хотел заказать у промышленности, без радиостанций?

У меня есть рассказ ветерана о сражении под Прохоровкой. Он был командиром танка в этом сражении. Развернувшись в атаку против немцев, их рота в дыму и пыли потеряла ориентировку и открыла огонь по тем танкам, которые ей встретились. Те, естественно, открыли огонь по роте. Вскоре вышестоящий штаб выяснил, что они стреляют по своим. Но радиостанция во всей роте была только в танке этого ветерана. Он вынужден был вылезти из танка и под огнем бегать с лопатой от машины к машине, стучать ею по броне, передавая выглядывающим танкистам приказ прекратить огонь. Такая была связь, такое было управление.

А мы по-прежнему гордимся: наши пушки могли стрелять дальше всех! Это, конечно, хорошо, да только интереснее другой вопрос: как часто они попадали туда, куда надо? Мы гордимся: наш танк Т-34 был самым подвижным на поле боя! Это хорошо, да есть вопрос: а он часто знал, куда двигаться и куда он двигается?

Основатель немецких танковых войск Г. Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» писал о 1933–1935 годах:

«Много времени потребовалось также и на то, чтобы наладить производство радиоаппаратуры и оптики для танков. Однако я не раскаивался, что в тот период твердо настаивал на выполнении своих требований: танки должны обеспечивать хорошее наблюдение и быть удобными для управления. Что касается управления танком, то мы в этом отношении всегда превосходили своих противников; ряд имевшихся не очень существенных недостатков мы смогли исправить в дальнейшем».

Предвоенные генералы преступно игнорировали радиосвязь. Дело даже не в малочисленности радиостанций в войсках, а в том, что генералитет (вопреки, кстати, требованиям Сталина) радиосвязью не занимался — не обучался кодиро-

ванию, шифрованию, радиоразведке и т. д. У немцев уже в дивизии радиосообщения автоматически шифровались машинкой «Энигма», а у нас большинство боевых сообщений шло открытым текстом. В результате с началом войны немцы по радио давали команды нашим войскам отходить, прекратить огонь и т. д. Это вызвало перепуг наших генералов, и они вообще прекратили пользоваться радиосвязью. Это смех сквозь слезы, но 23 июля, через месяц после начала войны, Сталин дал приказ «Об улучшении работы связи в РККА», в котором ПРИКАЗАЛ генералам использовать радиосвязь.

Вина за это бедственное положение радиосвязи лежит на предвоенном генералитете, для которого этот вид связи казался слишком мудреным и нагло им игнорировался — зачем нужно возиться с шифрованием радиogramм, если на учениях связной на лошади любой приказ куда нужно отвезет? Достаточно сказать, что до войны в академии им. Фрунзе на изучение технических родов войск отводилось 340 часов. Но если из них кавалерию слушатели изучали 53 часа, то организацию связи — ни единого часа!

Я начал писать о том, что убогая связь РККА во многом определила поражение советских войск начала войны еще в конце века, и историк хрущевского разлива В. Анфилов, начавший фальсифицировать военную историю в те далекие времена, это мое положение «опроверг»: *«Считая главной причиной наших неудач в начале войны плохую радиосвязь, Мухин упрекает Жукова в “преступном пренебрежении к радиосвязи”. Но еще в докладе на декабрьском совещании (1940 г.) Жуков (тогда командующий КОВО) подчеркнул: “Для полного использования наиболее современного средства связи — радио — необходимо навести порядок в засекречивании. Существующее положение в этом вопросе приводит к тому, что это прекрасное средство связи используется мало и неохотно”».*

По привычке таких историков Анфилов нагло усек мысль Жукова на Совещании. На самом деле процитированное Анфиловым предложение Жуков закончил: *«...Принятая система кодирования приводит к большим искажениям и перепутыванию текста и к задержке в передаче сведений. Зачастую проще и быстрее послать делегатов, чем прибегать к передаче по радио. Необходимо ограничить засекречивание, точно указать, что следует засекречивать и что можно передавать открыто. Упростить систему кодирования».*

Как видите, Жуков не требовал совершенствовать шифры или механизировать систему шифрования, как это сделали немцы, он предлагал передавать сообщения открытым

текстом или примитивными кодами (солдат — «карандаш», снаряд — «огурец», и так всю войну), которые легко могут расшифровываться противником. И все это для того, чтобы подобные ему генералы в шифровках не запутывались и на учениях выглядели полководцами.

В 1940 году Жуков командовал Киевским особым военным округом, войска этого округа с началом войны вели бои с немецкой группой армий «Юг». И в часто цитируемом дневнике Ф. Гальдера за 18 июля имеется запись: *«Перехвачена радиограмма штаба 26-й русской армии, в которой говорится, что на завтра намечено наступление четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизий из района южнее Киева»*. Вот вам результаты заботы советских генералов об удобстве управления войсками.

Еще меньше было толку без связи от самолетов в войсках западных округов. Когда наши летчики знали, куда лететь и с кем драться, то дрались они неплохо даже на слабой технике. Вот пример боев 22 июня из немецкого источника:

«Наибольших успехов достиг 12-й ИАП, командир — П. Корбков, базировавшийся на аэродроме в Боушеве, около Станислава. Во время утреннего налета Ju-88 из KG 51 полк потерял 36 И-153 из 66 имеющихся в наличии. Однако уцелевшие машины поднялись в воздух и достойно ответили немецким бомбардировщикам. В длительном бою советские пилоты, потеряв три И-153, объявили о том, что удалось сбить восемь Ju-88. В действительности летчикам удалось сбить семь Ju-88, из них пять из 9-й эскадрильи, III/KG 51. Это был полный разгром. На этом злключения III/KG 51 не завершились. В тот же самый день этот дивизион в подобной ситуации столкнулся с истребителями МиГ-3 из 149-го ИАП. Потеряв на аэродроме 21 машину, летчики подняли оставшиеся МиГи в воздух и сбили восемь (по данным люфтваффе шесть) Ju-88 из III/KG 51. Следует отметить, что результаты, объявленные советскими пилотами, практически полностью соответствуют немецким данным о потерях».

По этим же немецким данным о потерях советская авиация 22 июня в воздухе и на аэродромах потеряла 1000 самолетов, а за первые две недели войны — 3500. Ну и что? В западных округах было 33 авиадивизии с более чем 10 тыс. самолетов. Давайте посчитаем. Немцы напали на нас с 4 тыс. боевых самолетов, а у нас и через две недели осталось еще 6,5 тыс. — полное превосходство в количестве! Почему же наши войска

все время были без авиационного прикрытия и поддержки? А потому что для прикрытия и поддержки сухопутных войск летчики должны были знать, кто именно в их помощи нуждается. А как это узнать без связи?

Еще в 1939 году на 4 тыс. самолетов всех немецких ВВС приходилось 16 полков и 59 батальонов связи, то есть примерно 15 связистов на один самолет.

Командир 3-й танковой группы немцев Г. Гот так описывает второй день войны с СССР:

«Два обстоятельства особенно затрудняли продвижение 57-го танкового корпуса: 2000 машин 8-го авиационного корпуса (в том числе тяжелые грузовики с телеграфными столбами) шли за походной колонной 19-й танковой дивизии, которая, совершив ночной марш и пройдя через Сувалки и Сейны, рано утром пересекла государственную границу и остановилась вдоль дороги на привал. Этим воспользовались подразделения авиационных частей, их автомашины обогнали колонну 19-й дивизии и стали переправляться по мосту на противоположный берег Немана. Вскоре эти машины попали на плохой участок дороги, застряли и тем самым останавливали продвижение боевых частей».

Заметьте — Геринг заставлял связистов люфтваффе наступать чуть ли не впереди танков. А как же иначе? Если не связать аэродромы со станциями наведения самолетов в пехотных и танковых частях, то как же летчики узнают, где бомбить и кого защищать от бомбежек советской авиации?

Вот как, к примеру, немецкий летчик описывает обычный боевой вылет:

«Мы летели над Черным морем на высоте примерно 1000 метров, когда наземный пост наблюдения передал сообщения: “Индейцы в гавани Сева, ханни 3-4” (Русские истребители в районе Севастопольской гавани, высота 3000–4000 метров).

Мой ведущий продолжал набирать высоту, а я прикрывал его сзади и внимательно высматривал русские самолеты. Вскоре мы набрали высоту 4000 метров и с запада вышли к Севастополю. Вдруг мы заметили истребители противника, они были чуть ниже нас. В моем шлемофоне раздался голос ведущего: “Ату их!”.

Мы снизились и атаковали противника. Это были “Яки”, мы кружили вокруг них минут десять, но не смогли сбить ни одного истребителя. Вскоре противник отступил. Наземный

пост наблюдения передал новый приказ: «Направляйтесь к Балаклаве, там большая группа Ил-2 и истребителей».

Bf 109 сбавил скорость, и его пилот показал мне, чтобы дальше пару вел я. Теперь я шел впереди, а “Мессершмитт” прикрывал мой хвост. Вскоре мы добрались до Балаклавы и увидели в воздухе разрывы снарядов нашей зенитной артиллерии. Начался новый бой с “Яками”, на этот раз мне удалось сбить одного. Объятый пламенем истребитель противника врезался в землю».

Заметьте, поскольку немцев все время с земли наводили, то они всегда начинали бой с выгодной для себя позиции и внезапно для наших самолетов.

Ф. Гальдер в своем дневнике дал такую оценку связи Военно-воздушных сил РККА: «Наземная организация, войска связи ВВС: войск связи ВВС в нашем смысле нет... Наземная организация русских ВВС не отделена от боевых частей, поэтому громоздка, работает с трудом и, будучи однажды нарушена, не может быть быстро восстановлена».

У нас даже в 1942 году командующий ВВС в приказе отмечал, что 75% вылетов советской авиации делается без использования радиостанций. Они, кстати, в это время были только на командирских самолетах, а у остальных — приемники. А командные пункты авиации появились только к концу войны, да и то, судя по всему, это было далеко не то что было у немцев.

Вот смотрите. Лучший ас СССР И. Кожедуб на фронт попал в марте 1943 года, а лучший ас Германии Э. Хартман — на 3 месяца раньше. В расчете на 100 календарных дней войны Хартман совершал 161 боевой вылет, а Кожедуб — 42, боев Хартман проводил в среднем 95 в расчете на 100 дней, а Кожедуб — 15. В чем же дело? Немцы, что ли, не летали и Кожедубу некого было сбивать? Летали!

Просто Хартмана войска по радио непрерывно наводили, и если он не находил врага в одном месте или враг был силен, то ему указывали другое. А Кожедуб летал на «авось», жег бессмысленно бензин, вырабатывая моторесурс самолетов, которые собирали в тылу голодные и холодные женщины и дети. И в основе всего — недоразвитая радиосвязь Красной армии.

Как-то уже давно я прочел, по-моему, в «Независимой газете» статью фронтового летчика той войны. Сообщаемые им случаи в целом были известны, в связи с чем я и не сохранил самой статьи. Но вывод казался настолько экстравагантным, что я, каюсь, не принял его всерьез. Дело в том, что и хо-

рошо знающие этот вопрос историки связывают завоевание превосходства в воздухе советскими ВВС исключительно с поставками на фронт «современных» самолетов — от Як-3 до «Аэрокобр», причем время завоевания господства относят ко времени Курской битвы, то есть к лету 1943 года. А этот летчик утверждал, что бить немцев в воздухе мы начали тогда, когда были сняты с должностей довоенные кадровые командиры авиационных полков и заменены летчиками, не боявшимися водить самолеты в бой. Этот летчик утверждал, что довоенное командование ВВС в воздух не поднималось, боев не видело, сидело на земле и из блиндажей посылало самолеты на задания. В целом такое заключение могло быть следствием обиженности или озлобленности данного Героя Советского Союза на своего конкретного командира полка.

Но вот передо мной книга другого Героя Советского Союза — В. Ф. Голубева. Начав войну рядовым летчиком, Голубев к концу 1941 года стал командиром эскадрильи, а в 1943 году — командиром 4-го гвардейского истребительного авиаполка Балтийского флота. За войну лично сбил 39 самолетов, причем несколько уже прославленных немецких асов, а ведь до 1943 года его полк летал на И-16. Василий Федорович и в мыслях не держал написать что-либо по теме этой книги, но он в своих воспоминаниях дает массу подробностей, анализ которых позволяет сделать выводы, которых сам Голубев не делает. Он дает исторический факт, поясняет его техническую причину, но не касается главной причины — организационной. К примеру, Краснознаменный Балтийский флот, согласно справочнику, на начало войны имел 656 самолетов всех типов, из которых 353 — истребители. Начиная с 4-00 утра 22 июня 1941 года немцы стали нещадно бомбить и флот, и Ленинград, а вся многочисленная истребительная авиация КБФ, по несколько раз в день поднимаясь в воздух, смогла сбить первый немецкий самолет только на четвертый день войны. Техническую причину этой беспомощности В. Ф. Голубев объясняет так.

Немцы, перелетая линию фронта, фиксировались нашими станциями ВНОС (Воздушного наблюдения, оповещения и связи), и оттуда следовали телефонные звонки командованию ВВС флота, а оттуда уже шла команда на аэродромы. Взлетали наши истребители и летели... к посту ВНОС! Пост на земле широкими белыми полотнищами выкладывал направление пролета немцев, а поперек узкими белыми полотнищами выкладывал высоту пролета (скажем, три поперечных полотнища означали 3000 м). Наши истребители разворачивались и

летели по стрелке за немцами, которые, во-первых, были от них уже в 50–100 км, а во-вторых, зная эту систему, немцы пересекали фронт на ложном курсе, а после того, как ВНОС терял их из виду, ложились на боевой курс. Такая система наведения своей авиации вполне достойна армии, вооруженной луками и стрелами, но поразительно то, что ПВО Ленинграда было оснащено уже в то время очень неплохими отечественными радарам типа «Редут» — техникой, которую в то время имели очень немногие страны. С помощью этих радаров теоретически было возможно навести наши самолеты на немцев как угодно: с хвоста или со стороны солнца. Но это только теоретически, практически ничего нельзя было сделать, поскольку истребители КБФ, да и Красной армии не имели радиостанций. Это должно вызывать удивление хотя бы потому, что Сталин любую свободную минуту уделял авиации и уже с 1934 года ТРЕБОВАЛ, чтобы все самолеты СССР оснащались радиооборудованием. И действительно, конструкторы самолетов и заводы оснащали советские истребители радиостанциями. Тогда почему же их не было в начале войны?

Примерно за год до войны радиостанции с истребителей были сняты и отправлены на склады по приказу командующего ВВС П. Рычагова. Те наши историки, кто знает, что такое радиостанция, дают такую легенду этому воистину предательскому мероприятию. Дескать, авиадвигатели самолетов СССР были незаэкранированы, и от системы зажигания в наушниках слышался треск, который отвлекал летчика. И Голубев, кстати, сообщает об этой же официальной причине.

Но ведь она идиотская в своей основе. А гул самого двигателя самолета летчика не отвлекал? А почему этот треск не отвлекал летчиков бомбардировочной и разведывательной авиации? Причем далее в своих воспоминаниях В. Ф. Голубев пишет, что, как только его назначили командиром эскадрильи, он сразу же приказал установить на самолеты ранее снятые и лежащие на складах радиостанции и стал летать, командуя эскадрилей в бою, и, главное, его эскадрилью стали наводить на немцев радары. И дело сразу же пошло.

Упомянутое Соповещение высшего командного состава РККА проходило с 23 по 31 декабря 1940 года, а накануне, 20 декабря, нарком обороны маршал Тимошенко подписал приказ «О подготовке войск связи», в котором констатировал: *«Один из основных видов современной связи — радио — используется недостаточно. Организация радиосвязи при массовом насыщении радиостанциями, и особенно радиосвязь взаимодействия родов войск, освоена недостаточно»,* —

и приказывал: *«Радиосвязь считать в армии одним из основных средств связи и подготовке радиоспециалистов в 1940–1941 гг. уделить серьезное внимание»*. Далее шли конкретные указания всем, кого радиосвязь касалась, и приказ заканчивался: *«Начальнику Генерального штаба Красной армии организовать контроль и проверку выполнения настоящего приказа и о результатах докладывать мне»*.

Вопрос: почему сотни командиров авиаполков не писали Тимошенко, начальнику Генштаба Жукову или тому же Сталину и не возмущались снятию с истребителей радиостанций? Почему на Советании ни один авиационный командир об этом не обмолвился? Ведь отсутствие связи на самолетах не давало им командовать своими частями и соединениями в воздухе! У меня нет другого ответа: потому и не возмущались, что без радиостанций могли не командовать в воздухе. По аналогии с общевойсковыми генералами, собрались сидеть в штабах на земле и посылать «в атаку» летчиков. Голубев не уделяет в своей книге и этому вопросу никакого внимания, но то, как командовали командиры полка до него и как командовал он — отличаются как день и ночь. Отбивая массированные налеты немцев, он всегда вылетал с полком и в воздухе командовал своими летчиками: на месте боя указывал, какой эскадрилье или группе атаковать бомбардировщики, какой связать боем истребители прикрытия, какой набрать высоту и атаковать сверху и т. д. Вот такие летающие полковники, как он, Покрышкин, Кожедуб и, кстати, Василий Сталин, и обеспечили в конце концов превосходство нашей авиации в воздухе над немцами.

Немного о тактической разведке

Судя по всему, советские генералы только умно говорили, что победу делают все рода войск воедино, но не понимали этого. И не понимали это ни в каких вопросах. А ведь военный должен ясно представлять себе, как ведется бой. Возьмем, к примеру, артиллерию.

Есть орудия, из которых стреляют только тогда, когда враг виден в прицеле — противотанковые и зенитные пушки, небольшое количество легкой полевой артиллерии. Но самая мощная артиллерия стреляет с закрытых позиций, то есть сами орудия находятся в нескольких километрах от цели (сегодня — до 30–50 км). Наводят их на цель по расчетным данным.

Точно рассчитать невозможно, но даже если бы это было и так, существует масса факторов, отклоняющих снаряд. Поэтому, хотя сами орудия располагаются так, что их расчеты не

видят противника, но его и разрывы своих снарядов обязаны видеть командиры батарей и дивизионов, которые находятся там, откуда цель видна, и которые корректируют огонь, как и командир танка корректирует огонь наводчика орудия. Делают командиры батарей это так: сначала дают стрелять одному своему орудию и по взрывам его снарядов исправляют наводку орудий всей батарее. А когда пристрелочные взрывы начинают ложиться рядом с целью, дают команду открыть огонь всем орудиям и уже десятками снарядов уничтожают ее.

Но это если они цель видят. Если в районе поля боя есть каланча, высокое здание или хотя бы холмик, с которого они могут заглянуть вглубь обороны противника.

Вот немецкий генерал Ф. Меллентин критикует наших генералов: *«Они наступали на любую высоту и дрались за нее с огромным упорством, не придавая значения ее тактической ценности. Неоднократно случалось, что овладение такой высотой не диктовалось тактической необходимостью, но русские никогда не понимали этого и несли большие потери»*. (Кстати, а спросить Меллентина: что же тогда немцы защищали эту высоту, если она не представляла «тактической ценности»?.) Ведь если советским генералам не взять высоту, то тогда некуда посадить артиллерийских корректировщиков и невозможно использовать с толком свою артиллерию. А в таких случаях артиллеристы вынуждены стрелять по площадям, фактически впустую расходуя боеприпасы.

Даже в 1943 году на Курской дуге, когда наши войска открыли по изготовившимся к наступлению немцам мощнейший артиллерийский огонь, они вели его не по конкретным танкам, ротам или автоколоннам, а по «местам предполагаемого скопления противника». Да, нанесли потери немцам, так как кое-где противник был там, где и предполагали. Но остальные-то снаряды...

А у Меллентина таких забот не было. Если он не знал, куда стрелять его артиллерии, то вызывал самолет-разведчик. (Уже по штатам 1939 года немецкие танковые дивизии обслуживали по 10 таких самолетов.) У немцев не было тухачевских, поэтому по их заказу чехи произвели, в общем-то, небольшое количество самолетов-корректировщиков FW-189 (846 ед.), но эту верткую проклятую «раму», вызывающую артиллерийский огонь немцев точно на головы наших отцов и дедов, помнят все ветераны войны.

Мы иногда хвалимся, что из 1 млн тонн стали делали в войну в десяток раз больше пушек, танков, снарядов и самолетов, чем Германия. Но ведь им под их тактику и выбор техническо-

го оснащения войск и не надо было больше, а на наших генералов с их архаической тактикой всех родов войск оружия и солдат надо было много-много.

Почему немцы с самого начала войны нашли и использовали эффективные приемы тактики, армейских и фронтовых операций, структуру своих частей и соединений, выбрали эффективное оружие, а генералы остальных армий с этим не справились?

Поразительно то, что немецкие генералы в своих мемуарах и не пытаются скрыть причины силы своей армии, но я, перечитав о той войне достаточно много отечественных и иностранных историков и военных, ни разу не встретил даже попыток обсудить то, что объясняют немцы. А такое невнимание к их объяснениям может быть только в случае, если немцы до сих пор остаются непонятыми. Понимаете, вопрос не в том, что именно немецкие генералы нашли, а ПОЧЕМУ они это нашли, а остальные нет, и почему даже тогда, когда немцы объясняют, то остальные не понимают?

Поэтому я должен заняться темой, которая будет очень трудной для понимания ввиду не только малого знакомства людей с тем, о чем я буду писать, но и устоявшихся формальных взглядов на то, о чем я буду писать. Приношу извинения, но я обязан об этом сказать хоть что-то, чтобы сформулировать выводы достаточно полно.

Отказ от ответственности

Формализм — это *«соблюдение форм в ущерб содержанию»*. Каждый человек знает, что важна не форма, а содержание, но в жизни люди очень часто смотрят на формы, запоминают формы и уверены, что формы — это и есть содержание. (К сожалению, это главенствующий способ мышления, вбитый в головы все тем же современным образованием.) Практически тем же самым, что и формализм, является бюрократизм. Принятое в словарях определение бюрократизма — *«пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей»*. По смыслу к этим понятиям примыкает и доктринерство — тупое следование, но уже не формальностям, а некой теории. Однако все эти определения являются описанием формы, а не описанием их содержания. То есть определения этому типу человеческой деятельности (бюрократизму и формализму) давали бюрократы и формалисты. Почему я так думаю?

Потому что если люди действительно понимают содержание явления, то они находят и устанавливают альтернативное явление. К примеру, если «холодно» — это плохо, то «тепло» —

это хорошо, если «мокро» — это плохо, то «сухо» — это хорошо, если «длинно» — это плохо, то «коротко» — это хорошо и т. д. Формализм и бюрократизм — это вид человеческой деятельности, и если такая деятельность — это плохо, то что хорошо? Неформализм и небюрократизм? А как это? Не соблюдать формы и формальности? Ну, к примеру, человек спит — отдыхает, отключив сознание. Это содержание сна, а форма сна (обычные условия) — человек лежит с закрытыми глазами. Так как будет выглядеть сон без формы? Отключить сознание и бегать? Если у деятельности или явления есть форма и формальности, то, значит, они нужны. Как без них?

И получается, что есть вид человеческой деятельности — бюрократизм (формализм), которым люди порою очень недовольны, но смысла которого и не пытаются понять. Вспоминаю, как один из теоретиков перестройки СССР, академик Аганбегян, в одной из телепередач тех времен радовал зрителей тем, что рыночные отношения сметут всех бюрократов и на их место: *«Станут... станут... станут... Ну, как называются те, кто не бюрократы?»* — наконец наивно спросил присутствующих борец с бюрократизмом. Действительно — а как?

Даже наиболее эрудированные не представляют себе содержание бюрократической деятельности. В телевизионной игре «Что? Где? Когда?» ведущий задал команде эрудитов, команде действительно умных, сообразительных и начитанных людей, казалось бы, очень простой вопрос: *«Как называется человек, подчиняющийся своему начальнику?»*. Вопрос, на который, казалось бы, каждый должен немедленно найти ответ, оказался эрудитам не по зубам. Они не знали и не смогли сообразить, что такой человек называется бюрократом, и крайне поразились, узнав об этом. Но ведь они знали, что первая часть слова «бюрократ» (французское слово «бюро») означает руководящий орган и, следовательно, просто начальник. Они знали также, что вторая часть слова «кратос» в переводе с греческого означает «власть». Так в чем же дело? Во вбитой в наши головы образованием привычке оперировать формой, не вникая в содержание.

Следование форме и формальностям — это то, что мы видим в формалисте и бюрократе, а в формалисте и бюрократе что должно произойти, чтобы они следовали форме и формальностям? В чем содержание бюрократизма и формализма?

Бюрократизм и формализм — это ОТКАЗ ОТ ПРИНЯТИЯ СОБСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ в ходе собственной деятельности.

Об альтернативе бюрократизму — ниже, а сейчас о том, зачем человеку отказываться от принятия собственных решений? Это, я полагаю, будет понятно всем: в любой человече-

ской деятельности ответственность (наказание) наступает за ошибки в решении, и если человек собственных решений не принимает, то (в его понимании) его и наказывать не за что.

В делах с системами управления решения принимает начальник (отчего и возник сам термин «бюрократизм») в виде приказов, инструкций, уставов, законов и любых руководящих распоряжений. Вот в глазах бюрократа начальник и несет ответственность за деятельность бюрократа, а сам бюрократ видит себя просто очень дисциплинированным добросовестным работником, который поступает только так, как приказал начальник! В иных сферах, скажем в науке или политике, бюрократ или формалист оглашает решения (выводы, мнения) лиц, авторитетных в его глазах. При этом даже дурак становится в собственных глазах (и во мнении таких же дураков) таким же умным, как и авторитеты, сентенции которых он заучил и повторяет. Ну как вы можете называть этого человека дураком, если он повторяет то, что сказал великий Ленин? Или великий Эйнштейн? (То, что Ленин и Эйнштейн в данных условиях уже бы этого не сказали, для бюрократа и формалиста значения не имеет.)

Тут и ответ, почему формализм и бюрократизм так соблазнительны для людей. Потому что при бюрократизме любой дурак может занять любую командную или научную должность. При бюрократизме не нужно знать дело, которым занимаешься, а нужно знать только уставы и приказы начальника.

И через всю тактику Красной армии проходит то, что называется «бюрократизмом». Его жаждали советские генералы и теоретики, поскольку бюрократизм, еще раз повторю, позволяет занимать любую должность любому дураку, не понимающему и не желающему понимать суть того, что он делает, но изучившему формальные приемы, указанные в приказах и уставах. Тупое исполнение этих приемов снимает с бюрократа ответственность за результаты его службы по меньшей мере в его собственных глазах.

Вот в приведенном примере с Жуковым под Москвой Жуков формально исполнил приказ Ставки, бесполезно погибли тысячи советских солдат. А Жуков, когда писал мемуары, чувствовал за их гибель ответственность? Нет, ни в коей мере, Жуков явно указывает в мемуарах, что это не он, а глупые Сталин и Шапошников виноваты, а он что? Он был против, но, как добросовестный подчиненный, подписал приказ об ударе по немцам двумя армиями, как требовала Ставка. Какой с него, командующего фронтом, спрос? Да, собственно, ни один бюрократ на него ответственность за провал этой операции и не возложит.

Понимает ли бюрократ, что его деятельность гибельна? Понимает! Но действует именно так, поскольку не отвечает за результат. А если уж и у него появляется риск ответить за такой результат, то он требует у начальства изменить приказы и уставы. Ведь что, собственно, происходило на Совещании в декабре 1940 года? Там генералы требовали изменить боевые уставы, поскольку война по ним вела только к поражению, а как ни сталкивай ответственность на начальство за поражение, но поражение потерпел ты.

Так в чем альтернатива бюрократизму?

Бюрократическая и делократическая системы управления

Об этом пока мало кто знает, но наряду с привычной нам бюрократической системой управления людьми имеется и делократическая система управления, о которой в рамках этой работы придется только упомянуть.

В своих работах по делократии я обязательно указывал, что единственной крупной организацией, внедряющей принципы делократии в систему своего управления, являются армии во время войны (в мирное время они могут быть отчаянно забюрокрачены снизу доверху). По крайней мере, если эти армии не успевают разбить противник, то они эмпирически переводят систему управления войск в бою с бюрократического на делократический принцип.

В чем разница. При бюрократическом способе управления начальник подчиняет подчиненного себе, для чего берет лично себе право поощрять и наказывать подчиненного за успехи и неудачи. В результате подчиненный делает не то, что требует от него сделать порученное ему начальником дело (данное начальником задание), а то, что начальник ему скажет по поводу того, как порученное дело сделать. Повторю, подчиненный-бюрократ строит кувшинное рыло очень дисциплинированного человека, который без указания начальника и шагу лишнего не сделает, а работает только по данным начальником приказам и инструкциям.

Что от этой его деятельности получается, подчиненного не волнует — какие бы потери не произошли от такой работы, а виноват будет не он, нанесший эти потери, а начальник, указавший ему, как действовать, или инструкция, по которой подчиненный действовал.

При делократическом способе управления начальник право наказывать и поощрять подчиненного перекладывает на дело — строит систему поощрения и наказания подчиненного так, что-

бы подчиненного поощряли и наказывали РЕЗУЛЬТАТЫ исполнения им порученного ему дела. При делократической системе управления подчиненный не за ценными указаниями, как ему сделать порученное дело, не за инструкциями к начальнику бежит, а сам вынужден изучить задание (изучить свое дело) и исполнить задание так, чтобы ПО РЕЗУЛЬТАТАМ исполнения задания ему поступила благодарность, а не наказание.

Но если при делократической системе управления подчиненному никакие начальники не указывают, как ему делать дело, то такой подчиненный становится тем, кого и называют ЕДИНОНАЧАЛЬНИКОМ. То есть делайте из подчиненных единоначальников, и они начнут становиться делократами.

Так вот, в армии по боевым уставам подчиненному должна ставиться только задача — уничтожить противника, без указания, как именно он должен его уничтожить. Это и есть дело подчиненного. А как же поощрения и наказания от военного начальства? Они есть, но значение имеют только в мирное время. А во время войны у подчиненных появляется еще и противник, который за ошибки в исполнении боевой задачи наказывает очень сурово — смертью. Ведь противник недоволен тем, что его собираются уничтожить, и стремится сам уничтожить, в данном случае подчиненного-единоначальника, получившего задачу уничтожить его.

Получается, что в армии во время войны особенно сурово подчиненный наказывается за порученное начальником и плохо исполненное дело не начальником, а самим делом — противником. С другой стороны, если подчиненный хорошо уничтожит противника, то противник за это наградит его жизнью, то есть поощрит очень сильно. Вот и получается, что в бою внедряются принципы делократии — не начальник, а порученное подчиненному начальником дело наказывает и поощряет подчиненных.

Именно поэтому, с одной стороны, воюющая армия как бы автоматически делократизируется, однако, с другой стороны, не все так просто.

В бою противник наказывает смертью солдат и командиров в боевых порядках, но вышестоящие командиры непосредственно гибнут не часто, а ведь их ответственность за поражения велика. Противник легко достанет командира взвода и накажет его за ошибки, но командира полка ему достать уже непросто. И это толкает начальников в армии к бюрократизации в крайней степени — они стремятся получить у вышестоящего командования не общую задачу на бой, а конкретное указание, как им бой вести, скажем атаковать. Полу-

чив такой приказ, бюрократы тупо приказывают уже своим подчиненным атаковать. Заставляют своих подчиненных исполнять это указание своего начальника, несмотря ни на какие потери вверенных им войск в атаках, «исполняют приказ начальника» так, как это делают все бюрократы во всех отраслях деятельности.

Вот, к примеру, вычеркнутые строки из мемуаров маршала Рокоссовского, оценивавшего метод командования М. Кирпоноса — командующего Юго-Западным фронтом: *«Роль командования округа свелась к тому, что оно слепо выполняло устаревшие и не соответствующие сложившейся на фронте и быстро менявшейся обстановке директивы Генерального штаба и Ставки. Оно последовательно, нервно и безответственно, а главное, без пользы пыталось наложить на бреши от ударов главной группировки врага непрочные “пластыри”, то есть неподготовленные соединения и части. Между тем заранее знало, что такими “пластырями” остановить противника нельзя: не позволяли ни время, ни обстановка, ни собственные возможности. Организацию подобных мероприятий можно было наладить где-то в глубине территории, собрав соответствующие для проведения этих мероприятий силы. А такими силами округ обладал, но они вводились в действие и истреблялись по частям. Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М. П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары организованно наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной-две дивизии. К чему это приводило? Ответ может быть один — к истреблению наших сил по частям, что было на руку только противнику».*

Но зато Кирпонос действовал так, как начальство приказало, и наверняка не чувствовал себя виновным в бесцельной гибели десятков тысяч солдат вверенных ему войск.

Поэтому обучать всех командиров делократическим способам управления нужно до войны, а не ждать, когда война подберет достойных, способных быть единоначальниками офицеров и генералов, унеся в могилы огромное количество солдат, погибших от бюрократической тупости генералов и офицеров мирного времени.

Я написал, что делократ и единоначальник — это одно и то же. Однако, по моему мнению, и содержание понятия «единоначальник» также редко понимается, как правило, вам скажут, что единоначалие — это когда «я — начальник, ты — дурак, ты — начальник, я — дурак». Принятое в словарях опреде-

ление: единоначальник — тот, кто единолично осуществляет управление. Но ведь и это только форма, а не содержание, это то, что мы видим в начальниках. И ничего не мешает в должности единоначальника сидеть тупице, упорно исполняющему указания начальства, ничего не мешает в этой должности находиться самому махровому бюрократу. Форму соблюсти несложно.

А вот содержание делократии, содержание единоначалия — это ОБЯЗАННОСТЬ принимать СОБСТВЕННЫЕ РЕШЕНИЯ.

Но вот тут тонкость. Ведь и решение претворить решение начальника в собственный приказ тоже является собственным решением. Кроме того, неужели единоначальник должен выдумывать и выдумывать только собственные решения? Нет, решение единоначальника может быть любым, в том числе и чужим, и начальника — каким угодно, лишь бы оно шло на пользу дела, в случае армии — приводило к победе.

Поэтому помимо обязанности принимать только собственные решения единоначальник должен получить ПРАВО не исполнять ничьи иные указания. Вот это право единоначальник получает от вышестоящего начальства — от вышестоящего командования.

Это вручаемое подчиненным право должно быть осмысленным действием при создании системы управления. Это очень трудно, если учесть, что начальнику очень непросто отказать во вмешательстве в дела своих подчиненных, а подчиненным очень непросто возлагать на себя ответственность за результат дела — за результат боя.

И снова прервусь на очень важный момент.

О военном мастерстве, творчестве и искусстве

Рассмотрение основных источников военной силы немцев начнем с принципиальных вопросов.

Есть понятие «мастерство», достичь мастерства достаточно сложно, тем не менее приемы мастерства могут быть описаны порою даже в виде математических формул, следовательно, эти приемы можно изучить, понять их смысл, научиться их применять и стать мастером своего дела. Иногда это процесс длительный, тем не менее опыт и логика показывают, что при достаточном трудолюбии и уме мастерство достижимо каждым.

И есть понятие «творчество» — это когда мастер применяет прием, который не был никем описан ранее или хотя бы ему самому не был известен. Обычно, когда стоишь перед проблемой, которую нужно разрешить, сначала память быстро пере-

бирает все известные приемы разрешения этой проблемы, но нужного приема может и не быть, или ты остаешься недоволен либо затратами на известные приемы, либо получаемым результатом. Серенький исполнитель или человек, еще не достигший мастерства, обычно либо тупо делают так, как они учили, либо идут к начальнику и спрашивают, что им делать. А мастер подключает в помощь памяти собственную фантазию, и начинает примерять к проблеме свои фантазийные приемы, и (как уж повезет) находит такой прием разрешения проблемы, который решает проблему гораздо эффективнее стандартных приемов. Он начинает творить.

Я пишу «мастер», поскольку логика подсказывает, что специалист может творчески изобрести велосипед, и хотя самого творчества как такового у него не отнимешь, но это творчество никому не будет нужно. Логика подсказывает это, а практика — иное. В жизни мастера настолько зашорены тем, что они научили, что не могут взглянуть на проблему издалека — с другой стороны. К примеру, В. Ацюковский, проанализировав биографии тех, кто сделал выдающиеся открытия в науке, показал, что подавляющая масса первооткрывателей в точных науках — это дилетанты: от аптекарей до адвокатов. А не ученые — не те, кого учили делать эти открытия. Так, собственно, и в военном деле, в котором масса примеров того, как молодые полководцы побеждали убежденных седидами генералов.

И наконец, есть виды творчества, в которых творец действует на уровне подсознания — он даже не фантазирует над вариантами действий, а ему что-то подсказывает, что вот тут нужен именно такой мазок именно такого цвета или вот здесь нужен именно такой аккорд. Возьмите бой двух боксеров: их подбирают примерно равными по весу, примерно одинаково обучают и тренируют и вся победа в схватке зависит от того, что один «зевнет», а другой на подсознании поймет, что нужно сделать, и решится это сделать.

Да, военное дело действительно несложно. Благо ветераны очень говорливы, и теоретиков полно, и историки охотно занимаются военным делом с момента, как человечество научилось излагать свои мысли на глине (почему мы хорошо знакомы с войнами Древнего Египта, хотя и не представляем, как египтяне построили пирамиды). Кроме того, уже пару веков в России (да и в ряде других стран) существуют тысячи профессиональных учителей военного дела, которые, правда, сами воевать не умеют (что проверено в войнах), но зато учат, как воевать. Короче, войной — не хочу! Однако *«воевать сложно»*. И мы понимаем, что это тоже так. Почему?

Потому что военное дело требует творчества в объемах, которые и не снились иным видам человеческой деятельности. Причем быть гением главнокомандующему — это очень мало, в идеале творцом должен быть каждый военный служащий. Ведь генерал, офицер или солдат имеют дело не с мертвым материалом, поведение которого известно или в худшем случае предсказуемо. Они имеют дело с противником, который, по идее, тоже творец в деле уничтожения тебя. Не сумеешь ты убить — убьют тебя, и никаким «следованием военной науке» или «строгим исполнением устава и приказа» не воскресешься.

Военное дело требует массового творчества.

Бюрократизм, формализм начисто исключают творчество в самой системе управления, начисто исключают творчество командиров. И только делократия, только ЕДИНОНАЧАЛИЕ и предоставляет простор для творчества и заставляет творить

И единственной известной мне армией, которая осмысленно вводила делократические принципы и готовила свой командный состав на основе этих принципов к БЕЗУСЛОВНОМУ ЕДИНОНАЧАЛИЮ, была, к сожалению, не Красная армия, а противостоящая ей немецкая армия. А Красная армия усилиями перешедших из царской армии академических «военных специалистов» тупо внедряла бюрократические принципы управления, взятые из царской армии. И это тоже было источником силы немцев и слабости Красной армии в начальный период войны.

Вот я процитировал в объяснении Манштейна о том, что такое молниеносная война, следующую мысль: *«Самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии — вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, — вот в чем состоял секрет успеха»*. Что Манштейн этим сказал?

Он сказал, что немцы осмысленно предоставляли всем, кому это возможно, простор для творчества в деле уничтожения противника.

(Оговорюсь, то, что я написал выше об управлении и о делократии, — это теория. У немцев такой теории не было, ее вообще в те времена не было. И немцы совершенствовали организацию своей армии эмпирически, то есть изучали, что приводило к победам, и вводили эти обстоятельства в уставы.)

Немцы избегали наличия какого-либо догматизма, в том числе «научного», в головах тех, кому они вверяли солдат; командиры немецкой армии обязаны были действовать самостоятельно, исходя исключительно из поставленной им задачи и поведения противника — они обязаны были творить.

А теперь о том, что означало единоначалие в немецком понимании этого статуса начальников. Для этого рассмотрим статьи из Устава Вермахта «Вождение войск» (перевод, к сожалению, не бог весть каков). Из этого директивного документа и хорошо видно, как немцы законодательными мерами устанавливали права единоначальника и одновременно не давали этими правами злоупотреблять.

Работа командира: решение, приказ

Несколько поменяю порядок ознакомления со статьями этого Устава и начну с пунктов, говорящих о содержании работы командира. Работа любого человека заключается в оценке обстановки, принятии решения и собственно действии. Понятно, что и наиболее ответственной частью работы (рискованной по тяжести ошибок) является принятие решения. В общем, подобное содержится в уставах всех армий, но немцы излагают содержание работы командира так.

«Статья 59. Каждому решению предшествует оценка обстановки. Последняя требует быстроты умственной работы, простых и последовательных заключений и умения отделять важное от второстепенного».

Собственную оценку обстановки нужно сообщить подчиненным, чтобы они понимали, из чего исходит твое, их начальника, решение. Обращаю внимание на обязательное требование простоты заключений, их последовательности и запрет на второстепенные детали. Если говорить о сути этого пункта, то немецкому командиру запрещалось умничать! Говори только по делу!

«Статья 60. Основой решения является имеющееся задание, из которого и следует исходить: надо выяснить, что задание предписывает и как оно может быть выполнено».

Как и других армиях, немцы ставили подчиненным задачу — как выглядит та победа, которую подчиненный обязан был одержать, чтобы воплотился общий замысел командира. Нельзя было просто сказать: «Взять деревню Ивановку». Подчиненный должен был понять свою роль и роль своей победы в общей победе, к примеру, должен был понять, что Ивановка стоит на дороге, по которой противник может перебросить резервы.

Теперь ему самому нужно было найти решение, как выиграть порученный командиром бой, и самому принять это решение. На чем должно было основываться решение? На уставах, приказах, находках военной науки?

«Статья 63. *Определенное решение должно являться логическим выводом из всех соображений».*

Ничего не конкретизируется — все, что знаешь, все используй для своего решения — любое свое соображение! Кстати, указав на это, устав тут же предупреждает, что нельзя обольщаться мыслью, что ты все учел: *«Решения сторон не всегда будут отвечать действительному состоянию противника. В таком случае большие шансы на успех получит та сторона, которая быстрее и искуснее использует дальнейшее выяснение обстановки, не отрываясь от однажды принятого решения, если это не вызывается необходимостью».*

Согласно принятому решению войска будут приведены в действие и вступят в бой, отказываться от решения — это терять темп, тем не менее даже подобное командирам не навязывается — если обстановка не та, что ожидалась, не неси напрасных потерь — меняй решение! То есть, если с запада взять Ивановку чреватو чрезмерными потерями, поменяй решение, возьми ее, к примеру, с севера, с юга.

Далее статья 63 подробно объясняет требования к собственно действию командира — к его приказу.

«Приказ приводит решение в действие.

Ясный порядок подчинения является существенной предпосылкой для бесперебойной совместной работы всех начальников, согласование может дать отказ».

Только нисходящая линия прямых непосредственных единоначальников, и никаких согласований своих решений ни с кем — ни с контролерами, ни с инспекциями, — никто не имеет права вмешиваться в твое, командира, решение, в твои права принимать решения единолично! И заметьте, в Уставе объясняется, зачем это. Не потому, что кто-то так влюбился в единоначальников, а потому, что вся система управления начнет отказывать! В обюрочраченных системах управления этого вообще никто не понимает.

Расспросите любого еще работающего руководителя в России о том, сколько вокруг него контролеров и инспекторов и как они «помогают» ему решить свои задачи, и вы ничего не услышите в ответ, кроме потоков сплошного мата. То, что сегодня считается системой государственного управления, ничего, кроме мата, не заслуживает и уж, конечно, никак не напоминает немецкие армейские принципы управления.

Далее статья 63 Устава требует:

«Приказ должен содержать все то, что необходимо знать подчиненному, чтобы он имел возможность самостоятельно выполнять полученное задание. В соответствии с этим при-

каз должен быть кратким и ясным, определенным и исчерпывающим, приспособленным к пониманию получателя и иногда к его характеру. Отдающий приказ должен представлять себя в положении получателя приказа».

Обратите внимание на эту тонкость — нужно учитывать даже характер починенного: холерику желательно одно содержание, флегматику — другое. И, прежде чем писать приказ, нужно мысленно поставить себя на место подчиненного. Зачем? А затем, чтобы самому понимать, исполним приказ или нет.

«Язык приказов должен быть прост и понятен. Исключающая всякое сомнение ясность важнее формы. Четкость не должна страдать из-за краткости.

Ничего не говорящие выражения и обороты не годятся, так как влекут к полумерам, высокопарные же выражения притупляют подчиненных».

Вот детское воспоминание Артема Сергеева о том, чему Сталин учил его и своего сына Василия: «Вы будете военными. А какой предмет для военного самый главный?». Мы наперебой отвечали: математика, физика, физкультура. Он нам: «Нет. Русский язык и литература. Ты должен сказать так, чтобы тебя поняли. Надо сказать коротко, часто в чрезвычайных условиях боя. И сам ты должен понять сказанное тебе. Военному выражаться надо ясно и на письме, и на бумаге. Во время войны будет много ситуаций, с которыми в жизни ты не сталкивался. Тебе надо принять решение. А если ты много читал, у тебя в памяти уже будут ответ и подсказка, как себя вести и что делать. Литература тебе подскажет».

А теперь обратите внимание на то, как немецкая военная мысль относилась к «святости» приказа.

«Приказы должны обязывать на будущее лишь постольку, поскольку обстановка позволяет его (будущее) предвидеть. И все же часто потребуются отдачи приказов вслепую.

Приказы в особенности должны воздерживаться от вхождения в детали, когда не исключается изменение обстановки, прежде чем будет приступлено к его выполнению. Это особенно необходимо иметь в виду в распоряжениях оперативного масштаба, тем более когда приказ отдается на целый ряд дней вперед. В этом случае на первый план должен выступить основной замысел; особенно следует подчеркивать преследуемую цель. Надо дать основные указания для ведения предстоящих военных действий и отказаться от определения способов исполнения. Таким образом, приказ перерастает в директиву».

Отказаться от указания способов исполнения приказа. Бедные бюрократы! Ведь при бюрократизме подчиненный требует, чтобы приказ был как можно более подробным, чтобы способы его исполнения были как можно более детализированы, поскольку каждая подробность — это прямое указание начальника, что должен делать подчиненный, и подчиненный охотно и тупо будет это делать. А при делократизме, при единоначалии, как видите, все наоборот — *«воздерживаться от вхождения в детали», «отказаться от определения способов исполнения»*.

И снова о том, что все подчиненные должны ясно понимать, чего начальник хочет, понимать, чтобы ясно представлять собственную роль в общей победе: *«В целях сохранения в тайне замысла действий следует тщательно взвесить, в какой мере и кого можно о нем осведомить. Чтобы обеспечить взаимодействие для достижения общей цели, в бою не следует бояться широко раскрывать свой замысел даже при действиях крупного масштаба. При вступлении в бой ни у какой инстанции не должно быть сомнения в том, к чему стремится начальник. Поскольку допускают обстоятельства, начальнику лучше всего уяснить подчиненным свой замысел в устном обмене мнениями»*. И тут же следует запрет на попытку принимать решение голосованием: *«Однако начальник не должен ставить себя в зависимость от подчиненных: принятие решения и приказ — дело его одного»*.

Советы можешь слушать чьи угодно, но любое решение — только твое, и ответственность за него ни на кого переложить не сможешь.

Насколько сильно в вопросе управления немецкая армия отличалась от Красной армии образца 1941–42 годов, хорошо видно из такого в свое время вычеркнутого цензурой отрывка из воспоминаний К. К. Рокоссовского.

«Сложность заключалась еще и в том, что мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому “каждый солдат должен знать свой маневр”. И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронтом формулировкой задачи — “изматывать противника”, осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя. Это обстоятельство тревожило не только меня одного». И далее, описывая бои несколько месяцев спустя, снова об этом же: *«Плохо было еще и то, что командование фронта почему-то не всегда считало обязанностью посвящать командующего армией в свои замыслы, то*

есть не ставило в известность о том, какая роль отводится армии в данной операции во фронтовом масштабе. В данном случае это было так».

Ну и для полноты картины я дам и статью 78 немецкого устава:

«Статья 78. Письменные приказы, направляющие действия различных частей к одной общей цели, рекомендуются расчленять по пунктам.

Впереди надо ставить важнейшее; все, что по смыслу должно быть вместе, следует укладывать в один пункт.

Для оперативных приказов рекомендуется приблизительно следующая последовательность:

- сведения о противнике и о соседях, поскольку они имеют значение для получателей приказа;

- замысел начальника, поскольку осведомление о нем требуется при преследовании ближайшей цели;

- задания для отдельных соединений, образованных делением войск;

- распоряжения легким колоннам, продовольственному обозу, вещевому обозу, отделениям боевого питания и прочим тыловым службам, поскольку войска должны быть о них осведомлены;

- местопребывание (командный пункт) отдающего приказ и связь к нему или от него.

Что из приведенного выше следует включить в оперативный приказ, зависит от данных конкретных условий.

Сведения о противнике должны выявлять, как понимает отдающий приказ положение противника.

Предположения и ожидания следует оговаривать. Обоснование мероприятий, указываемых приказом, включается лишь как исключение. Подробные наставления и поучения на различные возможные случаи — дело не приказа, а обучения».

В целом это практически то же, что и в приказах любых армий мира, но вот такой штрих: «Боевые приказы должны быть свободны от всякого шаблона. Смотря по обстоятельствам, может быть уместным указание деления войск; однако общевойсковой начальник со вступлением в бой обязан отдавать приказы по возможности каждому непосредственно подчиненному ему по боевому расписанию начальнику.

Обстоятельства решают, должен ли быть отдан боевой приказ письменно или устно, выльется ли он в форму отдельных приказов или общего приказа. Форма распоряжений должна гарантировать необходимое взаимодействие всех частей».

Наши мемуаристы, военные историки и писатели, особенно во времена СССР, горазды были утверждать, что немцы воевали по шаблону, а у реальных немцев видите, какое было отношение к шаблонам не только в бою, но даже при написании боевых документов? Даже приказ можно было отдать в любой форме и любым способом. Да, немцы, безусловно, не отказывались от наработанных приемов боя и операций, если эти приемы приносили успех, и в документах у них было порядок — а зачем от этого отказываться? Только одна у них особенность: как видите, они не могли оправдать свое поражение в бою тем, что исполняли приказ (или тем, что он был «неправильно написан»), или тем, что они воевали «по уставу».

Полная свобода творчества

Теперь общие положения, но все о том же — об исключительном праве и обязанности решения принимать только самому.

«Статья 37. Из задания и обстановки вытекает решение. Если задание, как основа для действий, оказывается уже недостаточным или если ход событий уже его обогнал, то решение должно учитывать эти обстоятельства. Кто изменяет или не выполняет порученное ему задание, тот обязан донести об этом, взяв ответственность за последствия единственно на себя. Постоянно следует ориентировать свои действия в рамках целого».

Остановимся на этой мысли. Исполнить задачу, поставленную начальником, для немецкого офицера-единоначальника было мало! Немецкому офицеру разрешалось и вменялось в обязанность думать за своего начальника и решать ту же задачу, что и начальник (*«Постоянно следует ориентировать свои действия в рамках целого»*), причем решать ее не тем способом, который начальник задумал, то есть немецкому офицеру разрешалось нарушать приказ в части данной в приказе задачи. Как видите, немецкому офицеру запрещалось тупить даже в творческом процессе решения той задачи, которую ему дали для творческого решения! Естественно, что риск неудачи от поправления начальника он обязан был взять на себя. Естественно, и слава от победы была его.

Но, повторю, чтобы действовать таким образом, подчиненный в немецкой армии обязан был ясно представлять себе замысел своего командира. Это общее требование далее в статье 37 подчеркивается: *«Решение должно направлять все силы к ясной цели»*. Ясно указать свою цель подчиненным — это обязанность командира.

Однако немцы понимают, что в приступе трусости или нерешительности подчиненный может метаться, меняя свои решения, а потом объяснять эти метания благими побуждениями исправления задачи начальника. Посему статья 37 продолжает: *«Основой его (решения) является сильная воля начальника. На сильнейшего волей часто выпадает успех. От однажды принятого решения не следует отступать без всяких (веских) оснований».*

Одновременно устав понимает, что и тупость, с которой решение может проводиться в жизнь, невзирая на потери, тоже вредна, и предыдущая мысль смягчается: *«Но в переменчивых условиях войны упорное отстаивание решения может явиться ошибочным. Своевременное выяснение обстоятельств и момента, требующих принятия нового решения, составляет существо искусства вождения. Старший начальник должен предоставлять подчиненным ему начальникам свободу действий, поскольку (если) последняя не угрожает осуществлению его намерений».*

И тут же статья 37 заботится и о том, чтобы начальник не переложил свою ответственность на подчиненного, типа: «Я ему задачу дал, а он ее не выполнил». Устав требует: *«Но, во всяком случае, он (старший начальник) не должен передоверять им (подчиненным) то решение, за которое он лично является ответственным».* То есть подчиненный имеет право изменить поставленную ему начальником задачу самостоятельно, но начальник не имеет права **поручать** подчиненному, самому ставить себе ту задачу, которую ему обязан поставить он, начальник, в свою очередь, на основе собственного решения.

И этим Уставом, и воспитанием немецкие офицеры и генералы загонялись в угол собственных действий только на основе собственных решений. Их заставляли творить! Любой бюрократизм, любой формализм, любой догматизм пресекались в документах и практике немецкого командования, пресекались неумолимой ответственностью за результат деятельности офицера и генерала, и эту ответственность невозможно было переложить ни на начальника, ни на документ, ни на доктрину.

И немцы готовили своих генералов и офицеров именно так — воспитывая в них самостоятельность — не менее века! Века! Помянутый русский генерал М. Драгомиров был наблюдателем при прусской армии еще во время войны Пруссии с Австрией в 1866 году. Он писал, что прусский генерал не может допустить вмешательства в свое управление войсками и если такое вмешательство последует от вышестоящего на-

чальника, то он уйдет в отставку немедленно — он не будет нести ответственность за дурость своего командира, и он не допустит посягательства на свое положение творца.

К необходимости этих ста лет для создания армии я еще вернусь, и мы рассмотрим этот срок со стороны, никем не рассматриваемой. А сейчас посмотрим на русскую (Советскую армию).

Принципы управления русской армии

Рассмотрим нашу армию с позиций принципов управления ею.

Рабоче-крестьянская Красная армия была кровь от крови, плоть от плоти царской императорской армии, к тому времени уже век не имевшей побед ни над каким мало-мальски серьезным противником. Создать чисто революционную армию и по принципам управления, и по кадрам не получилось.

Помянутый наркомвоенмор Троцкий пошел по легкому, а не исключено, и по единственно возможному пути — где силой, а где посулами быстрой карьеры привлек в РККА массу царских генералов и офицеров. В период Гражданской войны в рядах Красной армии воевало 48,5 тысяч царских офицеров и генералов, в 1919 году они составили 53% всего командного состава РККА. В Красной армии оказалось более шестисот офицеров и генералов Генерального штаба (всего генералов около 200), из двадцати командующих красными фронтами семнадцать были кадровыми офицерами царского времени, все начальники штабов фронтов — бывшие офицеры, из ста лиц, командовавших красными армиями, восемьдесят два — бывшие императорские офицеры. Да и в Великой Отечественной войне 17 генералов (из 41), командовавших фронтами, — это все еще бывшие царские офицеры, которые уже в Первую мировую войну были в чинах от корнета до полковника.

Генералы и офицеры, служившие в РККА, не могли не внести в нее дух императорской армии, в данном случае нас интересует не дух паразитизма, а именно военная составляющая этого духа — система управления войсками, к которой они привыкли, принципы военной службы, которым их обучали и которыми они руководствовались.

К сожалению, в Красной и Советской армиях не нашлось человека, который бы написал на эту тему «изнутри», возможно по карьерным соображениям, возможно, наши генералы и офицеры и сегодня искренне считают эти принципы тем, что и надо армии.

А в царской армии, возможно из-за ее поражений, такие генералы еще были. И я опишу принципы управления импера-

торской армии, которым обучали ее офицеров, изложенные в статье генерал-лейтенанта русской армии Е. И. Мартынова. Он окончил в 1889 году Академию Генштаба, в русско-японскую войну командовал полком и, судя по статье, знает, о чем пишет.

Замечу, что особенностями русского (советского) военного образования и воспитания является и то, что никто из участников Великой Отечественной войны не вспоминает ни одного случая, когда бы это образование ему потребовалось хоть в каком-нибудь бою. Я также не встречал, чтобы кто-либо из военных оценил ценность этого образования, безразлично как: обругал бы его или похвалил. Что-то с этим нашим военным образованием странное происходит — оно на бумаге как бы есть, но в практике оно как бы никого и не волнует. Вот поэтому я и даю по этому вопросу мнение генерал-лейтенанта Мартынова с моими выделениями в тексте:

«В России нет высшего учебного заведения, которое было бы поставлено в такие исключительно благоприятные условия в смысле предварительной подготовки слушателей, обстановки преподавания и материальных средств, как Академия Генерального штаба.

Огромные служебные преимущества, которыми пользуются офицеры этой корпорации не только в армии, но и в других сферах государственной службы, вызывают большой наплыв желающих поступить в академию.

...Итак, академия Генерального штаба получает в свое распоряжение хорошо подготовленный состав слушателей, проникнутых самым искренним желанием работать, совершенно спокойную обстановку для научных занятий и богатые материальные средства.

Как же пользуется она этими исключительными условиями?

*Прежде всего, каждого поражает **бессистемность академического преподавания**. ...Попадет туда “трудолюбивый” профессор, и на практике никто не препятствует ему **искусственно раздувать свой курс**, включая в него всевозможные свои “произведения” и обременяя память учащихся совершенно нелепыми деталями; нет в академии соответствующего специалиста, и самые важные отделы совсем не изучаются. Например, курс истории военного искусства в эпоху первой революции переполнен подробностями вроде следующих: “Рыже-бурая и светло-чалая лошади не принимались... в немецкую кавалерию”; “Рост лошадей указывался для шевалежерного полка от 14 фауст (0,344 фт.) 3 д. до 15*

фауст, для гусарских полков от 14 фауст 2 д. до 14 фауст 3 дюймов»; «В среднем на день отпускался верховой кавалерийской лошади 7,091, а военно-упряжной лошади 3,841 килограммов овса».

...Слушателей академии спрашивали о том, сколько золотников соли на человека возится в различных повозках германского обоза, каким условиям должна удовлетворять ремонтная лошадь во Франции; но организация японской армии оставалась для нас тайной до такой степени, что перед моим отправлением на войну главный специалист по этому предмету категорически заявил мне, что Япония не может выставить в Маньчжурии более 150 тысяч человек. Занимаясь пустословием о воображаемой тактике Чингисхана и фантастической стратегии Святослава, академические профессора в продолжение целой четверти века **не успели даже критически исследовать нашу последнюю турецкую войну, ошибки коей мы с точностью повторили теперь на полях Маньчжурии.** Следуя раболопно и подובострастно, но без всякого смысла и рассуждения в хвосте Драгомирова, представители нашей официальной военной науки **прозевали те новые приемы военного искусства,** которые под влиянием усовершенствований техники зародились на западе. По справедливому замечанию известного французского писателя...: «Русская армия не захотела воспользоваться ни одним уроком последних войн». Вообще, академия Генерального штаба, вместо того чтобы служить проводником новых идей в войска, все время упорно отворачивалась от жизни, пока сама жизнь не отвернулась от нее».

Не могу определенно сказать, как с этим делом обстояло у французов, англичан или американцев, победивших немцев в Первую мировую войну, но, думаю, что тоже не бог весть как. В противном случае, полагаю, британский фельдмаршал Монтгомери, сам уже на тот момент немолодой (52 года), не написал бы в своих мемуарах о британской армии образца 1939 года следующих строк:

«Все высшие командные посты занимали «хорошие боевые генералы» прошедшей войны. Они слишком долго оставались на своих местах, лишь делая вид, что кто-то может претендовать на их кресла, а на самом деле никого не подпускали и близко.

...В итоге наша армия в 1939 году вступила во Вторую мировую войну великолепно организованной и оснащенной для боев 1914 года и имея во главе не отвечающих требованиям современности офицеров».

Но верну слово Мартынову:

«Однако бессистемность академической программы и отсталость отдельных курсов являются несравненно меньшим злом, чем те методы преподавания, которые господствуют в академии.

От начальника в бою главным образом требуется: здравый смысл, инициатива и твердый характер.

Все академическое преподавание, весь режим академии поставлены так, что эти редкие дары природы систематически ослабляются.

Здравый смысл затемняется схоластическим способом изложения науки. Военное искусство — дело живое и практическое, а потому теория его, вместо того чтобы витать в облаках метафизики, должна находиться в постоянном и непрерывном общении с жизнью, должна быть краткой и понятной. В изложении талантливого, действительно знающего дело специалиста самые сложные вопросы являются простыми и понятными. Наоборот, жалкая бездарность, соединенная с отсутствием настоящих живых знаний, обыкновенно старается свои убогие мысли облекать в труднодоступные пониманию формы, наивно полагая, что в этом-то и заключается ученость.

Таким именно характером отличается большинство академических руководств по военному искусству: самые простые вещи расписаны на многих страницах, для доказательства очевидных истин призваны на помощь философия, психология и другие науки; часто встречаются ссылки на первоисточники и архивы, которыми авторы, безусловно, не пользовались; классификация доходит до карикатуры, сводя изложение каждого вопроса к бесчисленному множеству искусственно придуманных пунктов.

Например, вот как излагается в академическом учебнике простой и совершенно понятный вопрос об организации войск:

“Свойство природы боя, как явления стихийно-волевого, значение между орудиями, элементами боя — человека, господство его в серии этих элементов, огромное преобладающее значение и влияние в бою морального элемента, духовной стороны главного орудия боя человека — все это в общей совокупности указывает, что духовно-волевая сторона человека, как единичного, так и массового, должны лечь в основание всех вопросов воспитания и обучения, а равно и вопроса составления коллективной единицы человека, то есть в организации массового человека, масс, в организации отрядов, то есть вообще во всех вопросах организационных”».

Давайте прервем Мартынова и вспомним немецкий Устав: «Приказ должен быть кратким и ясным, определенным и исчерпывающим, приспособленным к пониманию получателя и иногда к его характеру. Язык приказов должен быть прост и понятен. Исключая всякое сомнение ясность важнее формы. Четкость не должна страдать из-за краткости. Ничего не говорящие выражения и обороты не годятся, так как влекут к полумерам, высокопарные же выражения притупляют подчиненных».

То, что подобное многословие ведет к тупости подчиненных, видел и Мартынов:

«Подобный схоластический метод преподавания приносит неисчислимый вред, потому что приучает будущего офицера Генерального штаба подходить к решению каждого практического вопроса не прямо и просто, а посредством разных сложных умозаключений. Вместо практических действий он воспитывает доктринеров, которые для военного дела несравненно опаснее круглых невежд.

Затем второе качество, необходимое для начальника на войне, — **сознательная, не боящаяся ответственности инициатива**, — **безжалостно подавляется в академии.**

Отвечая на экзаменах, офицер должен точно придерживаться учебника; высказать какой-нибудь самостоятельный взгляд, противоположный взгляду профессора, гораздо опаснее, чем совсем не знать вопроса.

Даже при разработке так называемых тем (предполагающих самостоятельный труд) офицер поставлен в необходимость думать не о составлении по исследуемому вопросу своего собственного мнения, а о том, чтобы как-нибудь не разойтись во взглядах со своими оппонентами, что столь легко в такой неточной области знания, как военное искусство. Тема готовится специально для известных оппонентов. Если оппоненты меняются, то она немедленно переделывается зачастую в диаметрально-противоположном смысле.

Самый разбор тем совсем не имеет характера научного собеседования, а скорее похож на те замечания, которые придирчивый начальник делает своему подчиненному после строевого смотра. Оправдание еще иногда допускается, но возражение считается нарушением дисциплины».

Ну и сравним эти традиции русской армии с требованиями немецкой, которая требует: «Старший начальник должен предоставлять подчиненным ему начальникам свободу действий, если последняя не угрожает осуществлению его намерений». И пользуясь этой свободой, подчиненный имеет пра-

во и обязан: «Если задание, как основа для действий, оказывается уже недостаточным или если ход событий уже его обогнал, то решение должно учитывать эти обстоятельства. Кто изменяет или не выполняет порученное ему задание, тот обязан донести об этом, взяв ответственность за последствия единственно на себя». Мартынов продолжает:

«Наконец, **твердость характера** — третье основное качество для будущего боевого начальника — **расшатывается гнетом того полицейского режима**, который господствует в академии.

Для офицера, обучавшегося в академии, не только начальник ее, но и делопроизводитель по учебной части, профессора, штаб-офицеры, преподаватели, отчасти даже выслужившиеся из писарей чиновники — все это было начальство, от которого в известной степени зависела будущность. В отношениях административного и учебного персонала к учащимся проявлялась чрезвычайная грубость, такое хамство, которое возмущало даже нашего забитого, неизбалованного особой куртуазией армейского офицера. С этим дисциплинарным гнетом была крепко связана система негласного надзора, доносов и анонимных писем. Одним словом, академия моего времени представляла какое-то причудливое сочетание дисциплинарного батальона с иезуитской коллегией.

С тех пор **некоторые частности изменились**, но люди опытные говорят, что **далеко не всегда в лучшую сторону**».

А изменилось ли что-то в лучшую сторону в Академии Генштаба Красной армии, остальных военных академиях и, соответственно, в самой армии? Ведь на 1 января 1941 года даже в среде командного, а не штабного состава выпускники академий занимали 52% должностей командиров корпусов, 40% командиров дивизий, 14% командиров полков и 2% командиров батальонов.

Эффективность военного обучения

Далее Мартынов от обучения переходит к результатам этого обучения, ведущегося в полном соответствии с требованиями бюрократического управления:

«Каждый из крупных военных начальников имеет особый штаб, с помощью которого он управляет войсками. При нормальных условиях работа распределяется следующим образом: штаб собирает все необходимые сведения о местности и противнике; на основании этого начальник принимает известный план действий; штаб разрабатывает этот план в

деталей и затем в целом ряде распоряжений передает волю начальника войскам. Таким образом, на долю штабов выпадает главным образом техника военного искусства.

В столь практическом деле, как война, значение этой техники огромно. Неумело произведенная разведка, неправильно составленный расчет походного движения, неточность в редакции приказаний, ошибки в организации сторожевой службы — каждая из этих технических частностей при известных условиях может погубить самый лучший план. Хороший штаб должен работать без суеты и трений, с точностью часового механизма.

Для этого от офицеров Генерального штаба требуется не только обширные и разнообразные знания, но также серьезная предварительная практика в “вождении войск” как на театре войны, так и на поле сражения.

Эта практика должна выработать в них известный навык, своего рода рутину. В самые критические моменты войны офицер Генерального штаба, даже отвлекаемый другими вопросами, должен совершенно машинально, как бы рефлективно, принять меры для обеспечения флангов, установления связи, организации донесений, прикрытия обозов и т. п.

Таковы те требования, которые война предъявляет к Генеральному штабу, а между тем у нас никто его не готовит к этому. **Обычная служба офицеров Генерального штаба не только в центральных управлениях, но и в войсковых штабах сводится к бюрократической, даже просто канцелярской переписке, не имеющей ничего общего с военным искусством.** Маневры крупными частями чрезвычайно редки и дают, особенно в смысле штабной службы, ничтожную практику. Тактические занятия и полевые поездки сведены к простой проформе. Военная игра применяется чрезвычайно редко и преследует совсем другие цели.

Итак, деятельность мирного времени совершенно не подготавливает наши Генеральный штаб к тому, что ему придется делать на войне.

„До сих пор одно лишь свойство могло испортить нормальную карьеру офицера Генерального штаба — это “самостоятельность”. Начальство боялось “независимых и талантливых людей”, а некоторые товарищи (особенно из бездарных академических профессоров) устраивали им форменный бойкот.

Так обстояло дело в Генеральном штабе до последнего времени, что будет дальше, пока неизвестно.

...Что касается академии, то она имела на сухопутном театре войны четырех представителей: первый из них ко-

мандовал дивизией, тотчас же по прибытии бежавшей под Ляояном, что было одной из главнейших причин потери этого сражения; второй, будучи профессором тактики, исполнял во время войны чисто канцелярские обязанности, для чего можно было назначить любого статского советника; третий (нужно думать — лично совершенно неповинный) тем не менее по своему служебному положению является одним из ответственных лиц за организацию беспорядка на правом фланге нашей армии во время несчастного сражения под Мукденом; про четвертого (насколько правильно — не знаю) такой бесспорно боевой генерал, как Церницкий, говорит: “Был здесь светило нашей академии Генерального штаба, оказавшийся совершенно бездарным трусом [...], в конце концов его никто не хотел держать в отряде, и он возвратился в Петербург, где тотчас же был произведен в генералы и начал насаждать свою бездарность и пошлость”.

Что касается главных академических схоластиков, то они остались в Петербурге и под гром наших поражений продолжали по-прежнему читать свои жалкие безжизненные курсы».

Надо сказать, что единственные, кому принятое у нас военное образование давало и дает много, — это преподаватели. Ни тебе ответственности за солдат, ни учений, ни маневров, ни дежурств, ни дальних гарнизонов, зато награды легко доступны, и числишься ты таким же «защитником Родины», как и настоящие защитники.

Читая «Справочную книжку офицера» за 1913 год, помню, умилился тому, как царь распределял награды. Дело в том, что в мирное время ордена давались по определенным правилам, учитывающим чин, иногда должность, общее время беспорочной службы и время после вручения очередного ордена. Это еще как-то можно понять. Однако ордена давались не исходя из количества офицеров, которым они уже полагались по этим правилам, а по норме — по разнарядке: ежегодно награждался орденом один офицер из нормированного количества. И разнарядка была такова.

Все генералы, штаб- и обер-офицеры «управлений и штабов» ежегодно награждались из расчета один награжденный на 6 человек; в «военно-учебной и учебной службе» — 1:8; генералы и офицеры «пехотных, кавалерийских, казачьих, иррегулярных войск, инженерного и артиллерийского ведомства, военные врачи» и т. д. — 1:12, «гражданские чиновники управлений и штабов» — 1:20.

Как видите, уже при царе все было построено так, чтобы служить было выгодно в Петербурге при штабе или преподавателем в училище, а не на фронте, не в строевой части. А в штаб и преподавателем без диплома не возьмут — вот круг и замкнулся. Теперь ответьте сами себе на вопрос: могли ли люди, действительно собирающиеся защищать Отечество, придумать такие нормы наград, при которых офицеры, служащие в полках, награждались вдвое реже «штабных» и в полтора раза реже преподавателей?

Довольно интересным является и мнение о ценности военного образования как такового, невольно высказанное британским фельдмаршалом Бернардом Монтгомери. Он провоевал обе мировые войны, закончил карьеру начальником Генштаба Британской империи и посему, повторю, человек в военном деле далеко не случайный. Судя по его мемуарам, британское военное образование являло собой нечто среднее между германским и русским (советским). У британцев, в отличие от немцев, как и в России, были военные учебные заведения, но обучение в них было гораздо короче.

К примеру, после окончания школы Монтгомери поступил в военное училище Сандерхест. В России и довоенном СССР его учили бы два года, но в Сандерхесте учили год (Монтгомери учился полтора, так как хулиганствовал). Первую мировую войну Монтгомери закончил в должности начальника штаба дивизии и после войны поступил в штабной колледж в Кэмберли — что-то вроде нашей Академии Генштаба, но только вроде.

Интересно, что рассказ о поступлении в этот колледж Монтгомери предваряет чем-то наподобие оправдания тому, почему он на это решился. Он написал: *«До этого момента моей карьеры я не изучал теории своей профессии; за моими плечами было четыре года войны, но никаких теоретических знаний в основе этого опыта. Я читал где-то высказывание Фридриха Великого по поводу офицеров, полагающихся только на свой практический опыт и пренебрегающих наукой; говорят, будто он сказал, что у него в армии есть два мула, которые прошли сорок кампаний, но они все равно остались мулами».*

Во-первых, Фридрих II под изучением теории не имел в виду обучение в каком-либо военном учебном заведении. Во-вторых, даже если Фридрих II это и сказал, то тогда он сказал явную глупость. Поскольку полководец обязан все же отличаться от мула. Затем мулу можно было бы в академии сорок лет рассказывать теорию военного дела, но он и после этого остался бы мулом. И наконец, если полководец провел

сорок кампаний, но не понял того, что объединяет воедино результаты его дела, то есть не понял теории своего дела, то он действительно мул. Поскольку любой мало-мальски толковый практический работник обязательно является и теоретиком своего дела — он понимает, зачем и почему нужно делать так, как он делает. Видимо, и Монтгомери это понимал, раз уж решил оправдаться в том, почему он решил учиться.

Между тем в Кэмберли, в этой британской Академии Генштаба, обучали не как в России (и СССР) — не три года, а всего год. И обучали не профессора, а полководцы, отличившиеся в войну и имевшие склонность к преподавательской работе.

Далее Монтгомери воюет на штабных должностях в Ирландии, а затем сам преподает в штабном колледже и пишет учебник для офицеров пехоты. По нашим меркам он теоретик, у нас он был бы доктором военных наук и профессором и обязательно разглагольствовал бы о том, что «культурный генерал и даже офицер невозможны без академического военного образования», тем более утверждал бы, что офицеры штаба невозможны без получения ими образования в Академии Генштаба. Но вот что Монтгомери пишет о реальных офицерах своего штаба времен Второй мировой войны (выделено мною):

«Под руководством Де Гингана штаб 8-й армии превратился в великолетную команду. Я всегда очень верил в молодость с ее энтузиазмом, оптимизмом, оригинальными идеями и готовностью следовать за лидером. Наши штаб в основном составляли молодые, многие из них не были солдатами по профессии. Единственным необходимым условием для работы в моем штабе являлась способность делать свое дело; не имело значения, служит человек в регулярной армии или он призван во время войны.

Во Вторую мировую войну лучшими офицерами отделов разведки штабов являлись гражданские; их головы, казалось, были наилучшим образом приспособлены к такого рода работе, обученные в “нормах доказательственного права”, с богатым воображением и развитой креативностью, и Билл Уильямс возвышался над всеми ними».

Командовавший вьетнамскими войсками в победных войнах Вьетнама над Францией, а потом и США генерал Во Нгуен Зиан по имевшемуся у него образованию учитель истории.

Вот вам и ценность военного образования. В мирное время окончание военной академии дает возможность быстро делать карьеру, к примеру, в царской армии до Первой мировой офицер, окончивший Академию Генштаба, становился командиром пехотного полка в 46 лет, а без этого образования — в

53 года. А во время войны, как вы видите на примере британской армии, даже штабные должности прекрасно исполняют гражданские лица и молодые офицеры. Так чего стоит образование Академии Генерального штаба?

Из вывода отсюда следует немецкий: тот, кто стремится узнать, как уничтожить врага, тот узнает это и без профессоров академии, а профессора и дипломы по большей части нужны тем, кто стремится как можно больше денег содрать с общества в мирное время, включая и самих этих профессоров. Да так, собственно, обстоит дело во всех областях деятельности человека.

Страх войны

В дальнейшем рассказе Мартынов лишь вскользь задел очень важный аспект, который военной кастой во все времена практически единодушно замалчивается, — страх. Поскольку мы речь ведем о военном деле, то сразу представляется страх смерти. Нет, этот страх, скорее всего, тоже есть, но в данном случае речь идет о совершенно другом страхе.

Вот вы, возможно, сталкивались с бюрократами или видели их действия в кино. Обычно человек подчиненный или посетитель с проблемой и даже с вариантом ее решения приходит к бюрократу, обязанному эту проблему решить. Единственно, эта ваша проблема не описана в инструкциях. Причем этот бюрократ вне службы может быть абсолютно нормальным и приятным человеком, мало этого, лично храбрым. Бюрократ выслушивает, кивает головой, сочувствует, казалось бы, абсолютно согласен с тем, о чем вы говорите: понимает важность решения проблемы и пути решения, которые вы предлагаете. После чего отказывается решать эту проблему, ссылаясь на какие-то пункты инструкций или приказов своего начальства. Что происходит с этим хорошим человеком?

Бюрократ, зная инструкции, но не зная дела, на самом деле не понял, о чем вы ему рассказали или написали, и БОИТСЯ принимать собственное решение, поскольку не может оценить, чем оно закончится — благодарностью от начальства или нагоняем? Незнание дела вызывает страх перед ним — страх его решать. А поскольку решения — это результат работы, то страх работать.

В армии положение еще хуже, поскольку там есть периоды мирного времени, когда настоящего дела у системы управления нет. Да, и в этой абсолютно обюрокраченной армии мирного времени офицеру и генералу тоже надо многое знать: как ответить начальству (как говорится, кого лизнуть,

а на кого гавкнуть), как провести учения, парады, как выслужить очередной чин, как изъять из государственной казны деньги в свою пользу и многое-многое другое, позволяющее успешно делать карьеру, чтобы в конце концов покинуть армию с богатой пенсией.

Но вот начинается война. И как быть такому профессионалу? Он, к примеру, прекрасно знал, как провертеть карандашом дырки в мишенях, чтобы на учебных стрельбах показать начальству, как метко стреляют солдаты его дивизии. А с реальным врагом что ему делать? И у офицеров и генералов обюрокраченной армии возникает страх войны. Вот генерал Мартынов по итогам Русско-японской войны пишет:

«Несколько лет тому назад на больших маневрах некий генерал Генерального штаба, известный еще раньше своей бездарностью, будучи начальником штаба одной из маневрировавших армий, обнаружил совершенное незнание дела. Присутствовавший на маневрах начальник Главного штаба выразился, что за такие действия ему стыдно перед иностранными военными агентами. Тем не менее вскоре после маневров сей генерал был произведен в следующий чин и получил дивизию. Затем, когда несколько месяцев спустя его дивизия была мобилизована для отправления на войну, то он просил освободить его от командования». Скорее всего об этом же генерале пишет и военный министр России (1905–1909 годы) А. Ф. Редигер: «Поппена я знал по его службе в Генеральном штабе в Петербургском округе — благовоспитанный балтийский немец, со средствами, всегда элегантный, он производил на меня впечатление добросовестного, но довольно ограниченного работника. До войны он командовал дивизией в Киевском округе. Дивизия его была мобилизована для отправки на Восток, но Поппен заявил, что он по болезни глаз в поход идти не может...».

А вот 1941-й год вспоминает маршал К. Рокоссовский на страницах своих мемуаров, вычеркнутых цензурой.

«КП фронта оказался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Остаток ночи я провел в штабе фронта, а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: “Что же делает ПВО?.. Самолеты летают, и никто их не сбивает... Безобразие!”. Тут же при-

казывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы. Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрмерах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным. С таким настроением я покинул штаб Юго-Западного фронта, направляясь в Москву. Предварительно узнал о том, что на Западном фронте сложилась тоже весьма тяжелая обстановка: немцы подходят к Смоленску. Зная командующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова еще задолго до начала войны (в 1930 году он был командиром полка в дивизии, которой я командовал), мог заранее сделать вывод, что он пара Кирпоносу, если даже не слабее его».

Роковосовский вспоминает даже такое: «Весьма характерен случай самоубийства офицера одного из полков 20 тд. В память врезались слова его посмертной записки. “Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, — извещало в ней, — вынудило меня к самоубийству”».

И чтобы избежать подобного страха, немцы и потратили сто лет на воспитание своей армии, и не только на воспитание бесстрашия к войне.

Военная мафия

К Сталину, как главе страны и Верховному Главнокомандующему, и у исследователей, и у любителей много вопросов: почему? Почему назначил этого генерала, а не другого, почему не реорганизовал армию так или иначе? И вопросы порою вполне здравые. К примеру, почему генералы, показавшие в войне полную полководческую бездарность, не были отправлены в отставку и даже стали Героями Советского Союза, как, скажем, генералы Соколовский и Гордов? Почему, скажем, бросившие защитников Севастополя и удравшие из Крыма генерал Петров и адмирал Октябрьский не потеряли свои должности за трусость, а стали Героями Советского Союза?

Дело в том, что в любой большой организации руководитель, даже абсолютный диктатор, бессилен, если он задумал завести в этой организации порядки, которые не нравятся большинству членов этой организации. Для этого нужно время и сильная опора внутри организации в виде сторонников новых порядков. Если этого нет, то любые попытки реорганизовать организацию встретят саботаж и — не исключено — ответные действия в самой отвратительной форме. Никколо Макиавелли, умнейший исследователь принципов управления людьми, очень кратко, но абсолютно точно пояснил внутреннюю причину этого:

«А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне — законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности».

Особенно непросто завести новые порядки в армии, причем даже такие, которые мало что определяют. Возьмем такой пример. Все, в том числе и генералы, понимают, что карьеру в армии должны делать самые способные. А как определить способных? Можно по форме, а можно по содержанию. По содержанию это те, кто одерживает победы в бою. А по форме? А по форме это те, кто имеет лучшее образование. Что сложнее: одержать победу в бою или получить образование? Ответ понятен, и понятно, что наша армия руками и ногами будет цепляться за существующее уже 150 лет военное образование, как бы вы это образование ни критиковали.

Вот такое подтверждение этого вывода. Обладатели российского и советского высшего академического военного образования потерпели целый ряд разгромных поражений от немцев и в Первой мировой войне, и во Второй. И напрашивается вывод: если мы перенимали у немцев образцы оружия и их тактику, то не перенять ли нам и систему их военного образования? Скажем, методику преподавания в их военных училищах и академиях? Так вот, об оружии немцев и их тактике и стратегии написаны тысячи трудов со всевозможнейшими подробностями. Мы уже знаем, что 37-мм противотанко-

вая пушка немцев имела неофициальное прозвище «дверная колотушка», а короткоствольная танковая пушка — «окурок». Во как глубоко мы копаем во всех подробностях той войны! А вот о военном образовании немецкой армии — о том, где и как немцы обучали своих офицеров и генералов, — неизвестно практически ничего! Это самая большая тайна отечественной военной истории. И эта тайна обеспечивает безбедное существование всей системе нашего военного образования. А это очень немало генералов и офицеров на непыльной работе с хорошим доходом, да еще и обеспечивающих остальных генералов и офицеров справками для карьерного роста.

Особенно тяжело завести в армии новые порядки, не воспринимаемые системой, во время войны. И дело не в том, что диктатору страшно за свою жизнь, дело в том, что недовольные генералы могут предать и перейти на сторону врага. И это будет только дуракам казаться, что генералы предадут диктатора, на самом деле они предадут народ. Не верите в предательство генералов? На том свете расспросите об этом Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи.

Не хотите ждать этой беседы с покойными диктаторами? Расспросите конгрессменов США о причинах их странного поведения в известных событиях 11 сентября 2001 года. Напомню, сразу после терактов на фоне всеобщих требований к Конгрессу расследовать эти события и выяснить, кто совершил теракты, конгрессмены США получили по почте конверты со спорами сибирской язвы. Началась паника, Конгресс США впервые в своей истории прервал работу и сбежал из Капитолия. Спустя некоторое время выяснилось, что это споры штамма сибирской язвы, находящегося на вооружении армии США. Спросите, почему конгрессмены не расследовали, кто послал им эти споры и какое отношение к этим посылкам имеет армия США? Ведь особенно жестоко сражается система, если реорганизация угрожает посягнуть на должности и доходы руководящего состава системы, как Конгресс США накануне терактов 11 сентября попытался посягнуть на сокращение расходов на армию и спецслужбы США.

Вернусь к рассказу Мартынова и Редигера о русском генерале Поппене, отказавшемся идти на войну с японцами. Редигер сообщил и отношение к Поппену самого крутого диктатора — российского самодержца Николая II: *«Военный министр Сахаров мне рассказал, что государь приехал благословлять в поход бывшую дивизию Поппена, которой тот еще не сдал. Поппену, стоявшему на правом фланге, государь не подал руки»*. Казалось бы, при таком отношении царя к поступку

Поппена — разжаловать и в штрафной батальон! Но нет, Мартынов пишет: *«Ничуть не бывало, ему тотчас же дали другую дивизию, оставшуюся в России!!! Мало того, как нам известно, этот генерал, доказавший свою бездарность, полное незнание дела и отсутствие чувства долга, был зачислен кандидатом на высшую должность, которая, по идее, должна предоставляться лишь выдающимся офицерам Генерального штаба. ...Такого рода факты происходили и во время войны — генералы Генерального штаба, выгнанные из армии за полную непригодность, по возвращении в Россию получили соответствующие, а иногда и высшие назначения»*. Редигер это сообщение подтверждает: *«...Ему дали другую дивизию в Риге. ...Поппен все же остался на службе не только во время войны (когда отставок не было), но и после ее окончания»*.

Встаньте на позицию российского генералитета — уволить в отставку генерала, честно служившему царю на всех учениях и парадах, да еще и закончившего Академию Генштаба, и уволить только за то, что он бездарен и воевать не хочет? Как это можно?! Так же всех кадровых офицеров и генералов можно уволить! Нет, Армия Российской империи такого поступка императора Николая II не поняла бы! Вот вам и вся власть диктатора над организацией.

Я уже написал, что для изменения порядков в крупной организации даже диктатору нужна опора внутри ее — нужны «свои люди», безусловно разделяющие стремления начальника к реорганизации. У советской власти такие люди были — советская власть создала институт комиссаров. Но это тоже была бюрократическая организация, быстро ставшая чем-то вроде рода войск армии с традициями русской императорской армии. А надо сказать, что если вы создаете бюрократическую организацию для решения какой-либо проблемы, то эффект от нее может быть только в первое время — пока живы энтузиасты решения этой проблемы. А дальше эта организация начинает все быстрее и быстрее решать иную проблему — проблему обеспеченной жизни для своих членов.

Выше я сообщил, что в Красной армии командирские должности на 53% были укомплектованы императорскими офицерами, в данном случае можно даже подчеркнуть: всего на 53%, и они находились под контролем комиссаров. А в Белой армии командирские должности были укомплектованы императорскими офицерами и генералами на 100%. Причем высшими генералами и офицерами, занимавшими высокие военные посты еще в Первую мировую войну и свободными от комиссарского контроля. Кроме того, Белой армии оружием,

обмундированием и техникой, а порою и интервенцией помогал весь мир. Тем не менее в гражданской войне победила Красная армия — та, в которой доля императорских образованных офицеров оказалась ниже. Понятно, что причина победы красных была не в этом, но, читая Мартынова и понимая, что это были за военные специалисты, понимая, как они воспринимали чувство долга, приходишь к выводу, что «военное мастерство» забюрокраченных кадровых офицеров русской армии тоже сыграло определенную роль в победе красных в Гражданской войне.

Вот такой штрих. Под началом адмирала Колчака в 1919 году собралось до миллиона человек. Военный министр в правительстве Колчака, барон А. Будберг, 4 июля сделал в дневнике запись: *«Для меня ясно, что в неуспехе фронта виноваты те, которые позволили армии распухнуть до 800 тысяч ртов при 70–80 тысячах штыков»*. То есть на одного какого-то поручика Ржевского на фронте было 10 Поппенов в тылу. И Колчаку сломать традиции русской армии оказалось не под силу.

Однако и в делократической системе управления — в армии единоначальников — тоже имеют место конфликты, правда несколько иного рода.

Конфликты единоначальников

Если смотреть на эту самостоятельность немецких генералов и офицеров с позиций не армии, а экономики, то генерал или офицер немецкой армии ставился в положение частного предпринимателя, правда действующего в общей системе Госплана. Такой предприниматель (если бы где-то имелась такая структура Госплана с предпринимателями) имел бы полную свободу действий на выделенном ему участке рынка, но он одновременно был бы защищен от неудач оказанием ему помощи вышестоящим начальником (гипотетическим Госпланом).

Таким идеальным с точки зрения данного положения устава немецким полководцем, как бы свободным предпринимателем, и был поминаемый фельдмаршал Манштейн, который с авантюрной наглостью брался за решение задач, бывших ему не по силам, но будучи в уверенности, что вышестоящее командование ему поможет в случае неудачи. И действительно, до определенного времени ему помогали — под Сольцами дивизией СС, в Крыму воздушным флотом. На Восточном фронте авантюры Манштейна удавались ему почти полтора года — до Сталинграда. А в 1944 году Гитлер снял его со всех должностей. Почему?

Просто есть генералы, которые посылают солдат в бой (скажем высоким штилем) во имя славы их Родины, а есть генералы, которые посылают солдат в бой во имя собственной славы — во имя себя любимых. И все у них хорошо получается, пока эту победную славу можно получить. Но как только появляется противник, которого этот генерал разбить не может, вот тут у генерала и появляется соблазн воспользоваться своей самостоятельностью и, чтобы избежать позора поражения, не выполнить задачу, поставленную командованием, — наплевать на его замысел.

Таким образом, предоставление на практике полной творческой свободы подчиненным зависит от подчиненного — он обязан твердо понимать, что ответственность за реализацию общего плана лежит на начальнике, и вся свобода подчиненного ограничивается, если его «творчество» исключает или мешает начальнику выполнить стоящую перед ним задачу. Вот это и привело впоследствии к конфликтам между Гитлером и генералами. Да и не только Гитлера.

Это уклонение от исполнения приказа начальника может вызвать вопрос: а разве в армии начальник не способен заставить подчиненного исполнить свою волю?

Давайте отвлечемся от немцев и рассмотрим пример такого конфликта из истории управления войсками Красной армии, поскольку существует мнение, что Сталин, как и Гитлер, был неким диктатором, заставлявшим всех генералов тупо исполнять свою волю. Сразу оговорюсь, что на рассматриваемый момент (1941 год) Сталин с военной точки зрения был как бы никем, поскольку до Великой Отечественной войны он в своей жизни самостоятельно никогда не управлял войсками, не планировал военные операции и не учился этому делу. А маршалы и генералы Красной армии были профессионалами, и они осознавали и внутренне гордились этим.

Итак, сентябрь 1941 года, немцы подошли к Ленинграду и прорвались к Ладожскому озеру, полностью взяв Ленинград в блокаду. Многочисленные соединения Красной армии и несколько миллионов мирных жителей Ленинграда были обречены на голодную смерть. Немцы еще не закрепились, поэтому можно было если не разгромить их, то по крайней мере прорвать окружение и восстановить связь с городом. В принципе, можно было выбрать несколько направлений прорыва, но Генштаб РККА и Сталин, только начавший осваиваться в должности Верховного главнокомандующего, выбрали направление через станцию Мга. Поэтому изнутри окруженного Ленинграда в этом же направлении должен был повести вой-

ска на прорыв и командовавший окруженными в Ленинграде войсками генерал Г. Жуков. Почему Генштабом и Сталиным был выбран прорыв через станцию Мга? О причинах можно догадаться, взглянув на карту.

Станция Мга в блокаде Ленинграда была ключевым местом, поскольку это был узел железных дорог, не только связывающий Ленинград с Большой землей, но и связывающий железной дорогой тылы немцев с их соединениями, прорвавшимися к Шлиссельбургу — к Ладожскому озеру. Взять станцию Мга значило не просто деблокировать Ленинград, быстро восстановив железнодорожное сообщение с ним, но и фактически окружить шлиссельбургскую группировку немцев. То есть Генштаб и Сталин планировали совместить прорыв блокады с нанесением немцам крупных потерь. Немцы, взяв эту станцию 30 августа, разумеется, это понимали, поэтому укрепляли станцию Мга — этот ключевой пункт — с каждым днем все сильнее. Время не ждало! И вот 16 сентября 1941 года в 23 ч 30 минут у Сталина и начальника Генштаба РККА маршала Шапошникова состоялся телеграфный разговор с командующим 54-й армией маршалом Г. Куликом, командовавшим советскими войсками с внешней стороны немецкой блокады:

«ВОЛХОВСТРОЙ. У аппарата маршал Кулик.

МОСКВА. У аппарата Сталин и Шапошников. Здравствуй-те. Мы познакомились с вашим последним приказом, где вы предполагаете нанести сначала главный удар по шлиссельбургской группировке и затем выйти на р. Мга.

Мы считаем, что вам необходимо оставить заслон со стороны Шлиссельбурга, главными своими силами ударить в направлении станции Мга, прикрывшись одновременно на своем левом фланге со стороны Шапки, Сологубовка. И затем не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым.

В своем разговоре с вами 15 сентября Жуков обрисовал вам его положение, и поэтому вашу операцию затягивать нельзя. Все.

КУЛИК. Здравствуйте. Главный удар наносю тремя дивизиями и горнострелковой бригадой в направлении Мги, прикрываясь справа в направлении Шлиссельбурга, обеспечивая себя слева в направлении Турышкино.

Детальный приказ [с указанием] разгранлиний [между] дивизиями будет вам сейчас передан. Повторяю, противник имеет вдоль железной дороги и в районе Славянка, Вороново, компактно 21 пд и 12 тд. Эти две дивизии противник дер-

жит сосредоточенно, седлая железную дорогу Славянка — Вороново. Главной задачей ставлю: разбить эти две дивизии, только тогда можно захватить станцию Мга. Завтра в 10.00 перехожу в наступление. Сегодня только закончили всю организацию по наступлению.

Части заняли исходное положение, отработано в деталях взаимодействие. Все.

ШАПОШНИКОВ. Хорошо. На днях, после укомплектования, из Калинина вам будут поданы еще две боевые дивизии. Все».

Как видно из этого разговора, у Кулика был некий свой план боев. Этот план не исключал прорыва к Ленинграду, но через Шлиссельбург. Какая-то логика в этом видна: при ударе на станцию Мга немцы будут угрожать войскам его армии с обоих флангов, а Шлиссельбург находился на правом фланге его армии, и при ударе в его направлении правый фланг его наступающих войск будет прикрыт Ладожским озером. Правда, одновременно Кулик вел активные бои и в направлении Вороново, находившегося на левом фланге его армии. Если попытаться понять, что Кулик хотел, то, скорее всего, Кулик делал все, чтобы предотвратить окружение его 54-й армии немцами. Ведь хотя война недавно началась, но Кулику уже не посчастливилось попасть в окружение. В самом начале войны его послали на Западный фронт организовать по немцам контрудар силами 3-й и 10-й армии, но эти армии были разгромлены немцами, а сам Кулик две недели лесами выходил из окружения. Вот я и думаю, что для Кулика было главным избежать вторичного позора окружения, а взятие станции Мга, находившейся в центре его войск, для него было второстепенной задачей.

Но, как бы то ни было, но вы видите: Кулик подтвердил Сталину, что немедленно приступит к боям за станцию МГА, то есть фактически обманул.

Прошло 4 дня, и 20 сентября 1941 года в 23 часа состоялся новый телеграфный разговор, в интересующей нас части он таков:

«ВОЛХОВСТРОЙ. У аппарата маршал Кулик...

СТАЛИН. ...[Просьба к вам представить сегодня же ваш план взятия станции Мга и соединения с Ленинградским фронтом с обозначением сроков продвижения по дням.

КУЛИК. Прошу разрешения представить завтра к исходу дня, так как я послал для рекогносцировки местности командиров, с учетом прихода новых дивизий.

СТАЛИН. Какая вам рекогносцировка нужна? Вам надо все силы направить на разгром противника в районе Мги и дальше.

КУЛИК. Я разведываю район Малукса и северо-восточнее. Хочу найти фланг противника, чтобы [его] не терять.

СТАЛИН. В поисках флангов вы можете упустить время, а за этот период немцы могут взять Ленинград, и тогда никому не нужна ваша помощь. В эти два дня, 21 и 22, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами.

КУЛИК. Я имел в виду перейти в наступление после прихода новых дивизий, так как существующие силы оказались недостаточными. Точно не знаю, когда придут дивизии и танковая бригада. Только вернулся с боя. Целый день шел сильный бой за взятие Синявино и за взятие Вороново. Противник переходил несколько раз в контратаки и, несмотря на губительный огонь с нашей стороны (я применял сегодня оба [дивизиона] РС), ввел все резервы, но успеха не имел. На фронте сейчас противник заменил свои части, то есть 20-ю, 21-ю дивизии новыми 126-й и 122-й дивизиями и отдельной бригадой, которые дерутся гораздо [более] стойко, чем те, которые мы хорошо побиили. Вчера, чтобы спасти свое положение, противник устроил парад своей бомбардировочной авиации (более ста самолетов компактно) и ударил по нашим тылам. Боевые порядки частей он не затронул, так как они очень близко подошли к противнику и фронт зигзагообразный.

СТАЛИН. Новые дивизии и бригада даются вам не для взятия станции Мга, а для развития успеха после взятия станции Мга. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды.

КУЛИК. Докладываю, что наличными силами, без ввода новых частей, станции Мга не взять. За четыре дня боев у нас убыло около 10 тыс. убитыми и ранеными. Поэтому я сегодня приказал закрепиться на существующих позициях, зарыться в землю и завтрашний день приводить части в порядок и влить пополнение. Повторяю, что эти четыре дня боя были очень жестокими, где перемалывалась живая сила с обеих сторон, и противник уже к концу третьего дня боя заменил побитые дивизии новыми. Вот обстановка на данный момент.

СТАЛИН. Как видно, вы даете передышку побитому противнику. Этим вы укрепляете противника и затрудняете для ближайшего времени свое продвижение вперед. Это очень плохо. Давайте поскорее ваш план дальнейшего наступления с обозначением сроков продвижения. Какого числа представите план?

КУЛИК. 21 сентября к 20.00.

СТАЛИН. Представьте утром 21 сентября к 12 часам.

КУЛИК. Хорошо.

СТАЛИН. Всего хорошего. Сталин, Шапошников.

КУЛИК. Всего хорошего. Кулик».

Итак, даже через 4 дня после обещания немедленно начать наступление только на станцию Мга Кулик и не собирался это делать, «повесив Сталину лапшу на уши», что ему, дескать, нужно провести рекогносцировку (визуальную разведку местности и противника). Это как понять?

Как видите, Кулик докладывает, что он ведет бои за взятие Синявино, а это все то же шлиссельбургское направление — правый фланг. И одновременно Кулик ведет бои на своем левом фланге, и не оборонительные, а пытаюсь и там взять у немцев Вороново. И эти бои, организуемые Куликом, ни на шаг не продвинувшие дело деблокады Ленинграда, уже стоили Красной армии 20 тысяч человек потерь!

Кулик упорно не исполнял приказ Ставки! Повторю, скорее всего, он всячески пытался исключить окружение своей 54-й армии. Ему, одному из всего пяти маршалов СССР, второй раз потерять армию и выходить из окружения было оскорбительно. Думаю, что Кулик не верил в свои способности отбить у немцев станцию Мга, а доложить об этом Сталину не позволяла маршальская гордость.

26 сентября Сталин принял решение снять Кулика с должности командующего.

Но что тут, помимо неспособности подчиненного, еще нужно понять, чтобы понять и начальников? Даже если подчиненный и способен исполнить задачу, но у него имеется свой план боя, то настаивать на исполнении задачи, поставленной начальником, чрезвычайно опасно. Вы же фактически объявляете подчиненному, что он, гордящийся собою специалист, не способен исполнять свои обязанности — не способен придумать план. И подчиненный из уязвленного самолюбия пойдет на саботирование исполнения вашего приказа, а если вы совершите над ним насилие — заставите его, то он исполнит ваш приказ формально и так, чтобы дело окончилось поражением, и только потому, чтобы показать, что это вы дурак, а не

он. Такой подчиненный гораздо опасней для дела, чем тот, который верит вам безусловно и поэтому исполняет ваш вариант приказа со всею старательностью.

Как видите, Сталин, вообще-то, действовал по-немецки — ставил в своих приказах задачи ясно и в общем виде, без указания, как их исполнять, и давал командующим свободу самим разработать планы исполнения этих задач: *«Просьба к вам представить сегодня же ваш план взятия станции Мга»*. Но, главное, это хороший пример для объяснения того, почему к 1943 году «старые маршалы» СССР, в том числе и такие выдающиеся, как С. Буденный и С. Тимошенко, перестали командовать войсками. Сталин и Генштаб не имели у них того авторитета, который требуется для беспрекословного принятия к исполнению задач, поставленных в приказах Ставки.

У немцев начались аналогичные конфликты после их поражения под Волховом, Москвой, Ростовом и Ельцом осенью 1941 и в зиму 1941–1942 годов. Пока у немцев был морально нестойкий противник, то со свободой и творчеством генералов все было хорошо, но когда по немецким генералам был нанесен по-настоящему сильный удар со стороны РККА, то Гитлеру пришлось остановить творчество своих генералов, выразившееся во всеобщем отступлении немецких войск. Остановил Гитлер бегство немецкой армии жестоким «стоп-приказом», за которым последовало снятие с должностей командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта, командующего 2-й танковой армией немцев генерала Гудериана, а потом еще около 200 немецких генералов, включая начальника Генштаба сухопутных войск Германии Гальдера.

Так что свобода свободой, а приказ начальника выполнять надо!

Хотя то, какие принципы управления войсками немцы вкладывали в головы своих офицеров, я уже и изложил статьими устава, но все равно суммирую их аналитической работой немецкого генерала.

Сто лет воспитания

Во всех книгах по делократии, да и по истории войны я приводил в пример короткую главку из труда немецкого генерал-майора Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933–1945». Вот что он сообщает по вопросам управления немецкой армией и в чем, кстати, никто из известных мне исследователей до сих пор не видит ничего интересного:

«То обстоятельство, что нашей воле противостоит независимая и часто трудно распознаваемая воля противни-

ка, создает в войне атмосферу неопределенности и является причиной постоянной измененной обстановки. Различные трудности, возникающие при реализации принятого решения, и не в последнюю очередь огневое воздействие противника, еще больше усиливают неопределенность, мешая точно предвидеть ход борьбы. Как бы тщательно ни продумывалось использование всех средств с целью выяснения действительной обстановки, определения замысла противника и осуществимости собственного решения, всегда будет оставаться сфера напряженной неопределенности, которая должна восполняться способностями и усилиями командиров и подчиненных. Перед такого рода трудностями, не всегда поддающимися точному учету и предвидению, стоит каждый военачальник, будь то командующий войсками какого-либо театра военных действий, командир батальона или командир самого мелкого боевого подразделения.

Командир каждой части, ведущей боевые действия, имеет свое собственное, постоянно меняющееся представление об обстановке, о замысле и возможностях противника и своих возможностях.

Основой действий командира остается принятое им решение, которое определяется боевой задачей и личными способностями данного командира. Задача формулируется в приказе. Чем выше по должности командир, получающий приказ, тем в течение большего времени приказ должен сохранять свою силу с момента его получения и тем большую свободу он должен предоставлять в выборе способа его выполнения, так как необходимо, чтобы принимаемые меры соответствовали постоянно изменяющейся обстановке. Речь идет, таким образом, о том, чтобы командир, отдающий приказ, заблаговременно и четко определил цель, которой он хочет достичь, и предоставил бы подчиненному возможно большую свободу действий при реализации этого решения. Не безвольное подчинение и следование букве приказа, в котором невозможно предусмотреть всех перипетий борьбы, а лишь инициативные действия командира, направленные на осуществление замысла вышестоящего начальника, в состоянии преодолеть громоздкость современной массовой армии и обеспечить использование ее с максимальной эффективностью.

Генерал-фельдмаршал граф Мольтке исходил именно из этого, отдавая свои классические лаконичные директивы армиям во время войн 1866 и 1870 годов. Но ему на собственном опыте пришлось убедиться в том, что практическое приме-

нение этого способа действий предполагает более основательную подготовку командиров всех степеней, чем она была в его время. Поэтому вся его многолетняя дальнейшая деятельность в мирное время и деятельность его преемников были посвящены этой подготовке, имевшей своей задачей:

а) добиться единого подхода к рассмотрению обстановки (оценка обстановки и принятие боевого решения) всеми командирами, б) **избегать всякого сковывающего схематизма** в вопросах управления войсками в бою и в) **развивать у всех командиров самостоятельность мышления и действий.**

В итоге сочетание свободы в осуществлении боевых задач, предоставляемой командиру-исполнителю, и личной инициативы последнего стало особой отличительной чертой и фактором силы прусско-немецкой армии. Чрезмерное увлечение той или иной стороной, имевшее иногда место, не меняло существа дела. Чем с большей эффективностью велось обучение и воспитание командного состава в этом направлении, тем с большей уверенностью, быстротой и гибкостью войска могли выполнять свои боевые задачи. Кроме того, это позволяло командованию учитывать в своих расчетах смелость действий как дополнительный фактор и реализовать скрытые потенциальные возможности, которые таятся в любой обстановке, но которые редко удается своевременно распознать и использовать в своих целях. И наконец, тем большей была возможность поставить противника в зависимость от своей воли, то есть, другими словами, обеспечить за собой наряду с материальными факторами силы возможно больше других предпосылок для достижения успеха.

Принцип единоначалия в управлении войсками, не допускавший побочных путей отдачи приказов и приказаний, а также свобода принятия решений давали общевойсковому командиру возможность уверенно проводить свое решение в жизнь. В сухопутной армии, в отличие от высших органов ОКВ, этот принцип неограниченной командной власти проводился, как и прежде, с достаточной последовательностью.

Из поколения в поколение (и, в частности, после 1918 года и после 1935 года уже в новой сухопутной армии) в процессе практической учебы велась систематическая работа по усовершенствованию и внедрению описанных принципов управления войсками в их гармоничном взаимодействии друг с другом. Эта работа принесла свои плоды в кампаниях 1939 и 1940 годов, а также в операциях 1941 года на Балканах и в Северной Африке. Она же явилась одной из предпосылок того,

что сухопутная армия смогла начать свой роковой поход против Советского Союза, имея недостижимый для того времени уровень боевого мастерства, обладая большим опытом и уверенностью в своих силах. Ее руководство также с уверенностью начало эту войну, несмотря на то что противник имел огромное численное превосходство».

Насчет огромного численного превосходства — это немцы себе льстят, чтобы как-то оправдать свое итоговое поражение от войск Красной армии. Но куда денешься от фактов, ведь немцы все же нанесли нам тяжелейшие потери. Еще раз сравните: немцы учили своих офицеров *«избегать всякого сковывающего схематизма»*, а русская Академия Генштаба, по словам генерала Мартынова, *«вместо практических деятелей ...воспитывает доктринеров»*. Немцы сто лет воспитывали в своих офицерах *«самостоятельность мышления и действия»*, а у нас *«инициатива безжалостно подавляется в академии»*.

И еще раз особо следует подчеркнуть: процесс воспитания творцов — это очень медленный процесс.

В итоге получается, что немцы уже с середины позапрошлого века начали совершенствовать управление своей армией с целью суммировать творческое начало как можно большего числа военнослужащих, и это совершенствование привело к делократизации управления немецкими войсками. А это, в свою очередь, раскрыло (насколько это вообще возможно) творческий потенциал всей немецкой армии, что и предопределило превосходство немецкой армии в части управления войсками над всеми армиями мира в начальный период Второй мировой войны.

Мало этого, такое коллективное творчество не могло не сказаться и на подготовке армии к войне — на разработке идей того, как в войне победить — на разработке тактики и оперативного искусства.

Однако во всех этих уставных положениях немцев тоже нет ничего особо нового, чего бы в тех или иных вариациях не было в уставных положениях армий — противников немцев. И остается вопрос: почему только у немцев эти положения работали в полную силу? И ответ один: потому, что немцы потратили сто лет воспитания своего офицерского состава, для того чтобы достаточная часть генералов и офицеров все же восприняли предоставляемую им свободу единоначальника и воспользовались ею.

Подготовка офицеров армии

Поскольку вы видите, насколько огромное значение для победы в бою имеет подготовка офицеров и генералов, то так или иначе нужно коснуться вопросов подготовки немецких офицеров.

В 1946 году проходил так называемый Нюрнбергский процесс — суд над руководителями нацистской Германии и ее высшим генералитетом. Прокурором от СССР был Р. Руденко, и совершенно очевидно, что для допроса начальника штаба всех вооруженных сил Германии фельдмаршала В. Кейтеля, состоявшегося 5 апреля 1946 года, наш прокурор разработал понятный русскому человеку план. Он решил усугубить вину В. Кейтеля тем, что Кейтель, в понимании Руденко, окончил много военно-учебных заведений (иначе как бы он стал начальником Генштаба?), а Гитлер всего-навсего ефрейтор, а посему и вина Кейтеля в развязывании войны чуть ли не больше, чем вина Гитлера. И вот, надев на мозги эти наши русские шоры, Руденко смело начал допрос с выпрашивания названий военных училищ и академий, которые Кейтель, по уверенности Руденко, обязательно должен был закончить, чтобы стать фельдмаршалом. Этот допрос звучал так:

«Руденко: Подсудимый Кейтель, уточните, когда вы получили первый офицерский чин?

Кейтель: 18 августа 1902 года.

Руденко: Какое вы получили военное образование?

Кейтель: Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры, служил сначала простым солдатом и, пройдя затем все следующие чины — ефрейтора, унтер-офицера, — стал лейтенантом.

Руденко: Я спросил вас о вашем военном образовании.

Кейтель: Я был армейским офицером до 1909 года, затем около шести лет полковым адъютантом, во время Первой мировой войны я был командиром батареи, а с весны 1915 года находился на службе в генеральном штабе.

Руденко: Вы окончили военную или другую академию?

Кейтель: Я никогда не учился в военной академии. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в так называемых больших командировках генерального штаба, летом 1914 года был откомандирован в генеральный штаб и в начале войны 1914 года возвратился в свой полк».

Как видите, получился разговор глухих: Кейтель не понимал, чего от него хочет Руденко, а Руденко не понимал, как такое может быть, что у фельдмаршала Кейтеля и ефрейтора Гитлера одно и то же формальное военное образование: ни

тот, ни другой не оканчивали никаких военных училищ и академий. Не оканчивали их по той простой причине, что в Германии по меньшей мере до конца Второй мировой войны ничего подобного не было.

То есть не было никаких военно-учебных заведений, куда с улицы мог поступить штатский человек, поприблизиться несколько лет на занятиях, сдать экзамены и стать офицером. Не было также никаких учебных заведений, в которых бы офицеры делали то же самое с целью получить некий академический диплом, который бы потом учитывался при продвижении их по службе, не было военных академий. Тогда что было и как немцы готовили офицеров, спросите вы.

Расскажу то, что я понял, исследуя этот вопрос, а понял я следующее.

Возьмем для примера несколько биографий немецких офицеров, которые удосужились рассказать хоть что-то о своей подготовке.

Начнем с биографии немецкого офицера, майора Бруно Винцера. Из-за тяжелого материального положения в охваченной кризисом Германии, не закончив полного курса среднего образования и воодушевленный военной романтикой, он в возрасте 19 лет 13 апреля 1931 года вступил в рейхсвер — маленькую сотысячную армию догитлеровской Германии. Вступил, заключив контракт сроком на 12 лет: *«Мы получали в месяц на руки пятьдесят марок на всем готовом и при бесплатном жилище. Это были большие деньги. Кружка пива стоила пятнадцать, а стакан шнапса — двадцать пфеннигов. Пособие, которое получал безработный на себя и на семью, не составляло и половины нашего жалования»*. Это жалование при 1/3 стоимости проезда в поездах Винцер получал первые два года службы. А затем *«1 апреля после двухгодичной службы наступил срок ...первого присвоения нового звания. Мы были произведены в старшие стрелки, получили нарукавную нашивку и большой оклад»*.

Поступившему в армию и желающему сделать в ней карьеру, помимо желания, был важен образовательный ценз — какое учебное заведение рекрут закончил до зачисления на службу. Но в немецкой армии можно было сделать карьеру командира, то есть офицера, и карьеру солдата — умелого бойца. Карьера умелого бойца вела к поочередному получению званий: ефрейтор, обер-ефрейтор, гаупт-ефрейтор, штабс-ефрейтор. Карьеру бойца можно было сделать с любым образованием — хоть с низшим, хоть с высшим, — было бы желание.

С таким же образованием можно было сделать и командирскую карьеру, но только карьеру младшего офицера, по-

очередно выслужив звания: унтер-офицер, унтер-фельдфебель, фельдфебель, обер-фельдфебель, гаупт-фельдфебель, штабс-фельдфебель. А вот стать, так сказать, настоящим офицером — лейтенантом — можно было только с полным средним образованием. Если оно было, как у Винцера, неполным, то можно было стать только командиром взвода, то есть фельдфебелем, пройдя, само собой, должность командира отделения (унтер-офицера).

Винцер описывает внутреннюю дилемму, которая в нашей армии совершенно отсутствует:

«Еще через два года можно было стать ефрейтором и получить вторую нашивку. И вот тут-то солдат и оказывался на пресловутом “распутье”».

Направо дорога вела через кандидатский стаж к званию унтер-офицера, унтер-фельдфебеля, фельдфебеля и обер-фельдфебеля.

Налево — к званию обер-ефрейтора и штабс-ефрейтора вплоть до конца срока службы.

По первому пути могли пойти относительно немногие, так как число запланированных должностей было ограниченным. Борьба за эти посты побуждала к достижению наиболее высоких показателей.

..Я хотел не только идти по пути, предназначенному унтер-офицеру, но и выбраться на офицерскую дорогу».

Как я полагаю, Винцер пишет для немцев, а посему не поясняет им то, что немцу и так понятно, а переводчики переводят не совсем то, что хотел сказать автор. Скорее всего, речь идет не о «кандидатском стаже», о котором впоследствии ни Винцер, ни другие мемуаристы никогда не вспоминали ни в каких случаях, а о статусе «кандидата», причем статус кандидата имели и те, кто хотел стать ефрейтором.

Но, как видим, чтобы стать офицером, помимо образовательного ценза, нужно было, чтобы в части, в которой ты служишь, была вакансия кандидатской должности на звание офицера.

Перву рассказ майора Винцера на рассказ о своей подготовке немецкого генерал-лейтенанта В. Мюллера. Сын баварского мастера-кожевника, владельца предприятия и депутата, Мюллер в 1913 году окончил католическую гуманитарную гимназию, то есть получил полное среднее образование. И захотел стать офицером. Однако:

«Когда я откровенно высказал родителям желание сделаться офицером, они заколебались и даже отнеслись к этому отрицательно. Отец сразу же заявил, что это не для меня.

Офицерский корпус состоит из дворян и сыновей офицеров и чиновников. Кроме того, у нас нет никаких связей с военными кругами, а без протекции меня едва ли примут в армию, да если и примут, то выше звания майора я не дослужусь.

...Отец категорически отказался использовать свое влияние как депутат баварского ландтага, чтобы меня зачислили в армию фанен-юнкером (кандидатом в офицеры). После долгих уговоров мои родители согласились наконец, чтобы я сделался офицером.

1 октября 1913 года я поступил в 1-й (баварский) саперный батальон в Мюнхене в качестве добровольца-одногодичника. Мои многочисленные прошения о зачислении фанен-юнкером, с которыми я обращался в различные войсковые части, несмотря на увеличение численности армии, отклоняли под предлогом отсутствия вакансий. Правда, прошения я подал поздно, в конце 1912 — начале 1913 годов. Быть может, были и другие причины отказа, например мое социальное происхождение.

Под командой унтер-офицеров началась настоящая муштровка: “Ложись! Встань! Ложись! Встань!” — и тому подобные практические занятия. Иной раз, когда я плохо или якобы плохо выполнял упражнения, меня заставляли пробежать сто метров, крича при этом: “Эти добровольцы-одногодичники — величайшие в истории идиоты!”. Иногда, проиштрафившись, я должен был влезть на дерево, росшее на казарменном дворе, и до хрипоты кричать: “Я сижу там, где обитали мои предки!”.

...Благодаря знакомству с одним офицером мне удалось в январе 1914 года перейти в качестве фанен-юнкера в 13-й (вюртембергский) саперный батальон в Ульме, где как раз освободилось место.

...Из этой роты в мае 1914 года я в звании унтер-офицера, чрезвычайно довольный военной службой и убежденный, что избрал правильный путь, был командирован в Королевское прусское военное училище в Касселе, где меня и застало начало войны.

...В последние дни июля 1914 года, повредив во время спортивных занятий колено, я лежал в гарнизонном лазарете в Касселе. Родом из Баварии, я в чине фенриха 13-го вюртембергского саперного батальона в Ульме с мая 1914 года находился в прусском военном училище в Касселе».

Итак, подготовка Мюллера: три месяца муштры солдатом до момента, пока появилась должность кандидата в офицеры (в другой части), пять месяцев службы до получения чина

унтер-офицера, два месяца в техническом училище, но уже в должности фенриха — унтер-офицера, ожидающего офицерской вакансии, фронт, бои и чин лейтенанта.

Итак, если ты в немецкой армии хотел стать командиром, а твое образование было недостаточным, чтобы сразу получить статус кандидата в офицеры, ты становился кандидатом в унтер-офицеры, по-немецки это звучало как «фанен-юнкер унтер-офицер». На солдатском погоне у тебя появлялась серебристая «лычка», как у ефрейторов Советской армии, и тебя ускоренно начинали готовить на должности командира отделения и взвода. Если образования хватало, то ты становился «фанен-юнкером офицером» и у тебя на погоне было две серебристых «лычки», а сам ты имел знаки различия тех званий, которые ты получал по мере прохождения службы и занятия соответствующих должностей, как солдат (ефрейторы отличались нарукавными нашивками, унтер-офицера отличали серебряная обшивка (галун) воротника и длинных сторон погона).

«Фанен-юнкер офицер», полностью подготовленный и уже имеющий унтер-офицерское звание, получал статус «фенрих», то есть «чуть-чуть не офицер», то есть фенрих имел статус офицера, ожидающего вступления в должность (скажем, его форма отличалась от формы унтер-офицеров тем, что воротник его унтер-офицерской формы был уже без унтер-офицерского и фельдфебельского галуна, ремень — офицерский, а на фуражке — серебряный офицерский шнур).

В кайзеровской Германии офицеров старались набирать из среды госслужащих, при Гитлере это уже не имело значения.

Образовательный ценз (оконченное среднее образование) важен был только при поступлении на службу, а дальше, если упорно работать, то стать офицером можно было и без него, как стал сам Винцер, но это требовало большего времени службы в доофицерских должностях. Хотя, следует сказать, что и имея полное среднее образование, и желание стать офицером, в немецкой армии им стать было далеко не просто. Образование, по сути, не имело значения — значение имел только ты сам, насколько ты действительно атаман и по военным знаниям, и по всему остальному.

А при поступлении на срочную службу без претензий сделать в ней карьеру ты мог окончить ее и уйти в запас старшим стрелком. Но если ты хотел быть профессиональным военным, то с самого начала службы мог заявить, кем ты хочешь стать, и в таком случае при наличии вакансии ты получал статус кандидата на эту должность, и тебя начинали целенаправленно и ускоренно учить.

Вопрос: кто, какие преподаватели? В немецкой армии не было никаких преподавателей, соответствующего кандидата учили все, кто мог его научить тому, что обязан знать офицер. Так, к примеру, Винцер, будучи фельдфебелем, преподавал на курсах офицеров запаса. Он не учил их «вообще», он был командиром взвода противотанковых пушек и на курсах, организованных на базе его взвода, учил будущих пехотных офицеров запаса устройству противотанковых орудий и тактике их использования.

О военном деле немецкие офицеры знали очень много, и всему этому их учили на практике, учили образно, давая не знания, а умение исполнять то или другое дело. Чтобы не тратить время офицеров полка на индивидуальное обучение будущих офицеров, для всех кандидатов полка в подразделениях, соответствующих очередной теме обучения, организовывали кратковременные курсы, на которых их всех вместе обучали.

Снова возьмем пример из воспоминаний Винцера. Еще на первом году службы он определился, что хочет стать не бойцом (ефрейтором), а командиром — фельдфебелем, поскольку, повторю, образовательный ценз не давал ему права сразу претендовать на должность офицера. Однако рейхсвер готовил офицерские кадры, и с Винцером произошло следующее:

«Вскоре после того, как я вернулся из этого внеочередного отпуска в свою часть, меня вызвали к командиру роты. Там уже собралось несколько унтер-офицеров и солдат. Нам задали вопрос, который мы сначала не приняли всерьез, но затем пришли в восторг:

— Кто из вас хотел бы стать офицером?

Когда все мы — вначале не сразу, а потом единодушно — подняли руки, капитан сказал:

— Не радуйтесь преждевременно, это еще далеко не решенное дело! Пока только краткий опрос, ничего больше. Я просто хотел выяснить, намерены ли стать офицерами те из вас, которые, возможно, для этого пригодны. Благодаря вам, вы можете разойтись. Кроме того, прошу вас об этом никому не говорить!

Все это длилось минуты две. Тем временем мы были зарегистрированы, и вскоре нас стали направлять на различные курсы обучения.

Началось со специального обучения в качестве связных. За этим последовал курс по технике разведки, затем — изучение пулемета; одновременно нас использовали как загонщиков на офицерской охоте, потом откомандировали в каче-

стве ординарцев в офицерский клуб, чтобы ознакомить нас с той обстановкой, в которой мы позднее можем оказаться.

Однажды меня зачислили в группу, которая в уединенном и замаскированном ангаре тренировалась на деревянном орудии. Мы видели эту пушку впервые, и нам строго-на-строго приказали никому о ней не говорить. У нее были обитые железом деревянные колеса, словно она предназначалась для конной тяги: В действительности ей позднее придали резиновые шины, и она стала известна в качестве 37-миллиметрового противотанкового орудия. При деревянной пушке имелся предусмотренный для этого орудия затвор, и мы учились заряжать и разряжать, используя учебные снаряды должного калибра.

...С большим усердием я проходил очередной курс обучения. Он все больше приближал к желанной цели тех из нас, кто в свое время рапортовал командиру о готовности стать офицером. К изучению тяжелых пулеметов и нового, еще засекреченного оружия прибавилось обучение приемам стрельбы из артиллерийских орудий непрямой наводкой.

...Этот парад был последним служебным заданием, выполненным мною в составе 5-й роты. Тотчас же после возвращения я был переведен для дальнейшего обучения и использования в качестве командира отделения в 8-ю пулеметную роту».

Замечу, что все это было на втором году службы, Винцер еще даже звания «старший стрелок» не получил, а его уже, помимо собственно обучения, начали стажировать в качестве командира. В конце концов не через 4 года, а через 3,5 его производят в ефрейторы:

«Присвоение мне звания ефрейтора совпало с переводом в 14-ю противотанковую роту. Эта полностью моторизованная часть только комплектовалась. Поэтому для нее была освобождена церковная школа, расположенная в центре города. В классных комнатах поселились рекруты, унтер-офицеры заняли учительскую и другие помещения. Школьный двор превратился во двор казармы, орудия поместили в гимнастический зал, а для автотранспорта были построены новые гаражи. Машины, орудия, пулеметы и другая боевая техника имелись в полном комплекте. Пахло свежей краской. Я рапортовал командиру роты:

- Ефрейтор Винцер переведен в 14-ю роту!
- Когда вы произведены в ефрейторы?
- Десять дней назад, господин капитан!

— Вы будете командиром орудия. Вы уже знакомы с новыми противотанковыми пушками?

— Так точно, господин капитан. Я обучался этому два года.

Вопрос был излишним — на столе лежало мое личное дело. Я заметил, что командир его изучил, когда он продолжал:

— Вы вообще прошли ряд различных курсов обучения. Имеете ли вы водительское свидетельство?

— Нет, господин капитан!

— Немедленно наверстать. Явитесь к заведующему техническим имуществом! После службы — курсы шоферов, понятно?

— Так точно, господин капитан!

Все частные школы шоферов в городе были привлечены к делу, и мы ежедневно до поздней ночи набивали наши учебные километры, разъезжая по городу и окрестностям. Примерно за две недели я с успехом закончил и этот курс».

Заметьте, что учиться на офицера очень часто приходилось во внеслужебное время, как в данном случае при получении водительских прав. Но у Винцера, в связи с его стажировками на командирских должностях, уже давно звание не соответствовало должности, поэтому после окончания курсов шоферов его немедленно производят в унтер-офицеры, причем с того же дня, что он был произведен в ефрейторы. Как видите, ввиду того, что Винцер выбрал командирское направление службы, ему не только не пришлось выслуживать звания обер-ефрейтора, гаупт-ефрейтора, штабс-ефрейтора, но он и ефрейтором, по сути, не служил — это были не его, командира, звания.

Вообще-то, немецкие офицеры и солдат обучали очень старательно, а тех, кто хотел стать офицерами, гоняли без жалости и даже после службы заставляли работать фактически официантами в офицерском клубе, чтобы будущие офицеры учились тому, как офицер должен себя вести вне службы. Винцер вспоминает: «Нашему командиру, австрийцу по происхождению, представлялось более важным, чтобы мы научились вести себя как “благородные господа”. Мне не только теперь это кажется смешным. И тогда я все это не принимал всерьез и вызвал этим неодобрение адъютанта, дворянина и помещика из Мекленбурга, который должен был привить нам привычки и манеры “высших кругов”.

Меня учили, каким должен быть стол, сервированный согласно правилам приличия, какие бокалы предназначены для белого вина и какие для красного.

Меня учили, как надо приглашать даму на танец, когда надо даму именовать “высочество”, а когда “графиня”, когда “сударыня” и когда такое обращение неуместно».

Став унтер-офицером, Винцер уже мог жениться: *«Финансовое положение унтер-офицера позволяло вступить в брак. Впрочем, полагалось, согласно предписаниям, дожидаться двадцать пятой весны».* Однако по службе у Винцера возникла проблема: он очень долго не мог подтвердить, что его бабушка не еврейка (а после прихода Гитлера к власти с этим стало строго), кроме того, он совершил дисциплинарный проступок и был наказан. Все это вызвало определенные трудности. *«Впредь до получения свидетельства об арийском происхождении меня не продвигали по службе, вероятно, сыграли некую роль и те три дня “на губе”; но я убежден, что мне пришлось бы упаковать чемоданы, если бы не прибыло свидетельство об арийской благонадежности, выданное соответствующей служебной инстанцией гиммлеровских охран-ных отрядов».*

Возобновились занятия на курсах. Сначала я попал на курсы кандидатов в командиры взвода в Вюнсдорфе. Там за нас так крепко взялись и задавали столько письменных работ, что у нас пропадала охота ездить вечером в Берлин.

Зачисление на очередные курсы привело меня на танковый полигон Путлос в Шлезвиг-Гольштейн. Мы обучались взаимодействию танковых подразделений и противотанковой обороне. Для этой цели в нашем распоряжении находились учебные роты, а мы, курсанты, были назначены командирами взводов.

В 1937 году я в качестве командира полувзвода с двумя орудиями участвовал в больших осенних маневрах в Мекленбурге, на которых присутствовал Муссолини».

После этих маневров Винцер стал фельдфебелем (его погон теперь был полностью обшит галуном), а еще через полтора года — обер-фельдфебелем, и когда ему наконец в 1940 году надели серебряные офицерские погоны, у него были все основания написать: *«Этого дня я ждал с начала моей службы, в ожидании этого дня я посещал одни курсы за другими и занимался зубрежкой в свободные часы. Я хотел выбраться из “класса” рядовых — и стал унтер-офицером. Я хотел выйти из “класса” унтер-офицеров — и вот я стал офицером».* Хотя и с этим было не все так просто: Винцер стал офицером на фронте, отличившись в должности командира взвода 37-мм орудий и получив Железный крест. Правда, он стал не лейтенантом, а сразу обер-лейтенантом, и, скорее всего, потому, что начальство видело в нем гауптмана — командира роты.

Винцер шел к офицерскому званию девять лет, пройдя через десятки различных курсов и освоив все командирские должности. Но он был без образовательного ценза, он был «офицером из фельдфебелей», а те, кто имел полное среднее образование, те вступали в армию фанен-юнкерами и становились офицерами гораздо быстрее, и не только помянутый генерал-лейтенант Мюллер.

Фельдмаршал Кейтель стал лейтенантом в 1902 году после 15 месяцев службы, фельдмаршал Паулюс, уйдя с юридического факультета, стал лейтенантом в 1911 году через 18 месяцев, генерал-полковник А. Йодль в 1912 году — через 27 месяцев, генерал-полковник Гальдер в 1904 году — через 24 месяца, генерал-полковник Гот в 1905 году — через 11 месяцев, генерал-полковник Гудериан в 1908 году — через 11 месяцев, фельдмаршал Лееб в 1897 году — через 32 месяца, фельдмаршал Клюге в 1901 году — через 24 месяца, фельдмаршал Рейхенау в 1904 году — через 24 месяца, фельдмаршал Рундштедт в 1893 году — через 15 месяцев и т. д. и т. п. Как видите, отсутствует какая-либо система — каждый становился офицером по мере своей готовности им стать и по мере открытия вакантной офицерской должности.

Интересно, что ни один немецкий мемуарист не вспоминает о сдаче им в армии хоть каких-нибудь экзаменов — полное отсутствие каких-либо формальностей! Тем не менее кандидатов в офицеры каждый раз оценивали и при этом очень строго, а главное, далеко не всегда по их формальной образованности. Я уже упоминал о воспоминаниях Отто Кариуса — командира взвода «тигров». Он пришел в армию из университета весной 1940 года и, описывая марши в период начальной подготовки, пишет: *«Они начались с пятнадцати километров, возрастали на пять километров каждую неделю, дойдя до пятидесяти»*. К началу войны с СССР он был рядовым — заряжающим в танке. Далее Кариус рассказывает:

«Поэтому у меня были смешанные чувства, когда 4 августа 1941 года я получил приказ отбыть в Эрланген, в 25-й танковый запасной батальон. За три дня до этого на погонах моей униформы появился галун унтер-офицера.

В Эрлангене мы сдавали экзамен на права по управлению грузовым автомобилем и танком. Сразу после этого прибыли в Вюнсдорф близ Берлина, чтобы пройти курс обучения кандидата в офицеры.

2 февраля 1942 года мне сообщили, что я не соответствую предъявляемым этим курсам обучения требованиям. Так же как и Герт Мейер и Клаус Вальденмейер из нашего взво-

да, я, конечно же, не принял все это всерьез. Кроме того, был один вопрос, который мне никак нельзя было задавать. Я думал, что мне представился случай доверить свои сомнения классной доске. Но мое начальство вовсе не нашло забавным вопрос: «А офицеры запаса человечны?». Так что мы все еще оставались военнотружущими унтер-офицерского состава и кандидатами в офицеры, когда расстались с курсом обучения. Собственно говоря, нас не слишком это огорчало.

В конце концов, новоиспеченным лейтенантам приходилось нести службу в запасных частях, в то время как мы сразу же были отправлены в наш прежний полк. Нас отпустили со словами ободрения. Наш офицер-куратор, которого мы все боготворили, потому что он был настоящей личностью и относился к своим обязанностям со всей душой, сказал на прощание, что уверен: мы скоро достигнем своей цели на фронте. Там мы сможем гораздо легче доказать, что достойны стать офицерами».

Кариус, правда, не пишет точно, когда именно его сочли достойным стать офицером, но, судя по хронологии, это случилось в зиму на 1943 год. То есть сдача выпускных экзаменов в гимназии и сессионных экзаменов в университете никак не гарантировала прохождение испытаний на звание офицера в армии. Там все было сложнее.

Между тем с получением офицерского звания учеба в немецкой армии не заканчивалась, а скорее продолжалась в том же темпе. Вернемся к воспоминаниям Бруно Винцера. Как только его произвели из обер-фельдфебелей в обер-лейтенанты, тот тут же назначили командовать ротой, и в это время их полк вместо австрийца принял новый командир — пруссак. Винцер пишет:

«Это был строгий командир. Однажды он отвел меня в сторону...

— Я буду иметь вас в виду.

Через несколько недель он командировал меня на курсы ротных командиров в школу танковых войск в Вюнсдорфе под Берлином. Здесь я был обучен тому, чему меня не мог обучить упомянутый мною адъютант в Рейнской области.

В Вюнсдорфе придавалось гораздо меньшее значение обращению с графинями и отвеиванию поклонов; здесь готовились к совсем иному «танцу», о котором мы еще не имели представления».

Между прочим, уже не помню, кто из немцев сказал, что победу Пруссии в войне с Францией в 1871 году обеспечил школьный учитель. Это достаточно расхожая мысль, особенно

в системе народного образования, однако ее никто не разъясняет применительно к собственно армии. Ведь основная масса армии — это солдаты, а тогдашним пехотинцам, кавалеристам, да и основной части рядовых артиллеристов и саперов образование не требовалось — с теми солдатскими обязанностями могли справляться и вообще неграмотные. Речь тут о другом: резкое повышение общей грамотности прусского населения дало возможность отбирать офицерские кадры не только из дворян, но и практически из всех слоев населения, а это значительно увеличило конкуренцию, упростило отбор и резко улучшило командный состав прусской армии. Способные офицеры легко теснили традиционные кадры прусского дворянства за счет более быстрого освоения сложных новинок и быстрой обучаемости. А учиться немецкому офицеру приходилось во время всей службы, поскольку немецкое командование не назначало офицеров ни на какие должности, если не было уверенности, что они с ними справятся, посему обязательно готовило их к этим должностям, невзирая ни на какую тяжелую обстановку на фронте. Из воспоминаний Бруно Винцера следует, что поскольку он уже командовал ротой, то очередное звание не задержалось, и в войне с СССР 1 мая 1942 года он стал гауптманом, успешно командуя уже дивизионом, а летом 1943 года, в разгар сражения на Курской дуге: *«Из управления кадров сухопутных войск прибыл некий майор Прой, которому я должен был передать дивизион, так как меня выделили для прохождения курсов будущих командиров полка».*

По нашим представлениям, Винцера послали в академию, поскольку в послевоенной Советской армии для занятия должности командира полка нужно было три года отучиться в академии. Однако в немецкой армии, вспоминает Винцер, все это выглядело так:

«На курсах командиров полков на танкодраме в Вюнсдорфе под Берлином собралось около ста офицеров из армий и войск СС: капитаны, майоры и несколько обер-лейтенантов.

В течение первой недели должны были состояться учения танкового полка, затем мы должны были отправиться на три дня в Путлос в Гольштейне, где нам предполагали показать новейшие орудия и танки, а также стрельбу из них боевыми снарядами; после этого мы должны были пройти курс обучения в "Ecole militaire" в Париже.

Наступили два знойных месяца во французской столице, о которой мы мечтали, но которую во время нашего обучения почти не видели.

Мы зубрили инструкции, слушали доклады, смотрели фильмы, обменивались опытом и заставляли полки и дивизии совершать походы на ящике с песком или по карте. Для каждого командно-штабного учения нам накануне сообщалась «обстановка», и мы должны были в письменной форме разработать и изложить свою оценку обстановки, предложения и приказы. Вводя новые факторы по ходу командно-штабных игр, проверяли, насколько мы способны быстро принимать правильные решения. От общей оценки по окончании курсов зависело наше дальнейшее использование. Каждый хотел получить квалификацию командира полка, добиться возможно большего успеха, ведь результаты определяли всю дальнейшую карьеру. На этой почве разыгрывалась яростная конкурентная борьба, а усиленные занятия порождали подобие психоза».

Однако судя по тому, что Винцер достаточно неприязненно отзывался о подготовке на этих курсах, и по тому, что он окончил войну гауптманом в прежней должности командира дивизиона, он не сумел успешно окончить эти курсы. Тем не менее отметим, что немецкая «академия» располагалась в трех местах и обучали в ней не более трех месяцев. У нас же война тоже сократила сроки обучения и в академиях, однако и во время войны обучение длилось от 6 до 12 месяцев.

Есть интересная радиограмма сражавшегося в начале 1942 года в окружении под Вязьмой генерала П. А. Белова командующему Западным фронтом Г. К. Жукову (между прочим, сам Белов окончил академию и знал пользу от тамошнего образования):

«Главкому Жукову — 8.5.42.

Командир 2 гвд генерал Осликовский не выполнил моего приказа о вылете ко мне. Затянув дело с отлетом, он, видимо, добился зачисления Академию ГШ. Прошу нарушить мирную жизнь Осликовского и выслать его ко мне командовать дивизией» (гвд — гвардейская кавалерийская дивизия, ГШ — Генеральный штаб).

Я уже писал, что у немцев не было ни военных училищ, ни академий, но вот мне принесли документально-рекламный фильм немецкой киностудии UFA времен Второй мировой войны. Фильм называется «Фанен-юнкер» и начинается с показа марширующих в зимнем камуфляже и с лыжами очень молодых людей, входящих в достаточно большой комплекс многоэтажных зданий с вывеской «Пехотное училище № 1» — так, по крайней мере, перевел переводчик уже с английских титров. Далее идут кадры, как эти счастливые молодые люди

занимаются всеми видами спорта, плавают в закрытом бассейне и тому подобные рекламные виды. Думаю, что о любом нашем военном училище киношники сняли бы точно такой же фильм. Я смутился: неужели и у немцев были такие же училища, как у нас? Училища, в которые принимали выпускников школ и из которых их выпускали офицерами?

Но вот фанен-юнкеров показали в повседневной форме (а в кадр попадало человек 40), и выяснилось, что у всех воротники обшиты галуном, то есть все они были минимум унтер-офицеры. Затем в эпизодах стали попадаться погоны и мундиры крупным планом, и оказалось, что у унтеров погоны пересекаются двумя лычками «фанен-юнкера офицера», а вот у фельдфебелей — не у всех. То есть часть фельдфебелей была из солдат без образовательного ценза. Практически у половины (если не больше) курсантов в пуговичную прорезь кителя была продета ленточка Железного креста 2-го класса, у некоторых висели и кресты 1-го класса, а у одного был огромный шрам на лице. Сомнения исчезли: все они были бывалые воины, фронтовики. В кадры фильма попали четверо преподавателей: один гауптман вел занятия по национал-социалистической идеологии, второй преподавал автодело, третий — тактику, и обер-лейтенант был артиллеристом. Все четверо имели Железные кресты 1-го класса и Штурмовой знак, то есть каждый из них лично ходил в атаку не менее 10 раз. Впечатлило, что все преподаватели были не только заслуженными фронтовиками, но и в невысоком звании, то есть будущих лейтенантов учили их будущей работе те офицеры, которые прекрасно знали эту работу в самом современном ее виде. (Видите ли, можно ведь и маршала поставить обучать лейтенантов, но что он помнит о том, как командовать ротой?) В итоге в этом фильме внешне все было, как и у нас, но внутренне все различалось: здесь не учили бывших школьников «на офицеров» — здесь доучивали «почти офицеров».

Между прочим, выше я цитировал Кариуса, которого отозвали на курсы шоферов и механиков-водителей танков, а потом он около 3 месяцев учился и на курсах офицеров, с которых, правда, не сумел выпуститься лейтенантом. Судя по всему, он учился именно в таком училище, судя по всему, в похожем училище учился и Мюллер.

Подготовка офицеров флота

Моряк-дальневосточник М. Ф. Шугалей подготовил работу, в которой собрал сведения о подготовке офицеров военно-морского флота в США, Великобритании, Германии и Японии.

Что касается немцев, начать, пожалуй, нужно с того, что «... трудовая повинность стала обязательной для всей молодежи в соответствии с законом от 26 июня 1935 года. По этому закону все молодые люди в возрасте от 19 до 25 лет должны были «служить определенное время своему народу в системе государственной трудовой повинности». Это должно было убедить молодых людей в нравственной ценности труда, ослабить классовые противоречия, уничтожить пренебрежительное отношение к простому ручному труду и усилить общественное сознание всех слоев населения.

Выпускники средних 12-летних германских школ получали основательную подготовку по математике (вплоть до дифференциального и интегрального исчисления), физике, химии и другим техническим дисциплинам, поэтому им не требовалась общенаучная подготовка в стенах военных училищ, где изучались только военные и военно-технические предметы. Поступивший на курс молодого бойца кандидат в офицеры вносил залог в 100 марок, который не возвращался, если кандидат отказывался от дальнейшего обучения. Основным звеном в системе подготовки морских офицеров было расположенное вблизи Килия военно-морское училище (ВМУ), с 1919 года готовившее кадры для флота.

Так, бывший командир подводной лодки VII серии Г. Вернер начал обучение в училище во Фленсбурге 1 декабря 1939 года в 20-летнем возрасте. Вместе с ним начали обучение 600 новобранцев. После прохождения первоначальной общей военной подготовки и трехмесячной практики на борту учебного парусника «Хорст Вессель» и еще трехмесячной на боевом учебном корабле — минном заградителе — курсанты его набора распределялись на малые боевые корабли для исполнения обязанностей матросов. За три месяца первоначальной военно-морской подготовки курсанты изучали морскую практику, управление шлюпкой, компасы и навигацию. После обучения на парусных судах кандидатам в офицеры присваивалось звание «зее-кадет».

...На специальных учебно-боевых кораблях курсанты практически осваивали вооружение корабля, участвовали в стрельбах и учились вести дневниковые записи. Каждому курсанту выдавался вахтенный журнал, в который он подробно должен был заносить события на корабле, заносить в него схемы выполненных боевых упражнений и устройство главных механизмов и систем корабля. Навык ведения личного вахтенного журнала (дневника) приучал будущего офицера анализировать события и грамотно составлять отчеты

о проделанной работе. Такими учебными кораблями служили или устарелые броненосцы “Шлезиген” и “Шлезвиг-Гольштейн” или быстроходные минные заградители “Бруммер” и “Бремзе”. Впоследствии для подготовки курсантов были задействованы все оставшиеся в составе флота крейсера. После подготовки на учебных кораблях курсанты распределялись для службы в матросских должностях на боевых кораблях флота. Через год и месяц после набора, первоначальной практической подготовки и службы на малых боевых кораблях (сторожевых кораблях, торпедных катерах, тральщиках и т. п.) кандидаты в офицеры получали звание фенрихов и прибывали в ВМУ».

Итак, после выявления желания стать морским офицером молодые люди тринадцать месяцев не сходили с корабля, причем на учебных кораблях, на которых их учили хоть чему-то офицерскому, они находились, судя по всему, около трех месяцев. Что характерно, учили их не преподаватели: «Командирами учебных кораблей (даже парусных) назначались самые перспективные офицеры. В годы войны многие из них дослужились до адмиральских чинов». На остальных кораблях морские кадеты исполняли матросские обязанности. Но вот, наконец, они попадают в собственно военно-морское училище.

«Там они в течение 5 месяцев изучали военные дисциплины: навигацию, тактику, военную администрацию и технику военного флота, английский язык, а также с ними проводились занятия физической подготовкой, включавшей в себя гимнастику, бокс, фехтование, спортивные игры, парусный спорт, верховую езду и прыжки в воду». Что характерно, при обучении морских офицеров в США и Великобритании тоже обязателен был бокс, в Японии — дзюдо и кэндо (фехтование на мечех). У офицеров вырабатывали агрессивность, или, другими словами, инициативность — решимость первым нанести удар, первым напасть.

«В изучении кораблевождения особый упор делался на переходную астрономию, совершались штурманские походы на небольших (до 1000 т) учебных судах, учебные занятия на шлюпках, под веслами и парусом, на катерах. Основной упор делался на практическое освоение морского дела. Оружие (торпедное и артиллерийское), а также техника флота изучалась поверхностно, и по ним давались только основные сведения. Делалось это потому, что техника на флоте разнообразная и ее всю изучить невозможно». Итак, аж пять месяцев было обучение в училище, из которых значительная часть проводилась курсантами в море! Однако и окончание училища не приводило к вручению погон и банкету.

«После окончания училища фенрихи (аналог отечественного звания гардемарин) распределялись на корабли действующего флота для практического освоения обязанностей офицеров. Этот этап подготовки (offiziershauptrufung) занимал около года. Производство в очередные звания и назначения на офицерские должности производилось в индивидуальном порядке».

И никаких экзаменов и выпускных вечеров в мае! Фенрих становился лейтенантом только тогда, когда командование боевого корабля считало, что он им стал. Не преподаватели, а командиры кораблей! Только когда ОН САМ изучил, к примеру, устройство орудий главного калибра, научился рассчитывать параметры стрельбы, научился командовать расчетом и нести вахту, командир корабля давал отмашку — годится быть лейтенантом флота! Не научился — будет учиться дальше. А потом: *«По мере необходимости формировались специальные группы для подготовки офицеров к занятию следующих должностей. Фенрихи, получившие достаточную практику, направлялись в учебные флотилии (например, учебный дивизион Первой учебной флотилии) для подготовки к службе на ПЛ. Там на учебных подводных лодках они осваивали практические обязанности командира и механика по управлению ПЛ в нештатных ситуациях и при обычной или боевой обстановке, в ходе торпедных атак. ...После 1-2 лет службы в офицерских должностях офицер мог быть назначен командиром ПЛ. ...Обучение подводника для занятия должности командира ПЛ не было долгим. Г. Вернер, прибыв на курсы 10 января 1944 года, уже 1 апреля, после двухнедельного отпуска, принял под свое командование подводную лодку в боевой флотилии, базирующуюся на Брест. А 11 апреля новый командир ПЛ вышел в свой первый боевой поход».* Немецких офицеров постоянно обучали на курсах, но ни на каких курсах им не давали «оттянуться», к примеру: *«Курсы по изучению новых самонаводящихся и маневрирующих торпед в Готенхафене (Гдыне) длились трие суток, и на них обучались старшие помощники командира подводных лодок».* Аж три дня! Надо же! А когда же они пивком баловались?

Нельзя сказать, что такое немецкое обучение было дешевле. Гораздо дешевле было бы закупить для курсантов парты и дать им за партами спать на лекциях, нежели выводить в море корабли для их обучения, да еще и под командой наилучших офицеров флота. Но немцы на это шли, и, если подсчитать, то молодой человек, пожелавший стать офицером немецкого флота, в среднем становился им через два с половиной года.

А у нас в военно-морских училищах всего пять лет заставляют заучивать то, что курсанты никогда не пробовали руками, что никогда им не будет нужно, а затем ответить заученное по шпаргалкам на экзамене — и готов лейтенант! А для чего он готов? Для своего настоящего обучения уже в ходе службы на корабле — для того, с чего немцы и начинали.

«Если сравнивать подготовку моряков-подводников различных стран, то заметно, что наименьший практический опыт получали советские подводники, — делает вывод М. Ф. Шугалей. — Если в Великобритании, США и Германии основной упор делался на длительную практическую подготовку с многочисленными практическими стрельбами, то в советском флоте объем стрельб (особенно с выпуском практических торпед) был значительно меньшим. При этом объеме теоретических знаний, получаемых в советской системе образования, был несоизмеримо большим, чем в иностранных флотах».

Обучением офицеров в немецком флоте занимался командующий подводными силами адмирал Дениц, девизом которого было: *«Практика — мать учения. Чрезмерная теория — потеря времени».*

Единство командиров и войск

Генерал-лейтенант германской армии Фридрих фон Кохенгаузен, один из немецких военных теоретиков, в выдержавшей с 1923 по 1936 годы 12 изданий книге «Вожделение войск» пишет (выделено им):

«Сила воли, твердость характера и военные знания являются основой искусства командира соединения. При этом он должен руководствоваться ясными основными положениями, которые вырабатываются лишь *длительной работой над самим собой*, вдумчивым проникновением в сущность войны и изучением военной истории. Выработанная таким путем ясность суждения позволит ему действовать целесообразно при всякой, даже самой затруднительной, обстановке. Важнейшими качествами вождя являются *готовность брать на себя ответственность и инициатива*. «Каждый начальник должен всегда сознавать, что бездействие и промедление — более тяжкое преступление, чем ошибка в выборе средств». Всегда следует стремиться к тому, чтобы навязать противнику свою волю. Особенно важно постоянно поддерживать *личное общение с войсками*, чтобы начальник мог во всякое время сам соста-

вить себе представление о потребностях и боеспособности войск. Если войска знают, что начальник живет для них и делит с ними радость и горе, они охотно отдадут последние силы для достижения боевой цели, а также сумеют перенести неудачи.

Командир соединения должен **управлять своими войсками**, до конца **сам** продумывать каждое положение и иметь решающий голос при принятии решения и отдаче приказов. Для этого он должен превосходить своих помощников в умственном и волевом отношении, никогда не должен становиться по отношению к ним в зависимое положение, опускаться до чисто представительной роли.

Лучшим мерилом деятельности командира соединения и его помощников служит **оценка их работы самими войсками**. Легче всего они добьются доверия и благодарности войск, если будут вести их к победе, заботясь в то же время о сбережении их сил.

Важные принципы командования:

1. **“Сперва взвешивать, потом дерзать!”** (Мольтке).
2. **Уделять главной задаче как можно больше сил, а второстепенным — как можно меньше!**
3. Быстро распознавать и решительно **использовать благоприятные случаи обстановки**.
4. **Быстрота и внезапность** могут возместить численную слабость.
5. В своих соображениях необходимо учитывать потерю времени, вызываемую характером местности, временем суток и года, атмосферными условиями и состоянием войск.
6. Всегда заботиться о **непрестанном поддержании боеспособности** своих войск!
7. Учитывать основы управления и тактику противника!»

Какие принципы! «Если войска знают, что начальник живет для них и делит с ними радость и горе, они охотно отдадут последние силы для достижения боевой цели, а также сумеют перенести неудачи». Если я правильно понимаю, то в нашей армии войска знают, что для них живут «деды», а начальники и вправду что-то там делят, но что — непонятно. «Лучшим мерилом деятельности командира соединения и его помощников служит **оценка их работы самими войсками**».

Эх, эти бы принципы да в уши нашей армии!

У меня достаточно критиков, грудью (вернее — языком) встающих за честь советских генералов и офицеров, яростно доказывающих, что в Великой отечественной войне соотно-

шение потерь советских солдат и солдат противника было как 1:1, а не один к пяти или шести, как хвастаются битые немецкие генералы.

А меня в будущих войнах и соотношение 1:1 не устраивает.

* * *

Итожа главку о подготовке офицеров, давайте выделим принципиальную разницу в постановке этого дела у нас и у немцев. У нас уже минимум полтора века офицеров обучают и готовят вне армии. Готовят те, кто мало воевал и служил и лично воевать и служить не собираются. Готовят, так сказать, не для грабежа других стран, а для грабежа казны своего народа. А у немцев офицеры воспроизводились в недрах армии, и воспроизводились они для войны, и обучались теми, кто собирался командовать этими офицерами в бою.

И вот эта сильнейшая армия мира, возможно, за всю мировую историю, молниеносно разгромив всех доступных соседей, отправилась на «веселую охоту» на Востоке. И эта армия имела основания смотреть на войну с СССР именно так — как на веселую охоту.

Традиционные силы

Когда я пишу, что немецкая армия образца 1941 года на тот момент была сильнейшей армией мира, возможно, за всю мировую историю, я имею в виду не то, что традиционно считается силой армии — не ее численность, количество и качество оружия. Я имею в виду ее высочайший моральный и интеллектуальный уровень, то есть, помимо мужества и храбрости, ее генералы, офицеры и даже солдаты обладали выдающейся способностью решать боевые задачи. Не уверен, превосходили ли немецкий военно-морской флот в этом отношении британских моряков, но сухопутные силы и военно-воздушный флот не знали себе равных.

Но и в традиционном смысле сила немцев была огромной.

И сегодня главный агрессор мира — США — стремятся для своих агрессий объединить вассалов, но президенты США до сих пор в этом отношении даже в подметки не годятся Гитлеру.

Снова напомним, что в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов СССР воевал не с 90 млн тогдашних немцев и австрийцев — он воевал, по сути, со всей континентальной Европой. К 22 июня 1941 года Германия объединила под своей властью практически весь европейский Запад. Часть стран Европы воевала с СССР непосредственно — Италия, Венгрия, Румыния, Финляндия, Дания, Испания, Словакия, Хорватия и Норвегия.

(Болгария официально с СССР не воевала, но, участвуя в войне на стороне Германии, освобождала немецкие дивизии для войны в СССР.) Еще часть Европы под оккупационным управлением немцев снабжала Германию сырьем, оружием и добровольцами — это большая часть Франции, Бельгия, Голландия, Чехия, Польша, Греция, Югославия. (В вооруженные силы Германии добровольцами вступило около полутора миллионов человек.) Как бы нейтральные Швеция, Швейцария и Португалия также участвовали в войне на стороне немцев.

Контролируемая Германией территория Европы занимала 3 миллиона квадратных километров, запасы стратегического сырья и материалов с этого пространства, мобилизационные запасы (особенно ценные у Франции, Чехословакии, Бельгии, Голландии и Австрии), военная промышленность, вооружение и военная техника армий союзных, нейтральных и оккупированных стран — все это было поставлено Гитлером на службу военной экономике Германии и использовано для ведения войны против народов Советского Союза.

Франция являлась самым крупным поставщиком оружия, промышленной продукции и сырья для Германии. Сдавшись, французская армия передала немцам 3 тысячи боевых самолетов и 4930 танков. (Для сравнения: считается, что немцы напали на СССР, имея в войсках около 5 тысяч своих и союзных самолетов и около 5 тысяч танков.) До лета 1941 года из Франции было вывезено 5 тысяч паровозов и 250 тысяч вагонов. Французскими автомобилями были оснащены 58 пехотных, 3 моторизованные и одна танковая дивизии. Из Франции в Германию было вывезено промышленного оборудования и станков на общую стоимость около 9,8 млрд франков. (Для сравнения: в 1938 предвоенном году Франция потратила на собственные ВВС 7 млрд.) А поскольку оккупационные платежи Франции составляли 400 миллионов франков в день, то на экономические цели Германии пошел и золотой запас Франции.

Из Франции в Германию ежемесячно направлялось по 3 тысячи тонн алюминия и вдобавок к ним 2 тысячи тонн глинозема, бокситы и 300 тонн магния, железная руда, фосфаты, кобальтовая руда, графит, специальные и растительные масла, продовольствие. На предприятиях Франции, работавших на производство оружия для Германии, к началу войны с СССР было занято 1,6 миллиона человек, они до января 1944 года поставили Германии еще минимум 4000 самолетов, около 10 тысяч авиационных двигателей, 52 тысячи грузовиков. Вся локомотивная промышленность и 95 процентов станкостроительной промышленности работали только на Германию.

Крупнейшим арсеналом Германии стала Чехия, которая до войны считалась вторым мировым экспортером оружия. По оценке Черчилля, чехи, отказавшись защищать свой суверенитет, подарили немцам оружие, достаточное для вооружения 35 дивизий. К немцам попали заводы концерна «Шкода» — второй по мощности арсенал Центральной Европы, — который, по подсчетам того же Черчилля, в период с августа 1938 года по сентябрь 1939 года один выпустил почти столько же военной продукции, сколько выпустили все английские заводы за то же время.

Чехи сдали немцам свое оружие в образцовом состоянии, включая 1,25 миллиона винтовок. А в уже воюющей Англии еще и в 1941-м году свыше миллиона английских солдат винтовок еще не имели, и Черчиллю с большим трудом удалось выпарапать у американского президента Рузвельта всего 150 тысяч стволов. В годы войны чешские предприятия выполняли «программы фюрера» по производству танков, орудий, авиационных моторов и самолетов, включая узлы для ракет Фау. Чехия была недостижимой для английской авиации, поэтому военное производство здесь постоянно наращивалось, и сюда был переведен целый ряд военных заводов из самой Германии. Чехи старались: по немецким данным, в 1944 году Чехия ежемесячно поставляла в Германию около 11 тысяч пистолетов, 30 тысяч винтовок, более 3 тысяч пулеметов, 15 миллионов патронов, около 100 САУ, полторы сотни пехотных орудий, 180 зенитных орудий, более 620 тысяч артиллерийских снарядов, почти миллион снарядов для зенитной артиллерии, от 600 до 900 вагонов авиационных бомб, 1000 тонн пороха и 600 тысяч тонн взрывчатых веществ. Ежемесячно!

В Польше в собственность Германии и отдельных немцев перешло 294 крупных, 9 тысяч средних и 76 тысяч мелких промышленных предприятий, выпускавших самолеты, танки, артиллерийские орудия и боеприпасы. Кроме этого, были построены новые военные заводы, к примеру, на базе «лагеря смерти» Освенцим работало свыше 50 химических производств, на которых европейские евреи производили для Германии от синтетического моторного топлива и каучука до взрывчатки.

Голландия половину своей промышленной продукции выпускала по заказам Германии, из Бельгии немцы получили 74 тысячи железнодорожных вагонов и 351 тысячу автомашин.

Болгария поставила Германии 546,3 тысяч тонн угля, 406,5 тысяч тонн руды, 10,9 тысяч тонн шерсти, 2,9 тысячи тонн кож, 375,7 тысячи тонн зерна, 49 тысяч тонн мяса, 128 тысяч

тонн табака, 4,4 миллиона овец, 3,1 миллиона свиней, 767 тысяч штук птицы, 168 миллиона яиц, 265 тысяч тонн различных фруктов, 450,6 тысяч тонн спиртных напитков.

Как бы нейтральная Швеция поставляла Германии не только добровольцев для дивизии СС «Викинг», но и железную руду, которая имела исключительную важность для производства вооружения. Некоторые считают, что в каждом немецком оружии и танке содержалось до 30 процентов шведского металла. Кроме того, Швеция поставляла подшипники и разнообразное приборное оборудование для вооружения и военной техники.

Та война была войной стали, и насколько важны были все эти поставки, говорят числа ее производства: в 1940 году Германия вместе с оккупированными и союзными странами производила 31,8 миллиона тонн стали и добывала 439 миллиона тонн угля, а СССР производилось 18,3 миллиона тонн стали и 166 миллиона тонн угля.

Из нейтральной Швейцарии немцы получали оружие и боеприпасы, металлообрабатывающие станки, телефоны, радиоприемники, часы. Однако более важную роль Швейцария играла как посредник в транспортировке нефти и другого сырья между Германией и оккупированной Францией. Что касается природной нефти, то, помимо попадания в руки немцев всех ее европейских залежей, нефть им поставлял и американский концерн «Стандарт ойл». Не прямо, конечно, а через латиноамериканские страны и нейтральные страны Европы. Весь танкерный флот Испании, к примеру, этой работой и был загружен, правда, в январе 1944 года Черчилль добился прекращения поставок нефти из США в Испанию, но уже в мае они были возобновлены. Бизнес есть бизнес.

Я пишу о странах, которые как бы не воевали с СССР, а союзники немцев, разумеется, сами вооружали свои армии и всемерно помогали немцам экономически. Так, к примеру, из Норвегии ежегодно вывозилось 200–240 тысяч тонн меди, 200 тысяч тонн серы, 150 тысяч тонн ферросплавов. Дания поставляла Германии (1942 год) 10% потребляемого Германией масла, 20% — мяса, 90% — свежей рыбы, промышленные предприятия Дании выполняли все немецкие заказы, отремонтировывали немцам, например, 174 корабля. Электростанции Норвегии через подводный кабель снабжали Германию электроэнергией, более 7 процентов экономически активного населения было занято работой на немцев, и к 1944 году на победу Германии тратилось 40% национального дохода Норвегии.

И раз мы уже заговорили о трудовых ресурсах, то в связи с войной их немцам стало сильно не хватать. И тут Европа не

осталась безучастной — в промышленности и сельском хозяйстве Германии работало 7 миллионов европейцев. Частью это были военнопленные, но основная часть — наемные рабочие.

Европа приближала победу немцев, как могла. Старалась!

С войны 1812 года ничего подобного немецкой армии и немецкой силе Россия не видела.

Однако, помимо осознания своей силы, немцы еще и очень презрительно смотрели на Россию.

Традиции русской армии

Ведь немцы решились на ту войну именно потому, что и рассчитывали встретить в боях именно русский народ — неких европейских папуасов с трусливыми и тупыми командирами. А рассчитывали на это именно потому, что видели русскую армию совсем недавно — в Первой мировой войне, — и именно тогда они преисполнились глубокого презрения к воинской доблести русских.

К такому обидному выводу необходимы пояснения.

Да, и в Первую мировую не все было однозначно, были и сражения, и бои, в которых русские войска показывали исключительную доблесть. Выше я упоминал позорную сдачу гарнизона мощнейшей русской Новогеоргиевской крепости, но одновременно исключительное мужество показал гарнизон русской Осовецкой крепости, имевшей не 1000, как Новогеоргиевская, а всего 71 крепостное орудие. Три штурма выдержала Осовецкая крепость, и, хотя перед нею ставилась первоначальная задача задержать немцев всего на 48 часов, крепость под командованием генерала Шульмана, а потом генерала Бржозовского держалась 190 дней. Немцы вели по крепости мощнейший орудийный огонь, в том числе из 16 200-мм, 16 300-мм и 4 400-мм орудий (последние стреляли снарядами весом в 800 кг), по некоторым данным, немцы выпустили по крепости до 400 тысяч снарядов всех калибров, провели газовую атаку по гарнизону, не имевшему противогазов. И не смогли крепость взять, понеся тяжелые потери, в том числе русские артиллеристы уничтожили и два немецких осадных 400-мм орудия. Гарнизон крепости отошел по приказу, вытащив на себе из крепости все орудия, все оставшиеся боеприпасы и оружие и взорвав уцелевшие оборонительные сооружения.

Между тем, как сообщает К. К. Звонарев в книге «Агентурная разведка», генерал Н. А. Бржозовский был давним немецким агентом, начавшим предавать Россию за много лет до войны, и к нему тоже явился от немцев посланник с предло-

жением 500 000 марок за сдачу крепости, но Бржозовский отказался. Рассмотрев сообщения об этом случае, начиная от сообщения начальника тогдашней немецкой разведки полковника Николаи до иных заинтересованных лиц, Звонарев пишет: *«Невыясненным остается вопрос: из каких побуждений Бржозовский, продававший еще в мирное время интересы России, отказался исполнить требование своих хозяев-немцев. Николаи объясняет это “сильным пробуждением национальных чувств”. Нам, кажется, что “национальные чувства” здесь ни при чем. Сообщение Буняковского показывает, что посланный германской разведкой офицер не совсем тактично выполнил возложенную на него задачу, разболтав о ней на передовых линиях. Если бы Бржозовский принял предложение при таких условиях — скандал и гибель его были бы неизбежны. Отказавшись же от такого предложения, он мог рассчитывать на повышение, награды и всяческие милости со стороны русского верховного командования, что в действительности и было»*. Разболтал немец-парламентер, зачем он идет к коменданту, или нет, не имеет значения, поскольку и дураку ясно, что враг не посылает к коменданту парламентеров чаю попить. В данном случае и мотивы Бржозовского не так интересны, а интересно то, что даже этот немецкий агент в должности коменданта русской крепости не посмел поставить вопрос о сдаче крепости перед гарнизоном крепости — таков был этот русский гарнизон.

И при всем этом эти подвиги части русских солдат и офицерства нивелировались тем, что в русской армии выпирало классовое расслоение. Сплошь и рядом офицеры и генералы не видели себя одним целым с солдатами и при возникновении тяжелых ситуаций (в которых эти же офицеры и генералы, не умеющие воевать, и были виноваты) бросали командовать вверенными им войсками и пытались спастись сами.

Вот, скажем, известный в нашей истории генерал Л. Г. Корнилов весной 1915 года был начальником 48-й пехотной дивизии, в составе которой находились овеванные славой Румянцева и Суворова 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский полки. Сначала Корнилов не выполнил приказ и завел дивизию в окружение, затем послал два полка в атаку на пулеметы без какой-либо поддержки их артиллерией, затем, когда положение стало критическим, вместе со штабом удрал в горы, а там оголодал и спустился, сдавшись австрийскому разъезду. Его обезглавленная дивизия частью пробилась из окружения, частью сдалась.

Мне не раз приходилось приводить в пример наблюдения противника — начальника оперативного отдела, а затем и на-

чальник штаба Восточного фронта в Первой мировой войне генерал Гофмана, который писал о начальных сражениях (о Восточно-Прусской операции) той войны (выделено мною):

*«На этом сражение было закончено. Окруженные русские отряды не предприняли каких-либо серьезных попыток прорваться на юг. Я считаю, что в случае окружения русскими германских войск последним все-таки удалось бы прорваться. Ведь на всей линии Мушакен — Вилленберг на протяжении 50 километров мы имели в нашем распоряжении всего только около 29 батальонов. Для сравнения я хотел бы указать на единственный случай, когда русским удалось окружить германские войска — у Бржезан в Польше. Но там германское командование и германские войска поступили как раз наоборот — **генерал фон Лицман стал во главе окруженных войск и прорвался вместе с ними.** Русские же бродили по кольцу окружения без всякого руководства, вразброд атаковали окружающие войска, но каждый раз вновь отступали перед огнем наших слабых отрядов и в конце концов тысячами сдавались в плен гораздо более слабым германским частям. Так, один батальон 43 полка взял в плен 17 000 человек. Утром 30-го генерал фон Шметтаз донес, что его слабые силы у Вилленберга до сих пор взяли в плен 11 000 человек и не знают, куда их девать. Только гораздо позже, уже во время операций в Южной Польше, главное командование узнало, что всего было взято в плен 92 000 человек».*

Почему «русские же бродили по кольцу окружения без всякого руководства»? Потому что генерал Самсонов, командовавший этими войсками в Восточно-Прусской операции, увидев тяжелое положение своей 2-й армии в результате немецких ударов, сначала обезглавил армию, бросив ее командовать, а затем пытался выйти из окружения сам, но в конце концов застрелился. Были разбиты пять корпусов вверенной Самсонову 2-й армии, в боях были убиты 10 русских генералов, а 13 сдались в плен. И это еще высокий показатель боевой стойкости русских генералов, поскольку по итогам всей Первой мировой войны были убиты, пропали без вести и умерли от ран 35 русских генералов, а в плен сдались 73.

Немецкие генералы лично выводили вверенных им солдат из окружения, а русские генералы во множестве удирали от своих солдат и от своей обязанности командовать ими в тяжелых боях, чем обезглавливали русские войска, помогая противнику добить их.

Но и это не все. Русский народ категорически не хотел воевать за тогдашних олигархов и их цели. Спустя всего лишь год после начала Первой мировой войны начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич писал военному министру генералу А. А. Поливанову:

«...Уже были одобрены Его Величеством две меры: 1) лишение семейств лиц добровольно сдавшихся пайка, 2) по окончании войны высылка этих пленных в Сибирь для ее колонизации. Было бы крайне желательно внушить населению, что эти две меры будут проведены неукоснительно и что надолго перейдут к безземельным, честно исполнившим свой долг. Вопрос кармана (земли) довлеет надо всеми. Авторитетнее Думы, в смысле осуждения добровольной сдачи и подтверждения необходимости возмездия, нет никого. Не желая обращаться по этому вопросу к Родзянко в обход правительства, Великий князь поручил мне просить вас, не найдете ли возможным использовать ваш авторитет в сфере членов Думы, чтобы добиться соответствующего решения хотя бы мимоходом в речи Родзянко или лидера центра, что очевидно, те нижние чины, которые добровольно сдают, забывая долг перед Родиной, ни в коем случае не могут рассчитывать на одинаковое к ним отношение и что меры воздействия в виде лишения пайка и переселения их всех после мира в пустынные места Сибири вполне справедливы. Глубоко убежден, что это произведет огромный эффект...».

Россия, имея на 1914 год численность населения в 166 миллионов человек (столько же, сколько в Германии, Англии и Франции вместе взятых), потеряла в Первой мировой войне убитыми около 650 тысяч человек (беру числа по довоенной энциклопедии). А Франция (39 млн населения), Великобритания (44 млн) и Италия (35 млн) потеряли убитыми 1370; 690 и 500 тысяч человек. Зато эти три государства вместе потеряли пленными и пропавшими без вести 1360 тысяч человек, а Россия одна — 3640 тысяч. Плюс к 1915 году в русской армии уже числились сбежавшими с фронта 1 миллион дезертиров.

Отказ командования от подготовки к реальной войне

Эти традиции императорской армии в Красной армии — нежелание командиров всех степеней учиться военному делу в его современном виде — видели все, в первую очередь, конечно, руководство СССР. В своем приказе № 120 от 16 мая 1940 года по итогам советско-финляндской войны 1939–1940 годов нарком обороны маршал С. Тимошенко пытался эти традиции как-то сломать:

«Опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недочеты в боевом обучении и воспитании армии.

Воинская дисциплина не стояла на должной высоте. В отдельных случаях состояние дисциплины не обеспечивало твердого выполнения войсками поставленных им боевых задач.

Войска не были подготовлены к боевым действиям в сложных условиях, в частности к позиционной войне, к прорыву УР, к действиям в суровых условиях зимы и в лесу.

Взаимодействие родов войск в бою, особенно в звене рота — батарея, батальон — дивизион, являлось наиболее узким местом.

Основной причиной плохого взаимодействия между родами войск было слабое знание командным составом боевых свойств и возможностей других родов войск.

Пехота вышла на войну наименее подготовленной из всех родов войск: она не умела вести ближний бой, борьбу в траншеях, не умела использовать результаты артиллерийского огня и обеспечивать свое наступление огнем станковых пулеметов, минометов, батальонной и полковой артиллерии.

Артиллерия, танки и другие рода войск также имели ряд недочетов в своей боевой выучке, особенно в вопросах взаимодействия с пехотой и обеспечения ее успеха в бою.

В боевой подготовке воздушных сил резко выявилось неумение осуществлять взаимодействие с наземными войсками, неподготовленность к полетам в сложных условиях и низкое качество бомбометания, особенно по узким целям.

Подготовка командного состава не отвечала современным боевым требованиям.

Командиры не командовали своими подразделениями, не держали крепко в руках подчиненных, теряясь в общей массе бойцов.

Авторитет командного состава в среднем и младшем звене невысок. Требовательность командного состава низка. Командиры порой преступно терпимо относились к нарушениям дисциплины, к пререканиям подчиненных, а иногда и к прямым неисполнениям приказов.

Наиболее слабым звеном являлись командиры рот, взводов и отделений, не имеющие, как правило, необходимой подготовки, командирских навыков и служебного опыта.

Старший и высший командный состав слабо организовывал взаимодействие, плохо использовал штабы, неумело ставил задачи артиллерии, танкам и особенно авиации.

Командный состав запаса был подготовлен исключительно плохо и часто совершенно не мог выполнять свои обязанности.

Штабы по своей организации, подбору и подготовке кадров, материально-техническому оснащению не соответствовали предъявляемым к ним требованиям: они работали неорганизованно, бесплано и безынициативно, средства связи использовали плохо, и особенно радио. Информация была плохая. Донесения запаздывали, составлялись небрежно, не отражали действительного положения на фронте. Иногда в донесениях и докладах имела место прямая ложь. Скрытым управлением пренебрегали.

Командные пункты организовывались и несли службу плохо, неумело переходили с одного места на другое.

Боевой опыт не изучался и не использовался. Штабы слабо занимались подготовкой войск к предстоящим действиям.

Управление войсками характеризовалось поспешностью, непродуманностью, отсутствием изучения и анализа обстановки, предвидения последующего развития событий и подготовки к ним. Часто имело место излишнее вмешательство старших начальников в работу младших. Старшие начальники, увлекаясь отдельными эпизодами, упускали управление частью или соединением в целом.

Разведывательная служба организовывалась и выполнялась крайне неудовлетворительно. Разведорганы войсковых штабов, разведывательные подразделения частей и соединений были подготовлены плохо. Войска неумело вели разведку в условиях леса, зимы и укрепленной полосы противника, не умели брать пленных.

Во всех родах войск особенно плохо была поставлена служба наблюдения.

Командование и штабы всех степеней плохо организовали и неумело руководили работой тыла. Дисциплина в тылу отсутствовала. Порядка на дорогах, особенно в войсковом тылу, не было.

Организация помощи раненым была нетерпимо плохой и несвоевременной.

Войска не были обучены переездам по железным дорогам».

Яркий букет достоинств РККА, благодаря финнам, увиденный всем миром: «не были подготовлены к боевым действиям», «слабое знание командным составом боевых свойств и возможностей других родов войск», «неумение осуществлять взаимодействие с наземными войсками», «старший и высший комсостав слабо организовал взаимодействие, плохо использовал штабы, неумело ставил задачи артиллерии, танкам и особенно авиации», «штабы работали... неорганизованно,

бесплавно и безынициативно, средства связи использовали плохо, и особенно радио», «донесения ...не отражали действительного положения на фронте... в донесениях и докладах имела место прямая ложь», «разведорганы... подготовлены плохо». Заметьте, что для исправления всего этого не требовалось ни денег, ни расхода боеприпасов или материальных средств — нужно было только, чтобы командный состав РККА, ежедневно являясь на службу, действительно готовился к войне, а не к драке за чины и выходу на высокую пенсию.

Нарком-то перечислил и приказал исправить недостатки, но исправить положение к 22 июня 1941 года должно было нижестоящее командование РККА — все те, кого все эти незнания и неумения вполне устраивали. Традиции есть традиции, посему, как показали последовавшие события, на приказы наркома большого внимания никто не обращал. Иными словами, командование РККА всех степеней фактически отказывалось вести собственную интеллектуальную подготовку к войне.

Устраивало такое положение в РККА и немцев, и, когда Гитлер называл СССР «колоссом на глиняных ногах», он с чисто военной точки зрения имел для этого все основания.

Я как бы без достаточных оснований утверждаю, что средний немецкий военнослужащий смотрел на войну с русскими, как на охоту, поэтому хотел бы подтвердить свой вывод разбором эпизода из мемуаров Г. Гудериана, тогда командующего 2-й танковой группой (танковой армией) немцев. Итак, Гудериан описывает первый день войны: *«В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р.Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их...»*. Прервем Гудериана на полуслове. Он врет, и из конца фразы вы поймете почему. Если бы генерал-полковник приказал, то немецкие офицеры не побежали бы за нашими солдатами — на то они и немецкие офицеры. С другой стороны, убивать или пленить противника — это дело солдат, а не офицеров, — чего это они-то лично побежали, а не приказали солдатам? Трудно ответить по-иному — их

погнал дух охоты. Они увидели русских зайцев и побежали за ними, как горячие гончие собаки, и Гудериан не препятствовал этому — давал своим офицерам развлекаться. А оправдывается он, потому что они «...к сожалеению, были при этом убиты».

М-да. Что-то у немцев сразу пошло не так, что-то с самого начала не спасталось.

Не так, как немцы рассчитывали

Тему о молниеносной войне необходимо закончить хотя бы схематичным рассмотрением вопроса, а как Красной армии удалось победить эту лучшую армию мира, возглавляемую командным составом, желающим войны из-за возможности творить в ее боях и битвах, и солдатами, видящими в войне аналог мужского развлечения — охоты?

За счет чего удалось удушить этих «охотников» и заставить сдаться? Есть какой-то иной ответ, кроме ответа, что удалось это сделать за счет превосходящих МОРАЛЬНЫХ сил советского народа? Причем именно СОВЕТСКОГО. После войны в своем известном тосте Сталин специально выделил заслуги русского народа, но на самом деле это был уже не русский народ, это был именно советский народ.

Моральная сила самой нацистской Германии была огромной, крепнущей от победы к победе, а побед у немцев хватало. Основывалась эта сила на социалистических идеях и расизме. Полагаю, что ошибкой немцев было то, что они свое расовое превосходство считали причиной своей силы, а социализм — следствием национального единства «сверхчеловеков», в результате трагически для себя недооценили социалистическую составляющую в моральной силе народов СССР. Полагаю, что они достаточно долго не верили, что ошиблись, хотя следствия ошибки начали проявляться, как я написал выше, практически с первых дней войны.

Ведь при всех оглушительных немецких победах в начале их нападения на СССР эти победы для немцев с самого начала войны были оглушительно кровавыми, а по своим потерям и близко не соотносимыми с потерями немцев в Первой мировой войне.

Генерал Г. Гот:

«Утром 13 июля (1941) личный адъютант Гитлера, возвращаясь из района боевых действий 2-й танковой группы, заехал в штаб 3-й танковой группы, располагавшийся северо-восточнее Витебска, чтобы выяснить состояние подвижных соединений, которые до этого времени несли основ-

ную тяжесть всех боевых действий. Ему сообщили примерно следующее: «За первые три недели боев войска 3-й танковой группы понесли большие потери. ...Так, потери 19-й танковой и 14-й моторизованной дивизий в общей сложности составляют только 163 офицера и 3422 унтер-офицера и солдата. Тем не менее физическое напряжение личного состава, вызванное сильной жарой, пылью, плохими условиями расквартирования и недостатком сна, значительно больше, чем на Западе. Кроме того, моральный дух личного состава подавлен огромной территорией и пустынностью страны, а также плохим состоянием дорог и мостов, не позволяющим использовать всех возможностей подвижных соединений. Значительное влияние на состояние морального духа личного состава оказывает также упорное сопротивление противника, который неожиданно появляется повсюду и ожесточенно обороняется. ...Упорство русского солдата объясняется не только его страхом перед комиссаром, оно находит свое обоснование и в его мировоззрении. Для него эта война носит характер отечественной войны. Он не хочет возвращения царизма, он ведет борьбу с фашизмом, уничтожающим достижения революции».

Генерал Г. Блюменрит:

«Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. ...Целыми колоннами их войска ночью двигались по лесам на восток. Они всегда пытались прорваться на восток, поэтому в восточную часть кольца окружения обычно высылались наиболее боеспособные войска, как правило танковые. И все-таки наше окружение русских редко бывало успешным».

Дневник начальника Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, вообще-то, пестрит цитатами радужных докладов Гитлеру о высоком моральном духе немецких солдат. Но! 6 июля 1941: «Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои (подбитые) машины, но в большинстве случаев забираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами». А уже 9 июля 1941: «Организация "штрафных батальонов" оказалась хорошей идеей». Два года немцы воевали, всю Европу на колени поставили, и как-то эта хорошая идея об организации штрафных батальонов в немецкой армии никому в голову не приходила. А тут и трех недель не прошло... 11 июля 1941: «Противник сражается ожесточенно и фанатично. Танко-

вые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали».

За 40 дней войны во Франции с англо-французскими армиями, немецкие войска не утомились, а тут едва 20 дней прошло ...и устали.

При этом было все, что немцы ожидали: и откровенное предательство ряда генералов и офицеров Красной армии, и равноценная предательству их трусость, основанная как на их моральных качествах, так и на неумении воевать, было знакомое немцам с Первой мировой войны оставление советскими офицерами и генералами своих солдат в тяжелых условиях боев — все было.

Уже не тот генералитет

Но появился фактор непредсказуемости, который хорошо сформулировал после войны немецкий унтер-офицер Г. Бидерман:

«Начав свой поход на Советский Союз, мы очутились лицом к лицу с непредсказуемым противником, чьи поступки, сопротивление или преданность невозможно было предвидеть или даже оценить. Временами мы сталкивались с фантастическим сопротивлением горстки солдат, которые сражались до последнего патрона и, даже исчерпав все запасы, отказывались сдаваться в плен. Случалось, перед нами был враг, который толпами сдавался, оказывая минимальное сопротивление, причем без ясно видимой причины. При допросах пленных выяснилось, что эти переменные имеют мало общего с образованием, местом рождения или политическими склонностями. Простой крестьянин отчаянно сопротивлялся, в то время как обученный военный командир сдавался сразу же после контакта с нами. Следующая схватка показывала прямо противоположное, хотя при этом не усматривалась система или явная причина».

Оказавшись в ловушке в старом медном руднике возле Керчи, несколько офицеров и солдат Красной армии продолжали оказывать сопротивление в течение всей оккупации полуострова. Когда в их опорном пункте были исчерпаны запасы воды, они стали слизывать влагу с мокрых стен, пытаясь спастись от обезвоживания. Несмотря на жестокость, которую проявляли их соперники на Русском фронте, у противостоявших им германских военных возникло чувство глубокого уважения к этим уцелевшим бойцам, которые отказывались сдаваться в течение недель, месяцев и лет упорного сопротивления».

Но ведь в этой непредсказуемости аж выпирает объяснение: если советские генералы и командиры были лично мужественными, то советские войска сражались и умело, и до конца. А если были кадровыми тупыми трусами, то и советские войска под их руководством разбегались или сдавались в плен, как и в Первую мировую войну.

И в Великой отечественной начал резко выделяться мало-знакомый немцам по Первой мировой войне фактор — мужественное поведение существенного, против царского, числа генералов и офицеров.

Вот, к примеру, командующий 3-й танковой группой немцев генерал-полковник Г. Гот в продолжение уже представленной выше цитаты заканчивает свое сообщение адъютанту Гитлера: *«...Но, несмотря на это, немецкий солдат чувствует свое превосходство над противником. Русские, видимо, не могут еще организовать твердое управление своими войсками. Лишь в Полоцке находится способный руководитель»*.

Давайте остановимся немного на этом. Мы знаем из официальной истории Великой Отечественной войны, что до битвы под Москвой было единственное выдающееся сражение с немцами — выдающийся полководец Жуков заставил немцев выйти из дуги фронта под Ельней. Правда, немцы этого подвига Жукова не заметили, а тут сами прямо указывают, что, оказывается, кто-то две недели не давал немцам прорваться там, где они наметили, что у нас где-то еще была Брестская крепость. Кто этот руководитель, организовавший двухнедельную активную оборону Полоцка, заставившую немцев остановиться перед этим городом? Почему мы о нем не слышали? Почему о нем не вспоминают в День Победы?

Это командир 174-й стрелковой дивизии комбриг А. И. Зыгин. При отходе 174-й от Полоцка к Невелю немцам удалось окружить дивизию и отсечь ее от штаба и командира. Зыгин вернулся, перешел линию фронта, возглавил вверенные ему войска и, прорвав в бою оборону немцев, вывел дивизию из окружения почти без потерь. К 1943 году генерал-лейтенант Зыгин уже командовал 4-й гвардейской армией и 26 сентября принял смерть, подорвавшись на mine по пути к своему наблюдательному пункту. Соответственно, после войны высоких должностей в Советской армии не занимал, мемуаров не написал, посему и неизвестен.

Вот строчка из журнала боевых действий советской 14-й танковой дивизии за 14 июля 1941 года: *«Группа танков под командованием полковника Васильева в районе заправки у Госп. Дв. Черница была окружена танками противника и по*

приказу генерал-майора Городнянского (который объявил, что он уполномочен командующим армией) прорвалась в направлении Любавичи на соединение с 18 ТД. Из окружения вышел и генерал-майор Городнянский». Всего танкисты отчитались за этот день в трех уничтоженных танках противника, 10 грузовых автомашинах, 10 37-мм противотанковых орудиях и 250 человек немецкой мотопехоты. Г. Гот в своих «Танковых операциях» это подтверждает: «2-я танковая дивизия 14 июля, достигнув Лиозно, в соответствии с приказом повернула на Смоленск. Под Рудней она встретила сильное сопротивление противника и вскоре была контратакована с трех направлений».

Этот генерал-майор Городнянский не служил в 14-й танковой дивизии, кто он? Это командир 129-й стрелковой дивизии, сражавшейся с немцами вне окружения. Узнав, что перед фронтом его дивизии окружены части 14-й танковой, генерал-майор А. М. Городнянский перешел линию фронта, возглавил окруженных и с ними пробился из окружения. В мае 1942 года командующий 6-й армией генерал-лейтенант Городнянский, сражаясь до конца в окружении под Харьковом, не желая сдаваться в плен, принял смерть, предположительно застрелившись. Был с почестями похоронен немцами. Соответственно, после войны высоких должностей в Советской армии не занимал, мемуаров не написал, посему неизвестен.

А вот Манштейн, практически оправдываясь в том, почему он вынужден был на 40 км фактически отбежать от города Сольцы, потеряв помимо войск и часть штаба со сверхсекретными документами, вскользь пишет о судьбе дивизии СС «Мертвая голова», шедшей ему на выручку.

«Более сносные условия местности, но и сильную укрепленную линию встретила дивизия СС “Тотенкопф”, наступавшая на Себеж. Дивизия имела колоссальные потери... После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два». А кто нанес эти «колоссальные» потери дивизии СС? Это 237-я стрелковая дивизия под командованием полковника В. Я. Тишинского. Не было там никакой «сильно укрепленной линии», Тишинский в июле 1941-го, умело воспользовавшись разведданными, выполнил искусный маневр и своей артиллерией практически расстрелял эту дивизию СС на марше, показав немцам пример маневренной войны. Но, выводя в последующем из окружения части своей 237-й и брошенной командованием 70-й стрелковых дивизий, 19 августа 1941 года, команду боем арьергарда, полковник Тишинский принял смерть от осколка немецкого снаряда.

Понятное дело, если бы и осколок, попавший в генерала К. Рокоссовского в Сухиничах, отклонился на несколько сантиметров, то мы бы и о Рокоссовском ничего бы не знали.

Изменения в боевой стойкости советских генералов по сравнению с генералами русской императорской армии в числах выглядят так: если, как было показано выше, на 35 убитых в ходе Первой мировой войны русских генералов приходилось 73 сдавшихся в плен, то на 223 убитых, пропавших без вести и умерших от ран в ходе Великой Отечественной войны советских генералов приходится всего 88 сдавшихся в плен.

Тоже много, но это уже была не старая русская армия.

Организованное проявление упорства

Причем моральная стойкость РККА с боями продолжала увеличиваться, хотя формально советские войска терпели поражение за поражением. А моральный дух немцев начал падать, несмотря на формальные победы. Сбивало и подавляло немецкий дух все уменьшаемое количество случаев трусости советских войск и все возраставшее отчаянное сопротивление. «Момент истины», по моему мнению, наступил поздней осенью и зимой 1941 года, когда Красная армия, уже по количеству и вооружению сильно уступавшая немцам, одержала первые победы, причем одновременно на севере, в центре и на юге.

Но в этих победах примечательно, что только на юге под Ростовом огромный вклад в победу внесло военное мастерство маршала С. Тимошенко, сумевшего 1-ю танковую армию немцев разгромить так, что Гитлер, снимая с командования группой армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта, пытался сорвать с его шеи Рыцарский крест. Тут же Гитлер снял с должности и командующего 17-й армией генерала пехоты Штюльпнагеля, а с главнокомандующим сухопутными войсками Германии Браухичем от этой сцены случился сердечный припадок. Чуть позже войска Тимошенко окружили под Ельцом 34-й армейский корпус немцев и полностью его уничтожили (повторно этот корпус был сформирован немцами только в 1944 году). А вот на севере и под Москвой победы над немцами достигались безо всякого полководческого мастерства — только отчаянным упорством советских войск.

В 1966 году, в беседе с работниками «Военно-исторического журнала», Г. Жуков на вопрос о плане контрнаступления под Москвой сообщил, что контрнаступление получилось нечаянно, безо всякого участия полководческой мысли Жукова и его штаба:

«Когда мы в конце ноября и в начале декабря организовывали сопротивление противнику, затем применили более активную форму — контрудар наносили, в наших замыслах четко обоснованного мнения о том, что намечается такое контрнаступление, каким оно потом оказалось, не было. Это было осознано в полной мере тогда, когда события развернулись более благоприятно: с одной стороны, Гудериан начал пятиться, с другой — Гепнер начал отходить. ...Но у нас нет такого приказа, где заранее, допустим 30 ноября, 1-2 декабря, отдали бы приказ на контрнаступление. Такого в классическом понимании начала контрнаступления, как это было, допустим, под Сталинградом, не было, оно пошло как развитие контрударов. ...Если бы противник оказал серьезное сопротивление нашим контрударам, никакого контрнаступления не состоялось бы».

Но у немцев уже не было сил преодолевать сопротивление советских войск, не было сил ни наступать, ни отбить советские контрудары. Немецкие генералы, воспользовавшись своим правом на творчество, начали творчески отводить войска от Москвы, но в Берлине этот отвод сильно напоминал бегство. Гитлер дал «стоп-приказ», что, впрочем, далеко не сразу помогло, и в дополнении к этому приказу, как я уже упоминал выше, снял с должностей около двухсот немецких генералов.

Надо сказать, что разбить массу советских войск, дойти до ворот Москвы и после этих побед начать отступать немецким генералам было очень обидно, еще обиднее было объяснять, что Красная армия гонит их силой мужества советских солдат. И немецкие генералы начали объяснять свое отступление сильными морозами, которым, надо сказать, просто неоткуда было взяться в начале зимы, когда ни земля, ни вода еще не отдали накопленное тепло. Гудериан сообщил Гитлеру, что немецкие солдаты не могут отрыть окопы в замерзшей земле, а такие вещи вряд ли стоило говорить старому солдату Гитлеру, и такая «лапша на уши», надо думать, тоже стоила Гудериану отставки.

В дневниках командующего немецкой группой армий «Центр» фельдмаршала Бока, вынужденного объяснять, почему немцы при отступлении бросали тяжелое оружие и технику, тоже стоны о непомерных морозах: *«При всем том по причине ужасных холодов — температура упала до 38 градусов ниже точки замерзания — нам, что естественно, приходится оставлять танки и артиллерийские орудия, поскольку моторы машин при такой температуре просто-напросто не заводятся».* Это 6-го декабря □38 градусов? Но причины по-

ражения под Москвой фельдмаршал Бок 7 декабря называет три: «К нынешнему серьезному кризису привели три обстоятельства: 1. Осенняя грязь. Передвижения частей и подвоз припасов были фактически парализованы жидкой грязью, затопившей дороги. В результате воспользоваться плодами победы под Вязмой нам не удалось. 2. Провал с железными дорогами. Неадекватное обслуживание, нехватка вагонов, локомотивов и квалифицированного технического персонала. Неспособность локомотивов, оборудования и наскоро отремонтированных станционных сооружений функционировать в условиях русской зимы». Морозы пропали, но появилась жидкая грязь: по-русски объяснения Бока звучат как «не понос, так золотуха». Про железные дороги еще смешнее — а как же русские их эксплуатируют? И все это Бок выдумывает, чтобы предварить третий пункт, который, по существу, является первым и единственным: «Недооценка способности противника к сопротивлению, а также его резервов в плане личного состава и материальной части». Только это объясняет его дальнейшие сетования в дневнике: «Русские ухитрились восстановить боеспособность почти полностью разбитых нами дивизий в удивительно сжатые сроки, подтянули новые дивизии из Сибири, Ирана и с Кавказа и заменили утраченную на ранней стадии войны артиллерию многочисленными пусковыми установками реактивных снарядов. Сегодня группе армий противостоит на 24 дивизии — преимущественно полного состава — больше, нежели это было 15 ноября. С другой стороны, численность германских дивизий сократилась более чем наполовину в результате непрерывных боев и связанных с зимними холодами бедствий. Боеспособность бронетанковых войск и того ниже. Потери среди офицерского и унтер-офицерского состава просто шокируют. В процентном отношении они много выше, нежели потери среди рядового состава».

«Недооценка» — всеобъемлющее понятие, включающее многие обстоятельства. Это и возросшее боевое мастерство войск — «война научила». Это и замена негодных командиров и командующих способными офицерами и генералами. Это и подвиг тыла, сумевшего как-то компенсировать те потери оружия, которые допустила кадровая РККА. Это и взятие Сталиным командования операциями на себя, с использованием генералов в качестве своих адъютантов, следящих как представители Ставки за этими операциями. Это и выдвижение на фронте способных солдат в офицеры, и приход в армию офицеров запаса. Это и пропаганда патриотизма. Многое вошло в

это понятие «недооценка». Но все это потеряло бы значение, если бы советский народ спасовал. И главным фактором победы всю войну оставался моральный фактор, главным остался сам советский человек.

Через год с небольшим после нападения Германии на СССР в Берлине родилась бумага, начинавшаяся так:

«НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД, Управление III. Берлин 17 августа 1942 г. СВ II, Принц-Альбрехтштрассе, 8. Экз. N 41. Секретно! Лично. Доложить немедленно! Сообщение из империи № 309».

И в разделе II читаем:

«Особенно сильно занимает немцев проблема боевой мощи Красной армии, которая наряду с количеством и качеством удивительного вооружения явилась второй большой неожиданностью. До сегодняшнего дня упорство в бою объяснялось страхом перед пистолетом комиссара и политрука. Иногда полное безразличие к жизни истолковывалось исходя из животных черт, присущих людям на востоке. Однако снова и снова возникает подозрение, что голого насилия недостаточно для того, что бы вызвать доходящие до пренебрежения жизнью действия в бою. Различными путями приходят к мысли, что большевизм привел к возникновению своеобразной фанатической веры. В Советском Союзе, возможно, многие люди, главным образом молодое поколение, придерживаются мнения, что Сталин является великим политиком. По меньшей мере большевизм, безразлично какими средствами, вселил в большую часть русского населения непреклонное упорство. Именно нашими солдатами установлено, что такого организованного проявления упорства никогда не встречалось в Первую мировую войну. Вполне вероятно, что люди на востоке сильно отличаются от нас по расово-национальным признакам, однако за боевой мощью врага все же стоят такие качества, как своеобразная любовь к отечеству, своего рода мужество и товарищество, безразличие к жизни, которые у японцев тоже проявляются необычно, но должны быть признаны».

На этот абзац следует обратить внимание людей с гипертрофированной ностальгией по императорскому прошлому России. Это ведь враг пишет, причем компетентный враг и в сугубо секретном документе: «...такого организованного упорства никогда не встречалось в Первую мировую войну».

И маршал Жуков, очень ревнивый к собственно славе, на вопрос о главной причине победы все же ответил: «Мы победили, потому что у нас был хорошо подготовленный, высоко-идеологизированный молодой солдат».

Советский солдат.

Выводы

1. Молниеносная война («блицкриг», быстрая победа в войне) невозможна только военными силами, как бы ни превосходил агрессор жертву в области военных сил.

2. В любой войне моральные силы граждан данного государства являются главными факторами победы в войнах.

3. Молниеносность войны достигается деморализацией жертвы, перефразируя прусского генерал-фельдмаршала А. Шлиффена, побежденный должен внести свою лепту в дело победы над собой. Причем с помощью деморализации победа в войне может быть достигнута без применения вооруженных сил либо с ограниченным их применением.

4. Чем больше граждан данной страны готовы и способны отдать долг делу защиты общества, тем выше моральные силы общества в военной области. В основе долга обществу лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу — это, по сути, долг потомкам.

5. Способы деморализации противника:

— внушить жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору;

— разделить общество на части, и эти части если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным;

— склонить к отказу от исполнения долга перед обществом посулами материальных благ;

— подменой долга обществу долгом начальству и различными идеям.

6. Государство-жертва само может подготовить свою гибель уничтожением собственных моральных сил всего лишь пассивным наблюдением, как в обществе множится количество людей трусливых, делящихся по различным признакам, с неудовлетворенной алчностью, охваченных различными идеями, входящими в конфликт с долгом перед обществом.

7. Оценить моральные силы общества сложно, в подобной оценке возможны как переоценка этих сил, так и их недооценка;

8. Соппротивление агрессору необходимо оказывать с момента, с которого замечен его интерес к агрессии. Помимо укрепления экономических и военных сил, главное сопротивление необходимо оказывать укреплением собственных моральных и сил и подрывом этих сил у агрессора.

9. Органы пропаганды (СМИ всех видов) обязаны быть главным видом вооруженных сил страны.

10. Никаких военных концепций или теорий молниеносной войны не существует и не существовало. Собственно военное дело ограничено разработкой способов быстрого уничтожения вооруженных сил противника боем, а не побед в войнах. Сам термин «молниеносная война» введен журналистами для описания быстротекущих событий начала Второй мировой войны и не имеет под собой военного обоснования.

11. Для победы в бою необходимо иметь:

- большую, чем у противника, мощность огня;
- большую, чем у противника, эффективность огня;
- лучшую, чем у противника, защищенность от его огня.

12. Тактическое и военное искусство полководцев и командиров заключено в маневре своими войсками с целью обеспечения победы в бою указанными выше способами.

13. Победа в бою — это уничтожение войск противника, никакой захват местности или рубежей, за исключением особых случаев, победой не является и не может быть целью боя.

14. Моральная сила армии является главной ее силой, поскольку позволяет достичь победы в бою даже с большими потерями для себя.

15. Ни одно дело не требует для своего осуществления такого объема творчества, как дело победы над противником.

16. Понимание военными своего дела заключено в подготовке и вооружении армии, способной максимально раскрыть творческие способности ее полководцев и командиров.

17. Сила немецкой армии времен Второй мировой войны была заключена, помимо большой моральной силы, в максимальном раскрытии творческого потенциала максимального количества ее военнослужащих. В управленческой терминологии — в воспитании максимального количества единоначальников.

18. Воспитание единоначальников — процесс тяжелый и длительный, немцы готовили кадры не в училищах и академиях, не педагогами и теоретиками, а строевыми командирами и полковниками, отбирая в командиры тех солдат, кто способен был быть единоначальником, кто способен был творить на поле боя.

19. Воспитание такого командного состава армии позволило немцам разработать для войны соответствующую времени тактику уничтожения войск противника и обеспечить армию оружием и техникой, максимально соответствующими выбранной тактике.

20. Большие потери СССР в Великой Отечественной войне обусловлены негодным воспитанием кадрового состава командования Красной армии, обусловленного, в свою очередь, переносом в Красную армию паразитических традиций массы дворянства и офицерства конца монархии в России:

- отказом советского офицерства быть единым целым с солдатами, выделением себя в особо ценную касту, а солдат — в расходный материал войны;

- рассмотрение воинской службы как доходного промысла с высокой пенсией, требующего нехитрых упражнений в мирное время, и с уверенностью, что правительство как-то избежит войны, а в случае ее неизбежности как-то удастся от войны отвертеться.

21. Подобные кадры командного состава РККА привели к:

- выбору уже век как негодной тактики захвата местности и рубежей;

- выбору под эту тактику вооружения армии;

- отсутствию самоподготовки командного состава РККА к реальным боям (такое впечатление, что командирская масса была уверена, что доживет до пенсии или тыловой должности без войн).

22. Победа над Германией в Великой отечественной войне обусловлена совокупностью многих факторов, но главным является то, что моральная стойкость советского народа превзошла тот уровень, с которым могло справиться нацистское государство с союзной Германией Европой.

НЕМЕЦКИЕ ОФИЦЕРЫ И ВОИНСКИЙ ДОЛГ

Честное исполнение долга

Я не раз писал, что в советской и в нынешней военной истории самой большой тайной, даже «запретной темой», является то, как немцы перед Второй мировой войной готовили своих офицеров. Запретность этой темы понятна: ни русских, ни советских офицеров так не готовили, ни нынешних российских офицеров так не готовят. И когда начинаешь узнавать, как своих офицеров воспитывали немцы, то волей-неволей возникает вопрос, а почему наших офицеров так не воспитывают? И нет на этот вопрос внятного ответа, посему и попала тема о подготовке немецких офицеров в число запретных тем отечественной военной истории.

Немецкая армия, начиная с середины XIX по середину XX века, была сильнейшей, а порою и самой сильной армией мира. Да, у немцев было и очень хорошее оружие, однако не настолько, чтобы полностью определять немецкие победы. Определяя эти победы человеческий состав немецкой армии, в первую очередь ее офицеры. Немцы и до Первой мировой войны готовили своих офицеров очень вдумчиво, что и предопределило итоги, на которые указал американский историк Джеймс Корум в ранее уже приведенной мною цитате, повторяю ее:

«В течение Первой мировой войны с 1914 до 1918 год Германия мобилизовала одиннадцать миллионов и понесла потери в шесть миллионов человек. Союзники мобилизовали двадцать восемь миллионов мужчин только против одной Германии и понесли двенадцатимиллионные потери, не считая боевых действий против остальных центральных держав. Полковник Тревор Н. Дюпуи собрал эти и другие статистические данные той войны и разработал систему сравнения военной эффективности. Эффективность германской армии превосходила аналогичный показатель британской в среднем в 1,49 раза, французской — в 1,53 раза, русской — 5,4 раза».

Но в книге Джеймса Корума «Корни блицкрига: Ганс фон Сект и германская военная реформа» сообщается не только об этом презрении к русской армии, но и целая глава специально посвящена тому, как готовился командный состав Рейхсвера. (Рейхсвер — армия Германии между 1920 и 1935 годом, после 1935 года немецкая армия называлась Вермахтом.) То

есть глава посвящена тому, как готовилась немецкая армия от окончания Первой мировой войны до прихода к власти в Германии Гитлера и начала резкого увеличения численности немецких вооруженных сил.

И вот чем больше узнаешь о подготовке немецких офицеров, тем больше закрадывается уверенность, что эту подготовку нельзя воспроизвести механически. Что это значит?

Вот, скажем, в Германии тех времен, чтобы стать офицером, нужно было поступить на службу солдатом и пройти практически все солдатские и унтер-офицерские (сержантские) должности. Ну и что? Казалось бы, какие проблемы? Давайте и мы введем такое требование к подготовке российских офицеров. Проблем действительно нет — можно ввести, но толку не будет, а будут получаться те же самые офицеры, с которыми Россия хлебает горе уже пару веков. Почему?

Потому что начинать надо не с копирования немецких способов подготовки офицеров, а с воссоздания у себя немецкого военного менталитета, немецкого военного образа мыслей, немецкого военного мировоззрения. Что это значит?

Отличия немецкого менталитета от русского многогранны, но если говорить предельно обобщенно, то:

К СВОЕМУ ДЕЛУ НУЖНО ОТНОСИТЬСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДОБРОСОВЕСТНО, СТАРАЯСЬ ДОБИТЬСЯ В НЕМ ВЫДАЮЩИХСЯ РЕЗУЛЬТАТОВ.

Выдающихся!

А разве русские офицеры в армию идут для этого?

В Интернете на развлекательных сайтах появляются тысячи по большей части невыдуманных рассказиков о всех случаях жизни. Вот отрывок рассказа об армейской службе, абсолютно типичного рассказа, каких полно:

«Мой дядя, командир танка Т-62, призвался в 1979 году в Монголию, лучший в части. Во всех смотрах и проверках он занимал высшие места. Служил отлично, пример для сослуживцев. Поступает к ним в часть распоряжение типа “Набор добровольцев для участия в межнациональном конфликте в Афганистане”. Он недолго думая, с мыслями в голове “покажу я вам кузькину мать”, соглашается. Дальше его вызывает командир роты. Не успев зайти в кабинет, мой дядя получает “тумаков” и “пилюлей” на протяжении 3 минут по всем частям тела, пытаясь отмахиваться руками, он бормочет: “За что?”».

Командир, чуть ли не крича: “Ты, щенок, не понимаешь, там война, настоящая война, там гибнут люди, ты понимаешь, на что ты соглашаешься. Ты не какой-нибудь раз...дай, ты один из лучших...”. В итоге мой дядя не попал туда... Рассказы-

вая эту историю, он постоянно вспоминает Ангела-Хранителя и говорит, что он был в командире роты».

Офицер — «ангел хранитель» своей шкуры и отличных солдат от войны? И это офицер? Да, типичный советский офицер.

Но в таком взгляде на службу не Советская армия виновата.

В книге «Если бы не генералы!» я давал цитату из книги «Русская грозная туча» (1886 год), написанной С. М. Степняком-Кравчинским, начинавшим самостоятельную жизнь службой офицером русской армии:

«Состав русского офицерства сильно отличается от того, что мы привыкли связывать с представлениями о военной касте. Наши офицеры — прямая противоположность чопорному прусскому юнкеру, идеалу современного солдафона, который кичится своим мундиром, относится к муштровке солдат с серьезностью совершающего богослужение священника. В России армейские офицеры — непритязательные люди, совершенно лишенные чувства кастового превосходства. Они не испытывают ни преданности, ни ненависти к существующему строю. Они не питают особой привязанности к своей профессии. Они становятся офицерами, как могли бы стать чиновниками или врачами, потому что в юном возрасте родители отдали их в военную, а не в гражданскую школу. И они остаются на навязанном им поприще, ибо надо где-то служить, чтобы обеспечить себя средствами на жизнь, а военная карьера, в конце концов, не хуже любой другой. Они делают все, чтобы спокойно прожить жизнь, отдавая по возможности меньше времени и труда своим военным обязанностям. Разумеется, они жаждут повышения в звании, но предпочитают ожидать производства в следующий чин в домашних туфлях и в халате. Они не читают профессиональной литературы, и если по долгу службы подписались на военные журналы, то журналы эти годами у них лежат неразрезанными.

Если наши военные вообще что-либо читают, то скорее периодическую литературу. Военный “ура-патриотизм” совершенно чужд нашей офицерской среде. Если вы услышите, что офицер с энтузиазмом говорит о своей профессии или одержим страстью к муштре, то можно поручиться, что он болван. С такими офицерскими кадрами армия не способна предельно развивать свои агрессивные качества».

Революционер Кравчинский был кадетом, юнкером и офицером-артиллеристом царской армии, то есть достаточ-

но долго, «с молодых ногтей» впитывал в себя мировоззрение типичного русского офицера. Кравчинский ведь искренне уверен, что офицер, который *«с энтузиазмом говорит о своей профессии»*, является дураком, болваном. А ведь это так «по-нашему»! Русский офицер уверен, что получать деньги за то, что не желаешь и не собираешься делать, к чему душа не лежит, и служишь только потому, что иначе боишься не заработать на жизнь, — это «честно». Кравчинскому даже в голову не приходит, что это крайняя степень подлости, ведь какому государству, какому народу нужна такая «неагрессивная» армия, кому нужна беззубая собака?

(Помню, в момент перестройки бывшие советские генералы даже комитет создали «Генералы за мир!». И тут нечего сказать — это так по-русски!)

Если для тебя военная карьера не лучше и не хуже любой другой, то ведь это бесчестно — выбирать военную! Займись той, в которой ты будешь работать, а не службу обозначать. Ведь с такими офицерами наша армия всегда «неагрессивна», поскольку офицеры трусливы и воевать не умеют, а от незнания военного дела воевать боятся еще больше, поскольку знают, что любой мало-мальски серьезный противник обязательно побьет таких «профессионалов» как они. Наш средний офицер не совсем дурак и хотя бы подспудно, но понимает, что единственное, на что он способен, — это грабить казну родного государства. А в остальном это лучший «борцун за мир».

И посмотрите, с каким чванливым презрением Кравчинский, представитель типично русского офицерства, пишет о немецких офицерах — якобы «солдафонах», относящихся к службе, как к священнодействию. Между тем то, что делали немецкие офицеры, называется «честным отношением к тому, за что получаешь деньги». Они ведь получали свою зарплату за подготовку для Германии храбрых и умелых солдат, за поиск решений, как этих солдат эффективно использовать в боях возможной войны. А посему не *«в домашних туфлях и в халате»*, а честно эту работу исполняли — на полигонах гоняли солдат до седьмого пота, а потом еще столько же, потом возвращались домой и самостоятельно изучали по военному делу все, что можно было изучить.

А у нас, как передают нынешние офицеры, и сейчас в армии начини кто-нибудь из офицеров серьезно увлекаться военным делом и говорить об этом, то немедленно от коллег последуют издевки, насмешки, что-либо презрительное типа «Суворов нашелся!».

Что это дает

Таким образом, чтобы начать готовить таких офицеров, каких готовили немцы перед Второй мировой войной, необходимо прежде всего выработать немецкую ЧЕСТНОСТЬ по отношению к своему делу и к своему долгу. С честности надо начинать. Это, разумеется, во всех отраслях жизни полезно, скажем, чтобы потом не пускать сопли при виде «Мерседеса» или «БМВ» и не издеваться над «Ладой».

А уж как необходимо немецкое отношение к делу в армии!

Но принципы принципами, а мы давайте шаг за шагом уточним, что это значит — «иметь немецкое отношение к делу», иметь образ мыслей немецкого военного той эпохи.

Начнем с того, что война — это убийство вооруженных солдат противника — уничтожение его войск. Соответственно, задача каждого военнослужащего — подготовиться к этому делу — натренировать себя для уничтожения противника настолько, насколько это возможно.

А для этого солдатом должно овладеть если не огромное желание лично убивать или организовать бой, то по меньшей мере безусловное сознание, что от этого дела солдат не имеет права уклоняться и никогда не сможет уклониться. Что даже мысленно уклоняться от участия в бою — это опозорить себя. А отсюда один вывод — подготовиться самым добросовестным способом хотя бы для того, чтобы уменьшить собственную вероятность смерти в сражениях. Думаю, что в Рейхсвере с таким менталитетом было большинство военнослужащих, и в любом случае именно они задавали тон и создавали атмосферу в армии.

Эта уверенность вот откуда. В момент организации Рейхсвера у немцев был крупнейший выбор тех, из кого Рейхсвер создать, поскольку победившие союзники разрешили немцам иметь армию численностью всего в 100 тысяч человек при 4000 офицеров и генералов. А после Первой мировой войны Германия имела в строю не менее 5 миллионов прошедших войну солдат и 60 тысяч офицеров. Повторю, было из кого выбрать. Но в Германии была послевоенная разруха, демобилизованным из армии устроиться на гражданке было очень трудно, поэтому (глядя на российскую армию) мы понимаем, что и в Рейхсвере можно было бы оставить на хлебных должностях и родственников начальников, и блатных.

Но немцы отобрали 4000 самых лучших боевых и, главное, не потерявших боевитости офицеров. Почему отобрали именно их?

Я же сказал — из-за честности. Во-первых, разумеется, из-за очевидной честности. Из-за сознания, что только лучшие офицеры нужны армии, поэтому честно — это когда именно лучших в армии и оставляют. Но в данном случае это не вся честность, есть еще и та, о которой мы чуть выше начали говорить.

В немецкой армии в бою военнослужащих и технику противника лично уничтожали стрелки (в немецкой армии не было рядовых — у немцев были «стрелки») и ефрейторы. А все остальные, начиная от унтер-офицера и выше — фельдфебели, офицеры, генералы и фельдмаршалы, — организовывали это уничтожение, то есть организовывали бои и сражения. Поэтому, во-вторых, в силу ли свойств своего немецкого характера либо в силу воспитанной готовности исполнить свой долг эти унтеры, офицеры и генералы, безусловно, собирались воевать лично, повторю, лично организовывать бои. Только с такой готовностью лично воевать они могли смотреть на себя как на честных людей. (Это не командиры рот, которые и лично боя избегают, и солдатам не советуют воевать.)

И, само собой, немцы не собирались будущие бои проигрывать.

Соответственно, у немецких командиров было понимание, что с негодными подчиненными бой не выиграть. Отсюда два стремления — иметь самых лучших, самых боевых подчиненных, во-вторых, иметь возможность лично определять, годится тебе этот подчиненный или нет? Сможешь ли ты с ним выиграть бой или нет?

Понимаете, если какая-то комиссия на основании каких-то оценок, полученных на каких-то экзаменах, проведенных какими-то преподавателями, признает какого-то молодого человека лейтенантом, то это будет «по-русски», но не «по-немецки». По-немецки — это когда командир полка, в котором этому кандидату служить, признает его лейтенантом. Но сначала, разумеется, командир полка выслушает командира роты, в которой служит кандидат в лейтенанты, годится ли этот кандидат быть заместителем ротного и можно ли ему доверить для личного командования первый взвод роты? Если мнение командиров совпадет, то он лейтенант. А кто там его где-то экзаменовал — это ротному и полковнику, конечно, тоже интересно, но для них не это главное. Главное — видят ли они в этом кандидате будущего командира роты. Можно ли будет доверить ему 200 солдат и боевую задачу, посильную роте? Есть ли надежда, что он будет рваться выполнить боевую задачу большую, нежели достаточную для роты? Будет ли он для своих солдат образцом храбрости, спокойствия и уверенности?

Но и это не все. Честное отношение к долгу — понимание, что в случае войны ты от личного участия в боях никак не уклонишься, — лежит в основе требования исключительной самостоятельности немецкого командира в бою.

Офицер как художник

Однако тут тоже две стороны медали и понимать их надо так. Вот, к примеру, командир полка видит, что по противостоящему его полку противнику нужно быстро ударить «в лоб», а командир дивизии требует, чтобы полк эти силы противника обошел. Командир полка начал обходить и потерпел поражение. Кто виноват в поражении? Тот, кто принял такое решение — командир дивизии. А кто потерпел поражение? Командир полка. Для честного солдата такое положение становится нетерпимым, и если армия состоит из честных (и умных) командиров, то они потребуют у начальства максимальной личной самостоятельности в вопросе того, как спланировать бой вверенных им войск.

Но это только аверс медали единоначалия, а есть еще и реверс. Ведь и сам умный начальник понимает, что у подчиненных может возникать множество возможностей для победы, которые подчиненный видит, а ему, начальнику, эти возможности не видны. И если не дать подчиненному самостоятельности, то эти возможности будут упущены, а с ними и победа. Таким образом, требование самостоятельности командиров (по-армейски — единоначалия) шло от умных и честных подчиненных и от их умных начальников.

Тем не менее воспитание командиров, которые бы не избегали ответственности, прячась за приказами начальников, одновременно избегая любых шаблонов в бою и любого сковывающего инициативу схематизма, проводилось в немецкой армии с XIX века. Это воспитание шло очень не просто и не быстро. Но исключительно настойчиво.

Кстати, именно фон Сект, создававший Рейхсвер, был именно тем, кем надо, чтобы в Рейхсвере воспитывалась, приветствовалась и процветала самостоятельность командиров всех уровней, чтобы крепло единоначалие. Это был образ мыслей фон Секта. Вот историк Корум в своей книге пишет о принципах, которыми руководствовался фон Сект, командуя войсками на Восточном фронте в ходе Первой мировой войны:

«Хорошим примером немецкого „пути ведения войны“ является приказ, написанный фон Сектом, начальником штаба армии, для немецкой Одиннадцатой армии во время Горлицкого прорыва в мае 1915 года. Приказ подчеркивал необ-

ходимость гибкости подчиненных офицеров при принятии решений во время наступления:

“Наступление... должно осуществляться продвижением вперед в быстром темпе... Армейское командование не может назначать конкретные цели для наступления каждого корпуса или дивизии на каждый день, чтобы не ограничивать фиксированием этих целей дальнейшего продвижения... Любая часть наступающих войск, которая спеша достигает успеха в наступлении, подвергается опасности окружения. Таким образом, войска, которые меньше всего этого заслуживают, могут встретиться с проблемами в результате их слишком быстрого продвижения. Рассмотрение данной возможности заставляет армейское руководство установить определенные линии, которые должны быть достигнуты всеми войсками в целом и по возможности одновременно. Любое продвижение за пределы этих линий будет с благодарностью приветствоваться и использоваться армией”.

Этот приказ представляет собой сильный контраст по отношению к чрезвычайно детализированным приказам для британских частей во время наступления на Сомме в 1916 году, устанавливавшим максимальные, а не минимальные пределы для продвижения и настаивавшим на жестком соблюдении равномерности и одновременности продвижения наступающих войск».

Корум увидел только «гибкость» (без объяснения, что он под этим словом понимает), но ведь на самом деле в этом приказе дана полнейшая самостоятельность командиров немецких корпусов и дивизий даже в выборе целей для боя, не говоря уже о том, как именно проводить бой.

Если еще немного отдать должное фон Секту, то следует сказать, что Сект внедрил в Рейхсвер взгляд на офицера как на художника, которому вообще не приходится задавать какие-либо шаблоны. Это от инженера можно и нужно требовать, чтобы он учитывал открытые законы природы и принятые стандарты, а что вы потребуете исполнять от художника? Какие правила, стандарты и нормы? Фон Сект так писал: *«Я ничего не имею против теоретической подготовки, как и, разумеется, против подготовки практической. Любой человек, который хочет стать профессионалом в своей области, должен поработать учеником и подмастерьем, лишь гений может миновать эти этапы в процессе своего обучения. Каждый человек действия — художник, и он должен изучить материал, с которым, внутри которого и против которого он*

работает, прежде чем он начнет решать поставленную перед ним задачу».

Ниже мы увидим, что на практике обучения офицеров начал этот подход к офицеру как к художнику.

А сейчас подытожим первоначальную мысль. Ведь начал я с того, что главное требование к офицеру — быть честным по отношению к своему делу и к своему долгу. И смотрите, к чему это привело в немецкой армии:

- исключительное полное самостоятельное изучение офицерами военного дела во всех его аспектах;
- безусловная готовность лично воевать;
- высокая требовательность к качеству подчиненных;
- требования личной самостоятельности в принятии боевых решений;
- взгляд на офицера как на художника.

Что-то по сей день я не могу натолкнуться на реальные подтверждения того, что и у нас, в Российской армии, такие офицеры, что и у Российской армии такие требования к офицерам.

Но и это не все, поскольку самое важное я решил осветить отдельно, поскольку не видел такого в Советской армии и не слышал такого в нынешней. Я написал о требовательности к «качеству» подчиненных в контексте, в котором обычно употребляют понятие «подготовка». Дело в том, что понятие «подготовка», на мой взгляд, не описывает того, что требовалось от немецкого офицера.

Воспитание офицеров Рейхсвера

По окончании войны победившие союзники (Франция, Великобритания и США со множеством иных стран), разумеется, радовались победе, но страх перед немецкой армией никуда не делся (достаточно сказать, даже победив, союзники так и не сумели ступить не землю собственно Германии — немцы вели войны исключительно на территории своих противников). Поэтому они решительно воспротивились самой мысли о том, что Германия будет иметь достойные вооруженные силы. Германии было не только запрещено иметь все современные виды оружия (танки и авиацию) и артсистемы большой мощности, но численность самой армии была сокращена, как написано выше, до 100 тысяч человек. (Немцы просили хотя бы 200 тысяч — не разрешили.) Мало этого, чтобы не дать немцам готовить в войсках солдат и офицеров, а после этого прятать их в запасе, победившие союзники потребовали, чтобы срок службы офицеров был не менее 25 лет, а солдат и унтер-офицеров — 12 лет.

Поэтому вакансий всех должностей в Рейхсвере открывалось очень мало, потребности в кадрах были невелики, но во всем есть и положительные моменты. Низкая потребность в кадрах, с одной стороны, позволила комплектовать армию исключительно высококачественным человеческим материалом, достаточно сказать, что и в 1929 году даже на одно солдатское место был конкурс в 15 человек. С другой стороны, немцы резко затянули время подготовки офицеров, особенно по сравнению с тем, сколько времени готовили офицеров до Первой мировой войны. В те годы, скажем, будущий фельдмаршал Роммель впервые поступил в полк на службу стрелком в июле 1910, а в лейтенанты был произведен в январе 1912 года (через 18 месяцев). Кейтель поступил на службу в марте 1901 года, а стал лейтенантом в августе 1902 года (через 18 месяцев). Гудериан поступил на военную службу в феврале 1907 года, а в лейтенанты произведен в январе 1908 года (через 11 месяцев). Но теперь в Рейхсвере подготовка офицеров занимала 4 года, что давало возможность иметь в стадии подготовки большее количество офицеров, чем при довоенном сроке их подготовки. Но одновременно это позволяло дать офицерам огромное количество знаний. Достаточно сказать, что уже с 1919 года в Рейхсвере стали давать среднее образование всем солдатам, желающим его получить (занятия проводили офицеры), чтобы и у желающих этого солдат была перспектива стать офицером.

(Интересно, что отслуживших 12 лет солдат (ефрейторов, унтер-офицеров, фельдфебелей) с большой охотой брали на работу и службу в гражданских отраслях — умные, грамотные, инициативные, старательные и обязательные. Какие еще работники нужны?)

То, с каким усердием немцы стремились резко поднять интеллект военнослужащих, насколько добросовестно учились воевать и учили своих подчиненных, удивляло всех наблюдателей. Достаточно сказать, что возглавлявший Рейхсвер генерал фон Сект, как пишет Корум: *«Примерно треть своего времени в течение года отводил на посещение гарнизонов по всей стране, с тем чтобы наблюдать за тем, как проходит обучение»*. Или: *«Офицеры Рейхсвера поощрялись к совершению зарубежных поездок якобы с целью совершенствования языковых навыков, но больше для изучения зарубежных военных разработок. Для заграничных поездок офицеров выдавалось специальное пособие»*. Или: *«Офицер, очень хорошо сдавший военно-окружные экзамены, мог быть послан на учебу в университете на срок в три-четыре года для получения степени в технических науках — как правило, диплома инженера»*.

Я пишу об учебе, но напомним, что у немцев не было профессиональных преподавателей военных наук — офицеры учились сами, и их учили офицеры и генералы в войсках. Причем разработку программ обучения немцы начали с того, что тщательно собрали боевой опыт всех офицеров Первой мировой. И собрали вне зависимости от званий того, кто излагал свой опыт, изучили этот опыт, опубликовав массу работ. И что особенно удивительно для армии, так это исключительная независимость каждого офицера в своих взглядах. Удивительна терпимость всех немецких офицеров и генералов ко всем мнениям по всем вопросам — как к мнениям младших офицеров, так и к мнениям, резко противоречащим официальным доктринам Генштаба. Скажем, официальной доктриной Рейхсвера в случае войны были стремительные наступательные действия, но при этом масса офицеров и генералов Рейхсвера считали эту доктрину неправильной и считали, что нужно строить крепости и делать опору на оборону, и продолжали об этом писать и убеждать других в правильности своих взглядов. Свободное высказывание мнения — это достаточно удивительная даже сегодня особенность немецкого офицера того времени.

Никакие звания (ни военные, ни научные) не имели никакого значения для военного авторитета того или иного офицера. Вот несколько слов о будущем фельдмаршале Роммеле: *«Роммель был строевым пехотным офицером, получившим в Первую мировую войну орден pour le mérite, но никогда не служившим в Генеральном штабе. За то время, которое капитан провел в должности преподавателя в Пехотной школе в Дрездене, с 1929 по 1932 годы, он написал несколько тактических работ, основанных на его обширном военном опыте. В 1936-м году эти работы были собраны и изданы одной книгой "Пехота атакует!" (Infanterie Greift An!) — бестселлер, который выдержал 18 изданий и общим тиражом более 400 000 экземпляров»*. Но на карьере Роммеля это не сильно повлияло — он получил дивизию и стал генералом только в 1940 году. Но обратите внимание, что в той Германии книга капитана даже не из Генштаба, а просто капитана-фронтовика имела такой же авторитет в качестве учебника, как и книги генералов.

И еще один момент. Сейчас в различных изданиях, посвященных армии Германии, особенно написанных авторами из англоязычных стран, постоянно толкуется об экзаменах, которые постоянно сдавали немецкие офицеры и унтер-офицеры. Действительно, их часто экзаменовали, однако у нас экзамены четко связаны с двумя итогами — оценками и дипломом

или аттестатом. Но немцы ни о каких оценках не вспоминают, хотя есть немецкие мемуаристы, которые признаются, что они экзамены сдать не смогли. Что же это за экзамен, если за него нет оценки?

И вот тут надо вспомнить, что немцы военное дело считали искусством, а офицера кем-то вроде художника. В искусстве нет и не может быть никаких определенных знаний — нет задач, ответы на которые можно было бы найти в конце задачника. *«Аттестация была субъективной. Работая с заданиями по тактике, преподаватели разбирали и обсуждали тактические решения слушателей на семинарах. Поскольку немцы каждую военную проблему рассматривали как уникальную, не имеющую "готового решения", не имелось и никаких "правильных ответов"; как правило, разбиралось любое решение слушателя и его достоинства»,* — пишет Корум. Но раз нет заведомо правильных ответов, то как ставить оценку? И те, кто экзамены принимал, оценивали кандидата субъективно — способен он командовать ротой или полком или нет?

Тут может возникнуть вопрос о том, что те, кто оценивал, могли иметь любимчиков и т. д. Наверное, не без этого, но при подготовке уже офицеров, в том числе и при обучении офицеров Генштаба, такое сомнение устраняли официально: *«Экзаменуемым давались сложные задания, дополненные картами, и при этом офицеры получали строго ограниченное время, чтобы написать ряд планов и приказов. Тактические задания ставились в контексте современной войны и касались всех новых видов оружия: учитывалось применение броневых автомобилей, танков, самолетов, химического оружия. Чтобы гарантировать отсутствие протекционизма во время экзаменов, результаты оценивались централизованно отделом Т-4 в Берлине, а экзаменуемые офицеры при этом оставались анонимными. Каждая экзаменационная работа оценивалась тремя офицерами, чтобы гарантировать объективность».*

Мне уже пришлось описать способы подготовки немцами офицеров в книге «Если бы не генералы!», и у Корума я не увидел ничего принципиально иного, что потребовало бы изменить ранее написанное. Но у него раскрывается несколько моментов, которые раньше мне были непонятны и по созвучию воспринимались такими же, как и у нас.

Чисто немецкие принципы обучения

Немного продолжу о том, как немцев экзаменовали. Тут надо сказать, что у немцев, как я понял, в Рейхсвере и в Вермахте было два рубежа в оценке способностей своих офице-

ров. Первый рубеж был перед посвящением в офицеры, перед присвоением звания «лейтенант» (это звание означает «помощник», в данном случае помощник командира роты). Чтобы стать лейтенантом, кандидат в офицеры обязан был показать на разных испытаниях, что он при необходимости способен будет командовать усиленным батальоном. Но начинал лейтенант офицерскую службу, разумеется, с лейтенантской должности — с должности помощника командира роты. (В немецкой роте было два собственно офицера — капитан (гауптман, атаман) — командир роты, и лейтенант (его помощник), который одновременно командовал и первым взводом (остальными тремя взводами командовали фельдфебели)). И до самого получения звания майора и получения в команду батальона офицера больше никак официально не экзаменовали. Немцы считали, что той подготовки, которую офицер получил перед получением звания лейтенанта, плюс те знания, которые он получит в ходе службы, плюс его самообучения вполне достаточно, чтобы командовать батальоном и получить звание майора. Как я понимаю, примерно так же смотрят на офицера и в нашей армии (по крайней мере, так в Советской армии смотрели).

Далее, перед получением звания помощника полковника (оберст-лейтенанта) подходящих командиров батальонов готовили и экзаменовали на должность командира полка, дальше, похоже, никаких экзаменов не было, хотя Сект, командуя Рейхсвером, организовывал и обучение генералов.

Экзаменовали кандидатов и офицеров по многим отраслям общих знаний, начиная от иностранного языка, но главным была способность командовать. Поэтому главный экзамен был письменный и очень специфический. Экзаменуемому давали задачи, которые представляли из себя «вводную» — боевую обстановку. И предлагали на месте ротного или комбата (командира полка) дать решение этих задач, которые состояли не только из решений на сам бой (какой вид боя выбрать и как его провести), но экзаменуемый обязан был и написать все необходимые приказы и распоряжения — артиллерии, тылам, саперам, химикам и пр. Причем на ответ отпускалось очень мало времени, чтобы экзаменуемый попал в стрессовую обстановку, которую он будет иметь и в настоящем бою. Гоняли экзаменуемых так, потому что: *«На практике от офицера ожидалось, что он сможет отреагировать на любое мыслимое тактическое требование»*, — поясняет Корум.

Вот теперь мне понятны неясные места из воспоминаний немецких ветеранов. Почему, скажем, Отто Кариус, имевший не только среднее образование, но и несколько курсов универ-

ситета, плюс уже приличный опыт реальной войны, не сумел сдать экзамен на лейтенанта. Или почему тот же майор Винцер, давно и успешно командовавший противотанковым дивизионом, имея, как говорится, «всю грудь в крестах», не смог сдать экзамен на командование полком. Заметьте, в таком немецком экзамене ни шпаргалки, ни зубрежка не помогут.

Или, к примеру, натываясь время от времени на упоминания о дальнейшей командирской учебе и о связанных с этой учебой командирских или штабных поездках, я не мог понять, о каких поездках идет речь? Ну выехали из части офицеры, ну поехали куда-то, а как это их обучает? Оказывается, перемещаясь из одного пункта в другой, руководитель поездки давал на открывавшейся новой местности очередную вводную и требовал у офицеров (а в некоторых полках и у унтер-офицеров) решение и приказ. Скажем: «На том холме показался батальон противника с двумя орудиями, у вас рота, ваши действия?». Тот, кого спрашивали, должен был найти наилучшее решение применительно к местности, которую он только что увидел. Решение анализировалось остальными участниками поездки. Корум так их описывает: *«Полковые командиры также отвечали за руководство своими офицерами во время штабных поездок, то есть объездов близлежащих территорий с обсуждением того, как могли вестись наступательные или оборонительные военные действия на тактическом уровне на примере конкретной местности»*.

Но я не хочу подобными подробностями затенять главную мысль, поэтому только немного напомним, о чем уже писал несколько лет назад (с учетом прочитанного у Корума).

Детали обучения

Чтобы стать немецким офицером, нужно было сначала получить среднее образование, правда, после Первой мировой, как я писал выше, солдатам, желающим стать офицерами, но не имеющим среднего образования, его давали вечерней формой обучения. Желающий стать офицером поступал в полк в статусе «фанен-юнкер офицер» и начинал служить солдатом, которого дополнительно к солдатской службе офицеры полка сначала обучали тому, что должен знать унтер-офицер. В рейхсвере это продолжалось полтора года, и за это время кандидат обязан был заслужить звание унтер-офицера и на практике показать, что он способен командовать людьми, в данном случае отделением. И если у него это получалось, то его посылали на офицерские курсы, которые все авторы повсеместно называют «пехотным училищем», что вносит путаницу, поскольку сразу на ум приходят как наши военные училища,

так и училища иных стран. На самом деле кандидаты не поступали на службу в это «училище», как у нас или в США, немецкие кандидаты в офицеры так и оставались военнослужащими своих полков, причем уже унтер-офицерами, а в «училище» находились как бы в командировке. Первый год в этом пехотном училище был, так сказать, обще-офицерский, и обучение в нем проходили кандидаты в офицеры абсолютно всех родов войск, кроме медиков и ветеринаров. После этого кандидаты в офицеры остальных родов войск возвращались в свои части или ехали в профильные «училища», а пехота оставалась еще на год. После первых шести месяцев в училище для кандидатов всех родов войск были экзамены, после которых был приличный отсев. (В переполненном штатами Рейхсвере отсеянных кандидатов в офицеры обычно увольняли из армии.)

Как я понимаю, до Первой мировой войны таких школ не было вообще, да и организовывались они фон Сектом с иными целями. Эти школы создавались не для обучения новых офицеров, а чтобы основательней подготовить офицеров-фронтовиков из рядовых и унтеров, ставших офицерами за боевые заслуги в Первую мировую войну, прошедших отбор и оставшихся и дальше служить в Рейхсвере: *«Чтобы добиться некоторой однородности кругозора и уровня подготовки ротных офицеров — составлявших большую часть офицерского корпуса (3080 командиров из 4000 в 1922 году), — первоочередной задачей военных школ была организация учебных офицерских курсов офицеров длительностью в несколько месяцев для переподготовки офицеров военного времени»*. Потом эти школы начали использовать, чтобы унифицировать подготовку новых офицеров, собрав в школы лучших офицеров в качестве преподавателей и воспитателей.

Причем насколько ценилась не болтливость преподавателей, не их «академичность», а их реальный боевой опыт хорошо видно по тому, какую характеристику дает Корум Роммелю, который, как я уже писал, несколько лет был преподавателем в такой пехотной школе: *«Тем не менее Роммель, как и большинство офицеров Рейхсвера, не может называться военным мыслителем или теоретиком. Хотя он явно внимательно изучил свою специальность, его дневники, письма и работы никоим образом не свидетельствуют о том, что он когда-либо всерьез изучал Клаузевица или Шлиффена»*. Как видите, Коруму Роммель в качестве преподавателя не очень нравится (Клаузевица не читал), а немцы Роммеля считали вполне подходящим педагогом.

Ладно. После обучения в школе кандидаты в офицеры возвращались в полки и начинали служить командирами взво-

дов, а к ним присматривались полковые офицеры. В это время кандидаты уже не считались просто фельдфебелями, но еще и не считались лейтенантами. В это время их называли обер-фенрихами. И в течение полугода полковые офицеры принимали решение, быть этому фенриху лейтенантом или нет. Если офицеры полка не видели в данном кандидате лейтенанта и отказывали ему в этом звании, то окончательное решение принимал военный министр.

То есть пока был Рейхсвер, то для того, чтобы стать офицером, нужно было 4 года службы и учебы (напомню, что до Первой мировой даже в мирное время хватало порой меньше года). Но когда к власти пришел Гитлер и начался резкий рост вооруженных сил Германии, сроки подготовки офицеров были сразу же официально сокращены вдвое, хотя традиционный принцип обучения остался — чтобы стать офицером надо было сначала прослужить в обычном полку солдатом и зарекомендовать себя в должности унтер-офицера пехоты. Даже если ты хочешь стать офицером в авиации.

И даже война не была помехой этому требованию — любой офицер должен был уметь командовать в пехотном бою. Вот для примера часть карьеры капитана Вермахта Люббеке. Пошел в Вермахт добровольцем в 1939 году и начал служить стрелком в 13-й роте пехотного полка — роте полковой артиллерии. И к ноябрю 1943 года, сначала на фронте во Франции, затем на Восточном фронте, непрерывно осваивая артиллерийскую специальность, дослужился до звания фельдфебеля и получил Железный крест обоих классов за исключительно умелое управление огнем орудий роты. К примеру, огнем двух 150-мм гаубиц роты с закрытой позиции с пяти снарядов навесным огнем сумел попасть по нашим движущимся танкам и два подбить, во что, честно говоря, трудно поверить. Тем не менее, когда он согласился стать офицером (разумеется, артиллеристом), его послали не в какую-нибудь артиллерийскую школу, а сначала послужить в пехоту, чтобы там показать свои способности командовать:

«Прежде чем поступить в военное училище в Германии, кандидат в офицеры должен был отслужить небольшой срок командиром стрелкового подразделения. 18 сентября меня временно назначили командиром отделения, состоявшего из десятка солдат одной из стрелковых рот, которые в основном были родом из Гамбурга и его окрестностей. ...По причине того, что в последних боях погибло несколько командиров стрелковых рот, меня вскоре поставили командовать полным взводом, насчитывавшим более тридцати солдат». Заметьте, Люббеке по своему воинскому званию фельдфебеля и

так был командиром взвода, но все равно в пехоте он начал с командования отделением и только потом командовал взводом — по очереди проходил все командирские ступени. Воевал в пехоте Люббеке месяц, правда все время в боях, и даже был легко ранен: *«Хотя мое пребывание на посту командира пехотного подразделения оказалось положительным жизненным опытом, оно продолжалось слишком недолго, чтобы между мной и подчиненными установилась крепкая духовная связь. Хотя солдаты относились ко мне с надлежащим уважением, в целом оно оставалось достаточно формальным»*, — пишет он. Но и этого было мало: *«17 октября полковник Беренд приказал мне отбыть на десятидневные учебные курсы. Они проводились в тылу, в нескольких милях от передовой, и предназначались для предварительной подготовки кандидатов в офицеры перед отправкой в училище»*. Думаю, что эти курсы давали возможность офицерам полка еще раз оценить кандидата — годится ли он в офицеры.

О том, что Люббеке получил в тылу в училище (а фактически на множестве разных тыловых курсов в разных городах) за 4 месяца, сам Люббеке пишет так: *«Полевая подготовка, которую мы прошли в училище, имела скромную практическую пользу и не шла ни в какое сравнение с боевым опытом, который я приобрел на Восточном фронте. Однако теоретические знания, которые мы получили, представлялись мне интересными и нужными для моей будущей роли командира. Кроме того, было очень приятно провести несколько месяцев вдали от передовой с ее окопами, пулями и снарядами»*. Однако, на мой взгляд, его инструкторам было еще приятнее находиться в тылу, обучая фронтовиков, а не на фронте. Поскольку, скажем, будущего офицера-артиллериста Восточного фронта в тылу неделю учили спускаться с гор на горных лыжах и бобслее, учили прыгать с вышки в бассейн, не торопясь учили, *«например, тому, как следует вести себя в обществе женщин, а также надлежащим манерам за обеденным столом»*. После этого на базе его полка в Германии — там, где полк был расквартирован до войны и остались полковые запасные подразделения, — ему вручили лейтенантские погоны.

Правда, и после этого Люббеке сумел еще немного зацепиться в тылу за две недели курсов командиров пехотных рот и неделю школы верховой езды. Тем не менее вместо двух лет обучения в школах Рейхсвера вся эта «подготовка в училище» во время войны (без сопутствующих отпусков) заняла у него всего 4 месяца.

Итак, для тех, кто с восторженным придыханием говорит об огромной пользе, получаемой от пяти лет просижи-

вания штанов российскими сопляками в военных училищах. По большому счету, как вы видите из истории Люббеке, разница между фельдфебелем (прапорщиком) и офицером в четырех месяцах изучения теории типа техники спуска с гор на бобслее и поведения за обеденным столом.

Но вернемся в Рейхсвер. Для того чтобы в Рейхсвере стать офицером Генштаба, нужно было сначала в штабе округа сдать экзамены, о которых я написал выше. Интересно, что сначала экзамены сдавали только те офицеры, кто претендовал стать генштабистом, но неутомимый Сект заставил такие экзамены сдавать всех офицеров, чтобы держать их, так сказать, в тонусе и не давать им закиснуть.

«Военно-окружные экзамены, получившие такое название, потому что они ежегодно проводились в штабах семи военных округов, каждый год готовились отделом Т-4 Войскового управления. Экзамены длились несколько дней и состояли из следующих частей: три работы по прикладной тактике, одна работа по теории тактики, одна работа по военно-инженерной подготовке, одна работа по чтению карты и черчению и одна работа по вооружению и военному снаряжению. Различные вопросы составлялись с учетом рода войск офицера. Экзамены на проверку общего уровня знаний касались следующих предметов, по одной работе на каждый: история, гражданское право, экономическая география, математика, физика, химия и физическая подготовка».

Но в любом случае при очень малом количестве офицерских вакансий, в том числе и вакансий генштабистов, отбирали для обучения всего 30 человек в год — едва 10–15% даже от числа показавших наилучшие результаты.

Офицеры, отобранные для подготовки по программе Генерального штаба, первые два года служили в своих полках, но с октября по апрель первого года кандидат в офицеры Генерального штаба — как правило, молодой капитан — посещал 53-дневный учебный курс в штабе своего военного округа. В мае у него была 16-дневная штабная поездка на местности, где обычно проводились маневры. С мая по сентябрь кандидат посылался служить в части, относившиеся к другим родам войск: *«В ходе первого учебного года упор делался на изучение действий усиленного пехотного полка с тактическим взаимодействием различных родов войск в рамках полка».*

Далее, кандидат возвращался в полк и продолжал посещать занятия в штабе своего округа, и его обучали тактике уже на дивизионном уровне. На третий год слушатели прикреплялись в качестве стажеров к одному из высших штабов, как правило, штабу пехотной или кавалерийской дивизии. И на чет-

вертый год уже в Берлине кандидат проходил годовой курс подготовки, проводимой специально отобранными офицерами Генштаба и высшего армейского командования. На третьем году обучения и при обучении в Берлине кандидаты обучались проведению операций *«корпусного и армейского уровня, включая изучение иностранных армий и взаимодействия с современными военно-морскими силами»*. Напомню, что это было специально затянутое по времени обучение, чтобы иметь количество подготовленных офицеров больше, чем это определили победители.

Соответственно, *«из примерно тридцати офицеров, начинающих учиться по программе, около двадцати заканчивали первые два или три года и отсеивались с записью "годен в случае необходимости"». И только десять офицеров в год попадали в Берлин для прохождения финального года академического обучения в Берлине»*.

Корум подсчитал, что 30 начинающих обучаться будущих генштабистов обучали 21 генерал и офицер, при этом среди преподавателей не было ни одного, скажем так, «профессионального преподавателя» в области военных дисциплин — это были войсковые офицеры — командиры полков и дивизий, начальники штабов.

Насколько качественно велась подготовка, можно оценить из того, что в советской стрелковой дивизии по штатам 1941 года было 94 человека командного и политического состава, в штабе американской пехотной дивизии служило 79 офицеров, а в немецкой пехотной дивизии — около 30. И Корум пишет: *«Однако никто еще не смог привести свидетельства, что американские дивизионные штабы были более эффективны, чем немецкие»*.

И еще что меня, надо сказать, сильно удивило. Мы-то привыкли, что Академия Генштаба готовит каких-то умников для работы в штабах, а Корум сообщает, что по немецким критериям офицер Генштаба обязан быть *«решительным, готовым брать ответственность, уметь сохранять спокойствие в угрожающей обстановке и **быть вождем** для своих войск»*.

Вот, скажем, полковник В. Адам даже не генштабист, а всего лишь 1-й адъютант командующего 6-й немецкой армии, по-нашему начальник отдела кадров армии. В ноябре-декабре 1942 года при ударе советских войск по 6-й армии с выходом наших дивизий немцам в тылы немцы потеряли управление войсками и их единое командование развалилось. И Адам, случайно оказавшийся старшим в чине в районе панического отступления подразделений немецких войск, собирает солдат в боевую группу и с помощью контратак и оборонительных

боев сдерживает натиск советских войск по реке Чир столь удачно, что награждается за это Рыцарским Крестом.

Как видите, у немцев даже в штабах действительно служили вожди.

А вот воспоминания генерала И. А. Толконюка. В октябре 1941 года немцы окружают под Вязьмой группу советских войск, в том числе и 19 армию, которой командовал генерал Лукин. Лукин тут же предательски перестает командовать войсками и фактически удирает из штаба с явной целью сдать в плен. В штабе остается около двухсот офицеров, их должен кто-то возглавить. В такие моменты и проявляется, что значит «русский офицер». Толконюк, тогда капитан (одна шпала на петлицах), предложил возглавить эту группу кому-то из старших по званию офицеров штаба. Он пишет: *«Но меня прервали голоса:*

— Я инженер, а не строевой командир, — возразил майор инжвойск.

— А я связист и не смогу командовать...

— А я политработник и мои обязанности известны, — высказался офицер с двумя шпалами на петлицах.

— В любой обстановке моя обязанность — политобеспечение».

Вожди... Не воины, а беспомощное стадо «офицеров».

* * *

Итак, повторю, главное в этой работе — то, что мне хотелось донести до читателей, — это не описанные детали подготовки немецких офицеров. Главное, что надо почерпнуть у немцев, — это честное отношение немецкого офицера того времени к своему офицерскому долгу. Я старался показать различные аспекты того, что означает эта честность на практике, но оставил не освещенным один, на мой взгляд, самый главный аспект.

Фон Сект требовал, чтобы *«каждый офицер каждого рода войск Рейхсвера постоянно помнил о своей роли ОБРАЗЦА для подчиненных ему войск».*

Что значит быть «образцом»? Ведь все погононосители, особенно носители погон с большим количеством звезд, могут заявить, что и они, в общем-то, образцы.

Мне пришлось в свое время готовить к печати для публикации в одной книге с моими работами воспоминания уже на тот момент умершего ветерана войны, командира батальона связи 2-й стрелковой дивизии А. В. Невского, оказавшегося свидетелем организованной сдачи в плен в мае 1945 немецких дивизий в Кенигсберге. Он писал: *«А дальше произошло*

то, что произвело на нас, советских воинов, сильное впечатление. Когда немецкие офицеры получили приказ Перевозникова построиться отдельной колонной, началось их прощание со своими солдатами. Они целовались и плакали, не стыдясь своих слез».

Вот я и думаю, что, когда солдаты даже потерпевшей поражение армии плачут, прощаясь со своими офицерами, вот тогда, пожалуй, можно сказать, что в этой армии офицеры были образцами для своих подчиненных.

ГЕНЕРАЛЫ ДЛЯ ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

У нас есть толковый труженик военной истории — Артем Драбкин. Он собирает воспоминания ветеранов, причем часто задает нужные вопросы, превращая ответы ветеранов в нечто достаточно информативное. Недавно мне порекомендовали его книгу «Я дрался в СС и Вермахте», в которой он собрал воспоминания немецких ветеранов. Хорошо то, что собирал он их уже после развала СССР и ГДР, то есть над ветеранами уже не висел страх расправы парткома, и они стали раскованнее, хотя, конечно, появилась и обратная тенденция — они уже, оказывается, не совершали на территории СССР никаких зверств, а оккупированное население в них души не чаяло. Один дедушка даже дает задним числом советы Гитлеру освободить Украину, и украинцы, дескать, тут же побежали бы сражаться с Россией. Старичок забыл, что Гитлер и без него был умный, однако ничего кроме одной дивизии из западных украинцев от Украины не получил. Ну ладно.

Старички, конечно, и всей правды не говорят, и лгут — что уж тут поделать, на то они и ветераны войны, посему к их рассказам надо подходить соответственно — принимать на веру только то, в чем они точно не заинтересованы соврать.

Покажу это на примере описания ими плена.

Русский плен

Вот один старичок рассказывает, как его взяли в плен еще в 1942 году:

«Уже 22 января я попал в плен. Я находился один в боевом охранении, когда увидел группу русских солдат — человек пятнадцать в зимней одежде на лыжах. Стрелять было бесполезно, но и сдаваться в плен я не собирался. Когда они подошли поближе, я увидел, что это монголы. Считалось, что они особенно жестокие. Ходили слухи, что находили изуродованные трупы немецких пленных с выколотыми глазами. Принять такую смерть я был не готов. Кроме того, я очень боялся, что меня будут пытать на допросе в русском штабе: сказать мне было нечего — я был простой солдат. Страх перед пленом и мучительной смертью под пытками привел меня к

решению покончить с собой. Я взял свой “маузер 98к” за ствол и, когда они подошли метров на десять, вставил в рот и ногой нажал на спусковой крючок. Русская зима и качество немецкого оружия спасли мне жизнь: если бы не было так холодно, а части оружия не были так хорошо подогнаны, что смерзлись, то мы бы с вами не разговаривали. Меня окружили. Кто-то сказал “Хенде хох”. Я поднял руки вверх, но в одной руке я держал винтовку. Ко мне приблизился один из них, забрал винтовку и что-то сказал. Мне кажется, что он сказал: “Радуйся, что для тебя война кончилась”». Ну и далее рассказ о своем героическом поведении на допросе.

Оно, конечно, можно и зимой вставить ствол карабина в рот, но как обутым просунуть большой палец ноги в скобу, прикрывающую спусковой крючок? Перепугался парнишка и струсил стрелять...

А вот ветеран, взятый в плен в Сталинграде, вспоминает, как их на поезде перевозили в лагерь военнопленных в Узбекистане:

«31 января, в первый день плена, мы прошли из южного Сталинграда в Бекетовку. Там собрали около 30 тысяч пленных. Там нас погрузили в товарные вагоны, по сто человек в вагон. На правой стороне вагона были нары на 50 человек, в центре вагона была дыра вместо туалета, слева тоже были нары. Нас везли 23 дня, с 9 февраля до 2 апреля. Из вагона нас вышло шестеро. Остальные умерли. Некоторые вагоны вымерли полностью, в некоторых осталось по десять-двадцать человек. Что было причиной смерти? Мы не голодали — у нас не было воды. Все умерли от жажды. Это было запланированное уничтожение немецких военнопленных. Начальником нашего транспорта был еврей, чего от него было ждать? Это было самое ужасное, что я пережил в жизни. Каждые несколько дней мы останавливались. Двери вагона открывались, и те, кто был еще жив, должны были выбрасывать трупы наружу. Обычно было 10–15 мертвых. Когда я выбрасывал из вагона последнего мертвого, он уже разложился, у него оторвалась рука. Что помогло мне выжить? Спросите меня что-нибудь полегче. Я этого не знаю.

— В России есть мнение, что сталинградские пленные умерли в основном потому, что они были истощены уже в котле, как вы считаете?

— Да, это частично правда. Многие голодали, но моя часть не голодала. У нас была конина и хлеб с элеватора. Даже если

вы полностью здоровы, посадите вас на три недели в вагон и не давайте воду — вы умрете. Еще говорят, и это неправда, что все сталинградские пленные были уже больны и поэтому их приговорили к смерти, поэтому многие умерли».

Им выдавали продукты, но не выдавали воду? Продукты были ценностью, а воды на станциях — хоть утопись. Ведь тяга была паровозной, а паровозы ходят на воде, и на каждой станции стояла водонапорная башня для заправки паровозов. Уж если бы хотели их уморить, то тогда бы не выдавали и продуктов! Продукты-то на пленных зачем переводил этот проклятый еврей?

Потом это что за лапша на уши с оторвавшейся рукой у трупа в феврале? Что за лапша о 100 человеках в вагоне с нарами? Такой вагон вмещает «40 человек или 8 лошадей», на крытых двухосных вагонах в те годы, кстати, была такая надпись. Если бы он сказал, что нар не было и везли стоя, как немцы возили наших пленных, тогда да — тогда 100 человек стоя в вагон влезутся, но он же ни слова не говорит о том, что им в вагоне было тесно. Врет! Не о количестве умерших, очень не исключено, что тут он говорит правду. Врет о причине их смерти. Почему?

Немцы в окружении под Сталинградом исполнили свой воинский долг, а его исполняют и ценою жизни. Сопротивляясь в окружении, они, по сути, не дали нашим армиям взять Ростов и окружить всю кавказскую группировку немцев. Но воинский долг не был причиной их стойкости, таковой была святая вера в то, что Гитлер их выручит. Эта вера не дала им мужества самим пойти на прорыв, эта, как выяснилось, глупая вера не дала им плюнуть на Гитлера и командиров и перебежать к русским в плен еще в декабре, когда они в большинстве своем были здоровы и полны сил. Они сами себя обманули, и этот самообман оказался смертельным. Драбкин задал точный вопрос: немцев начал косить тиф. Ведь тогдашние цивилизованные европейцы не любили бань и были донельзя зашпигленными. У них и в зиму 1941 года в госпиталях количество тифозных больных равнялось количеству раненых, а тут экстремальные условия окружения зимой.

И пленные в эшелоне умирали от тифа и болезней, а фактически от собственной глупости: сдайся они раньше — и были бы живы. Но как немцу в своей глупости признаться? И он валит все на русских, в данном случае на еврея. Что смешно, несколько абзацев выше этот же ветеран вспоминал эпизод своего пленения:

«Первое, что спросили русские солдаты, было “Uri est”? Uri est?». (Uhr — часы.) У меня были карманные часы, и русский солдат дал мне за них буханку немецкого солдатского черного хлеба. Целую буханку, которую я не видел уже несколько недель! А я ему, с моим юношеским легкомыслием, сказал, что часы стоят дороже. Тогда он запрыгнул в немецкий грузовик, выпрыгнул и дал мне еще кусок сала. Потом нас построили, ко мне подошел монгольский солдат и отнял у меня хлеб и сало. Нас предупредили, что тот, кто выйдет из строя, будет немедленно застрелен. И тут в десяти метрах от меня я увидел того русского солдата, который дал мне хлеб и сало. Я вышел из строя и бросился к нему. Конвой закричал “nazad, nazad”, и мне пришлось вернуться в строй. Этот русский подошел ко мне, и я ему объяснил, что этот монгольский вор забрал у меня хлеб и сало. Он пошел к этому монголу, забрал у него хлеб и сало, дал ему затрепанину и принес продукты мне обратно».

И я должен поверить, что эти русские солдаты конвоя ежедневно носили им хлеб, которого они не видели «уже несколько недель», но не давали воды?

Что касается часов, то немцам перед походом в Россию надо было оставить их дома, и не на прикроватной тумбочке, а надежно зарыть, поскольку американцы и англичане, по воспоминаниям этих же ветеранов, грабили гораздо энергичнее: *«В Союзе военнопленных некоторые из нас были в Бад Кройцнахе, в американском плену, у американцев было по десять часов на руке! Русские в этом не были исключением, я бы даже сказал, что американцы были гораздо хуже».* В этом вопросе от американцев не отставали и чопорные англичане: *«Я пошел на вокзал, сел в поезд, потом сделал пересадку, в любом случае 23 декабря я опять был дома. Я был рад. Англичане, конечно, нас подчистили, в доме больше не было ковров, исчезла одежда, и так далее, и так далее. Но все получилось хорошо, я опять был дома».* Вообще-то, раз немцы собрались на грабеж России, то должны были быть готовы к такому повороту событий и не ныть потом.

Следует оговорить, что нынешняя откровенность ветеранов по-иному заставляет взглянуть на некоторые события. Ведь Германия идеологически была разделена на коммунистов и нацистов, нацисты после своей победы на выборах частью переубедили коммунистов, а частью просто заставили их замолчать, и те затаили злобу. А среди нацистов были и искренние патриоты Рейха: *«Почему вы пошли на войну добровольцем? — Чтобы защитить мою родину».* И основная масса обывателей, пойдя за нацистами, стала их пособниками, со-

ответственно, не могла потом признаться в своей неправоте. В плену ситуация изменилась, коммунисты брали реванш и мстили. А поскольку именно их назначали в лагерную администрацию, то в результате почти у всех ветеранов стойкая ненависть к этим антифашистам.

Вот Драбкин спрашивает одного: *«Как вы в лагере относились к антифашистам?»* — и получает ответ: *«Я к ним не очень хорошо относился, более того, я их ненавидел, потому что они были гораздо хуже русских. Среди антифашистов были нормальные люди, но те, кого я знал...»*».

А вот отвечает второй: *«Комендантом лагеря был немец, рейнец, не помню, как его звали, коммунист, стукач, антифашист, предположительно он сидел в концентрационном лагере в Германии. Некоторым из нас, из Ваффен СС, он специально отбивал печень»*.

Вот третий: *«Мы поехали дальше в Мариенбон. Там был конец, утром мы перешли границу Западной Германии. Там были русские, была нейтральная полоса, русские говорили, dawaj, raz, dwa, tri, и мы перешли границу. Нас принимали, все были там, политики, католический священник, протестантский пастор, Красный Крест и так далее. Тут мы неожиданно услышали ужасный вопль, как мы потом узнали, там забили до смерти одного антифашиста, который многих отправил в штрафные лагеря. Тех, кто это сделал, увела полиция»*.

Вот четвертый: *«Наши немецкий начальник лагеря был сталинградцем. Но это не значит, что начальником не мог стать кто-то, попавший в плен позже. Наши начальник, его звали Фрид Фрайер, до того как попал в плен, был обычным солдатом, ефрейтором, он немного болтал по-русски. Ни один русский не вел себя так ужасно, как он. Это был настоящий преступник. Его и сегодня ищут товарищи... Непонятно, вернулся ли он домой и что с ним стало. Надо сказать, что немецкие солдаты, которые стали руководителями лагерей, обращались с нами хуже, чем русские»*.

Вот пятый: *«Были те, кто поддерживал комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров, были и те, кто их не поддерживал. Я был с теми, кто не поддерживал. В самом начале моей жизни в плену в одном лагере мы встретили группу немцев, в основном в русской униформе. Они назывались как-то вроде “Немецкая освободительная армия”. Я помню, что один из них был одет в немецкую униформу без знаков различия, но с русскими красными нашивками за ранения. Для нас это были предатели, абсолютно однозначно. Большинство пленных немецких солдат считали, что, пока идет война, нельзя просто так перепрыгнуть на другую сторону»*.

Вот этим разделением, скорее всего, и надо объяснить восстановление в ГДР в июне 1953 года. Но вернемся к плену.

Напомню, что, когда Драбкин начал опрос, немцы уже ничем не были обязаны ни СССР, ни русским. Тем не менее они вспоминают, что после сдачи в плен убить могли во фронтовой полосе, но дальше конвой защищал надежно. В России могли быть и тяжелые условия труда, и тяжелые условия жизни, но все пленные работали бок о бок с русскими, которых они же и разорили и которым было не менее трудно. Но характерны вот такие воспоминания.

Вот вспоминает один: *«В Кишиневе, на Пасху, был обычный рабочий день, я стоял с тележкой и лопатой, грузил картошку возле забора. К забору подбежала русская женщина средних лет. Она просунула под забором пакет и сказала что-то по-русски. Я не понял, что она сказала, товарищи в лагере мне потом объяснили, что она сказала: "Hristos voskres, Hristos voistinu voskres". В пакете был хлеб, яйца, мясо, еще что-то. Так мы втроем или вчетвером получили наши пасхальный обед. Это тоже невозможно забыть».*

Вот второй на вопрос: *«Что вас в России больше всего поразило?» — отвечает: Веселость и сердечность простых людей. В Германии были русские пленные, им определено было хуже, чем нам. Гораздо лучше быть немцем в русском плену, чем русским — в немецком.*

Я хорошо работал. Русские даже присвоили мне звание "лучший работник", и моя фотография висела вместе с русскими на Доске почета. Когда я в ГДР это рассказывал, мне никто не верил, говорили, что я издеваюсь. Фотография была маленькая, овальная, я ее увеличил и сделал четыре штуки, и, когда нам разрешили писать домой, я послал ее моим родителям. Мои братья и сестры даже не поверили, что это я, на фотографии у меня были волосы, я выглядел довольно ухоженным, не как унтермени или доходящий заключенный».

Вот вспоминает эсэсовец:

«Хорошо, что мы попали в плен не в горячке боя, а далеко от линии фронта. Русские были миролюбивы. Солдаты привели нас в штаб. Мы смотрели и не понимали, куда мы попали, — это было совсем не то, что говорила пропаганда. Солдаты были чистые, в красивой форме, они отдавали друг другу честь. Порядок был почище пруссацкого! Вскоре приехали почти два десятка офицеров. Нас вызвали на допрос. Я и мой товарищ и ровесник Удо вошли вместе. Допрос шел через переводчика-еврея. Я отвечал на все вопросы, рассказал, что у нас были большие потери от бомбардировок. Это была правда. Мы приняли летящие с запада русские самолеты за свои

и даже махали им рукой, пока не посыпались бомбы. Это мне пришлось пересказывать дважды, поскольку они смеялись. Я был этому рад, потому что враги, которые смеются, не убивают. Что-то в рассказе моего товарища не понравилось переводчику, и он его ударил по лицу. Но тут же вмешался старший из офицеров и что-то сказал, думаю, запретил бить. Другой офицер дал моему товарищу индивидуальный пакет, чтобы он мог остановить кровь. Было очень неожиданно, что русские обращаются с нами по-человечески. Хотя вот этот переводчик после допроса отвел нас в сторону и стал угрожать, что расстреляет, но, слава богу, остальные офицеры были настроены миролюбиво. Мы примерно полчаса ехали на грузовике. Нас высадили, и я в первый раз в жизни увидел русский танк, вероятно "stalinetech", с 10,5-сантиметровой пушкой. Русские солдаты обедали. Они ели макароны из огромных мисок. Видимо, мы смотрели такими голодными глазами, что они предложили нам поестъ то, что осталось. Я не мог в это поверить! Некоторые из них еще отдали нам свои ложки! Начиная с этого момента меня ни разу не били, ни разу не ругали, я ни разу не ночевал под открытым небом, я всегда имел крышу над головой. В первый вечер нас разместили в пустом складе. Мы сидели за столом, когда пришел русский солдат и принес на руке кольца колбасы, немного хлеба и говядину. Но у меня не было аппетита, и я почти ничего не ел, поскольку считал, что утром-то нас уж точно расстреляют. Пропанганда мне это внушила! Если я еще сколько-нибудь проживу, я опишу это время, потому что я снова и снова слышу про то, как ужасно было у русских, какие русские свиньи и какие отличные парни были американцы. В плену было тяжело. Были разные лагеря. Были и такие, в которых умерло 30 процентов пленных... В день окончания войны я был в лагере на польской границе, в Ландсберге. Это был образцовый лагерь: очень хорошие помещения, туалеты, ванны, красный уголок. Только кабаре не хватало! В лагере собрали транспорт на восток. 8 мая нас должны были погрузить в поезд, но мы остались в лагере до 10 мая, потому что комендант лагеря никого не выпустил. Ведь 9 мая русские праздновали День победы и могли на радостях в пьяном виде нас всех перестрелять! Здесь недалеко есть дом престарелых, там живет один человек, который был в американском плену на Рейне, он с мая по октябрь просидел под открытым небом. У одного их товарища было воспаление легких, так ему просто дали доску, на которой он мог спать под открытым небом. Когда кончилась война, пьяные американцы стреляли в них из автоматов, убив десятки людей. Один товарищ, который

был в русском плену, мне рассказывал, что ему хотели отрезать ногу, поскольку у него было воспаление. Врач ему сказала: "Альфред, когда придет комиссия, я запру тебя в кладовой. Мы восстановим ногу народными средствами". И у него до сих пор есть нога! Врач обращалась к нему по имени! Можете себе представить, чтобы немецкий врач обращался к русскому пленному по имени? В 1941 году примерно один миллион русских военнопленных умер в немецком плену от голода и жажды... Я всегда говорю, что с нами обращались не так, как мы с пленными русскими. Конечно, нам говорили "Jaschist" и "Gittler karut", но это не считается. Русская администрация, это абсолютно очевидно, прикладывала усилия, чтобы сохранить жизни пленным».

А вот вспоминает еще один эсэсовец:

«Мы пришли в этот лагерь и не поняли, что это лагерь. Он выглядел как нормальный жилой микрорайон, там на окнах висели гардины и стояли горшки с цветами. Там нас принял немецкий комендант лагеря, хауптштурмфюрер СС. Он спросил: "Какая дивизия?" — "Тотенкопф". — "Третий блок, доложите там старшине". Мы снова были у нас, в СС! Это был лучший лагерь за все мои более чем четыре года в русском плену. Мы работали в шахте, шахта была в 150 метрах от лагеря, после нашей смены в шахте туда заступала русская смена, у нас не было охраны, мы участвовали во всех социалистических соревнованиях, и ко дню Октябрьской революции, и ко дню рождения Сталина, и "Лучший шахтер", мы их все выигрывали! У нас был чудесный политический офицер, он привез нам 30 женщин из лагеря для интернированных, у нас был танцевальный оркестр, у нас был танцевальный вечер, но я на нем не был, была моя смена, черт ее побери. И вот теперь сенсация! Мы получали зарплату, столько же, сколько и русские. Я повторяю, мы получали столько же, сколько и русские! И даже больше, потому что мы работали намного старательней, чем они. И деньги приходили к нам на счет. Но все деньги мы снять не могли, мы должны были перечислять с наших счетов 456 рублей за расходы на нас в лагере.

В июле 1948 года наш политический офицер, который не провел с нами ни одного политического занятия, потому что он сразу сказал, что нам это все равно до лампочки...».

Но про плен я написал попутно, поскольку меня интересовали другие темы.

Прежде всего, как немцы могли готовить офицерские кадры, чтобы на вопрос о покушении на Гитлера в 1944 году А. Драбкин получил ответ: «20 июля было для нас разочарова-

нием. Как мог немецкий офицер заложить бомбу, чтобы добиться должности, при этом убежать? Те, кто стоял там вокруг стала, ему были до лампочки. Сегодня говорят о господине Штауфенберге, которого расстреляли, но не про тех, кого он там убил. У господина Штауфенберга была одна рука, он мог стрелять, но он заложил бомбу и убежал. Мы, по крайней мере в нашей части, это событие уж никак не поддерживали. По крайней мере, когда такие дела делают, надо, чтобы они получались. Самому надо было стрелять, а не закладывать бомбу и убежать, чтобы гарантированно убить, если уж на то пошло?»

И почему мы не нашлось среди советских офицеров ни одного, который бы не то что лично пристрелил Горбачева, но хотя бы бомбу под него заложил? Ну ладно.

Прежде всего, у кандидата в офицеры Вермахта должно было быть желание им стать, во-вторых, образование, которое дает право поступить в высшее учебное заведение, но главным для желающего стать офицером было службой солдатом доказать, что ты можешь быть офицером. Во время войны — показать на фронте, на передовой. Об училищах, в которые мог бы поступить сопляк, чтобы через 20 лет иметь большую пенсию, немецкие ветераны не вспоминают: таких училищ в Германии просто не было. Были курсы, которые переводчики обычно переводят как училища, но на самом деле это были именно курсы для обучения кандидата в офицеры, зарекомендовавшего себя службой солдатом (унтер-офицером) тому, что трудно было узнать во время службы в строю.

Вот окончивший войну командиром роты Э. Готтфрид: «Я родился в 1921 году, так что, когда началась война, мне было 18 лет. Меня должны были призвать осенью 40-го года, но призвали меня досрочно, и уже в декабре 1939 года я поступил во второй пехотный полк одиннадцатой пехотной дивизии в Алленштайне, в Восточной Пруссии. С этим полком в звании ефрейтора я участвовал во французской кампании. ...После войны во Франции всю дивизию перебросили обратно в Восточную Пруссию, на мою родину. Уже в январе месяце 1941 года я поступил в военную школу в Потсдаме, в которой учился пять месяцев, и в мае я вернулся в свой полк в звании лейтенанта. В полку я принял пехотный взвод. Я всю войну прошел со своим полком. Семь раз был ранен, но всегда возвращался обратно. И покинул его только осенью 1944 года, когда в Курляндии был тяжело ранен — разрывом мины мне почти оторвало стопу. На этом моя война закончилась».

А вот офицер Э. Зигфрид, так презрительно отозвавшийся о Штауфенберге:

«Я родился в 1922 году в Саксонской Швейцарии, южнее Дрездена, у чешской границы, вырос в окрестностях Дрездена, ходил в школу, потом в старшую школу, сдал экзамены на право поступления в университет, а в октябре 1940 года пошел добровольцем в армию, в горные егеря.

— Как долго вы в первый раз были на фронте, до того как вас отозвали в школу?

— С июня по ноябрь.

Когда фронт остановился на реке Лица, меня отозвали в военную школу в Потсдам. Там я учился три месяца. Изучал все, что положено знать офицеру — горному стрелку: тактику, руководство подразделением и так далее. В феврале 1942 года мне присвоили звание лейтенанта».

В СС были свои правила, слабее с точки зрения образования, но жестче в остальном:

«Вскоре пришла повестка прибыть в Нойцелле у Губена в учебный и резервный батальон 3-й танковой дивизии СС “Мертвая голова”. К счастью, там было только военное обучение. Мы изучали карабин 98к и MG-34, а здесь были пулеметы MG-42 и штурмовой карабин 44/45, великолепное оружие, с магазином на 36 патронов, с укороченными патронами со стальной гильзой, того же калибра, как карабин 98к. Нас учили жить в свинарниках, на сеновалах, в окопах — это была хорошая практическая подготовка к фронту. Бывало, все наши вещи выкидывали из окон казармы, и мы в кратчайшее время должны были привести все в порядок. Вы знаете старую поговорку: пот экономит кровь, тяжело в ученье — легко в бою. Постоянные 25-километровые марши с полной выкладкой, постоянная муштра — это было действительно ужасно.

Я был кандидат в офицеры СС. Я отучился на банковского служащего, у меня была гарантия стипендии, я был добровольцем. Я должен был учиться на штабного офицера, но командир роты перевел меня на полевого офицера, потому что многие товарищи были ранены или убиты. Я должен был пройти испытание на фронте, потом полгода школа юнкеров, потом опять полгода испытание на фронте. Во время испытания на фронте надо было получить или значок “Ближний бой”, или Железный крест второго класса, или оно продлевалось еще на полгода. Большинство или в ж... во время первого испытания на фронте. И в 19 лет я мог стать офицером, унтерштурмфюрером СС. Не имея права поступления в университет, даже не окончив среднюю школу, достаточ-

но было только среднего профессионального образования. Такое было возможно только в Ваффен СС. У нас не было господ, мы обращались друг к другу не "герр", а только по званию.

Наше товарищество было великим. За кражу у товарища у нас немедленно была штрафная рота. В первый же день обучения в СС нам сказали, что, если кто-нибудь из наших командиров к нам безнравственно приблизится, мы должны немедленно об этом докладывать. Мы не поняли, о чем речь, но нам объяснили, что речь идет о гомосексуализме — одном из четырех смертельных грехов Ваффен СС.

— Что такое хороший командир?

— Тот, который со своими солдатами обходится разумно. И никогда от них не требует того, что не является необходимым. С ними думает и с ними живет. Тот офицер, который командует подразделением, должен любить своих солдат. Офицер посылает солдата на смерть, эта ужасная обязанность есть у всех офицеров. Когда ты посылаешь солдат в атаку, ты знаешь, что вернутся не все. Но и ты должен идти вместе с ними.

После того как с воспоминаний ветеранов Советской армии была снята цензура, появилось множество свидетельств трусости, подлости и тупости советского кадрового офицерства, которые приводили к неоправданной гибели тысяч советских солдат. И даже если в этих воспоминаниях и не все объективно, то все равно обилие этих свидетельств угнетает. А у этих немецких ветеранов и близко ничего подобного в воспоминаниях нет. Есть у одного ветерана описание мелкой склоки со своим командиром роты, но она не касалась боевых качеств этого командира.

Такая подготовка немцами своего офицерства стоит того, чтобы к ней присмотреться.

Оружие

Теперь о том, как немцы оценивали свое и наше оружие.

Сначала вообще об оружии немецкой пехоты, хотя эти данные достаточно известны:

«В батальоне были три стрелковые роты и рота тяжелого оружия. В тяжелой роте были два взвода тяжелых пулеметов и один взвод минометов 81 миллиметра. Пехотный взвод стрелковой роты имел обычно четыре отделения, каждое отделение из 10 человек, которым командовал унтер-офицер с пистолетом-пулеметом, один легкий пулемет,

у остальных были карабины. В 1943-м мы получили новое оружие — автоматические карабины — штурмгевееры. У нас в полку проводились их армейские испытания. Наши батальон первым был полностью перевооружен штурмовыми винтовками. Это прекрасное оружие, дававшее невероятное увеличение боевых возможностей! У них были короткие патроны, так что боеприпасов можно было брать большие. С ней каждый человек становился практически пулеметчиком. У них поначалу были детские болезни, но их исправили. У нас даже изъяли пулеметы, но в конце 1943 года под Колпино мы установили, что с этими винтовками, но без пулеметов мы в обороне не можем обойтись, и очень быстро пулеметы ввели обратно. Так что во взводе были пулеметы и штурмовые винтовки. Другого оружия у нас не было. В самом начале войны в роте были еще 5-сантиметровые минометы, но их очень быстро сняли с вооружения, во-первых, потому, что они были очень тяжелые, а во-вторых, потому, что много боеприпасов с собой не возмешь — тоже очень тяжелые.

— Верно ли, что пулемет был основным оружием в обороне?

— Да. Ну и артиллерия, конечно. Главное оборонительное оружие — это все же артиллерия. Она несет основную нагрузку. Пехота вступает позднее, если случается что-то неожиданное. Основное оружие пехоты в обороне — карабин, штурмовые винтовки, легкий пулемет и тяжелый пулемет, на лафете. У нас в пехотном полку были еще две специальные роты — противотанковая рота, с 3-, 7- и 5-сантиметровыми противотанковыми орудиями и одна рота пехотных орудий, из двух легких взводов — шесть легких, 7,5-сантиметровых пушек и одного взвода тяжелых пушек 15 см, которые подчинялись непосредственно пехотным командирам. Они всегда были с нами, это было, конечно, очень большое усиление.

— Чем были вооружены командиры?

— У командиров взводов и рот были пистолеты-пулеметы. Также были пистолеты. У меня был П-38 “вальтер”.

— Ручные гранаты?

— Да, конечно, “колотушки”, их потом сняли с вооружения. В 1942 году были яйцо-гранаты. Их выдавали по потребности, когда надо, на марше их в машинах перевозили, у солдат было достаточно поклажи. К атаке их выдавали. Мы их носили в поясной сумке, реже в рюкзаке, чтобы был резерв.

— Зимой оружие отказывало?

— Да, зимой, при низких температурах, смазка замерзала, и оружие не работало, но с этой проблемой легко было спра-

виться — надо было просто полностью убрать смазку. Дело опыта — мы этому быстро научились. Пулеметы прекрасно работали. МГ-42 был первоклассный, очень хороший пулемет, никогда не отказывал.

— Трофейным оружием пользовались?

— Перед тем как меня первый раз ранило, я добыл себе русский пистолет-пулемет, потому что у меня немецкого не было. Он был очень хорош, но где он остался, я не знаю. Но это скорее случайность. Русский пистолет-пулемет работал прекрасно. У него был или дисковый магазин, или рожок. Дисковый магазин был хороший, но тяжелый. Оттягивал ствол вниз, не очень сильно, но оттягивал. С винтовкой СВТ мне сталкиваться не приходилось.

...

— Самым опасным русским оружием был, без сомнения, танк Т-34. Впервые мы их увидели в ноябре 1941 года. До этого мы сталкивались только с легкими танками и тяжелыми КВ. В ноябре 1941 года пришли первые Т-34, и это было для нас очень неприятно, потому что против них мы ничего не могли сделать. В пехотном полку был один взвод пятисантиметровых противотанковых орудий, но даже они Т-34 спереди не пробивали. Это был танк, который до 1944 года тотально превосходил все типы наших танков. Даже Т-4. С Т-34 мог справиться только 8,8-сантиметровый "Флак". Т-34 был превосходный танк, без каких-либо сомнений. У него был очень большой радиус действия, дизельный двигатель. На одной заправке он мог проезжать 500 км! Для танковых прорывов он был идеален. Потом, когда мы получили "Пантеры" и "Тигры", им стало хуже. "Пантеры" и "Тигры" пробивали танки всех типов.

— Русская авиация?

— Сначала русской авиации почти, я бы даже сказал, вообще не было заметно. Очень быстро всех сбили. Я видел, как эскадрилья бомбардировщиков пыталась бомбить Дюнабург (Двинск/Даугавпилс). Их всех, кроме одной машины, сбили. Бомбардировщики очень быстро исчезли. Иногда прилетали "рата", но редко. Сначала они нам не очень мешали. Но когда началось отступление, все изменилось. Нас очень много бомбили. И все же они были не такие сильные, как западные силы, англичане, американцы. Те были гораздо сильнее.

— Были ли прозвища для истребителей?

— Да. Тех, что атаковали нас при отступлении русские, по-моему, называли *schturmovik*. Он был легко бронирован. Они атаковали с бреющего полета. Я еще в них стрелял, но ни одного не сбил. Очень нервировали нас. В 44-м они уже мно-

го хлопот доставляли. Еще были легкие ночные бомбардировщики Р-5. Они не сильно вредили, но нервировали. Все время кружили, цели искали. Во время отступления от Нарвы нас атаковала эскадрилья двухмоторных бомбардировщиков "Бостон". Я лежал на картофельном поле, смотрел вверх и видел, как открываются бомболоуки. Это было не здорово. Но, к счастью, бомбы пролетели мимо.

— "Сталинский орган?"

— Сталинский орган, да! Впервые мы встретили его в ноябре 41-го. Он нас очень удивил. В установке было, по-моему, 48 ракет, и, конечно, попасть под его залп было очень неприятно. Я вам так скажу, я часто слышал пуск ракет. И как только я их слышал, я искал укрытие, потому что никогда не знаешь, куда они попадут. Когда разрывы затихали, я шел дальше.

...

— Самое опасное русское оружие?

— Я думаю, что минометы. От них очень тяжело было защититься. Как-то раз мы расположились за сеновалом, думали, что нам ничего не угрожает, и тут прилетело... И сталинский орган.

— Вы сами попадали под сталинский орган?

— Да, один раз. Я думал, что это мой последний час. Это было недалеко от Мишиколы, в Венгрии. Мы только пришли на эту позицию и только начали окапываться. Один товарищ уже вырыл щель, и, когда сталинский орган нас накрыл, он туда прыгнул, а я прыгнул на него. Слава богу, они промазали на 200 метров.

У русских была маленькая пушка, очень быстрая, мы ее называли ратти-бум. Ночью летал маленький самолет, у нас говорили, что он бомбы руками сбрасывает, мы его называли кофемолка. Он был очень опасный. Даже если вы на расстоянии 2–3 километра от фронта и зажгли сигарету — через очень короткое время рядом разорвется бомба. Они не давали отдыхать. Ты никогда не знаешь, упадет ли следующая бомба прямо в тебя или нет. Потери от них местами были, но оружием, решившим исход войны, они точно не были.

...

— Что вы можете сказать о карабине?

— Это было оружие для прицельной стрельбы. Нельзя было просто палить во все стороны. Надо было смотреть, искать цели при каждом выстреле. С пистолетом-пулеметом совсем по-другому, там внизу магазин, нажал — и тра-та-та. А карабин — это охотничье оружие, боеприпасов мало, при каждом выстреле надо целиться.

...
— В 1942 году самой опасной была авиация. Русские самолеты были примитивны, но мы их боялись.

...

— Какое русское оружие запомнилось?

— Были маленькие ночные русские бомбардировщики, как вы их называли? Мы их называли “дневальный унтер-офицер”. Они были ужасные. Летали по ночам низко. Их знает каждый солдат, который был в России.

— Они действительно вредили или это было больше психологическое давление?

— И то, и то. Он не только нарушал покой, но и бросал бомбы. Обычно или одну большую, или 20–30 маленьких, которых мы называли “свекла”. Разумеется, “сталинский орган”. Мы их боялись. Еще “рати-бум”. У этих орудий звук выстрела и разрыв снаряда происходил в одно и то же время. Поэтому их так называли.

— А немецкое оружие? Какое можете выделить?

— “Штуки”. Кроме того, MG-42 — бензопила, очень серьезное оружие. У русских были пулеметы с водяным охлаждением. Стреляли так: пу-пу-пу-пу, а у нас МГ стрелял тр-тр-тр-тр — гораздо быстрее. Но он очень быстро расходовал боеприпасы. Такое количество боеприпасов невозможно было восполнить!

...

— Вы спрашивали, какое было самое лучшее русское оружие? Т-34 был самым лучшим.

...

— Когда я увидел русских, я был удивлен. Как русские дошли от Волги до Берлина на таких примитивных машинах? Когда я увидел их оружие и лошадей, я подумал, что этого не может быть. Технически совершенные немецкие танки и артиллерия очень, очень сильно уступали русской технике. Знаете почему? У нас все должно быть точным. А снег и грязь точности не помогают. Русский “Калашников”, например, который у нас в ГДР был в боевых группах, был примитивный, но он работал. Когда я попал в плен, у меня был “иттурмгевер”, современное оружие, но он отказал после трех выстрелов — попал песок».

Роль артиллерии

Драбкин, повторяю, задавал нужные вопросы и получал, безусловно, точные ответы, поскольку в данном случае немцы, да еще и пехотные офицеры, не имели оснований врать:

— Основные потери у вас были от стрелкового оружия или от артиллерии?

— От стрелкового. От артиллерии в первое время меньше, но потом основные потери были от артиллерии.

— Как вы можете оценить, кто был у немцев эффективнее — пехота или артиллерия, от кого русские больше страдали?

— Русские страдали от нашей артиллерии. У нас были отличные корректировщики и высокая концентрация огня. Так что, когда пехота шла в наступление, сопротивление уже было сломлено.

...Русские солдаты очень храбрые и способны перенести много страданий, много вынести. Но командование было посредственным. Они все время повторяли одно и то же. Все время одно и то же. Потом, в 44-м, 45-м году, командовать стали лучшие, научились водить большие соединения, быстро наступать. Такой пример. Мы отступили к предмостному укреплению в Киришах. Его необходимо было удержать, поскольку надеялись с него начать новое наступление, но сил для этого уже не было. У нас там был усиленный полк и артиллерия, больше ничего не было. Это предмостное укрепление Красная армия пыталась захватить. Раз за разом, раз за разом, каждый раз одно и то же. Наша дивизия там подбила один за другим 200 танков! Это было абсолютно не нужно. У нас не было никаких сил оттуда наступать! Они это знали! Но Сталин приказал, и они снова и снова наступали. Огромное количество людей там погибло. Можете представить, небольшое пространство, и по нему стреляли три пристрелявшихся артиллерийских полка! Как только мы замечали, что русские снова наступают, артиллерия разносила все в пыль. Конечно, в течение тех трех недель наш полк был натурально перемолот, полностью уничтожен, но мы могли его заменить.

...

— Вы, как ротный, могли вызвать огонь артиллерии?

— Да, было так организовано. Артиллерия посылала в пехоту так называемого передового наблюдателя. Это был или офицер, или фельдфебель с рацией. Эти передовые наблюдатели были в ротах, и через них можно было затребовать огонь. Это прекрасно работало, без проблем.

...

— Мы очень часто воевали вместе с частями Ваффен СС. Это были великолепные солдаты, которые к тому же были гораздо лучше вооружены, чем мы, — их в первую очередь вооружали. Мы всегда были очень рады, если нашим соседом была

часть Ваффен СС, на них можно было положиться. Они не бежали. Другие охотно бежали, а эти нет.

— Верно ли, что пулемет был основным оружием в обороне?

— Да. Ну и артиллерия, конечно. Главное оборонительное оружие — это все же артиллерия. Она несет основную нагрузку. Пехота вступает позднее, если случается что-то неожиданное.

— Можете что-нибудь сказать о русской артиллерии?

— Прежде всего, очень массовая, сильная. Стреляла хорошо. Меня один раз буквально «выстрелили» из бункера. Это была 7,62-сантиметровая пушка, которую они использовали для подавления опорных пунктов. Мы сидели в бункере, во второй линии, с первой нас уже выжали. Тут в ста метрах впереди от нас разорвался снаряд. Я еще подумал, что стреляют, вероятно, в меня. Через 2–3 минуты снаряд разорвался в ста метрах за бункером. Я моим солдатам закричал: «Вон отсюда!». Мы выскочили как сумасшедшие, и третий снаряд попал точно в бункер и разрушил его. Вилку нас взяли. Я был рад, что вовремя заметил. Ты либо учишься, либо погибашь — это как охота на зайцев: старые зайцы знают все трюки. Русская артиллерия была ужасно сильная».

— Немецкая пехотная дивизия была устроена совсем иначе, чем русская. По обучению и имеющемуся вооружению немецкая дивизия была сильнее русской дивизии. У нас в пехотной дивизии была своя артиллерия, дивизия могла вести войну самостоятельно. Русские же должны были все время спрашивать у своего командования: можно мне сейчас стрелять? Куда я должен стрелять? У нас тоже так было, но у нас артиллерийские наблюдатели были в пехоте, на самом переднем крае, и когда русские напали, то вся дивизионная артиллерия стреляла по одной цели, хотя находилась в разных местах. Когда атаковал, к примеру, батальон русских, вся артиллерия стреляла по нему.

А у русских огонь артиллерии надо было планировать заранее и подтягивать артиллерию. Поэтому мы знали, что если у русских появилась артиллерия, то в следующие дни что-то будет происходить».

Считается, что блицкриг немцы сделали танками, но посмотрите на воспоминания немецкой пехоты: они о советских танках вспоминают, а о немецких — ни слова. О пики-

ровщиках Ю-87 вспоминают. Если в соседях были эсэсовцы, это для них было помощью, и они об этом вспоминают. А о немецких танках — нет! И удивительно то, что главным оружием своих побед они считают не авиацию и танки, а свою артиллерию — то, чем привыкла хвастаться Советская армия.

Я уже не раз цитировал мнение британской разведки о советской артиллерии, выраженное Леном Дейтоном: *«Русские очень гордились своей артиллерией и даже организовывали для массового использования артиллерийские дивизии и артиллерийские бригады».*

Перву Дейтона. И не только русские восхищались советской артиллерией. Вот иностранный автор, некто Е. Егерс, дела обзор немецкой артиллерии, сравнивает ее с советской:

«На коренную реорганизацию артиллерии немцы не решились. Поэтому они никогда не смогли добиться такого подавляющего локального перевеса в артиллерии, какой постоянно имела Красная армия. Уже в 1941 году было ясно, что для прорыва укрепленных линий обороны требуется концентрация не менее ста стволов на километр фронта. В дальнейшем эта цифра была несколько раз пересмотрена, и каждый раз в большую сторону. Немцы же считали вполне достаточной концентрацию 40 стволов на километр. За всю войну они считанные разы добились концентрации 60–141 стволов на километр фронта. Рекорд концентрации артиллерии обеими воюющими сторонами был побит во время битвы на Курской Дуге. 9-я Армия располагала 200 орудиями на километр, а 4-я Танковая Армия — 150. Однако эти цифры меркнут в сравнении с тем, что Красная армия на основных направлениях располагала по 900–1000 стволов на километр фронта. Хуже всего с артиллерией у немцев было в декабре 1941 года под Москвой (10 стволов на километр) и в июне 1944 года в Нормандии (1,5 ствола). По данным немецкой разведки, в ноябре 1944 года Красная армия имела по меньшей мере трехкратный перевес в артиллерии. В действительности перевес был еще больше».

Как видите, немцы считали, что им 40 стволов на километр фронта вполне достаточно, и два года их наступления на Восточном фронте им этих 40 стволов действительно было достаточно. А то, что один из ветеранов вспомнил о и мощности советской артиллерии, так это он вспомнил об огромном ее количестве.

В то же время британская разведка в лице Дейтона делает такое заключение: *«Артиллерия Красной армии по своему*

уровню соответствовала той, что использовалась на Западном фронте в 1918 году, — это почти то же самое, что назвать ее очень плохой. В грядущих сражениях меньше 50 процентов потерь немецких войск, действовавших на Восточном фронте, приходилось на артиллерийский огонь, в то время как относительные потери от огня англо-американской артиллерии превышали 90 процентов».

Что касается процента потерь, то, как видите, и по свидетельству немецких ветеранов этот процент вначале войны таким и был, каким его считают англичане, если не меньшим.

И речь идет не о несовершенстве советских артиллерийских орудий. Во-первых, советские пушки и гаубицы, с которыми Красная армия начинала войну, и после войны стояли на вооружении и Советской армии очень долго, и по сей день в некоторых странах продолжают стоять на вооружении. Во-вторых, немцы использовали все захваченные в боях советские артсистемы, за исключением разве полковых и батальонных пушек, хотя при разнице в калибрах им пришлось производить для них боеприпасы.

Британцы говорят о другом. Вот давайте вернемся к воспоминаниям ветерана о боях за предмостное укрепление у Киришей под Волховом.

Для справки. Артиллерийский полк немецкой пехотной дивизии имел на вооружении 36 105-мм гаубиц, стрелявших снарядами весом 14,5 кг, и 12 150-мм гаубиц, стрелявших снарядами 43,5 кг. Когда немецкий ветеран описывает бои у Киришей немецкого пехотного полка, усиленного тремя артиллерийскими полками, с советскими стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами, он, по сути, рассказывает, как пристрелявшие местность немецкие артиллеристы в течение минуты обрушивали на пытающиеся атаковать советские войска до 600 снарядов указанного веса. Он, по сути, описывает, как советские генералы уничтожали советских солдат и младших офицеров в тупых атаках пехоты фактически на дальнобойную артиллерию.

И вот тут возникает вопрос, а почему советские генералы, уже имевшие свою мощную артиллерию, превосходящую немецкую численно, сначала не уничтожили своей артиллерией немецкие батареи у этого предмостного укрепления в Киришах, а потом артиллерийским огнем не уничтожили этот немецкий полк?

Для ответа на этот вопрос надо вернуться к вопросу, а что имели в виду британцы, когда говорили о том, что в Красной армии артиллерия на уровне 1918 года — конца Первой ми-

ровой войны? Сами британцы свой вывод не объясняют, наши историки даже такого вопроса не видят или видят его в бросающихся в глаза недостатках разведки, связи и транспорта (к примеру, А. Широкоград). Против последних выводов возражений нет, но это все же не все.

И вот эти собранные А. Драбкиным воспоминания немецких ветеранов заставили меня заняться этим вопросом: что значит «артиллерия на уровне 1918 года»?

И я прихожу к следующим объяснениям.

Опыт Первой мировой

Начну с того, что не так давно мне пришлось объяснять, что орудия пушечной и гаубичной артиллерии дивизионных и корпусных полков, а также полков артиллерии резерва главного командования, а также все виды минометов, включая реактивные, стреляют в основном с закрытых позиций. Это означает, что ни противник не видит этих орудий (они находятся достаточно далеко в своем тылу), ни солдаты, стреляющие из своих орудий, не видят, по кому они стреляют. Действуют они в бою так.

Командир батареи со связистами уходит вперед, как можно ближе к противнику и оборудует свой наблюдательный пункт (НП) так, чтобы с него как можно больше видеть происходящее на поле боя. С батареей (4 орудия) он связан телефонной линией и (или) рацией. Когда командир батареи увидит противника на поле боя, то по карте определяет, где именно на местности этот противник находится, и передает его координаты на батарею. Там старший по батарее по карте делает расчеты для первого выстрела, и одно орудие стреляет. Командир батареи видит разрыв ее снаряда на поле боя и теперь, пользуясь картой и шкалой тысячных в бинокле, должен быстро определить расстояния от разрыва до цели и быстро рассчитать, как нужно изменить наводку орудия на батарею, чтобы следующий снаряд упал на цель. Это называется пристрелкой. Когда наконец очередной пристрелочный снаряд падает в район цели, то командир дает команду и все четыре орудия начинают стрелять по этой цели, уничтожая ее.

Неопытный командир батареи или сильно волнующийся от страха будет ошибаться в расчетах и долго пристреливаться, противник поймет, что по нему пристреливаются, и уйдет с этого места. В результате батарея отстреляется по пустому месту. А опытный и мужественный командир батареи пристреляется с пары выстрелов и быстро накроет цель огнем всей батареи, нанеся противнику большой ущерб.

Мужество артиллеристам, корректирующим огонь, нужно вот для чего. Противник, видя, что по нему ведет огонь артиллерия, начинает охотиться за НП командира батареи или за артиллерийскими наблюдателями, и даже если сразу не найдет их, то начинает своими орудиями обстреливать все места, на которых может находиться НП. Делается это для того, чтобы осколками порвать телефонную линию, тогда командир батареи вынужден будет связываться с батареей по радио. А радио противник быстро запеленгует и будет бить уже точно по НП. То есть командир батареи должен иметь достаточно мужества, чтобы в условиях постоянно рвущихся вокруг снарядов противника наблюдать за полем боя, точно рассчитывать данные для стрельбы своей батареей и давить противника огнем своей батареи, не оставляя свою пехоту или танки без артиллерийской поддержки.

Теперь об опыте Первой мировой.

Первая мировая война закончилась позиционным тупиком. Армии воюющих сторон зарылись друг против друга в землю, отгородились колючей проволокой, отрыли сплошные траншеи в несколько рядов, порою на много километров в глубину, в ряде случаев построили целые подземные города, проведя в них узкоколейные железные дороги. Чтобы прорвать сквозь эти укрепления, требовалось артиллерией их разрушить и уничтожить обороняющихся.

В чем заключалась работа артиллерийских командиров — «стреляющих»? Батареем и дивизионам назначалась площадь, на которой нужно было полностью уничтожить укрепления врага, скажем 100 метров по фронту и два километра в глубину. Эта площадь была хорошо видна, командиры батарей и дивизионов («стреляющие») быстро пристреливали ее границы, делали расчеты для ведения огня, и на этом их работа заканчивалась. Поскольку после этого орудия на позициях открывали огонь с неизменными установками прицелов и стреляли, пока хватало снарядов или пока на заданной площади не будет перемешана земля с колючей проволокой, бревнами, оружием и трупам противника. После этого данную площадь занимала своя пехота, по которой, в свою очередь, открывала огонь артиллерия противной стороны, и работа ее командиров была точно такой же.

К началу первого сражения под Верденом, в феврале 1916 года, немцами было сосредоточено 1225 орудий и израсходовано 14,5 млн снарядов, обе стороны потеряли в этом сражении 1720 тыс. человек. Англо-французы на реке Сомме, в июле 1917 года, сосредоточили 3933 орудия и потеряли от встречного немецкого огня 739 тыс. человек.

У артиллеристов была и еще одна задача — уничтожение артиллерии противника. Поскольку его орудия не были видны, не были видны и разрывы своих снарядов в районе вражеских батарей, то различными способами определялся район нахождения этих орудий. После этого делались расчеты границ площади этого района и велся огонь не конкретно по пушкам, а по площади, на которой находились батареи противника. От этого огня батареи противника либо уничтожались, либо подавлялись, то есть, прекращали вести огонь, и противник перевозил орудия на другое место.

Таким образом, наработанный к концу Первой мировой войны прием применения артиллерии — тактика артиллерии — это артподготовка перед атакой пехоты и огонь по площадям. Разумеется, были случаи, когда требовалось уничтожить одиночную цель, скажем пулемет, но стрелять по ней одной пушкой было разумно, когда на фронте затишье и у командира батареи есть время потренироваться в артиллерийском искусстве. Но во время боя такого времени нет, тут разумнее забросать снарядами всей батареи площадь, на которой находится этот пулемет, чтобы как можно быстрее его уничтожить или подавить и не дать ему наносить вред своей пехоте.

Вот это и есть достижение артиллерийской науки и практики конца 1918 года.

Сколько нужно «стреляющих» для реализации такой тактики? Одного командира батареи со связистами на наблюдательном пункте вполне достаточно, и даже одного командира дивизиона хватит, чтобы своевременно пристрелять батареи и подготовить данные для огня всех трех батарей своего дивизиона по заданной площади.

Артиллерийская тактика «блицкрига»

Но немцы, продумывая тактику своего «блицкрига» — молниеносной войны, — начисто отказались от мысли вести войну позиционно. Даже если противник засядет на позициях, то предполагалось быстро найти слабое место в его обороне и прорвать ее, немедленно вводя в прорыв крупные силы.

И вот эти вошедшие в прорыв силы должны были действовать в отрыве и от основных сил, и от баз снабжения, а это принципиально важно, чтобы понять образ мысли немецких генералов. Ведь тут возникают два момента.

Во-первых, введенная в прорыв дивизия везет с собою только боекомплект. Я как-то писал, что долго не мог понять, что это такое — боекомплект? По советским данным можно выяснить количество артиллерийских выстрелов или патронов,

составляющих боекомплект, но из каких соображений выбирается это количество? И только у немцев прочел, что боекомплект — это количество огнеприпасов, достаточное для двух суток боя в окружении. То есть немцы, разрабатывая тактику боев блицкрига, безусловно, осознавали, что воевать придется в условиях недостатка боеприпасов. (Вы этот страх можете увидеть даже в воспоминаниях помянутых ветеранов-пехотинцев. Они хвалят и свой пулемет МГ-42, и штурмовое ружье за скорострельность и одновременно жалуются на них за большой расход патронов.) И уже только из этих соображений немецким генералам требовалось отказаться от артиллерийского огня по площадям — от тактики 1918 года.

Во-вторых, в глубине вражеской обороны уже не было сплошных линий укреплений, огневые средства противника были разбросаны и представляли собою точечные цели, в лучшем случае это был батальонный или ротный район обороны. И накрывать огнем всей батареи каждую точечную цель было неразумно. Ведь пока вся батарея работает по одному пулемету, остальные пулеметы противника работают по твоей пехоте. Разумно было вести огонь сразу по как можно большому количеству точечных целей.

Таким образом, разрабатывая тактику артиллерии для блицкрига, немцы волей-неволей обязаны были отказаться от огня по площадям, вернее только от огня по площадям. Отказаться в пользу точной стрельбы по одиночным целям. И тут возникают следующие вопросы.

Во-первых, вопрос обнаружения целей на поле боя. Это не просто. В свое время в «Дуэли» мы публиковали рассказы ветеранов под рубрикой «Только один бой», и мне вспоминается рассказ командира 76-мм орудия ЗИС-3, выдвинутого в боевые порядки наступающей пехоты для ее поддержки прямой наводкой где-то уже в 1944 году. Пехоту заставил залечь немецкий пулемет, который стрелял и по орудию. Ни пехота, ни артиллеристы с час не могли обнаружить, откуда он стреляет, пока по колебанию ветки не обнаружили, за каким кустом спрятался немецкий пулеметчик, и одним выстрелом его уничтожили. Таким образом, для тактики блицкрига необходимо было резко улучшить разведку (обнаружение) целей, а для этого увеличить количество наблюдателей в батарее, соответственно распределив их по фронту — по пехотным ротам. Кроме этого, нужно было усилить наблюдателей средствами разведки.

Во-вторых, наблюдателей нужно обеспечить связистами и связью с командиром батареи, а связистов — лошадьми, мотоциклами или иной техникой.

В-третьих, командир батареи лично может корректировать огонь только по одной цели, кроме того, ему могут быть просто плохо видны разрывы снарядов у других целей. Следовательно, в батареях нужно увеличить число тех, кто может самостоятельно корректировать огонь, — «стреляющих».

В-четвертых, на самой батарее, старший по батарее может не успевать получать данные от наблюдателей и командира батареи, обрабатывать их и давать команды, следовательно, нужно увеличить количество соответствующих специалистов и на позициях батарей.

Все это приводит к одному — если генералы разрабатывают тактику для такого боя, для такой вот молниеносной войны, то они резко увеличат штат людей артиллерийских полков своих дивизий, но об этом несколько позже.

Технически организация немцами артиллерийского огня артполком пехотной дивизии выглядела так.

На главном наблюдательном пункте (Haupt-B-Stelle) находился командир батареи, офицер-наблюдатель, унтер-офицер наблюдатель и унтер-офицер, управляющий огнем, командир секции связи, а также телефонисты и радисты, поддерживающие связь с орудиями. С наблюдательного пункта командир батареи управлял огнем орудий батареи.

Командиры батарей самостоятельно и по заданию командиров пехотных подразделений проводили пристрелку целей, участков и рубежей заградительного огня. О пристрелянных целях, участках и рубежах заградительного огня докладывалось командиру дивизиона, который, в свою очередь, сообщал эти данные в полк. Командир артиллерийского полка и командиры дивизионов, исходя из боевой обстановки, назначали для батарей дополнительные участки и рубежи заградительного огня. Этим достигалась возможность сосредоточения мощного огня на вероятных направлениях атак и контратак противника. В этом нет ничего нового, такое было, скажем, и в РККА, но немцы только этим не ограничивались.

У них были еще и передовые наблюдатели, обычно в чине лейтенанта, вахмистра или опытного унтер-офицера. Они находились в траншеях вместе с пехотой. Наблюдателя сопровождали радисты или телефонисты (командир, два телефониста, коновод, вьючная лошадь с барабаном кабеля). Передовой наблюдатель сопровождал пехотную роту в наступлении и в обороне, он передавал на НП командира батареи донесения о действиях противника, целях и расстояния до них, управлял огнем и докладывал о результатах стрельбы.

Наши ветераны из тех, кто профессионально мог оценить события, воспоминания немцев подтверждают. Вот выше не-

мецкий ветеран утверждал: «Когда атаковал, к примеру, батальон русских, вся артиллерия стреляла по нему». А вот генерал-лейтенант И. Толконюк вспоминает, как в 1943 он, начальник оперативного отдела 33 армии, был послан командующим армией проконтролировать разведку боем, проводимую как раз силами батальона:

«Под прикрытием 10-минутного артиллерийского налета батальон выбрался из траншеи и устремился к высоте. Залп дивизиона “М-20” ошеломил противника, хотя устрашающие взрывы непривычных снарядов рассеялись на большой площади и объекту атаки большого вреда не причинили. Противник вскоре пришел в себя, сориентировался и встретил атакующих губительным огнем. Батальон залег в нейтральной полосе на открытой местности. Вслед за этим, сосредоточив огонь двух артдивизионов с соседних участков, немцы обрушились на нашу траншею: 105-миллиметровые снаряды ложились настолько точно и кучно, что траншея стала сплошь обваливаться и сравниваться с землей. Мы с Шуруповым наблюдали из открытой траншеи и, когда она начала засыпаться, пошли по ней в поисках укрытия: я пробирался впереди, а Шурупов следом за мной. Как только я поравнялся со связистом, прижавшимся с телефонной трубкой в руке к стенке изуродованной траншеи, в него попал снаряд, превратив в брызги. Меня оглушило и отбросило метров на 10 вдоль траншеи, обдав кровью и липкими хлопьями разорванного тела солдата. Шурупова присыпало землей. Я руками с большим трудом освободил голову товарища из-под земли; он не подавал признаков жизни. Налет продолжался минут 10 и внезапно оборвался, все стихло. Батальон, потерявший десятки бойцов убитыми и ранеными, отполз в исходное положение и приступил к откапыванию траншеи».

Давайте обдумаем это сообщение Толконюка. Наш батальон атаковал в лучшем случае немецкую роту, а скорее всего, позиции одного или двух немецких пехотных взводов — на фронте вряд ли больше 500 м. И наша, и немецкая артиллерия вели огонь по 10 минут. Причем наша артиллерия не сумела подавить огневые средства немцев даже на то короткое время, которое требовалось нашему батальону, чтобы добежать до немецкой траншеи. А немцы немедленно сосредоточили в защиту этого своего взвода огонь половины своей дивизионной артиллерии — огонь орудий, расположенных по фронту минимум в 5 км. Причем били не по площадям, а точно по нашей атакующей пехоте и по нашей траншее.

У немцев, кроме передовых наблюдателей, огонь батарей обеспечивали и батареи инструментальной разведки целей, эти батареи разведывали цели и давали возможность пристреляться по не видимым с НП целям на глубину 7–10 км в тылу противника. Эта разведка давала возможность немцам не просто подавить, а уничтожить не видимую с НП вражескую батарею, находящуюся на закрытой позиции, с расходом для 150-мм орудий — 180 снарядов и для 105-мм орудий — 240 снарядов. А по довоенным справочным данным, артиллерийским полкам РККА для подавления на закрытой позиции артиллерийской батареи противника методом огня по площадям требовалось не 180, а от 400 до 700 снарядов 152-мм гаубиц. А 700 снарядов 152-мм гаубицы — это более 32 тонн только стали и взрывчатки, не считая зарядов. Это весь боекомплект двух гаубичных батарей.

Немцы стреляли по целям, мы — по площадям, на которых находятся (или предполагаются) цели, — по квадратам на карте. Помните, как у К. Симонова: *«По квадрату четыре-десять было шесть батарей»*. «Четыре-десять» — это квадрат, образованный сеткой карты. И мы стреляли по квадратам очень долго.

Вот 14 января 1944 года, Волховский фронт, Новгородско-Лужская наступательная операция. Вспоминает командир батальона связи 2-й стрелковой дивизии А. В. Невский: *«Едва я успел доложить генералу о выполнении приказа, как началась артиллерийская подготовка, загремел “бог войны”. Такой музыки мы никогда не слышали, длилась артподготовка 1 час 50 минут. За огненным валом пошла пехота, связисты потянули провода. Пробираться приходилось в буквальном смысле по выжженной земле. Наша артиллерия перепыхала всю немецкую оборону как по фронту, так и в глубину на 6 км. В этой полосе не осталось даже следа от проволочных заграждений, дотов, дзотов или окопов. Понятно, что не увидели мы и ни одного немца»*. А как так? Куда немцы подевались? А если их тут изначально не было, то зачем почти два часа молотили артиллерией по этому месту?

Дело в том, что, когда немцы поняли, что у советских артиллеристов тактика 1918 года, они немедленно нашли противоядие этой тактике, а возможно, заранее его разработали. Когда наша артиллерия сосредотачивалась у места прорыва (а незаметно сосредоточить 1000 стволов на километр фронта нельзя) и немецкая разведка определяла время начала нашей артподготовки, то немцы просто бросали первую линию своей обороны (временно оставляя на ней на ночь перед нашим наступлением дежурных пулеметчиков, отходивших с нача-

лом нашей артподготовки). Немцы отводили свои войска на вторую линию обороны, находящуюся вне досягаемости нашего артиллерийского огня. Ведь выше немец вспоминал: *«Мы сидели в бункере, во второй линии, с первой нас уже выжали»*. Заметьте: не разгромили и даже не выбили, а выжали.

Итак, наша артиллерия в ходе артподготовки по площадям расходовала снаряды по пустому месту, и, когда наши пехота и уже растратившая снаряды артиллерия приближались ко второй линии обороны, немцы контратаковали их с флангов в чистом поле, порою возвращая себе и первую линию обороны.

Нельзя сказать, что все наши генералы этого не понимали. К примеру, маршал Тимошенко уже в 1941 году, прорывая оборону немцев под Ростовом, утром перед началом наступления послал разведку и убедился, что немцы уже оставили первую линию обороны и отошли на вторую. Тимошенко отменил артподготовку, выдвинул артиллерию с нерастратенным боезапасом ко второй линии обороны немцев, и хотя и у него тактика артиллерии оставалась та же, но немцы тут были. И артиллерия Тимошенко перепахала оборону немцев вместе с немцами, а войска Тимошенко вышли немцам в тыл, заставив их оставить Ростов и отступить, бросив массу танков и боевой техники. А вот такие военные гении, как Г. Жуков, этого не понимали, но о Жукове ниже, а сейчас приведу момент из воспоминаний генерала А. В. Горбатова.

Вот немецкий офицер сообщает свое видение причин тупого уничтожения советской пехоты советскими генералами под Киришами на Волховском фронте: *«Но Сталин приказал, и они снова и снова наступали. Огромное количество людей там погибло»*. Сталин приказал? Нет, Сталин приказывал другое. Вот Горбатов делится своими так и не разрешенными вопросами той войны (выделено мною. — Ю.М.):

*«Ставка Верховного Главнокомандования своим письмом от 10 января 1942 года требовала не давать немцам передышки, сосредоточенными силами, с превосходством над противником в три-четыре раза, взламывать их оборону на большую глубину, **обеспечивая наступление артиллерией, — и не только артподготовкой, но и мощной артиллерийской поддержкой в ходе всего наступательного боя.***

Письмо Ставки содержало глубокий смысл и содействовало бы успехам, если бы точно выполнялось все, что в нем

было указано. Но мы по-прежнему получали приказы, противоречащие требованиям письма, а поэтому не имели успеха. Трудно объяснить, почему поступали такие приказы даже от **командарма, о котором я был хорошего мнения.**

В той обстановке естественно было, чтобы командир дивизии сам выбирал объекты для частных операций, сам определял силы отряда и время для нападения с использованием внезапности. В таких случаях противник имел обычно потери в два, три, а то и в четыре раза большие, чем мы. Другое дело, когда тебе издалека все растихнут и прикажут захватить 17 января — Маслову Пристань, 19 января — Безлюдовку, 24 января — Архангельское и т. д., с указанием часа атаки, определяют силы (к тому же не соответствующие ни задаче, ни твоим возможностям). В этих случаях результат почти всегда бывал один: мы не имели успеха и несли потери в два-три раза большие, чем противник.

Особо непонятными для меня были настойчивые приказы — несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливалось мое сердце кровью... А ведь это был целый этап войны, на котором многие наши командиры учились тому, как нельзя воевать и, следовательно, как надо воевать. Медленность, с которой усваивалась эта наука — как ни наглядны были кровавые примеры, — была результатом тех общих предвоенных условий, в которых сложилось мышление командиров».

Теперь о командарме, о котором Горбатов «был хорошего мнения», и, видимо, не один он. В зиму на 1942 год под Харьковом 226-я дивизия под командованием А. Горбатова вошла в 38-ю армию генерал-майора В. Цыганова, офицера царской армии еще с 1916 года. В. Цыганов в **1933 году** окончил **Военную академию имени М. В. Фрунзе**. С **1939 года** он начальник **кафедры Военно-хозяйственной академии РККА в Харькове**, а с февраля **1941 года** начальник **факультета** в той же академии. С **1941 года кандидат военных наук**. Ученый! Теоретик! Учил других, как воевать, и сам воевал на местности, хорошо ему знакомой с 1937 года.

Сняли Цыганова с командования армией за такое командование. Кореша по генеральской мафии устроили его заместителем командующего Московского военного округа по вузам. Учил других воевать по науке.

Немец пишет, что это Сталин гонял пехотинцев в бесплодные атаки с одного и того же направления. Нет, не Сталин. Их посылали на убой наши выдающиеся генералы-теоретики. Стратеги!

Технические и количественные аспекты артиллерии

Надо бы сравнить расход боеприпасов нашей и немецкой артиллерии, но это пока непросто сделать. Вот автор собрал многочисленные данные по этому вопросу, но они по периодам войны несопоставимы. Скажем, он сообщает, что немцы за первый год войны с СССР (то есть до 22.06.42) израсходовали на Восточном фронте 440,1 тысяч тонн только артиллерийских боеприпасов. Считая по вагонам все боеприпасы, поставленные в действующие армии Красной армии за первые полтора года войны (с 22.06.41 по 19.11.42), он приходит к выводу, что их поставлено не менее 2 млн тонн. (В структуре боеприпасов более половины составляли артвыстрелы). С одной стороны, к немецкому расходу нужно приплюсовать расход артиллерийских боеприпасов румын и финнов, но и с нашей стороны нужно учесть какую-то часть советского довоенного запаса боеприпасов в 2,3 млн тонн, который в большей части уже находился на складах западных округов, и его не требовалось везти в войска вагонами. Из этого запаса был потерян миллион тонн, тем не менее и оставшееся число в 1,3 млн тонн существенно. А по итогам войны этот автор сообщает данные официальных советских источников: *«На Восточном фронте германские войска израсходовали меньше боеприпасов, чем советские (5,6 млн т. против 8,0 млн т.)»*.

Но по расчетам, сделанным по данным, опубликованным А. Исаевым, это несколько не так, особенно если брать начальный период войны и делать сравнение только полевой дивизионной и корпусной артиллерии (без полковой, береговой и корабельной). В 1942 году немцы до поздней осени успешно наступали на всех театрах военных действий, и в этом году их дивизионная и корпусная артиллерия израсходовала 24 470 тысяч штук снарядов, калибром от 75 до 210 мм. Разумеется, к этому количеству нужно добавить неизвестное мне количество снарядов, выпущенное на Восточном фронте такой же артиллерией союзников немцев, но одновременно, вычестъ также неизвестный мне расход снарядов немцами на других театрах военных действий (на тот период — тремя немецкими дивизиями в Африке). С учетом этих плюсов и минусов допустим, что на Восточном фронте части дивизионной и корпусной артиллерии израсходовали 24,5 миллионов штук снарядов и мин.

В том же 1942 году, когда эвакуированная промышленность СССР еще не развернулась на полную мощность (к примеру, из 65 заводов, входивших в систему Наркомата боеприпасов, 45 подлежали эвакуации), советская дивизионная и корпусная артиллерия (вместе с артиллерией РГВК), испытывая дефицит и снарядов, и потерянных орудий, выпустила по врагу 18,2 миллиона штук снарядов — уже меньше, чем немцы. Но тут есть еще два нюанса.

Во-первых, из этих 18,2 миллионов штук снарядов советской корпусной и дивизионной артиллерии 10,7 миллионов (почти 60%) были снарядами 76-мм пушек. Весили 76-мм снаряды в среднем 6,2 кг, то есть мощность этих снарядов и, соответственно, их опасность были и так не очень велики.

Мало этого, 76-мм системы стреляли выстрелами унитарного заряжания, в которых невозможно изменить заряд, соответственно, при стрельбе на небольшие расстояния эти снаряды падали под острым углом к земле и основная масса даваемых ими осколков уходила в землю и вверх.

Кроме этого, этими снарядами трудно было достать противника за укрытиями местности — в балках, на обратных скатах высот. Малоэффективны были эти снаряды и для разрушения мало-мальски укрепленных позиций.

Чистый вес снарядов, выпущенных советской дивизионной и корпусной артиллерией в 1942 году, можно оценить в 285 тысяч тонн.

У немцев в дивизионном и корпусном звене вообще не было артсистем унитарного заряжания — все их орудия могли посылать по противнику снаряды под крутым углом, при таком падении на землю основная масса осколков от этих снарядов летела над землей и была опасной на большом расстоянии от взорвавшегося снаряда. Разумеется, стреляя по крутой траектории, немецкие орудия могли достать противника за основной массой естественных укрытий, мало этого, минимальный вес снаряда дивизионной и корпусной артиллерии немцев был 14,8 кг, то есть более чем в два раза превышал вес снаряда советской 76-мм пушки.

И чистый вес всех немецких снарядов, выпущенных их дивизионной и корпусной артиллерией в 1942 году, оценивается в 522 тысячи тонн — чуть ли не в два раза больше, чем вес снарядов, посланных в сторону немцев советской артиллерией.

Эти технические аспекты немецкой артиллерии объясняют, почему немцам хватало для наступления 40 стволов на километр фронта, почему, к примеру, Манштейн безо всяких танковых соединений, одними пехотными дивизиями занял Крым, прорвавшись через сильнейшие позиции советских

войск на Перекопе и у села Ишунь. Снаряды немецкой артиллерии были таковы, что никакие полевые укрепления не помогали.

Мало того что основная масса советских снарядов сильно уступала в мощности немецким, но хотя бы таких снарядов было много! Так ведь и этого не было: на каждые три советских снаряда, весом среднего снаряда в 15 килограмм, в 1942 году немцы отвечали четырьмя, весом среднего снаряда в 21 килограмм. Ну куда было еще и по квадратам стрелять?

Хочу немного вернуться к результатам анализа Лена Дейтона в части того, что советская артиллерия была на уровне 1918 года, но уже с позиций расхода огнеприпасов.

Не хочется отвечать Дейтону: «Сам дурак!» — но кое-какие соображения выскажу. Строго говоря, Британская армия одерживала победы над немцами исключительно в случае существенного превосходства в силах и, главное, в огневых средствах. Немцев с позиций сбивал огневой вал артиллерии и удары авиации, а потом эти позиции занимали танки и пехота. Разумеется, не всегда так получалось, как задумывалось, но именно это и есть «уровень артиллерии Второй мировой» по-британски.

Сравним две битвы той войны — Курскую и под Эль-Аламейном. В Курской битве соотношение сил советских и немецких войск 1,3 миллиона против 0,9 миллиона. В битве при Эль-Аламейне 220 тысяч британских против 115 тысяч итаलो-немецких.

Красная армия в этой битве израсходовала 14 миллионов снарядов и мин, из которых количество собственно снарядов всех видов артиллерии (от полковых до танковых пушек) можно оценить в 6,3 миллиона. Под Эль-Аламейном англичане только дивизионной артиллерией (25-фунтовые гаубицы-пушки) выпустили по итало-немецким войскам 1,5 миллиона снарядов весом 11,3 кг. В результате для выведения из строя 1 солдата противника (помимо огня пехоты и ударов авиации) Красная армия затратила около 13 собственно снарядов всех видов, а англичане — 49 только снарядов дивизионных 25-фунтовок.

По подсчетам того же Дейтона, семь из восьми немецких дивизий воевали на Восточном фронте. Тут же были и все румынские, финские, словацкие и венгерские дивизии, европейская добровольческая сволочь, свои предатели и значительная часть итальянских вооруженных сил. В Красной армии дивизионная артиллерия вооружалась 76-мм пушками, но ими же вооружалась противотанковая и танковая артиллерия, в разные годы разной и численностью дивизионная артиллерия

вооружалась 122-мм и 152-мм гаубицами, но этими же гаубицами вооружалась корпусная артиллерия и артиллерия РГК. Так вот, все, а не только дивизионные 76-мм пушки, 122-мм и 152-мм гаубицы за 1942–1945 годы (по 1941 нет данных) и на 7 из 8 немецких дивизий с союзниками израсходовали 85,5 миллионов снарядов. А только британские дивизионные 25-фунтовки на свою долю из каждой одной из восьми немецких дивизий (были же еще и американцы) за войну расстреляли 84 миллиона снарядов.

То есть если бы в Первую мировую войну противостоящие англичанам немцы тоже были настолько слабы, как во Вторую, то и в Первую мировую войну эта тактика англичанами была бы применена, ведь они и тогда без большой радости посылали пехоту на неподдавленную оборону. То есть во Второй мировой войне англичане не показали ничего, чем бы стоило особенно гордиться как вершиной военной мысли, что, правда, никак не возвышает советскую военную мысль, а соотношение потерь, приведенное Дейтоном, повторяю, заставляет задуматься над причиной этого факта.

Тактика в числах

Напомню, вся эффективность немецкой артиллерийской тактики блицкрига обеспечивалась дополнительными людьми в артиллерийских батареях, дивизионах и полках немецкой артиллерии — всеми помянутыми выше лейтенантами, вахмистрами и унтер-офицерами. А их, кстати, надо было не только обучать, но и обеспечивать биноклями, стереотрубами, приборами звуковой разведки, радиостанциями, телефонными аппаратами, телефонным кабелем, средствами передвижения.

Сравним штаты батарей и дивизионов артиллерийских полков советских и немецких дивизий, тем более что гаубичные батареи и дивизионы советских артиллерийских полков имели столько же орудий и примерно такого же калибра, как и немецкие — по 12 орудий в дивизионе, по 4 в батарее, у немцев 105-мм и 150-мм калибра, у нас 122-мм и 152-мм калибра.

По штатам от 14.08.1939, при которых в дивизии было всего 8,9 тысячи человек (штаты дивизий советско-финляндской войны), в батарее 122-мм гаубиц гаубичного артиллерийского полка стрелковой дивизии был 71 человек, в дивизионе — 254 человека. В батарее 152-мм гаубиц были по штату те же 71 человек, в дивизионе — те же 254.

По штатам от 5 апреля 1941 года (с которым встретили Великую отечественную) в батарее 122-мм гаубиц гаубичного артиллерийского полка стрелковой дивизии было 80 человек,

в дивизионе — 346 человек. В батарее 152-мм гаубиц были по штату 89 человек, в дивизионе — 353.

Как следует из воспоминаний генерала В. С. Петрова, бывшего накануне войны лейтенантом на службу в уже приведенный в боевую готовность 92-й отдельный артиллерийский дивизион, вооруженный 152-мм гаубицами, дивизион имел численность в 650 человек. Но это была уже артиллерийская часть, а не подразделение, по сути маленький полк с батареей управления (которая в дивизионной артиллерии была только в полку), учебной, парковой батареями, транспортной ротой и своими ремонтными и интендантскими службами. Как бы то ни было, но даже при такой численности дивизиона Петров не упоминает ни о каком тесном взаимодействии с пехотой, ни о каких передовых наблюдателях — стрелял только командир батареи.

А теперь сравните: к нападению на СССР у немцев в батарее 105-мм гаубиц дивизионной артиллерии был 171 человек, а в дивизионе 609 человек. У немцев в батарее 150-мм гаубиц дивизионной артиллерии было 194 человека, в дивизионе — 678 человек.

Разница разительна!

И я не встречал в воспоминаниях уцелевших командиров наших стрелковых рот и батальонов, чтобы им помогали вести бой артиллерийские наблюдатели. Артиллерия Красной армии была как-то сама по себе.

Если же у нашей пехоты была связь с артиллерией, то положение выравнивалось. Опять обопрусь на воспоминания Толконюка. У него начались трения с командующим 33-й армией Гордовым, и тот его с понижением в должности оправил командовать 620-м полком, входившим в состав 164 дивизии, безуспешно пытавшейся взять село Губино и практически обескровленной в этих атаках, в которых погиб и командир 620-го полка.

«В полку оказалось без учета тыловых подразделений 130 человек, две 45-мм пушки на конной тяге, два танковых пулемета и две малочисленных минометных роты: 6 82-мм и 4 120-мм миномета».

Еще его полку был придан дивизион 122-мм гаубиц. Толконюку удалось выполнить задачу дивизии маневром этих малочисленных сил своего полка, но дальше он показал в своих воспоминаниях роль артиллерии:

«Обойдя Губино слева перед рассветом, полк внезапно захватил его после короткого боя почти без потерь: немцы, боясь оказаться в окружении, оставили Губино без серьезно-

го сопротивления. Дальше лежала местность открытая, и путь полку преграждала плоская безымянная высота, прочно удерживаемая противником.

Мне оборудовали НП в поспешно вырытом окопе впереди рва, установив стереотрубу для безопасного наблюдения за полем боя. В это время из-за высоты показываются три самоходки и открывают огонь. Они бьют по моему НП, где вправо и влево от меня во рву залег весь полк. Самоходки били настолько точно, что небольшой впереди меня бруствер пронизывали очень точно; снаряды, продырявив бруствер, ложились позади рва и там рвались. Некоторые попадали в ров. Я даже разглядел, как иной остроконечный снаряд, упав в ров, некоторое время вертелся на месте и через какое-то мгновение разрывался, обдавая нас осколками. Один снаряд угодил в мою переносную радиостанцию, убил радиста и выбил микротелефонную трубку из моей руки, оглушив меня так, что из ушей брызнула кровь, и я некоторое время был совершенно глухим. Огонь нашего гаубичного дивизиона вскоре вынудил самоходки отползти назад и укрыться за высотой.

И вот я замечаю в стереотрубу накапливание немцев впереди справа: выдвигаются из леса и становятся на прямую наводку шесть орудий, разворачиваются в боевой порядок до батальона, а это значит человек 500 пехоты, три танка. Видно, немцы решили нас контратаковать, чтобы вернуть себе Губино. Я отдавал себе отчет, что отбить контратаку наличными силами, когда она начнется, невозможно. Надо было ее сорвать. Это можно сделать только артиллерией и минометами, благо снаряды и мины были в достатке.

Расположив во рву возле себя вопреки всяким правилам обе минометные батареи, ставлю им конкретную задачу: беглым огнем выпустить на каждый миномет соответственно 82-мм мин по 30, а 120-мм по 15, сосредоточив налет по центру готовившегося к контратаке противника. Туда же обрушиться и 122-мм гаубичному дивизиону. Минометчики разделись до пояса, чтобы легче было работать в жару, и приступили к делу. Одни подносили мины, другие пускали их в дело. Мины и снаряды ложились в самую гущу группы фашистов. За каких-то 10 минут немцы были рассеяны; на месте остались шесть изуродованных и брошенных прислужкой орудий, не сделавших ни одного выстрела. Замысел удался. Контратака не состоялась. Оценив роль минометчиков и артиллеристов, спасших полк от уничтожения, я с удовлетворением объявил им благодарность».

Вы спросите, а где же здесь передовые артиллерийские наблюдатели? Дело в том, что Толконюк по своей первоначальной воинской профессии и службе был артиллеристом, посему сам весь огонь артиллерии и организовал — он сам был таким передовым наблюдателем.

Дополню уже начатое сравнение в числах тактик артиллерии. Трудно сказать, рассчитывали ли немцы, сколько снарядов им надо, чтобы, скажем, подавить пулемет. Ведь если артиллерия стреляет прямо по нему, а корректировщик огня умелый и, главное, видит цель, то, возможно, и не много. Как вы прочли выше у немецкого ветерана, советский командир батареи попал в такую малоразмерную цель, как немецкий блиндаж, с третьего выстрела одним орудием. Но когда артиллеристы стреляют по площадям и им «цель» задают квадратом на карте, то снарядов нужно больше, и в Красной армии были справочные расходы. На совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 года генерал Павлов эти справочные данные сообщил: для подавления станкового пулеметного гнезда на поле боя расчетное количество 76-мм снарядов — 120 штук или 80 снарядов 122-мм гаубицы. Для подавления пушки на поле боя — те же 70–90 снарядов 122-мм гаубицы.

Это то, что значит «тактика артиллерии 1918 года» в числах. А эффективность ее сообщили выше не только советские, но и немецкие ветераны, которые, как видите, отмечают два периода войны: в первом было совершенно тупое применение артиллерии советским командованием, а во втором периоде войны советская артиллерия уже стала более-менее эффективной.

Вы скажете, что это сообщают какие-то командиры немецких пехотных рот — что они могут понимать в артиллерии! Не скажите, о тупом применении артиллерии говорит и генерал-полковник Гальдер (артиллерист, кстати) в своих дневниках. Но Гальдер написал всего несколько строчек по интересующему меня в данной теме эпизоду, поэтому придется его объяснять отдельно.

Ельнинская операция 1941 года

В выдающийся подвиг маршалу Жукову записано временное освобождение города Ельни в 1941 году. Советская энциклопедия «Великая отечественная война» повествует об этом подвиге маршала Жукова так:

«ЕЛЬНИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1941, наступат. операция войск 24-й А Резервного фр., проведенная 30 авг.— 8 сент. в ходе

Смоленского сражения 1941 с целью ликвидации т. н. Ельнинского выступа. Ельнинский выступ образовался в сер. июля в результате прорыва 2-й танк. группы пр-ка южнее Смоленска и овладения ею 19 июля г. Ельня. Нем.-фаши. командование планировало использовать этот выступ в качестве выгодного плацдарма для возобновления наступления на Москву. Попытки войск 24-й А (ген.-майор К. И. Ракутин) в июле — авг. ликвидировать Ельнинский выступ успеха не имели, хотя танк. и моторизов. соединения пр-ка понесли серьезные потери (нем.-фаши. командование вынуждено было заменить их пех. соединениями). 21 авг. команд. войсками Резервного фр. ген. армии Г. К. Жуков приказал ген.-майору К. И. Ракутину прекратить наступат. действия и приступить к подготовке более сильного и организованного удара по врагу. Под рук. Жукова штаб фронта разработал план операции, согласно к-рому 24-я А получила задачу встречными ударами под основание выступа окружить и уничтожить ельнинскую группировку пр-ка (4-я А группы армий "Центр") и продолжать наступление на З. Не имея превосходства в силах и средствах, кроме артиллерии, войска армии 30 авг. перешли в наступление и прорвали вражескую оборону. Отразив контратаки, войска армии к 4 сент. глубоко охватили осн. силы пр-ка, оборонявшиеся в выступе. Под угрозой окружения пр-к начал отход. 19-я сд ворвалась в Ельню и, взаимодействуя с соседними соединениями, к утру 6 сент. освободила город. Преследуя пр-ка, войска армии продвинулись на З. на 25 км и 8 сент. вышли к рр. Устрам и Стряна, где нем.-фаши. войска на заранее подготовленном оборонит. рубеже оказали организованное сопротивление. Успеху армии способствовали наступат. действия войск соседних 16-й и 20-й А Зап. фр. на смоленском и 43-й А Резервного фр. на рославльском направлениях. Е. о. первая наступательная операция в войне. В результате ее войска 24-й А нанесли поражение двум танк., одной моторизов. и 7 пех. дивизиям пр-ка, ликвидировали Ельнинский выступ, угрожавший лев. крылу войск Зап. фр., освободили значит. территорию».

Прославляя Жукова, энциклопедия и недоговаривает, и откровенно лжет.

Немцы заменили танковые дивизии в ельнинском выступе на пехотные не потому, что они понесли какие-то особенно большие потери от Жукова, а потому, что танковые и моторизованные дивизии Гудериана были отправлены на юг для окружения советских войск под Киевом. В связи с таким ослаблением группы армий «Центр» немцы еще в первой поло-

вине августа приняли решение вывести свои войска из этого выступа, имеющего размеры где-то 20 км на 20 км. Однако это решение зависело от действий советского командования. 15 августа командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Бок записал в свой дневник: *«Трудно дать окончательный ответ на вопрос, что лучше: удерживать выступ или оставить его. Если русские будут продолжать атаковать выступ, тогда удерживать его невыгодно. Если же они прекратят атаки, что вполне может быть, тогда выступ стоит сохранить, поскольку он не только станет опорным пунктом для наших дальнейших атак в восточном направлении, но и даст возможность обеспечить определенное прикрытие для смоленского железнодорожного узла и шоссейной дороги Смоленск — Москва»*.

Энциклопедия сообщает о войсках, предоставленных Жукову: *«Не имея превосходства в силах и средствах»*. Но это откровенная ложь. Только у 24-й армии было 11 дивизий, из которых 2 танковые и 1 моторизованная, да еще у 43-й армии было 6 дивизий, из которых 2 танковые. Немцы считали, что советская дивизия по силе равна 65% немецкой, таким образом, даже по такому счету у Жукова было не менее 11 дивизий, даже без учета того, что четверть из них были танковые. Кроме этого, дополнительно к дивизионной артиллерии у Жукова было еще 16 корпусных артполков, полков РГК и ПТО. Согласно схеме в энциклопедии, ельнинский выступ защищали 4 немецкие пехотные дивизии 20-го немецкого армейского корпуса: 137-я, 78-я, 292-я и 268-я. Однако еще 15 августа в дневнике Гальдера запись: *«На фронте Гудериана 78-я и 137-я пехотные дивизии отводятся в тыл за дугу фронта у Ельни»*. То есть ельнинский выступ остались защищать только две немецкие дивизии, и общее превосходство войск у Жукова над немцами было примерно в 5,5 раз.

С другой стороны, Ельня, конечно, уже городок и станция, и освободить ее было бы полезно, но давать Жукову такие крупные силы для такой чепухи, как освобождение маленького городка, ни Сталин, ни Генштаб РККА не стали бы. На самом деле задача Жукова была иной — в п. 2 директивы Ставки ВГК от 25.8.1941 приказывалось: *«Войскам Резервного фронта, продолжая укреплять главными силами оборонительную полосу на рубеже Осташков, Селижарово, Оленино, р. Днепр (западнее Вязьмы), Спас-Деменск, Киров, 30.8 левифланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлении Почи-*

нок и Рославля, к 8,9 выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи».

То есть Жуков должен был артиллерией и пехотой сначала уничтожить немцев в ельнинском выступе и этим сделать прорыв фронта. А затем танковыми дивизиями наступать через этот прорыв на запад, выйти на железную дорогу Смоленск — Брянск (Рославль и Починок — железнодорожные станции на этой дороге) и наступать еще дальше (Хиславичи, Петровичи — это примерно в 100 км на запад от Ельни). Для чего Жукову и давались танковые дивизии.

Жуков полностью и старательно обгадил порученное ему Ставкой ВГК дело и продвинулся только до второго рубежа обороны немцев, который еще с 15 августа оборудовали заранее отошедшие на него 78-я и 137-я пехотные дивизии немцев, то есть продвинулся на запад от Ельни примерно на 15 километров. Почему?

Возможно, на это дает ответ Гальдер, который 5 сентября записал в дневнике: *«Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования».*

То есть Жуков по пустому месту расстрелял весь запас снарядов, и вторую линию обороны немцев ему уже нечем было прорывать. Кстати, сразу за этим описанием подвига Жукова Гальдер сделал запись: *«На участке 8-го армейского корпуса (9-я армия) противник снова начал яростные атаки в стиле крупных сражений, характерных для (Первой) мировой войны».*

А Начальник артиллерии Красной армии генерал-полковник Н. Н. Воронов в своем докладе Сталину сообщал о применении многочисленной артиллерии, выделенной Жукову, под Ельней:

«Артиллерия занимала удаленные огневые позиции и наблюдательные пункты и почти не имела передовых наблюдательных пунктов в передовых частях пехоты. Крайняя недостаточность средств связи в артиллерии ряда дивизий (утеряно в предыдущих боях) ставила под угрозу управление огнем дивизионов и групп и вынуждала прибегать к пользованию плохо налаженной связью пехоты. Общее стремление сидеть в убежищах, землянках и т. д. не способствовало живому руководству. Многие командиры батарей из числа

недавно назначенных были плохо подготовлены к стрельбе. Плохо организованное наблюдение мало давало данных о противнике, его огневых точках, инженерных сооружениях и т. д. Батареи много расходовали снарядов, стреляя по "надуманным заявкам пехоты", по прямым приказам пехотных, общевойсковых и старших артиллерийских командиров, часто без всякой пользы для дела, а лишь для успокоения нервов. Артиллерийская обработка рубежа проводилась, но нужных результатов не достигали. Каждый день повторяли одно и то же, ложных переносов огня не применяли и приучили противника к нашим действиям по шаблону».

То есть расхожий афоризм: «Генералы всегда готовятся к прошедшим войнам» — это про Жукова и таких, как он.

Энтузиасты тактики 1918 года

После подвигов у Ельни и обороны Ленинграда, который немцы накануне приезда Жукова в Ленинград отказались штурмовать, Г. К. Жуков с октября 1941 года по август 1942 года командовал Западным фронтом. И все это время (за исключением небольшого промежутка весной 1942 года) у него начальником штаба был В. Д. Соколовский, причем именно при Жукове в июне 1942 года Соколовский стал генерал-полковником. И надо полагать, что их дружная работа объяснялась полным единством их взглядов на то, как надо воевать — на тактику. А с февраля 1943 года по апрель 1944 года Соколовский сам командовал Западным фронтом. И надо сказать, что под командованием Жукова и Соколовского Западный фронт безмерно потреблял людские и материальные ресурсы, добиваясь неизменно убогого результата.

В конце концов в августе 1943 года Сталин сам выехал в штаб Западного фронта, но военные профессионалы, надо думать, сумели повесить на уши своему Главнокомандующему лапшу «объективных причин», и оргвыводов не последовало. Вернее, Сталин послал на Западный фронт членом военного совета Мехлиса, но убогость действий фронта продолжалась. Наконец весной 1944 года Сталин послал на Западный фронт комиссию под председательством члена ГКО Г. Маленкова в составе генерал-полковника А. Щербакова, генерал-полковника С. Штеменко, генерал-лейтенанта Ф. Кузнецова и генерал-лейтенанта А. Шимонаева.

У меня вообще к контролерам крайне нехорошее отношение: я считаю их свиньями, которые обязаны найти грязь, даже если ее нет. Но в ряде случаев без подобных комиссий

обойтись нельзя: начальник большого дела сам все выяснить по делу просто не сумеет. Однако надо понять, что работа комиссии создает конфликт, в котором и сама комиссия становится уязвимой стороной, ведь проверяемый отчаянно защищается от обвинений комиссии. В связи с этим комиссия может дать чему-либо несправедливо обвиняющую оценку («мы так считаем») или умолчать о важных обстоятельствах («виноваты — недоучили»), но комиссия, как правило, не станет врать в числах и фактах: для нее самой это опасно. Тем более что Маленков был не менее Сталина заинтересован в победе над немцами и ему не было никакого смысла интриговать против командования Западного фронта. Я предвещаю этой сентенцией цитаты из доклада этой комиссии, чтобы читатели понимали, что брать на веру можно только числа и факты, а выводы по событиям нужно стараться сделать самому.

Хотя я рассматриваю артиллерию, но все же начну с раздела доклада, посвященного упомянутого Толконюком, но на тот момент уже бывшему командующему 33-й армией Гордову. Уж больно он похож на Жукова, такой себе «маленький Жуков», возможно, что даже пример брал с него. Есть такая справка на Гордова:

«33-я армия во многих операциях на Западном фронте занимала центральное место, ей придавались значительные средства усиления, командование фронтом уделяло армии большое внимание и считало командарма Гордова лучшим командующим армии».

Ну точь-в-точь Жуков!

«Однако факты показывают обратное. Нигде так плохо не был организован бой, как в армии Гордова. Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, вместо правильного использования артиллерии Гордов стремился пробить оборону противника живой силой. Об этом свидетельствуют потери, понесенные армией. Общее количество потерь, понесенных 33-й армией, составляют свыше 50% от потерь всего фронта».

Вопреки указаниям Ставки, запрещавшим использование в бою специальных подразделений как обычную пехоту, Гордов нередко вводил в бой разведчиков, химиков и саперов.

К числу наиболее тяжких проступков Гордова следует отнести факты, когда Гордов весь офицерский состав дивизии и корпуса направлял в цепь.

В своем приказе от 4 сентября 1943 года, адресованном командиру 173 стр дивизии полковнику Зайцеву и команди-

рам полков подполковнику Милованову, подполковнику Сизову, майору Гуслицер, Гордов требовал: "Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд".

И дальше Гордов в приказе писал: "Лучшие нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу".

Четвертого сентября 1943 года Гордов приказал начальнику штаба 70-го ск генерал-майору Иконникову: "Немедленно все управление корпуса отправить в цепь. Оставить в штабе только начальника оперативного отдела".

Такие недопустимые действия Гордова приводили к дезорганизации управления боем и ничем не оправдываемым потерям в офицерском составе. За последние полгода в 33-й армии под командованием Гордова убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и начальников штабов дивизий, 38 командиров полков и их заместителей и 174 командира батальона.

Гордов преступно нарушил приказ Ставки о запрещении прибегать к расстрелам командиров без суда и следствия. Так, 6 марта по приказу Гордова без суда и следствия был расстрелян майор Трофимов якобы за уклонение от боя. На самом деле, как установлено следствием, майор Трофимов не был виноват.

По заявлению ряда командиров, работавших с Гордовым, нечеловеческое отношение к людям, сплошная истерика так издегали их, что были случаи, когда командиры не могли командовать своими соединениями и частями.

Командование фронтом проходило мимо всех этих безобразий в действиях Гордова, не поправляло его и продолжало считать его лучшим командующим армией».

Кстати, Гордова, еще до приезда комиссии сняли с командования армией по требованию Мехлиса.

По Гордову комиссия сделала следующее предложение: «е) учитывая крупные ошибки генерал-полковника Гордова в командовании 33-й армией, а также ряд его неправильных действий, за что он был отстранен от командования 33-й армией, предупредить Гордова, что при повторении допущенных им ошибок в 33-й армии он будет снижен в звании и должности. Сообщить о недостатках Гордова командующему 1-м Украинским фронтом маршалу Жукову, где Гордов в настоящее время работает в качестве командующего 3-й Гвардейской армией».

Цена тактики 1918 года

Сначала о том, за что, собственно, предъявили претензии командованию Западного фронта:

«В этих безрезультатных операциях, в период с 12 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г., только на участках активных действий фронт понес потери убитыми — 62 326 человек, ранеными — 219 419 человек, а всего убитыми и ранеными — 281 745 человек. Если к этому добавить потери на пассивных участках фронта, то за период с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт потерял 330 587 человек. Кроме того, за это же время из войск Западного фронта в госпитали поступило 53 283 человека больных.

В указанных выше операциях с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт израсходовал очень большое количество боеприпасов, а именно 7261 вагон. За год же, с марта 1943 г. по март 1944 г., фронт израсходовал 16 661 вагон боеприпасов. За это же время, то есть за год, Белорусский фронт израсходовал 12 335 вагонов, 1-й Украинский фронт — 10 945 вагонов, 4-й Украинский фронт — 8463 вагонов, и каждый из остальных фронтов израсходовал боеприпасов меньше перечисленных фронтов. Таким образом, Западный фронт израсходовал боеприпасов гораздо больше любого другого фронта.

Безуспешные действия Западного фронта за последние полгода, большие потери и большой расход боеприпасов объясняются не наличием сильного противника и непреодолимой обороной перед фронтом, а исключительно неудовлетворительным руководством со стороны командования фронтом. Западный фронт при проведении всех операций всегда имел значительное превосходство в силах и средствах перед противником, позволяющее, безусловно, рассчитывать на успех.

По отдельным операциям соотношение в силах выглядит следующим образом:

Оршанская операция 12–18 октября 1943 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 19 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 8 сд, во 2-м эшелоне — 11 сд; танковый корпус, кавкорпус, 12 артиллерийских бригад, 20 артполков РГК, 3 танковых бригады, 6 танковых и самоходных полков. Всего было танков 134. Артиллерийская плотность — от 150 до 200 стволов на 1 км фронта. Силы противника. Две пехотных дивизии, 3–5 артполков и около 30 танков. Впоследствии были подтянуты: одна пд, две мд и 3–4 артполка.

Оршанская операция 21–26 октября 1943 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 11 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 8 сд, во 2-м эшелоне — 3 сд; танковый корпус, 13 артбригад, 19 артполков РКК, 2 танковых бригады, 3 танковых и самоходных полка. Всего было танков 172. Артиллерийская плотность — от 115 до 260 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 4 пехотных дивизии, одна бригада СС, 6–7 артполков и до 60 танков.

Оршанская операция 14–19 ноября 1943 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 32 стрелковых дивизии, из них в 1-м эшелоне — 18 сд, во втором эшелоне — 14 сд; танковый корпус, 16 артбригад, 23 артполка РКК, 4 танковых бригады, 7 танковых и самоходных полков. Всего было танков 410. Артиллерийская плотность — от 120 до 260 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 4 пехотных дивизии, 2 танковых дивизии, бригада СС, до 12 артполков. Всего было танков около 70 штук.

Оршанская операция 30 ноября по 2 декабря 1943 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 34 стрелковых дивизии, из них в 1-м эшелоне — 24 сд, во 2-м эшелоне — 10 сд; 13 артбригад, 24 артполка РКК, 4 танковых бригады, 10 танковых и самоходных полков. Всего было танков 284. Артиллерийская плотность — от 120 до 170 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 3 пехотных дивизии, 2 танковых дивизии, до 10 артполков. Всего было танков около 200 штук.

Витебская операция с 23 декабря 1943 г. по 6 января 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 11 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 5 сд, во 2-м эшелоне — 6 сд; танковый корпус, 10 артбригад, 4 артполка РКК, 4 танковых бригады, 5 самоходных артполков. Всего было танков 147. Артиллерийская плотность — 110 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 2 пехотных дивизии, до 5 артполков и около 60 танков. К концу операции было подброшено еще три пехотных дивизии.

Богусевская операция 8–24 января 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 16 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 11 сд, во 2-м эшелоне — 5 сд и одна сбр; танковый корпус, 12 артбригад, 6 артполков РКК, 6 танковых бригад, 8 самоходных артполков. Всего было танков 295. Силы противника. 4 пехотных дивизии, части 2 мотодивизий, до 9 артполков и до 130 танков.

Витебская операция 3–16 февраля 1944 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 16 стрелко-

вых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 9 сд, во 2-м эшелоне — 7 сд; танковый корпус, 15 артбригад, 9 артполков РГК, 2 танковых бригады, 2 самоходных полка. Всего было танков — 129. Артиллерийская плотность от 115 до 140 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 5 пехотных дивизий, до 9 артполков и около 140 танков. Впоследствии было подброшено около 2 пехотных полков.

Витебская операция 29 февраля — 5 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 15 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 13 сд, во 2-м эшелоне — 2 сд и сбр; 7 артбригад, 10 артполков РГК, 6 танковых бригад. Всего было танков 87. Силы противника. 5 пехотных дивизий, 10 артполков и около 90 танков.

Оршанская операция 5–9 марта 1944 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 8 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 3 сд, во 2-м эшелоне — 5 сд; 3 артбригады, 6 артполков РГК, 1 танковая бригада, 2 танковых полка. Всего было танков 80. Артиллерийская плотность — 100 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 1 пехотная дивизия, три артполка и до 35 танков.

Богуславская операция 21–29 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 9 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне — 6 сд, во 2-м эшелоне — 3 сд; 10 артбригад, 6 артполков РГК, 5 танковых бригад, 4 самоходных полка. Всего было танков 30. Артиллерийская плотность — от 100 до 150 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 2 пехотных дивизии, до 5 артполков и до 40 танков.

Таким образом, Западный фронт во всех проводимых операциях имел явное превосходство перед противником в силах и средствах. Несмотря на это, все операции кончались неудачно, и фронт с октября месяца вперед не продвинулся.

В результате застойного положения на Западном фронте и продвижения соседних фронтов создалось крайне невыгодное для нас начертание линии фронта на Смоленско-Минском направлении. Противник на этом направлении имеет выступ в нашу сторону глубиной до 150 километров.

Такое положение оказывает неблагоприятное влияние на соседние фронты, дает возможность противнику иметь в треугольнике Лепель, Могилев, Минск свою авиацию и воздействовать ею по кратчайшим направлениям по тылам Прибалтийских и Белорусского фронтов. Со стороны Западного фронта противник находится ближе всего к Москве.

II. Крутые недостатки в работе артиллерии. В проведенных операциях наша артиллерия, несмотря на сосредото-

точение ее в больших количествах и превосходство над артиллерией противника, не подавляла как в период артиллерийской подготовки, так и в процессе боя огневую систему противника. Зачастую артиллерия вела огонь по пустому месту, не выполняя заявок пехоты, теряла с ней взаимодействие, иногда вела огонь даже по своей пехоте. Пехота шла в атаку на неподдавленную огневую систему противника, несли громадные потери и не продвигалась вперед. Огневая деятельность нашей артиллерии, и особенно контрбатарейной, во всех периодах боя была неполноценной и не отвечала предъявляемым к ней требованиям.

В 33-й, 31-й и 5-й армиях были неоднократные случаи, когда артиллерия вела огонь по районам (квадратам), данным штабами артиллерии армии, а на самом деле в этих квадратах целей не было, и артиллерия вела огонь по пустому месту, а нашу пехоту расстреливали огневые точки противника из других районов.

В операции 33-й армии 23 декабря 1943 г. на наблюдательных пунктах некоторых артполков были не офицеры, а рядовые бойцы. Не везде были наблюдатели в первом эшелоне пехоты. В результате этого 199-я стр. дивизия была обстреляна своей артиллерией. В этой же артиллерии дело доходило до того, что орудия прямой наводки вели огонь по своей пехоте.

При наступлении 33-й армии 3 февраля с.г. в ряде дивизий не было организовано взаимодействие артиллерии с пехотой. Так, например, 144-я сд наступала на Павлюченки, а поддерживающая ее артиллерия вела огонь западнее Павлюченки. В это же время при наступлении 222-й сд поддерживающая ее артиллерия молчала.

О неудовлетворительной работе артиллерии Западного фронта свидетельствуют многие показания пленных немцев.

Командующий Западным фронтом генерал армии т. Соколовский, бывший член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Булганин и командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии т. Камера повинны в том, что они не вскрыли крупных недостатков и ошибок в работе артиллерии. Среди артиллеристов царит самоуспокоенность, чванство и зазнайство. Артиллеристы своих ошибок и недостатков не вскрывают, не изучают, а пытаются замазать их. Фронт и армии до последнего времени не издавали приказов по недочетам в действиях артиллерии и не указывали мер по устранению их. В результате такого неправильного отношения командования фронтом к делу руководства

артиллерией в каждой операции повторялись грубые ошибки и недостатки в действиях артиллерии.

В период подготовки операции артиллеристы во всех звеньях исключительно плохо ведут разведку целей и не вскрывают огневой системы противника. Вследствие незнания целей артиллерия не может вести прицельного огня по конкретным целям, а, как правило, ведет малоэффективный огонь по площадям. В этот же период артиллеристы медленно разворачивают разведывательные органы, разведку ведут пассивным наблюдением, мало применяют подвижные и выдвинутые к переднему краю обороны противника наблюдательные пункты. Старшие артиллерийские командиры и их штабы лично разведку почти не ведут и свои функции в этом важнейшем вопросе ограничивают сбором и фиксацией сведений от нижестоящих и менее квалифицированных инстанций, к тому же поступающие сведения не проверяются. Особенно плохо ведется разведка во время наступления пехоты. Разведорганами не нарезаются конкретные полосы и секторы наблюдения, а поэтому внимание разведчиков рассеивается по всему полю, и они занимаются беспредметным наблюдением картины боя, а не розыском огневых точек противника. Во многих артиллерийских частях разведывательные подразделения содержатся в некомплекте, при полной штатной укомплектованности небоевых подразделений. Для целей разведки и корректировки огня плохо используется авиация и совсем не используются аэростаты наблюдения.

Огонь артиллерии, как правило, планируется в высших штабах, без учета конкретных данных об огневой системе противника, вследствие этого он планируется не по целям, а по площадям. Исполнителям огневые задачи на местности ставятся очень редко. Во многих случаях командиры батарей и дивизионов получают схемы, которые не отвечают действительному положению целей. Такое планирование и доведение задач до исполнителей приводит к стрельбе по пустому месту и тем самым не обеспечивает подавления огневых точек противника. В период подготовки операции высшие артиллерийские штабы для своей работы по планированию забирают большую часть времени, отведенного на подготовку. В результате этого низшим артиллерийским звеньям почти не остается времени, особенно светлого, для отработки задач на местности и организации взаимодействия.

Артподготовка проводится по шаблону. Начало артподготовки обозначалось залпом РС, затем проводился период разрушения и в конце — налет артиллерии по переднему

краю. Противник привык к этому шаблону и, зная порядок огня, умело сохранял свою живую силу в укрытиях. Вследствие же того, что в период артподготовки наша артиллерия, как правило, вела огонь по площадям и не подавляла огневую систему противника, наша пехота встречалась противником организованным огнем всех видов, несла большие потери и во многих случаях с самого начала не могла продвигаться вперед.

С начала наступления плохо организуется сопровождение пехоты артиллерией. Как правило, связь и взаимодействие пехоты с артиллерией и минометами в этот период теряется. Обнаруженные и мешающие нашей пехоте цели или совсем не подавляются, или подавляются с большим опозданием. Чрезмерная централизация артиллерии при продвижении пехоты вперед в руках командиров стрелковых дивизий и выше лишает командира батальона средств подавления и возможности реагировать на обстановку. Особенно плохо воспитаны минометчики, в ряде случаев они просто уклоняются от связи с пехотой, задерживаются в тылу, вследствие чего минометы бьют куда попало. Радиостанций в низовом звене мало, и питанием они не обеспечены, хотя во фронте радиостанций достаточно для того, чтобы обеспечить наступающие войска. Орудия прямой наводки, несмотря на обилие их в боевых порядках пехоты, используются плохо и неумело. Подчиненность этих орудий неопределенна, конкретных целей они зачастую не имеют. От пехоты орудия прямой наводки часто отстают и вследствие этого иногда бьют по своим. Самоходные орудия используются неумело и должного эффекта не дают. Борьба с самоходными орудиями противника не организована и никем не планируется. Управление огнем в динамике боя осуществляется слабо. Вследствие незнания целей старший начальник бессильен в определении огневых задач подчиненным. Штабы артиллерии, как правило, находятся на большом удалении от наблюдательных пунктов, а, следовательно, исключаются из управления огнем артиллерии.

Особенно плохо организуется контрбатареиная и контрминометная борьба с артиллерией и минометами противника как в период артподготовки, так и при продвижении пехоты вперед. Наши контрбатареиные и контрминометные группы не подавляют артиллерию и минометы противника, вследствие чего продвижение пехоты сдерживается сильным артиллерийским и минометным огнем противника, и она несет большие потери, о чем свидетельствует тот факт, что в некоторых операциях процент осколоч-

ных ранений доходил до 70–80%. Огонь контрбатарейных артгрупп вследствие плохого знания целей и отсутствия корректировки мало эффективен. Артиллерия дальнего действия привыкла стрелять по площадям, по знакам разрыва стреляет плохо, не умеет быстро и точно переносить огонь. Контрминометные группы подавлять минометные батареи противника не умеют, стреляют плохо и не метко.

Контроль за выполнением огневых задач почти не осуществляется. С исполнителя не спрашивают результатов огня, на него возлагается ответственность только за своевременное его открытие. Такое положение порождает безответственность у офицерского состава артиллерии».

Далее в докладе рассматриваются вопросы:

— о недостатках в планировании операций (...вопреки сложившемуся опыту войны командование Западным фронтом в некоторых операциях организовывало прорыв на очень узких участках: в Витебской операции 23 декабря — на фронте 6 км, в Оршанской операции 5 марта — на фронте 5 км. Это позволяло противнику сосредоточить губительный фланкирующий огонь и в сочетании с контратакующими небольшими резервами исключить возможность продвижения нашей пехоты и нанести ей большие потери...);

— о дурацком построении боевых порядков (...в большинстве операций, проведенных фронтом армии, особенно 33-я армия, наступали, глубоко эшелонируя свои боевые порядки, и создавали излишнюю плотность живой силы, нарушая тем самым приказ Ставки № 306. Такое построение боевых порядков приводило к тому, что в дивизии атаковало 2–3 батальона, а остальные батальоны стояли в затылок. При этих условиях ударная сила дивизии использовалась не одновременно, а расходовалась по частям, и огневые средства замораживались. Все это приводило к большим потерям еще до вступления войск в бой, а, понеся такие потери и находясь под непрерывным огнем воздействием, части теряли свою боеспособность еще до боя);

— о бездарном использовании танков (...постоянное стремление командования фронтом добиться прорыва обороны посредством преждевременного ввода в бой танкового корпуса не дало результатов и привело к тому, что в танковом корпусе в настоящее время осталось два танка. В танковых бригадах, действующих непосредственно с пехотой, во всех боях наблюдаются исключительно большие потери. Основная причина этих потерь заключается в том, что противотанковые средства противника не подавляются нашим артиллерийским огнем и отсутствует

взаимодействие между танками, поддерживающей артиллерией и пехотой);

— о совершенно бредовом положении штаба (...штаб обезличен, оторван от командования фронтом и от насущных задач, решаемых войсками, и по существу является каким-то статистическим бюро, собирающим только данные по обстановке, и то с опозданием. Вопросы планирования операций, организации боя и контроля за выполнением принятых командованием решений на деле изъяты из функций штаба. В течение четырех месяцев начальник штаба и весь штаб находятся на расстоянии около 100 километров от расположения командования фронтом, и за это время командующий и начальник штаба встречались не более 3-4 раз);

— о бездарной разведывательной работе (...основная задача поиска — захват контрольных пленных — во многих случаях не выполняется. Так, в декабре месяце в 192-й сд проведено 23 разведоперации с целью захвата «языка». Ни одного пленного в этих операциях не захвачено, а потери наших разведгрупп составили 26 человек убитыми и ранеными. В 192-й, 247-й и 174-й сд с 1 января по 15 февраля проведены сотни поисковых разведопераций и не захвачено ни одного пленного. В 331-й и 251-й сд разведчики неоднократно подрывались на своих минных полях, так как им не было указано их расположение. ...Авиационная разведка хотя формально и проводится, но данные, получаемые от авиации, своевременно не обрабатываются, не сверяются с другими источниками и зачастую не доводятся до войск. Фотосхемы и фотопланы застревают в высших штабах и в войска своевременно не направляются. Радиоразведка, несмотря на большое количество радиосредств, работает плохо, очень часто дает абсолютно неправильные данные и вводит наши штабы в заблуждение);

— о бездарном командовании фронтом (...командующий фронтом т. Соколовский оторван от своих ближайших помощников — командующих родами войск и начальников служб, по много дней не принимает их и не решает их вопросов. Некоторые заместители командующего не знали о задачах своих родов войск в связи с проводившимися операциями, не говоря уже о том, что они не привлекались к разработке операций. Например, командующий БТ и МВ генерал-лейтенант танковых войск Родин заявил: «Меня ни разу не спрашивали, как лучше использовать танки. Я только диспетчер и посылаю танки то в одну, то в другую армию. Задачи танковых войск я узнавал в армиях или от подчиненных танкистов»).

Понятно, что это комиссия, что она давала только черные стороны, но все же...

Командующего фронтом В. Д. Соколовского сняли и навсегда перевели начальником штаба к Жукову, после войны Соколовский стал крупным военным теоретиком, труд написал — «Военная стратегия». Что поделаться, у нас все генералы «а-ля Жуков» стратеги. Командующего артиллерией Камеру тоже сняли с понижением в должности, но в связи с болезнью отправили в отставку. А начальника разведки полковника Ильницкого еще и разжаловали в подполковники.

Но заметим, что это 1944 год, заканчивался третий год войны, а генералы Западного фронта кем были, тем и оставались. Ничему сами не учились, подчиненных не учили и продолжали командовать вверенными им войсками не так, чтобы немцев победить с минимальной кровью, а так, как им удобнее, как их в академиях научили.

Этот мой критический отзыв о советских академиях многих обидел, и мне привели в пример китайско-вьетнамский конфликт 1979 года, в ходе которого артиллерией командовали уже не простые вьетнамские партизаны, победившие американскую армию в 1973 году, а выпускники советских военных академий. Знай наших!

Правда, этот восторг быстро погас после уточнения подробностей цитатой из книги В. Славина «Первая социалистическая»:

«Вторжению китайских войск предшествовала артиллерийская подготовка, начавшаяся в 5.20 17 февраля 1979 г. (на ланшонском направлении в 2.30 17 февраля 1979 г.). Артиллерия ВНА открыла ответный огонь с большим опозданием, причем только в 7.00.

Большинство артиллерийских дивизионов к тому времени вести огонь уже не могли, так как ряд наблюдательных пунктов был захвачен противником. Уже 17.2 большая часть артиллерийских батарей артиллерийского полка одного из военных округов ВНА оказалась в тылу противника. 18.2 в таком же положении оказались и батареи артиллерийского полка соседнего военного округа.

В течение 17–18.2 артиллерия пехотных дивизий, военных округов и РВГК вела в основном заградительный огонь. В ряде случаев вьетнамской артиллерией отмечались попытки ведения контрбатареиной борьбы (но без какого-либо существенного результата).

Только 19 февраля 1979 г. артиллерия начала поддержку контратак своей пехоты. В ряде случаев в результате по-

спешного отхода пехоты артиллерийские подразделения оказывались без прикрытия и отбивали атаки неприятеля огнем прямой наводкой и из стрелкового оружия. Свои задачи артиллерия выполняла, как правило, огнем батареи, дивизиона, редко двумя дивизионами. Сосредоточение огня артиллерийского полка (бригады) не проводилось. 6 марта в 5-м АК было спланировано массирование огня, но ввиду отхода противника осуществлено не было. Взаимодействие между артиллерией дивизий, корпусов, округов и резерва ВГК (так же как и с общевойсковым командованием) так и не было налажено должным образом. Артиллерийские командиры вели огонь в основном самостоятельно, по своей инициативе, причем на борьбу с артиллерией противника приходилось всего 10 процентов общего объема выполняемых огневых задач. На всех направлениях остро ощущался недостаток в полковой и батальонной артиллерии, особенно при отражении атак обходящих отрядов, так как условия местности не позволяли осуществлять маневр огнем дивизионной и окружной артиллерии.

Артиллерия резерва ВГК использовалась нерешительно, силы распылялись, управление было децентрализовано. Треть ее оставалась в пунктах дислокации. Части и подразделения резерва подчинялись окружным артиллерийским полкам и даже артиллерийским полкам дивизий. К сосредоточению и массированию артиллерии на главных направлениях у вьетнамских военачальников даже стремления не было отмечено. Артиллерийские группы не создавались. Реактивный полк резерва ВГК был выведен на позиции только 5 марта 1979 г. Простояв там до 24 марта и не сделав ни одного выстрела, реактивный артиллерийский полк был возвращен в пункт постоянной дислокации».

Да, действительно, знай наших!

ИНЦИДЕНТ В МАЙНИЛЕ

Цели сторон

Ленинград с военной точки зрения чрезвычайно уязвим. Даже без авиации для сильного вражеского флота взятие Ленинграда не является большой проблемой. Для главных калибров артиллерии вражеских линкоров Кронштадт не велика помеха, а при захвате ленинградских портов подвоз войск морем превращает ленинградскую область в район, из которого вражеская армия легко может наносить удары в сердце России.

Поэтому и у царей главной идеей обороны Петербурга было недопущение флота противника к петербургским подступам. Для этого Финский залив и все подходы к нему в Первую мировую войну перегораживались минными заграждениями. Но мины можно снять. Поэтому главной задачей Балтийского флота было недопущение прорыва минных заграждений — его корабли должны были топить корабли противника при попытке снять мины.

Однако царю было проще. Если вы взглянете на карту Российской Империи, то увидите, что северный берег Финского залива — это Финляндия, входившая тогда в состав Российской империи, а южный берег — это имперская Прибалтика. Балтийский флот был везде дома, по обоим берегам залива стояли его береговые батареи, прикрывавшие минные поля от тральщиков противника и не дававшие вражеским кораблям пройти мимо этих батарей к Петербургу.

Но ведь в СССР после Революции от этого ничего не осталось. Южный берег почти весь был у Эстонии, а от финской границы можно было обстреливать Ленинград из полевых орудий. Морские мины, конечно, можно было поставить, но, не защищенные с берега, они были бы моментально сняты. Положение и Ленинграда, и СССР по своей незащищенности было трагическим.

Чего хотел СССР от Финляндии, достаточно правдиво сообщает даже Маннергейм:

«5 марта 1939 года народный комиссар иностранных дел Литвинов через посла Финляндии в Москве Юрье Коскинена предложил приступить к новым переговорам. На этот раз Советский Союз потребовал в аренду на 30 лет остро-

ва Финского залива Гогланд, Лавансаари, Сескар и оба острова Тютяр-саари. Целью Советского Союза было не строительство укреплений на этих островах, а использование их в качестве наблюдательных пунктов на пути к Ленинграду. Принятие этих предложений означало бы улучшение отношений между нашими странами и выгодное для нас экономическое сотрудничество.

В ответе, который был передан 8 марта, правительство Финляндии заявило, что не может разговаривать о передаче другому государству островов... Народный комиссар иностранных дел, как чувствовалось, ожидал такого ответа и прямо предложил в качестве возмещения передать Финляндии часть территории Восточной Карелии, лежащую севернее Ладожского озера. Это предложение было отвергнуто 13 марта.

...Руководствуясь прежними мотивами. Штейн утверждал, что безопасность Ленинграда в случае нападения на него со стороны Финского залива зависит от передачи этих островов в пользование Советского Союза, и считал, что лучшим решением будет договор об их аренде. Такое решение стало бы гарантией сохранения финского нейтралитета. Советское правительство также готово обменять острова на территорию площадью 183 квадратных километра, расположенную рядом с нашей восточной границей. ...Правительство Финляндии продолжало стоять на своей отрицательной позиции.

Я же считал, что нам тем или иным образом следовало бы согласиться с русскими, если тем самым мы улучшим отношения с нашим мощным соседом. Я разговаривал с министром иностранных дел Эркко о предложении Штейна, но уговорить его мне не удалось. Я также посетил президента и премьер-министра Каяндера, чтобы лично высказать свою точку зрения. Заметил, что острова не имеют для Финляндии значения, и, поскольку они нейтрализованы, у нас отсутствует возможность их защиты. Авторитет Финляндии, по моему мнению, также не пострадает, если мы согласимся на обмен. Для русских же эти острова, закрывающие доступ к их военно-морской базе, имеют огромное значение, и поэтому нам следовало бы попытаться извлечь пользу из тех редких козырей, которые имеются в нашем распоряжении.

Моя точка зрения понимания не встретила.

...Я серьезно предупредил, чтобы посол Штейн не уезжал в Москву с пустыми руками. Однако так и произошло. 6 апреля он покинул Хельсинки, не решив порученной ему задачи. Парла-

мент был не информирован о цели визита Штейна. О недальновидном сокрытии этого факта можно только сожалеть».

То есть целью СССР было приобретение у Финляндии нескольких необитаемых островов для надежного прикрытия устья Финского залива минами на случай войны с Германией. А чего хотело правительство Финляндии, скрывающее эти просьбы СССР и от народа, и от парламента? И вопреки настоянию председателя Комитета обороны Маннергейма? Сегодня это не секрет, правда не афишируемый «демократическими» историками.

Из оперативных планов финской армии, сохранившихся в Военном архиве Финляндии, следует, что *«предполагалось сразу после нападения СССР перейти в наступление и занять ряд территорий, прежде всего в Советской Карелии... командование финляндской армии окончательно отказалось от этих планов лишь через неделю после начала “зимней войны”, поскольку группировка Красной армии на этом направлении оказалась неожиданно мощной»*. Финляндия собиралась установить новую границу с СССР по *«Неве, южному берегу Ладожского озера, Свири, Онежскому озеру и далее к Белому морю и Ледовитому океану (с включением Кольского полуострова)»*. Вот так!

Захватнические планы Финляндии подтверждаются и другими документами. В 1941 году финны вместе с немцами напали на СССР. СССР начал пробовать мирно вывести Финляндию из войны. По просьбе СССР посредниками стали Англия и США. Советский Союз предлагал вернуть Финляндии занятые в зимней войне 1939–1940 года территории и еще пойти на территориальные уступки. Англо-американцы настаивали, угрожая Финляндии войной. Но финны не уступали, и в ответной ноте США 11 ноября 1941 года Финляндия заявила: *«Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы действительно необходимо для Финляндии и в интересах действительности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны»*.

Но в 1939 году о том, что у них сил и союзников недостаточно, финны еще не знали.

Кто стрелял?

Начну с телеграммы Наркому обороны СССР:

«Докладываю: 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнилы, были

неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами произведено семь орудийных выстрелов. Убиты 3 красноармейца и 1 младший командир, ранено 7 красноармейцев, 1 младший командир и 1 младший лейтенант. Для расследования на месте выслан начальник 1-го отдела штаба округа полковник Тихомиров. Провокация вызвала ограмное возмущение в частях, расположенных в районе ар-налета финнов. МЕРЕЦКОВ МЕЛЬНИКОВ».

Но в Википедии вы прочтете:

«Некоторые авторы выдвигали версию, согласно которой обстрел осуществлен минометчиками из советских пограничных войск или армейскими артиллеристами, которым указывали цель корректировщики Ленинградского областного управления НКВД».

И мы понимаем, кто эти «некоторые авторы» Википедии, узревшие в составе НКВД корректировщиков артиллерийско-го огня.

Так кто обстрелял советский гарнизон в Майниле накануне не Советско-финляндской войны?

Рассмотрим подробности. За четыре дня до начала войны между СССР и Финляндией, 26 ноября 1939 года, финны обстреляли территорию СССР из артиллерийских орудий, и в советском гарнизоне поселка Майнила было убито и ранено несколько советских военнослужащих. Однако инцидент в Майниле никоим образом не был поводом к войне, поскольку уже 27 ноября советское правительство в своей ноте заявило:

«Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финской армии, может быть плохо управляемых финским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места».

Почему так — несколько позже, а сейчас собственно об этом инциденте.

Финский маршал К. Маннергейм, которому и так было о чем писать, отводит этой провокации непропорционально много места, причем очевидно, что он врет. К примеру, когда он забывает о том, что нужно оправдываться в этой провокации, то пишет:

«Объединение основной части войск прикрытия (1-й и 2-й бригад) в новую дивизию, подчиненную непосредственно командующему армией, также не предполагало пассивного положения. Еще 3 ноября я дал указание генерал-лейтенанту Эстерману создать такую группировку войск, которая бы обеспечила по возможности эффективную оборону приграничной зоны. Это же повторил в приказе от 11 ноября, в ко-

тором еще раз обратил его внимание на то, сколь важной является оборона необходимо большими силами позиций, выстроенных между границей и главной линией обороны».

Тут надо вспомнить, что мощнейшие фортификационные сооружения («линию Маннергейма») финны построили не на самой границе, а в глубине своей территории — на расстоянии от 20 до 70 км. Но это пространство они, как вы прочли у Маннергейма, не собирались сдавать без боя и задолго до войны ввели на него крупные силы, как пишет Маннергейм, с задачей жестокой обороны, но на самом деле эти силы одновременно имели возможность вторгнуться и в Ленинград. Но даже оборона в поле, само собой, невозможна без полевой артиллерии.

Однако когда Маннергейм несколько раз возвращался к обстрелу советской территории 26 ноября, то нагло выдвигал утверждение, будто на территории между границей и «линией Маннергейма» вообще не было никакой артиллерии. Ну ни ствола!

«Ситуация была несомненно беспокойной. В любой день русские могли организовать провокацию, которая дала бы им формальный повод для нападения на Финляндию. Я отдал приказ на земле, на воде и в воздухе тщательно избегать любой деятельности, которую русские могли бы использовать в качестве предлога для провокации, и приказал отвести все батареи на такое расстояние, чтобы они не смогли открыть огонь через границу. Для контроля за исполнением приказа я командировал на перешеек инспектора артиллерии».

«И вот провокация, которую я ожидал с середины октября, свершилась. Когда я лично побывал 26 ноября на Карельском перешейке, генерал Ненонен заверил меня, что артиллерия полностью отведена за линию укреплений, откуда ни одна батарея не в силах произвести выстрел за пределы границы».

Но ведь это же явная брехня: не мог Маннергейм одновременно ставить войскам задачу на оборону предполья «большими силами» и одновременно забрать у войск артиллерию «за линию укреплений», за которой эта артиллерия никак не могла помочь войскам, находящимся в 20-70 км перед этой линией! Да еще и послать к границе командующего («инспектора») артиллерии финской армии! А ему-то что там было делать, если артиллерия выведена за линию укреплений?

Еще штрих: Советский Союз сообщил об обстреле своей территории 27 ноября и до этого числа, по идее, об этом никто не мог знать, в том числе и Маннергейм. Тогда зачем Маннергейм «лично побывал» на месте событий в день обстрела — 26 ноября?

Не менее нагло звучал и официальный ответ финского правительства, в котором уже не только правительство СССР, но все мировое сообщество принималось за дурачков:

«...Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых вы упоминаете в письме, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной стороны, близ упомянутого вами селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где взрывались снаряды, так как селение Майнила расположено на расстоянии всего 800 метров от границы, за открытым полем. На основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, находились на расстоянии около полутора-двух километров на юго-восток от места разрыва снарядов. ...Вследствие этого я считаю своим долгом отклонить протест, изложенный в вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором вы говорите, был совершен не с финляндской стороны».

Наглость заявления в том, что, не видя вспышки выстрелов, не зная тип орудия и, соответственно, скорости полета снаряда, финны «на основании расчета скорости распространения звука» определили, откуда велся огонь, и даже расстояние до стреляющего орудия.

Давайте сами расследуем этот инцидент, благо финны предоставили кое-какие материалы.

Скорость звука

Представим, что орудие стреляет перпендикулярно линии нашего наблюдения за этой стрельбой, а мы находимся примерно в 1,7 км и от орудия, и от места разрыва снаряда. Предположим, что само орудие находится от точки разрыва снаряда примерно в 2 км, как и пишут финны в ответной ноте. Предположим, что это был 82-мм миномет, прием средней скорости мины относительно земли 110 м/сек. Тогда время подлета мины к точке разрыва примерно будет $2:0,11 = 18$ сек, звук выстрела (скорость звука прием 330 м/сек) миномета долетит до нас примерно через 5 секунд после выстрела, звук разрыва мины через $18 + 5 = 23$ секунды после выстрела, а время между тем, когда мы слышали выстрел и разрыв,

будет $23 - 5 = 18$ секунд, то есть столько, сколько мина и летела до цели.

А теперь представим себя стоящими так, что миномет стреляет прямо на нас, а мина разрывается в 1 километре перед нами. Тогда звук выстрела мы услышим примерно через $(2 + 1) : 0,33 = 9$ сек после выстрела, звук разрыва мины примерно через $18 + (1 : 0,33) = 21$ секунду после выстрела, а время между тем, как мы услышали выстрел и разрыв, будет $21 - 9 = 12$ секунд. Как видите, в зависимости от направления, с которого мы слушаем стрельбу, время между выстрелом и взрывом меняется очень сильно даже при очень низкой скорости полета снаряда.

Но если мы предположим, что при тех же условиях мы слушаем огонь принятой тогда на вооружение дивизионной пушки Ф-22, то картина вообще меняется. У нее начальная скорость снаряда 690 м/сек, если мы примем среднюю скорость снаряда по отношению к земле 500 м/сек, то время полета снаряда до цели будет 4 секунды. Тогда в первом случае звук выстрела пушки долетит до нас за те же 9 секунд после выстрела, звук разрыва снаряда через $4 + 5 = 9$ секунд после выстрела, а время между тем, как мы услышали выстрел и разрыв, будет $9 - 5 = 4$ секунды. Если же пушка стреляет на нас, то звук ее выстрела мы услышим примерно через те же 9 сек после выстрела, звук разрыва снаряда примерно через $4 + (1 : 0,33) = 7$ секунд после выстрела, а время между тем, как мы услышали выстрел и разрыв, будет $7 - 9 = -2$ секунды. То есть сначала мы услышим звук разрыва, а через 2 секунды звук выстрела.

Как видите, в зависимости от того, с какого места мы слушаем стрельбу любого вида оружия, время между тем, когда мы услышим выстрел орудия и звук разрыва, будет различным.

20 секунд

А вот теперь прочтите результаты финского «расследования» этого инцидента, в «правдивости» которого у историков нет сомнения (выделения в тексте мои. — Ю.М.):

«После того как финны констатировали разрывы 26.11 в д. Майнилы, расположенной по ту сторону границы, начальник погранотряда Карельского перешейка подполковник К. Инкала распорядился провести дознание по поводу случившегося. Эти допросы были сняты 27.11 как в роте погранохраны, так и в 1-м егерском батальоне. Несмотря на то что незначительный снегопад затруднял ведение наблюдения, тем не менее дозорные констатировали, что разрывы произошли на территории СССР. Рядовой В. Пекканен, род. 23.6.1914, во время опроса, проведенного 27.11.39 в канцелярии 4-й роты

погранохраны по поводу разрывов, слышанных с территории СССР из района Майнилы 26.11.39, показал следующее:

“26.11 в 14.45 послышались два выстрела с интервалом в 20 сек. из д. Майнилы. Судя по звуку, я решил, что выстрелы произведены из миномета. Примерно через **20 сек.** послышалось два разрыва **с того же направления**, но ближе к границе. В 14.58 снова послышался один разрыв из Майнилы, с того же направления, но немного дальше от границы. Во время производства наблюдений я находился на шоссе неподалеку от моста у деревни Яппинен”.

Рядовой М. Микеля, род. 30.10.1912, показал следующее: “26.11.39 я находился в наряде по охране границы. В 14.45 я услышал выстрел **с направления 24-25**. Еще примерно через **20 сек.** послышался разрыв со стороны заставы Майнилы. Примерно через 3 мин. послышался снова разрыв с того же места, что и предыдущий. Еще примерно через 3 мин. снова послышался выстрел, за которым последовал разрыв. Я продолжил обход и больше не считал последующие разрывы, которых было еще несколько”.

Рядовой (ишюцкор) Они Эмил Савалайнен, род. 6.1.1920, показал: “Я находился на наблюдательном пункте в дозоре 26.11.39 между 15.00 и 8.00. Когда я прибыл на место несения наряда, я услышал выстрел и примерно через **20 сек.** после этого отметил разрыв **в направлении 15-00**. Расстояние от места наблюдения составляло примерно 1100 м. Примерно через 3 мин. после этого на месте разрывов появился один человек, а затем на место прибыло 5 или 6 человек. Они рассматривали воронку от взрыва в течение примерно 3 мин. Солдаты не производили раскатывания земли и не забирали ничего с собой. После этого на том месте никто не появился. Насколько я представляю, выстрелы были произведены с русской стороны **направления 18-00 или 19-00**. С этого направления после разрывов были также слышны винтовочные выстрелы”.

Непонятно, как финны в данном случае указывают направление, обычно на Западе принято указывать его по циферблату часов, но тут есть число «25», хотя, возможно, это ошибка при переводе, либо все же направление дано не понятным мною способом. Кстати, двух этих направлений уже достаточно, чтобы примерно установить местоположение орудия. Но финны — ребята умные, они и про скорость звука знают!

Судя по показаниям Савалайнена, стреляющее орудие было очень близко от линии границы, поскольку он якобы слышал еще и винтовочные выстрелы. То есть, по его показаниям, по-

лучается, что орудие стреляло как бы вдоль границы и перпендикулярно линии его наблюдения, а Пекканен, наоборот, как бы стоял на линии огня. (Так и видятся доблестные пограничники и шюцкоровцы нищей Финляндии, стоящие на своих постах все время дежурства с секундомерами в руках в ожидании возможных выстрелов.)

Однако время между выстрелами у всех «наблюдателей» одинаковое — 20 сек. И как же понять то, что все стояли в разных положениях относительно линии огня, но дружно замесили одинаковое время, да еще такое большое?

Если мы сделаем обратный расчет выстрелов, которые описал рядовой Пекканен и которые велись прямо в его направлении, то получится, что снаряд 1,5–2 км летел 29 секунд, средняя скорость артиллерийского снаряда получается 50–60 м/сек. Это при том, что стрела, пущенная из лука, летит со скоростью до 100 м/сек. Тогда это из чего стреляли? Из рогатки? А финны, видишь ли, на основании показаний этих солдат сделали еще и расчеты *«на основании расчета скорости распространения звука»*. Ну давайте и мы их сделаем.

В случае с Пекканеном, который находился на одной линии с линией огня, рассмотрим огонь из всего артиллерийского оружия РККА, имевшего минимальные в артиллерии начальные скорости полета снарядов. Это 82 и 120-мм минометы и полковая 76-мм пушка. (Поскольку этот Пекканен решил, что стреляли из миномета, то надо считать, что калибр орудия был не очень велик.)

При стрельбе на предельные дальности скорость выпускаемых этими орудиями мин и снарядов была соответственно 211, 272 и 387 м/сек. Поскольку это начальные скорости снарядов, а снаряды летят по крутой траектории и скорость их к концу полета падает, то я их среднюю скорость относительно земли приму соответственно 110, 165 и 220 м/сек. Это мало, поскольку получается, что при выстреле под углом 40–45 градусов к концу полета снаряд должен иметь чуть ли не нулевую составляющую горизонтальной скорости, но ладно.

И, чтобы по примеру финнов и на основании *«скорости распространения звука»* рассчитать расстояние до стреляющего орудия, составим простенькое уравнение, в котором это расстояние, деленное на скорость звука, приравняем к этому же расстоянию, деленному на горизонтальную скорость снаряда, плюс эти пресловутые 20 секунд.

Получим, что, для того чтобы мина 82-мм миномета разорвалась через 20 секунд после того, как Пекканен услышал выстрел, миномет должен был находиться в 3,3 км от места разрывов его мин. Но у этого миномета предельная дальность

стрельбы 3,0 км. 120-мм миномет должен был находиться на удалении 6,6 км от места разрывов его мин, но у него максимальная дальность стрельбы 5,7 км. Полковая пушка должна была находиться в 13,2 км от места разрывов ее снарядов, но у этой пушки предельная дальность стрельбы 8,5 км. То есть у Красной армии не было такого оружия, чтобы при стрельбе в направлении противника была услышана разница между выстрелом и разрывом в 20 секунд.

А вот если считать, что выстрелы произведены из финского 81-мм миномета из-за спины пограничников с расстояния 1–1,5 км, через голову финских наблюдателей у границы и на километр перед ними, то тогда выстрел ими будет услышан примерно через 3–5 секунд соответственно. А разрыв — через 21–26 секунд. Разница между звуком выстрела и звуком разрыва как раз и будет в 18–21 секунду, то есть около этих словутых 20 секунд.

В свете этих расчетов с помощью «скорости звука» получается, что этот финский командующий артиллерией под наблюдением Маннергейма и командовал огнем финского миномета, обстреливающего советский гарнизон в Майниле, надо думать, это у него был секундомер, и это он засек разницу во времени между выстрелами и разрывами в 20 секунд. И он же, не подумавши, надиктовал финским солдатам их объяснения, сдуру предложив им всем вписать эти 20 секунд. Хотел как лучше... Как умнее!

Финны не могли больше ждать

И это неуклюжее вранье по поводу инцидента, который, казалось бы, яйца выеденного не стоит, приводит к мысли, что финны действительно обстреляли советскую территорию, провоцируя СССР на войну. Но СССР, как говорится сегодня, «повелся» не на эту провокацию, а на наглый отказ финнов отвести их отобюролизованную армию всего на 20–25 км от границы. Замечу, что это расстояние неслучайно и выбрано, чтобы не оскорблять финнов: им предлагалось отвести войска не за линию Маннергейма, а до нее. Ответ последовал столь наглый, что, по сути, именно он переполнил чашу терпения СССР. В ноте СССР об этом говорится прямо:

«2. Отказ правительства Финляндии отвести войска, совершившие злодейский обстрел советских войск, и требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящие формально из принципа равенства сторон, изобличают враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой. На самом деле мы имеем здесь не равенство в положении финских и советских войск,

а, наоборот, преимущественное положение финских войск. Советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии, ибо они отстоят от них на сотни километров, тогда как финские войска, расположенные в 32 километрах от жизненного центра СССР — Ленинграда, насчитывающего 3 с половиной миллиона населения, создают для него непосредственную угрозу. Не приходится уже говорить о том, что советские войска, собственно, некуда отводить, так как отвод советских войск на 25 километров означал бы расположение их в предместьях Ленинграда, что является явно абсурдным с точки зрения безопасности Ленинграда. Предложение Советского правительства об отводе финских войск на 20–25 километров является минимальным, ибо оно ставит своей целью не уничтожение этого неравенства в положении финских и советских войск, а лишь некоторое его смягчение. Если правительство Финляндии отклоняет даже это минимальное предложение, то это значит, что оно намерено держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск.

3. Сосредоточив под Ленинградом большое количество регулярных войск и поставив таким образом важнейший жизненный центр СССР под непосредственную угрозу, правительство Финляндии совершило враждебный акт в отношении СССР, несовместимый с пактом о ненападении, заключенным между обеими странами. Отказавшись же отвести войска хотя бы на 20–25 километров после происшедшего злодейского артиллерийского обстрела советских войск со стороны финских войск, правительство Финляндии показало, что оно продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении СССР, не намерено считаться с требованиями пакта о ненападении и решило и впредь держать Ленинград под угрозой. Но правительство СССР не может мириться с тем, чтобы одна сторона нарушала пакт о ненападении, а другая обязывалась исполнять его. Ввиду этого Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и систематически нарушаемого правительством Финляндии».

И, повторю, если вдуматься, ничего удивительного в этом инциденте нет. К декабрю 1939 года финны уже второй месяц как объявили и провели мобилизацию армии, доведя ее численность до полумиллиона человек, и были полностью готовы к войне. А СССР ее все не начинал и не начинал, пытаясь решить вопросы переговорами.

Тут надо понимать, что объявление мобилизации — это и есть объявление войны, поскольку это настолько дорогое мероприятие, что его иначе понимать невозможно. Примером можно привести начало Первой мировой. Россия в защиту Сербии объявила мобилизацию, как бы с угрозой воевать со всего лишь с союзницей Германии Австро-Венгрией за Сербию, но зная, что Германия обязана будет вступить за Австро-Венгрию. Германия потребовала прекратить мобилизацию, Россия отказалась, Германия объявила себя в состоянии войны с Россией, чтобы самой успеть провести мобилизацию для войны с Россией.

Или в пример можно привести отказ Сталина объявить открытую мобилизацию до нападения Германии на СССР, чтобы ни в коем случае не выглядеть напавшей стороной. Повторю, объявление мобилизации — это и есть объявление войны.

А финны, повторю, уже полтора месяца как отмобилизовали в армию каждого седьмого жителя! Убытки Финляндии от потери трудоспособного населения росли с каждым днем, финны не могли уже ждать! И СССР понимал, что финны уже объявили ему войну, но нагло хотят остаться «пострадавшей стороной», поэтому будут делать все, чтобы спровоцировать СССР на первый выстрел. Поэтому-то СССР и не спешил — он изматывал Финляндию экономически, хотя немцы уже и стояли у границ СССР, хотя Англия и Франция отказались от союза с СССР против немцев, а сами с немцами не воевали! У СССР не было необходимости ускорять войну с финнами провокацией.

Вот именно с этих позиций нужно смотреть и на сам инцидент в Майниле, и на такую как бы благодушную реакцию СССР на него.

А сами финны открыто начать войну не могли, иначе в Лиге наций за них бы не проголосовали даже Уругвай с Колумбией. Приходилось провоцировать СССР таким вот незатейливым способом.

Кстати, о Лиге наций, мамочке ООН, которая в те времена тоже была проституткой, как и ее дочка сегодня.

В те годы агрессивность Финляндии была очевидна. Ведь если СССР, начав войну, решил захватить Финляндию, то остальные скандинавские страны становились в очередь. Они должны были бы перепутаться, они должны были бы немедленно вступить в войну на стороне финнов, они должны были бы ополчиться против СССР всеми способами. Но... Маннергейм зло вспоминает: *«Впрочем, тут же снова обнаружилось, что Финляндия не может ожидать активной помощи от Скандинавских стран. Если такие страны, как Уругвай, Ар-*

гентина и Колумбия, на Ассамблее Лиги наций решительно встали на нашу сторону, то Швеция, Норвегия и Дания заявили, что они не будут принимать участие в каких-либо санкциях против Советского Союза. Более того, страны Скандинавии воздержались от голосования по вопросу об исключении агрессора из Лиги наций».

То есть Финляндия для соседей Финляндии, скандинавских стран, не казалась невинной девочкой, а СССР не выглядел агрессором.

Вот так!

ВОЕННОЕ ДОКТРИНЕРСТВО

Формализм — это «соблюдение формы в ущерб содержанию».

Каждый человек знает, что важна не форма, а содержание, но в жизни глуповатые или просто ленивые люди очень часто запоминают формы (заучивают разного рода инструкции, уставы) и следуют им. И порою искренне уверены, что формы — это и есть содержание. (К сожалению, это главенствующий способ мышления, вбитый в головы все тем же современным образованием.) Практически тем же самым, что и формализм, является бюрократизм. Принятое в словарях определение бюрократизма — *«пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей»*. По смыслу к этим понятиям примыкает и доктринерство — тупое следование, но уже не формальностям, не инструкциям, а некой «теории».

Когда-то генерал-лейтенант еще той, русской императорской, армии Е. И. Мартынов, окончивший в 1889 году Академию Генштаба, а в русско-японскую войну командовавший полком, написал о видимых им результатах обучения в этой, тогда «Николаевской академии Генерального штаба»: *«Вместо практических деятелей она воспитывает доктринеров, которые для военного дела несравненно опаснее круглых невежд»*.

И вот меня заинтересовало в данном случае то, что во время обучения Мартынова в Академии Генштаба ею командовал генерал-адъютант М. И. Драгомиров, считающийся наиболее выдающимся военным теоретиком России, то есть, по мнению Мартынова, именно Драгомиров воспитывал из российских офицеров тех, кто для военного дела *«опаснее круглых невежд»*. Воспитал тех самых доктринеров, которые по результатам Первой мировой войны показали такое военное умение, что западные эксперты сделали вывод относительно силы российской армии, возглавляемой выпускниками Академии Генерального штаба, — **при равной численности армия Российской империи была в пять раз слабее немецкой**. Заметьте: не на 5%, а в пять раз!

Числа навскидку: на 1914 год в российской армии мирного времени служило 1,423 млн человек, а в германской армии мирного времени — 0,761 млн, вместе с армией Австро-Венгрии — 1,239 млн человек. После мобилизации численность

русской армии — 5,338 млн — опять-таки больше, чем армии Германии и Австро-Венгрии вместе взятые. Так ведь к русской армии нужно добавить силы армий Британской и Французской империй, Италии и, в конце концов, США.

А немцы тем не менее отняли у Российской империи Прибалтику и Польшу.

Итак, Михаил Иванович Драгомиров.

Википедия, перечисляет труды Драгомирова: *«наиболее известны: “Очерки австро-прусской войны 1866 г.”, курсы тактики (1872), “Опыт руководства для подготовки частей к бою” (1885–1886) и “Солдатская памятка” (1890). Много статей Драгомирова печаталось в “Военном Сборнике”, “Русском Инвалиде” и “Артиллерийском Журнале”»,* — и считает Драгомирова крупнейшим *«военным теоретиком Российской империи 2-й половины XIX века»*. Но если вдуматься, то этого мало — так считать недостаточно!

На самом деле именно Драгомиров, по сути, разработал и вбил в умы остальных отечественных «военных теоретиков» основополагающий принцип тактики русской армии, поскольку все последующие теоретики учились и преподавали в этой же Академии Генштаба. То есть именно Драгомиров разработал тот принцип ведения боев подразделениями русской армии, с которым русская армия воевала не только во 2-й половине позапрошлого века, а и в Русско-японскую, и в Первую мировую войну, и во всех войнах СССР. По крайней мере, именно такой тактике обучали меня на военной кафедре в начале 70-х прошлого века, именно эту тактику вы увидите на фотографиях и кинолентах с мест военных учений Советской армии до самого ее бесславного конца. И наконец, предметным символом живучести этих принципов является штык на автомате Калашникова.

Так вот, домашний арест характеризуется наличием времени, которое без ареста используешь на другие цели. И это появившееся время бездеятельности надо потратить на что-то, чтобы не просто ожидать смерти (не молодой уже), посему и не хотел бы, а читать приходится. И очередной прочитанной книгой оказалась «Австро-прусская война. 1866 год» М. И. Драгомирова.

Что можно сказать в общем об этой книге?

В основе рассуждений Драгомирова лежит общеизвестная и понятная всем мысль, которую один из выдающихся военачальников той войны прусский принц Фридрих-Карл даже предъявил в своей инструкции войскам: *«Великий полководец сказал, что успех кампании зависит не от нравственной и не от физической силы»*.

Драгомиров эту понятную мысль разделяет и обосновывает итогами описываемой им войны, разве что от себя, теоретика, вносит требование к офицерам — «знать теорию». И в заключении его книги эта мысль о моральной силе несколько многословно дается в таком виде (выделено им):

*«Заключая очерк кампании тем, что не раз говорил и не раз, вероятно, должен буду еще сказать: усовершенствованное вооружение, хороший план, знание войсками техники дела значат, конечно, очень много, но значат не более как нули, когда левее их стоит единица: они увеличивают **количественное, но не качественное** значение ее; сами же по себе ничего не значат. Эта единица в военном деле, как во всем и всегда, человек. Там, где он энергичен, где он не находится под нравственным гнетом известного склада отношений или под умственным — известных теорий, дело пойдет хорошо; если техника и хорошее оружие есть — пойдет притом и легко; если то и другое не вполне удовлетворительно — **пойдет труднее, с большими потерями, но все же пойдет.***

Там же, где человек привык всего бояться, где его энергия притуплена, нравственная самостоятельность преследуется как нечто вредное, там он по необходимости будет бояться и неприятеля: не настолько, может быть, чтобы бегать от него при первой стычке, но настолько, чтобы носить вечно в себе язву нравственного убеждения в невозможности его победить.

При таком состоянии нравственной стороны никакое совершенство оружия и техники не поможет, ибо то и другое **помогает преодолевать препятствия на пути к известной цели, но не учит задаваться этой последней решительно и безвозвратно.** Последнему выучить нельзя: последнее дается только выработкой личной энергии солдат и начальников; без нее усовершенствованное оружие будет более вредно, нежели полезно, ибо поведет только к тратке патронов, более быстрой и бестолковой, чем при прежнем оружии; совершенство в технике будет более вредно, нежели полезно, ибо она, уча преодолевать препятствия, в то же время показывает и всю их силу, то есть людям нерешительным доставляет только благовидные предлоги к оправданию недостатка решимости».

В целом нет никаких возражений против мысли, что главное — это моральная сила, но если вы присмотритесь, то у Драгомирова такой фактор, как качество оружия у бойца, резко отделяется от моральной силы бойца, дескать, если боец морально силен, то он с любым оружием справится с противником. Кавказскую поговорку «У храбреца и щепка — кинжал»

Драгомиров принимает как истину в последней инстанции, ничуть не задумываясь, а будет ли храбрец храбрецом, если у него вместо кинжала будет щепка?

Описываемым в книге опытом Австро-Прусской войны Драгомиров стремится обосновать выдернутую из контекста суворовскую мысль: *«Пуля — дура, а штык — молодец!»*. Мало этого, Драгомиров формирует эту мысль в доктрину, что главным оружием боя является штык, а пули — это дело десятое. Однако, во-первых, во времена Суворова стрелковое оружие все еще было столь несовершенным, что даже ружейный огонь на дальности свыше 60 шагов был пустой тратой пороха и свинца, а, во-вторых, ведь сам Суворов отнюдь не считал штык главным оружием пехоты.

Это нам тот же Драгомиров как бы от имени Суворова вбил в головы эту мысль о главенстве штыка, а на самом деле эта мысль Суворова всего лишь эпизод в главке «Атака» суворовской «Науки побеждать». А вся эта главка учит:

«Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко. Пуля обмишулится, а штык не обмишулится. Пуля — дура, а штык — молодец! Коли один раз! Бросай басурмана со штыка! — мертв на штыке, царапает саблей шею. Сабля на шею — отскокни шаг, ударь опять! Коли другого, коли третьего! Богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше.

Береги пулю в дуле! Трое наскачат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!

В атаке не задерживай! Для пальбы стреляй сильно в мишень. На человека пуль двадцать, купи свинца из экономии, немало стоит. Мы стреляем целно. У нас пропадает тридцатая пуля, а в полевой и полковой артиллерии — разве меньше десятого заряда.

Фитиль на картечь! — Бросься на картечь! — Летит сверх головы. Пушки твои, люди твои! Вали на месте! Гони, коли! Остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать, они такие же люди.

Умирай за Дом богородицы, за матушку, за пресветлейший дом! — Церковь бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!».

Как видите, у Суворова речь идет не о том, что штык лучше или надежнее пули, а о том, что пулю в бою НЕЛЬЗЯ ТРАТИТЬ ДАРОМ! Слишком длительным был процесс заряжания огнестрельного оружия суворовского времени, и если войска не стояли на месте, а сближались, то, сблизившись с противником на дистанцию надежного поражения противника пулей, после выстрела повторить заряжание уже не успевали. И волей-нево-

лей единственным оружием оставался штык. Штык и у Суворова это не основное, а вынужденное оружие ввиду неготовности основного. Заметьте, похвалив штык, Суворов не требует учиться штыковому бою, Суворов требует учиться метко стрелять, убеждая солдат для этих тренировок самим покупать свинец для пуль за счет солдатских денег, сэкономленных на еде.

А у Драгомирова эта Суворовская мысль превращается в доктрину, что без штыка победный бой вообще невозможен!

И он формулирует свою доктрину так:

«Огонь и штык не исключают, но дополняют друг друга; первый прокладывает дорогу второму, и воображать, что можно атаковать без подготовки огнем, так же ошибочно, как и воображать, будто одним огнем можно сбить противника с позиции».

Поразительно то, что, описывая бои той давней войны, Драгомиров постоянно описывает ситуации, когда стороны только огнем сбивали с позиции противников, причем не только артиллерийским, но и огнем стрелкового оружия. И при этом делает вывод, что без штыковой атаки это невозможно! Доктрина не позволяет!

Между прочим, по мнению военного теоретика Драгомирова, «знать» военную теорию — это обязательно знать историю войн, и Драгомиров к этому обязательному требованию знать военную историю возвращается в книге раз пять. К примеру, попрекает австрийское военное образование за то, что *«преподавание ведется чисто догматически, на военную же историю не обращают почти никакого внимания».*

А теперь посмотрим, насколько он сам знал военную историю даже собственного государства — Российской Империи. Ведь именно в военной истории России ее армия за этот «штык-молодец» и за эту «пулю-дуру» расплачивалась и расплачивалась огромной кровью почти в каждой войне! Вот, к примеру, начало века, 1805 год, сражение при Кремсе. Участник сражения Ф. Н. Глинка в изданных в 1808 году «Письмах русского офицера» вспоминал такие подробности:

«Под Кремсом высланы были у нас в стрелки гренадеры высокого роста с длинными султанами, и французы дробные, малые, били их из-за камней, как хотели. Русский гренадер, сильный, рослый, могший идти со штыком на десятерых неприятелей, подал мертв от пули, пущенной из-за куста бесильным французом».

А вот Крымская война, река Альма, сражение 8 сентября 1854 года:

«Войска бывшего 6-го корпуса были настоящими войсками парадными, отличались выправкой, выбором людей, мо-

лодцеватостью и тонким знанием всех эволюций и мелочей устава. Грозная атака наших батальонов, эта стальная движущаяся масса храбрецов, чрез несколько шагов воображавшая исполнить свое назначение — всадить штык по самое дуло ружья, — каждый раз была неожиданно встречаема убийственным батальным огнем... Схватиться с неприятелем нашим солдатам не удавалось. Неудача повторявшихся несколько раз наступлений привела нас в состояние остервенения: солдаты массами, без команды, бросались вперед и без толку гибли». От пуль английской пехоты.

Но, судя по книге, для Драгомирова никакой такой истории не существует, и он всю свою книгу доказывает, что, к примеру, не имеет никакого значения тот факт, что пруссаки уже имели казнозарядные игольчатые винтовки. Винтовки, позволявшие пруссакам вести в 4 раза более частый огонь, нежели австрийцы с их винтовками дульного заряжания! Драгомиров упорно уверяет, что главное, чтобы солдат был храбрый, а чем он вооружен, большого значения не имеет! Главное, чтобы наши солдаты не боялись бежать в штыковую атаку навстречу выстрелам! Вот в чем дело! Пруссаки не боялись бежать навстречу выстрелам, поэтому и побеждали.

И артиллерия для Драгомирова тоже дело вспомогательное. К примеру, Драгомиров учит:

«Говорят, что батаре́йные нарезные орудия могут разрушать даже бруствера: опять мирное воззрение, ибо в нем упущено из виду, что выигрыш времени на войне — самое важное и что лучше взять бруствер штурмом, нежели уничтожать его подобным образом. Это выгоднее во всех отношениях: и скорее, да и меньше будет потерь в людях».

Взять бруствер штурмом? Потерь будет меньше? Ведь уже закончилась гражданская война в США и от увлекающихся статистикой американцев уже было известно, что солдаты за бруствером несут потерь в три раза меньше, чем атакующие брустверы. А у Драгомирова от взятия брустверов без артиллерии потери уменьшаются...

Вот это и есть догматизм в его самом поганом виде.

И еще интересный момент. Драгомиров поехал наблюдать Австро-Прусскую войну после преподавания тактики в Академии генштаба, то есть уже будучи «серьезным» теоретиком. И по Драгомирову, само собой разумеется, если пруссаки выиграли войну, то, значит, именно пруссаки и являются самыми большими военными теоретиками, а австрийцы военной теорией пренебрегали. Как же иначе?

Но военная теория, как и любая другая теория, тем совершеннее, чем больше вопросов в ней проработано. А эти во-

просы теории излагаются на бумаге, и чем больше исписанной бумаги, тем совершеннее теория. (Достаточно взглянуть на девятьсот страниц убористого шрифта книги Клаузевица «О войне», чтобы понять, о чем я говорю.) А вот эти проработанные военной теорией вопросы помещаются в распорядительные документы Армии — уставы, инструкции, приказы. Таким образом, чем лучшая в данной армии военная теория, тем толще в ней уставы, инструкции и приказы и тем более свято к ним относятся.

И, похвалив пруссаков за любовь к теории, одновременно поругав австрийцев за пренебрежение к теории, Драгомиров дает некоторые подробности о размерах руководящих документов в обеих армиях и об отношении к ним офицеров.

Вот, к примеру, и прусский (принц Фридрих-Карл), и австрийский главнокомандующий армиями (фельдцейхмейстер (генерал от артиллерии) Людвиг Бенедек) накануне войны написали войскам инструкции, как воевать. И вот как эти инструкции охарактеризовал сам Драгомиров:

«Половина только инструкции Бенедека, теперь появившаяся, занимает 18 страниц мелкой убористой печати: и с подобными инструкциями обращаться к людям, которые не имеют охоты к чтению! Принц Фридрих-Карл написал инструкции, которые обе легко уместятся на трех больших почтовых листах не очень убористого письма. Перед войной учить поздно, а нужно только намекнуть; если же приняться учить, то, пожалуй, не учившегося прежде собьешь и с последнего толку.

Должно, впрочем, сказать, что стоит только прочесть инструкцию, дабы убедиться, что бенедековского в ней разве одна только подпись.

Есть в инструкции и дельные вещи, но они завалены таким множеством ненужных мелочей, что в массе последних невольно ступшеваются. Это скорее диссертация, и притом не из лучших, чем инструкция для руководства войскам, объявляемая предводителем армии в такую торжественную минуту, как начало войны».

Так кто тут теоретик — австрийцы с их диссертациями или пруссаки с короткими указаниями?

Причем что касается обязательности следовать теориям (уставам и инструкциям), то Драгомиров именно у пруссаков отмечает полную свободу от этого, причем начиная от главнокомандующего, который в своих инструкциях чихнул на уставы прусской армии, кончая офицерами:

«Особенно я мог это заметить в офицерах генерального штаба. Они совершенно свободны от немецкой страсти

к систематизации, а следовательно, к теоретической односторонности воззрений на военное дело вообще».

Драгомиров попрекнул австрийских офицеров за то, что у них не было охоты читать теоретические работы. Хорошо. Но что нам австрийцы? И у меня вопрос: а в русской армии вот эту книгу Драгомирова кто-нибудь читал? У офицеров той российской армии была у кого-либо охота читать книги на темы военной теории? Ведь если опусы Драгомирова кто-то читал, то указал бы Драгомирову на бросающиеся в глаза ошибки, и Драгомиров исправил бы их в последующих изданиях.

Вот Драгомиров, возможно, чтобы в чистом виде показать, что незнание теории губит даже прекрасных честных офицеров, хвалит австрийских офицеров за их самоотверженность:

«Страшная потеря офицеров показывает, что если они и не совсем ловко исполняли свои боевые обязанности, зато не задумывались перед возможностью честно лечь в бою. Для людей, которые были равнодушны к мысленной работе по своей специальности в мирное время, но для которых долг и честь не пустые слова, это единственный исход, который примиряет с ними за предшествовавшую ошибку. Они не последовали мудрому совету сочинителя инструкции, который располагал их не очень рисковать собою».

И все бы было хорошо, но Драгомиров основывает этот вывод на соотношении потерь сторон в бою у Находа и приводит их: «Австрийцы потеряли ...227 офицеров, 7145 нижних чинов, ...пруссаки — 58 офицеров, 1280 рядовых». И не нашлось никого среди его тогдашних читателей, чтобы произвести простой расчет: у австрийцев была потеря одного офицера на 32 рядовых, а пруссаки потеряли одного офицера на 22 рядовых. То есть это у пруссаков была «страшная потеря офицеров», если говорить об офицерской чести, а не просто о количестве убитых.

Драгомиров был не только певец штыка — он всю свою жизнь был яростный противник скорострельности стрелкового оружия. Объяснение у него такое: чем более перепуган солдат, тем чаще он стреляет. И если дать перепуганным солдатам возможность быстро стрелять, то на такую армию патронов не напасешься.

Откуда это Драгомиров взял, неизвестно, но убеждал он читателей именно в этом (выделено им):

*«Вопрос, поставленный подобным образом, носит ответ в самом себе: **усовершенствованное оружие несколько усиливает человека, но оно не изменяет его натуры, и в руках беспокойного или способного ошалевать оно принесет более вреда, чем пользы, ибо в то время, когда при преж-***

нем оружием ошалевший человек выпускал десять патронов на ветер, при нынешнем он выпустит их 30, 40».

*«Вообразить, будто пруссаки стреляли часто, крайне ошибочно; они стреляли толково, то есть учащали стрельбу по целям близким и большим, и вовсе не стреляли, если стрелять в этих обстоятельствах было нельзя: вот в чем была их сила. И что они стреляли не часто, доказательством служит то, что во всю кампанию **они израсходовали средним счетом не более семи патронов на человека!** Вот что значит спокойствие людей, достигаемое рациональным их воспитанием и образованием в мирное время! Австрийцы, по всей вероятности, выпустили гораздо больше патронов, то есть стреляли скорее пруссаков, а сделали меньше. В чем же разгадка? Кажется, видеть не трудно тому, кто мало-мальски понимает дело».*

Разумеется, что, с точки зрения Драгомирова, я совершенно не понимаю дела, поскольку не понимаю, какое такое это самое «рациональное воспитание» должно быть в мирное время, чтобы человек был спокоен в бою?! Драгомиров тоже о подробностях такого воспитания не говорит, и в итоге с его стороны это пресловутое «рациональное воспитание» не более чем бла-бла-бла доктринера. Вдумайтесь: ну почему трус в бою должен стрелять чаще? Наоборот, главная забота сержантов в реальных боях — заставить всех стрелять! Иначе трусы уткнутся носом в землю и стрелять вообще не будут, чтобы не провоцировать огонь противника по себе!

Вот из-за слабости поляков молниеносно окончилась война Германии с Польшей, послужившая началом Второй мировой войны. И 24 сентября 1939 года в Генштабе сухопутных войск Германии о состоянии немецкой пехоты докладывал генерал фон Бок, командовавший войсками группы армий «Север»:

«...После подробных совещаний с командирами впечатление изменилось. Той пехоты, которая была в 1914 году, мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы. Все базируется на командном составе, а отсюда — потери в офицерах. Пулеметы на переднем крае молчат, так как пулеметчики боятся себя обнаружить».

Где тут стремление робкого солдата усиленно стрелять?

И наконец, что больше даст спокойствие солдату — предвоенное бла-бла-бла офицеров про счастье погибнуть в бою за «Дом богородицы» или уверенность, что солдат вооружен лучшим оружием, нежели его противник?

И может, и не стоило бы об этом говорить, но обращаю внимание на еще одну удивительную ошибку нашего выдающего-

ся теоретика. Ведь будучи страшным врагом скорострельности стрелкового оружия, мог теоретик Драгомиров немного больше об этом оружии узнать? Вот Драгомиров своими словами со своими комментариями описывает подробности инструкции прусского кронпринца Фридриха-Карла, данные им войскам: *«Далее следуют чрезвычайно практические указания на то, что при стрельбе в бою должно обозначать не прицел и расстояние, а прицел и точку и что чем ближе неприятель, тем ниже следует целить, так как с приближением неприятеля солдат будет стрелять торопливее и попадать выше»*. То есть Драгомиров совершенно искренне считал, что при приближении противника нужно командовать солдатам снизить точку прицеливания и давать эту команду потому, что солдаты (если будут целиться, как обычно, «в пояс») с перепугу начнут как-то поднимать винтовки вверх и поэтому будут стрелять поверх голов противника.

Интересующиеся военным делом уже поняли, что Драгомиров был совершенно «ни бум-бум» в элементарной теории стрельбы: он не знал, что при полете пуля одновременно падает на землю и чем больше времени она летит, тем это падение больше. Поэтому (при наличии на ружье только постоянного прицела или отсутствии времени прицел переустанавливать) чем ближе показался противник, тем ниже нужно целиться. Причем так, как требовал принц Фридрих-Карл, солдат учили стрелять во всех армиях мира, включая, само собой, русскую! Вот описание учебного процесса из пехотного устава русской Армии 1816 года:

«Особый раздел ротного учения отводился обучению цельной стрельбе. Для этого в батальоне изготавливалось несколько черных деревянных щитов (высотой в 2 3/4 аршина, шириной в 1 аршин), в центре и по верхнему краю которых проводились белые поперечные линии шириной в 4 вершка. С расстояния 40 и 80 сажень солдат целились в центральную полосу, а со 120 сажень — в верхнюю».

А вот такое же описание соответствующей части из «Правил рассыпного строя» для обучения егерей:

«Правила прицеливания были следующие: в 400 шагах целились в штык ружья неприятеля (ружье на плече) или в голову всадника, в 350 шагах — в верхушку кивера пешего и в голову лошади конного, в 300 шагах — в грудь пешего и в шею лошади, в 150 шагах и менее — в "полчеловека" пешего и в грудь лошади».

Для поступления в Академию Генштаба России требовалось отслужить цензовый срок в должности командира роты, то есть и Драгомиров, и последующие слушатели и преподава-

тели академии Генштаба, будучи ротными командирами, реально учили солдат своей роты стрелять именно так: чем ближе противник, тем ниже целиться. И получается, что ни Драгомиров, ни его тогдашние читатели не понимали, почему требуется с увеличением расстояния повышать точку прицеливания?! М-да! Теоретики!

Причиной поражения Австрии, бывшей формально гораздо более сильной по сравнению с Пруссией, Драгомиров не без оснований считает то, что австрийские офицеры, в отличие от прусских, в мирное время не желали изучать военное дело. Но ведь офицеры русской армии в этом отношении были еще хуже австрийских офицеров! А Драгомиров, похоже, считал это вполне нормальным.

Если убрать из книги Драгомирова эту дурацкую архаичную догму о том, что заканчивать бой нужно обязательно штыковым ударом, то в остальном у него вполне дельная оценка тактики, достоинств и ошибок сторон. Да и сам штыковой удар не является безусловной глупостью в любом случае, особенно в глазах генералов той эпохи. Тот же принц Фридрих-Карл инструктировал войска:

«В разговорах с солдатами им должно быть растолковано, что, с тех пор как свет стоит, ни одна большая победа не была выиграна боем на больших расстояниях. Необходимо схватиться с врагом, то есть атаковать штыками, если набег стрелков недостаточен. Но тогда ни остановки, ни промедления, ни стрельбы. В большей части случаев выраженная атакой решимость схватиться в штыки до того действует на неприятеля, что он поворачивает кругом до свалки.

При рукопашном бое убивать только передних, а остальным приказывать бросать оружие и сдаваться. Это практичнее, чем убивать, так как можно забрать пятерых в то время, в которое убьешь только одного.

Если неприятель решится нас атаковать в штыки, то, предупредив людей о нашем намерении, открыть дальнюю и частую стрельбу, а в последний момент на расстоянии от 20 до 60 шагов броситься вперед».

Как видите, первое, у пруссаков бой должны выиграть стрелки. Если им это не удастся полностью — тогда добить противника штыками! Второе, при атаке противника нужно частым непрерывным огнем скорострельных ружей остановить атаку противника или обессилить ее, а затем с минимального расстояния броситься в штыки на практически уже убегающего врага. Как видите, вроде Фридрих-Карл писал то же, что и Драгомиров, да ведь не то! Штык у пруссаков был не главным — штык был помощник пули!

Как видите, уже в середине XIX века немцы сделали штык вспомогательным оружием, а после Первой мировой войны штык в немецкой армии стал декорацией — ко Второй мировой войне немцы вообще перестали учить солдат штыковому бою. Во Второй мировой войне немецкие солдаты атаковали не для того, чтобы вонзить штык в противника, а для того, чтобы выйти на позицию, с которой удобно противника застрелить или бросить в него гранату.

А у нас генералы с оставшейся от Драгомирова доктриной военного дела «рационально воспитывали» солдат мыслью, что в случае войны этим солдатам придется бежать на выстрелы противника, чтобы убить его штыком. Считалось, что от этой мысли наш солдат храбрее станет! Вот сентябрь 1939 года, проект приказа наркома обороны Ворошилова по итогам боев на Халхин-Голе:

«...Постоянным настойчивым обучением и тренировкой в искусстве владения штыком воспитать у бойцов и всего личного состава порыв и стремление во что бы то ни стало завершить бой уничтожением врага в умелой рукопашной схватке».

А я еще в 70-х на занятиях по тактике пехоты с криком «ура!» бежал с автоматом наперевес на стреляющего по мне противника. Слава богу, условного.

Автомат Калашникова разных модификаций выпущен в количестве 70 миллионов единиц, в настоящее время считается, что им вооружен каждый пятый солдат мира, этот автомат в бою 60 лет — с 1956 года. И кто-нибудь слышал, чтобы хоть кто-то хоть когда-то в реальном бою за эти 60 лет убил противника штыком этого автомата? Так штык АК хоть отомкнуть можно и уменьшить себе ношу на 400 грамм, а вот штык к карабину Мосина 1944 года неотъемный.

В СССР доктрине Драгомирова генералы никак не изменяли! Уже небо бороздила реактивная авиация, уже были взорваны атомные бомбы, а генералы СССР никак не видели бой без того, чтобы наш солдат не подбежал к противнику вплотную и не зарезал его штыковым ударом.

Почему так?

Мой ответ: потому, что у нас армию формируют и вооружают не те, кто собирается сам воевать и командовать армией в бою, а те, кто учит воевать, — военные теоретики.

АРМИЯ ПОРУЧИКОВ ГОЛИЦЫНЫХ

Раздайте патроны, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, надеть ордена!

*Из песни «Поручик Голицын»,
автор неизвестен*

Наткнулся на некий, не имеющий большого значения, но факт:

«Николай II Александрович родился 6 [18] мая 1868 года в Царском Селе. Его титул — Император Всероссийский, полковник (1892). От британских монархов Николай II имел чины адмирала флота (1908) и фельдмаршала британской армии (1915)».

Фельдмаршал, говоришь? Надо же!

Просмотрел книгу американца Джеймса Корума «Корни блицкрига: Ганс фон Сект и германская военная реформа». Хотел узнать что-нибудь новое о том, о чем пообещало заглавие — о подготовке и воспитании будущих офицеров Вермахта.

Однако после прочтения первых двух глав (общие итоги Первой мировой войны) решил сначала обсудить то, о чем автор и не собирался писать, а обсуждаемые мною данные сообщил попутно как данные, всем известные и малоинтересные.

Но немного о том, что и сам по себе этот историк интересен.

Формально он не «профессионал», поскольку сначала он в американской армии дослужился до подполковника, окончив ряд всяких военных учебных заведений и курсов — от Курсов тактической и стратегической разведки в 1977 году до Военно-воздушного колледжа в 1998. Правда, сейчас Корум доктор философии и считается историком авиации, скорее всего по своей армейской специальности и потому, что имеет еще две книги и обе они об авиации нацистской Германии.

А вот то, что Корум американец, весьма неплохо с точки зрения исследования им Первой мировой войны. Ведь США поздно (1917 год) вступили в ту войну и потеряли в ней всего 114 тысяч солдат, что мало сравнимо, скажем, с потерями Франции (1,3 миллиона только убитыми) или Великобритании (0,7 миллионов убитых). Да и Первая мировая война была довольно давно, поэтому, полагаю, патриотические чувства на Корума не сильно давили и он, на мой взгляд, достаточно объективен.

О чем речь?

Я часто писал, что накануне нападения Германии на СССР весь профессиональный западный военный мир военную силу СССР ни во что не ставил. Британский разведчик и историк Лен Дейтон свидетельствует:

«Как только стало известно о начале операции “Барбаросса”, практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал сэра Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криттс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней».

Но почему? Ведь, простите, все эти военные специалисты не могли не знать от своих разведчиков (да и просто оценивать исходя из численности СССР), что у СССР армия уже около 5 миллионов человек. Не могли не видеть огромное количество артиллерии, танков и самолетов, о наличии которых свидетельствовали и военные парады, которые СССР и проводил-то с целью устрашения потенциального агрессора. Эти военные спецы на Западе не могли не видеть все это оружие в недавнем походе Красной армии в Польшу. Тем не менее, как видите, считали, что в шесть недель под ударами немцев ничего от Красной армии не останется.

Удивительно уже то, что Советскому Союзу не удалось напугать немцев этими демонстрациями силы РККА, но еще более удивительно, что не удалось напугать даже финнов! Ведь в 1939 году финны не только спровоцировали СССР на войну, но и первыми ее начали, обстреляв из минометов территорию СССР. И несколько недель в этой войне упорно старались реализовать планы захвата всей советской Карелии и всего Кольского полуострова. Причем это был минимум, а в финской боевой песне 1939 года «На Урал!» распевалось о том, чтобы «загнать комиссаров за Урал». Сейчас массы официальных историков и любителей истории в это поверить не могут, но ведь планы «Великой Финляндии» подтверждаются документами тех времен, мало того, даже газетами тех времен. Скажем, еще 27 февраля 1935 года нарком (министр) иностранных дел М. М. Литвинов выговаривал послу Финляндии: *«Ни в одной стране пресса не ведет так систематически враждебной нам кампании, как в Финляндии. Ни в одной соседней стране не ведется такая открытая пропаганда*

за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии».

Да, когда СССР в 1944 году поставил Финляндию даже не на колени, а в соответствующую позу, то финны вмиг стали белыми и пушистыми. А до этого они были боевыми финскими парнями, ни на грамм не сомневающимися в своей победе над СССР.

Ну так почему зарубежные военные специалисты русскую армию (в данном случае и РККА) до самой Великой Отечественной войны в грош не ставили? Это вопрос.

Если присмотреться к смыслу русской патриотической пропаганды (включая сюда и большевистскую), то получится так: Россия как государство была слабая, посему и проиграла все войны с середины XIX века по середину XX. А вот русская армия всегда была очень сильная, ну просто очень! Ну а если уж как-то явно бросалось в глаза несоответствие этих двух выводов друг другу (как это при сильной армии Россия умудрилась проиграть все войны), то вводится объяснение: «армия — это слепок общества». Типа ну что может поделывать армия, если само общество такое?

Но я не стану валить с больной головы на здоровую! Общество по меньшей мере еще и при царе, и в середине прошлого века давало вам, кадровым офицерам и генералам, прекраснейший человеческий материал, а вот то, что вы с ним делали, — это маразм ваш — русских военных «профессионалов», — а не качество русского общества!

Так вот, в первой главе своей книги Корум рассматривает и общие аспекты Первой мировой, и отдельно — силу немцев. В оценке Корумом силы немцев постараюсь обойтись минимумом подробностей.

Что нужно для военной победы? По привычке приписывают Наполеону выражение «Бог на стороне больших батальонов». На самом деле сказал это французский маршал Жак д'Эстамп де Ла Ферте во времена, когда остроумие становилось французским видом спорта. Эта банальная мысль многим нравилась, к примеру выдающемуся немецкому полководцу, королю Фридриху II Великому. Эту же мысль положил фундаментом в основу науки побеждать немецкий военный теоретик Карл Клаузевиц: *«В решающий момент в схватку должно вступить максимально возможное число боевых частей»*. Чтобы родить эту рекомендацию, Клаузевиц изучил все битвы, о которых сохранились хоть какие-то сведения, и нашел всего две, где победа досталась стороне, численность которой была хотя бы вдвое ниже численности противника. Так что этот принцип количества силы реально работает. И работает до сих пор.

И немцы именно этот принцип положили в основу своих побед XIX–XX веков — принцип многочисленной армии, которую они быстро создавали всеобщей воинской повинностью. *«Большие кампании Мольтке главной целью имели достижение численного превосходства над противником на поле битвы, — пишет Корум. — Таковое было достигнуто использованием быстрой мобилизации и резервных войск наряду с регулярной полевой армией. Эти факторы на удивление хорошо проявили себя при Кениггреце 1866-го года и во французской кампании в 1870 году. Позже фон Шлиффен и Генеральный штаб также разработали план, который гарантировал германской армии превосходство в численности при вторжении во Францию, особенно на правом фланге, где немцы ожидали решающие сражения».* Но массовость — это всего лишь одна сторона медали.

Немцам массовости было мало — немцам не нужны были в армии миллионы тупых ослов. Бисмарку приписывают выражение, что своим военным победам Пруссия обязана школьному учителю. На самом деле опять-таки это не Бисмарк сказал, эту мысль в 1866 году в ходе австро-прусской войны высказал профессор географии из Лейпцига Оскар Пешель, который написал в редактируемой им газете: *«...Народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем».*

Тем не менее эта мысль охватила умы немцев, и уже немецкий фельдмаршал Мольтке довел эту мысль до логического совершенства: *«Говорят, что школьный учитель выиграл наши сражения. Одно знание, однако, не доводит еще человека до той высоты, когда он готов пожертвовать жизнью ради идеи, во имя выполнения своего долга, чести и родины; эта цель достигается его воспитанием».* *«Не ученый выиграл наши сражения, а воспитатель...».*

Это уточнение Мольтке обеспечивало немцам на поле боя не просто «большие», но умные и храбрые батальоны. Понятно, что и этого мало.

Французское остроумие не иссякало, и Вольтер придал старой банальной мысли не менее банальное уточнение: *«Бог не на стороне больших батальонов, а на стороне лучших стрелков».* Мысль понятна и без Вольтера — если в бою встречаются два батальона, стрелки которых могут обеспечить, скажем, 10% попаданий в минуту, то это равные силы. Но если стрелки какого-то из батальонов обеспечивают 20% попаданий в минуту, то это равносильно участию в бою уже не одного, а двух батальонов со стрелками, обеспечивающими 10% попаданий. Опять те же самые «большие батальоны».

Так вот, просто удивительно, сколько сил отдавали немцы увеличению точности огня. Не в этой теме говорить об этом много, но кое-что все же сказать надо. Вот такой удививший меня пример.

По тем временам и стрелковое оружие, и артиллерийские орудия хотя и изготавливались по одним и тем же чертежам, но индивидуально, посему никогда не имели абсолютно одинаковых размеров и, соответственно, одинаковых огневых характеристик. При стрельбе прямой наводкой индивидуальные особенности огня данного оружия или орудия учитываются при его пристрелке корректировкой прицелов или прицеливания. При стрельбе с закрытых позиций это тоже, казалось бы, не имело значения. Ведь по тактическим соображениям Первой мировой (а у нас, думаю, и до сих пор) батареи вели огонь по площадям, на которых находилась цель, посему индивидуальные особенности каждого орудия батареи не имели значения — и так нужно было, чтобы снаряды рассеивались по обстреливаемой площади. К примеру, на совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 года генерал Павлов сообщил, что по тогдашним тактическим установкам в РККА для подавления станкового пулеметного гнезда на поле боя расчетное количество необходимых для этого 76-мм снарядов — 120 штук (или 80 снарядов 122-мм гаубицы). То есть каждая 76-мм пушка 4-орудийной батареи должна была выпустить по 30 снарядов не по пулемету, а фактически по площади, на которой находился пулемет (122-мм гаубица такой же батареи — 20 снарядов).

Так вот, немцы еще в Первую мировую отказались от этой артиллерийской тактики — от огня по площади, на которой находится цель, даже такая малоразмерная, как пулемет. И начали осваивать новую тактику — стрельбу орудием с закрытой позиции прямо по пулемету. *«Главным создателем новой артиллерийской тактики является подполковник Георг Брухмюллер, — пишет Джеймс Корум, — Брухмюллер повысил точность артиллерийской стрельбы, разработав для каждого орудия индивидуальные таблицы ведения огня, которые комбинировали разведывательные данные, метеорологическую информацию, а также реальные пристрелочные данные для каждого ствола. С повышением точности своей артиллерии немцы смогли обеспечить действенный артиллерийский огонь, отказавшись от предварительной артиллерийской подготовки, предупреждавшей противника о намечающемся наступлении. Используя эту систему, немцы смогли достигнуть внезапности во время наступления в районе Риги силами тринадцати дивизий. Особое внимание уделялось взаимо-*

действию пехоты и поддерживающей ее артиллерии, пехотные офицеры до уровня командира взвода были тщательно проинструктированы в отношении планов артиллерийской поддержки. Рижское наступление, сочетающее тактику внезапного огневого вала со следующими за ним штурмовыми группами, стоило русским Риги, 25 тыс. человек и 262 орудий, потерянных в ходе трехдневных боев».

Можно представить, какое впечатление точность артиллерийского огня производила на русскую армию, у которой и так на дивизию приходилось 7 батарей артиллерии всех видов (и дивизионной, и корпусной) против 14 батарей, поддерживавших бой немецкой дивизии? Которая, как видите, и так вдвое уступала немцам по количеству посылаемых на врага снарядов.

От немецкой артиллерии не отставала и немецкая пехота.

В Первую мировую тактика пехоты всех стран все еще включала в себя заключительную фазу, когда после артиллерийской подготовки поднимались пехотные роты и со штыками наперевес бежали в атаку на стрелявшего по ним противника. Однако немцы первыми очнулись, и *«пехотное отделение было реорганизовано в эффективную единицу под руководством унтер-офицера, состоящую из стрелковой секции из 7 человек, выполняющей атакующие задачи, и пулеметной секции из 4 человек с ручным пулеметом, выполняющей функции огневой поддержки»*. Как видите, у немцев семь человек сближалось с противником, а четыре человека не давали противнику прицельно стрелять по этим семерым.

(Отвлекусь. Просидевший всю Первую мировую войну в Бутырской каторжной тюрьме анархист Нестор Махно, даже не собиравшийся становиться полководцем, ничего об этом не знал, однако именно он усовершенствовал эту немецкую тактику во времена Гражданской войны, доведя ее до оперативного уровня. Только вместо пулеметной секции в составе пехотного отделения в армии Нестора Махно были пулеметная тачанка со станковым пулеметом и 3–5 пехотинцами десанта, а атакующей силой вместо стрелковой секции были кавалерийские эскадроны. В результате генералы Белой армии для оправдания своих поражений от армии Махно распространяли слухи, что Махно якобы — это переодетый полковник немецкого Генштаба.)

И всю Первую мировую войну немцы по плану отводили с фронта дивизии, чтобы обучать их. Казалось бы, эти дивизии и так хорошо сражаются, но нет — немцам надо было их еще обучить! Немецкий генерал Людендорф, фактически командовавший немецкой армией к концу войны, так описывал подготовку к наступлению в 1918 году:

«На Западе мы восстановили курсы по подготовке высших командиров и штабных офицеров так же, как и для младших, вплоть до отдельных командиров, чья деятельность была столь важным фактором при достижении успеха. Отмеченная деятельность получила распространение во всей армии. Я начал с обучения подразделений и закончил учениями формирования всех родов войск и всех масштабов. Учения с применением огневого вала осуществлялись с использованием настоящих боеприпасов, а пехота обучалась следовать непосредственно за ним».

И, разумеется, всю войну при любом удобном случае немецкой пехотинца учили метко стрелять.

Так вот, все это выше я написал, чтобы как-то показать, что фактор силы немецкой армии — это не легенда и не пропаганда — сила немецкой армии имела под собою вполне материальные причины и с точки зрения логики — безупречные основания. Разумеется, немцы были уверены в своем превосходстве над всеми армиями мира, но особенно они были уверены в превосходстве над русской армией — над армией «поручиков Голицыных».

Генерал фон Сект, руководивший вооруженными силами Германии после ее поражения в Первой мировой войне и до 1926 года, по сути, разработал проект армии и создал Рейхсвер — послевоенную армию Германии, которая была преобразована нацистами в Вермахт. Разумеется, Сект оказал огромное влияние на то, чтобы влить в военное сообщество немцев свои идеи, и с заинтересовавшей меня точки зрения его идеи довольно интересны.

Но идеи фон Секта очень обидны для императорского офицерства — Сект русскую армию разве что открыто не презирал. И, кстати, имел к этому основания, поскольку почти всю свою карьеру выковал в победах на Восточном фронте Первой мировой. Причем он не предъявлял претензий к русскому солдату — уже повоевав, он писал своему другу в 1916 году, *«что масса русских солдат воевала лучше, чем он ожидал, но величайшей проблемой русской армии была слабость ее командного состава»*, причем начиная со *«среднего уровня»*.

Презрение Секта к русской армии было столь велико и искренне, что он, возглавив сначала Генштаб, а потом и всю послевоенную армию Германии, по сути, отказался и от Клаузевица, и от мысли о больших батальонах: *«Опыт восточного фронта, где хорошо обученные, хорошо управляемые и хорошо оснащенные германские войска постоянно одерживали победы над превосходящими силами противника, убедил фон Секта в том, что превосходство в численности больше*

не является ключом к победе, — пишет Корум. — *Важно отметить, что фон Сект был твердо убежден в необходимости создания элитной профессиональной армии и превосходстве способов ведения маневренной войны уже за три месяца до того, как Антанта в Версале обязала немцев иметь профессиональную армию*. Заметьте, и победившие союзники (Антанта) разрешили Германии по итогам Первой мировой иметь маленькую профессиональную армию, и ее создатель, фон Сект, считал, что именно такую армию Германии и нужно иметь, правда не такую маленькую, как разрешила Антанта.

И фон Сект пришел к этому выводу на основе своего опыта боев с русской армией «поручиков Голицыных».

Итак, с тех пор как я занялся военной историей, было видно бросающееся в глаза презрение Запада к русской армии, и это презрение переключалось на Красную армию и держалось до начала Великой Отечественной войны. Это бросалось в глаза. Но оставалась неудовлетворенность — где-то подспудно была мысль, что это отношение Запада к военной силе русских не могло основываться только на эмоциях или шовинизме, а должны были быть и какие-то числа, на которые опиралось это презрение.

И в случае с Корумом, повторю, хорошо то, что этот историк американец, поскольку, на мой взгляд, те же французы или англичане приведенных Корумом чисел постарались бы не заметить из патриотических соображений. А Корум их заметил и пишет:

«В течение Первой мировой войны с 1914 до 1918 год Германия мобилизовала одиннадцать миллионов и понесла потери в шесть миллионов человек. Союзники мобилизовали двадцать восемь миллионов мужчин только против одной Германии и понесли двенадцатимиллионные потери, не считая боевых действий против остальных центральных держав. Полковник Тревор Н.Дюпуи собрал эти и другие статистические данные той войны и разработал систему сравнения военной эффективности. Эффективность германской армии превосходила аналогичный показатель британской в среднем в 1,49 раза, французской — в 1,53 раза, русской — 5,4 раза».

Вдумайтесь в эти цифры. В Первую мировую войну, чтобы победить в бою немецкую роту, необходимо было (с понятным избытком) англичан или французов две роты. Но русских — аж шесть рот! Шесть рот из армии «поручиков Голицыных»! На одну немецкую роту! Что обуславливало такую вопиющую слабость русской армии, я уже писал — командный состав. Но я не буду об этом, просто констатирую, что имеются и цифры, характеризующие эту слабость.

Военные специалисты Запада, разумеется, об этих исследованиях знали и если и не соглашались с Дюпуи в оценке французской или английской армий, то, безусловно, соглашались с оценкой русской армии. Теперь можно понять, почему военные специалисты Запада предрекали быстрый разгром СССР немецкими войсками в 1941 году?

Министр вооружений нацистской Германии Альберт Шпеер сообщает в мемуарах о подслушанном им разговоре в июне 1940 года, после разгрома Франции:

«Гитлер прогуливался перед своим домом по усыпанной гравием дорожке с Йодлем и Кейтелем, когда адъютант доложил ему, что я хотел бы попрощаться. Меня велели позвать, и, приблизившись к этой группе, я услышал, как Гитлер в продолжение разговора произнес: “Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра”. В отличном настроении Гитлер попрощался со мной, передал сердечные приветствия моей жене и посулил в самом непродолжительном времени приступить к обсуждению со мной новых планов и макетов».

Как видите, за год до войны с СССР Гитлер считал более важным делом думать о застройке Берлина помпезными зданиями, нежели о предстоящей войне с СССР — о чем тут думать? Разгромит немцы РККА в момент!

Но не прошло и года войны с СССР, как Гитлер начал раздраженно сетовать:

«Русские в этом отношении ведут себя гораздо более умело. Не говоря уже о том, что в их печати ни слова не сообщается об их военных планах, они также тщательнейшим образом скрыли все, что хоть как-то связано с их военной мощью. Вся война с Финляндией в 1940 году — равно как и вступление русских в Польшу с устаревшими танками и вооружением и одетыми не по форме солдатами — это не что иное, как грандиозная кампания по дезинформации, поскольку Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой».

Ишь ты, как коварный Сталин Гитлера дезинформировал!

Ну а к 1945 году оказалось, что СССР и существенно сильнее, чем указанные мировые державы — Германия и Япония.

И это потому, что армия у СССР была уже не армией «поручиков Голицыных», а Рабоче-Крестьянской Красной Армией.

Да и командовали ею не дядя и племянник Романовы.

ГЕНЕРАЛ С. М. ЧЕСТОХВАЛОВ И ДРУГИЕ

«ГЛАВНАЯ ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
Заместителю наркома обороны СССР,
Армейскому комиссару 1 ранга
тов. Мехлис Л. З.

27 сентября 1941 года

10–20 июля сего года части 25-го ск, занимавшие оборону в районе города Витебска, Сураж-Витебский, позорно разбежались, открыли дорогу противнику для продвижения на Восток, а впоследствии, попав в окружение, потеряли большинство личного состава и материальную часть.

Произведенным по поводу этого следствием установлено следующее: 25-й ск в составе 127-й, 134-й и 162-й сд в конце июня 1941 года из города Сталино — Донбасс был переброшен в район города Киева, куда прибыл к 1 июля.

Из Киева по приказу командующего 19-й армии корпус переброшен в район Смоленска для занятия обороны по реке Западная Двина в районе города Витебска и города Сураж-Витебский, протяжением около 70 километров.

Погрузка и отправка частей по железной дороге из Киева проходила 2–4 июля. Руководство погрузкой и продвижением частей отсутствовало; в результате чего прибытие эшелонов не согласовывалось с предстоящим выполнением боевых задач, в связи с чем прибывающие части вводились в бой без организованного сосредоточения. К 10 июля штаб корпуса расположился в лесу севернее города Витебска у села Мишутки.

На 11 июля в районе расположения корпуса находились: 442-й кап, 263-й отд. бат. связи, 515-й, 738-й сп и 410-й лап 134-й сд, 501-й сп 162-й сд, 1-й стр. батальон и дивизион гаубичного артиллерийского полка 127-й сд.

Несколько правее от штаба корпуса в районе села Прудники располагался штаб 134-й сд, в составе которой здесь находились два батальона 629-го сп, два батальона 738-го сп, батальон связи, зенитный арт. дивизион, один дивизион гаубичного арт. полка.

По приказанию штабкора два батальона 501-го сп 162-й сд заняли оборону на западном берегу реки Западная Двина, севернее города Витебска. Части 134-й сд в составе 2 батальонов 629-го сп и одного батальона 738-го сп заняли оборону по западному берегу Западной Двины в районе села

Прудники, между городами Витебском и Сураж-Витебским. Остальные части находились на восточном берегу реки Западная Двина.

Днем 11 июля на участке обороны, занимаемой двумя батальонами 501-го сп, мотомехчасти противника неизвестной численности (разведка отсутствовала) прорвались через Западную Двину на шоссе Витебск — Смоленск и Витебск — Сураж. Указанные два батальона 501-го сп, не имея надлежащего руководства, в панике разбежались. Охваченный паникой «окружения», в ночь на 12 июля начал менять свое месторасположение штаб корпуса.

К 16.00 12 июля командир корпуса генерал-майор Честохвалов с группой штабных командиров и батальонам связи, бросив часть автомашин, прибыл на КП 134-й сд в село Прудники. Их прибытие сразу внесло панику в части дивизии, так как прибывшие, в том числе и сам Честохвалов, панически рассказывали о якобы нанесенных немцами потерях частям 162-й сд, бомбежке их с воздуха и т. п. К 17.00 в тот же день генерал-майор Честохвалов сообщил, что мехчасти противника прорвались в районе Витебска и движутся по шоссе Витебск — Сураж, «штаб окружен». Приказал корпусным частям отходить на восток, бросив на произвол находившиеся в обороне на западном берегу Западной Двины части 134-й сд. Только командир 134-й сд комбриг Базаров и комиссар дивизии Кузнецов, вопреки указанию командующего корпусом, остались на месте в районе села Прудники и руководили находившимися в обороне частями 629-го и 728-го сп, помогая им обрательно переправиться через реку Западная Двина, а затем выходить из окружения.

После указания командира корпуса Честохвалова об отступлении началось паническое бегство на восток. Первыми побежали штаб корпуса и 2-й эшелон штаба 134-й сд, возглавляемый начальником штаба дивизии подполковником Светличным, который с 9 июля на КП отсутствовал — «отстал» — и только к моменту отхода 12 июля прибыл в село Прудники.

Автомашины без руководства в панике неслись на восток на местечко Яновичи. Паническое бегство штабных командиров губительно отразилось на частях и местных советских органах, которые бросали все и бежали на восток, еще не видя никакого противника и даже не слыша стрельбы.

13 июля штаб корпуса остановился у местечка Яновичи, но 14 июля переехал в лес у села Понизовье, бросив всякое управление частями корпуса и потеряв связь со штабом армии. По примеру штаба корпуса разбежались воинские части, не оказывая никакого сопротивления противнику, бросая

материальную часть и снаряжение. 14 июля, боясь дальше двигаться без прикрытия и охраны, командир корпуса Честохвалов выделил несколько командиров и приказал собрать хотя бы небольшую группу войск, разбросанных в окрестности по проселочным дорогам, чтобы под их прикрытием организовать дальнейшее отступление на восток.

К исходу дня 14 июля в лесу были сосредоточены: 515-й сп, 410-й лап, батальон 738-го сп 134-й сд, два дивизиона 567-го лап 127-й сд, один батальон 395-го сп 162-й сд и мелкие подразделения других частей, всего около 4000 человек, вооруженных винтовками, пулеметами, гранатами, артиллерией, минометами с запасами боеприпасов.

В штабе корпуса находились: 1) командир корпуса генерал-майор Честохвалов; 2) военком бригадный комиссар Кофанов; 3) начальник политотдела полковой комиссар Лаврентьев; 4) начальник штаба полковник Виноградов; 5) помощник начальника штаба полковник Стулов; 6) начальник особого отдела старший лейтенант госбезопасности Богатко и другие, около 30 человек.

Из штаба 134-й сд — начальник политотдела батальонный комиссар Хрусталеv, начальник артиллерии подполковник Глушков и другие. Сюда же в лес 14 июля вечером прибежал переодетым в гражданское платье, без личного оружия начальник штаба 134-й сд подполковник Светличный.

Командир корпуса Честохвалов принял решение: не ожидая подхода остальных частей корпуса, продолжать отходить на восток, продвигаясь только лесами и только ночью, не входя в соприкосновение с противником, категорически запрещая стрелять в немцев. Трусость командования корпуса доходила до крайности. По приказанию командира корпуса полковник Виноградов пытался застрелить водителя одной из автомашин колонны, у которого случайно произошел гудок от замыкания. Тут же лично побил сигнальные рожки во всех автомашинах, чтобы не повторился случайный гудок и не выдать противнику местонахождение колонны штаба. Так двигались 14, 15 и 16 июля. Пройдя 60–70 километров, сосредоточились в лесу у села Букине.

16 июля в этом лесу командир корпуса Честохвалов провел совещание начсостава и приказал бросить все имущество, оставить только носимое при себе. Были брошены: личные вещи начсостава, две рации, смазочные материалы, масса противогазов, пулеметные диски и коробки, документы, часть обоза, лошади и другое имущество. Здесь же Честохвалов объявил дальнейший маршрут отступления на восток по направлению на село Овсянкино. Движение из Букине намечалось двумя колоннами в 20.00 16 июля, причем колонна

10–12 легковых автомашин штаба корпуса вместе с броневиком охранения должна была двигаться в хвосте правой колонны. Для разведки по намеченному маршруту в 18.00 выслан конный отряд в 25 человек. Однако командир корпуса не стал ждать результатов разведки, изменил свое прежнее решение и в 19.00 приказал колоннам двигаться по намеченному маршруту, а сам с колонной штабных автомашин бросил части позади и уехал по направлению село Овсянкино. При въезде в село Рытишево в 23.00 колонна штаба была встречена окриками: “Стой!” и беспорядочной стрельбой незначительного отряда немецкой разведки, по словам очевидцев, разведчиков было около 10 человек.

Возглавлявший автоколонну на первой машине начальник штаба корпуса полковник Виноградов, не останавливая машины, проехал и выскочил за село. Следовавший за ним во второй машине командир корпуса генерал-майор Честохвалов остановил автомашину, бросил личное оружие, поднял руки и пошел к немцам. Находившийся с ним в машине начальник инженерной службы штаба корпуса подполковник Егоров выскочил из машины и бросился в другую сторону, через огороды в лес. То же сделали остальные командиры и политработники штаба корпуса; и стрелок автоброневика, и водители, следовавшие на своих машинах, бросили машины, документы и все, что было, без единого выстрела разбежались по кустам.

Полковник Виноградов, проехав 1–1,5 км за село, побоялся ехать дальше, бросил машину и с шофером ушел в лес, а оттуда одиночным порядком пробирался в сторону частей Красной армии из так называемого “окружения”. Разбежавшиеся от машин комиссары Кофанов и Лаврентьев, полковники Виноградов и Стулов и другие штабные командиры, зная, что по этой дороге движутся части корпуса и могут попасть в засаду немцев, не предупредили об этом командиров частей.

17 июля, когда части подошли к указанному месту, немцы, подтянув силы, встретили их сильным огнем. Командиры соединений по своей инициативе вступили в бой, длившийся 2–3 часа, потеряв 130 человек убитыми и ранеными, под прикрытием артиллерии 410-го и 567-го лап вывели свои части обратно в лес.

18 июля группа командиров штаба корпуса, разбежавшихся у села Рытишево от немецкой разведки, в количестве 12–13 человек под руководством помощника начальника штаба корпуса подполковника Стулова подошли к находившимся в лесу частям корпуса. Эти части возглавлял помощник начальника штаба 134-й сд подполковник Светличный и начальник политотдела дивизии Хрусталеv. Подполковник

Светличный обратился к Стулову и находившимся с ним командирам штаба корпуса с предложением присоединиться к частям и возглавить руководство по выводу их из окружения. Полковник Стулов и находившиеся с ним командиры штаба корпуса отклонили это предложение и заявили, что меньшей группой им легче будет пробраться на сторону советских войск, и через пару дней ушли одиночным порядком.

Находясь в окружении, под влиянием трусости некоторые командиры и политработники, чтобы скрыть свою принадлежность к командному составу Красной армии, посрывали знаки различия и петлицы, обменяли свое воинское обмундирование на гражданские костюмы, а часть из них даже уничтожила личные и партийные документы. Начальник политотдела корпуса полковой комиссар Лаврентьев уничтожил партийный билет, обменял свое комсоставское обмундирование на рваный костюм “заключенного”, отпустил бороду, повесил котомку за плечи и, как трус и бездельник, несколько дней двигался за частями, ничего не делая, деморализуя личный состав своим внешним видом. Когда ему предложили военное обмундирование, он отказался и одиночным порядком в своем костюме “заключенного” пошел на восток.

Также одиночным порядком пробирались военком корпуса бригадный комиссар Кофанов, полковник Стулов, начальник особого отдела корпуса старший лейтенант госбезопасности Богатычко. Последний вместе со своей машинисткой, передевшись в костюмы колхозников, выдавая себя за “беженцев”, пробирался в город Вязьму.

Подполковник Светличный, возглавивший части 134-й сд после бегства работников штаба корпуса, несмотря на наличие достаточного количества огневых средств и людей, продолжая преступную “тактику” командования штаба 25-го ск, вел части только ночью и только лесами. Категорически запрещал вступать в соприкосновение с противником. Все время восхвалял мощь немецкой армии, утверждая о неспособности Красной армии нанести поражение немцам. Боясь, чтобы стук повозок не демаскировал местонахождение частей дивизии, и столкнувшись с трудностями ночных передвижений, Светличный 19 июля сего года приказал бросить в лесу повозки, лошадей, другое имущество, как “ненужное”.

В тот же день он разбил оставшиеся части на три отряда: 1-й отряд — из состава 515-го сп с батареей полковой артиллерии и артиллерии 410-го лап под командованием капитана Цулая; 2-й отряд — из состава 378-го сп с полковой артиллерией и дивизионом 567-го лап, командир отряда капитан Соловцев.

В 3-й отряд вошли остальные части дивизии с двумя батареями 410-го лап под командой подполковника Светличного.

По приказанию Светличного в ночь на 20 июля отряды выступили по намеченному им маршруту на восток: 1-й и 2-й отряды левой колонной под общим командованием начальника артиллерии дивизии подполковника Глушкова, а 3-й отряд под руководством Светличного — справа. Никакой разведки и связи между отрядами во время движения организовано не было.

Пройдя 10–12 километров, правая колонна, заметив впереди вытущенную противником ракету, по приказанию Светличного повернула обратно к исходному положению. Сам подполковник Светличный уехал от частей.

Начались паника и бегство.

Весь день 20 июля части 3-го отряда находились без руководства и без связи с 1-м и 2-м отрядами. Только к вечеру из лесу явился подполковник Светличный, и начали подходить одиночные бойцы и командиры из 1-го и 2-го отрядов без оружия.

По выяснении оказалось, что во время движения в ночь на 20 июля руководители 1-го и 2-го отрядов, услышав вдалеке шум моторов, посчитали их за танки противника. В испуге начальник артиллерии 134-й дивизии подполковник Глушков приказал бросить материальную часть отрядов, а людям спасаться, кто как может.

21 июля была выделена группа бойцов, одно орудие — вручены Глушкову, и приказано забрать оставленную им материальную часть. Однако и на сей раз он трусил, бросил людей и лошадей, а сам скрылся в лесу и больше к частям не подходил.

В результате преступной трусости подполковников Светличного и Глушкова в ночь на 20 июля сего года части 134-й сд, находившиеся в окружении, потеряли: около 2000 человек личного состава (разбежавшиеся из 1-го и 2-го отрядов), часть из них попала в плен к врагу; два дивизиона артиллерии, две батареи полковой артиллерии, много артиллерийских снарядов, более 10 пулеметов, около 100 лошадей и вооружение — оставлено немцам.

27 июля сего года подполковник Светличный с небольшой группой 60–70 человек прорвался на сторону частей Красной армии, оставил в окружении 1000 человек личного состава, раненых и остатки имущества 134-й сд, которые возглавил начальник 5-го отдела штаба 134-й сд капитан Бабинов, и находился с ними в лесу до прибытия генерал-лейтенанта Болдина, под руководством которого они вышли из окружения 11 августа.

За допущенные преступления считаю необходимым передать суду военного трибунала

1. Бывшего командира 25-го ск генерал-майора Честохвалова как изменника Родине — заочно;

2. Начальника штаба корпуса полковника Виноградова;

3. Помощника начальника штаба корпуса полковника Стулова;

4. Военкома корпуса бригадного комиссара Кофанова;

5. Начальника политотдела корпуса полкового комиссара Лаврентьева

— за проявленные ими трусость, бездействие, паническое бегство от частей и запрещение частям оказывать сопротивление;

6. Начальника штаба 134-й сд Светличного;

7. Начальника артиллерии дивизии подполковника Глушкова

— за проявленную ими трусость, запрещение частям вступать в соприкосновение с противником и оставление врагу материальной части дивизии.

Главный военный прокурор В. Носов»

(ЦАМО. Ф. 913, оп. 11309, д. 70, лл. 160–165, публикация Н. Геец, «Военно-исторический архив», № 6 (21), 2001, стр. 113–119).

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 мая 1942 года Честохвалов осужден по статье 58 п. 1 б (измена Родине, совершенная военным служащим, добровольная сдача в плен) и приговорен к высшей мере наказания. При Хрущеве определением той же коллегии, но от 11 августа 1956 года дело прекращено «за отсутствием состава преступления».

Однако и в плену у немцев Честохвалову отсидеться не удалось — его пристрелили сами немцы из 7 роты, 112 мп, 20 тд.

В Интернете пишут, что Честохвалов как бы убит при попытке к бегству. И делают вывод, что он не сдался, так сказать, насовсем, а тоже пытался убежать. Однако мне такая версия не кажется убедительной, потому что прокурор очень уверенно описал этот эпизод, следовательно, имел несколько свидетельских показаний, подтверждающих друг друга.

Думаю, что здесь два варианта. Немцев был с десяток, и они сами оказались в окружении бегущего кадрового офицерства Красной армии. Они должны были опасаться, что генерала у них отобьют, посему пристрелили его. А когда выяснили, что кадровое офицерство боится стрелять и просто убегает, для оправдания своей поспешности сообщили в штаб, что генерал, дескать, хотел убежать.

Второй вариант: Честохвалов действительно хотел убежать, когда немцы показали ему, как они его презирают. Ведь они эту трусливую кадровую сволочь, сдававшуюся им в плен без выстрела, откровенно презирали. Вот, скажем, адъютант фельдмаршала Паулюса полковник Адам, попав вместе с Паулюсом в плен и удивившийся, что их пригласили пообедать за одним столом с советским генералом, написал: *«Я подумал о нескольких генералах Красной армии, которые проходили через штаб нашей армии как военнопленные. Ими интересовался только начальник разведотдела, ответственный за сведения о противнике. Мы, офицеры штаба, считали ниже своего достоинства сказать им хотя бы слово. Перед отправкой в тыл им давали порцию пищи из походной кухни»*. Вполне могли и эти немцы из 7-й роты как-то выразить свое отношение к этой «русиш швайн», что и подвигло Честохвалова на побег.

А вот еще документ, перевод с немецкого:

*«Дело WF-03/26186.л.л. 286–288
5 АК КП, 28.12.1943 г. Отдел разведки
Допрос перебежчика*

23.12.1943 перебежавший в районе севернее Керчи разжалованный капитан 192-й штрафной роты 318-й стрелковой дивизии показал:

1. Личность. Мокин Василий, 1919 года рождения, уроженец г.Новгорода, русский, член партии. Закончил транспортный техникум в Новосибирске. Был капитаном, командиром батареи 122-мм минометов 1331-го стрелкового полка 318-й стрелковой дивизии. 12.12.1943 за дезертирство был разжалован, получил 10 лет с направлением на фронт искупать вину. Направлен был в 192-ю штрафную роту при 318-й стрелковой дивизии. 18.12.1943 эта рота в составе 180 чел. в Кротово была посажена на четыре катера для высадки на плацдарме у Еникале (Керченский полуостров). Немецкая артиллерия накрыла катер в 200 м от берега, часть людей спаслась. Катер с частью людей утонул. Командир роты погиб. Воспользовавшись создавшейся обстановкой, Мокин и еще три штрафника сбежали.

При высадке десанта на плацдарме у Эльтигена 1.1.1943 катер перебежчика тоже был потоплен, но люди спаслись. Это было у Железного рога (мыс). Спасшиеся были направлены в населенный пункт Солёное озеро. Утром 2.1.1943 они снова были посажены на катер для десантирования, но высадка не удалась, и они снова возвратились в Солёное озеро. Оттуда он решил бежать и находился в бегах до начала де-

кабря. В начале декабря он был арестован в Старотитаровской и 12.12.1943 предстал перед судом трибунала 18-й армии. Был осужден и оказался в 192-й штрафной роте.

Мокин затем рассказал, что он осенью 1941 г. с частью сил 176-й стрелковой дивизии возле Большого Токмака (50 км севернее Мелитополя) попал в немецкий плен. С помощью своего брата, который уже работал на немцев, был привлечен к агентурной работе. В течение короткого времени его обучал один старший лейтенант.

Затем его в составе группы из шести чел. с рацией перебросили через линию фронта с целью разложения Красной армии. Он получил документы на имя лейтенанта. Руководителем группы был майор Калягин. Немецкую службу, которой подчинялся, не знает. Через некоторое время он потерял связь со своей группой. Весной 1943 г. встретил в 796-м артиллерийском полку капитана Нестеренко, который входил в его группу, и стал вместе с ним работать. Руководил ими майор Зайцев — помощник начальника оперативного отдела штаба 18-й армии. Майора Зайцева перебежчик лично не видел.

Перед высадкой десанта на Эльтиген перебежчик получил от Назаренко задание — взорвать катер, на котором будет переправляться штаб 1331-го стрелкового полка. Это ему удалось. На борт судна было погружено четыре ящика с минами для минометов, туда он незаметно положил взрывное устройство. Катер взорвался во время переправы через Керченский пролив, и весь штаб полка утонул или погиб. Перебежчик слышал, что капитан Назаренко арестован, и это заставило его бежать из части».

Судьба Мокина неизвестна, известно только, что Мокин В. А. внесен в «Книгу памяти Новгородской области» (т. 19, стр. 292) как герой войны.

В немецком протоколе допроса Мокина упоминается, что капитан Назаренко приказал ему взорвать катер, на котором будет переправляться на Керченский полуостров штаб 1331-го стрелкового полка, и что Назаренко арестован. Сергей Стрыгин разыскал сведения о том, что капитан Назаренко Прокофий Игнатьевич, 1907 года рождения, 26 января 1944 года осужден военным трибуналом Ростовского гарнизона на 15 лет каторжных работ с конфискацией имущества и последующим поражением в правах сроком на 5 лет.

ИСТОРИК-«ПРОФЕССИОНАЛ» А. ИСАЕВ

Я получил давнюю, но неизвестную критику моей работы историком А. Исаевым. А недавно мы вместе с ним и другими историками участвовали в передаче телестудии «Мир», посвященной началу войны. И Исаев поразил меня тем, что ему было безразлично, о чем он говорит и зачем говорит: ему был важен он сам. К тому же он явно пытался «уесть» меня, хотя задачей его была защита доблести Красной армии.

Это тем более нужно было сделать, поскольку участвовавший в передаче Правдюк заявил, что поражения начала войны объясняются тем, что народ любил царя и ненавидел большевиков, поэтому и убегал от немцев. А Исаев в открытую любовался собой. Ну, к примеру, ведущий заявляет, что немецкие асы сбивали намного больше советских самолетов, чем советские асы немецких. У меня написана книга по этому вопросу, а Исаев асами не занимался, я начинаю объяснять, что немецкие асы приписывали победы, а он, вместо того чтобы помолчать, перебывает и начинает уверять, что немцы летали больше наших, поэтому и сбивали больше. Защитил Красную армию! Я вновь пытаюсь вывести разговор к тому, что если бы немцы в реальности сбивали больше, то к маю 1945 года немецкие самолеты летали бы над Берлином, а не наши, а Исаев опять: «А немецкие самолеты тоже над Берлином летали!». Прямо как с инструктажа у Геббельса приехал.

Так вот, эта давняя и не замеченная критика моей работы, выглядит так:

«Show must go on: опять Ю. Мухин и ПТАБы

В первом номере «Дуэли» за 2007 год несколько полос снова посвящено разбору полетов про Курск, «Пантеры» и ПТАБы. О чем, собственно, речь? Зануда Доктор Гильотен (АКА А.В.Исаев) кидается банановыми икурками в патриота Ю.Мухина. Получает в ответ гневные телеги, что Исаев ишибко умный и проще надо быть. Дело в том, что Ю.Мухин по профессии пропагандист. Исследователь из него никакой. Соответственно, ответ на вопрос: что случилось под Курском? — он знает заранее и лишь подбирает, чаще всего путем простого передергивания, факты в нужном ключе. При-

мерно как школьник, вместо того чтобы понять методику решения задачи, решает ее как бог на душу положит и потом старательно подгоняет результат под ответ в конце задачника. Что он будет делать, когда задачи будет ставить жизнь и ответа в конце задачника уже не будет, он не задумывается. Так и со старушкой Клио. Если у человека беда с методами исследования, то даже в выигрышной дискуссии или в построении вполне имеющей право на существование теории он облажается. Потому как построит доказательство так, что оно будет разбито в пух и прах мало-мальски квалифицированным человеком. Поэтому Ю. Мухину надо отучаться натягивать сову на глобус. То есть, выдвинув некий тезис («Под Курском победили не тупые генералы, а ПТА-Бы»), тщательно проверять его. Если он подтверждения не получит, отбрасывать и забывать про него, как про страшный сон. И корректировать свое мировоззрение под влиянием полученной информации.

Но это была преамбула, а теперь «амбула». Серьезные военно-исторические книги — это своего рода окошко в мир документов для рядовых граждан. Для людей, не обладающих временем, финансами и определенными аналитическими навыками, умные дяди пишут книжки, десятилетиями перелопачивая горы документов в архивах. К таким умным дядям относятся Йенци и Дойл. Они являются признанными специалистами по немецкой бронетанковой технике. Если не доверяем самому 2-му Йенци, то ничего не мешает прикинуть к живительной влаге первоисточника. Правда, должен предупредить, что это будет стоить в долларах США дороже покупки двухтомника Йенца и гораздо дороже того гумна в виде малотиражных брошюр, которое использует в качестве источника информации Ю. Мухин.

Число «Пантер», задействованных в «Цитадели». Вот фрагмент документа (Panzerlage Ost), который отражает состояние немецкой бронетехники перед «Цитаделью». (Дает ксерокопию какого-то документа, я ее опускаю, поскольку уже дважды дискутировал с ним о танках, надоело. — Ю. М.)

Дата, на которую приводится состояние 10-й танковой бригады, 39-го танкового полка и двух батальонов «Пантер» указана рядом с наименованием частей — 30 июня. Именно Panzerlage пользовался Мюллер-Гиллебранд, когда написал: «В 10-й танковой бригаде 204 танка типа V». Не 244, а именно 204. Если Ю. Мухину привиделось 244, то это не ко мне, а к окулисту. Мюллер честно все подсчитал и привел численность танков новых типов, задействованных в «Цитадели» в составе ГА Юг и ГА Центр: «Всего 204 танка типа V, 148

танков типа VI». Это Приложение 30. Когда называют число 200, то речь идет о линейных и командирских танках с 75-мм орудием, 4 БРЭМа не учитывают.

Как мы видим, никаких «Пантер» в 17-й танковой дивизии (идушей следом в факсимиле документа) не наблюдается. Наличие «Пантер» у эсэсовцев в период Курской дуги также не подтверждается немецкими документами. По этому поводу можно почитать Йенца, Цеттерлинга (у него процесс в динамике), любезно разжевавших для любителей немецкие документы. Если уважаемые дяденьки-ученые не устраивают — есть кригсглитдерунги эсэсовских дивизий, то есть схемки с обозначением наличия техники. Юрий Игнатич, Йенц и Мюллер не с потолка берут цифры, а извлекают их из первичных источников, то есть документов. Документы же немцы писали не для нас с вами, а для своих собственных надобностей: организации снабжения, ремонта и принятия решений на дальнейшие боевые действия исходя из состояния соединений. Вопрос с количеством танков *PzKpfw.V* под Курском давно закрыт, известна даже судьба многих машин с точностью до номера шасси. Ю. Мухин просто не в курсе. По причине общей дремучести.

Участие танков 17 тд в «Цитадели». Так как изначально управление 39-го танкового полка было в составе 17-й танковой дивизии, Ю. Мухин притягивает несчастную 17-ю тд к Курску. Хотя упускает из виду, что

а) в вермахте могло быть два управления 39-го танкового полка. Точно так же, как в Красной армии, например, было две 160-е стрелковые дивизии. На разных фронтах;

б) управление 39 тп могло быть изъято из 17 тд. В дивизии при этом оставался бы танковый батальон, подчиненный непосредственно штабу соединения.

Хотите знать, какой из двух вариантов? Все в ваших руках, Юрий Игнатич, глитдерунг 17 тд ждет вас в уютненьком зальчике под Вашингтоном. Замечу, что и вариант а), и вариант б) не противоречат сказанному мной ранее.

Пытаясь доказать свои выкладки «логикой», Ю. Мухин пишет: «И я должен верить, что Маништейн, напрягая все силы для победы в Курской битве, весь июль продержал три дивизии (там была еще и 23-я танковая) в 5 часах хода от битвы и так их и не использовал?». Должен/не должен, но это так. Угроза советского наступления в Донбассе была реальной, и Маништейн так и не ввел в бой XXIV танковый корпус на южном фланге Курской дуги. Заметим, что в Ньютоне в боевом составе 4-й ТА XXIV танкового корпуса нет. Почему? Потому что он находился в подчинении 1-й танковой армии, оборо-

нявшей Донбасс. Необходимая информация, кстати, содержится в факсимиле документа выше. 17 тд приписана к Rz.1. Что такое Rz.1? См. наименование первой графы таблицы А.О.К. Это *Armee Ober Kommando*, управление армии, к которому относятся перечисленные в таблице соединения. Ю. Мухин же не ищет легких путей и, вместо того чтобы просто посмотреть боевое расписание немцев на 7 июля 1943 года и увидеть, что я прав, предпочитает широко трактовать (в свою пользу) написанное у Ньютона. Хотя процитированная им фраза никак не опровергает моего тезиса о подчинении XXIV танкового корпуса 1 ТА. Теоретически, конечно, корпус не был в первой линии и мог быть использован командованием ГА Юг, где хочется и может. Но только теоретически. Остается в очередной раз повторить: «Читайте книги/доки, они рулез!».

Задним числом можно сказать: «Маништейн все правильно сделал!». Советское наступление Южного фронта на «Миус-фронте» и Изюм-Барвенковская операция Юго-Западного фронта начались 17 июля 1943 года, и для затыкания прорыва нужно было бежать в атакованный район очень быстро. Если бы находившиеся в резерве дивизии были введены в бой под Курском, то вывод их из боя и марш из района Белгорода на юг мог дорого стоить. Без подпорки танковыми соединениями в августе 43-го «Миус-фронт» благополучно рухнул.

«Пантеры» на северном фасе. Мюллер-Гиллебранд Приложением 30 вопрос закрыл, но Ю. Мухин смотрит в Мюллера, только когда ему кажется, что он подтверждает его тезисы. К доказательству наличия «Пантер» на северном фасе Курской дуги привлекается товарищ Баграмян, имевший счастье сфотографироваться на фоне подбитого танка. По Ю. Мухину, Баграмян «воевал на северном фасе». Иван Христовфорович воевал на северном фасе, но не Курского, а Орловского выступа. Так что непосредственно в отражении наступления 9-й армии Моделя 11-я гв. армия И. Х. Баграмяна не участвовала. Она наступала во второй половине июля. И, соответственно, Иван Христовфорович фотографировался на фоне «Пантеры» из «Великой Германии», присланной на отражение советского наступления из ГА Юг. В результате цепочки манипуляций, вращая глазами и грозя всем страшными небесными карами (попутно обвинив меня в сознательном искажении текста Ньютона), Ю. Мухин сообщает нам, что «Пантеры» на северном фасе были в 104-м танковом батальоне. Обнаруженном у Ньютона. Юрий Игнатич, в отличие от вас, я умею делать выводы из набитых шишек. Поэтому серьезные иностранные книжки, несмотря на наличие их

перевода у нас, предпочитаю иметь в оригинале. 104-й танковый батальон в русском переводе — это ошибка (или у вас опять проблемы со зрением). В оригинале там на page 139 имеется 104-й батальон истребителей танков.

В общем, кругом одни враги. Резюмируем. Ю. Мухин не умеет, да и не хочет работать с источниками. Чаще тащит в рот всякое барахло, и продуктом его переработки является совершеннейшее гумно, выливаемое на читателей «Дуэли». Хотя я допускаю, что среди читателей есть интеллектуальные копрофаги. Сколь-нибудь серьезных книжек он переварить не в состоянии. Да и не хочет. Так как ему не правда-матка нужна, а подтверждение заранее высмотренной на поталке теории. Отсюда мифомания на пустом месте. Количество и судьба «Пантер» в сражении на Курской дуге — это общеизвестный вопрос. То, что факты по данной теме противоречат теории Ю. Мухина «Немецкие танки пали жертвой чудо-оружия в лице ПТАБов», это исключительно его проблемы. Хотите узнать, что было и как остановили «Цитадель», — ждите книгу В. Замулина «Засекреченная Курская битва» (в одной серии с Лопуховским, краповый переплет). Будет уже в начале года. Там все подробно с опорой на советские и немецкие документы написано.

Доктор Гильотен (АКА А. В. Исаев).

Заметьте, чуть ли не половина этой маленькой работы А. Исаева — это не ответ на две газетные полосы моей работы, а сообщения о том, что я сам по себе дремучий, мои работы — это гумно, а мои читатели — копрофаги.

Поскольку, повторю, я по Курской битве уже отписался, а Исаев упорно не отвечает на мои доводы, считая дискуссией со мной перечисление каких-то цифр и «умные слова», то я ничего писать по сути дискуссии больше не буду. Хотя не удержусь и обращаю ваше внимание на перл: «а) в вермахте могло быть два управления 39-го танкового полка. Точно так же, как в Красной армии, например, было две 160-е стрелковые дивизии. На разных фронтах». Из написанного им получается, что у батальона может быть два командира с двумя штабами, причем батальон может быть на одном фронте, а его командиры — на других фронтах. Ну полное отсутствие способности что-либо представить себе образно!

Исаев ведь уверен, что выдал истину: «Читайте книги/доки, они рулез!». Мозги в качестве «рулеза» Исаев не упомянул не по забывчивости — он глубоко уверен, что мозги историку вовсе не нужны: все обдуманно в книгах других историков и документах.

У меня недавно вышла книга «Уроки Великой Отечественной» (упорядоченный под тему сборник работ, большинство из которых уже опубликовано), в ней я говорю о той лжи, которой пичкают читателей «профессиональные» историки, а в качестве примера беру А. Исаева. Как мне кажется, написал я о нем без похвалы, но, по-моему, гораздо сдержаннее, чем он позволяет себе писать обо мне. Дам отрывок из этой книги.

«Прежде всего, лгут профессиональные историки, то есть те, кому правительство платит деньги, но лгут они не только за деньги.

Вот, скажем, два паренька. Один после школы поступил на исторический факультет, и там его заставили прочитать и запомнить то, что написано в полусотне книг. Он получил диплом и начал называться историком, зная всего лишь это да то, что приходит к человеку автоматически с опытом повседневной жизни. Второй пошел в армию, после нее работал в сельском хозяйстве, в промышленности, одновременно читая книги по истории и в конце концов прочитав их больше, чем тот, кого эти книги заставляли читать. Но он, в понимании глупцов, не историк, так как его не заставляли читать книги по истории, и он не имеет диплома исторического факультета. Между тем без знания деталей и человеческих взаимоотношений нашей многообразной жизни, включающей в себя и экономику, и воинскую службу, и национальные особенности, невозможно оценить истинное значение исторического факта. Не знающему жизни историку «с дипломом» тот факт может искренне казаться глупостью и варварством наших предков, а на самом деле он свидетельствует об их уме и целесообразности.

Вот есть такой историк с дипломом — Алексей Исаев, между прочим один из лучших и честных историков. Но с дипломом. Трудолюбив, нарыл в архивах десятки тысяч документов, публикует их в многочисленных книгах. Но отсутствие практического опыта и отсутствие образного мышления (тоже следствие отсутствия опыта) вынуждает его строго следовать уже известным историческим концепциям, полученным от авторитетов, а сам он представить то, что написано в документах, не способен. Соответственно, по итогам исследования документов он не способен сделать не только творческий вывод, но часто и просто правильный. Возьмем, к примеру, его книгу «“Котлы” 1941-го», а в ней главу, посвященную окружению немцами советских войск под Киевом.

Предыстория такова. 15 сентября 1941 года передовые отряды двух немецких танковых армий, пройдя с севера через город Ромны, а с юга через город Лубны, формально замкнули

окружение четырех армий советского Юго-Западного фронта в населенном пункте Лохвица (две армии этого фронта оказались вне этого кольца). Формально территория, занятая Юго-Западным фронтом, была окружена с запада фронтом немецких пехотных дивизий, а с востока — слабыми отрядами двух немецких танковых армий. Не нужно быть военным или историком, чтобы понять, что тут нужно было делать: нужно было ударами из кольца и снаружи по городам Ромны и Лубны и перерезать в этих городах коммуникации танковых отрядов немцев. И тогда получится не просто соединение окруженных со своими войсками, а прорвавшиеся немцы, в свою очередь, окажутся окруженными советскими войсками и могут быть ими разбиты.

Однако от Хрущева дипломированным историкам вбивают в голову, что окруженные войска драться не обязаны, а должны «выходить из окружения», или «прорываться», или сидеть и ждать, когда их «деблокируют». И Исаев от этой концепции отойти не может, какие бы документы об этих событиях он ни читал.

На стр. 199 Исаев рассказывает о прочтенных директивах советского командования: *«С.К. Тимошенко по неясным причинам не стал менять первоначальный план контрфудара, задуманного еще до того, как дивизии двух танковых групп встретились под Лохвицей. Этими обстоятельствами и объясняется его решение организовать к 20–21 сентября именно наступление (контрфудар) в районе Ромны силами 2-го кавалерийского корпуса, двух танковых бригад и 100-й стрелковой дивизии, а не деблокировку окруженных»*. А на стр. 191 дает дополнительную информацию к этому решению Тимошенко: *«20 сентября командарм 26-й имел (через Генштаб) указание Главкома Юго-Западного направления С.К. Тимошенко о том, чтобы “удар с целью выхода из окружения наносить не на Миргород, а в общем направлении на Ромны, оставив сильный заслон в сторону Лубны и Миргород”*». И после этого на стр. 201 Исаев делает итоговый глубокомысленный вывод: *«Что могло вообще дать овладение Ромнами? Узел путей в Ромнах нам был не нужен, потому что к Ромнам никто из наших войск не отходил*. (На стр. 201 Исаев уже забыл, что написал на стр. 191 про 26-ю армию. — Ю. М.) *Мостов и переправ здесь также не было. Сковывание наших сил в районе Ромны было выгодно только для противника, так как отвлекало эти силы от других районов, где могли быть осуществлены деблокировочные действия с реальными шансами на успех. Наиболее удобным районом для деблокировочных действий могла быть по- лоса местности на линии Ромны — Гадяч между реками Суда*

и Хорол. 2-й кавалерийский корпус с двумя свежими танковыми бригадами (100 танков) в этой полосе смог бы причинить немцам большие неприятности, нежели в позиционных боях под Ромнами», — пишет Исаев, нимало не интересуясь, а были ли 20 сентября немцы в районе «между реками Суда и Хорол», находящемся в глубоком тылу 2-го кавкорпуса? (Кстати, речка Суда протекает в Вологодской области.) Читателям остается только пожалеть, что какой-то там Тимошенко, а не дипломированный Исаев командовал тогда Юго-Западным направлением. Ужо он бы Юго-Западный фронт из окружения вывел! Он бы немцам показал кузькину мать!

А про то, что окруженные войска тоже обязаны уничтожать противника, на историческом факультете не учат, поэтому простейший замысел Тимошенко уничтожить прорвавшихся в тыл Юго-Западного фронта немцев в голову дипломированного историка не входит, хоть ты его убей. И даже тогда, когда он прямо читает об этом в архивных документах. Ну не понимает человек, что задача полководцев в любых условиях — громить врага, а не уводить от него войска, не учат этому «профессиональных» историков.

Я прекрасно понимаю, что в современных условиях не до жиру и что в отношении Исаева действует поговорка о том, что с паршивой овцы хоть шерсти клок. Но эта «овца» страдает комплексом неполноценности и изрядной долей подлости. Комплекс неполноценности толкает Исаева не на достижение каких-то высоких результатов в деле, которым он занимается — в истории, а в попытке принизить коллег и таким путем выдвинуться. А подлость позволяет ему в «критических» статьях о работах коллег искажать смысл их работ и после этого высмеивать в хамской форме не критикуемые работы коллег, а свое извращение их. Даже если бы он это делал по отношению к противникам, то и это было бы недопустимым, поскольку при нашей малочисленности и отсутствии доступа в СМИ подобная ложь делает нас еще уязвимее. Но когда противники итак пытаются всеми силами дискредитировать патриотов навешиванием кличек «антисемиты», «непрофессионалы», «маргиналы», а Исаев лезет вместе с ними со своими кличками «ламер» и «дремучий», то он сам ставит себя в ряд с Солонинным и сам подставляет себя под разбор.

Я ведь не трогал его, хотя читал его книги и его умствования меня смешили, но он сам полез критиковать меня, причем в своей хамской манере капризного ребенка, не соображающего, что именно он делает. Вот он изрек: «Читайте книги/доки, они рулез!», а он понимает смысл собственного изречения? Вернусь к началу этой статьи и к его вмешательству в мое

сообщение о том, что победы Хартмана ему приписаны, и уверениям Исаева в ходе телепередачи, что немцы летали больше наших, поэтому и сбивали больше, и Эрих Хартман, а не Александр Покрышкин — самый выдающийся ас в мире. Напомню один из доводов своей книги «Асы и пропаганда».

Победы Хартмана заносились в его летную книжку с указанием даты и типа сбитого самолета. Но сохранилась только первая летная книжка с перечнем побед до 150-й. Вторую книжку с победами от 151-й до 352-й якобы украли американцы, которые тщательно ограбили Хартмана (сняв с него в том числе и наручные часы), когда он после капитуляции полез сдаваться к ним в плен. Поэтому последние 202 его победы биографы восстановили по другим источникам. Толивер и Констэбл пишут: «Данные об остальных победах Хартмана взяты из дневника JG-52 или его писем Урсуле Петч» (невесте, а потом жене Хартмана). У меня сразу вопрос: а почему так сложно? Дневник боевых действий эскадры JG-52 — это официальный документ — то, что и любит Исаев, то, что «рулез». Работники штаба получают награды от числа сбитых эскадрой самолетов, и можно быть на 100% уверенным: они не забыли занести в дневник ни единого из сбитых Хартманом самолетов. К чему нужны его хвастливые письма невесте? А вот к чему. Взгляните на таблицу из книги Толивера и Констэбла, которую они скомпоновали из писем Хартмана и журнала боевых действий.

Победа	Дата	Тип
151–153	15.12.43	
154–156	18.12.43	
157–159	20.12.43	
160	3.01.44	
161	6.01.44	«Аэрокобра»
162	6.01.44	«Аэрокобра»
163–165	9.01.44	
166–168	16.01.44	
169–172	17.01.44	
173–176	23.01.44	Ла-7
177	24.01.44	Ла-7
178–183	30.01.44	
184–185	31.01.44	
186–190	1.02.44	
191	3.02.44	
192	4.02.44	«Аэрокобра»

193–202	2.03.44	
203	23.04.44	
204–205	25.04.44	
206–207	26.04.44	
208	3.05.44	
209	4.05.44	
210–215	5.05.44	
216–221	7.05.44	
224–225	21.05.44	
226–228	29.05.44	Ла-7
229–231	31.05.44	«Аэрокобра»
232–237	1.06.44	
238–239	2.06.44	
240–243	3.06.44	
244–250	4.06.44	Як-9
251–256	5.06.44	
257–261	6.06.44	
262–266	24.06.44	«Мустанги»
267–290	26.06–23.08.44	
291–301	24.08.44	«Аэрокобра»
302–306	27.10.44	
307	8.11.44	
308–309	8.11.44	
310–311	12.11.44	
312–313	15.11.44	
314–315	16.11.44	
316	21.11.44	
317–322	22.11.44	
323–327	23.11.44	
328–331	24.11.44	
332	5.02.45	
333–346	6.02–27.02.45	
347–351	4.04.45	
352	8.05.45	Як-7

Как видите, без писем Урсуле не обойтись, поскольку в дневнике боевых действий эскадры JG-52 за Хартманом числится существенно меньше сбитых самолетов, чем он оповестил о них невесту.

Анализ дневника наводит на разные мысли, в том числе и что дневник — это документ штаба, данные из которого шли не доктору Геббельсу для пропаганды, а рейхсмаршалу Герингу для учета и оценки боевых возможностей ВВС РККА. Брехать в этих данных вряд ли было разрешено (хотя наверняка брехали), а вот доктор Геббельс брехать был обязан.

В дневнике боевых действий JG-52 напротив записанных историками номеров сбитых самолетов Хартмана 244–250 в графе «Тип» сбитого самолета одиноко стоит «Як-9», реально зафиксированный штабом.

Объяснений такой разницы американцы не дают, и поэтому причину этого надо отыскивать самим. Все апологеты немецких асов с пеной у рта уверяют, что факт сбития немецким асом самолета, который записан ему в летную книжку, тщательно проверялся и подтверждался. Цитировать очень длинно, поэтому я апологетам перескажу своими словами, как «проверялся» факт сбития Хартманом 301-го самолета. 24 августа 1944 года Хартман слетал утречком на охоту и, прилетев, сообщил, что у него уже не 290, а 296 побед над «иванами». Покушал и снова полетел. За этим полетом следили по радиоразговорам, и Эрих не подвел: он по радио наговорил еще 5 побед. Итого стало 301. Когда он сел, на аэродроме уже были цветы, флаги, гирлянда ему на шею (как у нас Стаханова из забоя встречали), а утром следующего дня его вызвал командир JG-52 и сообщил: «Поздравляю! Фюрер наградил тебя Бриллиантами». И ни малейшего намека на то, что кто-то пытался проверить эту байку о том, что он в один день и в двух боях сбил 11 самолетов. А в дневнике боевых действий за 24 августа штаб записал ему только «Аэрокобру». Одну. И все.

В связи с этим у меня возникает гипотеза. То, что 352 сбитых Хартманом самолета, — это брехня, по-моему, уже всем должно быть ясно. В его летную книжку записывали все, что он придумает, или в лучшем случае те самолеты, по которым он стрелял и что было зафиксировано фотопулеметом. Но точную цифру сбитых самолетов немцам-то ведь надо было знать!

Поэтому полагаю, что штаб JG-52 запрашивал у наземных войск подтверждения о сбитых самолетах (ведь Хартман сбивал над своей территорией, и наземные войска могли это подтвердить). Если сбитие подтверждалось, то наземные войска могли подтвердить и тип самолета. Тогда сбитый самолет заносился в список, и этот список штаба JG-52 посылался в штаб люфтваффе. Но если сбития заявленного самолета или его обломков никто не видел, то такая «победа» отсылалась только

в министерство пропаганды Геббельса. Я не вижу другого логичного объяснения.

Конечно, могли быть накладки, скажем, подбитый самолет дотянул до своей территории, упал в глухом месте, пехота не смогла определить его тип и т. д. И, наверное, Хартман сбил больше, чем проставлено в дневнике JG-52, но все же... В дневнике штаба из заявленных Хартманом 202 сбитых советских и американских самолетов ему проставлено всего лишь 11! Правда, в одном случае тип самолета стоит во множественном числе — «Мустанги». Хартман заявил их в этот день аж 5 штук. Даже если их все добавить, то будет 15. Негусто из 202 заявленных побед, не так ли?

Дневник боевых действий JG-52 — это документ? Это «рулез»? Какого же черта Исаев лезет его опровергать? Да потому, что скипидар комплекса неполноценности жжет ему нежное место и превращает из патриота в пропагандиста Министерства пропаганды III Рейха.

БИТЫЙ ВЫНУЖДЕН БРЕХАТЬ

Мне уже не однажды приходилось обращаться к теме брехливости как немецких военных мемуаров, так и немецких официальных документов, поскольку без учета этой брехливости невозможно понять историю войн с немцами.

Правда, брешут мемуаристы любых армий мира, и наши ветераны в этом не сильно отличаются от прочих, но у наших брехня во многом остается на уровне скорее оправданий неудач, а не преувеличения побед, а чаще выражена в гипертрофированном показе своих страданий.

Для немецких же военных хвастливая брехня всегда была как бы составной частью их профессии (недаром же барон Мюнхгаузен — немецкий офицер), а когда эту брехню еще и потребовала военно-политическая пропаганда, то для немецких военных профессионалов наступили просто именины сердца.

Я как-то писал о том, как нагло брешет в мемуарах немецкий танкист Кариус, а описанию им боя, за который он стал кавалером Дубовых Листьев к Рыцарскому Кресту, позавидовал бы и барон Мюнхгаузен: посмотрите, как Кариус блестяще отчитался перед командованием 502-го батальона об этом бое.

«Я быстро проанализировал ситуацию и направил донесение в батальон. Мне была придана одна подвижная рация на бронетранспортере. Используя средневолновые радиочастоты, я сообщил командиру свое местонахождение и результат боевой операции (семнадцать подбитых танков "Иосиф Сталин" и пять "Т-34")».

В 502-м батальоне никто не стал разоблачать брехню Кариуса, наоборот, ее в донесении батальона подправили, пытаются придать ей более правдоподобный вид:

«...2-я рота, которая последовала за 1-й ротой по дороге Дюнабург — Извалта согласно приказу дивизии, получила новый боевой приказ у железнодорожной станции в Науене. Она повернула оттуда прямо на запад и двигалась через Кривани в направлении роззиттенской автодороги, чтобы выдвинуться по дороге к Виски. Незадолго до 13.00 она неожиданно повстречала двадцать тяжелых и сверхтяжелых танков

противника — типа “Иосиф Сталин” и “Т-34-85” у Малинова (4 километра от Кривани).

Лейтенант Кариус атаковал танки противника с марша, двигаясь впереди своей роты, а за ним последовали фельдфебель Кершер и лейтенант Нинштедт. Без всяких потерь у своих они уничтожили семнадцать вражеских танков с близкой дистанции с этими тремя “тиграми”. Лично Кариус на своем танке подбил десять танков противника. Только трем вражеским танкам удалось скрыться на восток. С этой ротой он затем очистил деревню Малиново и установил контакт с ротой самоходных артиллерийских установок, подходившей с севера. ...Успехи — подбиты 23 танка (17 “Т-34-85”, 6 танков “Иосиф Сталин”); уничтожены 6 тяжелых противотанковых орудий, несколько грузовиков».

Как видите, в штабе 502-го танкового батальона 17 уничтоженных танков ИС, заявленных Кариусом (ну «воще»!), заменили на 17 более правдоподобных уничтоженных танков Т-34. В этом вымышленном бою танки Кариуса и Кершера усилили и танком Нинштедта, но, главное, в своем донесении штаб убрал из этого района целый батальон немецких противотанкистов (свыше 50 самоходных орудий), чтобы не возникало вопросов, кто же это на самом деле подбил советские танки у Малиново. Ведь сам Кариус пишет, что еще до его подхода у Малиново уже был бой немецких противотанкистов с советскими танками («За деревней батальон самоходных орудий уже понес большие потери»). А в донесении 502-го танкового батальона, как видите, этот батальон противотанкистов сокращен до роты и написано, что и эта рота подошла с севера только после того, как храбрый Кариус уже расправился со всеми советскими танками у деревни Малиново самостоятельно.

Уточнить эту историю с подвигом Кариуса помог курьезный случай. В Интернете довольно много моих критиков, причем довольно злобных. Все бы ничего, но они тем злее, чем глупее, поэтому от их критики нет реальной пользы. И вот в начале 2007 года на форуме сайта «Военная литература» некий Морозов организовал дискуссию на тему «Мухин — фальсификатор или спекулянт?». Полгода шла дискуссия на эту интересную тему, и в ней прозвучало 302 выступления как раз по достоверности моих выводов в вышеприведенном эпизоде с Кариусом. Этот Морозов со своим энтузиазмом доказать, что я или фальсификатор, или спекулянт, мне даже симпатичен стал: он ведь, не жалея ни денег, ни времени, несколько

раз ездил в Подольский архив за документами (хвалю — молодец!) — так ему, бедному, хотелось опозорить Мухина и защитить честь немецкого героя Кариуса.

Ввиду отсутствия способности логически мыслить Морозов автоматически удерживал дискуссию на крайне убогом уровне, но деваться было некуда. Привезенные им из архива документы об описываемом Кариусом бое и с советской стороны показали то, что и обязаны были показать: Кариус нещадно брешет. Более того, я снова погорячился, когда подумал о немецком герое слишком хорошо, решив, что он в том бою подбил два танка, — его в том бою вообще не было. В тот день наши 41-я танковая бригада (танки Т-34) и 10-й танковый полк (танки ИС-2) 5-го танкового корпуса подошли с востока к Малиново, но, *«почувствовав реальную угрозу коммуникациям, противник спешно подбросил с направлений Шпоги, Двинск, сильные группы противотанковой и самоходной артиллерии, до двух полков пехоты 83 и 229 пд и при содействии авиации контратаками уничтожил вышедшие танки на шоссе и оттеснил 41 тбр из Малиново в район Дербакки. Высланный РО для захвата ст. Залуми, не имея поддержки пехоты, был уничтожен противотанковой артиллерией и авиацией противника»*. (Из отчета 5 танкового корпуса за июль 1944 года). Ни в этом отчете, как видите, ни в одном другом советском боевом документе ни о каких танках «тигр» в районе Малиново в этот день нигде не упоминается! Кариус не уничтожал русские танки в Малиново, поскольку их там и не было — 12 Т-34 и 5 ИС-2 были подбиты к востоку от Малиново — на подходе к этой деревне. И подбиты они были самоходной артиллерией немцев, то есть тем самым батальоном немецких противотанкистов, о которых Кариус написал, повторю: *«За деревней батальон самоходных орудий уже понес большие потери»*. Герой приехал в деревню после боя, взял бинокль, встал на башню, сосчитал за околицей горящие советские танки и записал их себе в победу.

Но оцените, с каким пониманием брежня Кариуса была встречена его командирами в 502-м танковом батальоне. Они не только не надавали Кариусу по тычке за эту брехню, но и сами оформили на него представление к награждению «Дубовыми листьями»! Немцы-с! А меня уверяют, что немецкие «доки» — это «рулез»! А теперь о том, каким «рулезом» являются книги от немцев. Недавно нам прислали сравнение содержания книги генерал-полковника Э. Рауса «Танковые сра-

жения на Восточном фронте» (АСТ МОСКВА, 2006) с тем, что происходило на самом деле. Итак, в книге Рауса читаем:

«Боевая группа “Раус” после 3 дней и ночей непрерывной борьбы с силами природы прошла 200 километров. 14 июля в 10.00 наступила кульминация, мы захватили “Ворота Ленинграда”, расположенные в 105 километрах от города.

Предыдущий запрос советских самолетов — “Опознайте себя” — получил ответ в самой недвусмысленной форме. 5 наших танков внезапно атаковали соседний русский аэродром в Ястребиной. И снова это была вспомогательная операция, предпринятая по инициативе младшего офицера. Этим офицером был лейтенант II батальона 11-го танкового полка, который захватил вражеского авиационного наблюдателя на колокольне в Ивановском. Этот человек не подозревал о том, что мы захватили мосты. Из допроса пленника лейтенант узнал об аэродроме в Ястребиной, который находился не более чем в 10 километрах и был занят крупной авиационной частью. Лейтенант размышлял не слишком долго и запросил разрешение нанести русским визит силами 5 танков PzKw-35t своего взвода. Этот запрос был примечателен тем, что ни сам лейтенант, ни его солдаты так и не отдохнули после 3 суток непрерывного марша и буквально валились с ног от усталости. Но я понимал, что Советы вряд ли предложат нам еще одну такую благоприятную возможность, и поэтому ответил: “Разрешение дано. Только постарайтесь вернуться как можно скорее!”

...5 танков молодого лейтенанта также вернулись из рейда примерно в это же время. Танкисты были полностью удовлетворены результатами. Поездка сквозь ангары и по рядам выстроенных на земле самолетов была для них событием исключительным. Действия этих 5 PzKw-35t оказались более эффективными, чем удар множества бомбардировщиков люфтваффе. По летному полю были разбросаны обломки пылающих самолетов и автомобилей. Языки пламени и столбы черного дыма поднимались высоко в небо и были видны издали».

А теперь о том, что было на самом деле. Донесение Э. Рауса от 2 августа 41 года о действиях усиленной 6-й мотопехотной бригады на Пореченском плацдарме с 14 по 28 июля 1941 года:

«Благодаря местным жителям стало известно, что в Ястребиной находится временный вражеский аэродром. Отряд Граберта (Grabert) из 800-го полка специального назначения, усиленный одним взводом 65-го танкового батальона, получил задание напасть на аэродром. От этого предприятия пришлось отказаться из-за сильного налета истребителей около 17.45». А как в мемуарах красиво излагал!

Ну и как убедить этих наших историков-«профессионалов», что «рулез» — это не «книжки/доки», а, как и в любом деле, мозги?

СЫН СТАЛИНА ЯКОВ И ЧЕСТНЕЙШИЕ НЕМЦЫ

Или трусы наденьте, или крестик снимите

У нашего интеллигента-интеллектуала существует достаточно пакостная привычка даже тогда, когда он не лжет, то есть даже в случае его «объективности», эдакий интеллеktуал начинает утверждать версию, которая как бы может удовлетворить всех, — ни да, ни нет.

А такая позиция ни к чему хорошему не приводит.

Вот и в деле сына Сталина Якова существуют две исключаящие друг друга версии, каждая из которых претендует на истину: Яков сдался немцам в плен и Яков убит, а вместо него немцы показывали некоего двойника. А главенствующая интеллигентская версия — Яков Сталин сдался в плен, но вел себя в плену достойно! Умная такая версия! И вашим, и нашим!

И чему удивляться, что к юбилею Сталинградской битвы немецкий журналист «Шпигеля» Кристиан Нееф якобы открыл в наших архивах сенсацию: Яков Сталин добровольно перешел на сторону немцев и был отчаянным антисемитом! Эту сенсацию немедленно подхватили все мировые СМИ. Я этому Неефу когда-то давал интервью, и если я не путаю его с кем-то другим, то он и выглядел лицом нетрадиционной сексуальной ориентации, но ведь дело в том, что раз наша «историческая наука» признает, что Яков был в плену, то чего удивляться, что наши враги эту тему «творчески развивают»?

Дмитрий Семушин, европейский обозреватель ИА REGNUM, казалось бы, дал развернутый ответ Неефу (см.: <http://www.regnum.ru/news/polit/1627615.html>), но это только Семушину так кажется, поскольку этот ответ — все то же интеллигентствующее умничанье на тему «Яков был в плену, но вел себя достойно». И Семушин даже «доказал» это свое мнение самым весомым доводом: *«Тем не менее эта легенда, ставшая достоянием народа в 1968 году, не воспрепятствовала развитию другой современной — мифа о том, что Яков Джугашвили никогда не попадал в германский плен и немцы якобы использовали его образ и двойника для пропаганды и провокаций. Для того чтобы рассеять эту легенду, начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ Василий Христофоров 6 июня 2007 года сделал специальное заявление журналистам: "По нашим архивным документам, Яков Джугашвили дейст-*

вительно находился в плену, чему есть многочисленные свидетельства»».

Напомню, что «рассеял эту легенду» тот самый генерал-лейтенант Христофоров, который по своим архивным документам заявил, что поляков в Катynie расстреляли русские. А когда мы вызвали его в суд, чтобы он этими «документами» доказал это свое утверждение, то его представитель отбилсЯ от иска заявлением, что болтовня Христофорова, дескать, была не сведениями — не фактом, а всего лишь личным мнением Христофорова, на которое он имеет права согласно Конституции.

Ну и у Семушина в качестве апофеоза (апофугея?) стандартное: *«В плен он попал при трагических обстоятельствах поражений лета 1941 года, в плену вел себя достойно. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»*. Слава-то, она, конечно, слава... Но речь идет о пропагандистской провокации Второй мировой войны — о боевой операции немецкой пропаганды. С ней как быть?

Нет уж, в этом деле вам, интеллектуалы, надо или трусы надеть, или крестик снять.

Доказательства невиновности не уничтожают

Я не считаю тех нацистских пропагандистов людьми семи пядей во лбу, но и дураками их считать нельзя. Поэтому вопрос о судьбе Якова Джугашвили ударом в лоб не решишь — нельзя выхватывать из архива изготовленную немцами бумажку и носиться с ней, как курица с яйцом, тем более нельзя верить выводам проходимцев, как бы «проанализировавших» эти бумажки, проходимцам, на ваших глазах предавших свою Родину. Тут нужно держать в голове десятки нюансов этой проблемы, зачастую не имеющих как бы отношения к архивным «фактам». Давайте не спеша сначала об этом.

Пример. Вдумайтесь в положение статьи 68 Гражданского процессуального кодекса России, казалось бы не имеющей прямого отношения ни к какому историческому делу: *«В случае если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны»*. Тут нет юридической зауми, это обычный здравый смысл, на который опирается любой нормальный человек: если у обвиняемого есть доказательства невиновности, то он обязательно представит их суду, но если эти его доказательства доказывают его собственную виновность, то он сделает все, чтобы их скрыть! Что тут непонятного?

Вот опять-таки, к примеру, в Катынском деле немцы с помощью комиссии медэкспертов под председательством немецкого профессора Бутца насобирали грузовик доказательств своей невиновности в убийстве польских офицеров. Поскольку их в этом обвинял СССР и союзники пообещали, что на краю земли разыщут и казнят всех виновных, то немцы, казалось бы, должны были как зеницу ока беречь и Бутца, и этот грузовик доказательств. Не так ли? А немцы, когда поняли, что капитуляция неизбежна, бедного Бутца убили, не пожалев уже дефицитных патронов, а все доказательства как бы своей невиновности сожгли, не пожалев дефицитного бензина, — уничтожили, чтобы не предоставлять их суду. Как это понять? С той же юридической точки зрения, которая в данном случае и есть точка зрения здравого смысла?

И в деле Якова Джугашвили точно такое же положение. Сохранилась масса разного вида бумажек, написанных немцами, о том, что Яков был у них в плену. Более того, сохранились и бумажки, которые как бы немцев и не красят, вроде того что Яков на самом деле не покончил собой, а его убила охрана. Во какие немцы честные! Прямо как Христофоров. Но была у немцев и папка личного дела Якова, в которой, по легенде о Якове, должны были храниться абсолютно безобидные для немцев документы: как и где Яков пленен, рапорты о его перевозках и переводах, протоколы опросов и допросов. Немцы же не виноваты, что Яков сдался им в плен, что в этой папочке могло быть для них опасного?

Но в этой папочке должны были храниться эти безобидные документы только в случае, если это действительно был Яков Джугашвили. А если это был не он, а двойник? То тогда там лежали и документы, подтверждающие и разъясняющие провокацию немцев и сведения о двойнике, игравшем роль Якова. И вы правильно догадались: когда наши войска подходили к концентрационному лагерю Заксенхаузен, в котором, по легенде, был убит Яков, комендант лагеря эту папочку с «безобидными» документами сжег, а сам удрал к американцам. Личные дела остальных заключенных оставил в полном порядке, а личное дело «сына Сталина» сжег! Зачем?

И поверьте, многие люди с наработанным опытом здравым смыслом уже после этого факта махнут рукой на остальные факты: с немцами в этом деле все и так понятно!

Шоу для своих войск

Еще момент, который просто не рассматривается.

Все, кто о Якове пишут, сводят вопрос пленения сына Сталина только к пропаганде немцами этого факта на террито-

рии СССР, только к пропаганде для подрыва стойкости войск Красной армии. Но ведь этот вопрос имел огромное значение и для пропаганды среди немецких войск! Ведь при всех оглушительных немецких победах к тому времени эти победы для немцев были оглушительно кровавыми, по своим потерям и близко не соотносимыми с потерями в войне с Польшей и даже с Францией.

Генерал Г. Гот:

«Утром 13 июля (1941) личный адъютант Гитлера, возвращаясь из района боевых действий 2-й танковой группы, заехал в штаб 3-й танковой группы, располагавшийся северо-восточнее Витебска, чтобы выяснить состояние подвижных соединений, которые до этого времени несли основную тяжесть всех боевых действий. Ему сообщили примерно следующее: "За первые три недели боев войска 3-й танковой группы понесли большие потери. ...Так, потери 19-й танковой и 14-й моторизованной дивизий в общей сложности составляют только 163 офицера и 3422 унтер-офицера и солдата. Тем не менее физическое напряжение личного состава, вызванное сильной жарой, пылью, плохими условиями расквартирования и недостатком сна, значительно, чем на Западе. Кроме того, моральный дух личного состава подавлен огромной территорией и пустынностью страны, а также плохим состоянием дорог и мостов, не позволяющим использовать всех возможностей подвижных соединений. Значительное влияние на состояние морального духа личного состава оказывает также упорное сопротивление противника, который неожиданно появляется повсюду и ожесточенно обороняется. ...Упорство русского солдата объясняется не только его страхом перед комиссаром, оно находит свое обоснование и в его мировоззрении. Для него эта война носит характер отечественной войны. Он не хочет возвращения царизма, он ведет борьбу с фашизмом, уничтожающим достижения революции"».

Генерал Г. Блюментрит:

«Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. ...Целыми колоннами их войска ночью двигались по лесам на восток. Они всегда пытались прорваться на восток, поэтому в восточную часть кольца окружения обычно высылались наиболее боеспособные войска, как правило танковые. И все-таки наше окружение русских редко бывало успешным».

Дневник начальника Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, вообще-то, пестрит цитатами радужных докладов Гитлеру о высоком моральном духе немецких солдат. Но! 6 июля 1941: *«Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои (подбитые) машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами»*. А уже 9 июля 1941: *«Организация "штрафных батальонов" оказалась хорошей идеей»*. Два года немцы воевали, всю Европу на колени поставили, и как-то эта хорошая идея об организации штрафных батальонов в немецкой армии никому в голову не приходила. А тут и трех недель не прошло... 11 июля 1941: *«Противник сражается ожесточенно и фанатично. Танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали»*.

Конечно, перспектива попасть в штрафной батальон должна была поднять моральный дух немецкого солдата, но все же желательно было и что-нибудь не столь радикальное. А то, что сын Сталина уже у немцев в плену, давало надежду немецким солдатам, что вот еще чуть-чуть и Сталин сдастся, сдастся хотя бы потому, чтобы спасти собственного сына. И проклятая война окончится! Согласитесь, на моральный дух немецкого солдата слух о пленении сына Сталина оказывал нужное воздействие. Для пропаганды в собственных войсках этот факт был манной небесной.

Теперь о слухах.

Нацисты, тот же Гитлер, очень вдумчиво отнеслись к планам своих молниеносных войн — блицкригов, они создали очень мощный, лишь внешне открытый пропагандистский род войск — пресса и радио были только видимой частью этого айсберга. От людей была скрыта его подводная часть — слухи. Понимая, что обыватель верит слухам больше, чем обманывающим его властям, немцы пользовались распространением слухов виртуозно, включая распускание слухов не только у противника, но и среди своего населения и своих войск. Командир немецкой подводной лодки Х. Шаффер в своих мемуарах на своем примере описал, как этот вид пропаганды осуществлялся и какой эффект давал даже в конце проигранной немцами войны.

1945 год. Все порты Германии выбомблены союзной авиацией и лежат в руинах, умом все немцы понимают, что война проиграна, тем не менее:

«Командующим моей флотилией был капитан, получивший в начале войны Рыцарский крест за потопление авианосца. Мы все доверяли его откровенности, обращению к

балтовне, высокому моральному духу. Он говорил и о производстве нового секретного оружия, которое должно спасти нас от поражения. Все говорили с уверенностью об этом оружии, будто оно продолжает производиться по всей стране... Таким образом, слухи о новом решающем оружии проходили через массы людей. Теперь, если разговор касался мрачных перспектив, кто-нибудь обязательно говорил, что люди, очевидно, не знают ничего и болтают вздор. Разве они не слышали, что... Желание — часто отец мысли. Так или иначе, сомневавшиеся снова собирались с духом».

Есть ли какой-то довод за то, что немцы могли упустить пленение сына Сталина для целей своей пропаганды вне зависимости от того, пленили они его или нет? Они ведь в штабе командующего разведывательной авиации группы армий «Центр» устроили шоу с показом массе зевак «сына Сталина», а длилось это шоу два дня. Сотни немецких военнослужащих, воочию видевших «сына Сталина», разнесли эту весть по немецким соединениям лучше, чем берлинское радио. А с точки зрения пропагандистского эффекта уже этого было вполне достаточно. Ну а когда выяснилась судьба Якова, то тогда немцам уже можно было начать эту пропаганду и среди советских войск и населения. Но о деталях этих шоу позже.

Били бы ногами!

Подойдем к вопросу еще с одной стороны. По легенде, «сын Сталина» в конце жизни жил в блоке предателей концлагеря Заксенхаузен — жил вместе с предателем, выдававшим себя за сына Молотова, предателем генералом Бессоновым и несколькими ирландцами, работавшими на гестапо. Строго говоря, это был блок предателей. Убивать всех остальных предателей немцам не было никакого смысла. Они понимали, что русские и англичане их сами убьют, а к немцам какие претензии — война есть война, пропаганда есть пропаганда. Тот же «сын Молотова» немцам был неопасен, потому что у Молотова на самом деле не было сына, и наши вынуждены были выкопать этого «сына» аж из Швейцарии.

А вот у Сталина сын был. И этот сын был уникальным пленным, поскольку был носителем информации о том, как Сталин живет: кто ему готовит еду, кто обслуживает, кто его охраняет и как. Во сколько Сталин обычно выезжает на работу, с каким количеством охраны, где ночует и т. д., и т. п. Эта информация называется «подходы к Сталину», и она была бесценной для тех, кто должен был организовать убийство Сталина, а немцы покушение на Сталина готовили. И на сегодня никаких доказательств того, что немцы получили от Якова нужную инфор-

мацию, нет — все покушения на Сталина немцы готовили без учета того, о чем Яков мог бы рассказать.

Следовательно, как только выяснялось, что вместо Якова Джугашвили немцы использовали двойника, то к ним сразу возникал вопрос: какими путями немцы пытались получить нужную для убийства Сталина информацию у Якова — как и когда они Якова замучили? Этой стороны проблемы нахождения сына Сталина в плену наши историки не понимают, но немцы не могли не понимать, что как только СМЕРШ (военная контрразведка Красной армии) убедится, что ей подсовывают двойника Якова, то СМЕРШ начнет среди немцев искать тех, кому известна судьба настоящего Якова.

Много ли оперативникам СМЕРШ надо было ума, чтобы понять простую вещь: как только немцы узнали из показаний пленных, что в 14-й танковой дивизии русских служил сын Сталина, то немедленно организовали прочесывание местности и допрос всех его сослуживцев с целью найти Якова?

Много ли оперативникам СМЕРШ надо было ума, чтобы понять, что немцы нашли либо самого Якова, либо его тело?

И много ли ума надо было самим немцам, чтобы понять, что если русские поймут, что у немцев в плену был не Яков, то у русских автоматически встанет вопрос: а что с Яковым?

И тогда русские будут всех причастных к этому немцев бить, причем ногами!

Смотрите. Яков служил командиром 6-й батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка (ГАП) 14-й танковой дивизии. Это значит, что 1240 человек полка видели Якова Джугашвили и по службе, и на разводе полка, и могли опознать его в дальнейшем. То есть могли указать немцам на него среди остальных пленных или на его тело среди убитых. К 19 июля 1941 года из окружения под Смоленском вышло 413 бойцов и командиров 14 ГАП, 152 человека уже до этого числились убитыми, 675 стали считаться пропавшими без вести. Из них сколько-то на самом деле были убиты, сколько-то скрылось среди местного населения, но, надо думать, остальные попали немцам в плен. А 413 продолжали воевать еще 4 года, и когда уже в 90-х начались поиски свидетелей пленения Якова, то из них отозвалось до десятка. Прошли всю войну и остались живы. А вот из 675 без вести пропавших не отозвался никто! А ведь по военной статистике из немецкого плена вернулся каждый второй. А из этих 675 не вернулся никто! Куда делись? Ответ один — немцы всех перебили. Зачем? Ответ один: чтобы они в плену не смогли опознать «сына Сталина», не могли сообщить хотя бы остальным пленным, что это не Яков Джугашвили.

В 1946 году СМЕРШ выпросил у американцев и допросил коменданта лагеря Заксенхаузен штандартенфюрера СС Кайндля по поводу гибели у него в лагере 14 апреля 1943 года «сына Сталина». О результатах доложили наркому (министру) внутренних дел Круглову:

«В ходе следствия установлено, что комендант концлагеря полковник “СС” КАЙНДЛЬ и командир охранного батальона “СС” подполковник “СС” ВЕГНЕР, боясь предстоящей ответственности за совершенные преступления в концлагере, не все говорят. Зафиксированы их попытки покончить жизнь самоубийством, при этом высказывают намерение броситься на часового, разбиться о стену камеры и т. д.

В связи с тем, что при приеме нами арестованных работников “СС” лагеря Заксенхаузен от американцев последние просили пригласить их на суд, поэтому применить меры физического воздействия к арестованным КАЙНДЛЮ И ВЕГНЕРУ в полной мере не представилось возможным».

Скептики могут отнестись к этому как угодно, но я уверен: если бы СМЕРШ заподозрила, что в лагере сидел двойник Якова, то, повторю, автоматически возник бы вопрос, а что с Яковом? И, как следствие, СМЕРШ наплевала бы и на американцев, и на Нюрнбергский трибунал, и Кайндль ее оперативникам бы все рассказал. Недаром же ему хотелось покончить жизнь самоубийством: чувствовал, что его может ожидать. И у меня нет сомнений, что и все немцы, причастные к делу Якова Джугашвили хоть каким-нибудь боком, тоже чувствовали, что их ожидает, если вскрыется, что в плену был не Яков.

Это вам не 41-й!

Еще нюанс в продолжение вышесказанного. С точки зрения отношения немцев к советским людям война явственно делится на два периода — до Сталинграда и после.

До Сталинграда немцев ничего не беспокоило и они творили, что хотели, не в малейшей мере не волнуясь о последствиях: они победят, а победителей некому судить. Возьмите то же Катынское дело. Мало того что они расстреляли польских офицеров, наших военнопленных, коммунистов и евреев Смоленска практически в парковой зоне отдыха на месте ежегодного расположения пионерлагеря. И расстреляли в этом месте только потому, что тут удобно было расстреливать. Мало этого, они и закопать их по-человечески поленились — поляки, служащие немцам, уже в зиму 1942 года эти могилы обнаружили по торчащим из земли деталям польской униформы и поставили на этих могилах березовый крест с жестяным венком.

И так же нагло немцы расстреливали по всей оккупированной территории. Я помню, как в студенческие годы нас повели показать место массового расстрела немцами советских офицеров, скорее всего политработников. Я уже не помню, где это именно было, но мы к месту установки мемориального знака шли пешком от нашего стоящего в центре Днепропетровска института не более 15 минут. Знаменитый Бабий Яр тоже находился в черте Киева, места массовых расстрелов в районе Риги буквально в нескольких километрах от города и в сотне метров от автомобильных дорог.

Однако после Сталинграда ситуация изменилась кардинально: немцы завоновались на всех уровнях. По воспоминаниям советских военнопленных, с 1943 года резко изменилось отношение к ним: немцы перестали считать советских военнопленных за скотов, резко улучшили их содержание и чуть ли не стали перед ними заискивать. Забеспокоились и на самом верху Германии — с 1943 года немцы начали выкапывать и сжигать трупы в местах массовых расстрелов советских граждан на советской территории.

И я уверен (на чем базируется эта уверенность, покажу ниже), что вначале немцев вообще не беспокоили документы, сопровождавшие пленение «сына Сталина», — этих документов, скорее всего, вообще не было или было очень мало. Но после Сталинграда до немцев не могло не дойти, что уничтожение всех документов по «сыну Сталина» — это не выход. В этом случае русские восстановят все события по показаниям свидетелей. Поэтому немцам нужно в решающий час уничтожить только документы, свидетельствующие, что это был двойник (как это сделал комендант Заксенхаузена), а вместо них оставить достаточное количество документов, которые бы «неопровержимо доказывали», что это на самом деле был Яков Джугашвили.

Исследователя спасает то, что фальшивки по «сыну Сталина» готовил не один человек, а несколько (и в Берлине, и в войсках), но по одним указаниям. В результате указания были четко выполнены, и первое, на что вы наткнетесь в любом документе, это на дату пленения «сына Сталина» и дату его допроса — 18 июля 1941 года. Все остальные даты тщательно подогнаны к этой дате. Но ни в одном документе вы не найдете ни одного места действия — ни где именно его пленили, ни где допрашивали. Чувствуется, что это было требование из Берлина. Однако в остальных исполнителям предоставили самостоятельность, и они, ориентируясь на подлинные документы по этому делу (которые им предстояло уничтожить), написали кто на что был горазд. В результате в этих «документах» появилась масса разночтений, порою забавных.

И наконец, несколько замечаний «в общем».

Дальше вы увидите, что есть основания полагать, что Сталин понимал, что его сын Яков не сдавался в плен, следовательно, убит. Как-то снова поднимать его дело, оправдывать сына, снова привлекать к этому внимание, Сталин, судя по всему, не собирался: в этом не было смысла. Сына не воскресишь, а у уродов снова появится повод полоскать и имя сына, и имя Сталина. То есть Сталину было безразлично проводимое СМЕРШ расследование этого дела.

Тем не менее думаю, что Сталину было бы разумнее поручить расследование судьбы сына не СМЕРШу и НКВД, а частному детективу. Во-первых, СМЕРШ и НКВД и так были завалены делами, во-вторых, эти люди за войну насмотрелись столько подлости и трусости кадрового офицерства Красной армии, что изначально ни в малейшей мере не сомневались, что Яков Джугашвили сдался немцам в плен, а их задача сводится всего лишь к тому, чтобы выяснить его судьбу. Затем этих следователей было много, и каждый имел задачу выяснить частные вопросы следствия, а анализ всех материалов должен был проводиться «наверху». А «наверху» в это время (тот же Серов) увлекались вопросом, как больше трофеев нагрести под себя, и особо ломать голову над вопросом судьбы Якова «наверху» было некогда. Поэтому и пишу, что, займись этим делом частный детектив, не обремененный этим опытом смершевца, немцам на допросах не удалось бы навесить ему на уши столько лапши.

Кроме этого, сегодня уже совершенно ясно, что в архивах России ее враги творят, что хотят: и уничтожают документы, и подбрасывают их. Но дело в том, что первыми начали заниматься уничтожением дел в архивах хрущевцы. И исследователи отмечают, что и в архивном деле сына Хрущева Леонида, во время войны пропавшего без вести военного летчика, и в деле Якова Джугашвили не хватает документов, подписанных в деле до воцарения Хрущева. Уверен, что не хватает документов, из которых следует, что Якова Джугашвили в плену не было.

И наконец, если говорить о современности, то думаю, что если по церквям Москвы собрать 100 случайных православных и сравнить их с сотней современных российских историков, то окажется, что православные меньше верят в бога, чем наши историки в честность немцев. Причем речь идет не о случайных приблудах в истории типа Б. Юлина или «стригущих бабло» на сионистской конъюнктуре типа М. Соло-

нина — речь идет и об обычных историках. Только любители еще так-сяк сохраняют трезвость, остальные верят немцам беззаветно.

Артиллерист, командир батареи

Итак, что же за документы имеются в архивах по делу Я. Джугашвили? Всех я не видел, поскольку для выводов по этому делу мне вполне достаточно того, что уже опубликовано. Я уже писал о них, но сейчас займусь аспектом, которого ранее не касался и для которого достаточно четырех сообщений о допросах пленного «сына Сталина». Причем три документа — это как бы сообщения офицеров 1-Ц (разведки и контрразведки) немецких штабов (раньше я этих документов не видел), и один документ имеет вид протокола допроса «сына Сталина».

Мне этого протокола за глаза хватало и хватает, чтобы утверждать, что немцы допрашивали не Якова Джугашвили, но «серьезных историков» в этом не убедишь. Напишешь, что Яков не мог не знать, служит ли в армии его брат, а тебе ответят, что это он брата скрывал. Напишешь, что его 14 гаубичный полк до войны дислоцировался в Наро-Фоминске, а «Яков» показал, что в Москве, а тебе ответят, что это он немцев хотел запутать. И т. д., и т. п. Поэтому не буду касаться десятка подобных косвенных доказательств.

Меня сразу же убеждает в фальшивости всего этого допроса то, что тот, кого допрашивали немцы, не был артиллеристом ни в малейшей мере. А ведь настоящий Яков Джугашвили был артиллерист, окончивший артиллерийскую академию. Поясню штатским.

Орудия гаубичной артиллерии, в которой и служил Яков, стреляют в основном с закрытых позиций. Это означает, что ни противник не видит этих орудий (они находятся достаточно далеко в своем тылу), ни солдаты, стреляющие из гаубиц, не видят, по кому они стреляют. Как они действуют в бою, уже было описано выше, но стоит это повторить.

Командир батареи со связистами уходит вперед, как можно ближе к противнику, и оборудует свой наблюдательный пункт (НП), так чтобы с него как можно больше видеть происходящее на поле боя. С батареей (4 орудия) он связан телефонной линией и рацией. Когда командир батареи увидит противника на поле боя, то по карте определяет, где именно на местности этот противник находится, и передает его координаты на батарею. Там старший по батарее по карте делает расчеты для первого выстрела, и одна гаубица стреляет. Ко-

мандир батареи видит разрыв ее снаряда на поле боя и теперь, пользуясь картой и шкалой тысячных в бинокле, должен быстро определить расстояния от разрыва до цели и быстро рассчитать, как нужно изменить наводку орудия на батарею, чтобы следующий снаряд упал на цель. Это называется пристрелкой. Когда наконец очередной пристрелочный снаряд падает в район цели, то командир дает команду, и все четыре орудия начинают стрелять по этой цели, уничтожая ее.

Неопытный командир батареи или сильно волнующийся от страха будет ошибаться в расчетах и долго пристреливаться, противник поймет, что по нему пристреливаются, и уйдет с этого места. В результате батарея отстреляется по пустому месту. А опытный и мужественный командир батареи пристреляется с пары выстрелов и быстро накроет цель огнем всей батареи, нанеся противнику большой ущерб. Так вот, Яков Джугашвили по окончании артиллерийской академии имел хорошую оценку по стрельбе, а по некоторым воспоминаниям, он стрелял настолько хорошо, что мог быстро пристреляться по такой малоразмерной цели, как танк.

Противник, видя, что по нему ведет огонь гаубичная артиллерия, начинает охотиться за НП командира батареи, и даже если сразу не найдет его, то начинает своими орудиями обстреливать все места, на которых может находиться НП. Делается это для того, чтобы осколками порвать телефонную линию, тогда командир батареи вынужден будет связываться с батареей по радио. А радио противник быстро запеленгует и будет бить уже точно по НП. То есть командир батареи должен иметь достаточно мужества, чтобы в условиях постоянно рвущихся вокруг снарядов противника наблюдать за полем боя, точно рассчитывать данные для стрельбы своей батареей и давить противника огнем своей батареи, не оставляя свою пехоту или танки без артиллерийской поддержки.

Командование 14 танковой дивизии за бой 7 июля 1941 года представила группу отличившихся к правительственным наградам. Интересно, что возглавляют список два политработника и пять артиллеристов, а уж потом идут собственнотанкисты и военнослужащие остальных родов войск. Среди артиллеристов два командира батарей — старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович и лейтенант Петров Геннадий Владимирович.

Могут сказать, что Якова представили к награде по благу, как сына Сталина. Но сохранились воспоминания ветерана того боя И. Д. Дубова:

«Я служил командиром радиоотделения 5-й батареи 14-го гаубичного артполка 14-й бронетанковой дивизии. О том,

что 6-й батареей этого же полка будет командовать сын Сталина, мы узнали еще накануне войны.

«Наблюдательный пункт был один для всего дивизиона. На нем находились командир дивизиона, командиры 4, 5 и 6-й батарей, а также разведчики, связисты и радисты. Я, как командир радиоотделения 5-й батареи, также находился здесь с несколькими радистами и радиостанцией 6-ПК. Естественно, здесь же был и Я.Джугашвили. 3 дня, 5, 6 и 7 июля, наша дивизия пыталась выбить немцев из занимаемых ими позиций, но отсутствие поддержки со стороны нашей авиации не позволяло добиться этого, и мы каждый раз возвращались на исходные позиции.

Телефонную связь между НП (наблюдательный пункт) и огневой позицией дивизиона часто рвало немецкими снарядами. Тогда команды на ведение огня мне приходилось передавать по радио. К концу дня 7 июля закрепленная за мной радиостанция вышла из строя».

Ветеран войны, служивший в батарее Якова Джугашвили, скорее всего заместителем политрука, А. Робустов, на вопрос, как держался Яков Джугашвили, еще в 70-х ответил: «Очень смело, очень ровно, без криков особых, командирский язык хороший, четкий. ...Потом, уже в бою, я увидел его отчаянным. Его хоть за ногу в окоп нужно было затаскивать — вылезал на бруствер». Тут заместитель политрука не совсем понимает, что происходило — Якову было не до лихости. Просто из окопа наблюдательного пункта было плохо видно поле боя, и Яков выскакивал на бруствер под осколки рвущихся немецких снарядов, чтобы лучше увидеть поле боя, лучше видеть противника и где рвутся пристрелочные снаряды своей батареи.

Соответственно, журнал боевых действий 14 танковой дивизии сообщает: «За 6.7.41 14 ГАП в районе Черногостье арт. огнем подавил 2 батареи, 1 ПТО, 4 станковых пулемета, 1 бронемашину, 2 танка, 1 батальон пехоты, 2 минометных взвода». «14 ГАП за 7.7.41 уничтожил 3 батареи противника, 2 пулеметных взвода и 2 арт. наблюдательных пункта». Так что если Яков Джугашвили и был блатным, то, как говорится, побольше бы нам таких блатных.

Но подведу итог рассказа о том, как воюет командир батареи: его оружием являются карта и бинокль, причем главное — это карта, поскольку уж очень опытные артиллеристы имели такой глазомер, что могли определять дальности и без бинокля.

А в протоколе допроса «сына Сталина» он ответил немцам на вопрос, в каком бою он впервые участвовал, так: «Я забываю это место, это в 25–30 км от Витебска, у меня не было с со-

бою карты, у нас вообще не было карт. Карт у нас не было». Понимаете, этот дурак не соображал, что именно он говорит. Пехотинец может участвовать в бою без карты, сапер, наконец, наводчик орудия или заряжающий. Но командир гаубичной батареи без карты в бою участвовать не может! То есть Яковом Джугашвили представился кто угодно, но не артиллерист.

Ничего не знал о своей семье?

Еще момент. Яков Джугашвили с 1921 года жил с отцом, и его мачеха, Надежда Аллилуева, была с ним очень дружна и опекала его, часто заступаясь за Якова перед строгим отцом. Надежда была по национальности русская, но по стечению обстоятельств родилась в Баку — там же, где и Яков, то есть они были земляки. И настоящий Яков ну никак не мог этого не знать. А на допросе он на вопрос немцев, на ком теперь женат его отец, ответил: *«Его жена умерла в 1934 году. Аллилуева. Она была русская, русская из Донбасса».* Настоящий Яков не мог не знать, что Надежды Аллилуевой не стало в 1932 году и то, что она никогда не имела отношения к Донбассу. Ведь этот вопрос, не имеющий ни военного, ни политического значения, является чистым тестом на то, кого именно немцы подсовывали миру в качестве «сына Сталина».

Еще момент. Немцы раскрутили «сына Сталина» на еврейскую тему и на тираду:

«...О евреях я могу только сказать, что они не умеют работать, что евреи и цыгане одинаковы, они не хотят работать. Главное, с их точки зрения, — это торговля. Некоторые евреи, живущие у нас, говорят даже, что в Германии им было бы лучше, потому что там разрешают торговать. Пусть нас и бьют, но зато нам разрешат торговать. У нас не разрешается торговать, если ты хочешь, можешь учиться, если ты хочешь, можешь работать, но он не хочет работать, он не умеет, он или занимается торговлей, или же хочет стать инженером, а быть рабочим, или техником, или же крестьянином он не хочет, поэтому их и не уважают.

«Я хочу сообщить вам еще один факт. Слышали вы, что в Советском Союзе имеется еврейская область Биробиджан. На границе между Манчжоу-Го и СССР имеется автономная еврейская область, там не осталось ни одного еврея, остались одни русские. Они не умеют, они не хотят работать».

Можно было бы поверить, что Яков мог такое сказать, если бы не его последний брак. Он ведь был женат на еврейке, от которой у него была любимая дочь, по еврейским законам, тоже еврейка. Как он мог такое вещать кому-то, тем более врагам, даже если так и думал?

Из этого, кстати, следует, что ни допрашивавшие «сына Сталина» немцы, ни этот «Яков» на тот момент и не догадывались о том, кем по национальности была жена Якова Джугашвили.

И наконец, невозможно себе представить, чтобы провоевавший эти две недели Яков не имел ни малейшего представления о том, как именно проходили эти бои. Но здесь я должен снова продолжить разговор о том, что за документы мы обсуждаем и откуда они взялись в архивах.

Немецкие разведчики

Поскольку показания пленных являются ценнейшим источником данных о противнике, то обязанность допрашивать пленных и анализировать их показания лежит на разведчиках. У немцев эти разведчики (вместе с начальником полевой жандармерии) входили в отдел 1-С (1-Ц в русской транскрипции) — отдел разведки и контрразведки, которые являлись составной частью штабов дивизий, корпусов, армий и групп армий (фронтов) германских сухопутных войск. (В штабе полка тоже был один офицер 1-Ц, но он числился прикомандированным офицером штаба дивизии.) Еще подчеркну: допрос пленных — это обязанность офицеров-разведчиков отделов 1-Ц.

Протоколы — это доказательства в суде, но пленных никто в суд не отправлял, поэтому в армии никто никаких протоколов допроса пленных не составлял — это нонсенс. После допроса, если это было важно, офицеры 1-Ц составляли донесение о том ценном, что они у пленного узнали. К примеру:

«12-я мотострелковая бригада. 10.09.1941.

Кому: 12-я танковая дивизия, разведотдел.

10 сентября два офицера штаба бригады и два рядовых из другой воинской части взяли в плен в лесу 1 км южнее Лезье трех пленных. Один советский офицер (лейтенант) был убит, четыре солдата скрылись в лесу.

Двое пленных принадлежат к 70-й с. д. (329-й с. п.), один — к 90-й с. д. (19-й с. п.). По показаниям пленных, дивизия сформирована 17–24 августа в Пскове большей частью из резервистов. В каждой роте четыре офицера и один политрук. 329-й полк впервые подвергся воздушному налету между Ленинградом и Тосно. Потери при этом составили оценочно 50%. По утверждению пленных, полк был разбит в районе Тосно. Взятые пленные утверждают, что были отрезаны от своей части 28 августа, намеревались добыть гражданскую

одежду и пробраться в Ленинград. Перед пленением солдаты по приказу офицера вели огонь по отдельным военнослужащим Вермахта, появившимся на опушке леса.

П/п. Обер-лейтенант».

И три таких донесения офицеров 1-Ц штаба 39-го корпуса, штаба 3-й танковой группы и армейского штаба в деле Я. Джугашвили имеются.

Но упомянутый немецкий журналист Кристиан Нееф сделал «сенсационную» находку: он нашел целый протокол допроса «сына Сталина», который, правда, и оформлен, как протокол допроса: слева вопросы, справа ответы. Этот протокол был опубликован, самое позднее, в 1993 году в сборнике «Иосиф Сталин в объятиях семьи» со ссылкой на Архив президента РФ (Ф.45. Оп. 1. Д. 1554. Л. 8–39, 40–73).

Само по себе наличие этого протокола говорит о двух вещах: во-первых, армейские разведчики к нему не причастны, во-вторых, немцам потребовалось доказательство того, что сын Сталина был у них в плену. А зачем им такое доказательство?

Ведь сам сын Сталина у них в плену являлся доказательством того, что он у них в плену. Зачем протокол?

И, по-видимому, фабрикатеры этого протокола понимали, что в случае чего армия откажется от авторства этого протокола, поэтому на протоколе от руки сделана приписка: *«Передано кодам по радио»*. То есть сам текст этой бумаги смастерили в Берлине, якобы расшифровав радиограмму. В протоколе указано, что пленного допросили капитан Реушле (Ройшле) и майор Гольтерс.

В декабре 1946 года в Берлине был арестован капитан Вальтер Ройшле, который на допросе показал:

«Примерно около (дату разберем позже. — Ю.М.) я был вызван к полковнику ВЕНХЕР — командующему разведывательной авиацией при 4-й армейской группировке на Восточном фронте. В отделе I-Ц разведывательной авиации группы мне сказали, что на переднем крае пехотными частями взят в плен сын СТАЛИНА и что его прибытие ожидается самолетом на аэродром ставки генерал-полковника фон КЛЮГЕ.

Сотрудник отдела I-Ц в звании майора (фамилии его в настоящее время не помню) сказал мне, что допрос Якова ДЖУГАШВИЛИ должен будет состояться утром следующего дня, а вечером полковник ВЕНХЕР будет допрашивать Якова ДЖУГАШВИЛИ по вопросам, не касающимся военного характера.

В отделе I-Ц мне, как имеющему опыт обращения с крупными людьми, поручили руководить организацией допроса. Я заявил, что это для меня не ново и такой допрос мною будет проведен.

Допрос Якова ДЖУТАШВИЛИ должен был состояться по принципу — побольше дать возможности говорить допрашиваемому и меньше ведущему допрос.

...По моему приказанию люди из моей роты на столе, за которым впоследствии был допрошен Яков ДЖУТАШВИЛИ, установили микрофон, прикрыв его картой местности. Микрофон, в свою очередь, был соединен специальным аппаратом с магнитофоном, который фиксировал весь ход допроса на пленку.

В этот же день вечером Яков ДЖУТАШВИЛИ был доставлен с аэродрома в специально оборудованную для допроса комнату. После ужина я приступил к допросу Якова ДЖУТАШВИЛИ

Кроме меня в комнате, оборудованной для допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ, находились: переводчик зондерфюрер, по национальности эстонец, полковник немецкой армии начальник оперативного отдела штаба ВЕНХЕРА — его фамилия начинается с буквы "Ю", имел титул графа, полковник ВЕНХЕР — командующий разведывательной авиацией, происходит из Вюртемберга, в 1936 году был командиром разведывательного авиационного подразделения в гор. Кетинге, офицер I-Ц штаба ВЕНХЕРА в звании майора, происходит из Силезии, крупный помещик, его фамилия начинается с буквы "И". В этом же помещении находились и другие лица, но я сейчас не могу припомнить, кто именно».

Это протокол допроса?

Начнем потихоньку разбираться, раз уж два майора из СМЕРШа, допрашивавшие Рейшуле, с его показаниями не разобрались.

На протоколе допроса жирно стоит дата — 18 июля 1941 года, мало этого, эта дата несколько раз дублируется в тексте, к примеру, так: «Какое сегодня число? (Сегодня 18-е). Значит, сегодня 18-е...». Следовательно, по немецкой легенде, Ройшле вызвали к Вехнеру утром или днем 18 июля.

В деле «сына Сталина» имеется и такой документ:

*«Командование 39-го моторизованного корпуса
Отдел разведки и контрразведки
Корпусной пункт сбора пленных, 18.7.41
В 3-ю Танковую Группу
Отдел разведки и контрразведки*

Допрос взятого в плен 17.7.41 5-м мотопехотным полком 12-й танковой дивизии старшего лейтенанта Якова Иосифовича Джугашвили (сын Сталина).

На допросе пленный назвал вышеприведенное имя и сообщил, что является старшим сыном Сталина от первого брака. На предложение привести доказательства он объясняет, что, хотя он и сжег свои документы, чтобы, переодевшись крестьянином, пробиться на восток, он, однако, для подтверждения своей личности готов ответить на каждый полезный для доказательства вопрос. Кроме того, уже взятые в плен командиры 14-й танковой дивизии могли бы, по его словам, подтвердить его показания...». (Далее идут результаты допроса «сына Сталина»; см. ниже, а также: http://www.solonin.org/doc_protokolyi-doprosa-yakova.)

И такой документ:

«3-я Танковая Группа
Отдел разведки и контрразведки
18.7.1941

Главному командованию 4-й Армии

«17.7 в 19 часов из 5-го стрелкового полка 12-й танковой дивизии был доставлен военнопленный, старший лейтенант 14-го артиллерийского полка 14-й русской танковой дивизии. Документов при нем обнаружено не было. Взятые вместе с ним в плен утверждали, что он старший сын Сталина. На допросе он в этом признался. (Далее идут результаты допроса «сына Сталина». — Ю.М.)

...Известие о том, что старший лейтенант Джугашвили должен быть доставлен главному командованию танковой армии, пришло к офицеру контрразведки, уполномоченному проводить допрос, на пути к новому командному пункту танковой группы. Он отправил его туда самолетом с ближайшего доступного полевого аэродрома».

Как видите, из этих документов следует, что по времени у немцев все сходится, хотя впритык и бегом: в 19-00 17-го «сын Сталина» сдался в плен, и с этого времени закипела работа — утром 18 июля на корпусном сборном пункте на «сына Сталина» указали другие пленные, его допросили разведчики штаба корпуса, после чего передали в штаб 3-й танковой группы. Там начали допрашивать разведчики штаба 3-й танковой группы Гота, и тут пришел приказ отправить его в штаб 4-й танковой армии фельдмаршала Клюге, что и было выполнено с немецкой точностью и распорядительностью — вечером 18-го его уже показывали на шоу.

Но удивляет, что его вдруг передали для допроса в Военно-воздушные силы (люфтваффе), в штаб, по своему уровню равный дивизионному. И именно в этом штабе и происходило все шоу. Вопрос: почему шоу с этим пленным застеснялись разведчики армейского штаба? Это же престижно! Это же каких фотографий можно было наделать и хвалиться ими потом! Это же не фото на фоне повешенной партизанки — это целый сын Сталина!

Мало этого, только в армейских штабах в отделе 1-Ц была рота военной пропаганды (командиром которой и был капитан Рейшуле). Вермахт и люфтваффе друг друга недолюбливали, тем не менее офицеры 1-Ц армейского штаба предпочли передать свою роту в подчинение люфтваффе, да еще и в штаб уровня дивизии, но самим на этом шоу, на котором присутствовала масса лиц, не светиться. Почему?

У меня такой ответ: одно дело, когда самозванца не разоблачили профессиональные разведчики, другое дело, когда этого не смог сделать какой-то авиатор, специалист по расшифровке аэрофотографий да штафирка-пропагандист. Им ошибиться можно. И если бы эта афера была разоблачена, то оправдывались бы тем, что у допрашивающих не хватило квалификации для тонкого анализа показаний самозванца.

На самом деле неофициально офицеры 1-Ц штаба армии Клюге не уклонились от пропагандистской работы и даже от публичности в ней. Рейшуле показал:

«После этого Яков ДЖУТАШВИЛИ был отведен в другой дом, где он провел ночь под охраной.

...На следующий день я получил распоряжение оборудовать в саду на открытом воздухе недалеко от виллы, где размещался фон КЛЮГЕ, место для допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ.

Выполняя это распоряжение, мои люди к столу, вкопанному в саду, провели микрофон также незаметно для допрашиваемого, причем микрофон и на этот раз был соединен с магнитофоном специальной автомашиной, стоявшей неподалеку.

Я и переводчик находились в автомашине и фиксировали весь разговор с Яковом ДЖУТАШВИЛИ.

Спустя некоторое время после того, как место для допроса было оборудовано, я увидел Якова ДЖУТАШВИЛИ, который в сопровождении офицера из отдела 1-Ц в звании майора штаба фон КЛЮГЕ и переводчика прогуливался в саду.

Через некоторое время немецкий офицер и Яков ДЖУТАШВИЛИ сели за этот стол. По существу, никакого допроса в этот раз не было, так как немецкий офицер все время рас-

пространялся о национал-социализме в Германии и его целях, Яков ДЖУТАШВИЛИ пытался прервать офицера, ведущего допрос, но последний, не обращая на это никакого внимания, продолжая говорить.

После того как офицер закончил этот разговор, он вместе с Яковом ДЖУТАШВИЛИ направился в виллу, в которой размещался генерал-полковник фон КЛЮГЕ».

Тут надо добавить за Рейшуле, что, судя по фотографиям, это шоу прогулки «сына Сталина» смотрела масса народу — связисты, мотоциклисты и прочие, прибывшие в штаб из войск по служебным надобностям. Как вы понимаете, никакого иного смысла в подобной прогулке, кроме показа «сына Сталина» зевакам, не было.

Однако я прерву тему шоу, чтобы закончить с протоколом. Рейшуле показал:

«Звукозапись всего допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ лично мною самолетом была доставлена в Берлин в радиодом, где семью квалифицированными русскими переводчиками она была обработана и откорректирована. После этого все документы, касающиеся допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ, были сданы сотруднику штаба генерала фон ВЕДЕЛЬ».

Таким образом, никаких протоколов и записей допроса «сына Сталина» просто не существовало, и по радио кодом в Берлин нечего и незачем было передавать, поскольку Рейшуле отвез туда магнитофонные пленки и фотопленки. А тот «протокол допроса сына Сталина», которому все «серьезные историки» так беззаветно верят, в неизвестное время, где-нибудь уже в 1943 году, смастерили умельцы доктора Геббельса (радиодом — это его епархия) и умельцы командующего войсками пропаганды при Генеральном штабе Вооруженных сил Германии (ОКВ) генерала Веделя.

Однако впоследствии эти герои пропагандистской войны мастерили «протокол» на основании расшифровки магнитофонной записи — убрать из «протокола» то, что уже было передано в эфир, было нельзя. И они позже к этим записям добавляли только то, что требовалось для придания достоверности пребывания в плену «сына Сталина». Таким образом, основной текст этот «Яков» все же говорил сам. (И между прочим, именно то говорил, что немцам и надо было).

Что-то мне подсказывает, что у наиболее любознательных читателей возникнет потребность самим посмотреть и уже исследуемые мною документы, и те, которые я буду исследовать. Поэтому даю их.

Журнал боевых действий 14-й танковой дивизии

Начато 22 июня 1941 г.

Окончено 5 августа 1941 г.

26.6.41 — в 12.00 получен приказ командира 7 МК о переходе дивизии походным порядком в район Лиозно, длина маршрута 220 км.

(страницы с 26.6 по 1.7.1941 опущены)

2.7.41 — Изменений в расположении и действиях частей дивизии с 18.00 1.7.41 до 18.00 2.7.41 не произошло. Для исправления маршрутов в южном направлении высланы саперы под общим руководством начальника инженерной службы 7 МК и начальника инженерной службы 14 ТД. К исходу 1.7.41 на усиление радиосредств 28 ТП дивизии прибыли два Т-26 из 18 ТД. Дороги в расположении дивизии вследствие дождей труднопроходимы для колесных машин. В распоряжение командира 18 ТД и командира 1 мотодивизии отправлено 20 танков КВ-17.

Для рекогносцировки маршрутов и исходных рубежей для атаки в южном направлении по шоссе Орша-Смоленск высланы рекогносцировочные группы командиров полков и штаба дивизии. 2.7.41 в 19.00 командир дивизии руководил рекогносцировкой лично.

Из Лепеля вернулся транспорт с боеприпасами. Получено 200 000 45-мм снарядов и 76-мм, 37-мм зенитных и крупнокалиберных патронов — нет.

3.7.41 — В расположении частей дивизии изменений нет. Продолжается ремонт танков КВ заводскими бригадами: ощущается недостаток запчастей.

Высланные рекогносцировочные группы 2.7.41 в северном направлении еще не прибыли.

Сформированы 2 разведгруппы и один ОРД в готовности выполнять боевые задачи.

Одна танковая рота 27 ТП в составе 10 танков БТ и 3 БА-10 в 4.50 выслана в разведку в направлении Лепель. Сведений о движении роты и разведывательных данных от нее не поступало.

Для сопровождения транспортной колонны 220 СД (по приказу нач. штаба 7 МК), высланной за получением боеприпасов в Лепель, отправлена одна танковая рота 28 ТП.

Закончена рекогносцировка основного направления: м. Лиозно, Бешенковичи, Зяти, Князево, Симонки, Дворище, ю-в окраина Витебск. Характер местности и путей движения в основном удовлетворительные, обеспечивают движение и бой дивизии.

С утра 3.7.41 в этом направлении для рекогносцировки маршрутов направлены полковые и батальонные группы. Для перевозки боеприпасов из Лепеля для других частей и дивизий формируется колонна из 75 машин ГАЗ-АА, которые взяты из 14 МСП. Материальная часть на укомплектование дивизии не поступала.

Налетов авиации противника на район расположения дивизии не было. 3.7.41 14 ЗАД огня не открывала. Дороги в районе расположения дивизии просохли от дождей и находятся в проезжем состоянии для колесных машин.

4.7.41 — Изменений в расположении частей дивизии с 18.00 3.7.41 не произошло.

Танковая рота 28 ТП с 4.55 3.7.41 ведет разведку в направлении Лепель. Сведений о прохождении маршрута и разведанных от роты не поступало. Для восстановления радиосвязи с ротой с 22.00 3.7.41 выслан помощник начальника 3 отделения майор Маслов с промежуточной радиостанцией в р-н Бешенковичи. Саперные роты полков и ПМБ продолжают готовить маршруты в южном направлении, улучшая дороги, мосты, провешивая колонные пути.

В 24.00 3.7.41 частям дивизии отдан приказ по организации круговой противотанковой обороны. В 6.00 4.7.41 командиры частей доложили о выполнении приказа. Штадив проверяет исполнение.

На укомплектование дивизии поступил батальон средних танков в составе: 29 танков Т-34 и 4 танков КВ-1 с личным составом и боеприпасами за исключением бронебойных (батальон Харьковского училища). Из состава боевых машин 30% учебно-боевых. Командир батальона — майор Гришин.

Сведений о действиях и местонахождении танковой роты 27 ТП, высланной 3.7.41 на разведку в направлении Лепель, до 15.00 4.7.41 не поступало. Нет сведений и о роте 28 ТП, которая выслана 2.7.41 для сопровождения колонны с боеприпасами на Лепель и обратно. К исходу дня было получено донесение от адъютанта разведбатальона лейтенанта Слесаренко о том, что в 18.00 4.7.41 Лепель был взят противником. Танковая рота 27 ТП вела бой с противником и, понеся потери (подбито 3 танка БТ), отошла на Бешенковичи, где в составе других частей перешла к обороне.

Вечером 4.7.41 район сосредоточения дивизии подвергнут бомбежке авиацией противника. Потери в личном составе и мат. части: 14 МСП — 2 ранено, 1 убит.

3 ТБ 27 ТП в количестве 22 танков выведен в резерв командира 7 МК.

За 4.7.41 противник понес потери: 2 танка и 1 ПТО.

5.7.41 — В ночь с 4.7.41 на 5.7.41 был получен боевой приказ Штакор 7, из которого следовало:

1. Танковые части противника к исходу дня 4.7.41 вышли в район Сиротино, Бешенковичи и пытаются развить успех в направлении Витебска.

2. 14 ТД выходит в район Вороны, Фальковичи, Королево (южнее Витебска), в дальнейшем, продвигаясь в направлении Витебск, Черногостница, Бешенковичи, Камень, уничтожить танки противника в районе р. Черногостница, выходит на рубеж Бешенковичи, Будники, развивая удар на Камень, к исходу дня 5.7.41 выйти в район Судиловичи, Жары, Завыдрино, Ушачи.

Для захвата южного берега р. Черногостница был выслан ПО от 27 ТП. МСП поставлена задача: прикрывать марш корпуса на рубеж Улановичи и переправу через р. Лучеса. Глубина поставленной задачи по прямой 180 км.

Дивизия совершала марш двумя колоннами:

— правая колонна — 27 ТП, 14 ГАП без одной батареи, 14 МСП, ОРБ, Штадив, ОБС. Начальник правой колонны — командир дивизии.

— левая колонна — 28 ТП с 3-й батареей ГАП. Начальник — командир 28 ТП.

Вторым эшелоном по маршруту правой колонны двигались тылы дивизии и частей. 14 ЗАД прикрывал переправу дивизии через р. Лучеса — главным образом правой колонны. Марш происходил днем под воздействием авиации противника. Нашей авиации в воздухе не было. Колонна дивизии подвергалась бомбежке за переправой р. Лучеса, задержана на шоссе Витебск-Лепель (10–15 км западнее Витебска) из-за разминирования мостов, что тормозило продвижение правой колонны.

Левая колонна двигалась проселочными дорогами южнее шоссе, по объезду, указанному саперной командой 153 СД. В результате колонна наскочила на противотанковые мины. 3 танка выведены из строя, 2 из них отправлены на СПАМ. И колонна вынуждена была изменить маршрут и выйти на шоссе. Вследствие задержек в пути, указанных выше, дивизия достигла восточного берега р. Черногостница только с наступлением темноты 5.7.41. Марш 5.7.41 происходил при непрерывных полетах разведавиации противника над колонной.

Командир 14 ОРБ капитан Беляков 5.7.41 провел боевую разведку западного берега р. Черногостница и установил, что по западному берегу противник подготовил противотанковый район. Русло р. Черногостница, без предварительной подготовки проходов, танконедоступно, берега крутые, эскарпированные и минированные. Русло болотистое.

Так как командирской разведки засветло произвести не удалось, атака противника в направлении Черногостницы, Бешенковичи была отложена на 6.7.41. В течение ночи с 5.7.41 на 6.7.41 все части заняли исходное положение для наступления в лесах и рощах восточнее р. Черногостница. Всю ночь шла разведка переправ экипажами и саперами 27 ТП. Дополнительно в состав резерва командира 7 МК направлена рота лейтенанта Буракова в составе 7 машин БТ-7.

Потери: 14 РБ — 2 танка БТ и 1 танк Т-34. Убиты командир роты лейтенант ГОРЕВ и командир взвода лейтенант ГУСЕВ.

6.7.41 — утром 6.7.41 по частному приказу командира дивизии командир 27 ТП майор Романовский группой тяжелых и легких танков совместно с пехотой и артиллерией провел боевую разведку противника, расположенного по западному берегу р. Черногостница.

Саперы 27 ТП и 2-й батальон 14 МСП с целью захвата противоположного берега реки и разведки переправ начали атаку, в которой участвовало КВ — 12 машин, БТ — 2 машины, под командой Героя Советского Союза капитана Хараборкина. Поддерживал 14 ГАП. Противник организованным артиллерийским и противотанковым огнем к реке не допустил. Было потеряно: 4 танка КВ взорвались вместе с экипажами, 1 танк пробит через маску орудия, 2 танка подорвались на минах и расстреляны артиллерией противника. 2 танка КВ с поврежденной ходовой частью были эвакуированы. Была выявлена возможность прохода через реку у устья реки и у шоссе, на берегу имелись бревна. После неудачной атаки танки отошли в исходное положение, пехота осталась на восточном берегу реки. В этой разведке погиб Герой Советского Союза капитан ХАРАБОРКИН.

Атака 27 ТП, назначенная на 19.00, была отменена командиром дивизии, так как полком не были подготовлены переправы, а вторичной атаки на одной переправе командир дивизии допустить не мог. О неподготовленности переправ 27 ТП командир дивизии доложил командиру корпуса, прося воздействия на командира 27 ТП.

На участке 28 ТП разведкой установлено: гать заминирована 153 СД, в остальных местах река труднопроходима для БТ, берега эскарпированы.

Распоряжением командира 153 СД приступили к разминированию гати. Был замечен подъем воды, как позднее выяснилось, вследствие подрыва плотины на южном участке обороны 153 СД. На участке 28 ТП действовала разведка от ОРБ

дивизии, которая переправилась на западный берег реки совместно с мелкими подразделениями 153 СД.

Около 22.00 28 ТП (7 танков КВ) и батальоном 14 МСП овладели противоположным берегом реки и продвинулись на 0,5 км к западу.

Указанная в приказе корпуса, 12 авиадивизия атаку танков не поддержала — наши самолеты в воздухе не появлялись. В течение дня весь район расположения дивизии подвергался авиационной бомбежке. Артиллерия обеих сторон вела интенсивный огонь.

Вечером 6.7.41 командир дивизии, комиссар дивизии и ряд штабных командиров доложили комкору о необходимости саперной, артиллерийской и авиационной подготовки атаки. Позже то же самое доложил командиру корпуса и командир 27 ТП по прибытии командира корпуса на КП 27 ТП. В течение ночи на 7.7.41 27 ТП силами сапер и экипажей под прикрытием разведки готовил переправы через р. Черногостница (4 прохода). Под воздействием авиации 2/ 14 ГАП в ночь с 6.7.41 на 7.7.41 сменил ОП. Подверглись бомбежке и ГАП дивизии и частей.

Причины неудачи атаки 27 ТП — наличие труднодоступной долины реки, организованный огонь обороны противника — ряд рубежей пристреляны, недостаток наших артиллерийских средств и отсутствие авиации. Непрерывной воздушной разведкой противник мог точно установить место нахождения и движение колонны дивизии.

За 6.7.41 14 ГАП в районе Черногостья арт. огнем подавил 2 батареи, 1 ПТО, 4 станковых пулемета, 1 бронемашину, 2 танка, 1 батальон пехоты, 2 минометных взвода.

7.7.41. — В ночь с 6.7.41 на 7.7.41 командир 7 МК подтвердил свой приказ 3/ок от 6.7.41, назначив атаку на 4.00 7.7.41.

Около 4.30 в направлении главного удара дивизии 14 МСП без одного СБ под ружейным, пулеметным и минометным огнем противника начал наступление на передний край противника и захватил противоположный берег реки, медленно продвигаясь на запад. В 5.30 открыл огонь 14 ГАП: пятью батареями по батареям, минометам и ПТ средствам противника. Обе деревни противоположного берега горели. На участке 28 ТП под прикрытием одного стрелкового батальона, занявшего противоположный берег, еще вечером 6.7.41 началась переправа легких танков.

В 6.30 27 и 28 ТП вышли с исходных позиций в атаку.

Артиллерия противника до выхода танков на восточный берег р. Черногостница огня не вела. На р. Черногостница

противником был поставлен артиллерийский противотанковый заградительный огонь. Вследствие порчи нескольких проходов огнем противника и нашими танками на участке 27 ТП произошла задержка и скопление танков у исправных трех переправ. Несколько танков стали искать проходы через р. Черногостница, двигаясь параллельно фронту, и при попытке перехода вброд завязли. Противник открыл сильный артиллерийский огонь из всех калибров по руслу реки Черногостница и переправам, нанеся серьезные потери нашим танкам. В это время на арт. позиции, НП артиллерии, на развернутый резерв командира корпуса, который был на восточном берегу р. Черногостница, и прорвавшиеся в глубину обороны танки 27 ТП, на ГАП дивизии и частей в районе Островно налетели пикирующие бомбардировщики и истребители противника, которые последовательно, волнами бомбардировали танки и пехоту 14 МСП, нанося им значительные потери. Все же танки 27 и 28 ТП, перешедшие через р. Черногостница, проникли в глубину обороны на 3–5 км, но встреченные из рош сильным противотанковым огнем мелких и средних калибров и танками противника как с места, так и контратакой во фланг 28 ТП с юга, а также вследствие сильного воздействия авиации противника вынуждены были отойти в исходное положение.

К 17.00 7.7.41 уцелевшие танки и подразделения сосредоточились на восточном берегу р. Черногостница. Противник непрерывно бомбил переправы и танки КВ. Группа танков 27 ТП во главе с командиром полка майором Романовским прорвалась через ПТР противника, ушла в глубину обороны. Попытки связаться с командиром 27 ТП по радио успехом не увенчались. 27 ТП ввел в бой 51 танк. Из них осталось в глубине обороны — 21 танк.

В бою 7.7.41 участвовало танков:

- 27 ТП — 51,
- 28 ТП — 54,
- РБ — 7,
- управление и резерв командира дивизии — 14.

Всего 126 танков: из них КВ — 11, Т-34 — 24.

В бою было потеряно свыше 50% танков и более 200 человек убитыми и ранеными.

Благодаря исключительно трудной местности в полосе от исходного положения до реки Черногостница (торфяник) завязло 17 танков (из них: 2 КВ и 7 Т-34). Под огнем противника было эвакуировано 9 танков, из них 1 КВ. Оставшиеся танки разбиты артиллерией и авиацией противника.

В этом бою погибли: зам. начальника отдела политической пропаганды старший батальонный комиссар ФЕДОСЕЕВ, командир 27 ТП майор РОМАНОВСКИЙ, помощник начальника полит. отдела старший политрук РОМАНОВ. Из курсантского батальона Т-34: убито 4, ранено 13, без вести пропало 38 человек, командир батальона тяжелых танков капитан СТАРЫХ, командир батальона танков Т-34 майор ГРИШИН, комиссар ШИНКАРЕНКО, 28 ТП — 7 человек среднего состава и 19 человек — экипажи танков. Командир дивизии полковник Васильев был ранен осколками в лицо и руку, но остался в строю.

Основная причина неудачной атаки — отсутствие авиации, в частности разведывательной, так как дивизия и полки не знали о мероприятиях противника в тактической глубине и не прикрывались с воздуха, недостаток артиллерии, непрочная связь внутри дивизии также отрицательно сказались на ходе боя. Местность, крайне затрудняющая действия танков.

14 ГАП за 7.7.41 уничтожил 3 батареи противника, 2 пулеметных взвода и 2 арт. наблюдательных пункта.

27 ТП — уничтожил 20 танков, 24 орудия разных калибров, 4 мотоцикла, 1 пулемет, 1 транспортную машину и 1 пикирующий бомбардировщик.

28 ТП — уничтожил 22 танка, 19 ПТР, 2 миномета и до 2 взводов пехоты. 1 танк марки Т-II. воентехником 2 роты Рязновым захвачен и приведен в наше расположение.

14 ЗАД — сбито 3 самолета противника.

8.7.41 — По приказу 7 МК 4/оп от 8.7.41 в 14.00 дивизия выступила двумя колоннами в направлении м. Сенно с задачей нанесения удара во фланг и тыл противника с выходом в район Милешки, Каплианы, Савиничево, Прудины. Глубина задачи — 100 км.

К 22.00 дивизия головами колонн достигла рубежа Тепляки, Узречье, организовав разведку в направлении Копец, Савиничи.

Для установления связи с 18 ТД был выслан делегат связи в район Хоменки. Разведкой было установлено наличие противника в районе северо-западнее Милешки, Мощены (совхоз Тепляки). Через делегата связи, высланного в 18 ТД, было установлено, что 18 ТД с вечера 7.7.41 начала отход за р. Оболянка в район Богушевск.

Колонны частей дивизии подвергались авиабомбежкам на рубеже р. Черногостница. Шло вытаскивание и эвакуация машин.

14 ГАП — уничтожил взвод мотоциклистов.

14 ЗАД — сбил 1 самолет Ю-88.

9.7.41 — с утра 14 МСП по приказу командира корпуса 5/оп начал выход на рубеж: безымянный ручей западнее Калитино, Тепляки и к 16.00 с 2/14 ГАП перешел к обороне указанного рубежа.

Танковые полки расположились в лесу северо-западнее Узречье, а затем в 16.00 перешли в наступление: 28 ТП в Гусино, Сенно, 27 ТП в Копец, Сенно. Около 18.00, устным приказом Начштакора 7 МК полковника Малинина части были возвращены в исходное положение, причем 28 ТП возвратился только к утру следующего дня. Начавшие движение в южном направлении ГАП были возвращены в район Шелки.

9.7.41 при прорыве противника на Витебск танки, находящиеся в ремонте в РВБ и ремонтных ротах, распоряжением командира 69 СК генерал-майора Могилевец и коменданта г. Витебска подполковника Ушакова были взяты для обороны города в количестве: 2 танка КВ, 2 танка Т-34, БТ-4, 2 машины БА-10. Из них, по имеющимся в частях данных, погибло 12, а о 6 танках сведений нет. Машины находились в распоряжении подполковника Ушакова, о чем командование дивизии узнало позднее.

В бою за Витебск ранен ст. лейтенант Золотковский, пропали без вести политрук Коголь и в/техник 2 ранга Карпов.

14 РБ — уничтожил в районе Пустынка, Студенки, 6 легких танков.

14 МСП — сбил 1 пикирующий бомбардировщик.

10.7.41 — в связи с прорывом противника севернее р. Западная Двина и захватом г. Витебска в 12.00, согласно приказу командира корпуса 6/ОП, был отдан приказ 14 МСП и 14 ГАП с группой танков 28 ТП нанести короткий удар в западном направлении с задачей отбросить противника в западном направлении и дать возможность главным силам корпуса отхода за р. Лучеса.

14 РБ установил угрозу путям отхода дивизии с юга. Для прикрытия фланга в Тепляки с тремя КВ и четырьмя БТ был выслан капитан Шульгин с задачей не допустить прорыва противника через Тепляки. В район Стриги был выслан капитан Шапиро с составом: 2 танка КВ, 3 танка Т-34, 6 машин БА-10 из 1/14 МСП.

В 16.15 10.7.41 был отдан приказ главным силам дивизии: перейти в новый район сосредоточения: Синицы, Вороны, Королево (ю-з г. Витебск) с переправами через р. Оболянка у Стриги (приказ корпуса 6/ОП). Танковой группе 28 ТД и двум ротам 14 МСП была поставлена задача взять под охрану все

мосты по маршруту Стриги, Чудин, Кичино, Бугай, Хороленко, Песчанка, Шашни, Кашино.

Противник, действуя крупными силами авиации и передовыми подвижными частями, в 17.30 атаковал переправу у Стриги, но был отбит, потеряв два средних и пять легких танков, 5 орудий и ПМО, понеся потери в пехоте. Однако переправа была под их артогнем, а мост был уничтожен авиацией противника. Дивизия вынуждена была отводить свои части по маршруту: Леонтово, Мошканы, Грибы, Бель, Кордоны, Н-Александрово, Песчанка, Короли, Добромысль, м. Лиозно, сосредоточившись в районе м. Лиозно, Зуи, Заольша, Стаи. Во время отхода дивизии в дневных условиях по одному маршруту колонны непрерывно подвергались нападению пикирующих бомбардировщиков и штурмовой авиации противника. В результате этих налетов, и особенно на переправах и теснинах, создавались пробки. Дивизия понесла значительные потери боевых, транспортных машин и людского состава. В районе Леонтово была организована дополнительная переправа, через которую в первую очередь пошли танки 27 и 28 ТП, ранее приданные 14 МСП и направленные под командой капитана Зубатова и капитана Разгуляева на переправу Стриги, где приняли участие в отражении атаки противника. Попытка противника нанести удар дивизии по путям отхода была отражена. Атакой этой группы уничтожено 9 танков противника в районе Стриги и обеспечен отход частей дивизии. Отход частей дивизии проходил под непрерывным воздействием авиации противника.

Потери: одно 152-мм орудие, 1 танк с рацией КРСТБ и один БТ 27-го ТП, много колесных машин. Сгорел в бронемашине ст. политрук ЧЕРКУНОВ (ответственный секретарь ОРБ). В районе Стриги арт. огнем противника уничтожен танк КВ 27 ТП, в районе Тепляки приведен в негодность 1 танк КВ 27 ТП — технически неисправен (сгорели фрикционы). Из группы капитана Разгуляева артиллерией уничтожено 3 БТ 28 ТП и 1 танк 27 ТП.

Трофеи за 10.7.41 — 14 ОРБ уничтожил 1 танк, 27 ТП — 15 танков, 8 АТО, 15 чел. пехоты, 2 ст. пулемета.

11.7.41. — Дивизия продолжала сосредотачиваться в районе м. Лизно, Зуи, Заольша, Стаи. Проходила эвакуация оставших машин с маршрута. В течение всего дня части дивизии подвергались бомбардировке авиации. При отходе 10–11.7.41 потеряно: 27 ТП — 1 КВ засел в болоте, 1 взорван в непосредственной близости противника, 2 БТ расстреляны ПТО. 186 СД в районе Богусhevска. 1 танк БТ провалился вместе с мос-

том в р. Лучеса; 28 ТП — 1 БТ технически неисправный, разоруженный остался на территории противника. Авиабомбой уничтожено одно 152-мм орудие с трактором. За 10 и 11.7.41 от авиации противника погибло 38 цистерн и контейнеров с горючим. Погиб от ранения осколками бомбы интендант 2 ранга КОПНИН.

12.7.41. — Дивизия получила приказ сформировать свободную танковую группу под командованием полковника Белова для организации противотанкового района Поддубье, Вороны, Фальковичи, ширина фронта — 15 км. Приказано было использовать и неходовые танки в качестве ПТО. Туда же направлен для усиления ПТР 14 МСП и 14 ГАП. Общее командование возлагалось на полковника Белова. 14 МСП и ПТР переподчинен командиру 34 СК, от которого получен приказ 14 МСП выйти на рубеж Поддубье, Вороны, и удерживать его до особого распоряжения. 14 МСП был усилен ГАПом и имеющимися в дивизии 5 бронемашинами. При продвижении к указанному рубежу обороны 14 МСП был встречен пулеметным и артиллерийским огнем на рубеже: Ляхово, Королево, не достигнув рубежа Поддубье, Вороны. Полк в течение дня вел оборонительные бои, последовательно отходя от рубежа на рубеж под воздействием противника и из-за отхода частей правофланговой 220 СД. В течение всего дня части дивизии подвергались нападению противника с воздуха, неся значительные потери.

В бою на рубеже Ляхово, Королево был ранен командир 14 МСП майор Бешанов. В этот же день был отдан приказ об отводе танков в район Б. Мячино, Волковая, Огоньково. К исходу дня командиром 34 СК и 7 МК был отдан приказ перейти к обороне на рубеже м. Лиозно. Потери: 1 танк Т-34 под командой лейтенанта Слесаренко, в бою подбит танками противника. Ранен помощник по политчасти 14 ГАП батальонный комиссар Шлапаков.

Трофеи: 14 РБ уничтожил: в районе Клевцы подбито 2 броневика, 10 транспортных машин, в районе Еремино разгромлен штаб войск соединения, взято трофеев: 5 легковых машин с документами, подбито 8 танков, 20 мотоциклов, 25–30 велосипедов, убито 200–300 человек.

27 ТП уничтожил: 15 станковых пулеметов, 8 пушек, 5 танков и 5 огневых точек противника.

13.7.41 — на рассвете командир дивизии полковник Васильев, начальник артиллерии полковник Липовский с группой танков наблюдали из района Веляшковичи (1 км севернее Лиозно) движение мотомехколонны противника в направле-

нии с запада на восток на Колышки, о чем через капитана Разгуляева было донесено генерал-лейтенанту Коневу. Утром, около 9.00, в м. Лиозно лично генерал-лейтенантом Коневым командиром 14 МСП был назначен капитан Нечаев (помощник командира АТБ 14 МСП), который получил приказ от командующего армией генерал-лейтенанта Конева: 14 МСП наступать вдоль Витебского шоссе с задачей овладеть г. Витебск. Позднее туда же был направлен 2/14 ГАП. Командиром дивизии для общего руководства был направлен начальник штаба дивизии подполковник Важичин. Танковой группе поставлена задача выйти в район Клевцы с задачей атаковать колонну противника и остановить ее движение на восток.

Выдвижение из м. Лиозно частей 14 МСП началось около 10.00. Атакой и огнем с места в районе Горельши группа обстреляла части противника, внося замешательство и выведя из строя около 15 грузовых машин. Отойдя после этого боя в район рощи северо-западнее Реуты, группа подготавливала ночной налет в этом же направлении. 14 МСП к исходу дня вышел 4 км северо-западнее Новоротье.

Потери: 2 БА-10 и 1 БТ уничтожены огнем противника.

28 ТП — в районе Вороны уничтожил 2 ПТО и 8 танков противника.

14 ГАП — в районе Вороны уничтожил 1 батарею, подбил 12 танков (4 из них совершенно выведены из строя).

27 ТП — уничтожил 72 чел., 2 машины, 5 пулеметов, 1 ПТО, 4 мотоцикла.

14.7.41. — Части дивизии сосредоточились в районе Грибачи. МСП, ГАП и танковая группа под командованием полковника Васильева продолжала выполнять боевую задачу в направлении Лиозно, Клевцы.

К исходу дня стало известно, что противник овладел Демидов, Микулино и, развивая успех в юго-восточном направлении, пытается обойти Смоленск с севера и перерезать шоссе Москва — Минск. Частям приказано перейти в район Новая Деревня. К исходу дня 14 ТД выступила в район Новая Деревня по маршруту Грибачи, Агапово, Выдра, Неклюды, Кувшиново, совхоз Жукова, Новая Деревня и к 6.00 15.7.41 сосредоточилась: Штадив, ОБС. РВБ — в районе свх. Жуково, остальные части — в лесах в районе Новая Деревня. Части 14 МСП с 6 орудиями 14 ГАП были окружены в районе западнее Лиозно ударом танков противника со стороны Веляшковичи и Добромысль. Группа танков под командованием полковника Васильева в районе заправки у Госп. Дв. Черница была окружена

танками противника и по приказу генерал-майора Городнянского (который объявил, что он уполномочен командующим армией) прорвалась в направлении Любавичи на соединение с 18 ТД. Из окружения вышел и генерал-майор Городнянский.

Трофеи: 14 РБ уничтожено в районе Ярцево 23 чел. пехоты, наблюдатель и корректировщик с артиллерийского наблюдательного пункта, 1 миномет.

14 ГАП — в районе Вороны уничтожил 3 танка, мотоциклетную роту и 200 чел. пехоты.

27 ТП — уничтожил 3 танка, 250 чел. мотопехоты, 10 грузовых машин, 10 ПТО (37-мм).

На огневых позициях авиацией и артиллерией противника уничтожено шесть 152-мм орудий и четыре 122-мм орудий.

15.7.41. — Дивизия сосредоточилась: Штадив, ОБС, РВБ, МСБ — в районе свх. Жуково, остальные части — в районе лесов Новая Деревня. К 12.00 в район расположения дивизии прибыл танковый отряд под командованием полковника Васильева в составе 6 машин. Одна машина с разбитой передней трубой под угрозой захвата противником была уничтожена в районе Перемышль. В течение дня на район расположения дивизии было несколько налетов авиации противника.

В 21.30 было получено новое распоряжение Штакора 7/62 ОП, согласно которому тылы дивизии должны были перейти к 5.00 16.7.41 в район ст. Свищева, Сеутово — 14 км восточнее Ярцево. Штадиву и штабам полков было приказано выйти в район Витязи, Горны. В 22.00 в новый район расположения была выслана группа Штадива со средствами регулирования для провешивания маршрута и организации служб встречи в новом районе расположения: Новая Деревня, Помогайлово, Топорово, Горни, Гришино и далее по шоссе Москва — Минск в район сосредоточения.

В 23.00 было получено боевое распоряжение Штакора 7 о выделении боеспособных танков под командованием полковника Нэмме для действий в направлении Каспля. В 24.00 тыловые части дивизии были вытянуты в походные колонны в своих районах, а штабы распоряжением комдива 14 были возвращены в свои роты. Из состава танков, прикрывающих тылы, была выслана разведка на Демидов — 5 таков 27 ТП и на Маркоты 1 БТ и 4 БА-10 28 ТП. Все эти машины в бою с танками противника пропали без вести. 14 ГАП уничтожил в районе Лиозно при выходе из окружения, 2 минометных взвода, 1 пулеметную батарею, 3 ручных пулемета. Потеряно от бомбежки и арт. огня три 122-мм орудия.

16.7.41 — в 1.00 группа Штадива под руководством капитана Разгуляева, выехавшая со средствами регулирования в новый район сосредоточения, в районе Ярцево, не выезжая на шоссе Москва — Минск, обнаружила движение противника и большое количество ракет.

В 2.00 части дивизии выступили в район ст. Свищево. Оперативная группа Штадива осталась в районе Новая Деревня, а в 16.00 перешли в район Витязи, Горни. При выходе колонн частей на Минское шоссе было видно, что по шоссе Москва — Минск движутся в восточном направлении колонны остальных частей 7 МК и 5 МК. Колоннам дивизии с трудом удалось выйти на шоссе Москва — Минск и продолжать движение на Ярцево.

Около 6.00 колонна машин (главным образом тыловых), двигающаяся по шоссе Москва — Минск по направлению к Ярцево, была обстреляна артиллерийским, минометным и пулеметным огнем из района Ярцево. Головные машины остановились. По приказу подполковника пехоты шоферы машин были посланы в облаву на десант противника. Сзади идущие колонны других корпусов и частей подходили вплотную, выходили вправо и влево. Образовалась колонна в две, три и даже четыре машины в ряд, без дистанции и интервалов. Противник продолжал вести обстрел колонны, нанося чувствительные потери. Организованным отрядом с привлечением всех вооруженных (за исключением водителей) бронемашин БА-10 дивизии и двух танков Т-34 была организована ликвидация противника, преградившего путь. Причем капитан Кривошея руководил огнем танков, майор Кузнецов и капитан Пустоватенко вели людей в атаку на противника севернее и южнее шоссе, а капитан Шапиро организовал поворот машин на юг.

Начиная с 7.00 авиация противника отрядами в 20–30 пикирующих бомбардировщиков и истребителей совершила ряд последовательных налетов, бомбя и расстреливая остановавшиеся колонны. Значительное количество машин загорелось. Горели машины с горючим, горели и взрывались машины с боеприпасами. Значительная часть личного состава, следовавшего в колонне, была убита и ранена. Колонны частей, не имея возможности продолжать движение по шоссе Москва — Минск, во избежание бомбардировок были повернуты на юг в поисках переправ через р. Днепр южнее Ярцево. На переправах в районе Соловьево, Радчино и др. имелись маломощные паромы (в дальнейшем в этих районах были наведены понтоны). Части дивизии, потеряв

значительное количество машин от бомбардировки авиации противника, начали переправляться на восточный берег р. Днепр.

Оперативная группа штаба в 17.00 выступила из района Витязи, Горни. Следовавшие со вторым эшелоном управления дивизии капитан Шапиро, капитан Разгуляев, интендант 1 ранга Коновалов, ст. лейтенант Осетров, прокурор дивизии т. Лабай руководили тылами дивизии на переправах. Кроме того, на переправах тылов всех эшелонов полков были командиры полков со своими штабами. Командиры тыловых частей полков и дивизии рассредоточились на всех переправах по р. Днепр от шоссе Москва — Минск до ст. Приднепровье. Часть машин уже переправилась на восточный берег. Делегат Штадива, посланный Штакором 7 в район Ковши, возвратился и доложил, что в Ковши Штакора нет, куда он выбыл — неизвестно.

В 14 ГАП противником разбиты одно орудие 122-мм, два орудия 152-мм и три трактора. Документы, захваченные МСП при разгроме германского штаба 13.7.41, — в четырех портфелях, фотоаппараты и автомат ст. политруком Тиханович и ст. лейтенантом Госиным переданы начальнику штаба 19А полковнику Волкову.

17–21.7.41 — в течение 17–21 июля части дивизии, по приказу командования корпуса и генерал-майора Борзикова, продолжали сосредотачиваться в районе лесов западнее Туманово. Значительная часть дивизии была сосредоточена зам. командиром дивизии полковником Нэмме и помощником командира дивизии интендантом 1 ранга Коноваловым в районе Клин (северо-восточнее Ельня) и 21.7.41 организованно перешла в район сосредоточения дивизии.

С 16.00 21.7.41 выставлено 12 огневых точек по борьбе со снижающимися самолетами противника. Части 14 МСП, под командой подполковника Выжигина, находясь в окружении, 16.7.41 пробивались вместе с частями 153 СД на восток. По приказанию командующего 20 Армией 2/14 МСП рота ПВО 14 МСП и тылы ГАПа переданы в 153 СД. Всего 153 СД передано 7 транспортных машин.

27 ТП 17.7.41 уничтожил 15 чел. пехоты, 2 пулемета, 1 ПТО.

14 ГАП 16.7.41 уничтожил в районе Рудня до роты мотоциклистов, 8 танков. В районе Духовщина уничтожил 3 автомашины с пехотой противника и 1 миномет.

27 ТП уничтожил 5 чел. пехоты, 2 ПТО, 3 ручных пулемета.

14 ПМБ дивизии 16.7.41 навел в Соловьево pontонный мост и личным распоряжением генерал-лейтенанта Еременко оставлен на переправе до особого распоряжения.

22.7.41. — Дивизия располагается в районе (иск) Заборье, (иск) Теплуха, (иск) ж/д Вязьма — Гжатск.

23.7.41. — Дивизия располагается в районе (иск) Заборье, (иск) Теплуха, (иск) ж/д Вязьма, Гжатск. Продолжается сосредоточение. Прибыл штаб 14 МСП во главе с начальником штаба дивизии подполковником Выжигиным и комиссаром МСП батальонным комиссаром Ерошевым из района севернее Лизно.

21.00 убыли в состав группы Рокоссовского 14 МСП, 2 орудия 14 ГАП, мотоциклетная рота, 14 ОРБ на транспортных машинах, один танк Т-34 и 2 бронемашины. Налетов авиации противника на район расположения частей дивизии не было.

24–27.7.41. Дивизия располагается в районе (иск) Заборье, (иск) Теплуха, (иск) ж/д Вязьма, Гжатск.

Согласно приказу Штакора 7/05 дивизия переформируется по следующему штату: управление дивизии, ОБС, РБ, АТБ, РВБ, МСБ, ПМБ, РР, ПАК в запасной танковый полк, в который вошел личный состав и мат. часть. 14 ГАП и 14 ЗАД на основании того же приказа переданы в 18 ТД. Из остатков 14 МСП этим же приказом сформирована маршевая рота.

В период с 30.6.41 по 19.7.41 части дивизии имели перед собой части 39 армейского корпуса немцев. В период боев с частями 14 ТД противник понес в материальной части и людском составе следующие потери:

- танков — 122
- ПТО — 50
- пулеметов — 75
- мотоциклов — 325
- пушки разного калибра — 36
- минометов — 46
- велосипедов — 187
- самолетов — 10
- грузовых машин — 24
- легковых машин — 6
- бронемашин — 3

Уничтожено и рассеяно до 2,5 батальонов пехоты противника.

МСП рассеял штаб немецкого войскового соединения. Захвачены документы и доставлены в штаб 19 Армии.

В итоговые данные потерь, понесенных противником, включены данные 14 МСП, который с 12.7.41 вел бои отдельно от дивизии, в окружении. Описание боевых действий 14 МСП и 2/4 ГАП за этот период прилагается.

Данные о потерях противника приведены по показаниям участников боев, свидетелей этих потерь, и на основании данных командирского и артиллерийского наблюдений.

По приказу командира 7 МК 28.7.41 журнал боевых действий дивизии по дням был зачитан командованию, начальникам штабов полков, командирам танковых батальонов, руководящему составу тех. части и штадива.

При отработке журнала боевых действий присутствовали и принимали участие: командир дивизии полковник Васильев, комиссар дивизии полковой комиссар Гуляев, помощник командира дивизии по т/ч подполковник Кульчицкий, зам. командира дивизии полковник Нэмме, начальник штаба дивизии батальонный комиссар Бойко, НО-1 капитан Ларионов, ПНО-1 капитан Разгуляев, ПНО-1 ст. лейтенант Зотов, НО-2 капитан Шапиро, начальник АТС военинженер 3 ранга Егеров, начальник АБТС в/техник 1 ранга Гайда, командир 27 ТП капитан Кривошея, начальник штаба 27 ТП капитан Зуев, командир 1 батальона тяжелых танков ст. лейтенант Горлач, командир 2 ТБ капитан Зубатов, командир 3 ТБ капитан Пустовойтенко с их пом. по т/части, командир 28 ТП полковник Белов, начальник штаба 28 ТП капитан Шульгин, начальник 1 части штаба 28 ТП ст. лейтенант Конкин, командир 2 ТБ капитан Суханов, командир 3 ТБ майор Кузнецов с их пом. по т/части, в/техник 2 ранга Жванов.

1.8.41 — Журнал боевых действий был зачитан руководящему составу дивизии. Были внесены дополнения и исправления. При зачитке журнала боевых действий присутствовали и принимали участие: командир дивизии полковник Васильев, комиссар дивизии полковой комиссар Гуляев, помощник командира дивизии по т/ч подполковник Кульчицкий, зам. командира дивизии полковник Нэмме, начальник штаба дивизии батальонный комиссар Гринберг, помощник командира дивизии по х/ч интендант 1 ранга Коновалов, начальник артиллерии дивизии полковник Липовский, прокурор дивизии в/юрист 2 ранга Лобач, ответственный секретарь парт. комиссии батальонный комиссар Рапопорт, зам. начальника политотдела батальонный комиссар Еремеев, начальник арт. снабжения майор

(ЦАМО РФ, фонд 14 ТД, оп. 1, д. 10, стр. 1–22)

http://mechcorps.rkka.ru/files/mechcorps/pages/gbd_14td.htm

* * *

ВА-МА, RH21-3/437

Командование 39-го моторизованного корпуса

Отдел разведки и контрразведки

Корпусной пункт сбора пленных, 18.7.41

В 3-ю Танковую Группу

Отдел разведки и контрразведки

Допрос взятого в плен 17.7.41 5-м мотопехотным полком 12-й танковой дивизии старшего лейтенанта Якова Иосифовича Джугашвили (сын Сталина).

На допросе пленный назвал вышеприведенное имя и сообщил, что является старшим сыном Сталина от первого брака. На предложение привести доказательства он объясняет, что, хотя он и сжег свои документы, чтобы, переодевшись крестьянином, пробиться на восток, он, однако, для подтверждения своей личности готов ответить на каждый полезный для доказательства вопрос. Кроме того, уже взятые в плен командиры 14-й танковой дивизии могли бы, по его словам, подтвердить его показания.

На вопросы о его военной должности и прежней деятельности допрашиваемый сообщает, что он сначала работал инженером по турбинам, а затем вступил в Красную армию в качестве кадрового офицера. Он, по его словам, был командиром батареи 14-го артиллерийского полка 14-й танковой дивизии. В дивизию входили, кроме того, 14-й мотострелковый и 27-й и 28-й танковые полки. Дивизия входила в 7-й механизированный корпус, в состав которого входили также 18-я танковая дивизия и 1-я Пролетарская моторизованная дивизия. Корпус, по его словам, был введен в боевые действия в районе Витебск — Лиозно — Сенно и считается разбитым. Бронетанковые дивизии якобы потеряли 90% своих танков. Остаток якобы подчинен непосредственно 20-й армии.

Моральный дух части до 7.7.41 был, по его словам, хорошим и стабильным. Последовавшие с этого времени явные неудачи, в особенности интенсивное вступление в бой немецкой авиации, привели к усиливающемуся ухудшению морального состояния. На замечание о том, что политические комиссары в войсках, как мы констатируем, имеют мало авторитета, он отвечает, что значительная часть комиссаров проводит свою работу не из убежденного идеализма, а казенно и схематично. Но ему, по его словам, известны и такие политические комиссары, которые действуют как идеалисты коммунистической идеи и в войсках пользуются любовью и уважением.

Радужное отношение к нам со стороны [гражданского] населения, возрастающее иногда до степени горячего воодушевления, он объясняет тем, что речь идет о слоях населения, которые представляют в городах прежнюю зажиточную буржуазию, а в деревне — бывшее зажиточное, более имущее крестьянство. На замечание, что колхозная система в сельском хозяйстве, по нашей констатации, ни в малейшей степени не популярна в народе, он очень находчиво объяснил, что многие великие реформы не были поняты современниками, поскольку они потребовали человеческих жертв. По его словам, позднейшие поколения, не обремененные предубеждениями, признавали как великие достижения то, что вначале было неправильно понято. При этом он ссылается на пример отца Фридриха Великого и Петра Великого.

Будучи опрошенным о его мнении в отношении Тимошенко, Ворошилова и Буденного, он заявляет:

Тимошенко, по его словам, возможно, умственно более выдающийся и лично более напористый, но последнее качество якобы часто ведет к тому, что он занимается всем и легко заменяется на мелочи в ущерб решению важных общих задач, которое Ворошилов всегда будет сохранять за собой.

Ворошилов, по его мнению, самый выдающийся из трех маршалов, который соединяет большое стратегическое мастерство, спокойствие и уверенность в достижении цели с умно используемой хитростью.

Буденный ни в коем случае не является всего лишь популярным кавалерийским командиром, но является также и человеком, имеющим мудрость и качества полководца, которые, по мнению допрашиваемого, оправдывают поручение ему командовать фронтом.

На вопрос, что он сам думает о продолжении войны после значительных неудач русского командования, он заявляет: окажутся ли эти неудачи в конечном итоге не только кажущимися, выяснится только тогда, когда будет твердо установлено, удался ли русскому командованию его план отрезать вырвавшиеся вперед танковые соединения от широкого фронта продвигающейся вслед за ними пехоты.

http://www.solonin.org/doc_protokolyi-doprosa-yakova

* * *

*3-я Танковая Группа
Отдел разведки и контрразведки
18.7.1941*

Главному командованию 4-й Армии

17.7 в 19 часов из 5-го стрелкового полка 12-й танковой дивизии был доставлен военнопленный, старший лейтенант

14-го артиллерийского полка 14-й русской танковой дивизии. Документов при нем обнаружено не было. Взятые вместе с ним в плен утверждали, что он старший сын Сталина. На допросе он в этом признался. По его словам, он родился в 1908 году, в 1935 году закончил обучение в качестве инженера, до 1938 года работал инженером на электростанции московского автомобильного завода «ЗИС», затем поступил в артиллерийское училище, которое он 4 мая 1941 года досрочно окончил старшим лейтенантом.

Как известно офицеру контрразведки, у Сталина от первого брака действительно имеется сын, который должен быть в этом возрасте и о котором было известно, что он работает инженером на одном из промышленных предприятий. Политической роли он не играл.

Таким образом, есть основания предположить, что упомянутый военнопленный старший лейтенант действительно является старшим сыном Сталина. Он производит впечатление культурного человека и готов давать показания. Его знания не превышают обычных знаний старшего лейтенанта Красной армии. О политических планах своего отца он, по-видимому, ничего не знает.

Известие о том, что старший лейтенант Джугашвили должен быть доставлен главному командованию танковой армии, пришло к офицеру контрразведки, уполномоченному проводить допрос, на пути к новому командному пункту танковой группы. Он отправил его туда самолетом с ближайшего доступного полевого аэродрома.

Старший лейтенант, офицер контрразведки.

http://www.solonin.org/doc_protokolyi-doprosa-yakova

* * *

Протокол допроса военнопленного старшего лейтенанта Я.И. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

Перевод с немецкого

3 мотострелковая рота военных корреспондентов.

Допрос военнопленного старшего лейтенанта Сталина у командующего авиацией 4-й армии.

Допросили капитан Реушле и майор Гольтерс 18.7.41.

Передано кодом по радио.

— Разрешите узнать ваше имя?

— Яков.

— А фамилия?

— Джугашвили.

— *Вы являетесь родственником председателя Совета Народных Комиссаров?*

— Я его старший сын.

— *Вы говорите по-немецки?*

— Когда-то я учил немецкий язык, примерно 10 лет тому назад, кое-что помню, встречаются знакомые слова.

— *Вы были когда-либо в Германии?*

— Нет, мне обещали, но ничего не получилось, так вышло, что мне не удалось поехать.

— *Когда он должен был поехать?*

— Я хотел ехать по окончании института.

— *Какое вы имеете звание в советской армии и в какой части служили?*

— Старший лейтенант. Служил в 14 гаубичном полку, приданном 14 танковой дивизии, артиллерийский полк при 14 дивизии.

— *Как же вы попали к нам?*

— Я, то есть собственно не я, а остатки этой дивизии, мы были разбиты 7.7, а остатки этой дивизии были окружены в районе Лясново.

— *Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?*

— Не добровольно, я был вынужден.

— *Вы были взяты в плен один или же с товарищами и сколько их было?*

— К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

— *Вы были командиром дивизии?*

— Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены — в это время я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подождала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? (Сегодня 18-е). Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лясново, в 1 1/2 км от Лясново, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами.

— *Как обращались с вами наши солдаты?*

— Ну, только сапоги с меня сняли, в общем же, я сказал бы, неплохо. Могу, впрочем, сказать, что и с вашими пленными об-

ращаются неплохо, я сам был свидетелем, и даже с вашими парашютистами, я говорю даже, потому что, вы же сами знаете, для чего они предназначены, фактически они «диверсанты».

— *Почему вы говорите «даже парашютисты»?*

— Я сказал даже с парашютистами, почему? Потому что, вы же сами знаете, кем являются парашютисты, потому что я...

— *Почему же с парашютистами следует обращаться иначе?*

— Потому что мне здесь сказали, что у вас говорят, что убивают, мучают и т. д., это неверно, неверно!

— *Разве они, по-вашему, не солдаты?*

— Видите ли, они, конечно, солдаты, но методы и характер их борьбы несколько иные, очень коварные.

— *Думает ли он, что и немецкие парашютисты борются такими средствами?*

— Какими? (Как кто еще?)

— *Немецкие солдаты прыгают с самолета и сражаются точно так же, как пехотинец, пробивающийся вместе с ударными частями.*

— Не всегда так, в большинстве случаев.

— *Разве русские парашютисты действуют иначе?*

— Давайте говорить откровенно; по-моему, как вы, так и мы придаем несколько иное значение парашютистам, по-моему, это так.

— *Но это же совершенно неверно!*

— Возможно, но у нас создалось такое мнение. Товарищи рассказывали мне, мои артиллеристы и знакомые из противотанковых частей, что в форме наших войск.

— *Неужели он думает, что наши парашютисты прыгают с самолетов в гражданском платье, как об этом когда-то сообщило английское правительство?*

— То, что ваших парашютистов ловили в форме наших красноармейцев и милиционеров, — это факт, отрицать этого нельзя.

— *Значит, такая же сказка, как и у англичан?*

— Нет, это факт.

— *А сам он видел когда-либо парашютиста, сброшенного в гражданском платье или в форме иностранной армии?*

— Мне рассказывали об этом жители, видите, я не спорю, борьба есть борьба, и в борьбе все средства хороши. Поймали одну женщину, женщину поймали, я не знаю, кто она была — от вас или это наша, но враг. У нее нашли флакон с бациллами чумы.

— *Это была немка?*

— Нет, она была русская.

— *И он верит этому?*

— Я верю тому, что ее поймали, эту женщину, но кто она — я не знаю, я не спрашивал, она не немка, а русская, но она имела задание отравлять колодцы.

— *Это ему рассказывали, сам он не видел.*

— Сам я не видел, но об этом рассказывали люди, которым можно верить.

— *Что это за люди?*

— Об этом рассказывали жители и товарищи, которые были со мной. Потом поймали женщину от вас в трамвае, она была в милицйской форме и покупала билет, этим она себя выдавала. Наши милиционеры никогда не покупают трамвайных билетов. Или так, например: задерживают человека, у него четыре кубика, а у нас четыре кубика не носят, только три.

— *Где это было?*

— Это было в Смоленске. Мне рассказывали об этом мои товарищи.

— *Известно ли ему об использовании нами парашютистов в Голландии и в других операциях? Не думает ли он, что это тоже были немецкие солдаты в иностранной форме?*

— Видите ли, что пока советско-русская война (так в тексте перевода. — В. К.)... мне известно, да, советская печать очень объективно освещала военные действия между Германией и ее противниками... например, об операциях ваших парашютистов наша пресса писала, что англичане обвиняют немцев в том, что они действуют на территории других государств в голландской форме или же вообще в форме не немецких солдат, об этом наша печать писала по сообщениям англичан, но при этом отмечалось, что немцы вряд ли нуждаются в этом, я сам это читал, я знаю это.

— *Один вопрос! Вы ведь сами соприкасались в боях с немецкими войсками и знаете, как сражаются немецкие солдаты. Ведь не может быть такого положения, чтобы имели место случаи таких неправильных действий, о которых вы говорите, упоминая о наших парашютистах, если в остальном война ведется нормальным путем?*

— Да, именно так. Согласен во всех отношениях. Видите ли, я лично подхожу к этому делу следующим образом: парашютисты являются новым родом войск, как, например, артиллерия, кавалерия и т. д., это совсем иной род войск, задача которых заключается в том, чтобы ударить с тыла. Этот род войск действует в тылу и поэтому вызывает соответствующую реакцию у населения и в армии, их считают шпионами.

— *В России тоже так практикуется?*

— Если кого-то считают на что-то способным, то следует также оценивать и свой образ действий.

— Мы действуем в отношении вас так же, как и вы в отношении нас. В Смоленске имели место следующие факты: вам должно быть известно, что когда ваша авиация бомбила Смоленск, а наши пожарные тушили пожары, то ваши стрелки-парашютисты открыли по пожарным огонь. Думаю, что русские парашютисты поступили бы точно также, это же война.

— В России мы еще не использовали парашютистов. А вы использовали уже кого-либо из знаменитых 200 000 парашютистов, которые у вас якобы имеются?

— Наши парашютисты почти не используются на Восточном фронте.

— Как же это можно увязать с теми 200 000 парашютистов, которые введены в бой?

— 200 000? Вы спрашиваете меня, значит, как обстоит дело с теми 200 000 парашютистов, которые имеются у нас в Советском Союзе? Я не могу этого сказать, так как с 22.6 я не имею никакой связи с Москвой, ибо я уехал в армию, в мою 14 танковую дивизию. С тех пор я прервал всякую связь, так что я не знаю, что делают парашютисты, что они за это время предприняли. Могу только сказать, что я не знаю. Если они существуют, если они имеются, то они введены в действие, это их задача, вы сами знаете.

— Но раньше ведь у вас говорили: из страха перед пленом красноармейцы лучше застрелятся.

— Я должен высказаться по этому вопросу откровенно; если бы мои красноармейцы отступили, если бы я увидел, что моя дивизия отступает, я бы сам застрелился, так как отступать нельзя.

— Почему же солдаты покинули его?

— Нет, это были не мои солдаты, это была пехота.

— Знал ли он, что, согласно международному праву, с пленным солдатом в гражданской одежде предусматривается совершенно иное обращение, чем с солдатом в военной форме?

— Зачем он надел гражданскую одежду?

— Я скажу вам почему: потому что я хотел бежать к своим, а если бы меня заподозрили в том, что я имел намерение заниматься шпионажем, то для этого я ведь должен был знать немецкий язык.

— Известно ли ему о приказе, в котором говорится, что, если солдату грозит опасность быть взятым в плен, он должен обеспечить себя гражданской одеждой?

— Видите ли, мне известно только, что все те, кто после этого окружения разбежались, начали переодеваться, и я тоже дал себя уговорить это сделать.

— *В каких сражениях вы участвовали?*

— 6.. 7... к вечеру 6-го, 14-я танковая дивизия примерно в 30 км от Витебска, значит, 14-я танковая дивизия, 18-я танковая дивизия и 1-я мотомехдивизия, то есть весь седьмой корпус.

— *С какого года он в армии?*

— В Красной армии я с 1938 года, я учился в артиллерийской академии.

— *А теперь он кадровик?*

— Да, да, да.

— *В каком бою он впервые участвовал?*

— Я забываю это место, это в 25–30 км от Витебска, у меня не было с собой карты, у нас вообще не было карт. Карт у нас не было.

— *У офицеров тоже нет карт?*

— Все у нас делалось так безалаберно, так беспорядочно, наши марши, как мы их совершали, организация была у нас вообще безалаберной.

— *Как это следует понимать?*

— Понимать это надо так: все части и моя часть, считавшаяся хорошей... Вы спрашиваете, значит, как следует понимать, что организация была плохая? Дивизия, в которую я был зачислен и которая считалась хорошей, в действительности оказалась совершенно неподготовленной к войне, за исключением артиллеристов, потому что переходы совершались плохо, сплошная неразбериха, никаких регулировщиков, ничего, это первое; во-вторых, вы уничтожали бронемашину по частям.

— *А как это отражалось на командовании?*

— Оно никуда не годится (почему?), потому что оно отсиживалось в лагерях, вот и все, так было целых три года. Переходы совершались не больше чем на 30 км, к тому же один-два раза в год.

— *Каково вооружение армии, отдельных родов войск?*

— С моей точки зрения, армия хорошо вооружена, только не умеют использовать это вооружение, да, именно так и есть. Вы уничтожали нас по частям, а не в целом. Если бы корпус был организован как единое целое и действовал так же слаженно, как у вас, тогда была бы совсем другая картина.

— *Как поступало пополнение?*

— Скажу вам откровенно: вся дивизия была брошена как пополнение.

— *А когда эта дивизия вошла впервые в соприкосновение с немецкими войсками?*

— Это было 5-го, 6-го, 7-го. 6-го велась разведка боем, которая обошлась нам очень дорого, и все же 7-го вы должны были проиграть сражение, но ваша авиация мешала и разбила нас.

— *Когда была рассеяна дивизия?*

— 7-го она была разбита, ваша авиация разбила ее. Я едва остался жив, и этим я должен быть благодарен исключительно вашей авиации.

— *Понесла дивизия большие жертвы?*

— Мы потеряли 70% танков, 70 или 60%, от 60% до 70%.

— *Сколько же всего танков имела дивизия?*

— Видите ли, она не была полностью укомплектована, старые танки еще не были заменены новыми, но новые уже были.

— *А сколько их примерно было?*

— Мы считали, что примерно 250 танков, точно я не могу вам сказать. Организацию я знаю, но точно я этого не могу сказать. Было больше 200 танков, 250–300, примерно так.

— *А в чем причина плохой боеспособности армии?*

— Благодаря немецким пикирующим бомбардировщикам, благодаря неумным действиям нашего командования, глупым действиям, идиотским, можно сказать, потому что части ставили под огонь, прямо посылали под огонь.

— *Кто отвечает за руководство боем: командир полка, вышший командир или политический комиссар? Ведь в Красной армии имеются политические комиссары?*

— Первым лицом является, конечно, командир, а не комиссар, не комиссар, нет-нет, первым лицом является командир. До прошлого или до позапрошлого года командир и комиссар были уравнены в правах, но затем пришли к выводу, что должен быть один хозяин, а не два, один должен быть, потому что 2 равноправных командира раздражают друг друга, мешают друг другу, поэтому хозяином считался командир, а комиссар его помощником. Один должен быть, а не два.

— *Теперь стало известно, что как раз за последние дни произошло изменение, политические комиссары снова имеют повышенные полномочия, причем те же самые полномочия, которые они имели во время революции.*

— Нет, это невозможная вещь, так как после всего, после развития как в политическом, так, главным образом, и военном отношении... Вы говорите, что будто бы недавно уравнили в правах политкомиссаров и командиров. Это неверно, по-моему, это неправда. Я этого не знаю и не могу допустить такой мысли, так как в массе своей комиссары в военном отношении, конечно, подчиняются командирам, это само собой разумеется, к тому же во время военных действий он будет скорее мешать, чем помогать.

— *Но, по самым последним сообщениям, политические комиссары на этих днях все же упразднены... (Реплика: не уп-*

разднены — уменьшение их прав произошло гораздо раньше — 2 года тому назад).

— Нет, это мне неизвестно, я не могу этого допустить.

— *Вполне возможно, что вы, находясь на передовой, вообще не знали, какие изменения произошли за последние дни. Вы ведь сами говорите, что командование оказалось негодным и новости, возможно, вообще до вас не доходили. Можно ведь это предположить? Для чего вообще в армии имеются комиссары? Что за задачи они имеют?*

— Поднимать боевой дух, он дает политическое воспитание.

— *А как относится к этому солдат, командир, офицер?*

— Видите ли, если комиссар работает с умом, то его любят и уважают. Но когда он, используя свои права, начинает оказывать на солдата свое давление, то ясно, что он ведет себя формально, скажем, на собраниях, везде и всюду, но возможно, что в глубине души он его и не уважает.

— *Известны вам такие случаи, когда войска отвергали комиссаров?*

— Пока что мне это неизвестно.

— *Тогда, может быть, ему будет интересно узнать, что здесь у нас, в лагерях для военнопленных, солдаты занимают резко отрицательную позицию в отношении комиссаров и нам приходится брать комиссаров под защиту, чтобы их не убили их собственные солдаты.*

— Видите ли, все зависит от того, что это за красноармейцы. Если мы возьмем новобранцев, только что призванных в армию, то это все неграмотные люди, почти все.

(Но речь идет также и об офицерах и высших командирах.)

— *Что за полномочия имеет комиссар в армии?*

— Значит, речь идет об отношении к командирам и комиссарам в лагерях: комиссар является правой рукой командира в политическом отношении, вы же знаете, что здесь имеются рабочие, крестьяне, интеллигенция, среди них есть особо неустойчивые люди... бывает... в массе военнотружущих наиболее ненадежными являются представители богатого крестьянства, мелкой буржуазии. Этих следует изолировать.

— *Почему он должен находиться под наблюдением? Разве крестьянин, находящийся в Красной армии, знавший, как сын кулака, лучшие времена, отрицательно относится к Красной армии и к теперешним руководителям государства. На какой же принципиальной основе он отвергает теперешнее государственное руководство или командование?*

— Потому что они продажны, ненадежны.

— *Кто же в первую очередь продажен, евреи?*

— Где лучше, туда и бросаются.

— *Может быть крестьянские сыновья, служащие в Красной армии, думают, что смогут извлечь больше пользы из других форм государства, например из национал-социалистской Германии?*

— Что за крестьянство, какое?

— Речь идет о бывших кулаках.

— Кулаки, бывшие богатые крестьяне.

Разве они недовольны настоящей государственной системой?

— Конечно, они недовольны.

— *Почему они ей недовольны?*

— Потому что... послушайте, вы знаете историю партии? Историю России? В общем, кулаки были защитниками царизма и буржуазии.

— *Не думает ли он, что кулак защищает свою собственность в бывшей Русской империи или же немецкий крестьянин защищает теперь свою собственность только потому, что он еще является собственником, у нас в Германии ведь существует частная собственность, а в России она упразднена.*

— Да, да, так это и есть. Вы забываете: он — это одно, а его дети — совсем другое, они воспитаны в совершенно ином духе. В большинстве случаев дети отказываются от таких родителей.

— *Считает ли он, что последние годы в Советском Союзе принесли рабочему и крестьянину преимущества по сравнению с тем, что было раньше?*

— Безусловно!

— *Но мы не видим здесь никаких поселков для крестьян и для рабочих, никаких фабрик с прекрасными цехами. Все здесь так примитивно, как не было в Германии даже при социал-демократическом правительстве.*

— Спросите их, как было при царизме, спросите их, они вам ответят.

— *Да, но за эти долгие годы можно было сделать бесконечно больше, чем сделано. Стоит только сравнить с тем, что было сделано в Германии за гораздо более короткий срок. Чего только там не сделано для рабочего человека — во всех отношениях. Жизнь наших соотечественников нельзя даже сравнить с той жизнью, которая была раньше.*

— Хорошо, я отвечу вам: в России построили собственную промышленность. Россия почти ни от кого не зависит, ни от кого не зависит. У России есть все свое, может быть, это дела-

лось за счет недовольства, за счет крестьян, за счет рабочих, и вполне возможно, что часть населения недовольна.

— *Но для рабочего ничего не сделано. Ведь всегда говорят: армия крестьян и рабочих.*

— Да, но, видите ли, эта самостоятельность ведь для них; самостоятельность — это значит собственная промышленность, собственная промышленность, а собственная промышленность — это все, все. Для них это делается, ибо плоды всего этого имеются уже сейчас частично, а недовольны потому, что у нас все это делается поспешно, у нас не было достаточно времени. У нас не было времени для того, чтобы раскачиваться, у нас не было времени для того, чтобы претворить в действительность все то, что было создано, причем сделать это так, чтобы народ сам мог убедиться, на что тратились деньги, народ знает, на что шли деньги, на строительство.

— *Но я видел эти же самые места 26 лет тому назад, во время мировой войны. Тогда они выглядели более зажиточно. За 25 лет дома развалились; я знаю деревни, через которые я проезжал 25 лет назад, когда был солдатом, эти деревни сейчас пришли в упадок и обнищали. Как он может объяснить это?*

— Все, что вы здесь видите, — бедная страна, здесь крестьяне не живут так богато, как, скажем, на Украине, на Северном Кавказе, в Сибири. Там хорошая, самая лучшая земля. Обратитесь к этим крестьянам, когда вам удастся окончательно нас разбить. Спросите их, довольны ли они. Хорошо, вы хотите, чтобы я вам ответил. 1. Война, в которую Россия была втянута англичанами и французами в 1914 году, эта война настолько ослабила Россию, что мы были совершенно разорены.

— Неверно будет говорить о 20 годах строительства. Не было собственных кадров, не было технической интеллигенции, профессоров, учителей, за 10 лет нужно было построить промышленность и создать кадры. Разве это богатая интеллигенция? Что это за интеллигенция? Я говорю о среднем слое интеллигенции, об учителях, крупных инженерах — это одно дело, другое дело — средние командиры и инженеры, которых в России было мало. Очень мало! За 10 лет нужно было все это создать! Россия не имела никакой интеллигенции, никакой!

— *Поскольку он является инженером-офицером, он тоже причисляет себя к интеллигенции?*

— Да, я причисляю себя к ней.

— *Теперь вопрос военного характера. После того, что вы теперь узнали о немецких солдатах, вы все еще думаете, что у вас имеются какие-либо шансы оказать силами Красной армии такое сопротивление, которое изменило бы ход войны?*

— Видите ли, у меня нет таких данных, так что я не могу сказать, имеются ли какие-либо предпосылки. И все же я лично думаю, что борьба еще будет. У меня нет данных, имеет ли советское правительство возможности для продолжения борьбы или, по крайней мере, для изменения создавшегося положения. У меня нет данных, но все же, я думаю, что борьба еще будет.

— *Он сам только что сказал, что его дивизия считается одной из лучших. За несколько дней она была целиком разбита. Это должно было заставить его призадуматься, и он должен уяснить себе, что и в будущем ничего не изменится.*

— Другие так говорили, когда я в этом году познакомился с дивизией, я познакомился с ней сравнительно недавно. Откровенно говоря, я так не думаю, почему я должен так думать, почему, только потому, что я сказал вам, что мне не нравилось командование корпуса, в который входила моя часть. Оно мне не нравилось, потому что действовало невероятно глупо, невозможно. Глупее нельзя!

— *Да, но, однако, следует предположить, что и в других корпусах дело обстоит не лучше и не будет обстоять лучше, а поэтому дальнейший ход войны не изменится.*

— Этого я не могу сказать, я этого не знаю, не все генералы одинаковы.

— *Знает ли он, где стоит теперь наша армия? Не именно на этом участке, а на севере и на юге, знает ли он, что мы уже находимся в Киеве. Как, по его мнению, сложится обстановка, если мы в скором времени войдем в Москву, а администрация и правительство убегут оттуда, что тогда будет с московским населением?*

— Я знаю, что вы находитесь недалеко от Москвы.

— *Он только что сам сказал, что он знает, что мы находимся под Москвой, на подступах к Москве, он ведь должен представить себе, что произойдет, когда Москва будет наша.*

— Хорошо, я вам отвечу откровенно, я не могу себе этого представить.

— *Как же он считает это возможным?*

— Разрешите задать вам контрвопрос? А что, если вы будете изолированы?

— *Известно ли ему о таких случаях во время войны?*

— Видите ли, по-моему, это невозможно, то есть в настоящее время у меня нет никаких данных. Что касается моего мнения по данному вопросу, то были случаи, когда ваши прорвавшиеся корпуса окружались и уничтожались. Такие случаи были.

— С 22-го я, так сказать, изолирован от столицы и потерял с ней всякую связь. То, что я знаю, я знаю от знакомых.

— *Известно ли ему, что Англия заключила с красным правительством союз, и думает ли он, что Англия будет помогать красному правительству?*

— Видите ли, по радио сообщали, мы слышали это по радио, другой информации у меня нет, по радио передавали, что Советский Союз и Англия заключили союз. Я слышал только по радио, что Советский Союз и Англия заключили союз. Вы спрашиваете меня, окажет ли Англия помощь. Я не знаю, по-моему, Англия пока никому еще не оказывала никакой помощи.

— *Известно ли ему, что Финляндия, Румыния, Венгрия и Словакия также объявили войну Советскому Союзу?*

— Все это ерунда (смеясь). Главное — это Германия.

— *А знает он, что даже Франция порвала дипломатические отношения с Советской Россией?*

— Об этом передавали, я слышал это по радио.

(Провокационный вопрос.)

— *Что он скажет о вступлении Японии в войну?*

— Я могу только сказать, что будет плохо, больше ничего, что я могу еще сказать...

— *Зная о том, что весь мир, вся Европа стоит против России, надеется ли он все же, что война примет другой оборот?*

— Я могу откровенно сказать то, что думаю. Мне не хотелось бы думать об этом, мне неприятно об этом думать, но что поделаешь, факт, конечно, неприятный, но с ним следует считаться. Вы говорите: вся Европа, вся Европа не стоила бы ломаного гроша, если бы не было Германии. Что за значение может иметь Венгрия, Финляндия и т. д., что это вообще за государства, все это чепуха, главное — это Германия.

— *Известна ли ему позиция национал-социалистской Германии по отношению к еврейству и знает ли он, что теперешнее красное правительство главным образом состоит из евреев? Считает ли он, что русский народ когда-либо выскажется против евреев?*

— Все это ерунда; болтовня, они не имеют никакого влияния, напротив, я лично, если хотите, я сам могу вам сказать, что русский народ всегда питал ненависть к евреям.

— *А почему ненавидят комиссаров и евреев в тех городах и селах, через которые мы прошли. Люди постоянно говорят: евреи — наше несчастье в красной России.*

— Что я должен вам ответить? О комиссарах скажу позднее, о евреях я могу только сказать, что они не умеют работать, что

евреи и цыгане одинаковы, они не хотят работать. Главное, с их точки зрения, — это торговля. Некоторые евреи, живущие у нас, говорят даже, что в Германии им было бы лучше, потому что там разрешают торговать. Пусть нас и бьют, но зато нам разрешат торговать. У нас не разрешается торговать, если ты хочешь, можешь учиться, если ты хочешь, можешь работать, но он не хочет работать, он не умеет, он или занимается торговлей, или же хочет стать инженером, а быть рабочим, или техником, или же крестьянином он не хочет, поэтому их и не уважают.

— *Известно ли ему, что в Германии изгнали евреев из торговли, науки, искусства, медицины и др. мест, которыми они завладели?*

— Да, я знаю это, я знаю, знаю. Я хочу сообщить вам еще один факт. Слышали вы, что в Советском Союзе имеется еврейская область Биробиджан. На границе между Маньчжоу-Го и СССР имеется автономная еврейская область, там не осталось ни одного еврея, остались одни русские. Они не умеют, они не хотят работать.

— *Известно ли вам, что вторая жена вашего отца тоже еврейка? Ведь Кагановичи евреи?*

— Ничего подобного. Она была русской. Да, Каганович еврей. Да. Жена моего отца? Все это слухи, что вы там говорите. Ничего общего. Никогда. Нет, нет, ничего подобного! Ничего подобного. Что вы там говорите? Никогда в жизни ничего подобного не было! Его первая жена грузинка, вторая — русская. Все!

— *Разве фамилия его второй жены не Каганович?*

— Нет, нет! Все это слухи. Чепуха.

— *На ком женат теперь его отец?*

— Кто? Нет, он... Его жена умерла в 1934 году (Н. С. Аллилуева умерла 8.11.1932, похоронена в г. Москве на Новодевичьем кладбище. — Ю. М.). Аллилуева. Она русская, настоящая русская, русская из Донбасса. Нет, что вы хотите; ведь человеку 62 года, он был женат. Сейчас, во всяком случае, нет.

— *Поддерживал он связь со своим отцом до начала войны? Есть ли у него еще сестры и братья?*

— Нет, никакой, то есть я уехал 22 июня. До 22-го мы встречались, как обычно.

— *Он единственный сын?*

— Нет, я старший сын.

— *Есть у него братья?*

— У меня есть брат и сестра.

— *Чем занимается его брат? Он тоже солдат?*

— Я не знаю, он должен был поступить в авиацию, он хотел поступить, но в настоящий момент я не знаю. Пошел он или не пошел — точно я не знаю!

— *Сколько ему лет?*

— Он молодой, ему 20 лет, 21-й год!

— *Каково его мнение по вопросу о том, что гражданское население, и прежде всего красных комиссаров, призывают сжигать все те места, которые они оставляют, сжигать все запасы. Это же вызовет голод, это же ужасное бедствие, которое постигнет все советско-русское население.*

— Видите ли, я не Советский Союз, точнее, я только гражданин Советского Союза, поэтому я не могу ничего сказать. Может быть, вас интересует мое личное мнение. Когда Наполеон вошел в Россию, делалось то же самое.

— *Считает он это правильным?*

(Продолжительная пауза).

— Скажу откровенно, я считаю это правильным.

— *А почему именно?*

— Почему не говорить об этом? Потому что мы враги, правда? Зачем скрывать? Если мы враги, значит, надо бороться, а в борьбе все средства хороши. Мы ведь говорили о том, что парашютисты, например, да, парашютисты, действуют в тылу. Ваши и наши. Ваши, скажем, действуют у нас. Ну, враги — это враги, вот и все! Что тут скрывать. Было бы смешно скрывать это.

— *Но эта мера направлена все же прежде всего против народа.*

— Я этого, конечно, не отрицаю.

— *Думает ли он, что правительство сделает с Москвой то же самое, что было сделано во времена Наполеона?*

— Я не могу сказать, я не в курсе дела, не знаю этого.

— *Думает ли он, что эти мероприятия смогут задержать продвижение немцев?*

— Я действительно этого не знаю, я не могу этого сказать.

— *Счел ли бы он правильным, если бы красное правительство подожгло Москву и промышленные предприятия?*

— Я считаю любое средство в борьбе хорошим, в борьбе все средства хороши! Борьба есть борьба, так я считаю.

— *Да, но ведь это же самоуничтожение вообще.*

— Почему это так естественно, что вы возьмете Москву? Почему вы убеждены в том, что непременно возьмете Москву? Вы очень уверены, очень!

— *Что он скажет на то, что население Москвы, женщины, мужчины, дети и всех вообще призывают принять участие в борьбе, это же будет стоить невероятных жертв.*

— Это я слышу только от вас, слышу только сегодня. Впервые это слышу! Вы хотели сказать ополчение? Всей Москвы? Вот что я вам скажу. Прошло 6-7 дней с тех пор, как мы фактически были разбиты, 16-го мы имели с вами последнее сражение, в нем участвовали остатки нашей дивизии. Таким образом, я примерно с 10 по 16 не имел никаких сведений, только слухи, разговоры и тому подобное. Я не знаю!

— *Известно ли ему о речи, произнесенной по радио его отцом?*

— Впервые слышу. И никогда не слыхал о таких вещах, никогда не слыхал!

— *Известно ли вам о формировании женских батальонов, один из них был нами взят в плен на финском фронте. Думает ли он, что Москву действительно будут защищать или же она будет объявлена открытым городом?*

— Я действительно ничего не могу сказать, я отрезан от событий, я совершенно ничего не могу сказать.

— *Что же сказал ему отец напоследок, прощаясь с ним 22 июня?*

— Иди, воюй!

— *Известно ли ему, что мы нашли письма, в которых говорилось, что друзья надеются свидеться вновь этим летом, если не состоится предполагаемая прогулка в Берлин этой осенью?*

— 11 июня 1941 года (Читает письмо и бормочет про себя: «Черт возьми!»).

— *Разрешите, я кратко передам содержание этого письма для тех, кто его не читал. В этом письме, представляющем собой переписку двух русских офицеров, имеется следующая фраза: «Я прохожу испытания как младший лейтенант запаса и хотел бы осенью поехать домой, но это удастся только в том случае, если этой осенью не будет предпринята прогулка в Берлин. Подпись: Виктор, 11.6.41».*

Что он скажет на это письмо?

— Я хочу сказать, вы хотите сказать, что из этого письма якобы видно, что положение было таково, что Советский Союз хотел раньше объявить войну, чем напала Германия. Не правда ли, так нужно понимать это письмо!

— *Имеются ли основания к этому? Действительно ли были такие намерения?*

— Нет, не думаю.

— *Если бы красное правительство было так называемым миролюбивым правительством, почему же оно так вооружалось; Германия была вынуждена вооружаться, так как другие страны тоже вооружались и ей нужно было защищать*

свою страну. Советское правительство называет себя раем крестьян и рабочих! Зачем же они вооружались, если они говорят, что настроены миролюбиво и их не интересует политика других стран. Может быть, Советский Союз думал, что ему придется занять оборону и что на него нападет какая-нибудь страна?

— Так. (Продолжительная пауза). Могу сказать то, что я думаю. Я изложу мою личную точку зрения. Очевидно, существовало предположение, что Германия может напасть, а для того, чтобы предотвратить это, нужно было быть готовыми.

— *Разве не бросается в глаза, что на всех знаках Советского Союза, на глобусе изображен серп и молот? Видел ли он когда-либо, чтобы национал-социалистская Германия изготовила глобус со свастикой? Свастика и национализм — это понятия, принадлежащие одной Германии, и должны быть действительны только для Германии. Почему же Советский Союз всегда изображал земной шар с серпом и молотом? Он ведь должен был указывать на мировое господство красного правительства.*

— И все же он повсюду прокладывает себе дорогу. Факт остается фактом. Ведь вы первые напали, правда? Не Советский Союз первым напал на Германию, а Германия напала первой! Мне говорят будто бы есть такая речь Сталина, в которой говорится, что если Германия не нападет первой, то это сделаем мы. Я никогда не слышал ничего подобного! Никогда не слышал! Никогда не слышал! Это я могу сказать. Я не знаю.

— *Известно ли вам, что красное правительство пыталось вести работу против Германии в Болгарии и во всех балканских странах?*

— Мне известно только из газет, что Англия занималась подстрекательством против Германии. А Болгария... Из вашей прессы мне известно, что Англия пыталась заниматься подстрекательством и действительно этим занималась. Она подстрекала против вас Югославию, Грецию. Однако также известно, что, например, в Финляндии Германия больше старалась натравить финнов против России, чем, например, Россия подстрекала Болгарию против Германии. Насчет Болгарии все это выдуманно, трудно сказать.

— *Я хотел бы знать еще вот что! На нем ведь сравнительно неплохая одежда. Вozил он эту гражданскую одежду с собой или получил ее где-нибудь. Ведь пиджак, который сейчас на нем, сравнительно хороший по качеству.*

— Военный? Тотот? Нет, это не мой, это ваш. Я уже вам сказал, когда мы были разбиты, это было 16-го, 16-го мы все разбегались, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули

меня. Не знаю, может быть, вам это и неинтересно, я расскажу вам об этом более подробно! 16-го приблизительно в 19 часов, нет, позже-позже, по-моему, в 12, ваши войска окружили Лясново. Ваши войска стояли несколько вдалеке от Лясново, мы были окружены, создалась паника, пока можно было, артиллеристы отстреливались, отстреливались, а потом они исчезли, не знаю куда. Я ушел от них. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его. Его не было. В это время ваши войска стали обстреливать остатки нашей 14 танковой дивизии. Я решил поспешить к командиру дивизии, чтобы принять участие в обороне. У моей машины собрались красноармейцы, обозники, народ из обозных войск. Они стали просить меня: «Товарищ командир, командуй нами, веди нас в бой!». Я повел их в наступление. Но они испугались, и, когда я обернулся, со мной уже никого не было. Вернуться к своим уже не мог, так как ваши минометы открыли сильный огонь. Я стал ждать. Подождал немного и остался совсем один, так как те силы, которые должны были идти со мной в наступление, чтобы подавить несколько ваших пулеметных гнезд из 4-5 имевшихся у вас, что было необходимо для того, чтобы прорваться, этих сил со мной не оказалось. Один в поле не воин. Начало светать, я стал ждать своих артиллеристов, но это было бесполезно, и я пошел дальше. По дороге мне стали встречаться мелкие группы, из мотодивизии, из обоза, всякий сброд. Но мне ничего не оставалось, как идти с ними вместе. Я пошел. Все начали переодеваться, я решил этого не делать. Я шел в военной форме, и вот они попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать с самолета, а следовательно, и их будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались. Я решил присоединиться к одной из групп. По просьбе этих людей я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку, я решил идти вечером к своим. Да, все это немецкие вещи, их дали мне ваши, сапоги, брюки. Я все отдал, чтобы выменять. Я был в крестьянской одежде, я хотел бежать к своим. Каким образом? Я отдал военную одежду и получил крестьянскую. Ах нет, боже мой! Я решил пробиваться вместе с другими. Тогда я увидел, что окружен, идти никуда нельзя. Я пришел, сказал: «Сдаюсь». Все!

— Я хотел бы спросить еще одну вещь! Женат он или еще холостяк?

— Да, я женат.

— Хочет ли он, чтобы его жену известили о том, что он попал в плен?

— Не нужно. Если вы можете исполнить мою просьбу, не надо.

— *Есть у него семья, дети?*

— *Одна дочь.*

— *Сколько лет дочери?*

— *3 года.*

— *Почему он не хочет, чтобы его семья знала о том, что он в плену? Может быть, он думает, что семья из-за этого страдает?*

— Я, собственно говоря, ничего не думаю. Если хотите, сообщите, не хотите, не надо. Что тут сообщать? Пожалуйста, сообщайте, мне все равно.

— *Разве это позор для солдата попасть в плен или же он думает, что его семья будет иметь из-за этого неприятности?*

— Нет, никаких неприятностей, мне стыдно, мне!

— *Да, но ведь после войны он снова вернется домой. Тогда ему придется стыдиться всю жизнь. С солдатом ведь всегда может случиться, что он попадет в плен, будучи ли ранен или просто как храбрый солдат.*

— Мне стыдно перед отцом, что я остался жив.

— *Но ведь не только перед отцом, но и перед женой!*

— Жена — это безразлично.

— *Разве его не беспокоит, что жена беспокоится о нем. Может быть семейная жизнь в России настолько безразличная вещь, что он даже не ощущает потребности известить своих близких, как это делает немецкий солдат, попадая в плен.*

— Нет, она мне не безразлична, я ее очень уважаю, я очень люблю ее!

— *Если он не даст о себе знать, то его жена будет думать, что он умер. Разве это ему безразлично?*

— Скажите, почему это вас так интересует?

— *Нас это интересует как солдат, когда мы, солдаты, попадаем в плен, то у нас всегда бывает желание известить своих близких, потому что у нас брак и семейная жизнь играют большую роль, для нас это исключительно важно, в противоположность красной России.*

— Нет, там уже знают, что я или умер, или попал в плен, точно не знают, но там известно, что моя дивизия разбита, что я или умер, или взят в плен.

— *Имеет ли он намерение написать домой?*

(Продолжительная пауза).

— Конечно, мне хочется, я этого не отрицаю.

— *Не будет ли он возражать, если мы сообщим по радио о его пленении, с тем чтобы его семья и его жена узнали, что сын жив, или он думает, что отцу это безразлично?*

— Нет, по радио не нужно.

— Почему? Потому что его отец занимает самый высокий пост в правительстве или же он думает, что отец заклеят его позором?

— Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне, которые хотели меня выгнать. Они не знали точно, кто я. Я им этого не сказал. Они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

— Его товарищи помешали ему что-либо подобное сделать, или и они причастны к тому, что он живым попал в плен?

— Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: «Уходите». Я просто зашел в избу. Они говорили: «Уходи сейчас же, а то мы донесем на тебя!». Они уже начали мне угрожать. Они были в панике. Я им сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы. Выхода не было. Итак, человек должен бороться, до тех пор пока имеется хотя бы малейшая возможность, а когда нет никакой возможности, то... Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом.

— После того как он попал в плен, с ним обращались хорошо, или же он хочет пожаловаться на что-нибудь, или же он твердо убежден теперь в том, что со всеми пленными обращаются так же, как и с ним.

— Нет, со мной обращались хорошо, я ничего не могу сказать. Мои сапоги понравились людям, но я не сержусь, ведь это, в конце концов, трофеи, пожаловаться я не могу.

— Но он ведь снял свои вещи?

— Да, сапоги с меня сняли.

— Может быть, его просто обыскали, чтобы посмотреть, нет ли в сапогах оружия?

— Нет, не «может быть», а точно, сапоги отобрали.

— Он, должно быть, сам снял сапоги, когда надевал другие брюки?

— Нет, когда я пришел и сдался в плен, я был в крестьянской одежде и в сапогах, но на следующее утро сапоги у меня забрали. Мне было немного неприятно, но я не так уж сердился. Раз взяли, значит, взяли.

— Как он сейчас одет?

— Сапоги мне дали, эти, конечно, хуже, но для меня они лучше, потому что не жмут.

— Но он ведь говорил, что получил хорошие вещи.

— Очень, очень много!

— Известно ли ему, что красное правительство сбрасывает листовки и думает ли он, что эти листовки побудят

немецкого солдата перебежать на сторону красного правительства, на сторону Красной армии?

— А если я вам задам такой же вопрос, будут ли иметь ваши листовки успех в Красной армии или нет? (Я очень прошу меня не фотографировать.)

— *Почему он не хочет, чтобы его фотографировали? Может быть, он думает, что снимок будет опубликован?*

— Фотографируют всегда в самых безобразных позах. Я не потому это говорю, что всегда нужно сниматься только в красивых позах. Не потому я это говорю, но мне это не нравится, я вообще этого не люблю.

— *Какое впечатление произвели поражения Красной армии на солдат и офицеров?*

— Конечно, это понижает настроение. Это неприятно.

— *Может быть, ему известно, какое количество самолетов потеряла уже Красная армия?*

— Нет.

— *Свыше 7000!*

— А сколько же вы потеряли?

— *Мы не потеряли и 200.*

— Простите, я этому не верю.

— *Разве он не видел аэродромов с разбитыми русскими самолетами?*

— Тех, которые находятся на границе, я не видел. Мы работали на линии Витебск — Лясново, здесь я тоже не видел.

— *Сильно ли он верит в остатки красной авиации. Сюда же не залетает ни один самолет.*

— Видите ли, я этих остатков не вижу, откровенно говоря, я в них верю.

— *Да, но как же так, разве так бывает, что сначала дают себя избить до полусмерти, а потом говорят, что я еще жизнеспособен. Это ведь несколько необычно.*

— Правильно, но почему-то все же в это не верится.

— *Скажите ему, пожалуйста, что он переночует в соседнем доме, а утром будет отправлен дальше.*

— Хорошо, а куда меня отправят, разрешите спросить?

— *Он будет помещен в лагерь для военнопленных офицеров, так как он офицер. Может быть, он хочет написать домой привет, его письмо дойдет быстрее, чем через женеvский Красный Крест. Или, быть может, он думает, что его жена убежит вместе с красным правительством?*

— Может быть, может быть!

— *Думает ли он, что отец возьмет с собой его жену?*

— Может быть, да, а может быть, нет.

— *Не хочет ли он послать пару строк жене?*

— Я вам очень благодарен за любезность, но пока в этом нет необходимости.

— *Еще один вопрос, г-н майор! Не создается ли у него впечатления, что многое из того, что ему раньше говорили и что делалось в Советском Союзе, на деле окажется совсем по-другому и что многие, собственно говоря, были обмануты.*

— Разрешите мне ответить на это позже, в настоящий момент мне не хочется отвечать.

— *Не правда ли, трудный вопрос? Многие командиры, которые были взяты в плен, в том числе и высшие офицеры, говорили, что у них как бы завеса упала с глаз и они теперь видят, куда вела их вся система.*

Капитан Реушле».

(АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1554. Л. 8–39. Заверенная копия перевода. Л. 40–73. Подлинник.)

* * *

*Главное командование Армии
Отдел разведки и контрразведки
Лагерь для военнопленных, 19.7.1941*

Тема: Допрос русского старшего лейтенанта Джугашвили (старший сын Сталина).

17.7.41 в 19-00 был взят в плен среди идущей на восток толпы гражданских лиц, вскоре опознанных как русские солдаты (в месте дислокации 19-й танковой дивизии [немецкой] в районе Лиозно), некий старший лейтенант, на которого его земляки указали как на сына Сталина. На допросе он сообщил следующее:

Его зовут Яков Джугашвили, родился в 1908 году как старший сын Сталина и его первой жены Екатерины Сванидзе (грузинка) и воспитывался у своего деда, поскольку мать умерла вскоре после его рождения. Своего отца он увидел только в 1921 году после победы революции и затем жил у него и его второй жены. Он изучал технику до 1935 года (специальность — турбиностроение) и стал инженером на электростанции автозавода «ЗИС» в Москве. Он был женат и жил со своей женой где-то в Москве. Политикой он не занимался, поскольку его профессия занимала все его время.

Следуя тенденции времени, в 1938 году он сменил свою профессию и поступил в военную артиллерийскую академию (так в тексте. — М. С.) в Москве, которую он досрочно закончил 4.5.41 старшим лейтенантом (обычный курс длится 5 лет). Он был направлен в расквартированный в Москве 14-й артиллерийский полк 14-й танковой дивизии, с которой он

вскоре после начала войны прошел к Витебску за три суточных перехода. 14-я бронетанковая дивизия вместе с 18-й бронетанковой дивизией и 1-й мотострелковой механизированной дивизией входила в 7-й механизированный корпус.

Под Витебском они 6 и 7 июля интенсивно продвигались вперед и, по его мнению, намеревались окружить немецкие танковые части, но были разбиты немецкими пикирующими бомбардировщиками. После тяжелых потерь дивизия, которая с этого времени была подчинена 20-й Армии, отступила и 14-15 июля под Лиозно была уничтожена. Он раздобыл себе гражданскую одежду и намеревался с другими товарищами перейти линию фронта, но был взят в плен. Используя этот случай, немецкие солдаты сняли с него сапоги.

Хотя он уверял, что часто видел своего отца в период времени незадолго до начала войны, он не смог высказаться о его политических и военных планах. Он предполагал, что с военной точки зрения план был в том, чтобы окружить и разгромить немецкие танковые соединения, которые, как считалось, далеко оторвались от своей собственной пехоты. Они считали, что вполне справятся с немецкими бронетанковыми войсками, но немецкая военная авиация сделала осуществление этих планов невозможным. О том, почему русские ВВС их не поддержали, он не смог высказаться, но, по его мнению, дело еще дойдет до тяжелых боев. На замечание о том, что подавляющее количество русских дивизий разгромлено, а сформировать новые соединения после столь больших материальных потерь вряд ли возможно, он дал ответ, что не может дать оценку дальнейшему развитию вещей.

С политической точки зрения он решительно придерживался общего тезиса о том, что Германия начала войну, и он, как и все другие, был совершенно ошарашен этим.

На вопрос, почему русские якобы убивают немецких военнопленных, он с негодованием ответил, что не считает это возможным; сам он, во всяком случае, видел своими глазами, как хорошо обращались с пленными, и он считает абсолютно невозможным, что существует приказ такого рода.

Детальные сведения о бронетанковых войсках он привести не смог. Он сказал, они ими гордятся, поскольку они показали себя на деле, особенно танки КВ со 152-мм гаубицей в поворотной бронированной башне, которые он оценил в 50 тонн или тяжелее. Когда они были приняты на вооружение и использовались ли они в финском походе, сообщить он не смог.

В дополнение к вопросу об идентичности: известно, что Сталин приблизительно в период 1903–1908 находился в

первом браке и имеет от этого брака сына, возраст которого около 35 лет, и он работает инженером на заводе, кроме этого, сын ведет свою собственную совершенно далекую от политики жизнь. Какое-либо значение его персоне в Советском Союзе не приписывается. По показаниям можно допустить, что речь действительно идет о старшем сыне Сталина.

Старший лейтенант (подпись).

http://www.solonin.org/doc_protokolyi-doprosa-yakova

* * *

г. Подольск. Ф.208.0П 2526, Д 22, л. 190–192

Начальнику ГПУ КА армейскому

Комиссару I ранга т. Мехлис

ДОНЕСЕНИЕ ПУ ЗАПАДН. ФРОНТА

Доношу о розысках ст. л-та Джугашвили Я. И.

Тов. Джугашвили был приказом НКО назначен командиром 6 батареи, 2-го дивизиона 14 ГАП 14 Т. Д. Назначение произошло в конце июня, перед отправкой на фронт.

Сначала командир АП пытался оставить тов. Джугашвили Я. И. на работе в штабе полка, но он упорно настаивал, чтобы его использовали командиром батареи согласно приказу. Тов. Джугашвили даже обращался по этому вопросу к комиссару полка — просил ускорить дело с принятием батареи.

По прибытии в местечко Лиозно тов. Джугашвили принял батарею и 6-7 июля вел бой с фашистами в районе р. Черногостница.

Тов. Джугашвили Я. И. проявил себя как грамотный и бесстрашный ком-р, метко уничтожал вражескую артиллерию. Затем он получал боевое задание выйти в район Монтово для наступления в направлении Сенно. Здесь также батарея т. Джугашвили поддерживала МСП.

Позднее батарея снова отошла в р-н Лиозно. Батарея т. Джугашвили по приказу командира отводилась первой. При отходе частей батареи была подвергнута бомбежке нацистской авиации.

В это время т. Джугашвили Я. И. был встречен начальником особого отдела дивизии тов. Черетухиным, который предложил т. Джугашвили ехать с ним на машине. Поступил отказ, при этом было заявлено, что: «Я буду отходить вместе со своей батареей». На шоссе Орша-Витебск командир дивизии п-к Васильев приказал начальнику арт. соединения привести т. Джугашвили в район сосредоточения Лиозно. Приказ был выполнен. 13 июля по приказу командующего 13 А два батальона МСП с остатками ГАП переданы в подчинение 34 СК с задачей наступать на Витебск. 14 июля фашистские бандиты обошли

эту группировку с севера и заняли Лиозно, отрезав отход этой группировке на восток. Вся эта группировка вела бои в окружении под командованием начальника штаба 14... а затем под командованием генерала Хмельницкого.

Выход из окружения начался с 16 по 17 июля совместно с 153 СД. Политрук 6 бат. тов. Васкотович находился также в окружении, рассказывает: в боях 14 июля он находился на ОП батареи и т. Джугашвили больше не видел, очевидно, он находился на Н. П. с к-ром дивизиона т. Сотниковым, которого также нет в плену.

21.7. на поиски т. Джугашвили была послана группа мотоциклистов во главе со ст. политруком т. Гороловым. Он по дороге в районе озера Касимя встретил красноармейца Попуридзе, от которого узнал, что т. Джугашвили выходил с ним вместе. Они вместе закопали свои документы, переоделись в гражданскую одежду. Дойдя до озера Кас...т, Джугашвили сказал Попуридзе, чтобы тот шел вперед, а сам он решил отдохнуть (в этом районе фашистов не было). Этот красноармеец прибыл в дивизию с этими сведениями, вернулся отряд мотоциклистов, считая, что тов. Джугашвили прибудет в дивизию сам.

22.7. Об этом факте было сообщено зам. нач. ПО 16А и комиссару штаба 16 А.

23.7. Группа командиров командного отдела штаба 16 А выехала на розыски т. Джугашвили, одновременно были поставлены посты по дороге.

25.7. На розыски т. Джугашвили выехали работ. 00 фронта. Результатов от группы не поступило, розыски продолжались.

22.7. Видели не переправе южнее г. Ярцево человека в гражданской одежде, похожего на т. Джугашвили. Эти данные тщательно проверились, принимались все меры к быстрому розыску т. Джугашвили.

Начальник ПУ Запад. Фронта, Бригадный комиссар А. Румянцев.

* * *

*ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованного РЕЙШУЛЕ Вальтера.
От 5-го декабря 1946 года.*

гор. Берлин.

Допрос начал в 10 ч. 00 мин.

ВОПРОС: Когда, где и при каких обстоятельствах вы допрашивали Якова ДЖУГАШВИЛИ?

ОТВЕТ: Примерно около 10 июля 1941 года я был вызван к полковнику ВЕНХЕР — командующему разведыватель-

ной авиацией при 4-й армейской группировке на Восточном фронте. В отделе I-Ц разведывательной авиации группы мне сказали, что на переднем крае пехотными частями взят в плен сын СТАЛИНА и что его прибытие ожидается самолетом на аэродром ставки генерал-полковника фон КЛЮГЕ.

Сотрудник отдела I-Ц в звании майора (фамилии его в настоящее время не помню) сказал мне, что допрос Якова ДЖУГАШВИЛИ должен будет состояться утром следующего дня, а вечером полковник ВЕНХЕР будет допрашивать Якова ДЖУГАШВИЛИ по вопросам, не касающимся военного характера.

В отделе I-Ц мне, как имеющему опыт обращения с крупными людьми, поручили руководить организацией допроса. Я заявил, что это для меня не ново и такой допрос мною будет проведен.

Допрос Якова ДЖУГАШВИЛИ должен был состояться по принципу — побольше дать возможности говорить допрашиваемому и меньше ведущему допрос.

Приглашенный в качестве переводчика зондерфюрер, по национальности эстонец, заявил, что он не может перевести полностью длинный текст речей и не может ручаться за точность перевода.

После такого заявления переводчика я выдвинул предложение установить микрофон, но так, чтобы допрашиваемый не знал об этом. По моему приказанию люди из моей роты на столе, за которым впоследствии был допрошен Яков ДЖУГАШВИЛИ, установили микрофон, прикрыв его картой местности. Микрофон, в свою очередь, был соединен специальным аппаратом с магнитофоном, который фиксировал весь ход допроса на пленку.

В этот же день вечером Яков ДЖУГАШВИЛИ был доставлен с аэродрома в специально оборудованную для допроса комнату. После ужина я приступил к допросу Якова ДЖУГАШВИЛИ.

ВОПРОС: Кто кроме вас находился в комнате, где производился допрос Якова ДЖУГАШВИЛИ?

ОТВЕТ: Кроме меня в комнате, оборудованной для допроса Якова ДЖУГАШВИЛИ, находились: переводчик зондерфюрер, по национальности эстонец, полковник немецкой армии начальник оперативного отдела штаба ВЕНХЕРА — его фамилия начинается с буквы «Ю», имел титул граф, полковник ВЕНХЕР — командующий разведывательной авиацией, происходит из Вюртемберга, в 1936 году был командиром разведывательного авиационного подразделения в гор. Кепинге, офицер I-Ц штаба ВЕНХЕРА в звании майора, происходит из Силезии, крупный помещик, его фамилия начинается с буквы «И».

В этом же помещении находились и другие лица, но я сейчас не могу припомнить, кто именно.

ВОПРОС: В какой местности производился допрос Якова ДЖУГАШВИЛИ?

ОТВЕТ: Штаб командующего 4-й армейской группировкой на Восточном фронте генерал-полковника фон КЛЮГЕ в это время находился около шоссе Смоленск-Минск, в районе гор. Орша. Точное место припомнить не могу.

ВОПРОС: По каким вопросам вы допрашивали Якова ДЖУГАШВИЛИ?

ОТВЕТ: Якову ДЖУГАШВИЛИ мною и частично другими лицами были заданы следующие вопросы:

1. Действительно ли он является сыном СТАЛИНА, его имя, возраст, семейное положение, состав семьи, гражданская профессия и военное звание.

2. Когда был взят в плен.

3. Почему он в гражданском платье.

4. Не считает ли он рискованным для себя в гражданском платье появляться в расположении войск.

5. Что сказал ему отец, провожая в бой, и когда он видел его в последний раз.

6. Каково его мнение о приказе отца в отношении введения института военных комиссаров, приравненных в своих правах к правам боевых командиров.

7. Как он думает, что прикажет его отец, если немецкие войска подойдут к Москве. Даст ли приказ защищать Москву или объявит ее открытым городом.

8. Какое организационное положение колхозов, какова аграрная политика Советского Союза, существующий порядок распределения земли, доходов и настроение колхозников.

9. Почему в местности, где производится допрос, очень мало новостроек, нет шоссежных дорог и почему так бедно выглядит эта местность.

10. Как обращались с ним, когда он был взят в плен.

11. Каково влияние евреев в Советском Союзе.

12. Желает ли он сообщить что-либо отцу или жене о том, что он находится в плену, жив, здоров.

На вопрос о Москве Яков ДЖУГАШВИЛИ ответил: «А уверены ли вы, что подойдете к Москве. Во всяком случае, я уверен, что Москва будет защищаться. Вы никогда не победите Красную армию, ибо человеческие и материальные ресурсы Советского Союза неисчислимы».

Яков ДЖУГАШВИЛИ категорически отказался что-либо сообщить своим родным о том, что он находится в немецком

плону, и просил не делать этого никогда и ни при каких обстоятельствах.

ВОПРОС: Кто подготавливал вопросы для допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ?

ОТВЕТ: Все вопросы, заданные Якову ДЖУТАШВИЛИ, были подготовлены мною и частично майором из отдела 1-Ц и полковником из оперативного отдела. Меня, как руководителя роты информационной службы, безусловно, интересовали вопросы, которые я задавал Якову ДЖУТАШВИЛИ в ходе самого допроса.

ВОПРОС: Чем закончился первый допрос Якова ДЖУТАШВИЛИ?

ОТВЕТ: Перед концом допроса Яков ДЖУТАШВИЛИ спросил меня, какова его дальнейшая судьба. Ему было заявлено, что он будет направлен в лагерь для военнопленных офицеров вглубь Германии.

Уточняя, что присутствовавший на допросе фоторепортер из моей роты сфотографировал Якова ДЖУТАШВИЛИ во время допроса, на что он выразил категорический протест. После этого Яков ДЖУТАШВИЛИ был отведен в другой дом, где он провел ночь под охраной.

ВОПРОС: Когда и кем еще допрашивался Яков ДЖУТАШВИЛИ?

ОТВЕТ: На следующий день я получил распоряжение оборудовать в саду на открытом воздухе недалеко от виллы, где размещался фон КЛЮГЕ, место для допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ.

Выполняя это распоряжение, мои люди к столу, вкопанному в саду, провели микрофон так же незаметно для допрашиваемого, причем микрофон и на этот раз был соединен с магнитофоном специальной автомашиной, стоявшей неподалеку.

Я и переводчик находились в автомашине и фиксировали весь разговор с Яковым ДЖУТАШВИЛИ.

Спустя некоторое время после того, как место для допроса было оборудовано, я увидел Якова ДЖУТАШВИЛИ, который в сопровождении офицера из отдела I-Ц в звании майора штаба фон КЛЮГЕ и переводчика прогуливались в саду.

Через некоторое время немецкий офицер и Яков ДЖУТАШВИЛИ сели за этот стол. По существу, никакого допроса в этот раз не было, так как немецкий офицер все время распространялся о национал-социализме в Германии и его целях, Яков ДЖУТАШВИЛИ пытался прервать офицера, ведущего допрос, но последний, не обращая на это никакого внимания, продолжал говорить.

После того как офицер закончил этот разговор, он вместе с Яковом ДЖУТАШВИЛИ направился в виллу, в которой размещался генерал-полковник фон КЛЮГЕ.

Я хочу дополнить, что, перед тем как была совершена прогулка в саду, Яков ДЖУТАШВИЛИ был выведен также из виллы фон КЛЮГЕ. Из этого я заключаю, что Яков ДЖУТАШВИЛИ, возможно, допрашивался непосредственно фон КЛЮГЕ. Однако содержание этого допроса, если он имел место, я не знаю, так как на нем не присутствовал.

Впоследствии я разговаривал с одним из офицеров отдела I-II, который мне заявил, что Яков ДЖУТАШВИЛИ не дал никаких показаний, касающихся боевой мощи Красной армии.

В этот же день Яков ДЖУТАШВИЛИ самолетом был направлен в тыл Германии, но, куда именно, я не знаю.

ВОПРОС: Какова дальнейшая судьба Якова ДЖУТАШВИЛИ?

ОТВЕТ: Осенью 1942 года я прилетел в Берлин на совещание к командующему войсками пропаганды ОКВ — генералу фон ВЕДЕЛЬ. Во время совещания один полковник делал доклад об организации пропагандистской работы на фронте, демонстрируя при этом папку с листовками. На одной из листовок я увидел сфотографированных Якова ДЖУТАШВИЛИ и себя. В связи с этим я поинтересовался судьбой Якова ДЖУТАШВИЛИ. Не помню, кто из офицеров штаба генерала фон ВЕДЕЛЬ мне сказал, что Яков ДЖУТАШВИЛИ содержится в лагере военнопленных советских офицеров в гор. Ораниенбург.

ВОПРОС: Куда вы направили звукозапись с текстом допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ?

ОТВЕТ: Звукозапись всего допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ лично мною самолетом была доставлена в Берлин в радиодом, где семью квалифицированными русскими переводчиками она была обработана и откорректирована. После этого все документы, касающиеся допроса Якова ДЖУТАШВИЛИ, были сданы сотруднику штаба генерала фон ВЕДЕЛЬ, ведавшему вопросам радиовещания, — лейтенанту АДАМОВСКОМУ.

ВОПРОС: Кто такой АДАМОВСКИЙ и где он находится?

ОТВЕТ: АДАМОВСКИЙ Ойген работал в штабе генерала фон ВЕДЕЛЬ офицером радиопропаганды. Насколько мне известно из радиопередач, он был убит в Восточной Пруссии и по особому приказу Гитлера похоронен с военными почестями.

ВОПРОС: Командование немецко-фашистских войск на Восточном фронте в свое время распространяло ряд антисоветских листовок, в том числе и о Якове ДЖУТАШВИЛИ. Кто их изготовлял и по каким материалам?

ОТВЕТ: Я, как командир роты информационной службы, через своих подчиненных собирал ряд материалов, которые

после соответствующей обработки представлял в штаб генерала фон ВЕДЕЛЬ и по которым впоследствии составлялись листовки для распространения их среди военнослужащих Красной армии.

Документы, касающиеся допроса Якова ДЖУГАШВИЛИ, как я уже показал выше, лично мною были доставлены в штаб фон ВЕДЕЛЬ, и по ним были составлены листовки. Кто персонально их составлял, я не знаю.

ВОПРОС: Кто готовил листовку, в которой якобы Яков ДЖУГАШВИЛИ извещает своего отца о том, что находится в немецком плену?

ОТВЕТ: Я не знаю, кто написал текст этой листовки. Я могу лишь подтвердить, что во время допроса Якова ДЖУГАШВИЛИ лично при мне он не писал этого письма.

Перед тем как улететь в Берлин, из отдела 1-Ц мне передали письмо, написанное на русском языке, но, кто его изготовлял, я не знаю. Припоминаю, что это письмо мне вручил полковник ВЕНХЕР. Оно было вложено в незапечатанный конверт.

Допрос окончен в 16.00

Протокол допроса записан с моих слов верно, на немецком языке мне зачитан, его содержание полностью соответствует моим показаниям, в чем и расписываюсь.

Допросили:

НАЧАЛЬНИК 4 ОТДЕЛА ОПЕРСЕКТОРА г. БЕРЛИН

МАЙОР — (Коротя),

ЗАМ. НАЧ. 4 ОТДЕЛА ОПЕРСЕКТОРА г. БЕРЛИН

МАЙОР — (Чернышев)

Переводчик: (Зверев)

* * *

г. Берлин

14 сентября 1946 г.

В канцелярии не вскрывать

Совершенно секретно

Министру Внутренних Дел Союза ССР

только лично

генерал-полковнику

Товарищу Круглову С. Н.

Оперативным Сектором МВД гор. Берлина 10-го июля с.г. был арестован работник отдела «1-Ц» Главного штаба Центральной группы немецких войск — ГЕНСГЕР Пауль.

Будучи допрошенным, он показал, что в 1941 году в городе Борисове он в качестве переводчика участвовал на допросе старшего лейтенанта артиллерии ДЖУГАШВИЛИ Якова.

Допрос вел капитан отдела «1-Ц» доктор ШУЛЬЦЕ, работник 5 отдела Главного Управления Имперской Безопасности. После допроса ДЖУТАШВИЛИ был направлен в концлагерь Заксенхаузен.

В дальнейшем нами было установлено, что американцы в 1945 году арестовали более 15 работников лагеря Заксенхаузен. Поэтому была заявлена просьба передать их для дальнейшего следствия нам, так как лагерь Заксенхаузен находится на нашей территории. Американцы передали арестованных, в числе которых оказался комендант лагеря КАЙНДЛЬ полковник «СС» и командир охранного батальона Вегнер подполковник «СС».

В целях проверки показаний ГЕНСГЕРА был допрошен арестованный бывший командир охранного батальона «СС» дивизии «мертвая голова», охранявшего концлагерь, Заксенхаузен ВЕГНЕР Густав, 1905 года рождения, с высшим полицейским образованием, член фашистской партии с 1939 года.

На допросе ВЕГНЕР Густав показал, что в концлагере Заксенхаузен находился особый лагерь «А». В этом лагере содержались генералы и старшие офицеры Красной армии, английской и греческой армии.

В марте месяце 1943 года ВЕГНЕР шел по территории особого лагеря «А» вместе с комендантом концлагеря Заксенхаузен полковником «СС» — КАЙНДЛЬ, который обратил его внимание на барак № 2 и сказал, что в этот барак сегодня должны быть переведены из тюрьмы концлагеря два старших лейтенанта, один из которых является сыном Сталина, а второй родственником Молотова. (Фамилии вписаны от руки автором документа. — Ю.М.)

При этом приказал ему, чтобы в бараке вывесили правила поведения военнопленных на русском языке.

На следующий день действительно в барак № 2 были переведены генерал БЕССОНОВ, два подполковника и старшие лейтенанты ДЖУТАШВИЛИ Яков и КОКОРИН. Генерал-майор БЕССОНОВ у немцев был начальником школы диверсантов-подростков в гор. Познань, в настоящее время арестован и находится в Москве.

В последующем ВЕГНЕР несколько раз приходил в барак № 2 и спрашивал у старшего лейтенанта ДЖУТАШВИЛИ, какие он имеет просьбы к комендатуре лагеря. ДЖУТАШВИЛИ никогда ничего не просил, кроме газет, по которым интересовался положением на фронте. Свою фамилию ДЖУТАШВИЛИ никогда не называл. Держал себя всегда независимо и с некоторым презрением к администрации лагеря.

Далее ВЕГНЕР показал, что в конце 1943 года ему стало известно, что ДЖУГАШВИЛИ был убит часовым «при попытке к бегству». Подробностей убийства ВЕГНЕР якобы не знает, так как следствие по этому случаю велось по поручению ГИММЛЕРА.

В связи с такими показаниями нами был допрошен комендант концлагеря Заксенхаузен — КАЙНДЛЬ, полковник СС, член фашистской партии с 1937 года, который подтвердил, что действительно старший лейтенант ДЖУГАШВИЛИ в течение трех недель содержался в лагерной тюрьме, а затем по указанию ГИММЛЕРА был переведен в особый лагерь «А». Этот лагерь состоял из трех бараков, огороженных каменной стеной, и, кроме того, на расстоянии 2 метров от стены были поставлены 3 забора из колючей проволоки. Через один из них был пропущен ток высокого напряжения.

Как показал КАЙНДЛЬ, он каждую неделю входил в барак № 2 и интересовался заключенными.

Генерал БЕССОНОВ по заданию ГИММЛЕРА писал проект о реорганизации России по принципу Германии. КАЙНДЛЮ было известно, что БЕССОНОВ и два подполковника являлись агентами гестапо, работали более года под руководством немцев по разложению Красной армии, но в чем-то провинились, и поэтому их направили в концлагерь.

Старший лейтенант ДЖУГАШВИЛИ держал себя замкнуто, ни с кем не разговаривал, в том числе и с генералом БЕССОНОВЫМ, и никаких просьб к администрации лагеря не заявлял, но весьма интересовался положением на фронте.

КАЙНДЛЬ один раз по просьбе ДЖУГАШВИЛИ, кроме газет, дал карту с обозначением положения частей Красной армии и немецкой армии. ДЖУГАШВИЛИ долго и внимательно рассматривал карту.

Относительно убийства ДЖУГАШВИЛИ КАЙНДЛЬ показал, что в конце 1943 года старший лейтенант ДЖУГАШВИЛИ был убит часовым при следующих обстоятельствах.

Арестованные барака № 2 были на прогулке около барака. В 7 часов вечера ССовец ЮНГЛИНГ, наблюдавший за ними, приказал зайти в барак, и все пошли. ДЖУГАШВИЛИ не пошел и потребовал коменданта лагеря. ССовец ЮНГЛИНГ повторил свое приказание, но ДЖУГАШВИЛИ отказался его выполнить. Тогда ССовец сказал, что пойдет звонить по телефону коменданту КАЙНДЛЮ. Во время разговора по телефону ЮНГЛИНГ сказал КАЙНДЛЮ, что слышит выстрел, и повесил трубку. В это время, как показывает КАЙНДЛЬ, происходило следующее:

ДЖУГАШВИЛИ, идя в раздумье, перешел через нейтральную тропу к проволоке. Часовой взял винтовку наизготовку и крикнул «стой». ДЖУГАШВИЛИ продолжал идти. Часовой крикнул «стрелять буду».

После этого окрика ДЖУГАШВИЛИ начал ругаться, схватился руками за гимнастерку, разорвал ворот, обнажил грудь и закричал часовому: «Стреляй». Часовой выстрелил в голову и убил ДЖУГАШВИЛИ.

Арестованный КАЙНДЛЬ, чтобы оправдаться в расстреле ДЖУГАШВИЛИ, на допросе добавил, что ДЖУГАШВИЛИ одновременно с выстрелом часового схватился за проволоку высокого напряжения и сразу же упал на первые два ряда колючей проволоки.

В таком положении убитый ДЖУГАШВИЛИ по указанию КАЙНДЛЯ лежал 24 часа, пока не поступило распоряжение ГИММЛЕРА снять труп и отвезти на исследование в лагерный крематорий. Затем в крематорий приехали два профессора из Имперской Безопасности, которые составили акт о том, что ДЖУГАШВИЛИ убит ударом электрического тока высокого напряжения, а выстрел в голову последовал после. Вместе с этим в акте было записано, что часовой действовал правильно, согласно инструкции.

После заключения профессоров тело ДЖУГАШВИЛИ было сожжено в крематории, а пепел помещен в урну, которая была отправлена вместе с материалами расследования убийства ДЖУГАШВИЛИ в Главное Управление Имперской Безопасности.

Как показывает КАЙНДЛЬ, он во время следствия боялся неприятностей от ГИММЛЕРА, но дело обошлось «благополучно».

В целях проверки правильности показаний КАЙНДЛЯ о расстреле ДЖУГАШВИЛИ ему было предложено описать внешний вид ДЖУГАШВИЛИ.

КАЙНДЛЬ хорошо помнит внешний облик ДЖУГАШВИЛИ и правильно описал его.

Кроме того, был предъявлен снимок ДЖУГАШВИЛИ, вырезанный из немецкого журнала. И на снимке КАЙНДЛЬ сразу показал ДЖУГАШВИЛИ.

Таким образом, показания КАЙНДЛЯ в той части, что у него в лагере в 1943 году содержался и был расстрелян ДЖУГАШВИЛИ, не вызывают сомнения.

Добавление КАЙНДЛЯ о том, что ДЖУГАШВИЛИ убит электрическим током высокого напряжения, является вымыслом КАЙНДЛЯ в целях смягчения его ответственности за расстрел ДЖУГАШВИЛИ.

На заданный мной вопрос КАЙНДЛЮ, где хранилось личное дело на военнопленного ДЖУГАШВИЛИ, он ответил, что дело хранил у себя в сейфе, а перед капитуляцией Германии приказал своему адъютанту сжечь.

В ходе следствия установлено, что комендант концлагеря полковник «СС» — КАЙНДЛЬ и командир охранного батальона «СС» — подполковник «СС» ВЕГНЕР, боясь предстоящей ответственности за совершенные преступления в концлагере, не все говорят. Зафиксированы их попытки покончить жизнь самоубийством, при этом высказывают намерения броситься на часового, разбиться о стену камеры и т. д.

В связи с тем, что при приеме нами арестованных работников «СС» лагеря Заксенхаузен от американцев последние просили пригласить их на суд, поэтому применить меры физического воздействия к арестованным КАЙНДЛЮ и ВЕГНЕРУ в полной мере не представилось возможным. Организованы агентурные мероприятия по внутрикамерному освещению арестованных.

В связи с передачей оперативной работы по Германии в МГБ все материалы по этому вопросу будут находиться в Берлинском Оперсекторе.

Зам. Министра Внутренних Дел Союза ССР И. СЕРОВ
14 сентября 1946 года № 001034/с г. Берлин».

(АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1555. Л. 2–7. Подлинник).

Боевой офицер?

Тут надо сказать, что (как я это себе представляю) тех немцев, присутствовавших на шоу этого допроса, кто знал, что это не сын Сталина, было, скорее всего, несколько человек. Судя по тексту, остальные допрашивающие, скорее всего, искренне верили, что это на самом деле сын Сталина. В результате это был не допрос, а скорее дискуссия на политические темы, в которой и немцы спорили и предъявляли доказательства своей правоты, и «сын Сталина» делал самые разнообразные разъяснения на политические темы.

Однако время от времени допрос все-таки направлялся и в военное русло, и у «Якова» спрашивали и о том, что он, как бы провоевавший на этом участке фронта с 3 по 16 июля, обязан был знать. И «сын Сталина» вынужден был отвечать хоть что-то, из чего бы следовало, что он действительно офицер и действительно в этот период воевал командиром батареи. И он вынужден был сообщить немцам о своем боевом пути (переводчики напутали с названием местечка Лиозно, я буду сразу писать его правильно, вопросы немцев выделяю, а эпизоды прономерую). Я понимаю, что это будет несколько нуд-

новато, но что поделать, если в России нет историков, способных сравнить показания «сына Сталина» с журналом боевых действий 14-й танковой дивизии. Да и некогда им — они должны кричать о том, что сын Сталина сдался в плен. Итак:

Эпизод 1.

«— Как же вы попали к нам?»

— Я, то есть собственно не я, а остатки этой дивизии, мы были разбиты 7.7, а остатки этой дивизии были окружены в районе Лиозно».

Эпизод 2.

«— Вы были командиром дивизии?»

— Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены — в это время я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? (Сегодня 18-е). Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лиозно, в 1 1/2 км от Лиозно, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами».

Эпизод 3.

«— В каких сражениях вы участвовали?»

— ...6... 7... к вечеру 6-го, 14-я танковая дивизия примерно в 30 км от Витебска, значит, 14-я танковая дивизия, 18-я танковая дивизия и 1-я мотомехдивизия, т.е. весь седьмой корпус».

Эпизод 4.

«— А когда эта дивизия вошла впервые в соприкосновение с немецкими войсками?»

— Это было 5-го, 6-го, 7-го. 6-го велась разведка боем, которая обошлась нам очень дорого, и все же 7-го вы должны были проиграть сражение, но ваша авиация мешала и разбила нас.

— Когда была рассеяна дивизия?

— 7-го она была разбита, ваша авиация разбила ее. Я едва остался жив, и этим я должен быть благодарен исключительно вашей авиации.

— Понесла дивизия большие жертвы?

— Мы потеряли 70% танков, 70 или 60%, от 60% до 70%.

— Сколько же всего танков имела дивизия?

— Видите ли, она не была полностью укомплектована, старые танки еще не были заменены новыми... но новые уже были.

— А сколько их примерно было?

— Мы считали, что примерно 250 танков, точно я не могу вам сказать. Организацию я знаю, но точно я этого не могу сказать. Было больше 200 танков, 250–300, примерно так.

— А в чем причина плохой боеспособности армии?

— Благодаря немецким пикирующим бомбардировщикам, благодаря неумным действиям нашего командования, глупым действиям... идиотским, можно сказать... потому что части ставили под огонь, прямо посылали под огонь.

Эпизод 5.

«— Что он скажет на то, что население Москвы, женщины, мужчины, дети и всех вообще призывают принять участие в борьбе, это же будет стоить невероятных жертв.

— Это я слышу только от вас, слышу только сегодня. Впервые это слышу! Вы хотели сказать ополчение? Всей Москвы? Вот что я вам скажу. Прошло 6-7 дней с тех пор как мы фактически были разбиты, 16-го мы имели с вами последнее сражение, в нем участвовали остатки нашей дивизии. Таким образом, я примерно с 10 по 16 не имел никаких сведений, только слухи, разговоры и тому подобное. Я не знаю!»

Эпизод 6.

«...Я уже вам сказал, когда мы были разбиты, это было 16-го, 16-го мы все разбредлись, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули меня. Не знаю, может быть, вам это и неинтересно, я расскажу вам об этом более подробно! 16-го приблизительно в 19 часов, нет, позже, позже, по-моему в 12, ваши войска окружили Лиозно. Ваши войска стояли несколько вдалеке от Лиозно, мы были окружены, создалась паника, пока можно было, артиллеристы отстреливались, отстреливались, а потом они исчезли, не знаю куда. Я ушел от них. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его».

Вот этот штатский, по сути, лепет: «Пока можно было, артиллеристы отстреливались, отстреливались, а потом они исчезли, не знаю куда» — и комментировать не хочется, поэтому обратите внимание, что в «протоколе» говорят как бы два

человека. У одного (эпизоды 1, 3 и 4) все бои закончились 7 июля, причем он действительно что-то о них знает, к примеру, то, что сначала два дня велась разведка боем, то, что основные потери дивизии 7 июля нанесла немецкая авиация (80% потерь бронетехники было от нее). А второй как бы перебивает его — нет, нет, главный бой был 16-го, под Лиозно!

Эпизод 5 интересен тем, что создание дивизий народного ополчения началось 30 июня с добровольной мобилизации граждан в семь ополченческих дивизий в Ленинграде, о чем было оповещено на весь мир. 3 июля в первой своей речи в войне Сталин уже весь народ призвал создавать народное ополчение, а 4 июля было постановление ГКО о создании ополченческих дивизий в Москве и Московской области. Сын Сталина просто не мог этого не знать, но ему приписали это незнание с очевидной целью еще раз вбить в протокол дату разгрома дивизии 16 июля.

А как 14-я танковая дивизия воевала на самом деле?

Как воевал Яков

На самом деле, как следует из журнала боевых действий 14-й танковой дивизии, до 4 июля дивизия сосредотачивалась в районе местечка Лиозно, расположенного по дороге Витебск — Смоленск, примерно в 45 км к востоку от Витебска, ведя разведку во всех направлениях. 5 июля дивизия получила приказ наступать мимо Витебска практически прямо на запад, примерно на Лепель, и уничтожить за рекой Черногостница (примерно 30 км от Витебска) танковые части немцев. Однако немцы успели укрепить западный берег этой речки противотанковой обороной, даже заминировать берег и броды и взорвать плотину на реке, подняв в ней уровень воды, поэтому трехдневные бои на этом рубеже успеха не принесли — выполнить задачу не удалось. Но дивизия стянула на себя силы немцев на этом участке, и 1-я Пролетарская мотострелковая дивизия этого же 7-го мехкорпуса: *«6 июля... в коротком ожесточенном бою, который переходил в рукопашную схватку, разбила автоколонну противника. Немцы потеряли 200 человек убитыми. Было взято в плен 800 солдат и офицеров, захвачено 350 исправных автомобилей и знамя Берлинского танкового корпуса [!? (видимо, 47-й тк)]. С ходу немцы были выбиты и из Толочина».*

Между прочим, 8 июля Гальдер записал в своем дневнике: *«Группа армий "Центр", которая с самого начала войны превосходит противника в численности, теперь имеет подавляющее превосходство, которое она сохранит даже в том*

случае, если противник перебросит на фронт группы армий "Центр" новые соединения, чего следует ожидать».

В этих боях 14-я танковая дивизия уничтожила около 40 обороняющихся немецких танков («1 танк марки Т-II воентехником 2 роты Рязановым захвачен и приведен в наше расположение»), но сама потеряла 50% танков (около 70 машин) и 200 человек личного состава («Командир дивизии полковник Васильев был ранен осколками в лицо и руку, но остался в строю»).

Однако, как следует из дневников того же Гальдера, к этому времени танковые войска немцев на Восточном фронте тоже потеряли половину своих танков, а «после рассмотрения фюрером срочных заявок на пополнение материальной частью танковых соединений, действующих на Восточном фронте, было выделено из числа находящихся в Германии танков: 70 типа Т-III, 15 танков типа Т-IV и чехословацкие танки» (8.07.41).

В результате 8 июля 14-я танковая дивизия РККА с утра приводила себя в порядок, эвакуировала с поля боя и буксировала в ремонт подбитую технику (на сборные пункты аварийных машин армии и дивизии отправлено 23 танка). Но в 14-00 дивизия получила приказ и выступила двумя колоннами на юго-запад с задачей нанесения удара во фланг и тыл наступающих на Оршу немцев. Глубина задачи была 100 км. 8-9 июля дивизия с боями выдвигалась для исполнения этого приказа («14 ГАП уничтожил взвод мотоциклистов»), но в 18-00 9 июля дивизию остановил новый приказ — немцы с севера ворвались в Витебск и вышли на дорогу Витебск — Смоленск за Витебском. Со стороны Лиозно это направление защищал только начавший сосредотачиваться и разгружавший свои дивизии 34-й стрелковый корпус.

В связи с занятием немцами Витебска 14-я танковая сначала получила приказ снова отойти в район Лиозно («начавшие движение в южном направлении ГАП были возвращены в район Шелжи»), а Лиозно, повторю, примерно в 45 км от Витебска в сторону Смоленска, то есть дивизии приказали перекрыть автодорогу на Смоленск. В этом районе, кстати, 14-я танковая построила оборонительные рубежи, когда сосредотачивалась там до 4 июля. Чтобы не дать немцам помешать этой передислокации, 10 июля «был отдан приказ 14 МСП и 14 ГАП с группой танков 28 ТП нанести короткий удар в западном направлении с задачей: отбросить противника в западном направлении и дать возможность главным силам корпуса отхода за р. Лучеса». В этих боях 11-12 июля при отходе на новые рубежи в район Лиозно 2-й дивизион 14 ГАП, в кото-

ром служил Яков Джугашвили, потерял от бомбежек немецкой авиацией одно 152-мм орудие с трактором.

Имеется свидетельство о поведении Якова в эти дни: *«При отходе частей батарея была подвергнута бомбежке нацистской авиации. В это время т. Джугашвили Я. И. был встречен начальником особого отдела дивизии тов. Черетухиным, который предложил т. Джугашвили ехать с ним на машине. Поступил отказ, при этом было заявлено, что: "Я буду отходить вместе со своей батареей"».*

Давайте уточним технический вопрос. Гаубичный полк танковой дивизии по штату 1941 года состоял из двух дивизионов, каждый дивизион — из трех батарей, то есть 1, 2 и 3-я батареи были в первом дивизионе, 4, 5 и 6-я — во втором. Яков Джугашвили был командиром 6-й батареи. Первый дивизион был вооружен 122-мм гаубицами, второй — 152-мм гаубицами.

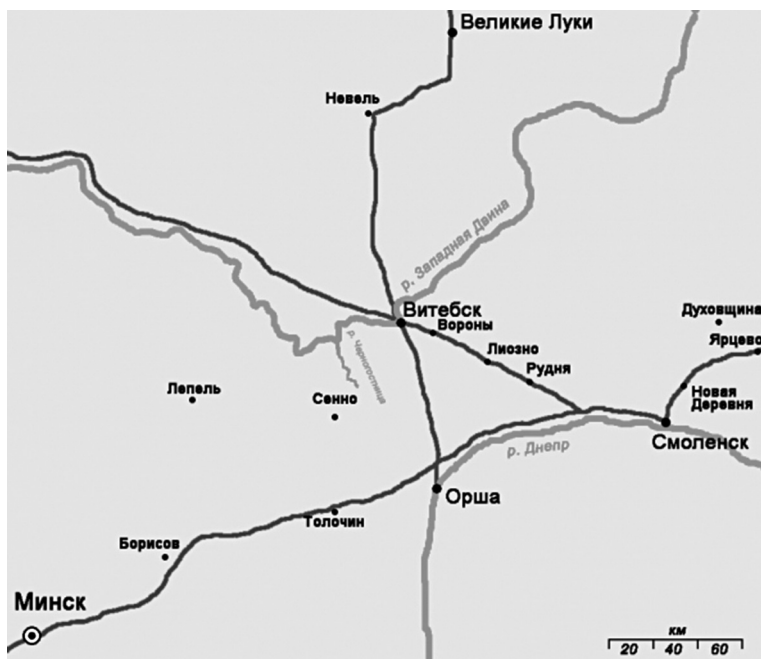
(Кстати, если судить по немецким документам, то на момент допроса немцы так и не выяснили, какой батареей командовал Яков. Как и не выяснили адрес семьи Якова Джугашвили, хотя «сын Сталина» согласился, чтобы его семье немцы послали сообщение о том, что он в плену. В результате даже в карточке военнопленного «сына Сталина» обязательная графа для адреса семьи осталась незаполненной. Как видите, и «сын Сталина» этого не знал, и немцы.)

Но вернемся к последовавшим боям.

Командующий 19-й армией И. Конев решил отбить у немцев Витебск, и 12 июля 14-я танковая получила приказ организовать рубеж противотанковой обороны с запада от Витебска — отрезать занятый немцами Витебск с запада, для чего была сформирована свободная танковая группа под командованием полковника Белова. В группу были включены 27-й танковый полк, разведбат, мотострелковый полк дивизии и ГАП. Выполнить задачу не удалось из-за завязавшихся боев между Лиозно и Витебском и из-за того, что отступала правофланговая 220 стрелковая дивизия. Но это были бои с нашим превосходством — танковая группа Белова в этом районе давила немцев, не сумевших организовать оборону. И хотя были ранены командир мотострелкового полка майор Бешанов и помощник по политчасти 14 ГАП батальонный комиссар Шлапаков, а также потерян один танк Т-34, но группа уничтожила 13 немецких танков, 2 броневика, 10 транспортных машин, 8 орудий, 15 пулеметов, полсотни мотоциклов и велосипедов, убито до 300 немцев, а также *«в районе Еремино разгромлен штаб войск соединения, взято трофеев: 5 легковых машин с документами».* Судя по всему, эта группа потрепала 25-й танковый полк немцев, по крайней мере, на поле боя обнаружи-

ли и труп командира этого полка. Итог 12 июля: «К исходу дня командирам 34 СК и 7 МК был отдан приказ перейти к обороне на рубеже м. Лиозно».

13 июля Конев дает приказ: «14 МСП наступать вдоль Витебского шоссе с задачей овладеть г. Витебск. Позднее туда же был направлен 2/14 ГАП. Командирам дивизии для общего руководства был направлен начальник штаба дивизии подполковник Важичин». «2/14 ГАП» — это второй дивизион 14-го гаубичного артиллерийского полка, в котором 6-й батареей командовал Яков Джугашвили, и этот дивизион вместе с мотострелками атаковал немцев в направлении на запад. А танковые полки дивизии под командой полковника Васильева атаковали на север, где накануне были замечены колонны немецких войск, устремляющихся на восток. Итог дня: 14-й мотострелковый полк и 6 орудий второго дивизиона, громя немцев, дошли до деревни Вороны в 12 км от Витебска: «14 ГАП в районе Вороны уничтожил 1 батарею, подбил 12 танков (4 из них совершенно выведены из строя)». А танкисты уничтожили 8 танков, 3 орудия, две автомашины и свыше 70 человек живой силы немцев на севере.

На начало дня 14 июля мотострелковый полк и второй дивизион продолжают бои за Витебск: *«14 ГАП в районе Вороны уничтожил 3 танка, мотоциклетную роту и 200 чел. пехоты»*. Возможно, сегодня на карте уже нет тех населенных пунктов, что были тогда, и трудно оценить, где на самом деле были танки под командой командира дивизии полковника Васильева, во всяком случае, как это можно понять, они вели бои уже южнее Витебска.

В этот день немцы ударами с севера и юга отсекали наступающие части 14-й танковой от войск в районе Лиозно в 5–10 км западнее этого местечка, чуть позже стало известно, что немцы севернее Смоленска уже продвинулись до Ярцево и создали угрозу перехвата дороги Москва — Минск за Смоленском. Кроме того, 14 июля немцы с юга взяли Рудню, это уже за Лиозно. Поэтому ведущие бои части 14-й танковой были временно, до выхода из окружения, подчинены 34-му стрелковому корпусу, а сама 14-я танковая дивизия получила приказ оставшимся частям совершить примерно 120 км марш и сосредоточиться в лесах у населенного пункта Новая деревня, на северо-востоке от Смоленска — получила приказ прикрыть Смоленск от угрозы с севера. Этот приказ дивизия выполнила к утру 15 июля.

Окружение подвижных частей подвижными частями — дело сомнительное: еще неизвестно, кто кого окружил. И 14 МСП, и 14 ГАП, получив приказ 34-го корпуса, 14 июля отошли и соединились с войсками 153 дивизии этого корпуса севернее Лиозно (*«14 ГАП уничтожил в районе Лиозно при выходе из окружения 2 минометных взвода, 1 пулеметную батарею, 3 ручных пулемета»*), а танкисты пробивлись южнее Лиозно и Рудни за Рудню в расположение 18-й танковой дивизии. Причем по дороге потрепали и немцев. Всего танкисты отчитались за этот день в трех уничтоженных танках противника, 10 грузовых автомашинах, 10 37-мм противотанковых орудиях и 250 человек немецкой мотопехоты. Г. Гот в своих «Танковых операциях» это подтверждает: *«2-я танковая дивизия 14 июля, достигнув Лиозно, в соответствии с приказом повернула на Смоленск. Под Рудней она встретила сильное сопротивление противника и вскоре была контратакована с трех направлений»*.

Но давайте сначала закончим с 14-й танковой дивизией РККА.

К вечеру 15 июля 14-я танковая дивизия (без мотострелкового полка, продолжающего вести бои вместе с 153 стрелковой дивизией в составе 34-го корпуса) собралась севернее Смоленска и в 21-30 получила приказ отойти по дороге Мо-

сква — Минск за Ярцево и сосредоточиться в 14 км восточнее этого города. Чуть позже арьергард дивизии выслал разведку из 6 танков и 4 бронемашин на северо-запад с целью выяснить положение немцев и перекрыть дороги на Смоленск со стороны города Демидов (разведка погибла в этих боях). В 2-00 16 июля части дивизии приступили к передислокации через Ярцево за Днепр. Тут я лучше процитирую журнал боевых действий:

«При выходе колонн частей на Минское шоссе было видно, что по шоссе Москва — Минск движутся в восточном направлении колонны остальных частей 7 МК и 5 МК. Колоннам дивизии с трудом удалось выйти на шоссе Москва — Минск и продолжать движение на Ярцево.

Около 6.00 колонна машин (главным образом тыловых), двигающаяся по шоссе Москва — Минск по направлению к Ярцево, была обстреляна артиллерийским, минометным и пулеметным огнем из района Ярцево. Головные машины остановились. По приказу подполковника пехоты шоферы машин были посланы в облаву на десант противника. Сзади идущие колонны других корпусов и частей подходили вплотную, выходили вправо и влево. Образовалась колонна в две, три и даже четыре машины в ряд, без дистанции и интервалов. Противник продолжал вести обстрел колонны, нанося чувствительные потери. Организованным отрядом с привлечением всех вооруженных (за исключением водителей) бронемашин БА-10 дивизии и двух танков Т-34 была организована ликвидация противника, преградившего путь. Причем капитан Кривошея руководил огнем танков, майор Кузнецов и капитан Пустоватенко вели людей в атаку на противника севернее и южнее шоссе, а капитан Шапиро организовал поворот машин на юг.

Начиная с 7.00 авиация противника отрядами в 20–30 пикирующих бомбардировщиков и истребителей совершила ряд последовательных налетов, бомбя и расстреливая остановившиеся колонны. Значительное количество машин загорелось. Горели машины с горючим, горели и взрывались машины с боеприпасами. Значительная часть личного состава, следовавшего в колонне, была убита и ранена. Колонны частей, не имея возможности продолжать движение по шоссе Москва — Минск, во избежание бомбардировок были повернуты на юг в поисках переправ через р. Днепр южнее Ярцево. На переправах в районе Соловьево, Радчино и др. имелись мало-мощные паромы (в дальнейшем в этих районах были наведены понтоны). Части дивизии, потеряв значительное количе-

ство машин от бомбардировки авиации противника, начали переправляться на восточный берег р. Днепр.

Оперативная группа штаба в 17.00 выступила из района Витязи, Горни. Следовавшие со вторым эшелонам управления дивизии капитан Шапиро, капитан Разгуляев, интендант 1 ранга Коновалов, ст. лейтенант Осетров, прокурор дивизии т. Лабай руководили тылами дивизии на переправах. Кроме того, на переправах тылов всех эшелонов полков были командиры полков со своими штабами. Командиры тыловых частей полков и дивизии рассредоточились на всех переправах по р. Днепр от шоссе Москва — Минск до ст. Приднпровье. Часть машин уже переправилась на восточный берег. Делегат Штадива, посланный Штакором 7 в район Ковши, возвратился и доложил, что в Ковши Штакора нет, куда он выбыл, неизвестно.

В 14 ГАП противником разбиты одно орудие 122-мм, два орудия 152-мм и три трактора. Документы, захваченные МСП при разгроме германского штаба 13.7.41 в четырех портфелях, фотоаппараты и автомат ст. политруком Тиханович и ст. лейтенантом Госиным переданы начальнику штаба 19А полковнику Волкову.

17–21.7.41. В течение 17–21 июля части дивизии по приказу командования корпуса и генерал-майора Борзикова продолжали сосредотачиваться в районе лесов западнее Туманово».

А 14-й мотострелковый полк вместе с невыясненными батареями ГАП, выйдя из окружения под Лиозно, 16 июля в составе 153 стрелковой дивизией, теперь уже в окружении, которое немцы замкнули севернее Смоленска, дрался севернее Рудни, что примерно в 30 км восточнее Лиозно: «14 ГАП 16.7.41 уничтожил в районе Рудня до роты мотоциклистов, 8 танков...». Судя по всему, они в этот же день вышли и из второго окружения, но много севернее 14-й танковой дивизии — в районе города Духовщина. По крайней мере, о 14 ГАП за этот же день 16 июля сказано: «В районе Духовщина уничтожил 3 автомашины с пехотой противника и 1 миномет». Командованием 20 армии второй батальон 14 мотострелкового полка и часть тылов ГАП (7 автомашин) были преданы 153 дивизии, а штаб мотострелкового полка с остальными подразделениями этого полка и ГАП прибыл в распоряжение дивизии только 23 июля.

Дивизия, разумеется, была обескровлена, из 245 танков, бывших у нее к 5 июля, в 14-й танковой осталось всего 14 танков (1 — KB, 2 — Т-34, 6 — БТ-7 и 5 — Т-26). Используя груст-

ный юмор того времени, 14-ю танковую дивизию теперь можно было бы назвать «Четырнадцатитанковой». Дивизия была расформирована: 23 июля 14-й мотострелковый полк, 2 орудия 14 ГАП, мотоциклетная рота, 14-й отдельный разведывательный батальон на транспортных машинах, один танк Т-34 и 2 бронемашин были переданы в состав формирующейся «группы Рокоссовского»; 14-й гаубичный артиллерийский полк и 14-й зенитный артиллерийский дивизион переданы 18-й танковой дивизии; из оставшихся подразделений сформирован запасной танковый полк — учебная часть для подготовки танкистов. Если потери материальной части артиллерии в журнале боевых действий учтены все, то в 14-м ГАП должно было остаться 2 152-мм гаубицы (они, видимо, и переданы в группу Рокоссовского) и 7 122-мм гаубиц, которые с личным составом полка переданы 18-й танковой дивизии.

Что тут сказать — дивизия была разбита. Но дивизия была разбита в неравных боях, напомним, что 8 июля Гальдер записал в своем дневнике: *«Группа армий "Центр", которая с самого начала войны превосходит противника в численности, теперь имеет подавляющее превосходство, которое она сохранит даже в том случае, если противник перебросит на фронт группы армий "Центр" новые соединения...»*.

И что же мы прочли в «протоколе допроса сына Сталина» об этих боях?

Немецкие сочинения на заданную тему

Во-первых, на момент допроса ни «сын Сталина», ни немцы о реальных боях 14-й танковой дивизии и 14-го ГАП еще ничего не знали. Эта дивизия после 7 июля 9 дней атаковала немцев на различных участках фронта, в боях с ней был тяжело ранен командир немецкого корпуса, убит командир 25-го танкового полка 7-й танковой дивизии немцев, а немцы соглашались с тем, что 14-я танковая была полностью разбита 7 июля! Как это объяснить? Только одним: на момент допроса «сына Сталина» этих боев еще не было! То есть допрос происходил не 18 июля, а числа 10-го.

Во-вторых, в показаниях «сына Сталина» после 7 июля не сходятся никакие детали.

Вот, скажем: *«Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лиозно, в 1 1/2 км от Лиозно, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами»* и *«16-го приблизительно в 19 часов, нет, позже, позже, по-моему, в 12, ваши войска окружили Лиозно»*. Но вечером 16 июля 14-я танковая уже навела понтонную переправу через Днепр и переправлялась че-

рез него километрах в 130 к востоку от Лиозно, а ее 14 МСП с частью 14 ГАП в это время прорывался из окружения в районе г. Духовщина, то есть тоже примерно в 100 км к востоку от Лиозно. А Лиозно защищали части 34-го стрелкового корпуса, которые оставили местечко немцам только 17 июля.

Или: *«Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены — в это время я находился у командира дивизии, в штабе»*. Положим, что «сын Сталина» с перепугу напутал и окружение было не *«16-го приблизительно в 19 часов, нет, позже, позже, по-моему, в 12»*, а 14-го, как оно и было. Но штаб дивизии в это время располагался к северо-востоку от Лиозно, а немцы отсекли боевые группы дивизии перед штабом 14-й дивизии. Они ударами со стороны Веляшковичей и Добромысли прошли на западе от Лиозно, причем та группа, в которой находился Яков Джугашвили, была не в полуторах километров от Лиозно, а под Витебском, примерно в 12 км от этого города. От этой группы до штаба было километров 40 по прямой и через немцев. *«Я ушел от них. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его»*. А командир дивизии полковник Васильев в это время командовал танковой группой к югу от Витебска, и до него тоже было километров 30, и тоже через немцев.

Эта глупость, уверен, появилась в тексте «протокола» в 1943 году в Берлине: геббельсовским пропагандистам и в голову не могло прийти, что сын Сталина во время боя будет находиться там, где должен находиться во время боя командир батареи, — на наблюдательном пункте. Они уверены были, что командир дивизии обязан был держать сына Сталина в безопасном месте — возле себя.

Интересен в этом смысле рапорт офицера 1-Ц 4-й немецкой армии, которая и в 1943 году входила в группу армий «Центр»:

*«Главное командование Армии
Отдел разведки и контрразведки
Лагерь для военнопленных, 19.7.1941*

Тема: Допрос русского старшего лейтенанта Джугашвили (старший сын Сталина).

17.7.41 в 19-00 был взят в плен среди идущей на восток толпы гражданских лиц, вскоре опознанных как русские солдаты (в месте дислокации 19-й танковой дивизии в районе Лиозно), некий старший лейтенант, на которого его земляки указали как на сына Сталина. На допросе он сообщил следующее:

...После тяжелых потерь дивизия, которая с этого времени была подчинена 20-й Армии, отступила и 14-15 июля под Лиозно была уничтожена...».

Как видите, не зная, что напишут в Берлине, в 4-й немецкой армии посмотрели в журнал боевых действий и правильно указали время боев 14-й танковой дивизии под Лиозно — 14-15 июля. Но не согласовали с третьей танковой армией и 39-м танковым корпусом ту немецкую дивизию, которая взяла в плен «сына Сталина», — те приписали этот подвиг 12-й танковой, а эти — 19-й танковой.

Это является следствием того, что авторы всех немецких документов не описывали реального события, а сочиняли его. При этом и авторы в войсках не согласовывали свое вранье друг с другом, и авторы «протокола» в Берлине не сообщили в войска, что именно они дописали в «протокол» допроса «сына Сталина». Вот и получилось, что по показаниям Рейшуле и переводчика штаба группы армий «Центр» (о нем позже) «сына Сталина» 19 июля, сразу же после шоу у штаба разведывательной авиации группы армий «Центр», самолетом отправили в Берлин. А из рапорта офицера 1-Ц 4-й армии следует, что «сын Сталина» 19 июля находился в неизвестном лагере для военнопленных и там его допросил неизвестный обер-лейтенант разведотдела этой армии. Кстати, ни в одном из трех рапортов нет фамилий тех, кто их написал.

Из «протокола» определенно следует, что 14-я танковая была разбита к вечеру 16 июля, а из рапорта 4-й армии — 14-15 июля. Из рапортов разведотделов штаба 39-го корпуса и штаба 3-й танковой группы следует, что «сына Сталина» пленила 12-я танковая дивизия, а из рапорта 4-й армии — 19-я.

И ни в одном из немецких документов совершенно нет географии. События происходили в четырехугольнике со сторонами примерно 100х130х100х150 км. Журнал боевых действий 14-й танковой дивизии усеян названиями населенных пунктов в этом районе — только с 4 по 16 июля их указано более 80 и еще 6 рек, а у немцев в четырех документах только Лиозно. Все! Еще Москва, Смоленск и Витебск, но они к делу не относятся. И заметьте, объем немецких документов весьма приличный — только в «протоколе» немцы задали «сыну Сталина» более 150 вопросов.

Вот в вышеприведенной цитате указано: «Лагерь для военнопленных», а где он был? Иногда видно, что по смыслу предложения немцам легче было назвать населенный пункт, но они выкручиваются, чтобы его не назвать. К примеру, как вам уже цитированное: *«Известие о том, что старший лейтенант Джугашвили должен быть доставлен главному коман-*

дованию танковой армии, пришло к офицеру контрразведки, уполномоченному проводить допрос, на пути к новому командному пункту танковой группы. Он отправил его туда самолетом с ближайшего доступного полевого аэродрома. Это что за населенный пункт «Путь к новому командному пункту танковой группы»? Это что за населенный пункт «Ближайший доступный аэродром»? Там в округе были еще и недоступные? И кстати, к замеченному несколько выше: «Офицер, уполномоченный проводить допрос» — это что за фамилия?

Почему немцы скрывают, где это все происходило — в какой именно деревне «сын Сталина» обменял форму на гражданскую одежду, из какой деревни его выгнали, у какой деревни их пленили, где именно происходил его допрос?

Потому что механизированные дивизии и немцев, и Красной армии передвигались так быстро, что указание места события, как вы уже увидели выше, с точностью до дня указывает время события. А немцы упорно скрывают то, к чему мы уже начали приходить: «допрос» «сына Сталина» проходил не 18 июля, а примерно 10-го. Почему эта дата для них так важна?

Во-первых, они объявили по радио и прокрутили магнитофонную пленку с записью его голоса 20 июля, и им не нужны были вопросы, что они делали с Яковом неделю и почему не объявили о сенсации немедленно? Но это мелочь.

Главное в другом — то, что они допрашивали фальшивого «сына Сталина», уже понятно, а вот когда они добрались до настоящего Якова Джугашвили, какого числа? Давайте займемся этим вопросом.

Очень важная дата

Рассматривая выше боевой путь 14-й танковой дивизии РККА, я писал, что 13 июля командующий 19-й армией генерал-лейтенант Конев дал приказ взять Витебск и дивизия поручила это своему 14-му мотострелковому полку и второму дивизиону ГАП — дивизиону, в котором командиром батареи служил Яков Джугашвили. И второй дивизион уже 13 июля *«в районе Вороны уничтожил 1 батарею, подбил 12 танков (4 из них совершено выведены из строя)»*. 14 июля второй дивизион продолжал бой здесь же, у Воронов, но журнал боевых действий уточнил, что силами 6 орудий. Еще 5 воевали где-то в другом месте. Именно эти 6 орудий вместе с подразделениями мотострелков 14 июля были окружены немцами, именно о них в журнале боевых действий имеется пометка: *«На огневых позициях авиацией и артиллерией противника уничтожено шесть 152-мм орудий...»*.

Теперь разрешим вопрос, были ли среди этих орудий орудия 6-й батареи, то есть был ли здесь Яков Джугашвили? Направление удара на Вороны было главным для мотострелкового полка и для второго дивизиона, следовательно, тут обязаны были находиться и командир полка, и командир второго дивизиона.

Когда немцы по радио 20 июля объявили о пленении сына Сталина, главный комиссар Красной армии Л. Мехлис дал команду политуправлению Западного фронта выяснить судьбу Якова Джугашвили. В то время сделать это было, скорее всего, невозможно, однако, на мой взгляд, даже в этом случае Политуправление подошло к вопросу формально, спеша отписаться от Мехлиса бумажкой. Каким-то образом, судя по всему, по радио или телефону, работники политуправления связались с остатками 14-й дивизии, нашли вышедшего из окружения политрука 6-й батареи и опросили его, записав в донесение Мехлису маловразумительное: *«Политрук 6 бат. тов. Васкотович находился также в окружении, рассказывает: “В боях 14 июля он находился на ОП батареи и т. Джугашвили больше не видел, очевидно он находился на НП. с к-ром дивизиона т. Сотниковым, которого также нет в плену”»*.

Но из этой сумятицы слов определенно следует, что 14 июля командир второго дивизиона Сотников и Яков были вместе, значит, это было направление главного удара, значит, это район деревни Вороны. Политрук был на огневой позиции (ОП), то есть там, откуда по немцам вели огонь 152-мм гаубицы второго дивизиона, в том числе и гаубицы 6-й батареи. А когда немецкие батареи накрыли огневую позицию своим огнем, или их начали бомбить пикирующие бомбардировщики, или к позициям гаубиц вышли немецкие танки, то политрук с оставшимся личным составом оставили 4,5-тонные орудия, отошли и в дальнейшем вышли из окружения. Джугашвили и Сотников, находившиеся в нескольких километрах впереди огневой позиции — на переднем крае, — не вышли.

Что тут надо понять. Если в пехоте старшие офицеры находятся сзади своих, ведущих бой солдат, то в артиллерии все наоборот: командиры батарей и дивизионов, а часто и командиры полков находятся на наблюдательных пунктах на переднем крае. А сами орудия батарей находятся в тылу, возле них солдатами командуют командиры артиллерийских взводов и заместители командиров батарей — «старшие по батарее». Поэтому, когда противник проводит сильную атаку с фронта и своя пехота отходит, то командирам батарей нужно срочно по телефону дать на батарею команду, что делать (брать ору-

дия на передки и отходить либо выкатывать их на прямую наводку), и попытаться добраться до своих батарей раньше, чем до них доберется противник. Если противник атакует танками или местность неблагоприятная для такого маневра, то старшие командиры гибнут, особенно командиры батарей.

Судьба комбата Якова Джугашвили не являла собой никакого исключения. 14 июля под деревней Вороны у Витебска он был либо убит, либо захвачен немцами тяжело раненным.

Вариантов мало

Почему я исключаю попадание его в плен целым или легко раненным? Тут два варианта: он либо согласился бы сотрудничать с немцами, либо нет. Если бы согласился, то немцы немедленно убили бы его двойника и брали бы интервью у него, снимали бы с ним фильмы для кинохроники, предъявляли бы его работникам Красного Креста и журналистам нейтральных государств. Этого не было.

Если бы он даже не согласился сотрудничать, то немцы скрытно все равно наделали бы с него подлинных снимков и кинокадров, и им не надо было бы делать фотомонтажи со старых семейных фотографий Якова.

Интересно, что даже его сестра Светлана и брат Василий заметили, но не обратили внимания на такой момент: *«На Москву осенью 1941 года сбрасывали листовки с Яшиными фотографиями — в гимнастике, без ремня, без петлиц, худой и черный... Василий принес их домой, мы долго разглядывали, надеясь, что это фальшивка, но нет, не узнать Яшу было невозможно...»*. Действительно, на единственной своей фотографии уже в форме старшего лейтенанта Яков выглядит вполне созревшим мужчиной, даже слегка полным, с редкими волосами спереди. А на фото от Геббельса он выглядит не просто осунувшимся, не просто похудевшим — он выглядит помолодевшим и более хрупким. Вообще-то, от горя и переживаний люди начинают выглядеть постаревшими, а он помолодел... Надо бы было брату и сестре задуматься о причинах этого.

Таким образом, Яков был либо сразу убит в бою, либо подобран раненым, но категорически отказался сотрудничать с немцами, и они его либо запытали, либо он сам сумел покончить с собой.

«Сын Сталина»

Теперь, пожалуй, надо встать на место тогдашних немцев и представить, как вся эта история могла выглядеть на самом деле, но начать все же с вопроса: кем мог быть этот «сын Сталина»?

Это был грузин. Мне трудно представить, чтобы кто-то иной мог сыграть даже не акцент, а манеру грузинской речи, да еще и Якова Джугашвили, начавшего изучать русский язык уже практически юношей. Не исключено, что это был эмигрант из Грузии, который еще до войны сбежал в Иран или Турцию, там был завербован немцами и теперь они его готовили для разведывательно-диверсионной работы. С целью своей подготовки он мог участвовать в допросах советских пленных офицеров, с тем чтобы освоиться со средой Красной армии и ее командиров. Я сделал так много этих предположений, потому что «сын Сталина» в разговорах был все же не чужд военной тематике и был знаком даже с такими ее тонкостям, которые были вызваны идущей войной. Но единственный довод за то, что «сын Сталина», так сказать, «возился немцами в обозе», это то, что он был одет в хороший штатский костюм, который спровоцировал к нему вопрос какого-то присутствовавшего на шоу немца: «Я хотел бы знать еще вот что! На нем ведь сравнительно неплохая одежда. Возил он ту гражданскую одежду с собой или получил ее где-нибудь. Ведь пиджак, который сейчас на нем, сравнительно хороший по качеству».

Это смутило «сына Сталина», он начал бестолково и многословно отвечать (я сократил), но так ничего и не пояснил (выделено мною. — Ю.М.):

«Военный? Этот? Нет, это не мой, это ваши. Я уже вам сказал, когда мы были разбиты, это было 16-го, 16-го мы все разбредлись, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули меня.

..Я шел в военной форме, и вот они попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать с самолета, а следовательно, и их будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались. Я решил присоединиться к одной из групп. По просьбе этих людей я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку, я решил идти вечером к своим. Да, все это немецкие вещи, их дали мне ваши, сапоги, брюки. Я все отдал, чтобы выменять. Я был в крестьянской одежде, я хотел бежать к своим. Каким образом? Я отдал военную одежду и получил крестьянскую. Ах нет, боже мой! Я решил пробиваться вместе с другими. Тогда я увидел, что окружен, идти никуда нельзя. Я пришел, сказал: "Сдаюсь". Все!».

Надо сказать, что дочь Якова Джугашвили, Галина, категорически не верила, что ее отец был в плену, в том числе и потому, что «на немецких листовках был "снимок": с немцами за столом сидит папа, а на нем — старая куртка, которую он обычно надевал на рыбалку, на охоту». Это действительно

но так — на снимках на «сыне Сталина» какой-то непонятный лапсердак, но ведь немцы явно говорят о пиджаке от кутюрье!

Этот эпизод позволяет думать, что «сын Сталина» появился на шоу в штабе люфтваффе (по легенде — 18 июля, то есть через двое суток после того, как его дивизию «разбили») в приличном немецком штатском костюме. Получается, что либо в обычае немецких офицеров было возить с собою штатские костюмы, чтобы дарить их пленным, либо это был собственный костюм «сына Сталина», в котором он и до этого служил немцам. Может, еще есть какие-нибудь указания на то, что он еще до войны начал служить немцам, но я их, прямо скажем, не увидел.

Поэтому считаю более достоверной версию о том, что это был военнослужащий 7-го механизированного корпуса РККА. Он был грузин, но служил не в 14-й танковой дивизии, иначе знал бы о ней несколько больше: и фамилии командиров, и через какие населенные пункты она проходила, и где вела бои.

Сталин уже тогда был самый выдающийся грузин в истории Грузии, посему не мог не вызывать у грузин интерес на бытовом уровне: где родился, на ком был женат, сколько детей, кто они и т. д. и т. п. Особый интерес у грузин обязан был вызывать именно Яков, поскольку он по крови был чистым грузином. А когда будущий «сын Сталина» узнал, что Яков Джугашвили служит в одном с ним корпусе, а возможно, и видел его, то это стимулировало еще больше узнать о нем. В результате этот грузин мог знать о Сталине, его семье, детях и о Якове Джугашвили столько, что обычный советский человек-негрузин и тем более немец могли вполне поверить в то, что он сын Сталина.

Я думаю, что этот грузин служил политработником. Основано это предположение на том, что он довольно уверенно дискутировал с немцами именно на политические темы. Думаю, что он струсил в бою 7-го июля, когда немецкая авиация безнаказанно зверствовала в небе над 7-м корпусом. (Напомню, что он так-сяк что-то знал об этих боях.) Он дезертировал, переоделся в штатское, но в силу быстро меняющегося фронта все же попал к немцам в плен.

Интересно, что во время допроса он дважды возвращался к вопросу о своих сапогах, которые с него сняли по-европейски цивилизованные немцы, чувствуется, что сапоги ему были по-настоящему дороги:

«— Мои сапоги понравились людям, но я не сержусь, ведь это, в конце концов, трофеи, пожаловаться я не могу.

— Но он ведь снял свои вещи?

— Да, сапоги с меня сняли.

— *Может быть, его просто обыскали, чтобы посмотреть, нет ли в сапогах оружия?*

— *Нет, не “может быть”, а точно, сапоги отобрали.*

— *Он, должно быть, сам снял сапоги, когда надевал другие брюки?*

— *Нет, когда я пришел и сдался в плен, я был в крестьянской одежде и в сапогах, но на следующее утро сапоги у меня забрали. Мне было немного неприятно, но я не так уж сердился. Раз взяли, значит, взяли».*

Думаю, дело здесь вот в чем. Еще накануне нападения на СССР, 12 мая 1941 года, Гитлер дал указание: «3) С политическими работниками в войсках следует обращаться в соответствии с предложением ОКХ. Они не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в пересыльных лагерях и ни в коем случае не должны отправляться в тыл». Главное командование Вермахта 6 июня 1941 года оформило это указание приказом «О комиссарах»: «2. Опознать политических комиссаров в качестве органов можно по особому знаку различия красной звезде с вытканными на ней серпом и молотом на рукаве. Их надлежит немедленно, то есть прямо на поле боя, отделять от всех остальных военнопленных. Это необходимо, чтобы лишить их всякой возможности оказывать влияние на взятых в плен солдат. Комиссары в качестве солдат не признаются; никакая международно-правовая защита к ним не применяется. После произведенной сортировки их надлежит уничтожить».

8 июня этот приказ был дополнен: «Казнь политических комиссаров после их отбора из общей массы военнопленных в войсках вне зоны боевых действий незаметно, по приказу офицера».

На сборном пункте военнопленных кто-то из них указал немцам на политрука, они отделили его ото всех, и это уже не могло не вызвать ужаса. А когда немцы предложили ему еще и снять сапоги, то сомнений в том, что его расстреляют, у политрука уже не осталось. И во свое спасение он объявил себя сыном Сталина. Немцы, разумеется, не стали его расстреливать и доложили начальству (но сапоги на всякий случай не отдали). По служебной линии таким пленным, как, впрочем, и остальными, должны были заниматься отделы 1-Ц (разведки и контрразведки) всех штабов. Но одной только разведкой и контрразведкой занимались штабы до уровня армейского, а уже у армейского отдела 1-Ц была обязанность вести и пропаганду, для чего этому отделу была подчинена рота пропаганды (которая в протоколе стыдливо названа «3 мотострел-

ковая рота военных корреспондентов»). Вот давайте и поставим себя на место начальника отдела 1-Ц 4-й танковой армии или даже группы армий «Центр».

Грех не воспользоваться

Мы не лохи, мы проверили и убедились, что этот «сын Сталина» самозванец. Но, во-первых, мы получили ценнейшие сведения, что в 14 гаубичном артиллерийском полку русских воюет сын Сталина. Мы немедленно передали эти сведения в Берлин. Во-вторых, мы получили артиста, не только согласного, но и способного сыграть сына Сталина, если, разумеется, обеспечить, чтобы его не разоблачили те, кто Якова Джугашвили знал лично. Но это наши действия, как разведчиков, а мы же еще и пропагандисты, и нам нужно вести пропаганду и на свои войска. А чем их бодрить? Приказом фельдмаршала Бока о победе в Белоруссии: *«Наши потери тяжёлыми не назовешь, и храбрый солдат сочтет их приемлемыми»*. Сочтет-то сочтет — куда денется, но он их не только считает, но и видит...

У нас не может не возникнуть идея использовать этого «сына Сталина» для пропагандистского шоу. Мы эту идею докладываем начальству, Берлин нас в этом поддерживает, дает задание на этом шоу наработать заготовок для пропаганды — записать допрос на магнитофонную пленку, сделать достаточное количество фотографий и передать пленного в Берлин. Но Берлину сын Сталина нужен не только для внутренней пропаганды, а главным образом для пропаганды на СССР и Красную армию. А вот тут проблема — Берлин понимает: пока Яков воюет, пока дает команды «Огонь!», немцы не могут ни листовки сбрасывать, ни в эфир выходить. Иначе русские отзовут Якова, снимут кадры кинохроники с его участием, и наша брехня будет разоблачена и сыграет против нас. Поэтому Берлин дает команду нам, разведчикам группы армий «Центр», немедленно достать Якова Джугашвили живым или мертвым. Да это мы и сами, без Берлина понимаем.

Поэтому мы быстро организовываем шоу с допросом «сына Сталина» и показом его группе армий, отправляем «сына Сталина» в Берлин. А сами всем отделам 1-Ц корпусов и дивизий на этом участке фронта даем команду найти Якова, захватить его в плен или доставить в штаб его тело, а также среди трофеев собрать все документы, касающиеся Якова.

Во всех немецких дивизиях офицеры 1-Ц начинают среди пленных искать пленных 14-й дивизии, сосредотачивать их в одном пункте и расспрашивать о Якове. Скоро мы узнаем, что Яков командует батареей 152-мм гаубиц. Это несколько облегчает поиски, поскольку разрыв 40-кг снаряда этой гау-

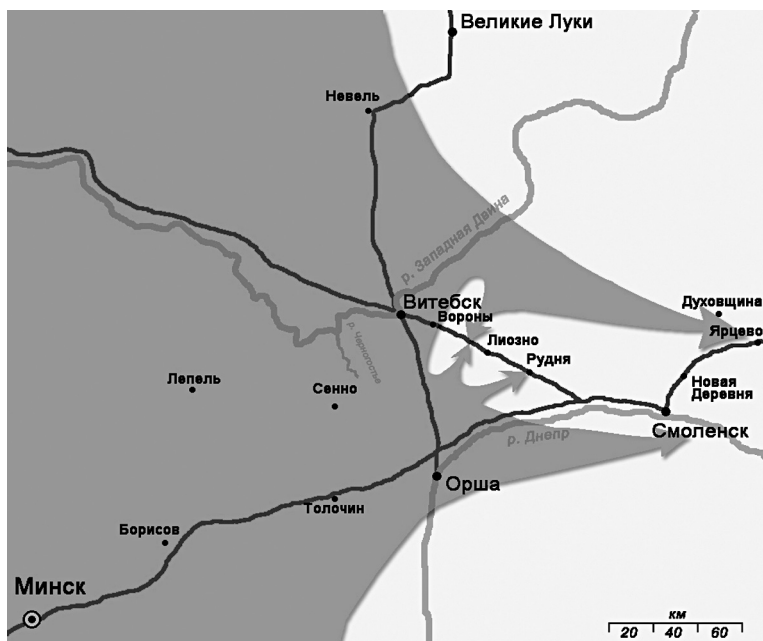
бицы трудно не заметить. Офицеры 1-Ц ищут среди пленных военнослужащих 14-й дивизии, но сначала не успевают — до 13 июля дивизия ни одного дня не воевала на одном участке фронта. Наконец, 13 июля дивизия начинает вести наступление на Витебск, у села Вороны определяются разрывы тяжелых снарядов, и видно, что и назавтра русские именно тут продолжат наступление. У офицеров 1-Ц было право ставить задачу на разведку пехотным и танковым частям, и мы такую задачу ставим ведущим здесь бои дивизиям.

У нас (напомню — немецких офицеров 1-Ц штаба группы армий «Центр») и у танковых и пехотных частей немцев появляется в распоряжении ночь для подготовки захвата второго дивизиона 14 ГАП русских. Мы подтягиваем в Вороны звуковую и радиоразведку, чтобы определить местонахождение его огневых позиций, высылаем авиационную разведку, просматриваем местность, чтобы определить возможное расположение наблюдательного пункта русских артиллеристов, сосредотачиваем здесь танки и пехоту.

Операция по захвату

Есть еще довольно интересный момент. В некоторых описаниях этих боев встречается термин «Витебский котел», то есть окружение советских войск под Витебском, но этот котел какой-то «неправильный». Для того чтобы понять, что произошло, надо осью событий представить дорогу Витебск — Смоленск, идущую на восток с небольшим склонением на юг. Примерно в 75 км от Витебска находится местечко Рудня, между ним и Витебском, в 45 км от Витебска — местечко Лиозно. Немецкий фронт в этом месте, грубо говоря, шел с севера на юг у Витебска, а на флангах уже охватывал эту территорию и с юга, и с севера.

И вот 14 июля немцы с юга наносят охватывающий удар на Рудню и захватывают ее, то есть создается впечатление, что теперь ударом с севера на Рудню они замкнут котел с нашими войсками, длиной примерно в 70 км. И они действительно наносят удар с севера, но не на Рудню и даже не на Лиозно, а с севера на юг между Лиозно и Витебском. Получилось, что с юга немцы окружили 70 км, а с севера — всего около 30, даже Лиозно оставалось в наших руках до 17 июля. Кольцо окружения по своей форме вместо цифры 0 стало похоже на обернутую цифру 6. В результате войска Красной армии, находившиеся севернее дороги Витебск — Смоленск, из этого «Витебского котла» просто выехали, в том числе и все части 14-й дивизии, не попавшие в окружение, были уже за Смоленском к утру 15 июля. В окружение из 14-й попали только мотострелковый полк и второй дивизион 14 ГАП. Но это не все.

При окружении стараются провести кольцо окружение по местности, на которой пока нет противника. Это делается для того, чтобы успеть создать внешнее и внутренние кольца котла, а их по-настоящему может создать только пехота, и нужно время, чтобы пехота успела подойти к этим местам раньше противника, иначе противник просто пройдет между танковыми подразделениями или прорвется между ними. Так вот, в этом «Витебском котле» немцы с севера окружили советские войска очень близко к ним, в результате 14-й мотострелковый полк с 153 дивизией практически сразу же и вырвался из этого котла. Но часть второго дивизиона (6 орудий) у Ворон осталась в котле. Я не буду утверждать, что немцы провели окружение под Витебском исключительно с целью пленить Якова Джугашвили, но тогда какое-нибудь иное объяснение такой странной конфигурации «Витебского котла» надо бы дать, а я его не вижу.

Брать всех и все!

Итак, 15-16 июля мы, немцы, прочесываем местность под Воронами, по дороге отхода 14-й дивизии, за Смоленском — везде, где прошла 14-я дивизия, мы вылавливаем всех артил-

леристов и бойцов 14-й танковой, оставшихся в живых. Находим тело Якова Джугашвили или его тяжело раненного, ищем дальше, находим документы канцелярии 6-й батареи и чемодан с личными вещами Якова.

15 июля 1941 года, в 3 часа ночи, при выходе из окружения из колонны 14-го гаубичного артиллерийского полка была оставлена машина со штабными документами. Немцам были отставлены: *«штаты, личные дела младшего и рядового состава, книга приказов, дело по переписке с дивизией, дело разведывательных и оперативных сводок, гербовые печати, книга учета начальствующего состава за 1941 год, книга исходящих документов, книга начальствующего состава, ящик с партийными и комсомольскими документами, различное иное имущество»*. Скорее всего, прорываться приходилось по бездорожью, гусеничные тягачи орудий могли пройти, а колесным машинам пройти было трудно. И уж если оставили немцам машину с таким грузом, то обозную машину с личными вещами командиров — с чемоданом Якова — оставили тем более. Правда, должностные лица полка, отвечавшие за эти документы, составили акт, что машина с документами сгорела, однако в это не верится. Не верится по той причине, что на допросе «сын Сталина» не знал элементарного, к примеру, какой он закончил институт, не говоря уже о том, какова его инженерная специальность. А вот из рапорта офицера 1-Ц, составленного якобы за пару часов до этого допроса, следует, что «сын Сталина» сообщил, что *«закончил обучение в качестве инженера, до 1938 года работал инженером на электростанции московского автомобильного завода “ЗИС”, затем поступил в артиллерийское училище, которое он 4-го мая 1941 года досрочно окончил старшим лейтенантом»*. Следовательно, немцы все же нашли личное дело Якова и из него узнали эти подробности, внеся их в рапорты, изготовленные уже в 1943 году.

Но почему я обращаю внимание на этот его чемодан? Потому что в чемодане могли быть незаконченные письма Якова, его конспекты и иные служебные документы, а это образцы его почерка. И главное, в чемодане могли быть (по обычаям тех времен) личные семейные фото, на которых был сфотографирован и Яков. Уже упомянутый Робустов, поясняя, почему он не верил немецким листовкам, говорил о фотографии на этих листовках: *«Он идет в шинели армейской. Его шинель армейская была у меня на машине на этой продуктовой. У него шинели с собой не было!»*. То есть тылы батареи, ее обоз и вещи Якова были на продуктовой машине.

Почему этот его чемодан важен?

Напомню, что еще 6 июня 2007 года агентство newsru.com сообщило, что: «...недавно доктор исторических наук Сергей Девятков, который по совместительству является начальником Центра по связям с прессой и общественностью Федеральной службы охраны (ФСО), сообщил, что...

“Существует около 10 фотографий Якова Джугаивили в плену, — пояснил историк. — Специалисты одного из центров Минобороны проанализировали их. Это очень грамотный фотомонтаж. Скорее всего, были использованы те фотографии, которые были найдены на теле погибшего старшего лейтенанта Джугаивили”. “А когда фотографии кончились, они допустили ошибку, дав «зеркальное» изображение одного из фото — на нем застёжка на мундире с другой, «женской» стороны”, — поясняет историк.

По его словам, показательно и то, что не обнаружено ни одной киносъемки Джугаивили в лагере. “Но больше всего эту версию подтверждает экспертиза записей, которые он (Яков Джугаивили) сделал, якобы находясь в плену. Ведь сохранились записи и тетради времен, когда он учился в военном училище, и если в ряде записок почерк похож и мог быть искусно подделан, то в некоторых он вообще не соответствует почерку Якова Джугаивили”, — отмечает Сергей Девятков.

Должен сказать, что версия о том, что семейные фотографии были на теле Якова, для меня весьма сомнительна. Ну фотография любимой жены в бумажнике, ну фотография ребенка, но альбом семейных фотографий? Это слишком! Думаю, что исследователи просто забывают, что офицеры (командиры — по тогдашней терминологии) возили с собою чемодан с личными вещами и на фронте, а десяток фотографий в чемодане не занимает много места.

Москва не поверила

Надо сказать, что в Москве в 1941 году в пленение Якова не поверили, и именно из-за фотомонтажа фотографий на листовках. Специалисту эту подделку несложно было вскрыть. Напомню, что и Артем Сергеев вспомнил о том времени: *«Мне в то время пришлось быть в немецком тылу. Мы видели листовку, где якобы Яков с немецким офицером, который его допрашивает. А в моем партизанском отряде был профессиональный фотограф. Он на мой вопрос, каково его мнение — фальшивка это или нет, ничего сразу не сказал и лишь через день уверенно заявил: монтаж».* И если такой специалист-фотограф нашелся в партизанском отряде, то нашелся он и в Москве. И в Москве тоже встал вопрос: откуда у немцев фотографии из семейного архива Якова?

Но только кроме версии о том, что фотографии найдены в вещах убитого Якова, в Москве возникло и подозрение в отношении его жены Юлии Мельцер. Надо думать, полагали, что она как-то связана с немцами и что это она передала немцам нужные фотографии. Дочь Якова Галина так объясняет события: *«На немецких листовках был “снимок”: с немцами за столом сидит папа, а на нем — старая куртка, которую он обычно надевал на рыбалку, на охоту. Это был явный монтаж с использованием фотографии из семейного альбома. Как она могла попасть к немцам, непонятно. Решили, что мама, очевидно, передала. И еще был момент. Военный адрес отца из гражданских лиц был известен только маме. А немцы в июле 1941-го очень быстро окружили полк, где был папа, будто знали, что там — сын Сталина. Вспомнили и о том, что мама в 30-е годы была на лечении в Германии, и там у нее, естественно, были какие-то контакты с местными жителями. Вот все это “объединили в одно”, и на маму пало подозрение, что она предала Якова Джугашвили».*

И дочь Сталина, Светлана Аллилуева, об этом вспоминает, и хотя в этом эпизоде ее собственные оценки мало чего стоят и даты уж явно неверные, но поведение Сталина она, скорее всего, передала точно:

«В конце августа я говорила из Сочи с отцом по телефону. Юля стояла рядом, не сводя глаз с моего лица. Я спросила его, почему нет известий от Яши, и он медленно и ясно произнес: “Яша попал в плен”. И, прежде чем я успела открыть рот, добавил: “Не говори ничего его жене пока что...” Юля поняла по моему лицу, что что-то стряслось, и бросилась ко мне с вопросами, как только я положила трубку, но я лишь твердила: “Он ничего сам не знает”... Новость казалась мне столь страшной, что я была бы не в силах сказать ее Юле — пусть уж ей скажет кто-нибудь другой... Но отцом руководили совсем не гуманные соображения по отношению к Юле: у него зародилась мысль, что этот плен неспроста, что Яшу кто-то умышленно “выдал” и “подвел”, и не причастна ли к этому Юля... Когда мы вернулись к сентябрю в Москву, он сказал мне: “Яшина дочка пусть останется пока у тебя... А жена его, по-видимому, нечестный человек, надо будет в этом разобраться...” И Юля была арестована в Москве осенью 1941 года и пробыла в тюрьме до весны 1943 года, когда “выяснилось”, что она не имела никакого отношения к этому несчастью, и когда поведение самого Яши в плену наконец-то убедило отца, что он тоже не собирался сам сдаваться в плен».

Как видим, в поведении Сталина два периода: сначала он поверил, что Яков в плену, а потом, получив немецкие листов-

ки, эта вера исчезла. Вместо этой веры возникло естественное желание выяснить, как к немцам попали фотографии Якова? И Мельцер была арестована именно в связи с этим. Тем не менее в итоге для Мельцер все окончилось благополучно: доказать ее причастность к немецкой провокации следователи НКВД не смогли, и ее освободили.

Однако, поскольку каких-либо подтверждений того, что на фронте у Якова были семейные фотографии, тоже нет, то вопрос о том, откуда немцы их взяли, скорее всего, навсегда останется открытым.

Итак, мы, немцы, собрав образцы почерка и фотографии (если они были при Якове), отправили их в Берлин. Рейшуле сообщил, что пленку с записью допроса «сына Сталина» расшифровывали семь лучших переводчиков, теперь, уверен, за фотографии Якова взяли семь лучших фотографов, а за подделку подписей — семь лучших графологов. А из Берлина нам в группу армий «Центр» пришла команда наградить всех участников этой операции. И, разумеется, держать эту операцию в строжайшей тайне.

Их там не было

Думаю, что все же найдутся те, кто засомневается: а, может, все же все было так, как немцы говорят? Может, в самом деле Яков Джугашвили 17 июля сдался немцам в плен? Ну пусть не 12 танковой дивизии немцев, а 19-й, но все равно сдался?

Тут положение такое: даже если бы Яков и захотел сдаться, то ни 12-я, ни 19-я дивизии немцев просто не смогли бы его взять в плен по очень простой причине — их и близко не было в районе Витебска и Лиозно. Обе эти дивизии в начале войны входили в 57-й моторизованный корпус немцев, а он сначала застрял в районе Полоцка из-за жесткой обороны гарнизона этого города, а затем наступал на северо-восток — в направлении Невеля и Великих Лук, то есть под Витебском он вообще не воевал. Помянутый Герман Гот сообщает: *«После того как 18 июля 12-я дивизия прибыла в район северо-западнее Невеля, кольцо вокруг частей противника (около двух дивизий), отступающих под натиском 23-го армейского корпуса и войск южного крыла 16-й армии, замкнулось. Противник предпринял отчаянную попытку вырваться из окружения и в ночь с 19 на 20 июля значительными силами пехоты атаковал слабый участок фронта 14-й моторизованной дивизии»*. Но, для того чтобы 18 июля вступить в бой аж за Невелем, 12-й дивизии нужно было начать движение в этот район еще 16 июля, а «сын Сталина», согласно немецкой брехне, сдался 12-й дивизии только в 19-00 17 июля в районе Лиозно. А 19-я

танковая дивизия немцев уже давно была у Невеля: *«14 июля 19-я танковая дивизия сломала упорное сопротивление противника, окопавшегося на ее пути, и отбросила его к Невелю. 15 июля, введя в бой танковый полк и охватив город с двух сторон, дивизия ворвалась в Невель и после ожесточенных боев очистила его от противника. В этом бою обе стороны понесли большие потери. ...В то время как 19-я танковая дивизия 16 июля преследовала противника в направлении Великих Лук, важного узла железных и шоссейных дорог...»*.

Посмотрите на карту — от Лиозно до Невеля и Великих Лук, до района, в котором в ожесточенных боях дрались обе эти немецкие дивизии, от 150 до 220 километров. Короче, в какой из этих документов «честнейших немцев» ни глянешь, а там везде брехня.

Почему немцы, фальсифицируя документы по делу «сына Сталина», так грубо ошибались в, казалось бы, элементарном — в правильном описании действующих в этом фарсе немецких соединений? Ответ один: только потому, что сочиняли немцы эти документы пару лет спустя после описываемых событий, когда реальность боев июля 1941-го уже забылась, очевидцев не осталось, а под рукой были только документы, описывающие события «крупными мазками», то есть описывающие только бои армий и корпусов, без описания боевого пути дивизий.

В немецкой армии «корпуса» и «армии» — это всего лишь штабы с приданными частями, своих собственных дивизий эти соединения и объединения не имеют. Входящие в их состав дивизии могут в любой момент быть изъяты и преданы другим корпусам и армиям, а в их состав могут быть введены другие дивизии. К примеру, 39-й моторизованный (впоследствии — танковый) корпус немцев в исследуемое время имел в своем составе 1-ю и 20-ю танковые и 14-ю и 20-ю мотопехотные дивизии. А через год в его составе воевали 1-я и 7-я танковые и 78-я и 102-я пехотные дивизии. Тот же 57-й моторизованный корпус немцев: в исследуемое время имел в своем составе помянутые 12-ю и 19-ю танковые и 18-ю мотопехотную дивизии; через пять месяцев — 20-ю танковую, 2-ю мотопехотную и дивизию СС «Рейх»; еще через три месяца — снова 19-ю танковую и 34-ю и 98-ю пехотные дивизии.

Вот немцы и посмотрели по схемам тех боев на карте: Витебск брал 39-й корпус. Ну и приписали ему подвиг пленения «сына Сталина», хотя на самом деле 16 июля этот корпус воевал уже за 200 км от Лиозно. А поскольку 39-й и 57-й корпус составляли третью танковую группу Гота, то фальсификаторы посмотрели на имевшиеся в это время в этой группе ди-

визии — одному понравилась 12-я, другому 19-я. Получилось красивенько так, убедительно. Кто ж знал, что в конце концов их фальшивки заинтересуют и меня?

Время и место встречи изменить нельзя

Теперь давайте вернемся к сумбуру политрука Васкотовича, из которого определенно следует, что 14 июля ему еще ничего не было известно о пленении или смерти Сотникова и Джугашвили, то есть они были еще в рядах РККА. Между тем в анкете военнопленного капитана Сотникова М. Т., командира дивизиона 14 артполка, записано, что он попал в плен 13 июля. Получается, что кто-то ошибается в дате — или Васкотович, или Сотников, что при том стрессе, который испытали в это время эти люди, вряд ли в этом есть что-то странное: не до дат им было. Однако из Журнала боевых действий 14-й танковой никак не следует, что 13 июля могли попасть в плен кто-то из артиллеристов, которые все же находятся за спиной пехоты, — 14-я наступала на Витебск. Тем не менее, а вдруг Сотников умудрился попасть в плен даже при наступлении?

Давайте оценим его показания. Васкотович вспоминал дату всего максимум неделю спустя после события. А Сотникова 8 месяцев гнали по пересылкам немецких лагерей и только не ранее 14 марта 1942 года заполнили на него анкету военнопленного. Поэтому именно Сотников точную дату своего пленения мог подзабыть, тем более что это не та дата, с которой начисляется пенсия.

С другой стороны, 14-й гаубичный артиллерийский полк тоже отчитался в потере Якова Джугашвили и Михаила Сотникова, и в приказе Народного комиссара обороны № 060/пр от 5 января 1942 года Яков Джугашвили числится пропавшим без вести с 15 июля 1941 года. И Сотников в аналогичном приказе тоже числится пропавшим без вести с 15 июля. Таким образом, мы имеем разброс дат последних боев Якова: минимум — это 14 июля, а максимум Яков Джугашвили воевал до 15 июля еще в составе своей части.

Теперь вернемся к протоколу допроса оперативниками НКВД командира роты пропагандистов 4-й немецкой армии капитана Рейшуле в 1946 году. Этот капитан, безусловно, знал, что на шоу в 1941 году допрашивал не сына Сталина, а провокатора. Я уверен в этом по тому, какие вопросы он ставил «сыну Сталина» — он избегал ставить вопросы, на которые «сын Сталина» не мог бы ответить, например, не спросил адреса семьи, не уточнил, кем именно воевал этот «артиллерист». Поэтому Рейшуле на допросе в НКВД (а он допрашивался одним из первых, найденных по этому делу) тщательно ста-

рался не дать повода себя разоблачить в этом вопросе. Врать в фактах он боялся, поскольку понимал, что если многочисленные свидетели шоу покажут иное, то его потом за вранье оперативники будут бить, причем еще и пару сержантов пригласят на помощь. У Рейшуле был единственный путь — умолчать о том, что могло бы впоследствии привести к его разоблачению.

И если вы присмотритесь к уже данным цитатам, то он вдруг «забыл» фамилии тех, кто с ним был на шоу, даже фамилию своего сослуживца по отделу 1-Ц армейского штаба, майора, и того забыл. Видимо, знал, что эти люди остались живы, и боялся, что русские и их найдут по его показаниям. Он забыл, что «сына Сталина» допросили и в штабе группы армий «Центр», а ведь без этого допроса через голову группы армий «сына Сталина» просто не отправили бы в Берлин. Боялся Рейшуле, что русские и тех допрашивавших найдут. Даже забыл фамилию переводчика, который переводил допрос, вспомнил только, что это был эстонец, который плохо знал русский язык. И вот эта забывчивость у него была при том, что он прекрасно помнил все вопросы, которые задавали «сыну Сталина», и даже его ответы.

Но вот ему задают, казалось бы, абсолютно безобидный вопрос: «В какой местности производился допрос Якова ДЖУ-ГАШВИЛИ?» — и у Рейшуле снова начисто отшибает память: *«Штаб командующего 4-й армейской группировкой на Восточном фронте генерал-полковника фон КЛЮГЕ в это время находился около шоссе Смоленск — Минск, в районе гор. Орша. Точное место припомнить не могу»*. Да, штаб фельдмаршала Клюге 18 июля находился в городке Толочин на шоссе Минск — Смоленск, этот городок в 50 км от Орши, то есть действительно *«в районе гор. Орша»*. Но зачем темнить? Почему прямо не назвать этот городок?

Дело в том, что, сообщив, что допрос происходил в штабе разведывательной авиации группы армий «Центр», Рейшуле фактически сообщил, что в этом же месте находился и штаб группы армий «Центр». А Орша была взята немцами только 16 июля. Не мог штаб группы армий, командующий войсками на фронте в 500 км, находиться в 50 км от передовой: связь с фланговыми войсками невозможно было бы организовать. Само собой, когда Рейшуле спросили, когда это было, у него тоже с памятью стало плохо, но все же не настолько, чтобы соврать прямо, и он вынужден был ответить: *«Примерно, около 10 июля 1941 года...»*.

Выше я показал, что эта дата, «около 10 июля», получается при анализе совершенно иных обстоятельств — при допросе

ни «сын Сталина», ни немцы еще не знали о боях 14-й танковой дивизии после 7 июля. А теперь же на эту дату прямо показывается и независимый в данном случае свидетель.

Но это не все, эту дату можно уточнить, если выяснить, где и когда штабы группы армий «Центр» и 4-й армии Клюге располагались в одном населенном пункте. И тут на помощь приходит допрос НКВД еще одного свидетеля: *«Оперативным Сектором МВД гор. Берлина 10-го июня с.г. был арестован работник отдела I-Ц Главного Штаба Центральной группы немецких войск — ГЕНСГЕР Пауль. Будучи допрошенным, он показал, что в 1941 г. в городе Борисове он в качестве переводчика участвовал на допросе старшего лейтенанта артиллерии ДЖУТАШВИЛИ Якова. Допрос вел капитан отдела I-Ц доктор Шульце, работник 5 отдела Главного Управления Имперской Безопасности».*

Итак, допрос «сына Сталина» проходил в городе Борисов. Действительно, если посмотреть из Берлина, то можно считать не только то, что Борисов находится на дороге Минск — Смоленск, но и то, что он *«в районе гор. Орша»*, поскольку до Орши от Борисова всего-то около 140 км. Остается выяснить, когда в этом городе находились одновременно штаб группы армий «Центр» фон Бока и штаб 4-й танковой армии фон Клюге, и было ли такое? Начинаем читать мемуары немцев и выясняем: да, было. В своих дневниках Бок за 11 июля 1941 года записал: *«Проезжал через разрушенный Минск, где посетил штаб-квартиры 2-й армии (Вейхс) и 2-го воздушного флота (Кессельринг) по пути в Борисов. Новая штаб-квартира располагается рядом с аэродромом; штабистов приветствовал рев авиационных моторов».* А генерал Г. Блюментрит в своих мемуарах пишет: *«8 июля штаб 4-й танковой армии переместился в Борисов (на Березине)... 13 июля штаб фельдмаршала Клюге переместился из Борисова в Толочин».*

Как видите, с 11 по 13 июля штабы обоих фельдмаршалов находились в городе Борисов Минской области. Следовательно, «сына Сталина» допросили в этом городе самое позднее 12 июля (на утро следующего дня Клюге все еще был в городе), и это предельный срок.

Но настоящий сын Сталина Яков Иосифович Джугашвили 12 июля дрался в составе своей дивизии в ее попытке выполнить приказ Конева и пробиться за Витебск: *«...в районе Еремьино разграблен штаб войск соединения, взято трофеев: 5 легковых машин с документами».* 13 июля Яков дрался у Ворон: *«14 ГАП в районе Вороны уничтожил 1 батарею, подбил 12 танков (4 из них совершенно выведены из строя)».* Утром 14 июля он под Витебском у деревни Вороны Яков начинает бой

на НП второго дивизиона. И возможно, Яков дерется в рядах своего полка еще и 15-го. А немцы, оказывается, уже два дня как его допросили и уже даже аудиозапись его допроса и его фотографии отправили в Берлин.

* * *

Что же мы имеем в итоге?

Нет, конечно, можно твердить, что сына Сталина 17 июля в 19-00 под Лиозно взяли в плен солдаты 12 танковой дивизии немцев (она же 19-я), а 18 июля его в Толочине допросили и сфотографировали. И при этом требовать, чтобы тебя считали не только честным и умным человеком, но еще и гражданином России.

Но как тогда быть с тем, что ни одна из помянутых немецких дивизий не воевала под Лиозно и к 17 июля они находились в 200 км от этого местечка?

Но как тогда быть с тем, что 18 июля в Толочине не было штаба группы армий «Центр» и штаба разведывательной авиации этой группы?

Но как тогда быть с тем, что свидетель показал, что допрос был в Борисове?

Но как тогда быть с тем, что другой свидетель показал, что допрос был около 10 июля?

Но как тогда быть с тем, что допросить Якова одновременно и в штабе группы армий, и в штабе 4-й армии можно было только 12 июля?

Но как тогда быть с тем, что Яков Джугашвили до 14 или 15 июля все еще воевал в составе 14 танковой дивизии Красной армии?

Знать все это и продолжать верить документам, изготовленным «честнейшими немцами»?

КАК ПОГИБ ЯКОВ ДЖУГАШВИЛИ

Первую версию этой статьи я написал по просьбе Е. Я. Джугашвили, однако его сын, Яков, прислал мне кое-какие документы, и я полагаю, что эту работу следует дополнить.

Итак, узнав, что я не согласен с версией того, что его отец, Яков Джугашвили, попадал в плен к немцам, Евгений Яковлевич Джугашвили при встрече передал мне кассету с записью видеофильма «Старший сын» из серии «Кремлевские лейтенанты» о судьбе его отца и попросил прокомментировать выводы этого фильма.

Должен сказать, что фильм не хуже прочих подобных изданий нынешнего Агитпропа, то есть сценарист и продюсер фильма историк из Харькова А. Колесник не брызжет пеной антисоветизма, однако, как исследователь, он не очень далеко ушел от своих коллег — «профессиональных историков». Они бывают всем хороши, но, во-первых, они боятся уйти от наезженных до них путей. Скажем, в свое время люди Геббельса сообщили, что сын Сталина сдался немцам в плен. Как же «профессиональный историк» может им не поверить? Посему Колесник версию о том, что Яков Джугашвили был убит в бою, отмечает сходу: «Когда стало модно выдвигать новые скандальные версии...». А почему это версия Геббельса не скандальная, а версия о том, что Яков принял смерть, как и почти 9 миллионов его соотечественников, вдруг стала скандальной? Соответственно, «профессиональный историк» не стесняется откровенно подгонять под «правильную и не скандальную» версию Геббельса и факты. Во-вторых, у этих профессиональных историков жизненный опыт не заходит далее кухонных скандалов, посему и мотивы действия тех или иных выдающихся исторических лиц они оценивают с позиций своего кухонного опыта.

Вот и получается у Колесника вывод, что Гитлер приказал убить сына Сталина, чтобы отомстить Сталину, ну типа Сталин подсыпал Гитлеру соли в суп, а Гитлер плюнул Сталину в борщ. Других мотивов Колесник не видит и с апломбом сообщает пословицу: «Чтобы убить отца, нужно убить сына». Откуда взял? Какой народ мог ввести в пословицу такой идиотизм? Петр Первый и Тарас Бульба казнили своих сыновей, чтобы убить себя? И во что обошлось полякам убийство стар-

шего сына Тараса Остапа? И у Колесника множество выводов в таком же духе. Типа американцы засекретили документы о смерти Якова, чтобы с их помощью соблазнять советских людей на предательство и бегство на Запад. А как документами о смерти сына Сталина в плену во время войны можно соблазнить перебежать на Запад в мирное время?

Ну да ладно. Мы рассмотрим факты и из этого фильма, но сначала давайте прочтем версию и ознакомимся с фактами, представленными тем, кто как бы видел все документы по делу Якова, оценим дело в целом.

Это выдержки из книги А. Витковского «Военные тайны Лубянки». Автор книги, полковник запаса ФСБ, на основе документов из архивов ФСБ рассказывает о тайнах и секретах отечественных спецслужб, в том числе о последних днях сына И. В. Сталина Якова Джугашвили и о подробностях его гибели.

«В концлагерь Яков был доставлен из V отдела имперской безопасности Германии доктором Шульце. Часто из Берлина приезжал навещать военнопленного другой гестаовец — криминальный комиссар имперской безопасности Штрук. Допросов не велось, выяснялись лишь претензии к лагерному начальству.

О том, что судьбой Якова Джугашвили был заинтересован лично Гиммлер, было известно многим. Видимо, он хотел использовать сына Сталина в случае секретных договоров с СССР или для обмена захваченных в русский плен видных нацистов и военачальников. И все же какова была истинная цель проходивших в зоне “А” встреч? Что задумал шеф гестапо Генрих Гиммлер?

К моменту этапирования Джугашвили два блока зоны “А” стояли пустыми. Якова поселили в третий, где уже находились четверо военнопленных из английской армии — Томас Кучинн (или Кушин) — родственник премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Чуть позднее соседнюю с Джугашвили камеру занял В. Кокорин, представившийся пленником Молотова.

По распоряжению начальника лагеря англичанам вменялось в обязанность ежедневно мыть комнаты пленных “союзников” и чистить туалет. Такое неравноправие искусственно насаждалось, для того чтобы спровоцировать конфликт между высокопоставленными пленниками разных стран, задокументировать его и результаты скандала вынести на мировую политическую арену, чтобы добавить масла в огонь и без того непростых отношений между главами государств антигитлеровской коалиции. Фашистские провокации вре-

менами достигали своих целей. Со стороны англичан стали звучать угрозы расправиться с русскими.

Из протокола допроса свидетеля Привалова П. Ф. 26.5.1945

“Немецкий военнослужащий Отто Мюллер рассказал, что в целях провокации конфликта между СССР и Англией немцы решили убить Джугашвили и Кокорина. Пленным английским солдатам было дано задание начать драку, во время которой уничтожить обоих русских. По данному факту геббельсовская пропаганда поднимет шумиху, обвиняя племянника Черчилля, и добьется разрыва отношений между СССР и Англией”.

Вероятно, перед угрозой открытия второго фронта эта затея фашистов не выглядела совсем абсурдной. Из показаний Кокорина, другого солагерника Джугашвили, ясно, что Яков принимает решение ценой собственной жизни не допустить конфликта между пленными союзниками и не давать лишний повод для разногласий в большой антигитлеровской политике. К этому он склоняет и племянника Молотова: “Лучше броситься на проволочную ограду, чем быть убитым англичанами”. И вот вечером 16 апреля 1943 года Кокорин вдруг услышал окрик часового, а затем винтовочный выстрел.

Несколько иначе объясняет гибель Якова камбриг Бессонов, также знакомый с сыном Сталина по плену. После войны на допросе у Абакумова он показал, что в июне 1943 года, находясь в плену, встретился с Томасом Кучинном. Англичанин рассказал, что как-то вечером в апреле он услышал выстрелы и увидел немцев, которые сняли с проволочного ограждения труп, завернули в одеяло и унесли в караульное помещение.

Позднее начальник караула рассказал Кучинну, что был убит сын Сталина. По неизвестной причине он в нижнем белье выскочил из окна своей комнаты на улицу и бросился на проволоку. Думая, что пленник пытается сбежать, часовой застрелил его. Также Кучинну было известно, что племянник Молотова — Кокорин — постоянно ссорился с Джугашвили и даже сообщал о поведении своего лагерного соседа немцам.

Иная версия известна Бессонову со слов Фишера — ефрейтора из охраны Заксенхаузена. Поздно вечером, когда Яков уже был в постели, к нему с ножами в руках ворвались англичане. Он выпрыгнул в окно и с криками: “Унтер-офицер! Унтер-офицер!” — приблизился к забору. Стоящий метрах в шестидесяти часовой первым выстрелом ранил пленника в ногу, а вторым убил наповал, прострелив ему голову.

О происшествии комендант лагеря срочно сообщил в Главное управление имперской безопасности. Для производства экспертизы в Заксенхаузен приехал Шульц и два судмедэксперта. В своем докладе на имя Гиммлера они констатировали смерть Я. Джугашвили не от пулевого ранения, а от тока высокого напряжения. По их заключению, выстрел часового прозвучал уже после того, как военнопленный схватился за проволоку. На основании этих данных сделан вывод: Яков Джугашвили покончил жизнь самоубийством. Его труп был подвергнут кремации, а урна с прахом увезена в Берлин, где ее следы окончательно затерялись. Лагерное дело с актом о смерти военнопленного хранилось в сейфе коменданта, но при эвакуации было уничтожено вместе с другими документами.

В ходе работы по выяснению обстоятельств смерти Я. Джугашвили сотрудниками органов госбезопасности также было доказано, что В. Кокорин, выдававший себя за племянника В. М. Молотова, на самом деле таковым не является. Более того, находясь в конце 1943 года в Ораниенбургской тюрьме, он был завербован германской разведкой. Однако немецкий агент категорически отказался от своей причастности к смерти сына Сталина. И все же за совершенные преступления его приговорили к высшей мере наказания. Расстреляли и немецкого агента Н. Соколова. На 25 лет был осужден Вальтер Рейшуле.

Конечно, материалы расследования обстоятельств пленения и смерти старшего сына не могли не докладываться Сталину. Но в деле об этом нет ни одной пометки. Да и были ли смысл «великому кормчему» знакомиться с этим томом. Ведь все полученные сведения докладывались ему еще до того, как подшивались в дело. А кроме того, сын вождя не мог смалодушничать, поэтому «на допросах вел себя исключительно твердо, мужественно переносил все тяготы и лишения, достойно отвечал обидчикам». Знал это и сам Верховный, и все те, кто вел расследование. По воспоминаниям Г. К. Жукова, однажды во время прогулки Сталин задумчиво сказал: «Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты...». И, помолчав немного, добавил: «Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине». Впрочем, понимал Генералиссимус Советского Союза и другое: война завязывала в тугой узел и ломала многие жизни, даже те, которые были выкованы из самой прочной и нержавеющей стали».

Вот в этом же духе и фильм Колесника. Между прочим, в этом фильме дают интервью не только Е. Я. Джугашвили, но и ныне покойный Артем Сергеев, однако в духе нынешней «свободы слова» профессионал-историк Колесник версию Сер-

геева о смерти Якова в бою не дал — убрал то, что не соответствует его «генеральной и не скандальной линии». Давайте я дам соответствующий отрывок из книги А. Сергеева «Беседы о Сталине».

«Старший сын Сталина Яков, 1907 года рождения, инженер-электрик, окончивший электромеханический факультет Института инженеров путей сообщения и железнодорожного транспорта. Он окончил и артиллерийскую академию, ушел на фронт, воевал. Он долго считался пропавшим без вести, потом якобы оказавшимся в плену. Но нет ни одного достоверного подлинного документа, свидетельствующего, что Яков был в плену. Вероятно, 16 июля 1941 года он был убит в бою. Думаю, немцы нашли при нем его документы и устроили такую игру с нашими соответствующими службами. Мне в то время пришлось быть в немецком тылу. Мы видели листовку, где якобы Яков с немецким офицером, который его допрашивает. А в моем партизанском отряде был профессиональный фотограф. Он на мой вопрос, каково его мнение — фальшивка это или нет, ничего сразу не сказал и лишь через день уверенно заявил: монтаж. И сейчас криминалистическая экспертиза подтверждает, что все фотографии и тексты Якова якобы в плену — монтаж и фальшивка. Конечно, если бы Яков, как утверждали немцы, попал к ним, то они бы позаботились о достоверных свидетельствах, а не предъявляли сомнительные: то фотографии размытые, то со спины, то сбоку. Свидетелей тоже в итоге ни одного не оказалось: то они знали Якова лишь по фотографиям, но в плену опознали его, то такие же несерьезные свидетельства. У немцев хватало тогда технических средств, чтобы и на киноплёнку снять, и на фото, и записать голос. Ничего этого нет. Таким образом, очевидно, что старший сын Сталина погиб в бою».

А вот сообщение в тему.

6 июня 2007 года агентство newsru.com завопило: «В архивах ФСБ РФ заявляют о наличии документов, подтверждающих пленение немцами старшего сына Сталина», но давайте прочтем эту радостную новость подробнее:

«В архивах ФСБ России имеется достаточно документальных подтверждений того, что сын Иосифа Сталина, Яков Джугашвили, действительно находился в немецком плену, заявил в среду журналистам начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ Василий Христофоров.

По его словам, “в архивах есть многочисленные свидетельства лиц, которые находились с Яковом в фашистском плену”. Христофоров сообщил также, что согласно свидетель-

ствам тех, кто был в плену с Яковом Джугаивили, “сын Сталина вел себя там достойно”.

При этом Христофоров подчеркнул, что германские спецслужбы могли использовать записи допросов сына Сталина для своей пропаганды и организации различных провокаций в отношении Советского Союза в период Великой отечественной войны.

Согласно официальной историографии командовавший артиллерийской батареей старший лейтенант Джугаивили был взят в плен в июле 1941 года под Витебском и находился в лагерях до 1943 года, когда он сымитировал побег и был застрелен охраной.

Однако недавно доктор исторических наук Сергей Девятков, который по совместительству является начальником Центра по связям с прессой и общественностью Федеральной службы охраны (ФСО), сообщил, что отечественные и зарубежные архивы, в том числе личный архив семьи Сталина, косвенно подтверждают версию о том, что его старший сын Яков Джугаивили никогда не был в немецком плену в годы ВОВ. По мнению Девяткова, немцы могли инсценировать плен сына Сталина.

Девятков озвучил такие данные на прошедшем недавно “круглом столе” “Проблемы публикации источников по истории России XX века”, посвященном рассекречиванию материалов из архивов ФСБ России. По словам Девяткова, “проведенные объективные криминалистические исследования, в том числе почерковедческие, говорят о том, что, скорее всего, это было активное пропагандистское спецмероприятие немецких спецслужб”.

“Существует около 10 фотографий Якова Джугаивили в плену, — пояснил историк. — Специалисты одного из центров Минобороны проанализировали их. Это очень грамотный фотомонтаж. Скорее всего, были использованы те фотографии, которые были найдены на теле погибшего старшего лейтенанта Джугаивили”. “А когда фотографии кончились, они допустили ошибку, дав «зеркальное» изображение одного из фото — на нем застёжка на мундире с другой, «женской» стороны”, — поясняет историк.

По его словам, показательно и то, что не обнаружено ни одной киностелки Джугаивили в лагере. “Но больше всего эту версию подтверждает экспертиза записей, которые он (Яков Джугаивили) сделал, якобы находясь в плену. Ведь сохранились записи и тетради времен, когда он учился в военном училище, и если в ряде записок почерк похож и мог быть искусно под-

делан, то в некоторых он вообще не соответствует почерку Якова Джугаивили», — отмечает Сергей Девятков.

Добавим, что историк Девятков обошел вниманием существование протоколов допросов Якова Джугаивили, а также документированных свидетельств его смерти в лагере Заксенхаузен, включая показания охраны и медицинскую справку. Три с лишним года назад копии этих документов, хранившиеся в Национальном архиве Вашингтона и подтверждающие смерть сына Сталина в фашистском плену, были переданы дочери Якова Джугаивили Галине, проживающей в Москве» (<http://www.newsru.com/russia/06jun2007/yakov.html>).

Давайте оценим сообщение этих проституток из ФСБ, готовых подставиться под кого угодно. Что значит «*в архивах есть многочисленные свидетельства лиц, которые находились с Яковом в фашистском плену*»? Разве среди этих «свидетелей» был хотя бы один, который был бы не только знаком, а хотя бы видел когда-нибудь Якова до плена? Таких свидетелей нет, и вопрос к «знатокам» ФСБ: а куда они подевались? Куда подевались из немецкого плена те, кто мог опознать Якова, к примеру те, кто видел Якова накануне 16 июля 1941 года — личный состав 14 гаубичного артполка? А ведь это минимум 1500 человек. Кроме Якова никто в плен не попал? Простите, но если бы это действительно был Яков, то даже при его признании немцам, что он сын Сталина, немцы устроили бы шоу с его опознанием и протоколы этого опознания Якова сослуживцами были бы у вас в деле. Но информации ноль! А вот если это был не Яков, а подставное лицо, то немцы обязаны были перебить всех его сослуживцев у них в плену, чтобы никто из них не разоблачил аферу. Надо же понимать, что отсутствие факта там, где он обязан быть, — это тоже факт!

Подделка почерка всего лишь косвенное доказательство: если Яков был в плену, но отказывался сотрудничать с немцами, то они могли подделывать его почерк.

Что касается такого «доказательства», как протоколы допросов, то оно вообще смехотворно. Или «профессионалы» ФСБ думают, что только они могут фабриковать дела, а немцам это было не по уму?

А вот то, что смонтирована пусть даже одна фотография из десятка, а не весь десяток, как это утверждает Девятков, то это такое доказательство, при котором других доказательств не надо: при живом Якове подделывать его фото не было необходимости.

Теперь давайте посмотрим, что же американцами было передано «*дочери Якова Джугаивили Галине*»:

12 сентября 2003 года то же newsru.com убеждало: «Документы подтвердили: сын Сталина был застрелен при попытке к бегству». Полюбопытствуем.

«Галина Джугашвили, проживающая в Москве, получила голубую папку с документами из рук Джерри Дженнингса, помощника министра обороны США по делам военнопленных и пропавших без вести. Дженнингс состоит в совместной американо-российской комиссии, которая занимается выяснением судеб военнослужащих, пропавших без вести во время Второй мировой и холодной войн.

В папке находятся бумаги Госдепартамента, копия протокола допроса нацистами Якова Джугашвили, справка о смерти, подписанная Генрихом Гиммлером, главой полиции Адольфа Гитлера, заявления охранников и врача лагеря.

В одном из документов Госдепартамента говорится, что США и Великобритания решили не сообщать Сталину о смерти Джугашвили, потому что «это не принесет ему утешения»» (http://www.newsru.com/world/12sep2003/stalin_html).

О цене протоколов допроса, как доказательства, мы уже говорили, того же сорта и показания охранников (кто из них знал настоящего Якова?), но восхищает *«справка о смерти, подписанная Генрихом Гиммлером, главой полиции Адольфа Гитлера»*. Честнейший человек был Гиммлер? Соврать никак не мог?

Однако интересно другое. Ну дала Галина интервью «Комсомолке», ну и что? О таком немедленно забывают. А тут надо же — Госдеп США засуетился, документы привез. А как же — из детей членов правительства СССР (а на фронте были все) никто в плен не попал, а тут надо же, какое счастье, сам сын Сталина! Нет, антисоветчики его из плена не выпустят! Сын Хрущева в бою погиб, а сын Сталина в плен сдался! Сдался, сдался! Нет, Яков антисталинистам не погибший на поле боя нужен — он им сдавшимся в плен душу греет.

Но, главное, как следует из фильма А. Колесника, Госдеп США «забыл» передать Галине заключение немецкого медэксперта, которое тоже хранится у американцев. И которое, по счастью, изучил И. Андронов, которого американцы, не подумавши, допустили в этот архив еще в 70-х, а до него и журналист журнала «Штерн», который, надо думать, дал более точное изложение того, что в акте было написано: *«В области скулы в 4 сантиметрах от уха имеется входное пулевое отверстие размером в горошину. Повреждение черепных костей размером с чайное блюдце, с выходом частиц головного мозга. Смерть наступила мгновенно в результате причиненных повреждений»*.

И Андронов, и журналист «Штерна» уже тогда заметили, что на теле человека, которого судмедэкспертам представили как Якова Джугашвили, не было электроожогов — он был убит сзади или сбоку. Это никак не соответствует версии, по которой Яков бросился на находящуюся под напряжение колючую проволоку и был убит током. А потом только (или одновременно) в него выстрелил часовой и попал сначала в ногу, а потом подошел и сделал контрольный выстрел в голову (??). (Между прочим, этот часовой признался, что он Джугашвили и пальцем боялся тронуть). А ведь эта версия про бросание Якова на проволоку следует из справки честнейшего Гиммлера, самого надежного свидетеля ФСБ и Госдепа. Иона Андронов делает правильный вывод, что все разговоры про то, что Яков бросался на проволоку или обстреливался часовым, являются ложью — он был убит сбоку или сзади.

Я дополню Андронова. Версий убийства этого заключенного, рассказанных немцами и «надежными свидетелями» ФСБ, много: от той, по которой «Яков» поссорился с ирландцами и выскочил из окна барака, до той, по которой он после вечерней прогулки отказался возвращаться в барак и потребовал к себе коменданта лагеря Заксенхаузен штандартенфюрера Кайндля. Во всех случаях присутствует выстрел охранника из винтовки с примерно 60 метров. Но винтовочная пуля пробила бы с такого расстояния и обе скулы насквозь по прямой, а не срикошетировала в мозг. Следовательно, выстрел мог быть сделан только из пистолета, поскольку только из него можно было выстрелить в голову снизу вверх (так, собственно, и проводят казнь опытные палачи). И Иона Андронов абсолютно прав, считая, что заключенный был убит расчетливо и умышленно, а все эти версии про его бросание на проволоку — ложь. Андронов, между прочим, убедил в этом и автора фильма А. Колесника, что еще больше подтверждает сомнения Артема Сергеева.

Есть еще одно важное обстоятельство. У Якова была примета, по которой его безусловно можно было идентифицировать. Немцы при своей разведке в СССР, на которую работал даже нарком НКВД Ежов, без сомнений, все знали о семье Сталина, наверняка имели фотографии всех членов его семьи, в том числе и Якова. Но только со времени, когда Сталин стал явно выделяться в сонме остальных вождей СССР, когда он начал представлять особый интерес. Поэтому немцы могли и не знать, что в 1926 году Яков совершил попытку к самоубийству и выстрелил себе в область сердца. Ему делали операцию, и у него оставался после этого случая шрам на груди. Так вот, немецкий медэксперт, осматривавший тело якобы Якова, не отметил на нем

не только электроожогов, но и этого шрама. А ведь этот эксперт СС понимал, что если его вызвали определить причину смерти заключенного концлагеря, то это очень важный заключенный и Рейху очень требуется не только само заключение, но и возможность впоследствии связать это заключение со смертью не кого попало, а определенного человека.

И еще о понятном. Если сын Сталина сдался в плен, то почему немцы не использовали его образ для широкой пропаганды, в которой они были мастера и в которой шли на риск? Скажем, в Катынском деле они даже международную комиссию пригласили для обозрения ими же убитых поляков, а его прятали. Почему к сыну Сталина не приглашали комиссии того же Красного Креста? Почему не показывали его иностранным корреспондентам? И обратите внимание на почерк немцев: перед своим поражением они все документы по Катынскому делу сожгли, а председателя комиссии немецкого врача Бутца пристрелили (уничтожили доказательства своей невиновности?). А в деле с Яковом Джугашвили *«лагерное дело с актом о смерти военнопленного хранилось в сейфе коменданта, но при эвакуации было уничтожено вместе с другими документами»*. Комендант лагеря знал, что с него спросят за смерть сына Сталина, но сжег оправдывающие его, коменданта, документы о том, что это был как бы несчастный случай? Документы «лагеря смерти» Освенцима, в котором немцы как бы уничтожили 4 миллиона евреев, немцы не сожгли и оставили нам в целости, а дело о Якове Джугашвили сожгли?

Ну почему, действительно, немцы не сняли «Якова Джугашвили» для своей кинохроники, почему не продемонстрировали его голос по радио (хотя записали голос того, кто выдавал себя за Якова на магнитную пленку), почему не дали его портрет на обложки глянцевого журналов? Ведь это был у них в плену единственный сын из детей всех глав воевавших с ними государств!

Правда, в фильме А. Колесника сообщается, что Сталину якобы нарком НКГБ Меркулов и начальник Разведывательного управления РККА Голиков сообщили, что немцы по радио передали, что в 2 часа дня выдадут в эфир допрос Якова. Сталин якобы неизвестного числа неизвестного месяца послушал немецкое радио и опознал голос сына. Это убедительно. Вернее, было бы убедительно, если бы это мог подтвердить убитый Хрущевым Меркулов. А Голикова сняли с должности начальника Разведывательного управления РККА в самом начале войны, и к моменту исчезновения Якова он возглавлял не Разведупр, а миссию в Англии — ему было не до слушания радиопередач с Берлина. Да, теперь на них, не оставивших воспоми-

нений, можно валить все что угодно, но насколько эти чьи-то пересказы можно воспринимать как факты? Передача немцами по радио допроса Якова обязательно была бы записана с эфира на пленку или пластинку и НКГБ, и Разведупром, хотя бы для изучения того, добровольно Яков говорил или немцы его вынуждали. И эта запись хранилась бы при деле Якова Джугашвили в архиве ФСБ. Однако никаких следов ничего подобного нет и, как писал А. Сергеев, и не было. Есть только обилие листовок и ни одной подлинной фотографии, ни метра кинопленки, ни сантиметра исходной фотопленки, ни сантиметра магнитофонной пленки.

Теперь о последнем бое Якова.

Начну с вопроса, почему, начиная от Геббельса через Хрущева к настоящему Западу с его местными прихлебателями, все так рвутся доказать, что Яков был в плену? Согласно дисциплинарному уставу Красной армии, бойцы Красной армии в плен не сдаются, но в плену должны вести себя подобающим образом. Возникает вопрос, а как, не сдаваясь в плен, в плену оказаться, чтобы вести себя подобающим образом? В плен можно попасть, и разница между «попасть» и «сдаться» в том, что сдающийся бросает оружие, когда может им действовать, а попадающий в плен действовать оружием уже не может. Поясню отношение Советского Союза к этой разнице на примере тех лет.

По окончании Советско-финляндской войны, практически всего за год до начала Великой Отечественной, пленных Красной армии обменяли на финских, и 28 июня 1940 года Берия доложил Сталину:

«В Южском лагере содержится 5175 красноармейцев и 293 чел. начсостава, переданных финнами при обмене военнопленными. Оперативно-чекистской группой выявлено и арестовано 414 человек, изобличенных в активной предательской работе в плену и завербованных финской разведкой для вражеской работы в СССР. Из этого числа закончено и передано прокурором МВО в Военную коллегия Верховного Суда СССР следственных дел на 344 чел. Приговорены к расстрелу 232 чел. Приговор приведен в исполнение в отношении 158 чел.

Бывших военнопленных в числе 4354 чел., на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет.

Бывших военнопленных в количестве 450 человек, попавших в плен, будучи ранеными, больными или обмороженными, в отношении которых не имеется компрометирующих материалов, освободить и передать в распоряжение Наркомата обороны».

Таким образом, к попавшим в плен (раненым, обмороженным и т. д.) вопросов не было — это герои, и их опять вернули в Армию. С предателями тоже вопроса не было — к стенке! А вот к тем, кто не смог объяснить, почему он прекратил действовать оружием, вопрос был: солдаты Красной армии в плен не сдаются. Это уже к концу войны советское правительство приняло соответствующее постановление, и территория Германии заваливалась листовками о том, что Советский Союз своих пленных прощает, но в начале войны все было наоборот — сдача в плен пресекалась жестоким образом. И если Яков Джугашвили, не имевший ранений, оказался в плену, то он был «подозрительным по обстоятельствам пленения» и в начале войны подлежал наказанию.

В фильме А. Колесника Герой Советского Союза А. Щербаков оправдывает Якова тем, что он, дескать, был необстрелян и растерялся в первом бою. Действительно, есть мнение, что, настоящий это солдат или трус, становится ясно только в третьем бою. Мой отец, провоевавший всю ту войну и четырежды раненный, говорил, что на передовой страшно первые три дня, а потом привыкаешь. Однако Яков был далеко не мальчик, это был вполне сформировавшийся мужчина, кроме того, мужчина, который однажды уже решался на самоубийство, то есть это был отнюдь не рохля и по меньшей мере весьма самолюбивый человек, если не гордый. Что касается его необстрелянности, то и это объяснение не проходит: к моменту своего последнего боя он уже воевал не один день. А за бои у речки Черногостица 7 июля, за 9 дней до своего последнего боя, был представлен к правительственной награде.

И если бы Яков действительно попал в плен, то для него было бы очень важно, чтобы он был ранен или хотя бы контужен. Но в протоколе допроса «Якова» об этом ни полслова. Мало этого, по показаниям, данным уже советской контрразведке, сотрудник немецкой разведки В. Рейшуле при первом допросе увидел привезенного в штаб Бока «Якова» в гражданской одежде, очень удивился этому и специально задавал ему вопросы по этому поводу. И, как следует из протокола допроса, изготовленного немцами, «Яков» показал об обстоятельствах своего пленения следующее:

«— Вы сдались добровольно или вас захватили силой?

— Нет, не добровольно, меня взяли силой. 16 июля наша часть была окружена. Наши бойцы отбивались до последней возможности. Потом возле меня никого не осталось. Я решил найти командира дивизии, но командира не оказалось возле его автомобиля. Вокруг машины собрались красноармейцы из вспомогательных подразделений. Она все обратилась ко мне: «Командир, веди нас в атаку!». Я повел их в атаку. Началась сильная бомбежка. Затем — ураганный артобстрел. И снова я очутился один. Я собирался пробиться все же к своим и уйти вместе с ними. Но тут ваши окружили меня вдруг со всех сторон. Откровенно говоря, я бы застрелился, если бы своевременно обнаружил, что полностью изолирован от своих».

Кто-то может себе представить, о чем этот «Яков» рассказывал? Он ведь не знает ни в каком полку служил, ни в какой должности. (Согласно международным положениям о плененных пленного имеют право расспрашивать, а пленный обязан сообщить свои установочные данные, место службы и должность.) Видимо, в документах, снятых с убитого Якова, об этом ничего не было, а немецкая пехота, подобравшая их, не удосужилась этот вопрос выяснить у остальных пленных, в результате в штабе фельдмаршала Бока ничего об этом не знали и ничего умного придумать не смогли, в связи с чем и отделились общими словами. Так «Яков» и кочевал по немецким пропагандистским службам как просто «артиллерист», капитан, а не как командир батареи 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии. Ну, и остальная часть допроса тоже какой-то бред. Чего он, командир батареи гаубичного полка, вдруг побежал бы к командиру дивизии? Какая атака? Как это он вдруг выяснил, что «изолирован от своих», так внезапно, что не успел застрелиться? Немцы ему на голову упали?

А в упомянутом фильме последний бой Якова умышленно смят, хотя у А. Колесника был очень важный свидетель — ординарец Якова А. Ковалев. Начало его показаний вызывает доверие: Яков получил задачу переместить батарею ближе к линии фронта и на рысях повел ее выполнять задачу, хотя ординарец трусил и отговаривал его от этого. (Оставшуюся без лошадей одну гаубицу Яков приказал подцепить к бронемашине приданного ему взвода бронемашин и также везти к новой огневой позиции.) Колонну отбомбила немецкая авиация, ординарец видел, как от взрыва бомбы упали вместе с конями Яков и адъютант. Уж если взрыв свалил обеих лошадей, то он был очень близко к ним и всадникам, следовательно, от близкого взрыва бомбы по Якову и адъютанту должны были ударить и осколки авиабомбы. Однако ординарец сообща-

ет, что Якова всего лишь «оглушило», но с чего он взял? Ответа нет, поскольку показания ординарца режиссером фильма тут же обрываются как раз на том месте, где ординарец обязан был бы рассказать, почему он не помог всего лишь «оглушенному» Якову, ведь это было его обязанностью ординарца! (Видимо, и ординарец начал что-то говорить вопреки «генеральной линии», возможно, то, что он, увидев упавшего Якова, просто сбежал.) Таким образом, достаточно надежно установлено, что командир батареи 14 гаубичного полка Яков Иосифович Джугашвили лично повел колонну батареи на новую огневую и последний, кто видел действительно Якова Джугашвили, свидетельствует, что после близкого взрыва авиабомбы Яков упал вместе с конем.

Нет, Евгений Яковлевич, ваш отец пал в бою, а тот «Яков Джугашвили», что на листовках и в лагере военнопленных, был таким же сыном Сталина, как и «племянник Молотова» — племянником. И немцы, используя того «Якова» до конца, чтобы не нарываться на очень громкое разоблачение, которое могло произойти случайно, сами его пристрелили. Настоящего сына Сталина они бы берегли как зеницу ока, тем более в 1943 году.

Если вам приходилось читать воспоминания наших солдат, сдавшихся немцам в плен, а потом сбежавших на Запад (воспоминания, не корреktированные пропагандой Хрущева, обязывающей всех писать о «неимоверных страданиях» трусов, сдавшихся в плен), то после Сталинграда наши пленные зажили в Германии прекрасно — отношение немцев к нашим людям резко изменилось: немцы начали бояться расплаты. Скажем, такие строки воспоминаний Ф. Черона: *«Питание пленных начиная с 1943 года намного улучшилось. Поражения на восточном фронте начали поворачивать немецкие умы: на всякий случай надо было лучше обращаться с "унтерменшиами"». И вообще, с отступлением немцев из Советского Союза пленным становилось лучше. ...В 1943 году начали платить и пленным. В некоторых лагерях, по слухам, платили уже в 1942 году. Но в этой части Германии, то есть в Саксонии, это было в 1943. ...Это было в самом конце 1943 или в начале 1944. Отношение немцев к пленным итальянцам было, пожалуй, хуже, чем к советским пленным на этой стадии».* Он приводит и такой случай. Наши «бедные пленные» работали на военном производстве (помогали немцам убивать советских граждан), привели к ним свежего пленного, как следует из воспоминаний, молодого москвича. Он решительно отказался работать. Все подумали, что немцы отошлют его в исправительный лагерь (на каторгу), где его и уморят, как

немцы обычно делали раньше. А немцы отправили строптивца уборщиком помещений в барак к пленным польским офицерам. Немцам было уже не до издевательств и не до убийств.

Существует мнение, что слова Сталина: «Я солдата на фельдмаршала не меняю» — выдумал А. Чаковский. Однако я думаю, что что-то похожее обязано было быть на самом деле. И в фильме Колесник дает тому доказательства, пусть и не много. Полагаю, это была последняя попытка немцев использовать это подставное лицо для целей боевой пропаганды. Конечно, немцы «Якова» на самом деле не обменяли бы ни на кого, поскольку это был не Яков, их цель была попроще — спровоцировать Сталина на переговоры об этом обмене сына, а потом об этом сообщить всему миру, но, главное, советским солдатам на фронте. Е. Я. Джугашвили в своем интервью совершенно точно объяснил мотивы Сталина: *«Обмен незамедлительно вызвал бы негативную реакцию как в тылу, так и на фронте, подорвав тем самым обороноспособность страны»*. Но это не все. Сталин не мог выдать Гитлеру на расправу ни Паулюса, ни кого-либо из немецких генералов. Как бы немецкие генералы после этого сдавались нам в плен? А немцы Паулюса расстреляли бы без колебаний, поскольку они генералов и за меньшее расстреливали, скажем, за принятие на вооружение некачественного взрывателя для торпед или отход, несмотря на приказ «держаться», и за оставление врагу артиллерии.

И когда у немцев авантюра с обменом «Якова» не выгорела, то они его пристрелили не только за ненадобностью, но и потому, что он становился опасен. Мог при слухах о наших победах запаниковать (ведь по натуре это был предатель — трус) и «расколоться» товарищам по бараку, выдав всю авантюру.

Так что, Евгений Яковлевич, не знаю, как вы это воспримите, но если смотреть на все факты вместе и не слушать ни кухонные, ни геббельсовские, ни хрущевские, ни американские «единодушные и не скандальные» выводы, то ваш отец пал в бою, бесстрашно командуя батареей, и в плен не сдавался.

СОДЕРЖАНИЕ

22 июня. Кто виноват?	6
Стратег и завистник	11
Штришок к портрету Сталина	18
Молниеносная война	21
Немецкие офицеры и воинский долг	232
Генералы для прошедшей войны	253
Инцидент в Майнيله	304
Военное доктринерство	317
Армия поручиков Голицыных	329
Генерал С. М. Честохвалов и другие	338
Историк-«профессионал» А. Исаев	347
Битый вынужден брехать	359
Сын Сталина Яков и честнейшие немцы	364
Как погиб Яков Джугашвили	465

Массово-политическое издание

Мухин Юрий Игнатьевич

КРАСНАЯ АРМИЯ. ПАРАД ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Редактор Н.В. Мезина

Художник Б.Б. Протопопов

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 02.04.16. Подписано в печать 04.05.16.

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная.

Печ. л. 15 Тираж 1500 экз. Заказ №